24п
590

Е.А. Буланов

Собрание сочинений

6

Electronic version of 2015

Bukidnon University

Created by free version of 2PDF

94Л
Б59

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАРАГАНДИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Е. А. БУКЕТОВА

Е.А. Букетов

Собрание сочинений

В шести томах

Том 6
Первая книга

Караганда
2006

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ББК 84
Б 90

Букетов Е.А.

Б 90 **Собрание сочинений: в 6-ти томах**. Т.6. книга 1. / Е.А. Букетов;
Караганд. гос. университет им. Е.А. Букетова;
Ред. кол.: Е.К. Кубеев (гл. ред.) и др. – Караганда, 2007, 424 с.

ISBN 9965-442-63-0 (Т6)
ISBN 9965-442-03-7

722731

Шестой том собрания сочинений Е.А. Букетова состоит из двух книг. В первую книгу включены два произведения: автобиографическая повесть «Шесть писем другу» и начало незавершенной трилогии об академике К.И. Сатпаеве «В орбите кочевок», оставшееся в рукописном виде.

ББК 84

Редакционная коллегия:

Кубеев Е.К. (гл. редактор),
Адекенов С.М., Ашимов У.Б. Бектурганов Н.С., Букетов К.А., Буркеев М.Ж., Жумашев Р.М., Малышев В.П., Масалимов А.С., Молдахметов З.М., Тахан С.Ш., Толымбеков М.Ж.

Б 4702010200
00 (05) – 07

Акад. Е.А. Букетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті
ғылыми кітапханасы

ISBN 9965-442-63-0 (Т6)
ISBN 9965-442-03-7

© КарГУ, 2007

Buketov university
Created by free version of 2PDF

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой том собрания сочинений академика Е.А. Букетова включает значительную часть его обширного литературно-художественного наследия на русском языке. Объем и жанровый состав материала продиктовал необходимость его группировки по двум книгам.

Книга первая содержит две повести - «Шесть писем другу» и «В орбите кочевок», различных по своей структурной организации, но пронизанных общей стилевой тональностью. «Шесть писем другу» – взволнованное автобиографическое произведение, выполненное в лучших традициях эпистолярной формы и рассказывающее о сложном пути личностного и профессионального становления ученого. «Шесть писем» точно обозначают основные вехи на этом сложном пути. За вымышленными именами, благодаря точным и метким характеристикам, легко угадываются реальные фигуры советской эпохи.

Человек и эпоха – главный фокус повести «В орбите кочевок», представляющий первую часть незавершенной трилогии об академике К.И. Сатпаеве. Редакция сочла необходимым учесть авторскую волю и опубликовать под названием, сохранившемся в рукописи, ибо оно несет в себе центральный лейтмотив произведения. Каждый человек, как и народ, имеет свою орбиту, подобно звездной на небосклоне, свой путь, предначертанный свыше и определяемый конкретными деяниями. Повесть демонстрирует новые пласты литературного дара Е.А. Букетова – тяготение к большой эпической форме, где свободно пересекаются прошлое и настоящее, а детально выписанный этнографический колорит и тонкие психологические характеристики соседствуют с проникновенным описанием природы. «Шесть писем другу» и «В орбите кочевок» окрашены ярко выраженной лирической тональностью, несущей в себе авторское видение мира и человека.

Книга вторая – разножанровая по составу, показывающая разные грани творческого наследия Е.А. Букетова. Она включает рассказы, очерки, эссе, статьи, рецензии. Совершенно неожиданен «Рассказ А.А. Плетнева о том, как он вора поймал», выполненный в сказовой форме, сочетающей драматическое и комическое начала. Очерк «Святое дело Чокана» свидетельствует не только о прекрасном знании исходного документального материала, но и собственном, прочувствованном осмыслении его. Монументальна личность академика К.И. Сатпаева в одноименном очерке. А эссе «Его интересно было слушать» и «Сергей Исакович Никитин», живо воссоздающие запо-

Created by free version of 2PDF

минающиеся фигуры бурятского и русского писателей, контрастируют с неожиданной лирической тональностью научно-популярного «Нефть, уголь и вода в химии и энергетике». Редакция полагает важным публикацию трех ранних статей, посвященных проблемам теории и практики перевода, не утративших свою актуальность почти полвека спустя. Театральные рецензии и кинорецензии, несмотря на то, что посвящены культурным явлениям своего времени, во многом поучительны для современных критиков, работающих в этих жанрах, по чистоте жанрового канона, где объективность подхода, а не субъективно-личностные пристрастия определяют суть оценки.

Необходимость подобного издания назрела давно. Оно – лучшее свидетельство многогранности таланта человека, прозванного в народе казахским Ломоносовым, и дар нашего глубокого почтения и памяти его имени.

Buketov university

Created by free version of 2PDF

ШЕСТЬ ПИСЕМ ДРУГУ

Если хочешь быть в ряду разумных, то раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, не достойны ли были твои поступки раскаяния, соответствовали ли они благу и разуму...

Абай «Слова назидания»

...Любовь к науке – это любовь к правде, поэтому честность является основной добродетелью ученого.

Л. ФЕЙЕРБАХ

Письмо первое

Дорогой друг!

Говорят, командировка – иначе проведенный отпуск. Ни доли, ни полдоли правды в этой шутке, к сожалению, не нахожу: изнываешь в приемных начальников – редкий из них успевает принимать в назначенное время, беспокоишься сряду о нескольких делах, требующих одновременного и безотлагательного решения почему-то именно в этот приезд, а вечером в гостиничном номере появляются озабоченные молодые люди с вопросами, которые, по их пониманию, ждут сугубо научного решения, и в этом, опять же по их убеждению, только твой ученый друг должен сказать веское слово. Пребывая в такой вот круговерти, начисто сбившись с привычного ритма жизни, не успеваешь заглянуть даже в газеты. Все это пишу тебе, друг мой, к тому, что хочу смягчить твое сердце, накопившее немалую обиду за долгое мое молчание.

Помнишь, как я, отвечая на твои любознательные вопросы, сказал, что труд ученого – это такой род умственной работы, которая захватывает все существо человека, и поэтому она редко укладывается в рамки установленного трудового восьмичасья; мало того, сказал я тогда, она, эта работа ученого, смешивает часы сна с часами бодрствования, беспорядочно, капризно, деспотично меняя их местами. Ты тут же парировал, что это называется вдохновением, это и есть те муки, которые приводят к высям творений. Помню твою лукавую улыбку: «Не

Created by free version of 2PDF
Buketov University

присваивай только себе присущее всем людям творческого труда!». Я, помнится, тогда же честно признался, что и не думал о том, что возвышенное слово «вдохновение» может иметь отношение и к нам. Только вот не знаю, как это состояние реализуется (будем говорить научно) в тех случаях, когда мы говорим «о наших работах», поскольку ныне коллективное творчество стало характерной особенностью серьезных научных изысканий. Вот этого ты, мой дорогой писатель, может, и не поймешь. Ведь ты – тот самый «кустарь-одиночка», который двигал науку недавнего прошлого, а теперь сохранился лишь в некоторых редких областях художественного и научного творчества. Все это ты и сам мне говорил: главную роль в общем деле века, когда наука стала производительной силой общества, играют не люди типа чеховского умно-брюзжащего Николая Бонара и не те, что идут чуть ли не с мечом сокрушать преграды косности, а скромные труженики, умеющие занимать строго определенное подобающее им место в группе людей, которую мы теперь называем творческим коллективом.

Когда мы говорили обо всех этих вещах, ты называл почему-то трудовую жизнь научных коллективов возвышенно – «особым миром». При этом ты старался внушить мне, будто твой друг – какая-то «величина» в этом «особом мире» и тебя приводят в восторг те пять десятков изобретений, одно открытие, шесть монографий, числящиеся в списке моих научных трудов. Ты не обращаешь внимания на то, что они – плод коллективных усилий, пусть даже при моем ведущем участии. Меня коробят твои похвалы, но я прощаю тебе эту слабость, хотя бы потому, что такое свойство было присуще самому Пушкину, ставившему выше себя из-за личной приязни многих средненьких поэтов-современников; эту душевную щедрость больших людей точно выразил Маяковский, обращаясь к Горькому: «Вы и Луначарский – похвалы повальные, добряки». Видишь, на какие сравнения ты нарвался своими излишними восторгами. И все же тебе придется примириться с тем, что имя твоего друга никогда не будет упоминаться в учебниках как ученого, установившего ту или иную фундаментальную закономерность окружающего мира; его сочинения никогда не войдут в золотой фонд научной литературы. Он может тешить себя скромной надеждой, что научные работники будущего при необходимости, с трудом отыскав из залежалых фондов его писания, найдут в них добросовестную научную информацию, полученную на уровне современных автору исследовательских возможностей. Думаю – достаточная награда для твоего друга и ему подобных. Так что умерь, друг мой, свои восторги, не огорчайся,

Created by free version of 2PDF

не разочаровывайся: говорю не из ложной скромности, это правда, а от нее никуда, как известно, не уйдешь.

Теперь о нашем уговоре. Ты давно предлагал мне написать о жизни, о моем опыте; писать откровенно, бесхитростно и доверительно, как это положено между друзьями. Я и этого по лености и безалаберности не делал, отделываясь лишь незначительными писульками. Теперь же думаю об этом иначе. Вот почему. Когда же я начал все-таки эти записки, почему-то все время в памяти держал твои наставления: «Слушай, почему ты не напишешь о себе, о своей работе, о своих коллегах? Это же живая история создания большой науки в бывшей «инородческой» окраине, и молчать об этом, мне кажется, преступно, позорно!» Сказал страстно, категорично. Когда же я усомнился в целесообразности описания собственных деяний, как бы тщась выглядеть значительной личностью, ты тут же ответил: «А я тебя и не заставляю делать это. Ты – это не только ты, а десятки-сотни твоих коллег, которые имеют примерно одинаковую с тобой судьбу. Погляди позорче на своих коллег, прибавь чуть-чуть воображения, и ты оторвешься от себя, но это не будет означать, что ты оторвешься от правды жизни. Просто у тебя появится возможность отбирать наиболее характерные черты твоих сверстников. То же будет относиться и к тем людям, которых ты хочешь описать, их у тебя много, они в твое повествование не вместятся, ты вынужден будешь делать из нескольких одного, отбирая от тех лишь характерные, лишь запомнившиеся черты. Тогда работа твоего воображения наиболее приблизится к окружающей реальности. Естественно, при сохранении определенной меры, подсказываемой опытом, чутьем. Так что пиши, брат, смелее – и не стесняйся. Ты пишешь мне письмо. Твои эпистолы хороши своей исповедальностью. Но в них много соленых, иногда даже пересоленных шуток, к которым мы с тобой привыкли; это сбивает с серьезного тона. Лучше вообрази более молодого писателя, очень заинтересованного твоей жизнью и твоей работой, и исповедуйся, как старший по опыту жизни и по возрасту, чуть, может быть, назидательно. Я уверен, что получится. Учти, что написанное тобой нужно, очень нужно».

И вот теперь, стремясь уложиться в начертанную тобой программу, начал думать о себе, своем деле, о людях, среди которых вращаюсь, пытаясь на все это как-то смотреть со стороны: сверху, сбоку, с отдаления и т. д. Но, честное слово, чувствую, что не могу связно рассказать о путях, которые привели меня к тем или иным жизненным и творческим результатам. Теперь уже кажется, все, что было, как-то являлось и уходило само собой. Думаю про себя над этим и все время

Created by free version of 2PDF
Buketov University

не могу избавиться от ощущения, что вспоминается почему-то не главное, а побочное, мелкое, второстепенное, попутное, копошащееся вокруг этого главного. По-видимому, не всегда даже представляю, что означает для данного вспомнившегося случая это «главное» (и в этом моя беда). Здесь, может быть, сказывается и профессия. Основное оружие в науке, которой я занимаюсь, – опыт. Научный эксперимент в идеале должен осуществляться так, чтобы при минимуме затрат в каждом опыте получить, как мы иногда говорим, максимум научной информации. Здесь нельзя упускать никакой мелочи, ибо она вдруг может стать самым главным и важным. Ведь ты не раз читал, как великие открытия получались порой из совершенно случайных, не предусмотренных наблюдений. Подобные случаи, как ты знаешь, являются любимым коньком популяризаторов науки. У нас в естественных науках существует так называемый статистический метод выведения закономерностей, когда из многочисленных данных по одному и тому же свойству или, как мы говорим, параметру выводится нечто математически усредненное. Это, наверное, для художественной типизации грубая аналогия, ибо область мышления образами требует, как ты сам говорил, особого восприятия, отхода от грубых реалистичностей в область чувства музыки жизни, гармонии окружающего. И все же такую аналогию, по-видимому, сделать можно.

Не думай, пожалуйста, что теперь, задавшись желанием писать тебе, сяду за стол, аккуратно разглажу лист белой бумаги, учено нахохлюсь, посижу, глубокомысленно вперив очи в потолок, и начну: «Я, Нурбаев Мажит Муканович, академик республиканской академии, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки и техники, кавалер орденов и т. д., и т. п., родился в ... году …», – т.е. стану писать нечто анкетного или мемуарного характера. Ничего подобного я не смогу сделать. Для того, чтобы писать в подобном плане, надо думать, сопоставлять, обращаться к архивным документам (поскольку дневников я никогда не вел) и т. д. Не имею для этого ни времени, ни охоты, скорее, охоты. Дело в том, что испытываю предубеждение против некоторых из многочисленных ныне публикуемых воспоминаний. И вот почему. Что ни говорите, человек не может изменить свою природу, он всегда остается человеком. Жизнь же сложна, и в ней повсюду острые углы, шипы и заусеницы, которые не всегда обойдешь, не ободрав себе если не кожу, то, по крайней мере, одежду. При обсуждении же задним числом происходившего вольно или невольно отбираются факты, что углы и шипы, виною которых был сам, исчезают, потому что, как говорят у нас в на-

Created by free version of 2PDF

роде, человеческая голова кругла, и обладатель ее желает выставить и собственные деяния в устраивающей самолюбие овальной, обтекаемой форме. Если бы стал чересчур сопоставлять и анализировать былое, то, возможно, из вспомнившегося исчезло бы как раз все необходимое для читателей, ибо у меня голова не менее кругла, чем у пишущих мемуары.

Буду писать тебе о своей жизни, но в этом писании, пожалуйста, не жди какой-то системы или последовательности. Начну немного издалека. Я кончил вуз, когда мне шел двадцать седьмой год. До окончания института не помню, чтобы подолгу бывал сыт. Так складывалась жизнь. Когда же, получив высшее образование, стал немного зарабатывать, я обрел наконец возможность хорошо, сытно есть. Я быстро раздобрел на радость моей маме, которая ни разу не видела ни из своего, ни из мужниного рода достаточно дородного человека. Между тем, это была ее мечта, ибо, по ее представлениям, полнота являлась показателем авторитета и, конечно, достатка. Появление живота у сына для нее более всего свидетельствовало о том, что сын выбирается в люди. Это и подвело меня. К сорока годам у меня так ослабело сердце, что врачи сказали: прежнее сильное сердце теперь не вернешь, но это теперешнее, ущербное, надо поддержать, согнав вес и увеличив физическую нагрузку. С тех пор я постепенно добиваюсь того, что могу теперь ежедневно бегать в течение тридцати минут. И вот каждое утро где-то между шестью и семью спешу трусцой по тротуару. И, бывает, улыбаюсь во весь рот. Это означает, что я вспоминаю добрую старую кобылу, которая кормила до войны кумысом всю нашу семью, всех забредших по тому или иному случаю гостей. Это была крупная лошадь с большим животом и большой головой. Бывало, мы с младшим братом впряжем ее в телегу и едем вечером, чтобы накосить на ночь ей сена. Серая трогается и сразу же с места берет той трусцой, которая была характерна только для нее: старыми ногами, потерявшими былую размашистость и силу, она перебирала мелко, неупруго. И сколько бы мы с братом ни шлепали ее кнутом по крупу, она равнодушно и спокойно отмахивалась хвостом, не меняя скорости, которую брала с места. Когда я впервые вспомнил нашу серую кобылу, то долго смеялся над собой: мне показалось, что моя трясущаяся, тяжелая, рыхлая, полная фигура с выдающимся вперед животом точь-в-точь напоминает нашу серую кормилицу в упряжке. И вот, когда я по утрам в течение получаса бегу по тротуару, мне лезут в голову всякого рода жизненные случаи в том неприхотливом беспорядке, который присущ памяти человека, накопившего с возрастом достаточное количество причудливо

Created by free version of 2PDF
Buketov University

действующих всевозможных отложений. Если это тебя устроит, я буду излагать, не мудрствуя лукаво, то, что мне будет вспоминаться по утрам. Но и тут, мне кажется, имеется деталь, которую сразу же надо оговорить. Узнав о том, что я бегаю (если топание называется бегом), один мой товарищ сказал, что в этом деле главное – настроить дыхание. Я, признаться, над этим не думал. И когда теперь, труся, вспоминаю об этом дыхании, я вмиг начинаю набирать воздух носом, выпускать изо рта, стараясь дышать не часто, т. е. делать так, как это рекомендовано в книгах. Но знаю, что до этого дышал несколько иначе, и мне не было тяжело. Я не могу уловить, как дышу, если на это не обращаю внимания. Боюсь, что получится то же с моим письмом. Когда, следуя твоей просьбе, сяду восстанавливать все, что приходило в голову по утрам, наверняка они потеряют первозданную свежесть – не обойдется без рассудочных наслоений. Но с этим придется мириться. Кто-то из писателей говорил, что честно и объективно о себе, о своем прошлом рассказал бы вслух лишь Робинзон, да и то если бы не было Пятницы. Итак, друг мой, начинаю свое повествование о себе и жизни.

Письмо второе

Дорогой друг!

Как я стал ученым? Этот вопрос часто приходит мне на ум после наших бесед.

...Перед глазами всплывают картины прошлого, которые отнюдь не давали повода к тому, чтобы мне предрекать стезю служителя науки. В пятом классе семилетней школы я полюбил учителя истории. Он имел обыкновение требовать от учеников, чтобы они дома вспомнили и записали рассказанное им на уроке (наверное, оттого, что не было учебников). И я самозабвенно предавался этому делу, стараясь перенести на бумагу все то, что излагал этот крепко сбитый, чуть выше среднего роста, широколобый, с блондинистым ежиком волос русский человек, говоривший рокочущим басом. Он, по-видимому, обладал большим педагогическим даром, ибо ученики слушали его внимательно, хотя наш класс представлял разновозрастное сборище; так, рядом со мной, двенадцатилетним мальчиком, сидел Кривенко, большой конопатый юноша девятнадцати лет, и охотников поозорничать было достаточно. Когда Иван Антонович объяснил, что труд, постепенно облагораживая обезьяну, превратил наконец ее в человека, то мне

Created by free version of 2PDF
Bukelov university

представлялось, как наш предок из поколения в поколение, не покладая рук, все трудится и трудится; как пот катится градом, медленно смывая с его тела животную грязь и растительность; как с осмысленной улыбкой он тянется к свету, к солнцу и становится наконец рослым благородным существом.

Предок мой вначале стал неандертальцем, а потом моим прапра... прародителем на шестнадцатом от меня колене, могучим Даулетаем, благодаря смелости, силе и находчивости которого существую я, ибо, как мне рассказывала моя бабушка, он спас своих детей, в том числе и моего прародителя на пятнадцатом от меня колене, от дракона, который собирался стащить их и сожрать. Так писал я в своей тетради: история появления современного человека была очень проста и убедительна.

И вот я в мечтах, достигши возраста, становлюсь учителем, причем непременно учителем истории, и, слегка наклонившись вперед, как Иван Антонович, картинно размахивая руками, рассказываю ученикам об изумительных деяниях Александра Македонского и Спартака. Я хожу в темном костюме, сатиновой косоворотке и фабричных ботинках с выдавленными на резиновой подошве красивыми, затейливыми рисунками. Словом, на уроки иду, одевшись, как мой учитель. Но у меня нет того ежика, что у Ивана Антоновича, у меня бритая голова, потому что я – казах. И вообще дома, во внеурочное время я – настоящий казах: летом ношу сшитые отцом щегольские, как мне кажется, сапоги на высоких каблуках (они шьются одинаковыми и для правой, и для левой ноги, и, чтобы не разнашивать в один бок, я, обуваясь, не забываю каждый раз менять их) и чапан, сшитый матерью, а зимой надеваю лисью шапку-тымак и сапоги-саптама, тоже сшитые отцом. У меня есть добрый гнедой конь, как у соседа, занимающего высокую должность исполнителя суда. И на этом коне, впряженном летом в легкий ходок с плетенным из отборных лоз красивым коробком-сидением, а зимой в игрушечно-удобные сани-кошеву, в свободное время я разъезжаю по своим родственникам по материнской линии, расселившимся в округе в пределах до полусотни верст, чтобы проведать и, главное, поесть ту долю яств, которую по неписаным законам каждая семья должна держать в неприкосновенном запасе на случай приезда тех или иных родичей.

Эта мечта сидела во мне крепко почти до десятого класса, иногда прерываясь различного рода мимолетными желаниями стать, например, летчиком-полярником (наслушаешься и начитаешься о Чкалове, Папанине) или поэтом, подобно Пушкину или Джамбулу (случайно

Created by free version of 2PDF
Buketov University

обнаруживаешь, что и ты мог бы рифмовать казахские и русские слова). В этих мечтах есть одна особенность. Ни один из наших учителей не имел образования выше средней школы или педагогического техникума. И моей заветной мечтой было окончить среднюю школу или педагогический техникум. Я никак не полагал, что после перехода этих заветных рубежей образования надо еще заниматься или читать. Я считал, что можно иногда читать для времяпрепровождения сказки, дастаны-поэмы, рыцарские романы (последние с упоением читал мой один друг и при каждой возможности взахлеб рассказывал о подвигах Айвенго и Ричарда Львиное Сердце). Но само по себе чтение для дальнейшего познания совершенно не входило в мои расчеты о будущем устройстве. Я уже в седьмом классе считал себя достаточно ученым, потому что до этой ступени образования в нашем ауле никто тогда не дошел. Я полагал, что, когда я кончу техникум или среднюю школу, буду настолько недосягаем в своем аульном окружении, что никакой необходимости учиться дальше не будет. Из этого заключаю, что я был довольно самолюбивым мальчиком и мои тщеславные устремления ограничились пределом стать чуть выше окружающих. Новые сведения познавательного характера, которые я получил в классе и при чтении, меня, может быть, и радовали, но эта радость была, по-видимому, мимолетной и не переходила в жажду познания. Во всяком случае, я не помню, чтобы меня тревожила последняя. Мечты об окончании техникума или средней школы однажды у меня расстроились. Дело в том, что, когда я пришел в седьмой класс, оказалось, что Иван Антонович исчез. Историю скучно рассказывал маленький человек с водянистыми глазами, говоривший с явным украинским акцентом. Вернулся Иван Антонович, когда я сел за парту девятого класса. За эти два года он окончил учительский институт в областном центре, и авторитет его перед нами возрос неизмеримо. Теперь я уже мечтал об учительском институте. Мечта эта, очевидно, была не очень навязчивой, так как, когда однажды зашел к нам в класс мой одноклассник Ковтун, до седьмого класса усердно сосавший палец и учившийся ниже среднего, а после восьмого класса уехавший работать учителем начальной школы в дальнее село, мне вдруг захотелось бросить школу и работать учителем: так завидно было смотреть на этого Ковтуна, на его фабричного покроя пальто и шапку, новые красивые валенки, которые никто из нас не носил. К тому же он, вероятно, для того, чтобы окончательно добить нас, ни разу не державших в руках более гривенника и, несмотря на это, продолжавших зачем-то пыхтеть за партой, над учебниками,

Created by free version of 2PDF

солидно достал из кармана портмоне и похрустел перед нашими глазами новенькими червонцами.

Интересно было отношение отца к моей учебе. В нашем роду вообще не было грамотных, и мой отец, несмотря на то, что никогда не брал в руки книгу, знал массу пословиц, поговорок, притч, песен и стихов акынов и в любой момент мог высыпать и с охотой высыпал нужное количество изречений на предмет «учение – свет, а неучение – тьма». Ему нравилось, что Советская власть создает условия для учебы, и он с большим жаром говорил об этом, особо распаляясь в тех случаях, когда кто-либо из собеседников глупо замечал, например, что книга и знание – не хлеб и не мясо, и ими не насытишься. И когда наша семья вместе со многими семьями нашего аула переехала из-за недорода в родных местах в граничащий с нами район Российского Приуралья, где было организованно отделение совхоза, отец мой принял решение поселиться в ближайшем русском селе, чтобы отдать меня в школу, так как в отделении ее не было. Наша семья терпела много неудобств, квартируя в проходных передних крестьянских изб и испытывая затруднения из-за невозможности свободно изъясняться (отец плохо владел русским языком, а мать вообще не знала ни слова). Правда, последняя трудность уменьшилась, когда месяца через два обнаружилось, что я легко «обрусел» и стал говорить на русском так же свободно, как на родном. Отец был, по-видимому, упорным человеком, он так и не прерывал мою учебу в течение тех трех лет, пока мы жили в Приуралье, зимой продолжая квартировать в русском селе и чеботарствуя для заработка, а летом переезжая в аул и работая в совхозе. Из десятка моих сверстников учился только один я, и в ауле друзья отца посмеивались над ним, говоря, что сын Мукана будет читать на могиле отца русский коран, смешав крест с полумесяцем. Отец, слыша такие шутки, слегка темнел в лице, но делал вид, что глупые разговоры недостойны его внимания.

Вскоре наш аул вернулся в родные степи и влился в колхоз, организованный там из нескольких родственных аулов. Теперь в нашем отделении была своя казахская четырехлетка, и мне хотелось остаться с привычными сверстниками, и учитель уже обещал меня принять в казахский четвертый класс, но отец строго посмотрел на меня и молча отвез в районный центр к дяде, работавшему конюхом в одном из районных учреждений, чтобы я продолжал учебу в русской школе. Словом, отец делал все возможное, чтобы я учился, и именно по-русски.

Created by free version of 2PDF
BulletUniversity

Это было в сентябре предвоенного года. Я учился в десятом классе и, приехав на воскресенье, помогал отцу копать погреб. Первый погреб в нашем роду, ибо до этого ни в нашем ауле, ни в нашей семье не приходилось выращивать картофель и заботиться о его хранении. Отец, шутя, отметил это. Я воспользовался его хорошим настроением и сказал, что мои одноклассники ушли из восьмого и девятого классов работать, в большинстве своем учителями, и неплохо зарабатывают. Сделав паузу, добавил, что и мне, может быть, пора помогать дому, перестав быть иждивенцем. Когда я это сказал, отец перестал копать, уперся левой рукой в лопату, указательным пальцем правой руки тщательно провел по лбу, стирая пот, и грустно посмотрел на меня своими небольшими карими глазами. Это меня поразило. Я ожидал, что взгляд отца будет таким, когда он бывал чем-то недоволен. В этих случаях тонкие губы его из-под свисающих редких усов сжимались в поперечную нитку, глаза грустно чернели, брови, сдвигаясь к переносью, принимали строгие, четкие и суровые очертания и хмуро свисали над красивым носом с горбинкой, который, казалось, горбился еще больше, легкий румянец с нешироких скул сползал вниз во впадины щек. Особенно тяжело было выдержать этот взгляд, когда он смотрел сверху, положив свою седеющую бородку на грудь. Этого неодобрения взглядом нам, детям, было достаточно, чтобы понять его неудовольствие и поступать так, как он желает. Но видеть этот сегодняшний грустный взгляд отца мне было не легче, в нем было что-то такое не то от отрешенности, не то от бессилия, что, в общем-то, не было присуще этому человеку, очень полагавшемуся на казахское «тауекель»; это слово звучало даже более оптимистично, чем русское «авось». «Как хочешь, мой мальчик, – сказал он, тихо вздохнув, – я так хотел, чтобы ты кончил десятый класс, но, видно, не судьба. Девять классов тоже неплохо, учиться девять лет подряд не каждому удается, в нашем роду, в нашем ауле я таких не знаю, – уже бодрее добавил он. – Аллах дал тебе разум, и ты неплохо учился. Теперь тебе нужна удача, да поможет аллах». Потом правой ступней глубоко вдавил лопату в землю, пошутил, глядя на меня: «А там авось и хорошая невеста найдется».

Отец неукоснительно верил в предназначения всевышнего и всегда был доволен тем, что ему предпосылал аллах. Он не жаловался на то, что аллаху угодно было забрать в свое лоно семь сыновей и одну дочь, родившихся до меня. Он был доволен тем, что аллах оценил эту кротость его, и шестеро сыновей, появившихся после меня по его милости, были живы и здоровы. Ему уже было под шестьдесят, и он, не привыкший к жалобам, все же иногда говорил своему другу Ахмету,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

что дети еще малы, а он не может по-прежнему высиживать за шитьем и починкой сапог колхозников столько, сколько нужно, чтобы зарабатывать большие трудодни, а за должность колхозного сторожа не начисляют больше одного трудодня в день. Ему и матери, также уставшей от домашних дел, от догляда за шестью сыновьями, которых она еле успевала обшить и накормить, приходилось тяжело и надо было иметь большую изворотливость, чтобы сводить концы с концами. И все же времена эти для отца и матери были не самыми худшими, чтобы прерывать мою учебу. Что-то другое тревожило отца, раз он решил изменить тому, о чем он не раз говорил своим друзьям, заверяя их, что будет учить своего старшего сына, сколько хватит сил, и повторяя при этом прослышанную где-то им истину: учеба – дело бездонное, учиться можно всю жизнь.

– Бе-е-е-у, – укоризненно вмешалась однажды в разговор моя девяностолетняя бабушка, направив на отца свои незрячие глаза: это междометие «беу» я ни от кого более не слышал, кроме бабушки: его протяжно произносила только она, когда была чем-то недовольна. – Я тебя, Мукан, не понимаю. Мальчик засохнет за этими русскими книжками и молодость свою не заметит.

Не знаю, что больше повлияло на отца: сказанное бабушкой или нечто другое, о чем мне не было известно, но я стал замечать, как отец в тот год часто говорил о том, что он уже прожил немало, что в нашем роду мужчины (женщины в расчет не брались) долго не жили, что родитель его умер в пятьдесят два года, оставив его, семнадцатилетнего, старшим среди девятерых детей, а дед умер, будучи еще моложе, и он не уверен, если не поможет аллах, сможет ли дожить до того времени, когда старшего сына (т. е. меня) женит, породнится с хорошими людьми, порадуется первому внуку. При этом он, казалось, забывал свои мечты и свои заверения учить меня, сколько хватит сил, не думая ни о чем другом.

Теперь мне почти столько же лет, сколько тогда было отцу, и становится грустно и смешно, когда я вспоминаю, как он был наивно эгоистичен и нерасчетлив в моих глазах. Он желал иметь внуков, а между тем его младший сын (тот, что теперь работает главным инженером завода) только начал ходить, и забот с детьми было больше чем достаточно, если даже старая ослепшая наша бабушка, жившая у младшего сына, весь день проводила у нас, считая, что она помогает старшей невестке приглядывать за детьми. Желание отца женить старшего сына (мне шел шестнадцатый год) прежде всего было связано с желанием породниться с хорошим человеком и, передав все хозяйст-

792731

Акад. Е.А. Бекетов атындағы
Қарағанды мемлекеттік университеті

Created by free version of 2PDF
Buketov University

венные заботы в руки женатого сына, взаимно ездить в гости, шутить, вести задушевные разговоры, а дома испытывать радость и умиление от того, как уважает и ухаживает за ним, свекром, жена сына. В этих его мечтах, овладевших им в этот год, места для моей учебы, конечно, не оставалось.

Итак, мой дорогой друг, я стал учителем начальной школы в соседнем русском селе и, будучи прижимистым крестьянским сыном, воспитанным на бережливости, всю зарплату, за исключением суммы, которую я сдавал хозяйке за харчи и уголь, приносил отцу. Деньги тогда, в предвоенные годы, были дорогими, и моя зарплата явилась большой подмогой семье. Я гордился этим, и отец тоже. Мне было только шестнадцать лет, и я, наверное, был очень плохим учителем, но над этим я не очень задумывался. Не помню также, чтобы я особенно тревожился по поводу того, что недоучился.

Началась война. Предчувствия отца сбылись: он умер в первый год войны, зимой, простудившись, когда ездил в поле за сеном. В третьем году войны все мои ровесники были на фронте. Часто приходили похоронные, их в ауле прятали, боясь показать близким и надеясь, что это ошибка. А я все еще оставался дома: два раза возвращали из района, находя какие-то затемнения в легких. Учительствовал я теперь в своем ауле, и моя бабушка рассуждала среди женщин: старшего внука не берут в армию, поскольку бог видит, что мать уже старая, а дети малые. И все же на четвертом году войны я оказался на фронте. Я считал, что и здесь мне не повезло: наши двигались к Германии, а я после глубокого пулевого ранения в плечо, провалявшись несколько месяцев в госпитале, вернулся домой до окончательного выздоровления. Пока медицинские комиссии каждый раз находили, что моя левая рука в плече недостаточно подвижна, и пока я чуть не год выздоравливал, кончилась война. Пришлось вернуться в аул учителем. Заниматься самообразованием было некогда, так как после положенных четырехпяти часов в школе приходилось крутиться по хозяйству то дома, то в колхозе, ибо надо было кормить и одевать семью, а зарплата учителя тогда мало что значила.

Неожиданно на сцену моей жизни выступила мать, дав первый и решающий толчок моей научной карьере. У матери был окованный белой жестью сундучок. Он был дорог ей как память, потому что был привезен в ее девические годы отцом с какой-то дальней ярмарки. Так вот, в этом сундучке я обнаружил письма, сочинявшиеся мною одной девочке, в которую, как казалось мне, был влюблен. Я писал ей по-русски обо всем, что было на душе, и, не без желания блеснуть, ввер-

Created by free version of 2PDF
Vitebsk University

тывал в текст запомнившееся из прочитанного или услышанного, например, стихи Есенина, которые мне взахлеб читал в госпитале один раненый солдат из Ленинграда. Девочка эта замолчала за несколько месяцев до моего возвращения домой. Оказалось, что она уехала в другую область и там вышла замуж: парень, у которого на шее пять малолетних ребят и стареющая мать, показался ей, по-видимому, незавидным женихом. Так думал я, но, может быть, я был неправ, потому что она, уезжая, совершила один сентиментальный поступок. Как рассказывала мать: было начало лета, только что переселились из землянки в шушалу, она сидела у костра и пекла лепешки. Вдруг легонько скрипнула дверь и тихо открылась; оглянувшись, увидела высокую, стройную чернявую девушку... незнакомую, но такую приятную лицом, что даже обрадовалась. Девушка стояла робко и молчала. Мать и говорит ей: «Садись, дитя моё. Рассказывай, кто ты, откуда?» Она присела, от стеснения мяла подол пиджака, будто не знала, куда девать свои руки. Потом тихо спросила: «Вы – мама Мажита?» «Да, дитя мое!» А у самой сердце екает: с добрыми ли вестями? Девушка еще немножко помолчала, вытащила из кармана какую-то связку бумаг и сказала: «Он скоро домой вернется. Передайте ему это». Встала, подала, а у самой слезы на глазах. И не успела мать отвести взгляд от связки на руках, как гостья уже оказалась за дверями. Мать быстро вышла вдогонку, а ее уж след простыл. Так и не узнала: кто она, откуда и как приехала, и как уехала.

Мать моя положила письма в свой сундучок и, ежедневно перебирая и снова складывая их, измучилась желанием как-то узнать содержание. Она никого не хотела просить в ауле прочитать их, не желая, чтобы аульные языки обсуждали секреты ее сына. И вот, на счастье, заходит однажды в нашу шушалу пожилая русская женщина в белом халате, на ломаном казахском приветствует дом и неумело садится далеко от очага. На полурусском, полуказахском справляется о здоровье детей, хозяйки дома; мать также на полурусском, полуказахском отвечает ей. Она оказалась врачом из района, приехавшим оказать кому нужно медицинскую помощь, т.к. ни фельдшера, ни врача в ауле не было. Эта женщина – врач, а может быть, и фельдшер (для матери тогда были все «дохтурами»), так понравилась, что она решила доверить ей мои письма. Она передала связку и попросила «дохтура» прочитать и рассказать содержание, но только чтобы никому она больше не говорила. «Дохтур» засмеялась и взяла. Она пришла вечером и за маминым чаем рассказала, что ничего особенного в этих письмах нет, такие письма пишут все молодые люди. Но когда она добавила, что автор

Created by free version of 2PDF
Buketov University

писем очень грамотный парень, что таких грамотных по-русски в аулах она не встречала, мать возгордилась и сказала, что иначе и не может быть, ибо ее сын чуть не десять классов кончил. «Дохтур» на это ответила, что ей, наоборот, показалось, что автор писем окончил не менее учительского института, что это очень способный парень и ему, если он вернется с фронта живым и здоровым, надо учиться дальше, что он тогда будет большим человеком. Скоро кончится война, говорила она, и тогда государство будет учить всех молодых людей, особенно фронтовиков, потому что ученые люди стране очень нужны.

С тех пор мать мою стала неотступно преследовать мысль, что вот ее Мажит вернется домой, и она его пошлет учиться, и не куда-нибудь, а прямо в Алма-Ату. Мысли о том, что нужно налаживать хозяйство, иметь вместо развалюхи-землянки хороший дом, учить остальных детей, а Мажита как старшего сына женить, отступила на второй план, и только мечта о моей дальнейшей учебе занимала ее воображение. Ей нужно было с кем-то поделиться этим, как всегда в таких случаях, она рассказала бабушке обо всем, что ей говорила ученая женщина – «дохтур». От себя же добавила, что когда кончится война и вернется Мажит, то пошлет его в город учиться: пускай выходит в люди, а пылиться в ауле хватит и остальных детей Мукана. И, как будто мысленно отсекая возможные возражения бабушки, она сказала, что после войны с голода никто не умрет, поскольку этого не происходит даже сейчас, во время войны.

– Бе-е-е-у, – ответила бабушка, – странная ты женщина, Умсун. Не гневи аллаха, надо, чтобы Мажит вернулся домой, ты об этом проси всевышнего, а там видно будет, как быть. Смотри, и ты – не молодая, Мукан мечтал о снохе, внучатах, так и ушел из жизни со своими мечтами, сколько ты еще собираешься жить полуголодной, полуодетой...

Мама почтительно замолчала и в разговорах с бабушкой к этой теме не возвращалась. Я вернулся домой и где-то недели через две устроился учителем в нашей аульной школе. Раздумывать и сокрушаться было о чем. Брат, следовавший за мной, шестнадцатилетний Сагит, уже не учился, работал в колхозе. При таких обстоятельствах я совершенно не думал о своей учебе, надеясь еще и на то, что успею выздороветь, попасть на фронт и побывать в Европе. Но однажды мать, сидевшая за шитьем, посмотрела на меня своими зеленоватыми слезящимися глазами, потом закрыла их. Она всегда делала так, когда хотела сказать что-то серьезное и заветное.

– Мажит, тебе надо учиться. Отец так хотел, чтобы ты учился, но у него не хватило сил, да и война началась... А теперь наши победили,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

жизнь будет хорошей, и ты должен учиться. Аллах в этом тебе поможет.

– Ты это, Умсун, с аллахом сама договорилась? Учиться еще успеем, надо хозяйство наладить, братишек одеть, может, выздоровлю, на фронт успею... – сказал я тоном старшего, чуть насмешливо и назидательно.

Этот мой тон и обращение по имени были привычны для нее, ибо я не считал себя ее сыном, поскольку в раннем детстве рос на руках у бабушки, и она меня научила такому обращению. Бабушка еще хвасталась тем, как хорошо она сделала, забрав Мажита к себе, оттого он сохранился, вырос здоровый и большой, оттого перестали у Мукана умирать дети. Мать наклонилась, и иголка в ее руках продолжила свой бег, я же, считая разговор законченным, стал было натягивать на ноги сапоги, как заметил, что мать снова выпрямилась, отложив шитье в сторону, и снова закрыла глаза, что означало продолжение разговора. Сидела она, подобрав ноги калачиком, как сидят мужчины, ибо, будучи вдовой и старшей в доме, имела на то право, и когда ладони ее жестких, маленьких, почерневших рук легли на ее колени, она стала похожа на Будду, знакомого из учебников истории.

– Послушай, сын мой! – сказала она, и в ее голосе я почувствовал незнакомую до этого властность, хотя он звучал так же мягко, как обычно, но была иная интонация, по-иному, в растяжку звучали слова, в особенности – «сын мой», которые она в мой адрес произнесла впервые. – Я теперь и отец, и мать. Это моя воля. Ты о нас не беспокойся, наша власть недаром победила, и она никому не даст ни голодать, ни умереть. И отец всегда говорил, что наша власть любит тех, кто учится.

И мать, как ни в чем не бывало, снова взялась за шитье. Я засунул портянки в голенище и отбросил сапог обратно. Я почувствовал, что это говорит не тетя Умсун, а моя мать, которая ни разу не напомнила мне о том, что она выносила меня девять месяцев, выкормила священно-белым молоком своей груди и всю жизнь души не чаяла в заботах обо мне, как это не однажды можно было слышать от других матерей. На этот раз она говорила об этом не словами, а тоном, голосом, назидательной краткостью и значительностью сказанного, что к этим ее словам надо отнестись серьезно и вдумчиво.

Признаться, я не был достаточно высокого мнения о своей матери. И не только под влиянием бабушки, а еще и потому, что ни разу не видел, чтобы она при жизни отца поднималась выше сварливых жалоб на детей; легко могла поколотить всех, кроме меня, потому что я был, как бабушкин воспитанник, неприкосновенен для нее. Каждому из мо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

их младших братьев доставалось порядком, при этом она громко жаловалась на природу, не давшую хотя бы вместо одного из этих пострелят девочку, которая была бы послушной и хорошей помощницей. Я считал, что она могла бы поменьше шуметь. Кроме того, мне показалось, что она безрасчетно истратила все нажитое отцом на его поминки, которые справляла не по нашим возможностям. Наверное, я был не совсем прав, ибо в народе издавна говорилось: «Смерть близких богатым скот убавляет, а бедных на голод обрекает». Так уж повелось, что ни один казах не жалел средств на поминание умершего. И все же было больно и обидно, когда мать уговорила меня выменять воз сена на барана, чтобы отметить годовщину со дня смерти отца, и как раз из-за нехватки весною этого воза сена не выжила наша старая серая кобыла. Впервые, насколько я себя помню, у нас в то лето не булькал в турсуке кумыс и в доме по вечерам не щекотало ноздри от приятного запаха начавшего бродить кобыльего молока. Я был невыдержанным и порой резко (о чем до сих пор вспоминаю со стыдом) укорял мать за безрасчетность, но она отвечала спокойно и просто: «Коль так рассудил аллах, он и поможет». И продолжала шуметь на младших, занимаясь каким-либо делом, и я ни разу не видел ее сидящей сложа руки. Во всем остальном, кроме отношения к моим братьям, она была удивительно спокойна. Я полагал, что это спокойствие от веры в аллаха, не принимающего, как я знал, никакого участия в нашей жизни, и приводит ее к безответственности в земных делах. И меня часто подмывало сказать ей что-нибудь обидное, уничтожающее, оскорбительно-колкое. Но у меня все же хватало чувства такта и выдержки не трогать то, что было свято для матери и всех старших. Кроме того, я знал, как она любит и умеет любить.

Когда умирает близкий, в особенности муж, женщине принято рыдать с причитаниями, ее голос должен выделяться, и она с громким плачем должна встретить каждого, явившегося с выражением соболезнования. У моей матери, когда умер отец, казалось, пропал голос, такой громкий в обращении с моими братьями. Она плакала и говорила слова печали, будто рассказывала ровным голосом, чуть нараспев какую-то трогательно-жалобную историю. Впервые моя мать предстала передо мной не сварливой и шумной тетушкой Умсун, а женщиной, умеющей с достоинством и мужеством встретить любые трудности и несчастья. И в том, как она читала нараспев в традиционном плаче и как отвечала на соболезнования, казалось, только одно печалит и беспокоит ее, это то, что муж умер рано, не повидав сыновей взрослыми и не испытав полностью счастье отцовства. Казалось, она не обращала

Created by free version of 2PDF
Buketov University

внимания на то, как соболезнующие часто, не находя других слов, говорили: надо быть мужественнее, дети вырастут, ибо сирота с отцом, но без матери – это настоящий сирота, а с матерью, хоть и без отца – это сирота-баловень и т. д. Но мне запомнилось, как однажды кто-то из пришедших слишком жалел нас, детей, гладил каждого из моих братьев по голове, называя сиротами (во всем этом чувствовалось что-то фальшивое и ненастоящее), а мать утерла слезы и нараспев, спокойно сказала:

Ушел наш кормилец, муж и отец,
Аллаха любимец – земли нежилец.
Разве оставит всевышний детей
Того, кто уже в благодати небес.
Жалость земных им совсем не нужна,
Без милости их не оставит творец.
Есть братья отца, есть у них я –
Сиротливой не будет Мукана семья.
Лишь жалко отца, ушел, не видав,
Как батырами стали его сыновья.

Я знал, что у матери было развито чувство юмора, ибо часто слышал, как она, вставив какую-то складную фразу в общий разговор в семье, за дастарханом или когда приходили друзья отца, заставляла всех смеяться: особенно долго заливалась при этом, кашляя и харкая, наша бабушка. Но что она так легко складывает слова в рифмы и это у нее может получаться удивительно гладко и умно, я заметил впервые в дни похорон и поминаний отца.

За этими скупыми словами, за этим плачем без излишнего крика, без надрыва, мы, дети, чувствовали, как глубоко она переживала смерть человека, с которым она прожила более тридцати лет, родив ему четырнадцать детей. Я заметил, как через месяц после смерти отца повис на ней мешком бархатный камзол-безрукавка, так ладно облегавший ее плотное тело. Я понимал и, находясь на фронте и в госпитале, не раз думал о том, что за внешней эмоциональной скупостью она, моя мать, умеет скрывать глубокие переживания. Так было и тогда, когда я уходил в армию. Моя бабушка плакала и причитала, прося аллаха сохранить ее Мажита. Мать же не проронила ни слезинки, только сурово стало ее лицо да гуще собрались складки над ее верхней губой. И лишь когда она, подойдя ко мне, прикоснулась губами к тыльной стороне моей ладони (вообще я не помню, чтобы до этого она ко мне прикасалась) и, подняв голову, поглядела на меня, ее зеленоватые глаза

Buketov University
Created by free version of 2PDF

чуть помутнели от подступивших слез. Ни крика, ни причитаний. Как будто не ее сын уезжал чуть ли не на верную смерть.

И сейчас сидит она передо мной, сказав давно ею обдуманное и подготовленное. На ней бархатный камзол, которым она особенно дорожила, ибо он был сшит из материала, купленного на одну из моих первых зарплат. Камзол этот она очень хотела сберечь для праздничных случаев, но не смогла, так как вся обносилась, и он теперь, лишившись во многих местах былого ворса с блеском, висит на ней еще более просторным мешком. Тонкая, затейливая паутина морщин веером разошлась по белым щекам, разрыхлив их и согнав с них довоенный румянец и, обойдя глаза, превратила в мятый пергамент кожицу ее выпуклого, некогда плотного подбровья. Видно было, как эта паутина морщин переходила через редкие и рассыпчатые брови дальше на лоб под кимешек, который постоянно закрывал его. Резче и глубже обозначились вертикальные складки над верхней губой, появившиеся после смерти отца, и теперь они собирались в гармошку под ноздрями, когда мать сжимала рот. Красные веки, будто две слезящиеся ранки во внутренних углах глаз. Из-за красноты век совсем были не заметны ее когда-то пушистые светлые ресницы.

Я, казалось, видел впервые, что передо мной сидит не шумливая, неуемная, острая на язычок тетушка Умсун, а маленькая сморщенная старушка, моя старушка-мать, остался от той, какой она была три-четыре года назад, только жемчужный ряд ничем не тронутых, ослепительных белых зубов. А ведь ей едва минуло пятьдесят лет. В такую старушку она превратилась после смерти отца в заботах о том, чтобы я и мои братья не выглядели оборванцами-сиротами, безотцовщиной. Ее слезящиеся глаза – результат ночных бдений над сальной свечой (керосин бывал не всегда) с тем, чтобы заживить, залатать одежки ребят, успевавших за день понаделать дырки в рубашонках и штанишках, скроенных и сшитых ее же руками из различного старья. Среди этих ребят был и я. Помню, как до моего ухода на фронт мать сняла с гвоздя старый чапан отца, долго сидела над ним (я заметил, как на чапан капнули две-три слезы: она очень хотела сохранить чапан как память об отце), потом решительно распорола его и, вывернув ткань наизнанку, сшила мне фуфайку. Дня через два или три в свалке один мой приятель порвал фуфайку. Когда пришел домой, мать посмотрела на нее, чуть потемнела в лице, но ничего не сказала и за ночь посадила латку из остатков того же отцовского чапана.

Все это я передумал, все это промелькнуло передо мной, когда, отбросив свой солдатский сапог к печи, сел, спрятав голые ноги под

Created by free version of 2PDF
Buketov University

себя. Сколько раз приходилось пререкаться с матерью по разным житейским мелочам, доказывая обратное тому, что она говорила, пререкаться до тех пор, пока она, почувствовав свою неправоту, не замолкала, сказав: «Ты взрослый парень, пусть будет по-твоему, но потом чтобы не стыдился...» – или когда, считая себя правой, прикрывалась авторитетом отца: «Ты что заладил свое, меня в данном случае и отец бы твой послушался».

Она спокойно продолжала свою работу и, несмотря на то, что я сидел, уставившись на нее, не считала нужным даже повернуться в мою сторону. Этим она давала понять, что сказанное ею не подлежит обсуждению в данный момент и что ее сын, если он помнит своего отца и то, как он поступал в таких случаях, не может допустить такую бестактность, чтобы приступить к немедленному обсуждению жизненного задания, что детали следует обдумать, обтолковать и возвратиться к ним позднее, не торопясь, а детали не были радужными. Во-первых, чтобы поступить в высшее учебное заведение, необходимо иметь полное среднее образование, а я его не имел, бросив школу в первой четверти десятого класса. Во-вторых, для того, чтобы поехать учиться, нужны деньги, нужна одежда, а у меня – солдатское обмундирование, и то уже изнашивалось. И в-третьих... Вот когда я думаю, мой Дорогой друг, об этом «в-третьих», я вспоминаю пушкинское «обычай – деспот меж людей». Тогда еще был в силе обычай обсуждать серьезные шаги в жизни со своею роднёю, под которой подразумевались ведущие мужчины рода, аула. Я должен был посоветоваться с дядей, который жил в райцентре и был особенно близок мне, потому что я у него жил, когда учился в школе, с двоюродным дядей, который жил тоже в райцентре, и еще со многими родными, кто старше меня и имеет в ауле вес. И, наконец, с девяностолетним старшиной нашего рода Алжиганом или с ата, как мы все его называли. Я знал, что все они будут против, потому что, хотя это были старики и им самим приходилось туго, но иногда, от случая к случаю, они беспокоились о семье Мукана, в особенности, когда неожиданно вскипал ата, крича, что «измельчавшие потомки забыли обычаи предков, никто не догадается забросить во двор Мукана навильник сена». При своенравном, независимом, щепетильном характере моей матери взаимоотношения с родными складывались вообще нелегко.

Я снова притянул к себе сапоги, не торопясь обернул ноги портянками, обулся, надел свою солдатскую шинель и вышел, чтобы прогуляться и хорошенько подумать, как лучше исполнить волю матери, ибо я был ее сыном.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Учиться в высшем учебном заведении, думал я, а почему бы и нет? Мне учеба всегда давалась легко. Только придется поступать на подготовительное отделение, терять целый год. Ничего не поделаешь... Ах, отец, почему он не настоял на том, чтобы я все-таки окончил десять классов?.. Я вспомнил своих учителей, в особенности старенькую и добрую Аграфену Федоровну, которая преподавала нам до седьмого класса. Она при каждой встрече так сокрушалась по поводу того, что я бросил учиться, что, приезжая в райцентр, мне приходилось избегать встреч с нею. И теперь я думал, что не особенно ценил то, как она вдалбливала в нас тонкости русского правописания, и не особенно понимал, что именно ее стараниями заслужил звание первого грамотея в классе, и не без ее участия получилось так, что мамина женщина-«дохтур» отозвалась так высоко о моих письмах, а последнее привело мою мать к навязчивой мысли учить меня дальше во что бы то ни стало. Все, казалось, складывается из странных случайностей, дающих толчок к решению самых важных вопросов моей жизни. Я удивился тому, что неожиданно появляются какие-то русские тетки и чуть ли не подсказывают пути решения моей судьбы. Конечно, никто более отца не желал, чтобы его сын, Мажит, был хорошим, умным, грамотным человеком. Поэтому он и старался учить меня, не прерывая, в русской школе. Отец и в особенности дядя Актай считали, что именно моя ранняя понятливость в русской грамоте выручила однажды отца из беды. Я помню этот случай, он произошел при моем участии. Но я его воспринял тогда только внешне, потому что мне шел всего восьмой год. А суть сводилась к следующему. Весной, когда я окончил первый класс, мы переехали в совхоз, поставили рядом с дядиной землянкой нехитрый шалаш, и отец со своим другом Ахметом запряг нашу кобылу в телегу и уехал, как объяснила мать, в станционное село Лебяжье, находившееся от нас где-то в ста километрах. По расчетам, путники должны были вернуться примерно через неделю, но уже прошло десять дней, их не было. Поехал за ними дядя Актай и вернулся с вестью, что отец с Ахметом сидят в заключении, а на кобыле ездят милиционеры. Оказалось, что отец и Ахмет собрали золотые и серебряные вещи, которые имелись в наших семьях, и там, в Лебяжьем, в специальном магазине обменяли их на три мешка такой муки, из которой выпекают самые что ни на есть белые лепешки и которая называется «крипшетке». Но милиция заподозрила их в нечестности и арестовала впредь до выяснения. А выяснить было нелегко, т.к. оба, и отец, и Ахмет, были неграмотны, плохо говорили по-русски и еле рассказывали, откуда приехали. Нужна была справка от сельсовета в селе, где мы жили зи-

Created by free version of 2PDF
Bukrev University

мой. Село находилось от нас теперь в шести километрах. И вот мы с дядей приходим в сельсовет. Сидят двое русских: один рыжий, бородатый, другой безбородый – и совсем не слушают дядю, говоря что-то свое. Я боюсь и прячусь за дядю. Дядя объясняет, а они не то смеются, не то ругают. Вышли ни с чем. Дядя совсем поник головой и даже, кажется, забыл, что я иду рядом с ним. И вдруг, выглядывая из-за спины дяди, вижу, что навстречу нам идет сама Аугустастина, наша учительница, большая, дородная старушка, с закинутой назад гордой седой головой, и я услышал ее громовой голос: «Мажит, где твое «здравствуйте»?!» Я говорю: «Здрасьте!» – и нисколько не боюсь, зная, что она меня любит, и отлично помня, как не раз говорила моему отцу: «Мукан! Учи сына, он будет хорошо учиться!» И вот мой дядя, взбодрясь, начинает толковать Аугустастине, почему и зачем пришли в сельсовет. Учительница взяла меня за руку и так решительно зашагала к сельсовету, что, казалось, дядя еле поспевал за нами. Я не помню, что она там говорила, но ее голос так гремел, что двое сельсоветских с удивительной расторопностью составили бумагу, подписали и поставили печать. Дня через три или четыре вернулся отец со своим другом и с мукой, ничего не оставив и не растеряв. Только было жалко смотреть на сильно похудевшую нашу пегую кобылу, на ее сбитую до крови спину. Больше я Аугустастину не видел: в сентябре того года мы устроились жить в соседнем ауле, и я учился в другой школе. Теперь я полагаю, что это была не Аугустастина, а Августа Устиновна, фамилии ее не помню, и, наверное, ни я, ни мои родители не знали фамилии тогда. За три года моей учебы в Приуралье я пèременил три школы, а из учителей ныне помню только ее. Отец мне ни разу не говорил, что кто-то явился или мог явиться причиной его особо страстного желания меня учить, но я знал, что отец помнил эту благородную и добрую женщину, спасшую его от несправедливости, и подозревал, что перед ним не раз вставал ее образ, строго и назидательно внушая: «Мукан, учи сына! Он будет хорошо учиться!» Но почему отец не говорил мне об этом, для меня до сих пор остается загадкой.

Сейчас не могу толком объяснить, почему я вспомнил тогда Аграфену Федоровну и решил поделиться решением матери именно с ней. Особой близости я к ней не имел, после седьмого класса она у нас не преподавала, и, следовательно, пять-шесть лет, прошедшие с тех пор, были достаточным сроком, чтобы считать обращение к ней за советом по личным делам неделикатным. Было много других учителей и учительниц, которые, казалось, были связаны со мной в большей степени. Хотя учителя в большинстве своем ушли на фронт и почти никто

Created by free version of 2PDF
Buketov University

из них не вернулся, но все-таки было к кому обратиться. Но, тем не менее, меня потянуло к моей старой учительнице.

Очень скромным, трогательно-кротким человеком была эта женщина. Одевалась она так просто, что со своими гладко зачесанными назад и затянутыми на затылке в тугой маленький жгут каштановыми волосами казалась самой обычной крестьянкой в немудреном воскресном наряде. На ее морщинистом лице не было ничего отличительного, кроме чуть выдававшихся вперед неровных зубов и больших серых глаз, постоянно смотревших на всех с добрым вниманием. К ее виду сельской труженицы не шли только ее мягкие ладони и длинные изящные пальцы. Говорила она чуть сиплым и незвонким голосом. Но мы ее слушались, несмотря на то, что ни на одного из нас, даже при обнаружении непозволительных шалостей, она не повышала голос, не говорила ни о каких наказаниях и только укоризненно качала головой. Возможно, некоторую роль здесь играло то, что мы были наслышаны о подвиге ее отца и старшего брата, которые были красными партизанами и погибли за Советскую власть в родном селе, находившемся рядом с нашим аулом. Знали мы о том, что учительница наша осталась одинокой из-за своей племянницы Оли, которую еще грудным ребенком бросили ей на руки. Мы хорошо знали эту красавицу Олю с длинной толстой светлой косой, с большими серыми глазами, насмешливо глядевшими на нас из-под длинных пушистых ресниц. Она училась на два класса старше нас. И все же до сих пор я не могу понять, почему мы так слушались Аграфену Федоровну, и как она могла так умело вдалбливать в нас грамматику русского языка. Употребляю слово «вдалбливать» потому, что именно это впечатление осталось у меня от ее обучения: и на уроках, и вне урока она всегда готова была рассказывать, растолковывать ту или иную ошибку в письме, в произношении русского слова, без конца повторяя то или иное правило правописания.

И вот в волглый, слякотный воскресный день глубокой осени подхожу к маленькой бревенчатой избенке, с прохудившейся дерновой крышей. Пройдя маленькие полутемные сени, стучусь и, услышав: «Войдите!» – переступаю порог небольшой светлой комнаты. Она спокойно подняла голову от столика, за которыми сидела, сняла очки и мимо большой русской печки подошла ко мне.

– Мажит! Не ждала, не ждала, молодец! – вижу чистый, выскобленный почти до бумажной белизны пол и боюсь тронуться от двери своими грязными сапожищами, с которых стекает черная жижа, к тому же сверлит догадка, что наверняка наследил и в сенях, где, должно быть, так же чисто, как здесь. – А вот что, вытри ноги этой тряпкой и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

проходи, – говорит она, подкатывая от печи правой ногой большой комок рваной мешковины.

Почистив сапоги, поднимаюсь во весь рост, она продолжает стоять рядом, и мне становится неудобно оттого, что я такой длинный верзила, чуть ли не достающий головой потолок, смотрю на свою учительницу сверху вниз. В смущении вижу, что Аграфена Федоровна, казавшаяся когда-то высокой и крупной, на самом деле не такая уж большая, что детские глаза мои преувеличивали ее дородность и полноту.

– Это каким ты, Мажит, вымахал, а ведь был в классе чуть не самым маленьким, – говорит она, словно чувствуя причину моего смущения, – успел уже повоевать...

Расспрашивая о моей жизни, она откладывает в сторону тетрадки, которые, по-видимому, проверяла, и я, сидя за некрашеным столиком напротив нее, замечаю, что ее когда-то нежные пальцы, которыми мы любовались, заметно огрубели, ладонь почернела, стала сухой, жесткой. Это означало, что ей приходится заниматься не только учениками и ученическими тетрадками, но и печью, полом, огородом и многим другим.

– Я теперь одна, – говорит она как бы между прочим, не акцентируя на своем одиночестве, не жалуясь на судьбу, – мама моя умерла в прошлом году, а Олечка выпорхнула замуж и живет теперь в городе.

Выждав удобный момент, выкладываю о велении матери, как только кончится война, ехать учиться и, шутя, добавляю, что она, мать моя, уже точно рассчитала, что война кончится не позже весны; сын ее со своим раненым плечом в армию теперь не вернется, и поэтому летом он имеет полную возможность поступить в облюбованное им высшее учебное заведение, а о том, что сын этот еще не имеет аттестата зрелости, она и знать не хочет. Рассказываю о трудностях, которые ожидают семью ввиду того, что я – старший и на мне лежит обязанность содержать ее.

Аграфена Федоровна молча выслушала меня, взяла два лежавших перед ней карандаша, зажав их в кулачок, положила руку на стол и взглянула на меня своими лучистыми глазами:

– Как сам, Мажит, думаешь?

Я пожал плечами.

– Слушать мать, конечно, нужно, но ты сам должен решать. Война кончится, жизнь будет хорошей, ты – молод, степь, раздолье, работы много, увлечений тоже... Будет сытно... Мало тебе четырех лет по-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

луголодной жизни на отмеренном пайке, ты еще сядешь на скудный студенческий... Не понимаю тебя, Мажит. Зачем тебе это?

Голос Аграфены Федоровны был спокоен, кулачок правой руки держал карандаши строго вертикально, острием вверх и неподвижно, левая ладонь мягко прилегла рядом. Вокруг глаз, уставившихся на кончики карандашей, ни смешинка, ни лукавинка не улавливались. Я, признаться, опешил. То, что она говорила, не входило в мои расчеты. Я шел с тайной мыслью обрадовать мою старую учительницу.

– Ну подумай сам, – продолжала она, – ты уже пятый год, как бросил школу. Бросил еще до войны, когда ты мог продолжать учиться. Значит, учеба тебе не так уж дорога. Ты говорил, что отец велел бросить школу. Было б у тебя внутреннее желание, отец вряд ли продолжал бы настаивать. А сегодня ты снова захотел учиться, потому что мать велит. Учеба – не легкое дело, особенно в высшем учебном заведении... А ну-ка скажи слова Маркса, что висели на стене перед учительской? Не помнишь? «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Ты читал эти слова не раз, но в значение их не вдумывался... Ты легко учился, легко перестал. Поступишь в институт и с такой же легкостью бросишь, не доучившись... Лучше, конечно, не начинать.

Аграфена Федоровна говорила ровно, обыденно, без назидательной четкости и совершенно незлобно, она не обвиняла, не обличала, не укоряла. Она говорила самую обычную правду. Но эта правда, сказанная настолько просто, ясно и кратко, так меня обожгла, что я впервые, может быть, почувствовал силу правды, высказанной честно и прямо. Помню только, как мои глаза, довольно бесцеремонно изучавшие лицо учительницы, опустились и уставились в те же два карандаша, на которые смотрела Аграфена Федоровна. Я не мог отвести от них глаз и тогда, когда учительница встала и карандаши с легким треском упали из ее разжатого кулачка. Я слышал лишь, как она, подойдя к печи, рогачом-ухватом доставала из глубокой пасти ее чугуны, собирая нехитрый стол: появилась тарелка с картошкой «в мундире», как тогда было принято называть, ибо ради экономии она варилась нечищенной, чай из чугуна, ломтик тонко нарезанного черного хлеба. Я громко хлебнул из кружки жиденький и теплый чай и сразу же вслед заметил, что совершил бестактность, ибо, молча ставя все на стол, хозяйка еще не приглашала меня к нему. Но я делал это бессознательно, так мне необходимо было намочить язык, который превратился во что-то большое, сухое и малоподвижное, похожее на ту соленую воблу, к которой меня

Created by free version of 2PDF
Bukatov University

пристрастил в госпитале один мой товарищ, когда нам удавалось тайком забегать в пивную, находившуюся за углом.

Хозяйка хлопотливо угощала, а я боялся слишком много съесть, т.к. понимал, что для нее в то время значили и эти картофелины, и этот ломтик хлеба, но вдруг я обрел дар речи и заговорил. Самое удивительное, мой дорогой друг, заключается в том, что я начал врать: врать бессовестно и неудержимо. Я говорил Аграфене Федоровне, что вначале я сказал ей не все правильно, что я всю жизнь хотел учиться, а школу бросил из-за болезни отца, но повсюду: дома, на фронте, в госпитале – меня не покидала мысль о дальнейшем образовании, мать же только разгадала то, о чем мечтал я давно. Я говорил, все более распаляясь и выдумывая такие подробности, что уже казался себе чуть ли не тем архангельским мужиком, который с котомкой на плечах входит в шумный город, бежав в поисках знаний от мрачного отца, не желавшего его учить. Воодушевлялся же я, вероятно, оттого, что чувствовал, как нравится Аграфене Федоровне тот парень, каким я представлял себя ей в тот момент в своей импровизации. Между тем в том, что я говорил ей, не было ни грамма правды. Отец в том предвоенном году не болел, он вообще редко болел, и не помню, чтобы я до этого серьезно мечтал об учебе, поскольку, в общем-то, я не был из тех, кого томит духовная жажда. Думаю, врал оттого, что мной руководило внутреннее подспудное и неуправляемое желание реабилитировать свою персону в глазах любимой учительницы.

– Вот хорошо! – прервала мои излияния Аграфена Федоровна. – Как это хорошо, Мажит, что ты такой! Я, значит, ошибалась, представляя тебя не таким! Очень хорошо!

От этих простодушно произнесенных «такой» и «не такой» я снова потерял дар речи, мне стало стыдно от своего вранья, чувствовал, как я перехватил, и перехватил необратимо. И, может быть, какое-то облегчение принесло лишь то, что Аграфена Федоровна перевела разговор на деловую почву.

– Это уже совсем другое дело, – продолжала учительница, – если ты не можешь иначе, если ты представляешь себе свое будущее только через учебу, тогда можно будет поговорить. Тогда и поступай так, как велит мать. Только зачем тебе терять год, ты поступай в десятый класс, тебя примут, ты и ушел из него примерно в это время.

Я не мог бросить работу, не было учителей. Когда я сказал об этом, Аграфена Федоровна посоветовала пойти к директору школы и договориться о возможности сдать на аттестат зрелости экстерном.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Я уже было приблизился к двери, прощаясь и собираясь уходить, как Аграфена Федоровна сказала:

– Вот сдай на аттестат экстерном – это тебе первое испытание. Ты способный парень и это можешь сделать. Только надо иметь упорство. – Потом, помолчав, добавила: – Мажит, еще ты помни вот что: твоя мать – редкая, сильная и благородная женщина. Верит в тебя и готова на всякие лишения. Учти. Самое большое горе будет для нее, если она обманется в своих ожиданиях.

Бывают, наверное, моменты в жизни, дорогой друг, когда человек после внезапного, резкого или, как теперь говорят, стрессового осознания своих слабостей и недостатков враз исправляется и становится, как в сказке, абсолютно положительным героем. К сожалению, твой друг не относится к категории людей, которые способны приобрести за счет подобных стрессов длительный нравственный иммунитет против своих слабостей. Ярким примером тому являются чувства, овладевшие мной после свидания с Аграфеной Федоровной. Мне было стыдно, я укорял себя за двуличие и трусость, за робость, которая овладевает мной, когда случай вынуждает открыто говорить о своих ошибках и слабостях, за чуть ли не враждебную способность приписывать себе мнимые достоинства, словом, за все то, что четко проявилось во мне в разговоре с Аграфеной Федоровной. Я шел и давал себе клятву, что подобное в моей жизни не повторится. Но когда пришел домой к дяде, покушал, сел на коня и поехал домой, я почувствовал, как понемногу рассеиваются укоры совести и мне становится легко и даже как-то приятно, ибо теперь уже казалось, если судить без излишних и, может быть, даже ненужных эмоций обо всем, что говорилось у Аграфены Федоровны, ничего «такого» я не говорил, и если теперь буду учиться, то буду впереди всех близких и знакомых своих сверстников, а это означает, что я, в общем-то, и неплохой парень.

Прошу тебя заметить, друг мой, что я не оговариваюсь, когда пишу «без, может быть, ненужных эмоций». Теперь с высоты своего жизненного опыта мне, конечно, легко судить, но все же я содрогаюсь при мысли, что сравнительно безобидное утешение мелкого самолюбия, о котором я говорил выше, могло при некоторых благоприятных для этого обстоятельствах утратить в душе все, что связано со стыдом, совестью, моралью и т. д... И теперь, анализируя былое, я могу твердо сказать, что в переменчивом лабиринте моих настроений наверняка преобладало человеческо-эмоциональное над эгоистически-рациональным, и я, во всяком случае, ни разу не доходил до такого состояния, чтобы чистые побуждения души заранее относить к ненужным сентиментам,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

если это не касалось оправдания задним числом того, что по игре случая невольно произошло. Мне, конечно, легко было бы признаться в низменных свойствах своего характера, если эти свойства являлись лишь предметом внутренних переживаний и ни на ком другом неприятно не отражались. Беда-то в том, дорогой друг, что были такие поистине несчастные ситуации, когда плохое из меня вырывалось наружу, приводя к не очень радужным последствиям.

Овладевшее мной на пути в аул чувство самооправдания со временем рассеялось, и при воспоминаниях об этом свидании с Аграфеной Федоровной все же всегда выступало впереди чувство стыда. К сожалению, это чувство стыда не оградило от того, чтобы я не повторил в будущем подобное же. Невольное, неуправляемое желание обелить себя, оправдать, сфальшивить и соврать при этом хотя и происходило с возрастом все реже, но, к сожалению, проявлялось в еще более глупых формах. К этому будет приведено, наверное, немало примеров, а сейчас расскажу, какое постыдное последствие имело мое тогдашнее вранье. Когда лет пятнадцать тому назад защитил докторскую диссертацию, один местный корреспондент обратился к моей старой учительнице с просьбой рассказать, что она помнит обо мне. Аграфена Федоровна сообщила о моей персоне точно то, что я ей сымпровизировал при тогдашнем свидании. Эта версия пошла гулять по газетам и устам. И что вы думаете: мне было вначале неприятно, я внутренне морщился, а потом и сам привык к этой версии. А когда недавно рассказал одному корреспонденту правду, он не поверил и напечатал статью, превознося мою, видите ли, «удивительную скромность». И мне почему-то кажется, что на такой базе создавались и создаются многие легенды о так называемых замечательных людях. Аграфена Федоровна умерла лет десять назад, и теперь, старея, все чаще обращаюсь к ее образу, прося прощения за то, что заставил ее, женщину, вероятно, не произносившую в жизни ни одного фальшивого слова, говорить невольную ложь обо мне, за ложь, которую я же вложил в ее простодушные уста, за то, что у меня не хватило мужества и воли своевременно признаться ей в этом.

Между тем, как я уже писал в тогдашних думах, соображениях и решениях, связанных с моим поступлением в институт, никто, как таковой, о науке в нынешнем понимании не говорил. Речь шла лишь о том, чтобы стать просто образованным человеком, специалистом, прошедшим обучение в высшей школе. Сейчас каждый учащийся старших классов средней школы знает, что наука есть не просто стремление к многознанию, а более всего такое многознание, которое способно к

Created by free version of 2PDF
Bukatov University

уже имеющимся знаниям прибавить что-то новое и свежее. Ныне, к сожалению, принято считать, что на последнее способны все люди, окончившие высшую школу и как-то оказавшиеся потом в научных учреждениях или лабораториях и на кафедрах университетов и учебных институтов. Друг мой, ты после войны сразу остался в Москве, но тем не менее, вероятно, хорошо помнишь, как в довоенные и в первые послевоенные годы предполагалось, что само высшее образование могут иметь лишь люди способные и одаренные. Конечно же, это было связано с тем, что высших учебных заведений в стране тогда еще было недостаточно, а в республике можно было их по пальцам пересчитать. Поэтому-то мое решение учиться дальше в вузе было воспринято не только мною, но и многими другими как событие довольно серьезное. И я не могу тебе не рассказать здесь о людях, которые с большой душевной щедростью помогали мне в этом деле, ибо, если даже я в то время и не помышлял стать научным работником, все же то, к чему пришел сейчас, началось именно тогда.

Я был наслышан, что директором нашей школы является Семен Иванович Шибанов, фронтовик, приехавший к нам после госпиталя, так как его родная Смоленщина была оккупирована врагом. Директор единственной в районе русской средней школы был в то время видным лицом, и поэтому все знали о том, что семья Семена Ивановича погибла при бомбежке и он одинок. Привожу же я эту подробность к тому, что в то время узнал о его женитьбе на Варваре Агеевне, которая меня учила географии, а я к ней и в особенности к ее сестре Анне Агеевне, тоже моей учительнице, питал большую симпатию, о чем я расскажу ниже.

Когда я зашел в маленький, знакомый мне с ученических лет кабинет директора, навстречу поднялся выше среднего роста, широкий в костях и казавшийся массивным блондин в потертом офицерском мундире без петлиц. Я заметил, как болтается пустой левый рукав. Не по-русски широкое лицо и толстые губы улыбались приветливо. Семен Иванович молча выслушал меня и высказал удивление, что здесь впервые обращаются к нему с таким предложением и что для точности он проконсультируется в районном отделе народного образования, хотя примерно знает, что сдавать экзамены экстерном на аттестат зрелости разрешается. Говорил он звонким басом, и казалось, толстые губы его придают какую-то особо приятную смачность четко произносимым словам. Он преподавал историю, и когда я ему, отвечая на его вопросы, перечислил русских царей из династии Романовых, точно называя даты их царствования, ему это понравилось, он весь расположился ко мне и

Created by free version of 2PDF
Buketov University

выразил готовность помочь. Он назвал предметы, которыми надо заниматься, и учителей, с которыми можно консультироваться. Почти все учителя меня знали, я у них учился. Я вышел от Семена Ивановича окрыленным.

Удивительная штука, дорогой друг, память. Был я тогда у Аграфены Федоровны всего один раз и запомнил почти все. А вот сейчас стараюсь вспомнить Анну Агеевну, учительницу, которая привлекала меня более всех после Ивана Антоновича, и обнаруживаю, что, несмотря на то, что ходил к Анне Агеевне в ту зиму и весну раз десять или пятнадцать, никак не могу восстановить в памяти ее домашнюю обстановку. Знаю, стоял возле школы большой бревенчатый дом с тесовой крышей и резными наличниками, и я, пройдя сени этого дома, оказывался в комнате налево. Там был длинный стол, с одного конца которого садилась Анна Агеевна, с другого – я. А что еще в комнате было – не помню; не помню также, видел ли ее маленькую дочурку; слышал, что тогда от ее мужа с фронта не было вестей. Анна Агеевна среди наших преподавателей отличалась, мне казалось, какой-то необычной одухотворенностью на красивом, чуть откинутом лице с тонкими чертами, ее большие карие глаза смотрели холодно и строго, к ее стройной среднего роста фигуре очень шла независимая быстрая походка. Судья, конечно, я был тогда плохой, но у меня сложилось впечатление, что Анна Агеевна выражала мысли так ясно, четко, точно и красиво и так умела обходиться без обычных междометий, без словпаразитов, что ни один из наших учителей, даже Иван Антонович, не выдерживал с ней сравнения. Речь ее не имела вынужденных пауз и остановок, казалось, нужные слова, образные и четкие, приходили к ней легко, сами собой. Преподавала она нам химию и биологию, предметы казались куда более скучными, чем, например, литература или история, но когда Анна Агеевна говорила мягким и мелодичным голосом о вечном движении в естественном мире, о том, что поведение какого-то ничтожного атома имеет для мироздания такое же значение, как и поведение планет, и что законы этого вечного и неустанного взаимодействия больших и малых, живых и неживых частиц должен человек познавать, изучить, искусственно разбив целое и неразъемное на наивозможно малые процессы и частицы, – мы слушали разинув рты. Так она завораживала нас своим умением красиво и строго переходить от сложного к простому и снова к сложному. Когда она рассказывала, очевидно, действительно вдохновлялась, так как мы замечали, как бледнеют ее щеки и чуть раздуваются тонкие ноздри. Строгая была женщина эта Анна Агеевна, она не позволяла себе на перерывах или

Created by free version of 2PDF
Belarusian State University

встречах вне школы какие-либо разговоры или шутки, проходя мимо, лишь легким кивком головы отвечала на приветствия. Не было в ней той простоты, которой отличалось и нравилось нам большинство наших учителей.

И вот, представь себе, дорогой друг, я должен пойти к Анне Агеевне, любимой учительнице, которая не в пример другим педагогам ни разу не удостаивала меня своим вниманием, кроме редких, колких, язвительных замечаний в классе, на которые она была мастерица. Я теперь не могу сказать, почему должен был пойти непременно к ней домой, а не пойти, например, в школу и встретить ее там, чтобы договориться. Я ко всем моим учителям, кроме директора, непременно шел напрямик домой. Тогда в нашем сельском быту не особенно отделяли рабочее время от нерабочего, рабочую обстановку от нерабочей. И вот, затаив дыхание и стараясь быть как можно спокойнее, стучусь в ее комнату. Слышу, как подходит двери: «Вы – Нурбаев? Погуляйте и зайдите минут через двадцать!» – говорит она, по-видимому, заметив меня в окно. Сразу отметил себе, что она обратилась ко мне на «вы». Вхожу через двадцать минут, она встает навстречу и подает мне руку, но каких-либо движений на ее лице, придающих хотя бы какую-то теплинку ее приветствию, не вижу: эта холодность обливает и гасит проявление радости и на моем лице.

– Я уже все знаю, меня Семен Иванович предупредил, – говорит она, садится сразу же за стол, покрытый ветхой, но чистой скатертью, указывая мне на табуретку у противоположного конца стола, и приступает к делу. Рассказывает, что я должен знать по химии, чтобы сдать на аттестат зрелости, при этом она изредка откидывает движением головы густые, волнистые темно-русые волосы, разливом ниспадающие на узенькие плечи. Потом начинает опрашивать и убеждается, что пройденное когда-то я знаю твердо на тройку; это ее, кажется, успокаивает, но никаких эмоций по этому поводу она не выражает, только отмечает, что имеющиеся у меня знания по химии – достаточно хорошая база, чтобы теперь заниматься тем, что проходят в десятом классе, – органической химией. Затем предлагает мне приезжать по воскресеньям, примерно с двенадцати до двух. Она, как в школе, будет меня сначала спрашивать, а потом рассказывать новый материал. Я, как и у Аграфены Федоровны, замечаю ее огрубевшие руки, на которых теперь нет довоенного маникюра, который, как нам говорили девчонки из нашего класса, делала она сама и на который мы обращали особое внимание, потому что для нас это было в диковинку. Замечаю также, как напрасно она помадила в довоенные годы свои строго очерченные красивые

Created by free version of 2PDF
Buketov University

губы, яркая окраска с которых не сходила и сейчас. Удивляюсь, как тогда, в ученические годы, не замечал ослепительной белизны жемчужного ряда чуть выдававшихся вперед зубов. Теперь руки ее казались мне большими и крестьянскими, т. е. такими, какими они как мне подумалось в тот момент, и должны были быть, ибо Анна Агеевна, несмотря на поражавшую нас интеллигентность, была дочерью Агея – рабочего местной промартели, имевшего восемь или девять дочерей. Рассказывали, что Агей овдовел и, несмотря на то, что был еще не стар, не захотел привести в дом новую жену, боясь, что она окажется злой мачехой. Он поставил себе целью учить дочерей, потому что видел, что они все как на подбор умны и способны. Анна Агеевна была старшей дочерью и надеждой, она первой из тех, кого мы знали, поехала учиться в Ленинград, но из-за какого-то случая (судачили о неудачной любви) вернулась через год или два. Вторая, Варвара, тоже моя учительница, окончила педагогический техникум. Третья, Елизавета, окончив учительский институт, работала в соседнем районе на какой-то большой должности. Агей продолжал учить других сестер, посылая их в школу в одежде и обуви, которые приобретал по одному комплекту на двоих или троих.

Такова была Анна Агеевна, которая мне не задала при этой встрече (да и при всех последующих) ни одного вопроса о житье-бытье, без которых не обходились ни один разговор, ни одна встреча в нашем ауле, она в последний раз тряхнула головой, откидывая волосы, и встала, давая мне понять, что аудиенция окончена. Я покинул ее, все больше удивляясь ее строгости при таком великодушном желании помочь, желании, не окрашенном ни словами, ни внешними проявлениями эмоций, которыми часто и привычно сопровождаются добрые дела добрых людей и еще чаще и преувеличенней добрые или якобы добрые дела недобрых людей.

Мне так и хочется рассказать, как Анна Агеевна удивительно просто и понятно излагала суть преподаваемой ею науки, и в какой восторг меня она приводила стройностью и последовательностью излагаемого. Этот восторг усиливался еще тем, что в течение предыдущей недели, желая блеснуть перед Анной Агеевной, я пробовал заниматься самостоятельно по учебнику и испытывал страшное разочарование, так как ничего не укладывалось в голове. Очень боялся поразить Анну Агеевну своей тупостью. Я хорошо помню, как она объясняла тот или иной раздел программы, но боюсь усложнить свое повествование, рассказывая об этом. И все же расскажу, что многочисленные вещи, с которыми мы запросто обращаемся, лекарства и химикаты, вся живая

Created by free version of 2PDF
Buketov University

природа оказались сложенными из больших и малых молекул, в центре которых находится атом углерода, то есть попросту атом того угля, который в обиходе, например, накапливается в виде сажи в дымоходах домашних печей. Во всех органических веществах углероду постоянно сопутствует водород, легкие и подвижные атомы которого, зацепившись за четыре крючка атома углерода и держа их постоянно оттянутыми, соблазняют атомы других элементов удобством своего положения и при приближении тех легко уступают место, не преминув зацепить за крючок, и быстро отскакивают на сторожевую позицию с нужной стороны плененного чужеродного атома, притиснув его еще ближе к углеродному атому. Так образуются многочисленные цепочки с атомом углерода в центре и атомами водорода снаружи. Поэтому молекулы разнообразных сложных органических соединений представляются пространственной сетью, сотканной из цепочных нитей атомов элементов, непременно стянутых в узлах сети атомами углерода и водорода. Теперь я знаю, насколько примитивным было объяснение сложной природы явлений, связанных с образованием органического мира, но это объяснение выглядело так образно, так убедительно и последовательно, что это наивное и милое толкование моей учительницы, сослужив свою службу для быстрого усвоения среднешкольных азов, долго продолжало во мне жить, вызывая невольный и несознательный протест в душе при рассмотрении более правильных, более глубоких и современных суждений в институте. Десять, а может быть, пятнадцать (сейчас точно не помню) подобных занятий, ровно по два часа каждый раз, провела она со мной, и где-то в начале мая в радужные и торжественные дни, связанные с победой над заклятым врагом, она мне сказала, что я могу свободно сдавать экзамены и ее дальнейшая помощь вряд ли необходима. Я неумело и робко начал говорить слова благодарности. Это были, пожалуй, первые мои слова, относящиеся к области чувства, за эти несколько месяцев регулярных встреч с ней. Она прервала меня и сказала:

– Не надо благодарить. Лучшей благодарностью для меня будет, если вы действительно поступите в высшую школу и... окончите ее.

Мне показалось, что она перед последними словами сделала невольную и непривычную для нее паузу. Показалось также, что после паузы чуть сбился с тона ее голос, заметно дрогнула верхняя губа, на миг, как у расстроенной девчонки, расслабилось ее строгое лицо. Я настолько привык к тому неизменно холодному спокойствию, владевшему всем ее существом, что удивился этому необычному мгновению, когда внутренние эмоции у моей учительницы пробовали чуть просту-

Created by free version of 2PDF
Buketovuniversity

пить наружу и были резко вогнаны ее волей обратно, внутрь. Я успел обратить внимание еще на то, что слово «действительно» она произнесла чуть врастяжку и с ударением, давая этим понять, что трудилась она лишь ради того, чтобы я на самом деле учился дальше, а не оказался многообещающим болтуном. Эту первую и последнюю для меня краткую речь моей учительницы, не относящуюся непосредственно к делу, запомнил дословно и потом не раз возвращался к ней, восстанавливая и анализируя все мельчайшие ее нюансы и все больше убеждаясь, как она с редкой искренностью и добротой желала, чтобы я учился дальше, учился упорно, вспоминал и то, как она невольно выдала свои глубокие переживания, связанные с тем, что она сама не доучилась. К последнему выводу я пришел позже, тогда мне казалось, что женщине, даже такой, как Анна Агеевна, большей образованности нечего и желать и не к чему быть недовольной своим положением.

Такой строгой, красивой, замкнутой, холодной и независимой сохранилась в моей памяти Анна Агеевна... Теперь же я полагаю, что она, наверное, смеялась и острила, сердилась и обижалась в кругу родных, товарищей и друзей, была, где нужно, беззаветно весела, сговорчива и проста, а где нужно – непреклонна и сурова; занималась она, наверное, как и все другие учителя, разнообразной организаторской, общественной и воспитательной работой, т.е. была обычной женщиной. Но моя память бережет, по-видимому, лишь ту сторону ее образа, которая была обозрима для мальчика, учившегося у нее в течение двух-трех лет, а потом, через пять лет, повзрослев и чуть коснувшись тягот жизни, постучавшегося к ней за помощью, которую оказала она, Анна Агеевна, с необычайной душевной щедростью и самоотверженностью. Я не оговариваюсь, когда пишу «самоотверженностью», ибо то был период тяжелейшего напряжения сил всех честных людей нашей Родины, период большой усталости, и убивать время и слабые остатки сил на то, чтобы помочь юноше, которому взбрело на ум сэкономить год учебы за счет добрых людей, решались, конечно, душевные и самоотверженные люди, подобные Анне Агеевне, Я с благодарностью вспоминаю многих своих учителей, помогавших мне в том году, в особенности нашего физика, больного, угрюмого на вид кавказца, заброшенного к нам не то из Западного Прикаспия, не то из Причерноморья, как потом выяснилось, по чьим-то злым и неправедным наветам; нашу учительницу математики, изможденную, преждевременно постаревшую женщину, обремененную большим семейством и инвалидом-мужем и настолько занятую, что я теперь удивляюсь ее терпимости и деликатности. Она находила возможным при моих бесцере-

Created by free version of 2PDF
Bukefov University

монных обращениях не отказывать мне и успевала разъяснить в спешке, на ходу, между делом непонятные теоремы и задачи. Но больше всех я запомнил Анну Агеевну, потому что она поступила так, как могла поступить только Анна Агеевна. И я теперь благодарю судьбу за то, что она меня нет-нет, да и сталкивала с теми редкими людьми, у которых в самой высшей степени сочетается глубочайшая добросовестность в выполнении того, что им повелевает их незапятнанное ни малейшей фальшью благородство, с абсолютно полным отсутствием даже намеков на умиление и восторг от собственных деяний, не говоря уже о картинных жестах и патетических восклицаниях по поводу служения долгу и жертв, приносимых ему, которые мы слышим, к сожалению, часто от людей, дела которых на самом деле довольно далеки от того, что они говорят.

Нужно ли рассказывать о том, как я благополучно сдал экстерном экзамены, получил аттестат зрелости, где были поставлены не те отличные оценки, которые я имел, будучи учеником. Баллы в аттестате были не очень высокими, но меня утешили, говоря, что я совершил чуть ли не подвиг, что отлично импонировало моему трепетно отзывчивому на малейшую похвалу самолюбию. Нужно ли рассказывать о том, как я сидел на торжествах по случаю окончания средней школы рядом с парнишками и девчонками, не зная, как вести себя с ними. Когда я учился в школе, все они были незаметными для наших глаз молокососами четвероклассниками, и я, естественно, был мало знаком с ними. В этой школе до меня (как я недавно выяснил) и после меня никто на аттестат зрелости экстерном не сдавал, и я вызывал едва ли не почтение, ибо представитель райкома партии, выступая после директора, особо отметил мою персону, посмотрев на мою долговязую фигуру, еле вмещавшуюся за школьную парту и резко выделявшуюся среди окружающих отроков.

Память мне подсказывает подробности другого плана. Я уже писал выше, что такое серьезное решение, как ехать учиться в большой город, и надолго – пять лет для старшего поколения нашего аула казались пугающе долгим сроком, – необходимо было тщательно обтолковать со всеми видными родственниками. Это была, в общем-то, формальность, поскольку я полагал, что, несмотря на возражения, они в конце концов согласятся: ведь я мог погибнуть на фронте. И все же, скажу честно, я хотел иметь от них не формальное, не бездушное согласие. Мне трудно в этом сознаться, но я до сих пор ловлю себя на том, что во мне есть что-то от суеверия моего отца. Родитель мой был очень суеверным человеком. Любое серьезное дело, особенно поездки

Created by free version of 2PDF
Buketov University

на далекие расстояния, он начинал только в среду – это, по его убеждению, был наш семейный (я уже не помню, может быть, и родовой) день – «сят», день удач. Любые неудачи в делах и в жизни он склонен был относить не к объективно неблагоприятному стечению обстоятельств, – которые возможны у всех и в любом деле, а к тому, что когда-то случайно или неслучайно обидел кого-то, к кому-то был несправедлив и прогневил аллаха, к тому, что вовремя перед началом дела не получил благословения у старших.

Оба брата отца меня несказанно любили. Они были холостяками, когда я родился, и меня с малых лет носили на руках, позже возили по соседним аулам, посадив на седло перед собой. Когда они обзавелись семьями, я остался у них баловнем. Будучи бабушкиным воспитанником, для всех трех ее сыновей был чем-то вроде неподеленного наследства. Особенно баловал меня старший, дядя Жактай, тот, что жил в райцентре. Бабушка любила рассказывать, что я в раннем детстве был первым другом дядиного вороного коня. Привыкнув болтаться с дядями в седле, я постоянно караулил их коней, чтобы на них не уехали без меня. Вороной Жактая-ага был очень злым, неуживчивым конем, не подпускавшим к себе никого, кроме хозяина. Однажды вечером, когда Вороной, спасаясь от комаров, подбежал к юрте и стал с подветренной стороны костра, я (которому не было еще трех) спокойно подошел к коню, оказался между передними ногами и обнял одну из них. Бабушка застыла в испуге, а я продолжал обнимать то одну, то другую ногу. А дальше было еще хуже, я от передних ног перешел к задним и стал между ними. Но конь в это время спокойно, медленно и осторожно тронулся, а я хватался за заднюю ногу, за хвост коня, не желая отстать, и упал, подняв неистовый рев. Конь ушел, а бабушка еле пришла в себя. Эта история стала одной из любимых тем бабушки, а Вороной из постылого в нашей семье превратился в любимца, несмотря на то, что он продолжал оставаться таким же злым животным, как и прежде. Словом, и бабушка, и братья отца в детстве рабски исполняли мои капризы, и я, видимо, так злоупотреблял этим, что отец иногда ворчал на них, высказывая свое недовольство. Теперь же я был не настолько неразумным, чтобы продолжать эти злоупотребления, но хорошо знал, что если им, бабушке и дядям, разъяснить значение учебы для моего будущего, они поймут и благословят. И на самом деле было так. Я, шутя, говорил им, что, как выучусь, буду таким большим начальником, что никто из них не будет работать, так как у них будет все, и каждый из них, порознь или вместе, будет сидеть, опустив свои руки в чашу с

Created by free version of 2PDF
Buketov University

маслом. Присловье «держать руки в чаше с маслом» в народе означало жить в предельном достатке.

Более трудным человеком был Алжиган-ата. Он вообще считал, что городское образование – это безвозвратная потеря людей из аула, что городская жизнь, да и вообще жизнь вне аула ведет к очерствению сердца и души, к утрате родственных чувств и что того, кто уезжает из аула учиться или жить в городе, надо сразу вычеркнуть из списка нашего благородного и дружного рода. Он был уверен, что наш Алкадаш благороден по происхождению и исключительно дружен испокон веков. Я в этом сомневался, потому что знал массу примеров, свидетельствовавших, что это не совсем верно. Наш род нисколько не благородней и не дружней, чем все казахские аулы и роды, которые к тому времени были мне известны. Но я это не смел высказывать старику, боясь раздразнить его и прослыть перед ним безродным прощелыгой, не знающим «намыс», то есть способности беречь честь своего рода. Прослышав, что я собираюсь уезжать учиться, он был страшно недоволен мной. Он не был скуп на злые слова и обозвал меня оболтусом, не уродившимся в отца своего. Он сказал далее, что того и жди, что он уедет, женится на русской и будет креститься; говоря это, он делал ударение на «креститься», это означало, что последнее он считает большим проступком, чем женитьбу на русской; при этом он исходил из странной логики, которая принадлежала единственно ему, Алжигану-ата. Он знал, что молодежь не верит ни в аллаха, ни в бога, и все же считал, что ни один человек не может жить без аллаха или бога в сердце, стало быть, любой неверующий все равно в душе, про себя мысленно простирает в молитве ладони, если он казах, или совершает крестное знамение, если он русский. Эту мысль он утверждал так громогласно и с такой запальчивостью, что возражать ему было невозможно, да никто и не осмелился бы, по крайней мере, в нашем ауле. Ему уже, как и моей бабушке, было где-то за восемьдесят; и считалось, что аруахи, духи предков всего нашего рода, сосредоточены в этом маленьком сгорбленном старичке, из-под нависших седых бровей которого не по возрасту молодо и беспокойно сверляще смотрели маленькие глазки. В жилистых, длинных и больших пальцах правой руки он всегда крепко держал сучковатую палку, которой пользовался не столько, чтобы опираться при движении, сколько для пристукивания об землю, чтобы усилить назидательность своих речей. Несмотря на возраст, у него сохранились все зубы в виде желтых, сточенных временем обрубков, еле выступавших из десен. Усы и бородка, свисая и дрожа редкими, белыми, тонкими ниточками на маленьком сморщенном лице, производили

Created by free version of 2PDF
Bukatov University

комическое впечатление, когда он начинал говорить неожиданно звонким голосом, резко обрубая слова и фразы. Тем не менее никто в ауле не смел ни к действиям, ни к словам Алжигана-ата отнестись несерьезно, потому что он был живым аруахом, живым духом нашего рода. Удивительно противоречивым существом был этот живой аруах. В нашем быту сквернословие не было принято, а Алжиган-ата бранился постоянно и с таким искусством, что об этом рассказывали чуть ли не легенды в соседних аулах. У нас же над этим лишь посмеивались, и никто не считал нужным высказывать хотя бы слово осуждения. Даже мой отец, с отвращением относившийся к нецензурным словам, только улыбался, слушая, как старик ввертывает в свою речь непотребные выражения. Рассказывали, что в молодости Алжиган был совершенно спокойным. Подружившись с русскими парнями из соседнего села, неделями пропадал у них, играл в карты и, что позорнее всего, пил самогон. Этого ему не могли простить; непутевый был изгнан из аула, шатался неизвестно где до тех пор, пока родичи не всполошились (какой бы ни был, все же своя, родная кровь) и не поехали искать. Нашли его у дальних родственников по женской линии под Кустанаем, где он завел дружбу с самим Амангельды[1], а потом хвастался, что он, Алжиган, научил юного батыра приемам джигитовки на резвом коне. Остепенился он лишь годам к сорока, когда его чуть ли не насильно женили. Правда, семьянином стал хорошим. В гражданскую войну первым в нашем ауле понял, что красные несут справедливость, хотя, будучи неграмотным, он не имел ни малейшего понятия о классовой природе тогдашних событий в ауле, но чутье подсказывало, что, например, алчный Самет, богатея за счет родичей, как червь, разъедает дружбу, сплоченность и взаимную выручку внутри нашего рода. Он видел, что в каждом казахском роду есть такие, как Самет. Поэтому он первым в годы конфискации подписал приговор выслать Самета с семьей туда, как говорили тогда в ауле, где на собаках ездят, хотя аульный бай приходился ему двоюродным братом. А после очень беспокоился о детях Самета, которые, по его понятиям, напрасно пострадали из-за алчного отца, и даже ездил за ними, чтобы вернуть, но те отказались. Оказалось, что они еще пылали прежней враждой; и Алжиган, рассказывая об этом только моему отцу, которого очень любил, ругал себя за наивность. С тех пор он ни разу не вспоминал ни о самом Самете, ни о его семье, будто забыл их. Алжиган-ата был одним из активнейших организаторов коллективного хозяйства, потому что находил, что именно

[1] Предводитель восстания казахов против царского самодержавия в 1916 году, впоследствии погиб от рук националистов.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

наш народ, живя испокон веков родами, всегда мечтал об общем и справедливом владении хозяйством, скотом, имуществом, и то, что при даре плохим, алчным, бессердечным людям давали возможность богатеть, разлагало, портило всех людей. Поэтому он, несмотря на свой преклонный возраст, постоянно заботился о процветании родного колхоза, честя и ругая нерадивых из нашего рода. Один парторг колхоза даже шутил, что напрасно Алжигану-ата не начисляют трудодни, ибо ни один бригадир или другой руководитель не делает столько для колхоза, сколько этот старик. Алжиган-ата считал, что каждый, рожденный на исконной земле предков, должен здесь и оставаться, посвятить свою жизнь процветанию своего колхоза и своего рода. Но при этом он никогда не проявлял что-либо подобное нетерпимости, пренебрежения к другим родам, племенам и народам. Он просто полагал, что каждый должен хорошо заботиться о себе не во вред другому. Тогда будет хорошо. Он любил рассказывать об одном русском по имени Мекайло (наверное, Михайло), проживавшем до революции в нашем зимовье, выкладывая в казахских землянках нехитрые печурки. Был он добрым, веселым, хорошо говорил по-казахски, и его никто не считал чужим. Тогдашний аксакал нашего рода однажды сказал ему: «Мекайла! Почему ты не казах? Ты – такой хороший человек, мне жалко, что ты русский! Я не хочу, чтобы ты был русским!» Мекайла ему ответил: «Аксакал, ты – умный человек, и ты не должен желать, чтобы все хорошие, добрые русские стали казахами. Тогда у русских останутся только злые люди, и будет нехорошо, русские и казахи не будут жить мирно, будет на земле плохо. Пусть лучше и у казахов, и у русских будет одинаково много хороших людей. И я тоже лучше останусь, как и был, русским, раз я, как ты говоришь, добрый человек». По словам Алжигана-ата, мудрость этих слов так поразила нашего аксакала, что Мекайла остался на всю жизнь самым почитаемым им человеком. Сам же Алжиган-ата рассказывал эту быль (Мекайлу он знал лично) в назидание нам, младшим, чтобы мы не отзывались всуе небрежно и плохо о других, были дружны с разными людьми. При этом любил подчеркнуть, что для того, чтобы умно, красиво и интересно жить, казах должен оставаться казахом, а русский – русским. «Этого требует наша власть. Это тебе не белый царь, при котором детей в аулах пугали русскими. И я счастлив, что дожил до такой справедливой власти!» – кричал он, шумя и неистово стуча своей палкой, будто спорил со свирепым противником, хотя никто ему и не собирался возражать. Он, наш Алжиган-ата, был очень набожным человеком, не пропускал пять положенных в день намазов, но набожность у него была своеобразной. Например, если молится

Created by free version of 2PDF
Buketov University

один, заканчивал свой намаз так быстро, что молчаливая старуха его, Патсаим-аже, старалась совершать намазы отдельно от него, потому что считала, что Алжиган-ата, торопясь, недочитывает положенные молитвы и намазы его остаются «каза», т.е. не принимаются в небесах. Предполагалось, что совершающий намаз, весь отдавшись всевышнему и его пророку, как бы отрекается на время молитвы от всех суетных земных дел. Не таков был Алжиган-ата: он запросто прерывал молитву, отзываясь на любую будничную мелочь, а затем, как ни в чем не бывало, продолжал намаз дальше. И даже успевал при этом выбросить непотребное словечко. Непонятно было, как терпел Алжиган-ата в тех случаях, когда старики совершали групповой намаз, который исполнялся, как правило, и чинно, и длинно.

Когда я был еще мальчиком, мне казалось, что Алжиган-ата должен знать чуть ли не весь мир, так много рассказывалось в нашем ауле о его приключениях, о его былой силе, ловкости и бесстрашии. Взрослея, я с удивлением узнавал, что это не так. Теперь же знаю, что в каждом ауле в те времена были мудрые и добрые старички, подобные нашему Алжигану-ата, возможно, с меньшими или большими причудами и своеобразием в характере. Можно, наверное, отнести к одному из последних жизненных приключений аксакала то, как он вдруг за несколько лет до смерти стал муллой и без него не проходило ни одно поминание, где надо было справлять молитвенные ритуалы. Никому не было ведомо, учился ли Алжиган-ата когда-либо корану, сидел ли в детстве перед муллой, но знали, что он довольно сносно нараспев читает некоторые известные суры (главы) корана. Алжиган-ата с его суетливостью и резкостью, с неположенным для служителя пророка насваем (молотым табаком) за губой, с его склонностью к сквернословию никак не подходил к должности муллы. Тем не менее, он считался муллой, ему за чтение молитв дарили баранов, деньги, халаты, которые у Алжигана-ата никак не накапливались, потому что он потихоньку помогал нуждающимся солдатским семьям аула. Иногда думаю, почему совершенно малограмотный и даже несколько сомнительный мусульманин, Алжиган-ата вдруг стал популярным муллой, и прихожу к выводу, что, наверное, оттого, что тогдашние верующие старики и старухи бескорыстного, доброго чудака предпочитали некоторым промышлявшим на книге пророка чопорным, алчным, ханжески лицемерным религиозным грамотеям.

Из карьеры Алжигана-ата (он умер, когда я учился на третьем курсе института) как муллы сохранилась быль, которая характерна только для нашего любимого аксакала. Умер Ахмет из соседнего аула,

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ровесник Агжигана-ата, человек уважаемый, занимавший приблизительно такое же положение в родном ауле, как наш аксакал в своем. Хоронили Ахмета с возможными почестями на родовом кладбище. У свежей могилы Алжиган-ата сел читать ту длинную молитву из корана, которую положено читать мулле после захоронения усопшего. Все сели, ибо стоять при чтении молитвы не полагалось. Читал Алжиган-ата звонко, хорошо, но вдруг где-то в середине кашлянул, сбился, сделал нетерпеливую паузу и снова начал. Во второй раз опять кашлянул, опять сбился, не смог вспомнить, пришлось снова возвращаться к началу. Когда же сбился в третий раз, старик, спокойно оглядев сидящую в молитвенной серьезности паству, сказал: «Черт с ним, Ахмету и этого достаточно» – и развернул ладони перед собой, показывая, чтобы все перешли на ту часть молитвы, которая читается шепотом про себя и которой заканчивается молитвенный ритуал. Я здесь, друг мой, несколько смягчил слова муллы, он произнес «не черт с ним», а что-то более непотребное и чуть ли не по-русски. Дядя рассказывал мне, что сидящие у свежей могилы не знали, что делать: смеяться (что было бы нехорошо) или развернуть ладони и читать молитву (что было невозможно, так как всех разбирал смех). А мулла, как ни в чем не бывало, спокойно и серьезно завершил свое чтение, не сдвигая взор с ладоней, раскрытых перед челом. Позже, вспоминая тот диковинный случай, люди нашего аула толковали его в том смысле, что Алжиган-ата и Ахмет-аксакал были ровесниками и обменивались между собой такими едкими шутками, что происшедшее на кладбище можно отнести к продолжению этих шуток. Вероятнее же всего, старик забыл слова молитвы и завершил чтение сообразно своему характеру. Таким муллой был наш незабвенный Алжиган-ата.

Мать моя имела привычку, в особенности после того, как Алжиган-ата стал числиться муллой, приглашать его к нам вместе с бабушкой и другими стариками и старухами из аула на поминальный чай, чтобы прочитать молитвы по отцу. Я был расчетлив и знал, что это ложилось бременем на семейный паек, но мать эти угощения считала обязательными и перечить ей в этом было невозможно. В раннюю весну победного года ко времени и к великой радости семьи отелилась наша корова, и это был удачный момент для подобного приглашения – молозиво считалось большим деликатесом. На этот раз к нам пришли только Алжиган-ата и бабушка, чему я очень удивился. Бабушка, как я уже говорил, почти жила у нас, Алжиган-ата бывал редко и только по приглашению. Но когда приходил, сиживал подолгу, и мне казалось, что старику удобно и уютно сидеть в нашей теплой избе, толстые, чуть

Created by free version of 2PDF
Buketov University

ли не полуметровые стены которой были сложены, как и во всех избах аула, из дерна, а крыша аккуратно покрыта несколькими слоями того же дерна, вырезанного потоньше, вперемежку с негниющей длинностеблистой сухой травой с поймы реки. Все было сделано с той основательностью, которая отличала отца. Наша изба имела еще одно привлекательное отличие. В том предвоенном году, когда я бросил учиться, сильно разлилась наша река, и отцу в это половодье очень повезло. Как-то поехал он по колхозным делам на пойму и обнаружил в чаще талов штук пятнадцать или двадцать железнодорожных шпал, принесенных рекой бог знает откуда. Мы привезли их домой, отец намеревался распилить их в лесопилке на доски. Этих досок, он считал, хватит не только на избу, в которой мы жили, но и на дома сыновей, когда они женятся. Однако лесопилка была далеко, распилить не удалось, он их просто сверху чуть подстрогал и постелил дома на положенные поперечно вместо лаг длинные, ровные жерди. Получились низенькие нары в полутора шагах от двери; жить на этих нарах было намного удобнее, чем на смазанном глиной холодном полу. Алжиган-ата вошел, положил правую ладонь на грудь и сказал:

– Ассалаумагалейкум.

Отвечать было некому, так как я встретил его на улице, братьев тоже не было дома. Матери, сидевшей у печи и готовившей что-то горячее к чаю, отвечать громко не полагалось. На приветствие аксакала она лишь почтительно наклонила голову. Алжиган-ата скинул большие азиатские галоши, надеваемые на ичиги-масы, легко шагнул на нары и сел на сложенное вдвое толстое лоскутное одеяло, постеленное специально для него на самом почетном месте нашего дома, чуть левее маленького окошечка, расположенного против двери. Отрывисто, быстро спросив у матери о здоровье детей, ее самой, достал из кармана четки и стал нервно перебирать их, закрыв глаза и двигая губами; последнее означало, что он шептал слова корана. Когда, опираясь на посох и поддерживаемая мною, медленно вошла бабушка, старик, как будто того и ждал, так оживился, так озорно заблестели его глаза, четки с такой скоростью исчезли в его правом кулаке, что можно было подумать, будто до этого перебирал он их с неохотой, по чьему-то принуждению.

– Ты зачем, Мажит, эту развалину тащишь? – накинулся старик на меня. – Мы что, в доме Мукана не можем без нее за чаем посидеть? Ведь одно расстройство быть за одним дастарханом с такой слепой, беззубой, немощной старушкой. Жаль, что я тогда был мал, был бы постарше, ни за что не позволил бы ага жениться на ней! – Под «ага» аксакал имел в виду моего деда. Бабушка, услышав эти слова, постояла

Created by free version of 2PDF
Buketov University

у двери, потом сделала привычный шаг влево, к печке, уперлась левой рукой об нее, и голова ее затряслась в беззвучном коротком смехе (бабушка любила смеяться), вздохнула, произнесла свое обычное «слава аллаху» и, тяжело, но уверенно шагнув на нары, села рядом с Алжиганом-ата, который продолжал:

– Ты что, старушка, льнешь ко мне, места тебе не хватает... Поистине правду говорят: аллах хороших к себе забирает, плохих землю сорить оставляет… Нет, чтобы жил ага, вместо него живешь ты... Я б с удовольствием на твоей могиле прочитал молитву...

Бабушка опять залилась смехом, закашляла, отдышалась и, успокоившись, отпарировала:

– Жинды-жан[2], а ты, видно, тоже не очень-то нужен аллаху... Соришь землю не меньше меня да еще насваем и непотребными словами... Как узнала, что ты муллой прозываться стал, почему, думаю, люди грех на душу берут, тебя муллой называя, ну какой ты правоверный, ну скажи честно... Ты меня давно на тот свет собираешься отправить, опять грех на душу берешь, обижаешь, бессовестный человек, внуков моих, видишь, как они меня чуть ли не на руках носят. Нужна им, значит. Недавно подумала было: не чужой Жинды-жан человек, раз он муллой стал, неудобно его бесноватым называть, собиралась было переименовать, но как тебя переименовать, если, кроме «бесноватый», ни одно слово не подходит, как ни назови, сползет с тебя это слово, как вода с крыльев утки.

Ты, друг наш, может быть, даже не хуже меня знаешь некоторые особенности нашего быта в прошлом. Молодая женщина, приходя в дом мужа, роднясь с людьми всего аула, как правило, считала неудобным называть мужчин рода по именам, а давала им свои прозвища, так, чтобы эти имена-прозвища звучали ласково к младшим, почтительно к старшим. Этим она выражала свое уважение к роду, членом которого она стала. Присваивая личные прозвища младшим, молодая женщина в меру своего остроумия старалась высмеять какие-либо черты в характере, в поведении родного человека. Бабушка была на пять лет старше Алжигана-ата, и, когда она приехала в наш аул насовсем, он был еще малышом. Бабушка, видно, сразу разгадала особенности характера мальчика, когда его назвала Жинды-жан – «бесноватая душа», включая в это прозвище и элемент ласки, потому что «Жинды-жан» звучало одновременно и ритмически нежно, как «бесноватый наш» или «бесноватый мой».

---

[2] Жинды-жан – бесноватая душа

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Я не передаю здесь, может быть, и десятой доли тех едких острот, которые высыпал, как из короба, Алжиган-ата и на которые с неменьшей находчивостью отвечала не спеша, обстоятельно бабушка. Теперь же, приезжая в родной аул, я не слышу этих острот между людьми одного поколения, как это было раньше, острот язвительных, колких, порою грубоватых, острот, не вызывающих, тем не менее, ни злобного раздражения, ни неприличной перепалки и выслушиваемых с тактом и терпением, которым позавидовали бы ныне многие люди, называющие себя интеллигентными. Может статься, при пожилом профессоре, приехавшем из большого города, стесняются шутить, и все же думаю, что и в аулах переходят сейчас на изысканные комплименты. Это, конечно, очень хорошо, но все же жаль, что мы теряем много от постепенного исчезновения того соленого юмора, который веками процветал в нашем быту, не только скрашивая однообразие его, но и развивая в народе чувство юмора и умение выражать это смешное изумительно точными и емкими словами.

Вот так, пикируясь между собой, вспоминая дорогое прошлое и вздыхая о счастливом (счастье, по-видимому, заключалось в молодости) былом, старики с удовольствием насытились румяными, тающими во рту оладьями-куймак, испекать которые наша мать была мастерица, густым, свежим, пряным молозивом, наслаждаясь ароматным запахом и терпким вкусом фамильного чая из неприкосновенного запаса матери, неизвестного нам, детям, и хранимого ею для подобных случаев. После чая и чтения молитвы старики как будто ослабли: они прислонились к подложенным подушкам, как бы в полудреме перебирая четки, которые оба по привычке держали в руках. Мать сидела возле самовара и мыла посуду. Я собрался было уходить, но Алжиган-ата встрепенулся и, приподняв голову, сказал:

– Уай, долговязый щенок Мукана, куда бежишь, посиди со стариками. У меня к тебе разговор есть. Ты все время болтаешься, как жеребчик, отбившийся от косяка, вместо того, чтобы после занятий с детьми помогать колхозу и солдатским семьям, а теперь, говорят, по ночам при фитиле над книгами сидишь, вижу, глаза красные, дочитаешься, что ослепнешь...

К нарочито грубому обращению старика к ребятам и вообще к более молодым из аула мы привыкли, знали и то, что старик любит обобщать два-три замеченных им случая чуть ли не на все времена, ибо особой привычки болтаться без дела у меня не было. Меня больше всего поразил острый глаз старика, заметивший, очевидно, на улице (в избе, имевшей всего лишь два маленьких окна, было темновато) крас-

Buketov University
Created by free version of 2PDF

ноту век, действительно связанную с тем, что я зимними ночами, сидя рядом с матерью, занимавшейся шитьем, готовился к экзаменам. Между тем Алжиган-ата продолжал:

– Слушай, ты что это задумал ехать куда-то учиться? Толку с тех, кто выезжал из нашего аула, никогда не получалось. Назови мне хоть кого-нибудь, кто бы в стороне делами своими прославил наш род? Значит, не суждено нашим быть на виду через книжные занятия. Все хвалят тебя, что ты способный на книги, ну и хорошо, учи аульных детей, да ладом, все будем благодарны. Нечего мотаться; мать, братьев, аул оставлять, ехать бог весть куда и тревожить аруах покойного Мукана.

Алжиган-ата замолчал, посмотрел на мою физиономию, почтительно уставившуюся на его маленькие, в аккуратных масах ноги, и откинулся на подушку, видимо, решив, что, раз парень молчит, значит, согласился и будет делать, как он сказал. Тем более, меня он не относил к числу строптивых.

– Ата! – вдруг заговорила моя мать. Это было неожиданно и для старика, и для нас всех, ибо мать никогда не позволяла себе такую фамильярность. – Ата, вы простите меня, я теперь старшая в этом доме и прошу вас выслушать меня. Я хочу признаться вам: в том, что задумал Мажит, виновата я. Мажиту надо учиться. Вы сказали, что из нашего аула никто вне аула особых успехов не имел. Это, может быть, так. Но сейчас времена другие. Помните, покойный ваш брат (она имела в виду моего отца) не раз говорил, что теперь хозяином жизни станет тот, кто будет больше учиться. Слава аллаху, нам жаловаться на судьбу грешно, все дети вашего брата дома. У вашего ровесника и свата Мухамеджана из соседнего аула из десяти сыновей вернулся с фронта один, да и тот калека. Мухамеджан, вы сами помните, сделал той и сказал собравшимся: «Слава аллаху, было у меня десять сыновей, я не бахвалился и не хвастался перед теми, у кого их было меньше. Вернулся один сын – не жалуюсь и не плачу, потому что те девять сложили головы за Родину, и они живы для меня». Я думаю, что Мухамеджан многое отдал бы только за то, чтобы хоть один из девятерых был жив, где бы ни находился. Мажит мог остаться на полях сражений, и если аллах нашел нужным вернуть его, то пусть учится. Я прошу вас благословить его. Если он не умен и нет в нем намыса, то от него проку и здесь, в ауле, не будет, если же в нем есть что-то ценное от родовой закваски, то, где бы ни был, он будет думою и сердцем нашим и вернется в аул.

Created by free version of 2PDF

Я заметил, как старик собрал в какой-то удивленно-недоумевающий комок морщинистое лицо и обратил его к моей матери с таким выражением, будто перед ним внезапно заговорил человек, всю жизнь пребывавший в безнадежной немоте. Это было понятно: настолько молчаливо-почтительна была келин (сноха) Умсун, что ни разу за свою долгую жизнь в ауле не позволила себе обратиться к Алжигану-ата непосредственно; в тех редких случаях, когда были необходимы советы или помощь со стороны аксакала, она передавала свои просьбы, как правило, через Патсаим-апа или бабушку. Я видел, как морщины на лице старика постепенно стали расходиться по местам и как уже с любопытством и вниманием он слушал мою маму. Уставившись в самовар и ни разу не обратив взор в сторону Алжигана-ата (этого требовали аульные правила почтительности), мать спокойно говорила, видимо, заранее заготовленную речь.

Мать сказала, вероятно, все, что хотела высказать. Она умолкла, еще немного посидела молча, потом поднялась и отнесла за печку самовар, свернутый дастархан и поднос с посудой. Старик же сидел, не меняя выражения лица и, казалось, продолжал слушать, хотя мать уже давно перестала говорить, заняв свое обычное место у печи и приводя в порядок запечное хозяйство дома. Наступила длинная пауза, которая была слишком непривычна для бесед с участием экспансивного, живого, быстрого на ответы Алжигана-ата.

Я вспоминаю, дорогой друг, сказанное тогда матерью и думаю, что передаю здесь лишь приблизительное и краткое содержание ее речи. Говорила она так умно и неповторимо красиво, что ныне я не берусь восстановить образный колорит того, что было сказано тогда этой неграмотной женщиной. И совсем не случайно Алжиган-ата так внимательно слушал ее, а потом долго молчал. Я знал, что старик уважает мою мать, ибо она была из тех снох, которые старели на его глазах, ни разу не переступив перед старшими установленные пороги приличия. И если она заговорила с ним впервые, то Алжиган-ата должен был понять, что ей уже пора было заговорить, потому что она теперь не прежняя молодая келин, а пожилая вдова, глава семейства, человек, ставший по своему положению в ряд с видными мужчинами аула. Я полагаю, что в этот момент именно так и рассудил Алжиган-ата, ибо он умел быть объективным и справедливым, если этого требовала обстановка. А она в данном случае требовала этого: он уже догадался, что сегодняшний чай в доме покойного Мукана был специально задуман этими двумя женщинами, чтобы растолковать аксакалу целесообразность дальнейшей учебы их внука и сына, заранее зная, что аксакал к

Created by free version of 2PDF
Buketov University

этому предприятию относится отрицательно. Аксакал понимал также, что само желание рассказать ему, посоветоваться с ним, спросить у него разрешения свидетельствует о высоком уважении, которое питают эти женщины, и он не мог не ценить, особенно в связи с тем, что давно уже чувствовал, как время постепенно движется к тому, когда многие дела (если не все) будут молчаливо решаться и без участия таких шумных и капризных стариков, как он. Он, Алжиган-ата, не мог терпеть, когда говорили глупости, начинал нетерпеливо ерзать на месте и резко прерывал: «Ты что чепуху мелешь? Хорош рот, да язык не тот!» – ввернув всклад какое-нибудь непотребное слово. Сейчас же он был совсем другим, казалось, он задумывался над тем, как уговорить эту дорогую для его сердца родную келин оставить сына возле себя, как ей сказать о тех тяготах, которые ожидают ее, пожилую, с пятью оставшимися несмышленышами, как ей дать понять, что он, старик, знает, как легко разрушается благополучие и как тяжело и долго восстанавливается... Но он всего этого не мог сказать, ибо не в его правилах было жалеть и жалостью унижать близких.

Молчание становилось тягостным, и прервала его бабушка. Она медленно оттолкнулась от подушки, покашляла, выплюнула в находившуюся рядом консервную банку и, обратив свой незрячий взор в сторону Алжигана-ата, чуть ехидно улыбнулась: ей было смешно молчание шумного старика.

– Беу-у... Жинды-жан! Хорохоришься все, стариком стал хуже меня... Что замолчал, кол проглотил? Умсун дело говорит, надо отвечать... Отвечать спокойно, дельно. А то ты привык кричать, благо, в нашем роду уважают старших за седую бороду, а не за крик... Не то давно тебя выгнали бы из аула, потому что кричишь без толку...

Бабушка знала Жинды-жана. Она знала, что, когда он обдумывает и будет говорить обдуманное, его за слово не поймаешь. Лучше задеть его за живое, и тогда он и скажет то, что на самом деле на душе. Бабушка задела старика, задела не столько словами, сколько ехидной улыбкой. Он уже еле сдерживал себя, чтобы не сказать какое-либо из своих общеупотребительных слов, но слишком уважал мою мать и от этого мучился, подбирая выражения. Зато он накричал на бабушку, да так, будто срывал на ней зло, накопившееся в нем за целый месяц.

– Что вы, две бабы из дома Нурбая, взялись за меня? Я говорю и буду говорить, что никто из нашего рода ни почета, ни уважения на стороне не добивался и не достигал... И если этот твой внук не окажется болтуном и безмозглым дураком, а станет через книги хорошим человеком, если при этом у него не окаменеет сердце и он не сделается

Created by free version of 2PDF
Buketov University

чужим для нас, пусть едет... Я не стану возражать и брать на старости лет грех на свою душу... Вот этого ты от меня, старая развалина, хотела добиться! Вам, женщинам, легко рассуждать! А знаете, сколько теперь, после войны, в ауле мужских дел будет? Кто будет приводить в приличие крыши домов этого рода? Вы, женщины, будете? Об этом ты думаешь, слепая старуха? – продолжал шуметь Алжиган-ата, на что бабушка, привыкшая к подобным наскокам старика, продолжала спокойно улыбаться.

– Слушай, Жинды-жан, ты что расшумелся, как ручей в половодье? Я же тебя просила говорить дельно, спокойно...

– Поговоришь с тобой спокойно... Ты мне всю жизнь шилом в пятку колешь...

Мать подала мне знак уходить и сама вышла вслед за мной. Два старика продолжали пререкаться. Мы знали, что они пошумят еще немного, потом успокоятся, вспомнят снова кое-что из былого, отдохнут и разойдутся по домам. Мать была довольна, теперь у Алжигана-ата не будет причины обижаться, что ему ничего не говорили, с ним не советовались. Теперь он будет от души молиться за благополучие всех шагов раба аллаха Мажита, сына Мукана, из рода Алдакаш. Мать этому придавала особое значение. Мать знала, что старик и так молится за всех людей своего рода, но одно дело просто молиться, другое молиться за того, кто был неизменно почтителен и внимателен к старику. Собственно, последнего, как мне казалось, тогда добивались бабушка и мать.

...Была уже вторая половина июля года Победы. Я собрался ехать учиться и обходил на прощание дома аула. Обходил, как положено человеку, собравшемуся в дальнюю дорогу: садился на минутку, откусывал или отпивал что-либо съестное и прощался. Зашел к Алжигану-ата. Он со своей старушкой и кучей внучатых племянников сидел за утренним чаем. К дастархану присел и я.

– Ну что, долговязый щенок, добился своего!.. Езжай, да не тяни за собой других. Умру я в твое отсутствие – скажи за меня божье слово... Да будет в пути конь рысист под тобой, да поведут тебя аруахи предков за собой... Аминь!

Я поднялся и вышел. Я уже был за воротами, как слышу:

– Уай, щенок, вернись-ка! Во всех домах был? Никого не обходи, не положено. – Старик засеменил ко мне, что-то доставая из внутреннего кармана жилета. Подойдя вплотную и не глядя на меня, сунул руку в наружный карман моего пиджака и закричал:

Created by free version of 2PDF
Sukeiov University

– Иди, щенок! Что уставился? – его маленькая, сгорбленная фигурка быстро скрылась под навесом двора. Я посмотрел вслед, пошарил в кармане и достал измятую, замусоленную сторублевку.

Вспоминаю, как видишь, дорогой друг, разных, дорогих моему сердцу хороших людей и с упоением болтаю о никчемных обыденных мелочах, связанных с отношением этих людей ко мне. Я знаю свою неизменную склонность к самоутешению и все же полагаю, что если жизнь и обстановка складывались таким благоприятным образом, что не было повода ни для испытания моего характера, ни для закалки моего упорства, то, во всяком случае, может быть, стоит рассказать о хороших людях, с которыми меня сводила судьба. Ведь как подсказывает опыт пожилого человека, само воспоминание о таких людях, пробуждая добрые чувства, облегчает жизнь и работу.

В то время встречались, конечно, и плохие люди. Я помню, например, учительницу, преподававшую нам в девятом классе. Малограмотность ее была настолько явной, что мы, комсомольцы, ходили жаловаться на нее в районе. Но эта сытая и самодовольная дама продолжала мучить учеников до самого конца войны, потому что была супругой самого большого районного начальника. Помню председателя колхоза, который за пустяк выругал нецензурной бранью и побил моего брата, незлобивого и послушного паренька. Председатель этот живет в ауле и поныне, но, видимо, не забыл свое свинство и на приветствия мои отвечает, опустив глаза. Но я сейчас уверен, что эти соприкосновения с неприятными людьми играли весьма незначительную роль в моей жизни и не стоят того, чтобы о них вспоминать. Оказывается, желчь, кипевшая в свое время в оскорбленной душе, теряет со временем свою горечь, между тем как добрые воспоминания способны воскресать с новой силой, вызывая первозданно свежие радостные эмоции.

Письмо третье

Дорогой друг!

Я не знал, что может быть так дорого человеку прошлое. До сих пор мне казалось, что прошлое может быть дорого при безотрадном настоящем. Так воспитывали нас, по крайней мере, сказки и предания, выдумывавшиеся народом для самоутешения. Я, как ты знаешь, не могу пожаловаться на свое настоящее. Жизнь прекрасна и удивительна.

Suketov University
Created by free version of 2PDF

И, тем не менее, затеяв благодаря твоей настойчивости ворошить прошлое, я все больше убеждаюсь, что прожитое встает перед глазами в таких волнующих подробностях, что начинаешь стыдиться безрасчетного желания рассказывать о них, отставив важные, безотлагательные сегодняшние дела.

Был у меня в студенческие годы друг, страстно любивший Маяковского. От общения с этим другом у меня в памяти сохранилось четверостишие, запомнившееся, по-видимому, не столько из-за смысла (я смыслу тогда не придавал значения), сколько из-за звучности:

Я же думал,
Песни делаются так:
Пришел поэт, легко разжал уста,
И сразу запел вдохновенный простак:
Пожалуйста!

Я вынужден сознаться, что примерно такое же представление было у меня о письмах, которые я тебе пишу. Теперь, после первых шагов в этом деле, я чувствую, как был наивен, взявшись за него, ведь я полагал, что стоит вспомнить что-то связанное с моим обучением и становлением как научного работника, с моими учеными изысканиями, как станет писаться легко и просто. Но одно дело, когда воспоминания приходят и уходят, вызвав мимолетное умиление или горечь, на миг высветив на лице былую радость или чуть взбередив в душе далекую боль, и совсем другое дело, когда эти воспоминания надобно переносить на бумагу. Тут необходимо, как я теперь начал постигать, особое приноровление, особое искусство тормозить в голове прохождение картин прошлого, как это делается в замедленной съемке, мало того, необходимо останавливать тот или иной кадр, чтобы списать его, сделать, так сказать, натурную съемку с возможной рельефностью, резкостью в деталях. Вот видишь, я даже заговорил языком киношника. Легко сказать – затормозить, задержать кадр. Насколько я понял, это не дается даром: в душе поднимается что-то такое, что до сих пор было малознакомо для меня. Я знаю, как при резком торможении сильно нагреваются трущиеся части механизма. Аналогия, конечно, грубая, но нечто подобное имеет место теперь и во мне. Воображением уношусь в былое и невольно начинаю жить прошлым: воспоминания бередят далекую боль уже не чуть-чуть и не слегка, радость и умиление теперь не обозначаются лишь мимолетной улыбкой, а происходит что-то более глубокое и волнующее. Кажется, прожита самая обычная жизнь самым обычным человеком, жизнь, не украшенная ни взлетами, ни падениями, ни заметным влиянием на какие-либо сдвиги в окружающем обще-

Created by free version of 2PDF
SUKBO University

стве, и тем не менее перед мысленным взором громоздятся люди, события, смешивается их последовательность. Попробуй при этих условиях отобрать «кадры» таким образом, чтобы не сместить каждый из них с истинного его положения в цепи описываемого и, главное, сохранить действительное соотношение между ними по значимости. Пойми меня, пожалуйста, правильно: я далек от мальчишеской дерзости и претензии осмыслить и обработать факты прошедшего по писательски; того неприхотливого беспорядка, о котором я писал, мне не избежать, но я не могу в то же время допустить, чтобы тот или иной жизненный факт в моих описаниях или несоразмерно выпирал, или излишне тушевался по сравнению с тем, какое он имел влияние на мою судьбу. И это, как теперь я убедился, дается очень нелегко. Без невольных смещений, по-видимому, не обойтись. И мне, признаться, немного не по себе от этого. Я ведь, что ни говори, научный работник, почти всю сознательную жизнь гоняющийся за тем, чтобы не допустить отклонений от истины.

И все это, мой дорогой писатель, пишу к тому, что я вот сейчас вспоминаю, как после окончания института остался в аспирантуре и, восстанавливая в памяти во всех возможных подробностях этот отрезок былого, я не могу точно определить, кто какую роль сыграл в этот решающий момент, определивший мое будущее. Позже, когда у меня обозначились кое-какие начальные успехи в научной работе, нашлось несколько товарищей, которые скромно напоминали, что именно они впервые заметили мои способности и чуть ли не по их настоянию я остался на научной работе. Я благодарил их, хотя знал, что ничего подобного на самом деле не было. Вся сложность заключается в том, что делающий по-настоящему хорошее чаще всего молчит об этом, точно как в мудром анекдоте, связанном с именем Бернарда Шоу. «Какого вы мнения о браке? – спросили великого драматурга. «Никакого, – ответствовал он, – ибо кто не вступил в брак, тот ничего не знает, а кто вступил – тот молчит навеки».

Вспоминаю, что при поступлении в аспирантуру моя роль была более чем пассивной. Я не очень хотел стать аспирантом, наоборот, у меня было желание ехать на производство, желание заработать, ибо мне надоела нужда и я жил мечтою помочь матери и братьям. И поэтому, когда вели со мной предварительные, как теперь говорят, переговоры в деканате, в партбюро и сказали, что хотят мою кандидатуру рекомендовать в аспирантуру, я все это напрямик высказал. Лишь сейчас могу оценить, как тогда были внимательны ко мне, просили не торопиться с решением, обдумать, обмозговать. Именно в это время

Created by free version of 2PDF
Bukefov university

приехал в командировку один мой приятель, преуспевающий в нашем областном городе, и повел меня в ресторан. И за столом, предвкушая обильно заказанное, я рассказал приятелю, что меня хотят оставить в аспирантуре, рассказал с некоторой гордостью, ибо мне было трудно скрыть, как приятно щекотало мое самолюбие, что мной занимаются, меня отличают от других. При этом я обстоятельно объяснил приятелю, не знавшему смысла слова «аспирант», что это означает, что я буду продолжать учиться и дальше. Приятель засмеялся.

– Наука совсем выбила житейский разум из твоей головы, Мажит! Сидишь, как Кащей Бессмертный, кожа да кости, да еще и дальше хочешь корпеть над книгами... Представляю твою трясущуюся, длинную, как жердь, фигуру в очках, с тросточкой в одной руке, с толстым портфелем в другой; фигуру, умерщвленную книгами... Жить-то когда будешь?

Я посмотрел на сытую, лоснящуюся, самодовольную физиономию друга, на его модный в то время полувоенный костюм, завидно облегающий его полнеющее тело с уже обозначившимся животом, и мне стало не по себе от глупой гордыни, которая обуяла меня в связи с предложением остаться в аспирантуре. Разгоряченный водкой и сытной закуской, я сам начал смеяться вместе с приятелем над собой, так как мне показались странно неразумными вообще какие-либо думы о дальнейшем проживании на стипендию.

И все же я остался в аспирантуре. Можно было полагать, что на мое рвение повлияла Ваша женгей [3], с которой мы только что сошлись. Она училась на курс ниже, и мне, естественно, не хотелось расстаться с ней надолго. Но это не могло играть большой роли, потому что, во-первых, она сама очень жалела мою мать и очень хотела, чтобы я скорее получил нормальную зарплату, во-вторых, год был не такой уж большой срок, и почти половину этого времени она могла проводить на преддипломной практике со мной на том предприятии, где я буду работать, ибо мы учились по одной специальности. Мы даже так и договорились, обсуждая нашу дальнейшую жизнь. Но тут произошел случай, который, как мне казалось тогда, решил мое будущее.

Мы, выпускники, имели обыкновение после защиты проекта собираться группами в комнатах общежития, чтобы «обмыть» защитившегося. Особенно не дремали по этому поводу защитившиеся ранее других, ибо им не оставалось заниматься ничем, кроме «обмывания». Помню, в тот день защитился Толя Сучков, парень во всех отношениях

[3] Т.е. в данном случае жена автора.

Buketov University

Created by free version of 2PDF

«свойский» и простой. Когда мы после защиты зашли к нему в комнату, там уже сидел проживавший вместе с Анатолием Ромка Вансовский. Втроем мы «раздавили» положенную поллитровку, закусили чем бог послал и разговорились о том, что занимало тогда всех нас: кому куда предстоит ехать. Меня потянуло на откровенность, и я подробно рассказал о своих желаниях и сомнениях, о том, что так называемая аспирантура (пренебрежительный тон по отношению к аспирантуре, которого я держался тогда, точно помню) мне не улыбается. Лобастый, белобрысый, толстогубый Сучков, сидевший против меня, обнажив в улыбке верхние рыхлые десны, выступавшие над короткими зубами (на эти десны я почему-то постоянно обращал внимание), вдруг засверкал на меня своими большими серыми глазами и сказал:

– Такого дурака, как ты, Мажит, я не видел. Тебя оставляют в аспирантуре, хотят обучить на большие дела... В Академии наук республики, в вузах не хватает научных кадров, особенно национальных, и ты, нахал, еще артачишься! Ты не понимаешь, какая это честь. Правда, ты не лучше многих других учился, но это еще можно понять, ты на голой стипендии перебивался. Ты это должен, если окончательно не зазнался, ценить. Слушай, ты не знаешь, что в естественных и технических науках вас, магометан, раз-два и обчелся. – Толя казахов называл магометанами, а русских – христианами. – Нас пятьдесят в выпуске, среди них вас, нехристей, только два. Это же позор. Значит, ты должен явиться примером. Это, если хочешь знать, даже твой долг, дружок!

Я, признаться, не ожидал от Толи Сучкова такой внушительной тирады. Я никак не полагал, что так умно и далеко смотрит на вещи наш простоватый рубаха-парень Толя. Говорил он искренне, от души.

Спокойный, интеллигентный, красивый Ромка поправил очки на своем тонком греческом носу и поддержал Сучкова:

– А что, Мажит, я думаю, Толя прав. Тебе особо чваниться не нужно, надо соглашаться. Потом захочешь к этому делу вернуться, будет поздно. Твои меркантильные интересы – это глупость. Учти, что теперь государство ни о ком так не заботится, как об ученых.

– Слушай, вы что, кафиры жестокие, нарочно затащили несчастного сына степей, чтобы трясти и учить уму-разуму? Вы что с двух сторон взялись за меня! – пробовал было я отшутиться, но Толя на это сказал:

– Разговор затеял ты сам. Но если ты дурак, то почему бы нам об этом тебе не сказать...

Этот разговор с друзьями я запомнил навсегда. Теперь Анатолий Федорович Сучков, кандидат наук, заместитель директора большого

Created by free version of 2PDF

Buketov University

научно-исследовательского института, а Ромка уже не Рома, а Роман Иванович Вансовский, один из ведущих руководителей крупного химико-металлургического предприятия.

Пишу, дорогой друг, это все и думаю, каким я был легкомысленным молодым человеком в свои немалые двадцать семь лет. Мне становится совестно за себя, хотя предвижу, что мне придется стыдиться еще не раз. На самом деле, что было бы, не будь у меня этого последнего разговора с Толей и Ромкой? Если бы остался на уровне ресторанного смеха над моим научным будущим с приятелем-земляком? Со мной провели бы хорошую беседу, меня бы, возможно, убедили, а может быть, махнули бы рукой, видя, как я чванюсь, чуть ли не набавляя себе цену, когда речь идет о серьезном и принципиальном. Могло быть и так... И тогда моя судьба сложилась бы наверняка не такой удачной, ибо я все же по характеру не мог бы быть строгим и последовательным в своих решениях производственником-организатором, который должен обладать, как мне представляется, едва ли не полководческой твердостью, решительностью и маневренностью в своих действиях. Однако думаю, будет не очень справедливо, если все в решении моей судьбы отнести к этой случайной обработке неразумного парня разумными друзьями. Ситуация внешне сложилась таким образом, что я, действительно, выглядел легкомысленным. И все же хочу сказать кое-что в свое оправдание. Ведь соображения, аргументы и контраргументы лежали как бы на чашах чувствительных весов, стоило на одну из чаш бросить маленькую дополнительную гирьку новых соображений, как она перевешивала. В данном случае перевесило решение остаться в аспирантуре благодаря случайному разговору с приятелями. Между тем, как я уже писал выше, с самого поступления в институт я думал о том дне (мне постоянно тот день снился), когда я стану инженером, поеду работать, получу квартиру, заберу к себе мать и братьев, создам им условия для нормальной жизни. С этой мечтой я учился и жил все время. И, конечно, необходимы были какие-то посторонние усилия, чтобы что-то противопоставить этой мечте, чтобы заронить в мою душу семя контрмечты. И только после того, как оно основательно проросло в душе моей, я мог согласиться с моими друзьями, когда они с подкупающей прямолинейностью громили меня за неблагоразумие. И здесь я должен рассказать о человеке, который сыграл в моей жизни такую роль, что я не берусь оценить. Он впервые дал мне понять, что кроме производственной, инженерной работы есть еще научная работа и что научным трудом могут заниматься и такие молодые люди, каковым в то время являлся я.

Created by free version of 2PDF

Buketov University

Увидел я его впервые на собрании, посвященном нашему зачислению в институт. Выступали директор (по-нынешнему – ректор) института и видные профессора других факультетов. Мы довольно долго ждали представителя нашего факультета. Когда, наконец, объявили, что представляется слово профессору, доктору, заведующему кафедрой Пенеру Владимиру Фридриховичу, от стола президиума отделился небольшой кургузенький человек. Это был светлый блондин с небольшими серыми глазами. Теперь он не казался таким маленьким, как до этого, и лицо его выглядело более крупным и массивным. Начиная говорить, он коснулся ладонью правой руки аккуратно зачесанного светлого пушка волос, сохранившегося еле заметным островком на широкой лысине и увеличивающего и без того большой лоб. Пальцы руки при этом изящно выгнулись наружу, на безымянном заблестело массивное золотое кольцо. Я, может быть, не обратил бы внимания на эти длинные, красивые пальцы, если бы не кольцо, которое я видел на пальце мужчины впервые. Профессор причмокнул нижней, чуть свисающей толстой губой и скучным, будничным, скрипучим голосом начал рассказывать о сути той специальности, которую мы избрали. Признаться, нам просто обидно было слушать в этот торжественный для нас час такой скучный рассказ, гасивший хотя и не ясные, но все же романтические представления о нашей учебе и будущей работе. Мы позавидовали студентам смежных факультетов, профессора которых увлекательно и живо говорили о заманчивых перспективах студенческой жизни и инженерного труда. Особо очаровал нас профессор Каретников, который со своим звонким голосом, с привлекательными модуляциями, эффектными жестами и патетическими восклицаниями показался мне только что перешедшим на скромную кафедру перед студентами-новобранцами с трибуны Парижского конвента или английского парламента, знакомых мне по Виктору Гюго. Помню, как этот профессор щедро сыпал на нас такие ошеломляюще красивые словосочетания, как «аксессуары студенческого бытия», «колумбы познания», «девятый вал творчества» и другие. Эти пышные осколки фраз, даже не будучи до конца понятыми, привели нас в такой восторг, что слушать после этого буднично скрипящего Пенера мы были не в силах.

Так был я разочарован, когда впервые увидел Владимира Фридриховича. Это был один из ярких примеров того, как может быть обманчиво первое впечатление. Два десятка лет я так или иначе соприкасался по работе с профессором Каретниковым и не мог слушать без грусти, переходящей порой даже в отвращение, его избитые эпитеты,

Bukrov University

Created by free version of 2PDF

приевшиеся обороты; сам же профессор, наверное, был уверен в своем красноречии. Владимир Фридрихович Пенер был человеком совершенно другого склада; он принадлежал к тому типу людей, которые завоевывают расположение постепенно, незаметно, но зато твердо и устойчиво. Но об этом я расскажу ниже.

Владимир Фридрихович руководил так называемой выпускающей кафедрой, в которую студент приходил уже на старших курсах и оформлялся там как специалист. Поэтому почти до окончания третьего курса профессора Пенера приходилось видеть только издали. Мне, как и каждому студенту, поглощенному заботой об очередных зачетах и экзаменах, беготней по общественным делам, иногда забывающему все из-за ворвавшегося в жизнь мимолетного увлечения, мало приходилось думать о предметах будущей специализации. Правда, мы уже знали, что на факультете имеются три выпускающие кафедры, на одной из которых мы должны получить воспитание как специалисты. И когда к окончанию курса мне сказали, что я буду специализироваться на кафедре профессора Пенера, на меня эта весть особого впечатления не произвела, хотя, встречаясь по комсомольским делам со студентами старших курсов, я был уже наслышан о том уважении, которое питают на факультете к профессору Пенеру, и у меня понемногу стиралось то невыгодное впечатление, которое я получил от его первого выступления перед нами.

Мне сказали, что вызывает к себе профессор Пенер. Оказалось, что вызывал он не меня одного, а нескольких студентов из тех, кто попал при распределении на его кафедру. Мы, естественно, волновались, потому что в какой-то степени решалась судьба каждого как специалиста. Когда я вошел в кабинет, профессор сидел, что-то просматривая.

– Здравствуйте, Мажит Муканович, – сказал профессор и поднялся навстречу из-за своего стола, занимавшего чуть ли не половину маленького кабинета. Он протянул руку, которую я сжал было, собираясь по привычке еще и тряхнуть, но, ощутив по-женски мягкую ладонь и тонкие пальцы в своей грубой лапе, растерялся, поняв, что усилия Собакевича, применяемые нами, здоровыми студентами, при взаимных приветствиях, ни к чему, и резко разжал свою руку. Я думаю, что в этот момент сильно покраснел. Но профессор сделал вид, что этого не заметил. – Садитесь, пожалуйста, – продолжал он, указывая мне стул напротив. Я посмотрел на него. Посмотрел потому, что было совершенно неожиданным впервые услышанное в стенах института обращение по имени и отчеству; неожиданным было и то, как профессор встал и подал руку. Думалось, что это-какой-то розыгрыш, который может

Buketov University
Created by free version of 2PDF

себе позволить пожилой человек, находясь на недосягаемой для скромного студента ступени бытия. К тому же я был наслышан о чудачествах больших ученых и как-то даже заранее предполагал возможность чего-то неожиданного и необычного. Это была на самом деле для меня первая в жизни встреча с настоящим профессором. Читал нам лекции профессор-физик, вел занятия с нами профессор-химик, мы этим гордились, но они профессорами стали после того, как мы прошли через них, перед нами они выступали еще в качестве доцентов. А с профессором, доктором наук, с членом-корреспондентом Академии наук республики, с личностью, обремененной еще какими-то, прямо сказать, звездными званиями, я разговаривал впервые. Было отчего усомниться в подлинности той простоты, которая поднимала меня на уровень, позволяющий вот так, чуть ли не на равных разговаривать с человеком, на которого, как казалось мне тогда, я должен был смотреть только издалека, только снизу вверх. Но все, с чего началась эта встреча, призывало и предрасполагало к волнующей простоте: я смотрел внимательно, и ни малейшей неестественности не обнаружил ни на лице, ни в его взгляде. Он спокойно, чуть сморщившись и зажмурив глаза, прикурил от пламени спички, затянулся и откинулся на спинку кресла. Серые глаза, обратившиеся ко мне из глубоких впадин, смотрели совсем нестрого, они, наверное, и не могли смотреть строго, потому что им в этом никак не помогли бы светлые брови, рассыпавшиеся настолько широко и редко, что никакая сердитость, казалось, не в силах их сдвинуть в холодный, угрожающий сгусток. Правая рука его легла на стол, между изящно приподнятыми указательным и средним пальцами столь же изящно задымила длиннейшая папироса. При этом он не забыл осведомиться: «Не курите?» – по-видимому, намереваясь угостить меня из большой, красивой, непривычной для моего курящего окружения дорогой коробки «Казбек». Я, наконец, стал понимать, что это и есть та самая простота, которой отличаются, как я знал больше из литературы, чем из жизни, истинно культурные, истинно образованные люди, и что мне, человеку, получающему высшее образование, нет особого резона удивляться. Между тем Владимир Фридрихович продолжал:

– Теперь вы пришли на кафедру, откуда, как говорят, выпорхнете специалистом. И нам надо сейчас поговорить, чем и как будем заниматься, вплоть до предварительного определения темы дипломного проекта. Впереди, правда, два года, но время летит, знаете, быстро.

И он стал расспрашивать меня, как я учился, какие у меня интересы и т.д. Говорил он чуть басовитым, грудным голосом, располагаю-

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

щим к откровенности. Стараясь уловить что-то подобное той скучной скрипучести в голосе, которой он разочаровал нас тогда, три года назад, я с удивлением находил, что это была глупая ошибка, что профессор подобным голосом не говорил и не мог говорить.

Мне показалось, что мне надо обязательно объяснить профессору, почему я так неровно учился, опускаясь иногда до безликой тройки. Я подумал, что у меня есть на то объективные причины, о которых следует рассказать профессору. При этом вовсе не приходило на ум показать себя как-то с лучшей стороны. Хотелось просто изложить все, как есть, ибо считал, что я на самом деле не совсем виновен в своей неровной учебе. Конечно, увлекался, много читал посторонних вещей, отдавался чувствам. Но все же кончил десятилетку экстерном, и пробелы в знаниях программы средней школы сказались при усвоении предметов первого курса. И самое главное – вовсе не предполагал поступить в технический вуз. Я подал свои документы на исторический факультет университета, быть историком – это была моя мечта еще с отрочества, мечта, навеянная Иваном Антоновичем. А то, что оказался в горно-металлургическом, было совершенной случайностью, связанной с моей бесхарактерностью. Сдав документы и готовясь к вступительным экзаменам, решил на досуге посетить знакомого парня, который поступал в этот институт. Он то и рассказал мне, что стипендия в институте выше чуть ли не в полтора раза, чем в университете, и что министерство, которому готовит кадры институт, помогает нуждающимся студентам дополнительным питанием. Я, не долго думая, забрал документы из университета и перенес в приемную комиссию института.

Дорогой друг, привожу здесь лишь краткое содержание того, что говорил тогда Владимиру Фридриховичу. Рассказывал, видимо, подробно и долго, судя по тому, что просидел более часа. Я и теперь не могу рассудить, почему так получилось, или в тот момент потерял чувство экономии времени, которое должно было бы, наоборот, обостриться при встрече со столь занятым человеком, или оно, это чувство, у меня по инерции, вынесенной из аульной жизни, было притуплено вообще, словом, совсем не думал, что растрачиваю время профессора своей ненужной болтовней. Между тем, он сидел и слушал, не проявляя ни тени нетерпения. Выслушав, задумчиво улыбнулся и сказал:

– Словом, продались за дополнительную ложку похлебки... Между прочим, в жизни было немало подобных примеров. Это не ново, молодой человек. В некие далекие времена что-то подобное случилось, например, и со мной. И когда я в этом признался своему учителю, знаменитому химику Павлу Павловичу Федотьеву, он мне сказал: «При-

Created by free version of 2PDF

звания в жизни нет, но есть в ней цель и воля». Я долго думал, где же я читал или слышал эти стихи. Оказалось, что он просто перефразировал по-своему Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Этим он хотел внушить: надо поставить перед собой цель, напрячь волю, там и появится так называемое призвание. Я, Мажит Муканович, эти слова моего учителя привел к тому, что мне понравилась ваша самокритичность. Очень хорошо, когда человек чувствует свои недостатки, это залог того, что он будет их исправлять. К сожалению, мне часто приходится за этим столом разговаривать с молодыми людьми, которые на вопрос об успеваемости чуть ли не с гордостью отвечают: «нормально», а за этим «нормально» – зачетка, где тройки, и лишь кое-где проглядывают четверки.

Далее, продолжая говорить, он осведомился, пробовал ли я участвовать в научных кружках, думать в научном плане над какой-либо проблемой. Я напрямик ответил, что этого не было, потому что никто подобных заданий не давал. Это вызвало у него улыбку, которую я тогда не понял. Теперь же думаю, что он улыбался моему простодушному признанию, которое свидетельствовало о том, как растут люди, работающие только по заданию. В конце беседы он вынул из стола брошюрку и, назвав имя очень известного ученого, сказал, что книжка является частью докторской диссертации этого ученого и что в ней излагаются понятия, уже теперь входящие в учебники, и что он просит меня внимательно прочитать, не торопясь свести содержание в конспект, и что уже осенью, на четвертом курсе, состоится обсуждение, где выяснится возможность дальнейшей работы в плане того, какие мысли и соображения будут вызваны при чтении и конспектировании. Когда он поднялся, давая знать, что беседа окончена, я заметил, что профессор чуть горбат, а элегантная мешковатость его просторного костюма не столько скрывала этот недостаток, сколько превращала его в какую-то приятную особенность небольшой фигурки стареющего человека.

Когда я вышел от профессора Пенера, в маленьком коридорчике перед его кабинетом стояли мои товарищи, ожидавшие своей очереди. Я знал, что должен был войти Ваня Стальнов, но он так великодушно кивнул головой в сторону чернявой Оноприенко, что та, хотя и вскинула с удивлением свои густые брови, но все же прошла. Нина удивилась не случайно. Толстенький, пухленький Ваня Стальнов был страшно рассудительным парнем, он понимал, что для нас, студентов, эта первая встреча с нашим профессором много значит, и, обратив внимание на длительность нашей беседы и на мое сияющее лицо, он проявил

Created by free version of 2PDF
Sukkot University

необычное для него джентльменство, пропустив вместо себя Нину; остался, чтобы разузнать, как и о чем я беседовал с будущим шефом, ибо ему необходимо было все учесть для создания о себе благоприятного впечатления. Признаться, мне не хотелось говорить о волнующих подробностях беседы Ване Стальнову, которому, как мы хорошо знали, были мало ведомы чисто человеческие, безрасчетные эмоции. Я торопился. Торопился донести эти волнующие подробности до кого-либо из хороших друзей, до девушки, с которой завязывались у меня отношения, до людей, которые бы поняли мое душевное состояние. Я еле вырвался из цепких лап Стальнова, но все же не преминул показать ему книжку, назвав ее личным подарком профессора, хотя на самом деле Владимир Фридрихович просил беречь и вернуть ее. Маленькие заплывшие глазки Вани Стальнова засветились завистью, чего я и добивался. Уходя, добавил:

– Беседа была бы еще более продолжительной и теплой, если бы я курил. Он настолько деликатен, что обязательно предложит – не теряйся, не будь дураком, закури, во-первых, такие дорогие папиросы ты не скоро будешь курить, во-вторых, курение расположит к тебе.

Дорогой друг, прости меня, что я вплел этот эпизод, связанный с Ваней Стальновым, в свой рассказ. Он, в общем-то, мало что прибавляет к тому, что я хочу сказать, но я не мог его выкинуть, потому что мне теперь кажется, что не так запомнил бы детали этой встречи с профессором и не так оценил бы ее, если бы не пристал ко мне в этот момент со своими расчетливыми вопросами этот мой сокурсник.

На четвертом курсе кафедра профессора Пенера стала для нас уже своей. Мы здесь проводили довольно много времени, выполняя курсовые лабораторные работы. Большею частью эти работы проводились внизу, в просторном полуподвальном зале, откуда в коридорчик перед кабинетом профессора вела крутая деревянная лестница, по которой мы носились, потому что часто приходилось бегать вверх в другой лабораторный зал, справа от коридорчика, по различным лабораторным надобностям. Мы стали теперь часто встречаться с профессором, хотя обстоятельных бесед, как в первый раз, он с нами не проводил. Он посещал лабораторию, подходя к каждому из нас, расспрашивал о работе. Мы этих его визитов и ждали, и боялись, потому что надо было говорить что-то конкретное в ответ на его расспросы, а дела у многих из нас ладились не сразу. Тем не менее мы этими лабораторными работами гордились и занимались с увлечением, потому что они выполнялись не по шаблонной прописи, а по специальному плану, разработанному преподавателями кафедры для каждого в отдельности при нашем уча-

Created by free version of 2PDF
Yurlov University

стии и утвержденному самим профессором. Казалось, что каждый из нас выполняет серьезное, чуть ли не самостоятельное исследование.

Я на четвертом курсе испытывал какой-то подъем, уверовал в себя. Вообще жить стало веселей. Приятно было, что наступает время достатка, что годы нужды уходят в воспоминание. Ты представляешь, друг, (у тебя тоже, наверное, такое было) мое состояние, если в то лето, побывав на практике, заработал столько этих рублей, что, приехав домой, вовсе не думал над тем, как и где раздобыть малую толику денег, чтобы выехать обратно. После работы на производстве успел накосить матери сена, навозить и нарубить дров. Этим я занимался и в предыдущие годы, но в этом году и хозяйствовать дома было легче, хотя бы потому, что мать уже не распределяла кусочки, выгадывая для своего студента-сына за счет других сыновей. Остались позади разговоры о семейной эпопее по ежегодному весеннему сбору колосков. Кроме того, четвертый курс – все же четвертый курс. Уже было почти рукою подать до заветного диплома инженера и работы с солидной зарплатой.

В один из тех дней, когда мы, вышучивая друг друга, принялись за работу в лаборатории, подошла моя очередь взбежать наверх в кабинет профессора. Дел там никаких не было, но зато среди нас был Нульман. Он имел привычку о каждом своем лабораторном опыте, о каждой ее ступени докладывать самому профессору. И был уверен, что профессору это интересно. Причем, как мы знали, он был далек от умыслов помаячить лишний раз перед глазами профессора, простодушно верил, что делает большое дело и ему необходимо быть страшно наблюдательным, дабы не упустить какое-либо важное новое явление. Открытия, как он знал, – плод исключительной наблюдательности. Он был шестым в нашей группе, и мы все пятеро довольно тонко поощряли эту наивную уверенность Нульмана, делая большие удивленные глаза, когда он начинал рассказывать что-то им замеченное. Получив нашу поддержку, он немедленно несся прямо к профессору, а вслед за ним, в два-три прыжка одолев лестницу, оказывался кто-то из нас, ибо очень интересно было слушать, смотреть, как морщится деликатный Владимир Фридрихович, слушая наивные рассуждения Нульмана, и не решается сказать что-либо, способное разочаровать студента, уверовавшего в серьезность каждого своего шага в выполняемых им опытах.

Дверь была полуоткрыта, профессор стоял у стола один, что бывало очень редко, и обрадовавшийся Нульман ворвался. Совершенно не обращая ни на что внимания, даже на дверь, которая как была, так и осталась полуоткрытой, наш друг стал рассказывать о «загадочных»,

Created by free version of 2PDF
Sukotoy university

«непонятных» явлениях, которые он «обнаружил» в ходе опыта. При этом большущий Нульман держал в своих огромных лапах лабораторную чашку и ковырял стеклянной палочкой, казавшейся соломинкой рядом с его толстыми пальцами, чуть не у самого носа профессора. Владимир Фридрихович выпрямился, опустил руки по швам и, морщась, стал оглядываться, пока не заметил меня. Это для него было спасением. Он сказал Нульману, что это очень интересное наблюдение и что это надо записать, и тут же обратился ко мне. Нульман хотел сказать еще что-то, но взор профессора был обращен в мою сторону, и настолько решительно, что наш друг не посмел продолжать свое и ушел. Владимир Фридрихович улыбнулся вслед Нульману, покачал головой и сказал:

– Мажит Муканович, вы не смогли бы зайти ко мне домой сегодня, например, часов в восемь?

Я молчал и мялся, не зная, что сказать. У нас в ауле, например, желание аксакалов воспринималось как приказание, и мне положено было бы только почтительным наклоном головы дать знать, что я понял это приказание. Это было равнозначно солдатскому «слушаюсь». Но эти формы выражения готовности выполнить указание старшего были бы, конечно, в данной ситуации смешны. В то же время я никак не мог сказать: «Хорошо, я приду», – как будто я мог и не прийти. Мое застенчивое молчание Владимир Фридрихович понял, по-видимому, иначе:

– Вы заняты? Тогда в другое время...

– Нет, нет... что вы... я приду.

Он назвал номер квартиры в известном доме профессоров и преподавателей нашего института, где мы бывали на занятиях, потому что в цоколе его размещалась одна из факультетских лабораторий.

Я ломал себе голову, почему профессор решил пригласить меня домой, когда он мог поговорить, сколько его душа желает, и на работе. Мне было приятно его приглашение, самолюбивое сердце нет-нет, да радостно подпрыгивало, но все же не покидала мысль, что профессор пригласил для какого-то серьезного разговора, к которому я должен быть готовым. Но как быть готовым, я не знал.

Одевшись во все лучшее, что мы, студенты, сообща бережем для подобных случаев, я постучался к профессору. Дверь открыл он сам и повел меня через коридор в комнату слева. Надо сказать, что я впервые был в такой большой квартире в большом многоэтажном доме. У меня были знакомые в городе, к которым я изредка ходил, но они жили в домах деревенского типа, которых тогда в городе было много. Стена

Created by free version of 2PDF
Buketov University

слева была заставлена, вплоть до высоченного потолка, книгами. Такое большое количество личных книг в квартире я видел впервые. И пол был в этой комнате особенный, не виданный мной, – составленный из мелких четырехугольных досточек, наподобие малой грани кирпичика, и от света электролампы лоснился, как на солнце. Я лишь потом узнал, что такой пол называется паркетом и что он смазывается и натирается до блеска. Профессор был в каком-то старинном, разноцветном, очевидно, дорогом пиджаке с шалевыми отворотами и выглядел в нем, как фокусник. Я знал, что существуют домашние костюмы, но не полагал, что они могут быть такими нестрогими. Он пригласил меня сесть за стол, который показался мне таким большим, что по нему, как говорят у нас в народе, могла лошадь проскакать. Теперь бы я написал, что стол был накрыт на две персоны, но тогда я обратил внимание, что передо мной разложены какие-то тарелочки, чашечки и блюдца, чуть ли не золоченые, вилки и нож лежали не просто так, а на специальной, видимо, серебряной подставочке, сияла своими многочисленными причудливыми гранями тяжелая рюмочка, словом, передо мной оказались вещи, совершенно для меня непривычные. Рюмка была, конечно же, хрустальная, но это мне ни о чем не говорило, потому что о хрустале я понятия не имел, хотя, может быть, слышал или читал о таком дорогом виде стекла, но я не обращал внимания на то, что такое стекло может иметь какое-то значение в обиходе, ибо до сих пор рос и жил в обстановке, когда приходилось думать лишь о содержимом любой столовой посуды. Подобный же набор имелся и перед хозяином. В квартире, по-видимому, было еще несколько комнат, но я чувствовал в этот момент, что в этом обширном владении никого, кроме нас двоих, нет. Я представления не имел о семейной жизни профессора, но думалось, что он пригласил меня специально в тот день, когда никого, кроме него, в доме не было.

– Ну что, Мажит Муканович, я не ужинал, и, может быть, нам стоит чуть закусить, чем бог послал. У меня есть что закусить, будет чай по-казахски. В Казахстане я живу порядком и знаю, что, коли пришли в дом, разговаривать за пустым столом не принято. У меня есть коньячок, пропустить по тридцать граммов для аппетита никогда не вредно, – говорил между тем хозяин, часто скрываясь за дверями справа, где, по-видимому, была расположена кухня. Я стал отказываться, ссылаясь на то, что только поужинал и очень сыт. Хозяин этого и слышать не хотел, продолжая курсировать между кухней и столом.

Вспоминаю я сейчас этот визит к Владимиру Фридриховичу и думаю, до чего неотесанным парнем я был тогда. Пожилой хозяин суе-

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

тился, что-то нарезал, раскладывал, а я сидел за большим столом, как вкопанный, ни разу не проявив хотя бы видимость готовности помочь ему. Внимание мое при этом было обращено на объем приносимого. Нужно сказать, что этот объем мало соответствовал запросам моего даже уже сытого желудка, ибо я видел небольшие кусочки селедки в каком-то пряно пахнущем соусе, какие-то тоненькие, почти прозрачные кусочки колбасы, принесено было еще что-то такое, красиво разложенное, что я мог засунуть в рот враз и проглотить, не особенно пережевывая; профессору, судя по выражению его лица, казалось, по-видимому, что он собирает довольно богатый стол, и видно было, что он любит угощать. Наконец, он наполнил рюмочки и предложил выпить. Я не стал отказываться. Коньяк этот я пил впервые и не заметил его преимущества перед водкой. Да и трудно было заметить при такой наперсточной дозе. А привычку смаковать я еще, конечно, не приобрел. Потом закусили, причем я строго следил за тем, как проделывает это профессор, и точно повторял. Потом пили чай, в разливании которого, наконец, освоившись с обстановкой, я принял участие. И лишь после всего этого состоялся разговор, который для моей жизни имел значение, может быть, большее, чем я думаю.

Профессор встал из-за стола и подошел к стенке с книжными полками, я поднялся за ним. Он достал довольно толстую книгу и подал. Автором этой книги, изданной еще до войны в Ленинграде и посвященной химии и технологии распространенного ядовитого газа, был Владимир Фридрихович. Мне приходилось впервые стоять рядом с автором такого капитального печатного труда. Потом он достал еще несколько книг объемом поменьше, автором которых был он же.

Я здесь, дорогой друг, должен оговориться о следующем. Я смотрел эти книги Владимира Фридриховича со спокойной гордостью за то, что профессор находит нужным показывать мне их и рассказывать о них. Между тем, он, наверное, уже почувствовал, что я об этих книгах и понятия не имею, хотя, как потом обнаружил, ссылки на его труды в учебниках, по которым мы занимались, имелись. Дело в том, что я к экзаменам готовился, как правило, по записям, которые я понаторел делать на лекциях, и к учебникам обращался лишь в тех случаях, когда что-то в записях было непонятно, обращался наспех, не заглядывая в сноски и ссылки. Оттого, конечно, и не знал о трудах своего профессора, хотя, будь я более прилежным студентом, обязан был знать. Стыдно мне стало после, когда убедился, что я пока еще не тот, за кого меня принимает мой милый профессор.

Sukhoy University
Created by free version of 2PDF

Владимир Фридрихович далее достал толстую папку, где лежала большая стопа бумаги, исписанная густым, твердым, отчетливым почерком хозяина. Это была, как он пояснил, рукопись новой книги, над которой он работает уже почти восемь лет. Я удивился тому, как буднично и просто профессор сказал об этих восьми годах, когда у нас, например, в ауле ежегодно в летние каникулы журили меня земляки за то, что прохожу какое-то страшно длинное обучение, растянувшееся на пять громадных лет, расходуя чуть ли не половину самой интересной части жизни.

Рассказывая о своих трудах, Владимир Фридрихович незаметно перешел к своей научной биографии. Он кончил институт в Ленинграде в годы гражданской войны и как научный работник оформился в первое десятилетие после установления Советской власти. Он вырос в научном окружении, так как родился в семье, причастной к научной деятельности. Знал массу подробностей о становлении и развитии научных учреждений, вузов Ленинграда, и я почувствовал, что он мог бы очень много рассказать о крупных деятелях науки, со многими из которых, как можно было заметить, он был знаком лично. Он говорил о трудностях, пережитых в студенческие годы и на первых порах своей научной карьеры. Он приехал в Казахстан, имея за плечами солидный стаж работы, и сам организовал кафедру, которой заведует. Создание кафедры, ее лаборатории оказалось более сложным делом, чем он предполагал по своему ленинградскому опыту, потому что все собиралось на голом месте, когда какая-нибудь никчемная мелочь вдруг становилась непреодолимым препятствием. И все же было очень интересно созидать самому, собственными руками, по своей инициативе, нежели прийти на готовое. Затем он перешел к характеристике людей нашего народа, играющих выдающуюся роль в развитии науки в республике. Обо всех он говорил с теплотой и уважением, особо отмечая глубину научного прозрения и организаторский талант академика-геолога, президента нашей Академии.

Сидел, слушал Владимира Фридриховича и удивлялся такому повороту обстоятельств, когда могу вот так спокойно внимать словам большого человека, который имеет моральное право характеризовать людей самой необычной судьбы, как самых обыкновенных смертных, нисколько этим не снижая их исключительной роли в нашей жизни. Мне показалось, что через Владимира Фридриховича я, скромный студент, тоже вхожу в какое-то почти непосредственное общение с этими людьми.

Created by free version of 2PDF

– Мажит Муканович, – сказал профессор, потушив папиросу и немного помолчав, – я пригласил вас не для того, чтобы рассказывать о себе. Это, как говорится, присказка. Я говорил о больших людях науки из вашего народа. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что самый молодой из этих зачинателей национальной науки не старше меня. И их, этих людей, пока очень немного. Я их всех знаю, и мы можем с вами сосчитать их на пальцах. Между тем, существует Академия наук республики, открываются новые вузы, партия борется за то, чтобы в каждой республике бурно развивалась национальная наука. Поэтому мы должны приложить максимум усилий, чтобы выращивать научные кадры из коренного населения. В этой области науки, которой занимаюсь я, пока еще немало трудностей. Первая трудность – не каждому предложишь заниматься научной работой, ибо человек, которого хочешь воспитать ученым, должен иметь что-то от природы, я имею в виду постоянное желание ломать голову над непонятными вещами. Вторая – большое трудолюбие, без него успехов в научной работе, да и в любой другой, не будет. Великие ученые были подвижниками науки, но и обычным ученым, таким, как я, тоже надо очень много работать. Ничто не достается легко. Есть еще одна трудность. Допустим, что ему надо работать и зарабатывать, что он не хочет всю жизнь учиться и жить на полуголодном пайке. Это свидетельствует о том, что в широких слоях молодежи наука еще не в моде. Значения ее не понимают. Могу уверить вас, что отказывающиеся сегодня будут кусать локти завтра, потому что наука в нашей жизни становится теперь на решающие позиции. Я в прошлом году сумел одного товарища сагитировать и зачислить к себе в аспирантуру по Академии. Это – молодой человек исключительных способностей. Но беда в том, что у него нет с кровью впитанных навыков к спокойному, упорному, ежедневному труду. Работает рывками. Недавно, когда я потребовал от него методичных систематических занятий над темой, он мне ответил, что его кровь не может устоять перед зовом предков поболтаться в горах и степях... Он конечно, шутил, но в этой шутке есть доля правды. Сказывается отсутствие традиций. Дело для народа новое. Я вырос в семье потомственных научных работников, мне было легче – кровь звала к тому, чем я занимаюсь. Все это я понимаю, и все же нелегко, когда молодые люди, которым хочется помочь, хочется передать свои навыки и знания, не всегда воспринимают должным образом твое желание...

Профессор чуть грустно посмотрел на меня и, по-видимому, заканчивая свою речь, сказал:

Created by free version of 2PDF
Buketov University

– Все это я, Мажит Муканович, говорю к тому, что... вы уже, наверное, начали догадываться... что хочу вас, если вы согласитесь, рекомендовать к себе в аспирантуру. Как вы на это смотрите?

Как бы я мог на это смотреть? Я над этим вообще никогда не думал. Знал, что существуют так называемые аспиранты, люди, как шутили студенты, ищущие и домогающиеся. Видел двоих из них в университете. Это были довольно солидные люди, жили они в общежитии в комнате на двоих, получали какой-то повышенный, нестуденческий паек и держали себя особняком. Внизу, в нашем полуподвале, в комнате под кабинетом Владимира Фридриховича возился с тиглями, что-то плавил один лысеющий товарищ, года на два постарше меня. Говорили, что он – аспирант профессора Пенера. Особой зависти к этим людям не испытывал, потому что о славных достижениях того или иного аспиранта в науке мы не слышали, а жизнь их была, как мне казалось, чуть улучшенным вариантом нашей, студенческой.

Увидев, что я призадумался, профессор ушел из комнаты. Не знаю, долго ли он отсутствовал, но я оценил эту его деликатность. Мне действительно надо было хоть немного подумать, настолько было неожиданным предложение остаться в аспирантуре. Это предложение разрушило все, что было заранее запланировано и обдумано. Я верил, конечно, тем радужным перспективам в научной работе, которые обрисовал мне Владимир Фридрихович. Но они, эти перспективы, на мой взгляд, не могли относиться ко мне. Я не мог полагать, что из меня получится ученый. Моя первая работа, связанная с содержанием той брошюры, которую дал мне тогда на первом свидании Владимир Фридрихович, оказалась такой, что принесла мне тяжелое разочарование. Дело в том, что я на основе своих знаний решил покритиковать некоторые положения этой книги. Я был уверен, что действительно обнаружил в ней существенные недостатки, и критиковал ехидно, с чувством превосходства. Доцент Гулах, давший краткую рецензию на мой первый «научный труд», написал, что студент Нурбаев показал себя умеющим изучать научную литературу, подходить критически к имеющемуся исследовательскому материалу. Однако студенту Нурбаеву впредь необходимо быть очень осторожным в критических оценках, более тщательно и всесторонне изучать объект критики, ибо в данном случае он не совсем правильно понял критикуемые положения, и его критика, по существу, относится к версии, вытекающей из заблуждения автора, а не к той подлинной версии, которая присутствует в обсуждаемой книге. Когда я прочитал эту деликатно написанную рецензию, то понял, что научная работа не для меня, потому что я, по-

Created by free version of 2PDF
Suleiov University

видимому, никогда не буду в силах придумывать что-то новое, когда даже не могу осилить и понять сделанное людьми по той науке, основы которой мы уже прошли в достаточно серьезном объеме. Но утешил себя тем, что не собираюсь быть научным работником. И вот теперь милый профессор Пенер предлагает мне остаться в аспирантуре. Причем он, по всей вероятности, уже уверен в том, что не откажусь от его предложения, ибо почему бы он стал делать слишком прозрачные намеки на то, чтобы я не вел себя, как тот его аспирант, которого кровь предков призывала бездельничать... Профессор имел, конечно, достаточно сведений обо мне, как о студенте, от руководства факультета, от преподавателей, у которых учился, иначе он не вел бы со мной такие серьезные переговоры. Блеснула в голове неприятная догадка: нас, казахов, на нашем курсе было всего двое. Раз кого-то надо было оставить в аспирантуре, вынуждены были остановиться на мне, потому что сокурсник мой Баекин был старше всех на курсе, имел уже большую семью и, обремененный заботами, не успевал достаточно хорошо заниматься. К этой мысли притянулась и другая – не менее неприятная. Эта, другая, мысль была связана с обывателем, сидевшим во мне тогда настолько крепко, что я, кажется, пропустил мимо ушей то, что говорил профессор о задачах в развитии науки и о благородной роли тех, кто участвует в научном созидании, и жертвах, которые стоит принести ради этого. Мой обывательский мозг настолько заполнили мечтания о заработке, материальном обеспечении, о квартире, что я плохо представлял себе какое-то иное будущее. И, тем не менее, чувствовал, что после всего, что мне говорил профессор, не могу допустить бестактность, обращая его внимание на проблемы меркантильного характера, и, самое главное, при столь незаслуженно теплом отношении человека ко мне, после столь радужного приема воля моя была так расслаблена, что не мог найти в себе силы, чтобы сказать профессору правду, т.к. эта правда огорчила бы великодушного старшего товарища, чего я никак не мог допустить. И когда вернулся хозяин и сел на свое место рядом со мной, уже готов был сказать: «Владимир Фридрихович, вам виднее, я сделаю так, как вы скажете». Я так и сказал ему.

Ты замечаешь, дорогой друг, до чего решительно влияли на меня мимолетные обстоятельства. Я сказал Владимиру Фридриховичу эту фразу, а сам совсем не верил в то, что останусь в аспирантуре и буду заниматься научной работой. Ведь эта фраза была фальшивой, поскольку она совершенно не отражала того, что уложилось в мечтах и не могло измениться за два часа пребывания у Владимира Фридрихо-

Created by free version of 2PDF

вича. Губила меня эмоциональность и отсутствие характера, податливость к обольщению и самообольщению.

Выйдя от профессора, уже думал о том, как вывернуться из положения, когда по душевной слабости обнадежил невыполнимым обещанием человека, к которому проникся глубоким уважением. Я понимал, что профессор завтра же доведет до сведения руководства факультета и института мое согласие быть его аспирантом. При этих мыслях меня прошиб холодный пот. Но уже подходя к общежитию, успокоился, ибо приятно полонила мозг утешающая и хвастливая мысль, что я все же единственный из нашего курса, кого удостоил профессор своим личным вниманием, что это вовсе не случайно, и, в конце-концов, не боги горшки обжигают; и если напрячь волю, много работать, то можно достичь поставленной цели. Недаром об этом так мудро и так красиво говорил Владимир Фридрихович. Думая в этом направлении, я рассудил не мечтать о недосягаемом, например, стать доктором наук, профессором; красная цена такой персоны, как я, это быть кандидатом наук, доцентом. Эта мысль меня сильно утешала, ибо знал, что ученые на этом уровне тоже являются достаточно авторитетными и ответственными людьми и, самое главное, получают солидную зарплату. Вот это последнее являлось уже неким пунктом в моих думах, и я не то, что не мог обойти его, а прямо начинал думать с него.

Быстро, очень быстро прошел этот четвертый год нашего обучения. В этом году нам читал свой курс профессор Пенер. Читал блестяще. Помню, как он спокойным, размеренным шагом, чуть нахохлившись, входил в аудиторию, поднимался на небольшое возвышение перед большой доской почти на всю стену и всходил на кафедру, где оставался столько, сколько необходимо, чтобы раскрыть папку, где находились его записи к лекциям. Затем сходил с кафедры и, заложив левую руку за спину, а правой рукой держа мел и скупо размахивая ею, начинал читать. При этом он медленно ходил вдоль доски, останавливаясь лишь для написания на ней незнакомых нам терминов, имен, уравнений и схем. Читал он логично, стройно, изысканно, простыми и красивыми фразами, в которых не было ни одного лишнего слова. По его лекциям перед нами раскрывались тайны тех чудес, которые способен делать выпрямленный электрический ток в химии и химической технологии, являясь движущей силой многих химических процессов, используемых на практике; изящны были теоретические построения, на которых базировалось современное понимание этих процессов. Профессор лишь изредка прерывал ход изложения для того, чтобы

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

кратко рассказать о каком-либо замечательном случае из истории науки или личной научной и производственной практики.

Для этого он почему-то обязательно всходил на кафедру и, не сводя взора с аудитории, поднимал кверху свой большой нос; при этом на вытянутой шее выдвигался обычно малозаметный кадык. Затем живо, в течение 2-3 минут, не более, рассказав вспомнившееся, он сразу же покидал кафедру и продолжал сосредоточенно излагать прерванное, лишь на короткое время, таким образом, разрядив умственное напряжение. Мы так привыкли к этой особенности в поведении нашего лектора, что, как только он всходил на кафедру, бросали немедленно на стол ручки и карандаши, разминая онемевшие пальцы. По-видимому, долгие годы читая лекции перед студентами, профессор настолько привык к строгой сосредоточенности у доски, что для того, чтобы рассредоточиться, ему необходимо было обязательно взойти на кафедру.

Еще два раза пришлось мне посидеть перед Владимиром Фридриховичем в его кабинете. Один раз – когда он определил тему дипломного проекта и место преддипломной практики. Второй раз – когда сдавал экзамены по прочитанному им курсу. Я волновался перед этим экзаменом и готовился к нему тщательно и с воодушевлением. И все же, отвечая на вопросы по билету, в одном месте соврал и, почувствовав, что логика вранья понесла меня в сторону, замолк, с трудом вспомнил правильный ответ и сбивчиво стал поправляться. Профессор молчал, дымя папиросой, он хотел, видимо, чтобы я сам, без его подсказок, вышел к правильному ответу, затем, выслушав меня до конца, улыбнулся, задал несколько дополнительных вопросов, на которые я ответил, посидел, подумал и поставил высшую оценку. Когда я вышел к ожидавшим своей очереди товарищам и без восторга в голосе пробормотал: «Пять с минусом», – острая на язык Нина Оноприенко накинулась на меня:

– Ну, хвастун же ты, Мажит. Получил пятерку и вышел важный и угрюмый! Сиять надо!

Она, конечно, не знала, как я злился на себя, оказавшись не в силах подготовить экзамен по курсу любимого профессора, чтобы можно было оценить мои ответы на высший балл без колебаний.

Окончив благополучно четвертый курс, получив наставления и благословение своей кафедры, мы разъехались по местам преддипломной практики. Каково же было наше удивление, когда, вернувшись в институт с последовавших за практикой летних каникул, мы узнали, что Владимир Фридрихович покинул нас и теперь заведует такой же кафедрой, как наша, в одном из больших украинских вузов. Это было

Created by free version of 2PDF

неожиданно и непонятно, в особенности для меня, потому что в моем представлении он был человеком, навсегда связавшим свою судьбу, свои думы и чаяния с нашим институтом, с академией и республикой. Нам разъяснили, что отъезд профессора связан с соображениями высшего порядка, направленными на улучшение воспитания нашего брата, будущего молодого специалиста. Мы привыкли верить руководству, но все же какой-то подспудный голос не переставал задавать вопрос: почему эти соображения имеют силу у нас и не имеют силы в том большом украинском институте, куда наш профессор переехал. Лишь потом выяснилось, что серьезных оснований для увольнения маститого ученого не было, к сожалению, то было такое время, когда различного рода субъективные импульсы играли большую роль в решении судеб людей.

Больше я Владимира Фридриховича не видел. Не видел, потому что я, оставшись в аспирантуре, оказался в сфере научных интересов, далеких от той области знаний, где властвовал профессор Пенер, и оснований для делового общения не оказалось. И хотя теплые воспоминания о моем первом профессоре и вставали часто передо мной живым укором за невыраженную благодарность, не мог я сделать этого просто потому, что боялся быть со своими сладенькими сантиментами приторно-навязчивым профессору, имевшему дело со многими из таких, как я.

Когда много позже, уже став директором академического научно-исследовательского института, я, письменно напомнив о себе, командировал к Владимиру Фридриховичу одного очень способного молодого человека, рекомендуя для прохождения под его руководством аспирантской подготовки, профессор радушно принял молодого специалиста, проявив большой интерес к нашему институту и его научной тематике. Однако эта попытка установить постоянную деловую связь с маститым ученым не увенчалась успехом. И вот почему. Молодой человек вернулся окрыленным, он взахлеб рассказывал о том, что профессор не отнесся к нему, как к малокомпетентному начинающему специалисту, а счел нужным с присущей ему душевной щедростью обо всех делах кафедры рассказывать и все показывать лично. Но когда я увидел название темы, рекомендованной будущему аспиранту, и просмотрел предварительный план работы, мне стало не по себе. Это был солидный, совершенно самостоятельный кусок одной из идей, владевших профессором давно, и научного доказательства которой он упорно добивался. Идея, конечно, была интересной и заманчивой, но ставить такую сложную научную задачу перед неопытным молодым инжене-

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

ром – это значило ничего не добиться в научных доказательствах самой идеи и одновременно совершенно сбить с толку, и вызвать, может быть, отвращение у молодого человека к научной работе. Сам молодой человек этого не понимал по неопытности, не понимал этого и многоуважаемый профессор, но уже по другой причине. Возникла сложная ситуация. С одной стороны, я не мог сказать молодому человеку, рвавшемуся немедленно приступить к выполнению задания большого ученого, что ему не следует браться, ибо это будет ему не по силам. Доказать это было легко. Но не хорошо было разочаровывать молодого человека, подвергая сомнению авторитет профессора, к которому сам послал его, будучи уверен, что Владимир Фридрихович окажется на высоте. Во-вторых, хотя я и был директором института, следовательно, человеком с солидными полномочиями, все же не мог позволить себе делать какие-либо замечания моему первому учителю, как-то оспаривая перед ним самим правильность его решения. Если бы мы работали и были близки, возможно было бы найти к этому какой-то удобный подход, но я, по существу, не знал психологии стареющего профессора и боялся огорчить его необдуманными демаршами. Пришлось сказать молодому человеку, чтобы он продолжал заниматься своими обычными делами до окончательного решения вопроса, а профессору Пенеру сообщить, что институт благодарен за внимание и что, к сожалению, в этом году из-за отсутствия возможностей не удастся определить молодого человека ему в ученики, и что в дальнейшем институт будет стараться воспользоваться готовностью профессора помочь в подготовке кадров. Я был очень удручен вынужденным, не очень добропорядочным маневром и стал интересоваться учениками и вообще научным окружением профессора. Среди коллег авторитет профессора Пенера был непререкаем, уважение к нему, и как к ученому, и как к человеку, было неоспоримым и большим. Он только что выпустил книгу, рукопись которой он мне показывал, проработав над ней чуть не двадцать лет и собрав в ней все последние мировые достижения в той области науки, которой была посвящена книга, и насытив ее множеством новых и интересных идей. Естественно, что книга вызвала всеобщий интерес. Но несколько странным выглядело то, что, имея очень много людей, зараженных его идеями и в силу этого находящихся в сфере его научных интересов, он выпустил сравнительно мало учеников непосредственно через аспирантуру, мало того, многие аспиранты покидали его, так и не сделав ничего путного. Со временем, будучи умудрен некоторым опытом научно-организаторской работы, я, кажется, понял причины этого. Обладая колоссальной эрудицией и горя многими

Created by free version of 2PDF

идеями, об осуществлении коих он мечтал, профессор Пенер в то же время не обладал чувством меры возможного для аспиранта в пределах его способностей, наличия необходимого оборудования в лаборатории и краткого срока пребывания в аспирантуре. Казалось бы, это простая истина, но в научном мире непонимание этой истины приводит ко многим нежелательным драматическим ситуациям. Примеров этому можно привести достаточно много, и в частности их было очень много в педагогической деятельности профессора Пенера по подготовке научных кадров через аспирантуру.

Когда я узнал эту особенность в научном облике моего профессора, я, признаться, подумал, что мне в моей научной карьере удивительно повезло. Я был, помнится, очень недоволен тем, что уехал мой любимый профессор, оставив меня, кончившего институт. Полагал, что только он один мог бы вывести меня в люди. Между тем, в то время я был совершенно не подготовлен к тому, чтобы приступить к разработке большой идеи, осуществления которой желал и требовал от своих аспирантов профессор Пенер. Мне необходимо было начинать со школярски малого, но это было вовсе не в духе профессора Пенера. Судьба меня спасла от него. В противном случае моя научная биография была бы полна драматических коллизий и не была столь гладкой и удачной. И все же думы о науке впервые возбудил в моей душе он, профессор Пенер, ибо он впервые рассказал мне, что такое научный труд, впервые он уверил меня, что я при соответствующем напряжении воли смогу стать научным работником. Мне теперь приятно, конечно, сознавать, что хоть в какой-то степени оправдал его надежды. Хорошо и то, что, ввиду сложившихся обстоятельств, моя память хранит о нем только доброе и светлое. Профессор Пенер умер недавно, и я, заканчивая писать все, что думал о нем, не могу здесь не привести характерные отрывки из нашей переписки. А после довольно успешной защиты докторской диссертации я был переполнен чувством благодарности ко всем, кто мне помогал подняться по научной стезе на столь большую высоту. Первым вспомнил профессора Пенера и вот что ему тогда написал:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Фридрихович! Есть казахская пословица: «Молодой женщине близок тот, кто впервые приветил ее». В переводе на русский язык она, эта пословица, как видите, не очень звучит, но смысл ее примерно таков. Девушку выдают замуж. Ей 14-17 лет, она переходит из-под родительского крова и из родственного окружения (а раньше аулы были общежитием только родственников по мужской линии) в другой аул, в совершенно другой мир, где она

Created by free version of 2PDF

должна привыкнуть к новому укладу жизни, весьма тяжелому, т.к. младшая сноха в ауле должна строго выдерживать многочисленные ритуалы, связанные с необходимостью выражать глубочайшее почтение ко всем и всему без исключения, ибо она должна быстро стать плотью во плоти этого аула. И в этот самый трудный для молодой женщины (часто подростка) период жизни находится в ауле добрая фея, которая наставляет, подбадривает, короче, как-то облегчает ее участь. И на всю жизнь остается она невестке самой близкой, самой родной, самой уважаемой.

Не знаю, помните Вы или нет, как вы меня уговаривали остаться в аспирантуре. Я в то время колебался, т.к. не чувствовал склонности к экспериментированию и за мной была семья: пятеро младших братьев и мать в ауле. Вы на это мне говорили, что аппетит приходит во время еды, что стоит получить первые, пусть маленькие результаты в научной работе, как *решительно почувствуешь увлечение*, и что с этого увлечения начинается так называемое творчество. Помню, как вы образно и хорошо говорили о том, что научный труд – это труд тяжелый, это труд подвижнический и что к этому надо готовиться. А иногда в этом деле бывает и так:

Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал.

Я далек от той нескромности, чтобы отнести себя к подвижникам науки, однако, когда после защиты и объявления результатов голосования (оно было единогласным) впервые узнал, где у меня сердце (страшные спазмы продолжались несколько минут), я искренне подумал: почему плохо быть чабаном? Ведь у чабана, хотя и бывают, как у научного работника, бессонные ночи, но он, чабан, не связан с постоянным напряжением, *когда усталость не приносит желанного отдыха*. Втянули вы меня, Владимир Фридрихович, в такое дело, из которого, говоря словами поэта, «нет мне выкупа». Все же я очень благодарен вам за напутствие, с коим вы меня направили в ту область жизненной деятельности, которая не была знакома для вырастившего меня окружения (отец и мать у меня были неграмотны)».

Владимир Фридрихович ответил мне пространным и обстоятельным письмом, в котором подвергал научному разбору мои работы, делал замечания и давал советы. Заканчивая, он писал: «Откровенно говоря, я не думал, что мои слова имели значение для вашего формирования как научного деятеля... Но если вы признаете это сами – спасибо вам за это... Все письмо проникнуто симпатией и доверием ко мне, что мне, конечно, очень приятно, но вместе с тем это накладывает на меня

Created by free version of 2PDF

и задачи: быть в дальнейшем как-то полезным вам, если не в научном, то, по крайней мере, в научно-житейском плане... Более полагаюсь на последнее, ибо по научной стезе вы поднялись уже на такой уровень, что вряд ли потребуются услуги старика, постепенно отстающего от молодежи в накоплении и освоении новейшей научной информации. В научно-житейском же плане хотелось бы сказать следующее. Работайте и растите свою школу. Все ваши помыслы направляйте только к этому, ибо ваш Абай говорил: «Учитель без учеников – скопец». Я это подчеркиваю к тому, что сейчас вы, молодые деятели науки, в вашей республике пользуетесь особым, невиданным почетом вашего народа. Это можно понять: ваш народ гордится вами, как своими достижениями в той деятельности, которая неведома ему. Важно, чтобы этот почет не вскружил вам голову, чтобы у вас не появилось желание немедленно попасть в высший ареопаг, перешагнув необходимые стадии роста, ибо преждевременное попадание в этот ареопаг, где на вас, как на молодого, взвалят тысячу дел, не имеющих отношения к вашей научной деятельности, и где вы, как член научной лиги, будете ограждены от всякой критики, резко затормозит ваше развитие с точки зрения содержания, и это со временем (если не притупится ваша склонность к искреннему самоанализу) ляжет омрачающим грузом на вашу душу. Побудьте, по возможности, в тени, много печатайтесь, становитесь не по титулам, которые вешаются, к сожалению, не всегда по заслугам, а по сути ваших научных достижений... Словом, походите пока, как сказал один поэт:

...По теневой, по непарадной,
По ненаградной стороне... жизни

Не обижайтесь. Я считаю, что этим выполняю задачу, вами на меня возложенную, как на своего старшего друга».

Если я, дорогой друг, сумею продолжить рассказ о себе, ты узнаешь в дальнейшем, как мне нелегко было выполнять эти заветы старого умного профессора.

Письмо четвертое

Дорогой друг!

Есть, говорят, в науке люди, которые самостоятельно пробивают себе дорогу, не зная, что такое ученичество. Они никому не бывают обязаны и потому наслаждаются всю жизнь этакой гордой независимо-

Created by free version of 2PDF
Suketov University

стью, как сладчайшим результатом опоры на собственные силы. Я, к сожалению, не совсем убежден, что такие люди в научном мире существуют. Пример чиновника патентной конторы, не общавшегося с ученым миром и тем не менее открывшего теорию относительности, думаю, совершенно нетипичен для современной науки не только потому, что этим чиновником являлся сам Эйнштейн, но и потому, что темпы научно-технической революции ныне не позволяют обходиться без тесной преемственности поколений в развитии научных изысканий. Я знаю нескольких моих коллег, кичащихся своей чуть ли не врожденной самостоятельностью, своей якобы лично выработанной творческой индивидуальностью, и подозреваю, что все это самовыставление основывается на самой что ни на есть черной неблагодарности. У любого человека в жизни, чаще в молодости, вероятно, бывает период, когда он склонен переоценивать свои достоинства и свои личные достижения; именно эта переоценка приводит к умалению роли тех, кто так или иначе способствовал твоему продвижению вперед. Хорошо, что такая склонность у подавляющего большинства людей проходит с возрастом, оставаясь жалким и обманчивым уделом лишь немногих. У меня тоже были такие периоды жизни, и мне приятно теперь оттого, что эта ребяческая гордыня за лично содеянное осталась позади, во всяком случае частью осталась позади. Сейчас точно знаю, что желание поговорить о делах, подчеркивая собственную роль, посещает меня все реже, хотя оснований для этого имеется ныне, кажется, больше, чем ранее. И, когда теперь вспоминаю детали своей научной биографии, передо мной с годами все более отчетливо выступает фигура моего незабвенного учителя Дмитрия Викторовича Дьячкова, и я боюсь, что не смогу достаточно убедительно, достаточно ярко описать роль этого замечательного человека в моем научном становлении.

Я уже писал, как были мы расстроены уходом профессора Пенера. Однажды мы увидели, что за столом Владимира Фридриховича сидит, потирая руки и поглядывая в застенчивой улыбке по сторонам, профессор Дьячков. Этот был тот самый профессор-химик, который читал нам свой курс, будучи еще доцентом. Мы никак не предполагали, что именно он займет место профессора Пенера, ибо он, читавший теоретический курс, казался нам чудаком-ученым, лишенным земных интересов и далеким от инженерных проблем, которым в основном были посвящены заботы кафедры. Дмитрий Викторович читал нам свои лекции два-три раза в неделю в течение полутора лет, поэтому мы если не приблизились к нему, то, по крайней мере, пригляделись. Помню, как он входил, несмотря на свою относительную молодость (ему

Created by free version of 2PDF

тогда еще и сорока не было), семенящей, чуть ли не старческой походкой и, став на кафедру, начинал читать очень тихим голосом. Он был высок и даже чуть дороден, но эта семенящая походка и этот тихий, отдававший, казалось, робостью, голос сбивали с него начисто ту солидность, которую подобало ему иметь по положению. Когда же он изредка снимал очки и протирал их, на нас по-рыбьи смотрели большие, выпуклые, невыразительные, будто отливающие оловом глаза, и нам хотелось, чтобы он быстрее водрузил очки обратно. Эти очки удобно и, казалось, навсегда оседлали большой нос, буроватой картошиной свисавший едва ли не до самых постоянно сжатых тонких губ. За этими губами, обрамлявшими небольшой рот, никогда не были видны зубы, возможно, потому, что профессор не имел обыкновения смеяться громко, всегда ограничиваясь тихой, застенчивой улыбкой. Маленький мягкий подбородок совершенно не соответствовал его большому лицу, крепкой, короткой шее. Он был уже сед, но его еще густые волосы не привлекали взор благородной белизной, а представляли собою беспорядочные серые клочья. Иногда Дмитрий Викторович приходил на лекцию в отутюженном костюме, накрахмаленной сорочке, в галстуке, завязанном безупречным узлом, а порой – в измятом костюме, в сорочке, далекой от свежести, в наспех, небрежно завязанном галстуке. «Сегодня жена не успела приглядеть за ним», – заключали в этих случаях наши девушки. Видно было, что Дмитрий Викторович на свой внешний вид не обращал никакого внимания. Когда он делал какие-то записи на доске, мел прыгал, не дописывая буквы, недочерчивая или перечерчивая линии в схемах. Разочарованные этими особенностями лектора, мы особо придирчиво вслушивались в то, что он читает, сличали прочитанное им с тем, что имелось по этому поводу в учебниках, и с удивлением обнаруживали, что он владеет своим предметом в такой степени, что многое излагает не по-книжному, а более оригинально и доходчиво. На лекциях он был строго вдумчив и напряжен и не позволял никаких разрывов для разрядки, к которым мы привыкли у других лекторов. Когда ему хотелось как можно проще сказать о чем-то трудном для понимания, он сосредоточенно морщил лоб, от чего в межбровье вздувался бугорок, и говорил он в этом случае, растягивая слова и строя четкие предложения для записей. Мы привыкли к его лекциям, слушали и записывали их внимательно, ибо знали теперь, что многое из того, о чем он говорит, в учебниках отсутствует, хотя он сам об этом нам не напоминал ни разу.

Вскоре наряду с другими новый заведующий пригласил и меня. Когда я зашел, он посмотрел на меня, поднялся и подал руку. Потом

Created by free version of 2PDF

сел, потер руки, потарабанил пальцами о стекло стола и, улыбнувшись, обратился ко мне так, как будто профессором являлся не он, а я:

– Я хотел, Мажит Муканович, побеседовать с вами, чтобы знать, что вы сделали по дипломному проекту.

Беседовали мы довольно долго. Он настолько хорошо знал детали разрабатываемой в практике технологии и проверял каждую цифру, успевал высчитывать в уме приблизительные их значения, что я сразу убедился в крайней ошибочности наших суждений о некомпетентности Дмитрия Викторовича в инженерных вопросах. Меня окрылило то, что он по ходу отметил и оценил некоторые новшества в схеме, которые я пробовал вводить. Когда выявлялась грубая ошибка (а их было немало в моих расчетах), то казалось, что более от них смущался профессор, чем я. Почти полтора часа работал со мной Дмитрий Викторович, и мне удалось за это время многое узнать и очень многое переменить в своих взглядах на нового шефа. Видно было, что при таком дотошном руководителе плохой дипломный проект сделать невозможно. Когда разговор подошел к концу, он опять потер руки, опять как-то застенчиво улыбнулся. Это, как я понял, означало, что он ждет следующего дипломника. Во время нашего разговора он курил непрерывно, и маленькая пепельница уже наполнилась окурками.

Выйдя от профессора, я натолкнулся на одного из наших курсовых остряков.

– Слушай, этот профессор тоже обращается по имени и отчеству и тоже подает руку? Что это означает?

– Это означает, что профессор – это не доцент или просто преподаватель. Он уже на таком уровне, что неуязвим ни для какого панибратства и может себе позволить это... – ответствовал он. Я оценил его ответ и запомнил.

Итак, дорогой друг, все, что я писал до сих пор, была присказка. Сказка только начинается. Не стану рассказывать тебе, как сдавал вступительные экзамены и как меня зачислили-таки в аспирантуру. Сдача вступительных экзаменов заняла, естественно, определенное время, но детали не сохранились в памяти. Помню, как на вступительных экзаменах по специальному предмету дополнительные вопросы задавал председательствующий заместитель директора института по научной работе, а сам Дмитрий Викторович отнесся к этому делу как-то даже безучастно.

Итак, я – аспирант. Это означало, что ровно через три года должен стать кандидатом наук. Для этого в течение трех лет обязан сдать три экзамена кандидатского минимума, выполнить научное исследова-

Created by free version of 2PDF

ние, результаты которого могли бы отличаться научной новизной и практической значимостью. Вот это последнее необходимо было еще доказать, представив свою работу в виде цельного переплетенного в книжку труда, называемого диссертацией, и защитив ее по установленному ритуалу перед собранием ученых мужей. И когда это собрание, именуемое ученым советом, найдет, что содержание работы соответствует требованиям и что автор является серьезным научным работником, только в этом случае ему будет присвоена искомая степень кандидата наук. Вот сколько нужно было сделать за время пребывания в аспирантуре, и я понимал, что скучать мне в эти три года не придется.

К тому же надо будет подрабатывать, чтобы хотя бы немного помочь матери, семье. Надо было стараться все успеть. И старался.

Узнав в канцелярии, что приказ о моем зачислении в аспирантуру подписан, я ворвался на кафедру к Дмитрию Викторовичу и с некоторой торжественностью в голосе объявил ему об этом. Профессор улыбнулся, почему-то всплеснув руками, и сказал: «Это хорошо. Я уже знаю, Мажит Муканович». Видя, что профессор меня не задерживает, – ушел. Признаться, я был недоволен, потому что ожидал, что шеф скажет по поводу моего зачисления в аспирантуру что-то в высоком стиле, отметит начало нового ответственного этапа в моей жизни, скажет о том, что наука – это храм, куда несмелый не должен входить, и так далее. А этот совершенно непонятный всплеск руками просто обескуражил, не оставив ничего от той торжественности, с которой я явился к профессору. Я зашел к Гайнитдину, аспиранту годом старше меня, и все это высказал ему, не сдержавшись даже от выпада против шефа: «Это же сухарь. У счастливых аспирантов бог не забрал бы профессора Пенера». Гайнитдин засмеялся.

– Слушай, он всплеснул руками? Так вот завяжи себе: это и есть высшее выражение удовлетворенности... В этом всплеске руками все высокие слова о тебе... Можешь быть доволен. Привыкай. Правда, когда недоволен, тоже всплескивает руками. Но здесь надо смотреть на лицо: улыбнулся, всплеснул руками, значит, одобряет. Не говори плохо о нем. Это напрасно.

Теперь я ежедневно к девяти утра приходил на кафедру, ожидая, что руководитель даст задание своему аспиранту. Профессор тоже приходил к девяти и, ответив на мое приветствие, ничего не говоря, проходил к себе в кабинет. Я же, покрутившись возле трудившегося в поте лица Гайнитдина, не преминув высказать ему свое недовольство тем, что «этот сухарь забыл про меня», немного побалагурив с лабо-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

рантками, уходил с видом человека, исполнившего долг. Уходил, даже несколько радуясь тому, что профессору пока не нужен, ибо наклевывался приработок в одном издательстве.

Оказалось, что шеф не забыл про меня. На девятый или десятый день после моего зачисления в аспирантуру он прошел, как и прежде, в свой кабинет и предупредил меня через лаборантку, чтобы не уходил. Когда зашел к нему, он, потирая руки, как будто виновато посмотрел на меня и сказал:

– Ну что, Мажит Муканович, пора побеседовать с вами. Как будто даже заждались. Поболтались, отдохнули чуть-чуть, а теперь будем работать.

Я заметил, что «беседа, беседовать» – это его любимые слова, и подумал, что так и должно быть, ибо работа профессора и заключается в этих непрерывных беседах. Дмитрий Викторович назвал мне тему, которой я буду заниматься, оговорив, что это пока приблизительное название, уточнение последует после знакомства с литературой и серии предварительных опытов. Начать же должен с освоения анализов на редкий элемент, технологией извлечения которого буду заниматься. Когда я спросил, будут ли на кафедре помогать мне в аналитическом определении, он мне ответил, чуть снизив голос, отчеканивая слова:

– Аспирант сам должен все делать, и делать лучше кого бы то ни было, и знать больше кого бы то ни было, если это касается его темы!

Мне показалось, что выпуклые глаза профессора недовольно сверкнули за очками. Я понял, что Дмитрий Викторович не такой уж невинный и робкий человек и что надо быть с ним более осторожным, чем полагал.

Первое задание профессора свелось к тому, что я должен выбрать по литературе наиболее подходящие методы анализа и освоить их так, чтобы никаких помех в дальнейшей моей работе из-за аналитического определения не было.

Я был на седьмом небе от счастья, когда получил это первое аспирантское задание. Между тем, как подумаю теперь над тем, что оно дано было профессором без обсуждения со мной, исполнителем, было дано, как школьнику, смеюсь над собой. Думаю, что Дмитрий Викторович тогда достаточно узнал меня и был обо мне не очень высокого мнения. Он просто из деликатности не возражал против того, чтобы я остался в аспирантуре, поскольку вопрос этот был подготовлен до него. Невысокое же мнение у него, по-видимому, утвердилось в ходе моей работы над дипломным проектом. Действительно, эрудицией я не блистал, потому что мало читал литературу по специальности, не про-

Created by free version of 2PDF

являл и особую пытливость, желание сравнить, сопоставить и т. д. Словом, мой дипломный проект не мог быть отнесен к работе молодого человека, претендующего на то, чтобы стать ученым, хотя и защитил его на высшую оценку. Теперь, когда передо мной сидит молодой человек, не проявляя никакого желания участвовать в обсуждении, и весь облик его свидетельствует о его готовности выполнить любое мое задание, меня охватывает раздражение. Я отсылаю молодого человека, чтобы он подумал и высказал свое мнение. Сам же, по-видимому, был настолько безнадежен тогда, что Дмитрий Викторович не счел нужным даже отослать подумать.

Все серьезное в жизни, мой друг, начинается с чего-то несерьезного, малого. Я только что написал вам, как я обрадовался, получив от шефа первое задание. А ведь я обрадовался на самом деле не заданию, а тому, что профессор наконец вспомнил меня и что я теперь приступаю к работе. Само же задание показалось мне почти никчемным, потому что анализы по прописям я на практических занятиях выполнял неплохо, когда мы проходили практические занятия по кафедре аналитической химии. Казалось, все просто: выберу соответствующую методику, составлю рабочую схему, покажу шефу и буду анализировать. Когда я высказал эту мысль Гайнитдину, он с высоты своего маленького роста и годичного аспирантского стажа ехидно засмеялся:

– То, что ты собираешься делать, – это самый лучший способ представить себя шефу бестолковым дурачком... Ты не торопись, прочитай по этому поводу если не все (все ты не сможешь, потому что наверняка написано столько, что не все найдешь в наших библиотеках), то, по крайней мере, основное. Разберись в химической сути каждой аналитической операции, учти наши аналитические возможности, справься у Варвары Кондратьевны (эта всезнающая старушка была старшим лаборантом кафедры), какие у нас есть реактивы и где их искать... В общем, когда полностью разберешься, тогда и иди к шефу. Главное, не торопись. Я уже на этом обжегся. Слушай старших! – Гайнитдин был на несколько лет моложе меня, и ему нравилось подчеркивать свое научное старшинство.

И вот, когда засел, следуя совету Гайнитдина, за чтение, то впервые обнаружил, до чего я бестолков, до чего же неуч. Все в голове путалось, на вопросы «почему» не находил ответа, потому что плохо знал химию; казалось, один литературный источник так противоречит другому, что выхода из этих противоречий самостоятельно не смогу найти. Между тем самолюбие разыгралось настолько, что не считал возможным обращаться за разъяснением к кому-либо. После нескольких

Created by free version of 2PDF

дней мучительного чтения, когда пришлось заново разбираться в химических азах, стало наконец кое-что проясняться; да настолько, что начал отзывать обратно те сильные слова и выражения из лексикона Алжигана-ата, которые я применял по ходу чтения для самохарактеристики. Все беды заключались в том, что многое, будучи студентом, проходил наспех, чтобы только сдать. Между тем, за этим выбором методики для анализа, доставившим мне столько нервного напряжения, стал понимать, что я не безнадежный глупец. Я уже чувствовал, что теперь у меня совсем не тот подход, которым когда-то «блеснул», сочиняя свою студенческую научную работу, ибо я проштудировал всю доступную мне литературу и искал в ней не недостатки, а данные для познания. И вот ровно через две недели, уже боясь, что шеф думает обо мне, как о бездельнике, который на такое маленькое задание тратит столько времени, попросил профессора принять меня. Извиняясь, честно рассказал ему, что долго пришлось разбираться, ибо оказалось, что недостаточно подготовлен. Он посмотрел на мои записи, согласился с избранными мной двумя методиками: одна предназначалась для точного анализа и была довольно сложна, другая – для быстрого, так называемого экспресс-анализа, но была менее точна. Расспрашивая, убедился, что выбрал эти методики вполне грамотно и обоснованно. Беседовал не торопясь; я почувствовал, что шефу понравилось мое столь ответственное отношение к заданию, и взмыл:

– Сами анализы теперь – это же обычная лабораторная работа, не думаю, чтобы были какие-то затруднения, только реактивов не хватает, придется побегать.

– Мажит Муканович, то, что делает иной лаборант, закрыв глаза, мы с вами не сможем повторить. Все требует сноровки и навыков. Все надо делать, предполагая трудности, чтобы избегать драматических разочарований… Желаю вам успехов!

В справедливости слов Дмитрия Викторовича я убедился вскоре же. Когда, изрядно побегав по лабораториям института и Академии, везде выступая с просьбой от имени профессора Дьячкова, собрал установку и реактивы для анализа и, наконец, выполнил со всей возможной тщательностью первый анализ, затратив на него три или четыре дня, оказалось, что содержание главного элемента в два раза больше. Два попутных элемента, содержание которых определял, в параллельных пробах давали совершенно различные результаты.

Вот вам и лабораторная работа! Показываться профессору с такими результатами после того, как сам объявил ему, что эта работа чуть ли не пустяки, я, конечно, не мог. Оставалось, стиснув зубы, про-

Created by free version of 2PDF

верять самого себя и находить допущенную ошибку. Не буду рассказывать, дорогой друг, как злился на себя за неумение работать, за неумение выполнять обязанности рядового аналитика низшего разряда. Но когда через две недели нашел-таки ошибку, надо сказать, ошибку глупую, какую мог допустить простофиля, а не научный работник, я обрадовался, как будто добился высшей победы: двухнедельная работа по двенадцать-четырнадцать часов в день в полуподвале, который мне теперь становился вторым домом, увенчалась каким ни на есть, все же успехом.

Затратить более месяца напряженного труда, чтобы понять и освоить ординарные методы анализа человеку с высшим химическим образованием, разумеется, не великое достижение. Но, оказывается, когда чувствуешь, что ты при этом понял и в какой-то степени одолел собственную малограмотность, собственную неорганизованность и легкомыслие, это не бог весть какое достижение становится сладким и значительным. И теперь знаю, что с этой смешной победы над собой начался во мне научный работник, ибо именно с этого момента я приобрел боязнь относиться несерьезно к чему бы то ни было, если это касалось научной работы.

Когда доложил шефу, что, наконец, добился в анализах неплохих результатов и, по-видимому, могу в этом деле надеяться на себя, он сказал мне:

– Мажит Муканович, вы тогда, помню, говорили, что неплохо было бы что-то скомбинировать, чтобы методика была короче и удобней. Я уже забыл, не вспомните?

Как же мог не вспомнить, я помнил это, но Дмитрий Викторович мои суждения тогда пропустил, как мне показалось, мимо ушей, и мне подумалось, что я сморозил явную глупость и даже про себя смутился. Теперь же сам тон обращения у профессора был таков, как будто я за месяц с небольшим работы стал таким серьезным научным работником, что можно было со мной теперь на высоком уровне обсуждать дела. Я прямо-таки воспрянул и, торопясь, доложил, что имел тогда в виду. Выслушав меня, профессор сказал:

– Это очень правильная мысль, но как вы думаете, Мажит Муканович, если мы изменим ваши соображения чуть в другом плане...

Профессор подсказывал несколько иной вариант того, что было предложено мною. Сам я до этого никогда бы не додумался, это было явно лучше. Я, конечно, согласился. Пишу «согласился» потому, что профессор смотрел на меня через очки вполне серьезно и вполне серьезно ждал моего согласия.

Created by free version of 2PDF

– Ну вот и хорошо. Вы теперь проверьте, пожалуйста, эту мысль. Это будет не основная ваша работа, но если в голову вашу пришла хорошая мысль, так почему ее нам надо оставлять без внимания... Надо доказать, не отдавать на добычу кому-то, кто будет думать об этом позднее нас.

В этот раз шеф заговорил со мной, впервые советуясь, и от этого я почувствовал себя в каком-то новом качестве. И хотя поправка его к моим соображениям была существенной, он держался такого тона, как будто то, что он говорил, ничего не значило: важно было только то, что я говорил. В дальнейшем, чуть ли не двадцать лет проработав в контакте с Дмитрием Викторовичем, я узнал, что он обладает совершенно естественным, совершенно неотъемлемым от всего существа его великодушием, превращенным им в обыденную, никогда не подчеркиваемую и поэтому никого не обременявшую привычку.

Повозившись еще около месяца в лаборатории, несколько раз тщательно проверив правильность наших предположений и доказав возможность и даже необходимость соответствующих изменений в методике, я доложил обо всем профессору. Он внимательно выслушал, расспросил детали и сказал:

– Теперь стоит написать коротенькую статью, и мы ее опубликуем. И на этом закончим заниматься анализами, надо к самому делу приступать.

Ты как-то, мой друг, смотрел список моих трудов; в этом списке первой красуется маленькая статья с непритязательным названием и столь же непритязательным содержанием. Теперь, когда в этих делах мы ушли вперед, эта статья никакого интереса, конечно, не представляет, и положения, высказываемые в ней, выглядят довольно примитивными. Один мой помощник недавно сделал даже намек на то, что я, человек с именем, засоряю список своих трудов этой простецкой вещью. И все же для меня эта первая работа дороже моих других трудов, дороже солидных книг, которые теперь выпускаю, ибо она, эта статья, впервые вдохнула в меня уверенность, засвидетельствовав, что у меня при обдумывании прочитанного, слышанного и виденного тоже могут появиться дельные мысли и соображения, правда, дельными они сделались после деликатных поправок Дмитрия Викторовича, но эту поправку все же инициировал я. А это уже что-то значило.

Вспоминаю, дорогой друг, дальнейшие события моей аспирантской жизни и чувствую, как память выталкивает вперед детали, о которых, казалось бы, и не стоило говорить. Взять хотя бы, например, место работы. Тот, кто посвятил себя экспериментальным наукам, хоро-

Created by free version of 2PDF

шо знает, что значит иметь свой прочно закрепленный угол, чтобы в любой момент ты мог продолжать начатое, орудуя вещами, лежащими на привычных местах. Гайнитдину удалось отвоевать себе неприкосновенный угол в лабораторном зале первого этажа, и он успешно подшучивал надо мной, находившимся на птичьих правах, ибо в лабораторном зале внизу я вел себя, как гармошка, растягиваясь чуть ли не на весь лабораторный стол, пока отсутствовали студенты, и сжимаясь к самому кончику стола, когда они появлялись. Между тем, кафедра с вожделением зарилась на две узенькие комнатки, примыкающие к залу, где я работал, которые использовались для каких-то хозяйственных нужд. И вот однажды, когда я занимался в полуподвале, зашел незнакомый товарищ в сопровождении заместителя директора по учебной части и Дмитрия Викторовича. Профессор представил меня. Пришедший товарищ оказался новым директором института, недавно вступившим в должность. Я тут же про себя отметил, что этот высокий, еще сравнительно молодой человек много выигрывает своим открытым взглядом, спокойствием и представительностью перед бывшим нашим руководителем. Директор молча слушал Дмитрия Викторовича, видно было, что он не отличается разговорчивостью. Уходя, спросил меня, не желаю ли я что сказать. Я только этого и ждал: пустил слезу насчет того, что не имею постоянного угла для работы, что не хватает приборов, а имеющиеся некуда ставить, а между тем две соседние комнаты, насколько известно, заняты хозяйственным хламом.

Директор вопросительно посмотрел на Дмитрия Викторовича. Профессор поморщился, как будто извиняясь за излишнюю развязность своего аспиранта, за докучливые просьбы, которыми тот беспокоит директора при первом же его появлении. Но все же своим тихим голосом поддержал меня:

– Да, Мажит Муканович прав, уж очень у нас тесно.

Минут через десять-пятнадцать ко мне вниз сбежалась вся кафедра поздравить с великой победой: одну из комнат директор разрешил передать нам.

– Ну и хорошо, – сказал я, – так и должно быть: мои предки, чтобы заполучить кобылу, просили верблюда.

И вот я хозяин целой комнаты шириной в два, длиной в шесть метров. Она была гордо названа аспирантской, ибо Дмитрий Викторович имел в виду, что со мной в этой комнате будет работать и Гайнитдин. Но Гайнитдин сумел доказать, что ему удобней остаться там, где он работал; уж очень ему не хотелось спускаться в плохо вентилируемый полуподвал. И комната досталась мне одному. Выход в коридор

Created by free version of 2PDF

был забит, дверь в лабораторный зал открыта. Я и лаборантка Зина под руководством Варвары Кондратьевны убрали, побелили комнату, поставили лабораторный и письменный столы, шкаф для реактивов и химической посуды. Через неделю в комнате осталось свободного места столько, сколько необходимо было, чтобы я мог не стеснять свои движения в работе. Правда, плохо работала вентиляция, но в этом не было, казалось, большой беды, поскольку имелась форточка, которая при необходимости оставалась открытой. И вообще в этом отношении не приходилось особо привередничать, ибо, как изрекал Гайнитдин, наука требует жертв.

Зашел как-то вскоре Дмитрий Викторович и удивился тесноте в «аспирантской».

– Дмитрий Викторович, – попробовал пошутить я, – ваш аспирант должен хотя бы по этой части походить на нормального химика, ибо только недавно прочитал изречение одного большого ученого: тот не химик, которому вечером не будет тесно в комнате, которая была пуста утром.

Дмитрий Викторович обеими руками приподнял очки, тыльными сторонами указательных пальцев потер глаза и, слегка улыбнувшись, сказал:

– Все будет хорошо, Мажит Муканович, трудитесь.

Дмитрий Викторович понимал, о чем говорю. Опыты, над которыми я корпел изо дня в день по диссертационной работе, не давали ожидаемых результатов, что меня очень тревожило. Когда об этом доложил Дмитрию Викторовичу, он успокоил меня:

– Было бы плохо, Мажит Муканович, если бы все получалось сразу. В науке надо пуще всего бояться того, что легко приходит. Вы уже показали на синтетических веществах, что главная химическая реакция, которую вы хотите использовать для перевода металла из сырья в раствор на чистых препаратах, протекает удовлетворительно. Если эта реакция пока не воспроизводится на вашем сырье, то это, вероятно, потому, что оно представляет природную смесь многочисленных веществ, и какое-либо из этих веществ мешает процессу. Давайте обсудим и попробуем предварительно разобраться, что же может мешать.

И Дмитрий Викторович очень пространно и подробно начал толковать мне о химических свойствах большинства веществ в сырье, с которым я работал, одновременно расписывал своим неровным почерком уравнения возможных химических взаимодействий в условиях моих опытов. Такую беседу Дмитрий Викторович называл «обсуждением», и слово «обсудить» было главным словом в лексиконе бесед,

Created by free version of 2PDF

которые он проводил с сотрудниками, аспирантами и студентами, хотя на первых порах, например, мое участие, да и участие многих его учеников в подобных обсуждениях сводилось в основном к поддакиванию и к наклону головы в знак согласия. Пройдет некоторое время, когда и я буду довольно смело вставлять свои соображения, а иногда настаивать на них, но в данном случае, по мере «нашего обсуждения», я с ужасом стал убеждаться, что логика толкований профессора прямо вела к проведению большого количества опытов для выяснения причин многих неудач. Я понимал, что без этого не обойтись, и в то же время меня просто отпугивал выросший как будто из ничего такой громадный объем работ. И я брякнул с той непосредственностью, которая бывает присуща человеку при внезапно охватившем волнении:

– Дмитрий Викторович, это же новое исследование, как же я смогу...

Как только это сказал, с профессором произошло что-то совершенно для меня до сих пор незнакомое. Он резко положил ручку на стол, откинулся на спинку кресла и пальцами правой руки забарабанил по стеклу на столе; лицо его побагровело. Я не заметил, когда он успел откинуть очки на лоб, и только увидел его выпуклые глаза, которые, казалось, пронзали меня насквозь. Напрасно считали, что эти глаза невыразительны. Губы его задрожали, и он почти шепотом произнес:

– Можно, Мажит Муканович, вовсе не работать. Это легче всего...

Я сразу понял, чем вызвал гнев профессора. За моими бестактными словами он легко разгадал отсутствие во мне желания по-настоящему трудиться и ломать голову над непонятным. Я рассеянно молчал, опустив глаза. Молчал и профессор, только чиркнула спичка, и через некоторое время, которое было неимоверно долгим, папироса его коснулась пепельницы и крупный кусок пепла скатился ко дну ее. Я ожидал грозной, уничтожающей филиппики, ожидал слов, от которых испытываешь боль почище, чем от плетки, и опускал голову все ниже. Но вместо этого услышал его примирительный и даже, казалось, извиняющийся тихий голос:

– Мажит Муканович, вы должны хорошо усвоить одну вещь. Вы, став аспирантом, избрали такой род деятельности, когда сами же себе придумываете массу все увеличивающихся хлопот. Эти хлопоты рождаются оттого, что вы постоянно ломаете себе голову над противоречивым и потому тоже непонятным в ваших суждениях по тому или иному научному вопросу. Ваша-то задача и состоит в том, чтобы понять это непонятное. Видите, нам невдомек, почему ваши опыты не дают ожидаемых результатов. Порассуждали мы с вами, и сразу выяснилось, что надо выполнить большое количество экспериментов. Вы

Created by free version of 2PDF

обречены на это, и, пока заранее не поймете это, вас всегда будут постигать ненужные разочарования. В данном конкретном случае вы, по-видимому, ожидали, что вот профессор вам все разъяснит, вы будете заниматься намеченными до этого опытами, не отклоняясь. Неверно. Зачем бы мне заставлять вас работать над тем, что мне известно? Это – удел студентов, и то не всегда. Вы поймете, что на научного руководителя тоже возложена нелегкая задача, ибо он:

«...должен пот тяжелый лить,
чтобы научить тому, что не понимает сам».

Видите, это еще Фаусту было известно. Правда, у нас с вами есть одно преимущество, – я не смотрел на профессора, но чувствовал, что он говорил уже чуть улыбаясь, – мы, по крайней мере, задачи эти ставим сами себе, редко когда получаем их со стороны; они, в общем-то, возникают неожиданно, как в данном нашем случае. Между прочим, в этом наше преимущество: мы не работаем по заранее заданному рецепту, и нас никто никогда не заменит автоматами. Уразумейте, молодой человек, эту вашу независимость, гордитесь ею и, пожалуйста, трудитесь. Результаты придут.

Когда наконец поднял голову и посмотрел на шефа, он, уставившись в пепельницу, мял окурок, и я почувствовал, что он невольно отводит взор от меня, считая себя виноватым за неожиданную вспышку.

Не знаю, что со мной произошло, я встал и как-то необычно взволнованно, с какой-то твердой, но вместе с тем сердечной решимостью сказал:

– Дмитрий Викторович, я все понял. Буду работать! Разрешите идти...

Дорогой друг, этот первый и серьезный урок того, как я должен относиться к научной работе, который преподал мне Дмитрий Викторович, помню до деталей. Не знаю, так ли рассказал. Боюсь, что в моем рассказе он выглядит заурядным случаем, когда профессор поругал своего неразумного ученика, а потом, не долго думая, сменил гнев на милость. Очень не хотел бы, чтобы ты понял эту беседу с моим учителем так голо и схематично. Помню эту беседу в подробностях только потому, что этот, казалось бы, внешне незначительный случай раскрыл мне мое непонимание особенностей научной работы, откуда проистекало невежественное и несерьезное отношение к ней. Я не просто понял свою глупость, а всем своим существом прочувствовал ее через удивительную внимательность и человечность моего профессора. Меня поразила его мгновенная реакция на мое согласие, которое я старался по-своему не выдавать, и то трогательное участие, которое он не-

Created by free version of 2PDF
Sukeev University

медленно проявил. Я теперь только понял, почему все на кафедре старались не расстраивать Дмитрия Викторовича каким-либо необдуманным поступком, понял, почему считалось неприличным не выполнить то или иное его поручение или выполнить не так, как он хотел. Помню, как один из аспирантов нашего института зашел по каким-то делам на нашу кафедру, похвалился холодной жестокостью и требовательностью своего руководителя. Гайнитдин засмеялся:

– А наш вообще ничего не требует, а мы стараемся, может быть, больше тебя.

При этом наш профессор вовсе не был всепрощающе сентиментальным человеком, он умел гневаться и быть жестким. Я эти выводы сделал после описанной беседы, и мне не раз приходилось в этом убеждаться в дальнейшем. В общем, тогда хорошо понял, что с этим человеком стоит работать, и нет большей чести, как делать ему приятное, добиваясь возможно лучших результатов в своей работе.

С этой решимостью я месяца три или четыре подряд, во многих случаях включая и воскресенье, приходил в семь утра и уходил в 10-12 часов ночи. Хорошо, что от общественных дел, отнимавших много времени в студенческие годы, был освобожден. Аспирантов в институте было немного, и партбюро очень берегло их время. Я не забыл, что я – крестьянский сын, который изменит себе, если не отстоит свое, когда «втемяшится в башку какая блажь». А блажь заключалась в том, чтобы прийти к Дмитрию Викторовичу только с результатами, которые доказывали бы осуществимость нашей идеи, ибо, вчитываясь, консультируясь с товарищами, все больше убеждался, что замысел правилен, и у меня все меньше места оставалось для сомнений, если не учитывать недостаточное умение работать. Между тем, выполняя намеченные эксперименты, получил довольно большое количество данных, которые, как я понимал, имели определенное научное значение, ибо подобные данные в доступной мне литературе не обнаружил. Я чувствовал, что набираются материалы на новую, более солидную, чем первая, статью. Но того результата, которого добивался, не получал, хотя каждый раз мне казалось, что вот-вот у цели.

У моего собрата Гайнитдина дела шли лучше, чем у меня. Он был уже давно на правильном пути, и теперь выполнял эксперименты с целью дальнейшего изучения всех сторон уже доказанного. Это было, конечно, легче, чем заниматься доказательством еще недостаточно ясных предположений, то есть находиться на том этапе исследования, на котором я застрял. Гайнитдин не мог обойтись без юмора и как-то сказал мне:

Created by free version of 2PDF

– Слушай, ты читал, должно быть, об одном случае из истории науки... Но все же расскажу. Был у Резерфорда отчаянно трудолюбивый молодой сотрудник, постоянно торчавший за лабораторным столом. На ежедневный вопрос учителя: «Работаете?» – тот, не замечая нараставшего раздражения в голосе шефа, неизменно отвечал: «Да, сэр», – пока в один прекрасный день великий ученый не рявкнул: «Когда же вы, черт возьми, думаете?». Ты не полагаешь, что Дмитрий Викторович может подумать о тебе в подобном же плане?

Нет, я не полагал этого. Я считал, что успеваю и думать, и читать, так как отдельные эксперименты у меня длились по нескольку часов и не всегда требовали постоянного наблюдения. Эти промежутки, как правило, использовал для чтения, консультации и обдумывания. Но все же, по-видимому, начинал уставать, и добрый друг Гайнитдин заметил это. Обратила на это внимание и твоя женгей Майра Есеновна, потому что я стал грубить ей по поводу и без повода и к тому же стал спать не всегда глубоким сном, что присуще мне не было. А однажды тот металлический элемент, над извлечением которого я малоуспешно трудился, приснился мне в виде поросенка. Я увидел его в водоеме, наполненном раствором щелочи, применяемым мной в опытах. Когда же он вылез из него и отряхнулся, я прочитал в черных поперечных полосах на белом его теле латинское название моего металла. Я был рад тому, что металл наконец выделился, но мне было неприятно, что он был поросенком и что теперь, вопреки наставлениям матери, отца и всех предков-мусульман, должен держать это поганое животное в руках. От ласкового хрюканья поросенка мне стало не по себе, и я проснулся.

Снились мне лабораторные опыты по-разному, но сохранился в памяти только этот поросенок. Когда рассказал свой сон Гайнитдину, он изрядно посмеялся и всерьез добавил:

– Этот поросенок не случайно тебе приснился. Тебе не меньше, чем на два месяца, надо завалиться в тартарары и постараться забыть все, пока мысли не вернутся в каком-то свежем виде. Видно, что ты, как говорят, дошел.

И в самом деле, на улице была весна, в нашей зеленеющей столице буйствовали акации, а я, подделываясь под подвижника науки, торчал в мрачном загазованном полуподвале над малоудачными опытами. Я вдруг почувствовал, что мне эта лаборатория осточертела. Меня охватило какое-то равнодушие ко всему, что делал, потянуло в родные края, к матери, братьям, в свой аул. Решил обратиться к профессору, чтобы он дал мне отпуск. Я и ранее думал об отпуске, но полагал, что

Created by free version of 2PDF
Suktov University

обращусь к нему лишь после того, как получу давно ожидаемые результаты опытов. Ожидаемые данные не получались, и я медлил, боясь, что профессор обязательно спросит о ходе не очень удачно протекавших дел. Теперь, после внезапно овладевшего мной безразличия к работе, мне показалось, что это не имеет никакого значения, если спросит, расскажу о том, что сделал, а еще более о том, что собирался делать. Я уже чувствовал, если даже профессор не разрешит мне отпуск, все равно не приду в лабораторию в ближайшие дни. В конце концов, не все ли равно, думалось мне, живут же другие люди без этих почти круглосуточных непрерывных забот, без всяких одуряющих дум, когда желанная удача вдруг уходит, ускользает и маячит, дразня своим хвостом из отдаления. Может быть, все это не для заурядного сына крестьянина-пастуха, сохранившего в себе инстинкт жить «не мудрствуя лукаво...»

Я зашел к профессору и, не предваряя ни словом о работе, попросил, чтобы он разрешил мне отпуск на положенные два месяца. Дмитрий Викторович, потирая руки (это свидетельствовало о хорошем настроении), посмотрел на меня и сказал:

– Что ж, Мажит Муканович, отдых всегда необходим. Поезжайте и будьте до тех пор, пока не потянет снова в лабораторию. От отдыха тоже часто тянет к работе. Пожалуйста! – При этом он так улыбнулся, как будто я доложил ему по меньшей мере о результатах научного открытия.

Ушел, чувствуя, как мое уныние сменяется удивлением. И было от чего удивляться. Профессор одобряюще улыбнулся в то время, когда мой унылый вид явно свидетельствовал, что ничего хорошего ему не могу доложить.

Всезнающая и мудрая Варвара Кондратьевна дала этому обстоятельству свое объяснение:

– Напрасно ты думал, что он будет спрашивать о работе. Он не будет спрашивать. Он верит в тебя. Поэтому он будет ждать до тех пор, пока ты сам не найдешь нужным доложить. Нервировать и беспокоить тебя не будет.

Это был, пожалуй, новый, внешне незаметный, но решающий нюанс в отношении моего шефа ко мне. Ныне с ужасом себе представляю, что было бы, если профессор в тот момент стал бы меня прямо или косвенно упрекать в отсутствии результатов в проведенных исследованиях. Полагаю, что ушел бы и не вернулся. Таково было у меня тогда настроение.

Created by free version of 2PDF

И вот приехал в аул. Приехал не тощий студент, а порядком раздобревший аспирант, и этим произвел на своих сородичей большое впечатление. К тому же приехал не с пустым чемоданом, как было ранее, а с подарками семье, близким, ибо, освободившись от лабораторных бдений, успел посидеть дома и подзаработать, накатав статейку для радио и выполнив перевод для журнала. Только трудно было объяснить старшим в ауле, что такое аспирант. Пришлось сказать, что теперь учусь, чтобы учить таких студентов, каким был сам недавно. Это многим понравилось, ибо мугалим-учитель в народе был издавно уважаемым человеком.

В ауле жили веселее, чем раньше. Проблемы хлеба насущного были решены, и люди теперь были полны дум о многом таком, что возвысило бы их завтрашнее над сегодняшним. И у нас в семье наступало время достатка. Только не было в ауле бабушки и Алжигана-ата. Они покоились на родовом кладбище. На другой день утром дядя Актай и я пришли на кладбище и молча посидели на корточках перед могилами наших любимых стариков. В моей грусти не было печали. Хорошие люди, думалось мне, отжили свое, оставив в сердцах потомков и близких только добрые чувства; и хоть память об этих простых людях не будет вечной, они исполнили свой человеческий долг перед нами, ибо воспоминания о них, о их многотрудной, но честной жизни будут всегда предостерегать нас от всего неправдивого, фальшивого и неблагородного.

Отдавши дань ушедшим аксакалам, почтивши их аруахи, я пришел приветствовать живого аксакала Акменде, ставшего теперь, после смерти Алжигана-ата, старшим в роду. Молчаливый и угрюмый старик сидел за починкой уздечки. После положенных приветствий он спросил меня:

– А где келин?

– Келин осталась дома.

– Ну, молодец, ты же джигит из нашего рода. Не люблю этих образованных, что вечно за собой жен таскают.

– Она через две недели приедет...

– Ну и пусть едет... Не вместе же с тобой... Не таскайся вместе, обабишься! Джигит должен быть свободен, как сокол.

Совет аксакала был серьезным, без иронии, мне не хотелось показаться ему джигитом не из нашего аула, я наклонил голову в знак того, что принимаю его благое наставление. Выйдя от аксакала, я и мой сверстник Куан, сопровождавший меня, разразились смехом; этот

Created by free version of 2PDF

«мудрый» совет аульного старика долго служил темой шуток моих сверстников.

Проболтавшись в ауле с неделю, а то и более, я уже стал было скучать, когда приехал из райцентра мой дядя – конюх Жактай.

– Галчонок мой, – обратился он ко мне, – ты в этом году собираешься на сенокос, или уже аул наскучил и не терпится увидеть свои книги, каменные дома и каменные дороги?

Дядя был против всего городского, считал, что там все одето в камень и поэтому люди там черствеют.

– Нет, Жактай-ага, – сказал я, – поеду с тобой по-прежнему на сенокос. И впредь каждый год буду с тобой косить сено.

...Дорогой друг, знаешь ли ты степную реку, ту реку, которая, выжурчав ручейками где-то в плоскогорьях Сары-Арки, затейливо вьется затем по Караоткельским равнинам, прорезает все глубже и шире тучные черноземы с березовыми рощами, которые ныне превратились в Целинные поля, и несет свои воды туда, на север, стремясь соединиться с могучим Иртышом? Нет, ты плохо знаешь ее, эту степную реку, потому что ты родился и жил в детстве вдали от нее, и не мог видеть те времена, когда она каждой весной внезапно раздувалась, заполняя свою просторную пойму, раздвинувшуюся местами на добрый десяток и более километров в поперечнике. Ты не видел, да и не мог видеть, как у нашего аула, словно по волшебству, образовывалась морская гладь, по которой стремительно неслись куда-то вдаль, в холодные края, льдины, бревна, вырванные с корнем громадные ветвистые деревья, плетни, бесчисленное множество каких-то обломков и всякой всячины, что и не разгадаешь, чем они были до того, как их взяла в свои студеные объятия разбушевавшаяся стихия. Удивительное это было зрелище: пробежишь от аула двести-триста метров, поднимаешься на гору, левее кладбища, и перед тобой открываются бескрайние водные просторы, и так как во время полноводья за туманом, парящим над водой, скрывался соседний, находящийся от нас в десяти-одиннадцати километрах заречный аул, то создавалась чаровавшая мальчишеское воображение иллюзия океанской безбрежности: замечтаешься чуть, и кажется, что ты стоишь на берегу всамделишного моря и что вот-вот покажутся мачты кораблей, а, может быть, дымящие трубы пароходов из сказочных заморских стран. Ненадолго хватало у нашей, в общем-то, смирной реки весеннего буйства. Побурлив разъяренным верблюдом день или два, она внезапно опадала и, как будто извиняясь перед всеми за свои безумства, скромно возвращалась в свое узенькое русло, оставив наполненные до краев речные озера-старицы,

Created by free version of 2PDF
Sukeev University

бесчисленные лужи и лужицы, промыв и очистив густые тальники и выкошенные поляны от гниющей прошлогодней травы и листвы, от всего того, что нашло затхлый покой в тихих лощинах и зарослях пойменного низовья, от беспокойно дующих ветров. В эти дни так и хочется пробежать, посмотреть на то, что оставила моя река после безумной ярости своей, но потребуется время, пока подсохнет почва и ребятишки аула смогут веселой ватагой, вооруженные острыми крюками и сачками, отправиться на легкий, но занятный промысел: ловить рыбу, не успевшую уйти с большой водой, застрявшую в подсыхающих лужах и глупо метущуюся.

Нет, мой дорогой друг, не знаешь ты мою реку, ибо ты не видел и не мог видеть ни ее грозных, бушующих разливов, ни ее смиренного журчания, когда летом ужималась она настолько, что всадник переезжал в иных местах ее броды, не задевая даже стременем бегущую волну, ни ее тучных пойменных лугов, где в самые жаркие дни начинали, перекрывая птичье многоголосье, звенеть литовки косарей, и вырастали стога, ни ее глубоких и тихих стариц, поверхность которых, оберегаемая от степных ветров-анызак свисающими с берегов густыми тальниками, не всколыхнётся ни разу, ни купания в старичной воде, когда, бросившись в мягкую, бодрящую глубь ее, выплываешь и в блаженной радости смотришь на круги, плавно расходящиеся от тебя, мерно колыхая широкие лепестки кувшинок. Нет, ты не знаешь эту реку, ибо ты увидел ее совсем не моей, ты увидел ее в теперешнем виде, когда человек навсегда предупредил весеннее буйство капризной красавицы, создав на пути ее высокие каменные плотины-пороги со шлюзами, большие рукотворные озера и даже настоящее море, которое народ назвал Целинным. И мальчишки нашего аула тоже не знают мою реку, для них существует не река, а море, которое привычно плещется ныне рядом с их домами, у тех мест, куда иногда доходила речная вода в дни ее короткого бесшабашного весеннего безумства.

Конечно, мой дорогой друг, никого теперь не убедишь в том, что река моей юности была лучше теперешней. Сказочна быль, когда Целинное море ныне, сберегая в громадном объеме своем бесцельно уходившую когда-то воду весенних разливов, стало как бы сердцем, от которого, словно артерии, расходятся на десятки и сотни километров в далекие степи водоносные трубы, оживляя благодатной влагой бескрайние поля и луга, отчего люди, еле прокармливавшие сами себя, теперь живут в крае большого хлеба и думают о том, чтобы весомей была ежегодная доля, вносимая ими в закрома Родины. И все же как-то грустно оттого, что теперь нет реки, что никогда она отныне не повто-

Created by free version of 2PDF

рится ни при живущих, ни при грядущих поколениях. Интересна эта грусть о безвозвратном: так, расслабленно укачиваясь в комфортабельной легковой машине, мчащейся по современному шоссе, мечтаешь прокатиться на рысистом коне, хотя прекрасно знаешь, что конь – безнадежно отсталый вид транспорта, что твое рыхлое тело, изнеженное мягкими, удобными сиденьями, растрясется за несколько минут от упругого топа лошади, вовсе неупруго отдающегося на жестком седле. Грусть эта совершенно противоречит логике наших стремлений, логике научно-разумного устроения жизни, и тем не менее, она существует, и не потому ли, дорогой друг, мне чем далее, тем подробнее вспоминается, как мы с Жактаем-ага в тот год в последний раз поехали косить сено на лугах реки моей юности.

Мы с Жактаем-ага едем в телеге, доверху нагруженной жердями для шалаша, косами, лопатой, утварью, одеждой, постельными принадлежностями, словом, всем тем, что необходимо для нашей жизни на сенокосе. Жактай-ага был человеком быстрым на решения, но в то же время и обстоятельным; хотя место, где мы ежегодно косили, отстояло в каких-то пяти-шести километрах, дядя собирался туда так, будто выезжал чуть не за сто верст, ибо он считал, что на сенокосе не к чему мотаться в аул и отрываться от дела. Телега спокойно катит за большой серой кобылой, почти такой же, какая была у нас.

Три раза при спусках приходится нам слезать с телеги и закладывать между спицами задних колес палку для торможения, ибо дядина серушка имеет обыкновение при каждом спуске пускаться в галоп, что того и гляди растрясет или даже опрокинет телегу. Рядом с телегой возбужденно и радостно мотается рослый, пегий жеребенок, довольный тем, что не томится на привязи.

Въезжаем в луга. Пойменная трава стоит стеной, касаясь брюха кобылы. Серая невольно переходит на шаг. Телега, кобыла, жеребенок – все так безжалостно подминают траву, оставляя глубокие следы, что Жактаю-ага, знающему цену пойменного сена, становится не по себе. Он подгоняет лошадь, торопясь доехать до места стоянки, как будто от этого трава будет подмята в меньшей степени. Наконец мы останавливаемся возле колбаской вытянувшейся поперек поймы Узун-карасу (длинной старицы), у берега, что со стороны реки. На этом уголке нашей любимой старицы есть песчаный бережок. Там любит прохлаждаться в жаркие дни Серая, спустившись по некрутому откосу и войдя чуть не всем телом в воду. В этот первый день и вообще на сенокосе у нас с Жактаем-ага обязанности строго распределены, и я делаю все, что мне полагается, не получая дополнительных распоряжений. Соска-

Created by free version of 2PDF

киваю с телеги и хватаю за уздечку жеребенка, который уже тянется к сосцам, не зная, что молоко более чем ему, необходимо нам, косарям, на кумыс. Привязываю жеребенка к заднему колесу, не за дробину, иначе сильный и беспокойный малыш может потащить телегу в сторону. Далее распрягаю чуть подпотевшую Серую и привязываю к телеге с противоположной стороны, чтобы жеребенок не мог дотянуться до вымени. Сложив сбрую аккуратно у телеги, беру косу, доставшуюся мне от отца. Старая отцовская коса! Она сточилась настолько, что стала узенькой, изогнутой на конце в орлиный клюв полоской стали, но я продолжаю косить только ею, так как мне кажется, что никакая другая коса, будь она новой и красивой, не может быть удобней и ходче, чем эта старенькая, отцовская... Я не могу ее заменить новой, я привык к ней, привык к ее потемневшей от времени, но удобной для моих рук рукоятке, к ее звуку, становящемуся звонче, как мне кажется, по мере того, как стачивается сталь, к ее, как теперь бы выразились, элегантной легкости, ибо отец был мастером делать орудия домашнего труда прочными и красивыми. Словом, достаю отцовскую косу, острым концом длинной, соответствующей моему росту, рукоятки упираюсь об землю и привычным движением провожу по лезвию бруском. Прерывистый звон от соприкосновения бруска косой приятно раздается в ушах и взбудораживает меня. Чувствую прилив сил, передо мной встаёт образ знаменитого в нашем роду (и вовсе неизвестного за пределами его) косаря Нысанбая, о котором рассказывали, что он, выехав на сенокос, несколько дней подряд прохлаждался в шалаше, распивая кумыс, а потом косил сутками, не отдыхая, и выкашивал за десятерых. Тут же появляется Есенин:

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был,
Размахнись косою, покажи свой пыл.

И начинаю размахивать косою. Беру чисто, хорошо, под корень, и длинностеблистая трава ложится красивым, плотным, бугристым, как грива у породистого коня, валком; под короткой щетиной стерни обнажается ровная, тщательно вымытая весенним половодьем, желтая поверхность почвы. Машу, кажется, недолго, но пот катится с висков, снимаю сорочку, майку и продолжаю косить, ибо надо соорудить шалаш, покрыв его толстым слоем свежей травы, так как только свежая, влажная трава слеживается достаточно плотно, чтобы не пропускать дождь. Кошу, размахивая косой картинно и со спокойным достоинством, как бывалый косарь, но это мне дается с трудом, сердце бьется часто и тяжело, дышу, как будто не хватает воздуха, чувствую, что надо сделать передышку, но стыдно дяди, потому что кошу-то всего ми-

Created by free version of 2PDF

нут десять-пятнадцать. Иду на хитрость: точу косу, хотя она еще не успела затупиться. Хитрость эту дядя легко улавливает, но делает вид, что не замечает моего состояния, и занимается своим делом, связывая концы жердей для шалаша. Пока выкосил поляну, достаточную для того, чтобы не топталась свежая трава, с меня сошло три пота, мне уже было не до деда Нысанбая из нашего рода, аруах которого остался явно безучастным ко мне, и не до Есенина с его крестьянским пылом.

– Располнел ты, галчонок мой, в нашем роду таких никогда не было. Придется делать выстойку-танасу, – говорит дядя и с жалостью смотрит на меня.

Я знал, что такое выстойка-танасу. Лошадь, набравшая тело на выпасах, в первые дни разъездов сильно потеет и быстро устает. Для того, чтобы такую лошадь ввести в форму, нужно несколько дней подряд, все увеличивая ежедневную нагрузку, выдерживать на приколе до утра, чтобы с нее сошел жир, освободился от лишнего желудок и подтянулся живот. Нечто подобное решил применить Жактай-ага и по отношению ко мне; хотя я не был лошадью, но раздобрел, как конь на воле. Солнце еще было высоко над горизонтом, голодать до завтрашнего дня не очень улыбалось, но я привык выполнять сказанное Жактаем-ага *беспрекословно*.

Сооружением шалаша, как делом очень ответственным, продолжает заниматься дядя, я же беру топор и иду в тальники за дровами: там всегда найдется мешающее зеленой поросли старье.

– Береги ноги, осторожней руби, – напутствует вслед Жактай-ага, он неизменно и дословно повторяет это предупреждение лет пятнадцать или двадцать, с тех пор как я впервые при нем взял в руки топор.

Пока натаскал ветвистого сухостоя, перерубил, выкопал яму для очага, перекатил телегу в подветренную сторону будущего костра, наполнил ее до краев травой и, с удовольствием глядя, как мать и сын со сладким фырканьем воткнули морды в зеленую кучу, потрепал пегого чертенка за холку, дядя уже закончил сооружение шалаша; зеленым красивым конусом возвышался наш шалаш на поляне, и я знал, что даже при ливневом дожде, который в наших местах не редкость, ни одна капля воды не просочится внутрь – так умел наслаивать на раздвинутые в конус веером жерди сырую, тяжелую траву Жактай-ага. Я сбегал к старице за водой и, наполнив наш небольшой казан, разжег под ним костер, ибо я знал, что Жактай-ага после окончания всех хлопот сядет у очага и, обливаясь потом, будет долго пить чай. Он взял отмытое от пыли деревянное ведерко, и мы в последний раз в этот день подоили кобылу. Я подпустил жеребенка и, как только он начал смач-

Created by free version of 2PDF

но сосать, оттянул его от вымени; место пегого сосунка немедленно занял дядя, который, полуопустившись на правое колено, проворно заработал пальцами обеих рук. Молочные струйки глухо, непрерывно забили о дерево ведра: дядя никогда не доил в металлический сосуд, считая, что встревоженная громким звоном кобыла неохотно будет давать молоко. Здесь, на сенокосе, придется доить Серую не менее шести-восьми раз в день: на сочной пойменной траве старая кобыла будет питать с избытком не только нас, но и косарей из соседнего аула, что будут забредать к нам для выражения почтения дяде и не без расчета на угощение; к тому же Жактай-ага будет накапливать тунемель[4], с нетерпением ожидая шумной ватаги отпрысков деда Нурбая во втором колене. Поэтому мы с Жактаем-ага по вечерам будем неистово толочь писпеком-мешалкой в большом турсуке, чтобы выбить кислую горчинку с отбродившего молока и размягчить вкус кумыса.

Солнце склонилось к закату, земля начинает мягко выдыхать тепло, накопленное за день, и душные волны его поднимают с собой комарье, прятавшееся в траве от прямых солнечных лучей. Комары, нудно жужжа, беспокоят Серую и жеребенка, и я прибегаю на помощь, насылая на них спасительный дым. Самый лучший источник устойчивого, плотного, расползающегося дыма – это лошадиный помет, имеющий свойство медленно тлеть, не сгорая, но сегодня этого помета еще мало, приходится довольствоваться сырой травой, положенной на горящую головешку, хотя она, эта трава, легко сохнет и сгорает, недолго подымив.

Дядя ритуально долго пьет чай, я же, голодный, обреченный на выстойку, отвлекаю себя тем, что поддерживаю дым, отгоняя им комаров от Серой и жеребенка. Вскоре наступает ночная прохлада, комар, прожужжав живительный для него промежуток времени между днем и ночью, снова прячется в траву. Жактай-ага завершает свой вечерний намаз, я же, потушив костер, забираюсь в шалаш и, быстро раздевшись, падаю на нехитрую, но свежую и мягкую от подложенной травы постель. Чувствую неприятную пустоту в желудке и, тем не менее, легко засыпаю, успев улыбнуться обрывку налетевшей мысли; это тебе, брат, не научная работа, когда, возбужденный какой-то (чаще всего нелепой) думой, беспокойно ворочаешься с боку на бок в удобной постели в уютной городской комнате.

Что такое хороший сон? Это когда утомленный человек добирается до желанной лежанки и, бездумно быстро и легко окунувшись в

[4] *Тунемель* – кумыс, выдержанный несколько дней.

Created by free version of 2PDF

небытие, тут же, через мгновенье раскрывает глаза, обнаруживая, как стало необыкновенно ясно в голове, как упругая бодрость овладела телом, как улетучились всякие сомнения в счастливом и целесообразном предназначении жизни. А потом выясняется, что в это мгновенье уместилось не менее трети суток, что восемь-девять часов пролежал человек на одном боку, не шелохнувшись, что не только не было каких-либо разрывов во сне, но и не было никаких сновидений, и поэтому полностью отсутствовали внутренние ориентиры, чтобы судить о длительности пребывания в этом целительном состоянии. Такой сон может быть только в сельщине, в поле, на сенокосе. Проснувшись и рассуждая таким образом, я ловлю себя на том, как моя голова уже настолько приспособилась ко всякого рода мало необходимым умственным упражнениям и настолько стала некрестьянской, что даже и сейчас я лежу и толкую про себя на совершенно ненужную тему, вместо того, чтобы устыдиться своего долголежания, вскочить и бежать с литовкой в руке к Жактаю-ага. Он как всегда встал с зарей, чтобы не пропустить ту счастливую пору для косаря, когда трава, размягченная утренней росой, подсекается так легко и так беззвучно, что можно было бы подумать, что коса ходит вхолостую, если бы не плотные, мокрые валки, ложащиеся слева, удлиняясь и лоснясь под скользящими горизонтальными лучами только что оторвавшегося от края земли солнца, ту пору, когда бодрящий прохладой воздух, вдыхаемый во всю грудь, растекается по телу, наполняет его удалой упругостью в движениях и верой в нерастраченные силы. Я дотягиваюсь до мешковины, которой дядя занавесил входное отверстие, и густые лучи порядком поднявшегося солнца разливаются по шалашу, внося вместе с бьющим в глаза светом нежное тепло. Выхожу из шалаша, чувствуя легкую и приятную боль в плечах и пояснице от вчерашних маханий косой. Полянка у шалаша уже вся выкошена и трава лежит в ровных валках, а дядина коса звенит за широким тальником. Бодро иду к старице, быстро умываюсь и с жадностью порядком проголодавшегося человека опрокидываю в себя добрую чашу кумыса, что Жактай-ага не забыл отлить из турсука и приготовить для меня, беру косу и иду к дяде, который успел оголить порядочную площадь луга. Он останавливается, поворачивается ко мне потным лицом, на котором я чувствую удовлетворение тем, что «галчонок» его здоров и весел. Достаю из-за пояса и надеваю на руки предусмотрительно сшитые матерью варежки из мешковины, ибо она точно знала, что ладони интеллигентного сына не выдержат соприкосновенья даже с гладкой поверхностью рукоятки косы и покроются волдырями за первые полчаса работы, как оно и бы-

Created by free version of 2PDF

ло на самом деле. Поводив, как положено, бруском по лезвию косы, становлюсь за дядей, подчиняясь его ритму и радуясь тому, что коса моя берет так же широко и чисто. Я знаю, что Жактай-ага мне не даст долго косить, час до обеда и, может быть, час-полтора после обеда, ибо, пока я приобрету форму более или менее надежно выезженного коня, я должен подчиняться нормам работы и еды, которые он строго установил для меня со вчерашнего дня.

Дорогой друг, мне так и хочется продолжать смаковать подробности того, как я косил, копнил и скирдовал в то лето, живя в шалаше, питаясь квашеным кобыльим молоком и купаясь в старице. Эти подробности воскресают перед моими глазами во всех деталях, может быть, потому, что они никогда теперь не повторятся не только для меня, но и для других поколений. Поехал я недавно в аул, моих лугов нет, но есть безбрежные поля, густо заросшие сеяными травами, по которым ползает большая машина, похожая на громадного паука, она аккуратно стрижет поле и выбрасывает кирпичики спрессованного сена. Кто же теперь, после этого, будет ходить с дедовской косой за плечами?

Подходила к концу третья неделя моей жизни на сенокосе. Она была приятно разнообразена выездами в аул по воскресным дням, рыбалкой с наезжавшими ко мне товарищами, купаниями, беседами. А потом произошло следующее. Купался я однажды в старице, испытывая то особое наслаждение, которое, наверно, знакомо лишь человеку, всхрапнувшему часок-другой после напряженного трудового утра, спрятавшись от полуденной жары в прохладном шалаше, и затем тут же попавшему в бодрящие объятия мягкой старичной воды. Помню, как плавно, осторожно вынырнув из воды, я, следуя «мудрому» совету Козьмы Пруткова, с улыбкой стал считать круги, расходящиеся от меня. И вдруг именно в этот момент (сейчас почему-то мне кажется, что именно в этот момент) водяные круги «превратились» в химические уравнения и формулы, и с этого мгновенья они не покидали меня, возвращаясь все чаще и чаще. Меня поразила ясность, установившаяся в голове и позволяющая мне здесь, на лугах, без помощи книг, к которым прибегал там, дома и на работе, без помощи товарищей, с которыми обсуждал свои научные злоключения, легко анализировать все, что мною сделано, и с уверенностью находить те пункты, где допустил ошибку и сделал лишнее и ненужное вместо того, чтобы делать совершенно другое, нужное и необходимое. Стал даже мысленно подшучивать над собой: не хлестаковской ли природы эта необыкновенная ясность мыслей? Как это проверить? И вот с этого дня потерял всякий

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

интерес к сену, которое мы с дядей уже скопнили, и нам оставалось теперь сложить его в круглые скирды-чучаки, и ко всей жизни на сенокосе, которой до сих пор с упоением наслаждался.

Жактай-ага с грустью заметил задумчивость на моем лице и стал смотреть на меня с прежней знакомой мне жалостью. Я знал истоки этой жалости. Он очень любил меня. И поскольку я был старшим во втором колене от деда Нурбая, он считал, что вся остальная поросль будет и должна равняться по мне, и он очень хотел, чтобы из меня вышел достойный сын нашего рода, вышел джигит, по всем статьям соответствующий тому образу мужчины-батыра, который сложился в его представлении. Такой джигит-батыр из меня не получался. Жактай-ага всю жизнь имел дело с лошадьми и знал их повадки. Он учил меня, что в обращении с ними надо проявлять спокойную властность, что лошадь – умное животное, и оно не любит несмелых и нерешительных. Стоит своенравной и норовистой лошади почувствовать слабость человека, как она постарается лягнуть или укусить. Я не раз был свидетелем, как Жактай-ага хладнокровно успокаивал злых лошадей, обращаясь с ними без какой-либо опаски. У меня это не получалось, я боялся подходить к незнакомой лошади, особенно сзади, хотя дядя настойчиво учил меня, что это менее опасно, чем подходить спереди, ибо при быстром приближении животное не успевает взять размах для лягания, тогда как укусить оно может всегда. Жактай-ага несколько раз пытался научить меня прыгать на коня и спрыгивать с него на скаку, у меня это не получалось, и, главное, он чувствовал, что у меня нет к этому желания. Он видел, как в детские и отроческие годы со мной легко справлялись мои сверстники, и сокрушался не тем, что племянник оказался слабым физически, а более всего тем, что в нем не было бойцовской злости и он легко мирился с положением побежденного. Ему было очень грустно оттого, что он во мне не видел ни одного из тех качеств, которые были у Алжигана-ата и его сподвижников, к которым Жактай-ага с гордостью относил и себя. А быть сподвижником и соратником Алжигана-ата было, по-видимому, нелегко. В этом я убеждался каждый раз, когда брил голову Жактаю-ага. Это была трудная работа, потому что кожа на голове аксакала была густо и затейливо перерезана рубцами, заселена шишками и углублениями, каждая из которых имела такую историю, что я на месте дяди не выдержал бы ни одной из них. Видно было, что по этой голове прохаживались столько раз и с такими усилиями, что я всегда диву давался, как сохранился дядин череп. Когда однажды, приступая к бритью, похвастался, что ни один искусный косарь не сможет пройти косой, не рискуя поломать ее, по этим овра-

Created by free version of 2PDF

гам и лощинам и что на это способен только я, Жактай-ага вздохнул: «Галчонок мой, как хорошо, что ты не увидишь того, что я видел в молодости. Не сдобровать бы моему черепу, если бы не пришла Советская власть. Во мне кровь кипела, когда я видел кичащихся силой и косяками. И не было бы ни одного из этих рубцов, если бы я дрался с теми, кто был слабее меня. Беда была в том, что били меня больше, чем я их. К тому же из-за таких, как я, страдали родные, близкие. Так что на душе рубцов было больше, чем на голове. И эти ничего не значили по сравнению с теми, что на душе». Брил я дядиным большим перочинным ножом. Нож этот дядя любил, носил в кармане в специальном кожаном чехле и в свободное от других дел время часами точил его, поплевывая на брусок и пробуя лезвие на своей бороде. Жактай-ага был убежден, что ни одна фабричная бритва не может быть острее его ножа. Я же был совершенно противоположного мнения, хотя, щадя дядино самолюбие, молчал об этом. Помню, как, размягчив жесткие волосы дяди теплой водой (мыло для этого он не считал необходимым применять), я пальцами правой руки с силой оттягивал кожу и начинал основательно давить лезвием ножа под корень щетины; лезвие медленно двигалось вперед, не столько подсекая, сколько варварски сдирая волос с неровной поверхности головы. Такое бритье мог терпеть только Жактай-ага. Я знал, что Жактай-ага не признавал такие чувства, как боль и страх. Он страстно хотел, чтобы я вырос смелым и бесстрашным. Но я, по его понятиям, рос трусливым и боязливым. Ему было больно за меня, он был неуверен в моем будущем, ибо он полагал, что жизнь есть жизнь и под солнцем в ней всегда будут находиться люди смелые и решительные. Вот почему он смотрел на меня с жалостью.

К тому же Жактай-ага замечал в моем поведении что-то такое, что он относил к людям не от мира сего, к людям, заранее обреченным на неудачи и несчастья. Дело было в том, видимо, что я, заимев привычку размышлять над читанным и виденным, уходил в себя более часто, более длительно и совсем не вовремя, чем это должно было быть для здорового человека по нормам, подсказываемым дяде его жизненным опытом. А нормы эти складывались из того, что до меня в нашем роду не было ни одного человека, державшего книгу в руках, во всем ауле не вспоминался ни один родич, листавший печатные страницы, кроме страниц корана, и дяде не были знакомы люди, имевшие навыки длительного, упорного размышления. Жактаю-ага очень нравилось, что учусь я хорошо. Ему было по душе мое увлечение книгами, он не переставал хвастаться перед своими друзьями, показывая книги, кото-

Created by free version of 2PDF

рые я читал. Предметом особой гордости дяди был толстенный том Пушкина, изданный к столетию со дня рождения поэта, ибо ни Жактаю-ага, ни его сверстникам книгу такой толщины не приходилось видеть. Я с детства был не лишен тщеславия и приносил эту книгу из библиотеки ради дядиного хвастовства, хотя читал из нее только сказки и «Руслана и Людмилу», остальной же Пушкин был в то время выше моего понимания. А когда однажды меня в школе премировали ситцем на рубашку, месяца два висела эта цветная материя на видном месте, и дядя каждому пришедшему рассказывал, что вот его «галчонок» получил это за отличную учебу. Но уже после шестого или седьмого (точно не помню) класса моей учебы дядя вслух заявил, что теперь Мажиту не к чему продолжать учиться, что для человека из рода, не имевшего ни одного грамотного, этого достаточно, ибо длительная учеба, если к ней нет навыков в крови, может испортить человека. Это он заявил серьезно и недвусмысленно, с жалостью и с тоской наблюдая за задумчивостью, которая слишком часто и некстати, как казалось ему, появлялась на лице племянника. Правда, он промолчал, не настаивая на своем, когда бабушка, отец и другие близкие не поддержали его. Говорить же открыто о своих опасениях он просто не мог, у него на это не поворачивался язык.

В этот последний приезд он остался доволен мной, увидев меня раздобревшим, веселым и уверенным в себе. Ему показалось даже, что с моего лица исчезла тревожившая его задумчивость. Это было и на самом деле так. Мне, как я уже писал, осточертели думы о лабораторных опытах и обо всем, что связано было с моей научной работой. Я, очевидно, сильно устал, и защитная реакция организма была такова, что я некоторое время совершенно ни о чем не размышлял, окунувшись в радости милой и знакомой мне аульной жизни с ее нехитрыми хлопотами. Оказалось, что это было ненадолго. Дядя с жалостью смотрел на меня, но это уже была не прежняя жалость к обреченному родному дитяти; в ней не было прежних опасений за мое здоровье и за мое будущее. Жактай-ага понимал, что его племянник – человек нового времени, новой жизни, нового труда, и он сказал бы, если б знал, о судьбе своего любимого «галчонка» словами поэта: «Миражи иные тебя ожидают, иные заботы». Он теперь не только мирился с этим, но и сознавал необходимость этого. Но все же ему было жаль, что родные люди, которым, казалось, испокон веков суждено вместе жить одними помыслами, будут находиться теперь вдалеке друг от друга и иметь в душе совершенно разные, но роднящие интересы. Это в голове Жактая-ага никак не укладывалось, и от этого ему было очень грустно. Лет

Created by free version of 2PDF

пятнадцать еще прожил Жактай-ага после нашего сенокоса. Он радовался невиданному достатку, в котором стали жить теперь люди аула. Он стал привыкать к тому, что отрывались, как ломти хлеба, самые близкие люди. Уехал не только я. Стали разъезжаться без надежд на возвращение сначала на учебу, а потом на работу по специальности его собственные дети. Он был не против этого. Он знал, что это нужно, что этого требует новая жизнь. Он видел мои успехи в «книжной» работе, приезжал, радовался, хвастался среди сверстников в нашем и окрестных аулах достижениями своего «галчонка», но при всем этом не сходила с его лица грусть. Ему была совершенно непонятна прелесть такой жизни, когда занятия человека – это сидение за столом, когда человек в повседневной жизни не может радоваться своей сноровке, своей ловкости и смелости, используя для этого руки, ноги, мускулы, данные ему богом. Ему была непонятна жизнь, когда люди, родные по крови, должны отдаляться друг от друга, черствея сердцем, душой и теряя при этом родственные чувства. Приезжал Жактай-ага ко мне и, проговорив со мной ночь, рассказав с занятными подробностями об аульных новостях, радуясь тому, что его «галчонок» не потерял интереса к жизни в отчих степях, интереса к его стариковской, как он говорил, болтовне, на другой день после утреннего чая неизменно обращался ко мне: «Галчонок мой! Покупай завтра билет. Приехал, увидел вас живыми и здоровыми. Этого мне достаточно». Никакие уговоры остаться на несколько дней не помогали, ибо он не мог жить в условиях, когда, встав утром, не находит под рукой привычные орудия труда наподобие лопаты, топора или вил. Не было для него ничего скучнее безделья, скучнее жизни без движений, без привычных физических усилий.

Дорогой друг, всплывают в памяти такие подробности из жизни Жактая-ага, о которых так и хочется поведать. Чувствую, как меня снова и с большей, чем прежде, полнотой захватывают те, может быть, недостаточно оцененные радости времени, когда я находился рядом с родным человеком с неповторимой цельной натурой, с человеком, жившим удивительно деятельной и очень нескучной жизнью. Жактай-ага немало пережил духовных и физических болей, но не превратил эти боли в страдания, ибо ему не были ведомы аналитические тонкости, расчленяющие самим же содеянное на составляющие, из которых выуживается что-то мнимое и наводящее без особых оснований тень на совершенно ясные вещи, как это часто бывает с нами. Мне очень легко теперь рассуждать, как эта нескучная жизнь моего дяди и ему подобных была приземлена, была ограничена самой примитивной борьбой за

Created by free version of 2PDF
Suleyov University

пропитание, за хлеб насущный, как она не имела высоких целей, связанных с великим предназначением человека. Жактай-ага не рассуждал таким образом, он не рассуждал на эту тему вообще, несмотря на то, что, как и многие аульные аксакалы, любил говорить и умел говорить цветисто, образно, убедительно. Он хорошо знал, что, борясь за минимально необходимое и возможное для ощущения бытия, он ни разу не обманул никого, ни разу не поступился совестью, честью и достоинством, и это было для него достаточным критерием, чтобы быть довольным своей жизнью. Он жил просто и уверенно, не испытывая никаких сомнений насчет целей своего существования, ибо в жизни он не совершил ничего такого, отчего не мог бы смотреть людям в глаза прямо и бесхитростно.

Дорогой друг! У тебя, может быть, намного больше, чем у меня, запечатленных в душе событий, которые из отдаления смотрятся ярче и живее. У меня их, как видишь, тоже немало. Но я в это же время знаю, что каждому дорого свое, личное; что детали прошлого, от которых трепетно вздрагивает сердце, не всегда вызывают подобное же чувство даже у очень близкого человека. Я боюсь поэтому, что мое повествование превращается в милую лишь для меня самого болтовню. Правда, есть один слабый аргумент в мою пользу. Я как-то раз пошутил, обращаясь к матери: «Умсун, отец наш был очень красивым человеком: высокий, статный, с широким лбом и орлиным носом на белом лице. А вот мы не вышли в отца – лбы узкие, носы лепешкой. Испортила ты нам породу». Мать долго, с удовольствием, до слез посмеялась, утирая глаза платочком, и сказала: «Виновата... Да, виновата... Но посмотри, Мажит, на себя со стороны, повнимательней посмотри, и братьям вели сделать это же... Может быть, найдете в себе что-то хорошее и от меня? Не найдете сейчас, после моей смерти обязательно обнаружите». И вот мне теперь кажется, что не только родители (я не говорю о бесспорной роли генетических явлений), учителя и близкие, но и все люди, оставляющие в сердце человека не исчезающие с годами впечатления, всегда так или иначе участвуют в воспитании характера, душевного облика каждого из нас. Другое дело, что трудно определить, обозначить, а часто и обнаружить меру и долю участия тех или иных лиц в формировании личности. И это, наверное, сложная, даже научная проблема.

Из всего сказанного, дорогой друг, сказанного со всякого рода отступлениями и околичностями, ты можешь легко заключить, что заветный рубеж, когда окончательно определилась моя судьба как научного работника и больше уже не подвергалась никаким сомнениям с

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

моей стороны, был перейден именно в этот последний сенокос. И мой любимый дядя Жактай-ага как консервативная сила, сдерживавшая мои дерзания в сомнительных для него умственных упражнениях, был повержен окончательно и бесповоротно именно в это лето. Словом, дней через десять после памятного купания, когда меня внезапно обступила моя химия, я оказался в своем любимом полуподвале, где все, казалось, с нетерпением ожидало меня. Я удивился тому, как эта милая обстановка могла мне опостылеть, как я мог покинуть этот привычный, располагающий к раздумьям полумрак, эти приборы и склянки, готовые к услугам, когда ты пожелаешь рожденное в уме испытать на деле. У меня был прекрасный теперь повод вдоволь посмеяться над тем отвращением к этой милой сердцу обстановке, которое месяца полтора назад заставило бежать отсюда, посмеяться, наконец, над собственной слабостью и изменчивостью. «А было ли так?» – задавал я себе вопрос.

В таком приподнятом настроении я продолжал свои дела, которые, как мне казалось, пошли лучше. Сейчас же думаю, что это впечатление скорее свидетельствовало о настроении, а не о достижениях в работе. Ибо одно дело, когда работаешь и тебя нет-нет, да посетит парализующая волю и стремление мысль: «Для чего, нужно ли это делать?»; другое дело, когда подобная мысль не может посетить, потому что тобой владеет одно: «Нужно», – потому что в этом твое будущее, потому что это – единственный путь, через который можешь ты утвердить полезность и необходимость своего бытия. И именно поэтому время протекало легко, без знакомых тягостных разочарований. Когда же убедился, что у меня действительно получилось то, над чем безуспешно бился более года, я подошел к своему другу, аспиранту Углеву, положил правую руку на его костлявое плечо, стал в позу Чацкого и прочитал:

– «Как волны, бьющиеся с разбегу, много раз плещется человеческая мысль около подготовляемого открытия, пока придет «девятый вал». «Девятый вал» пришел, друг Сергей Викторович!»

Сергей уже привык к моим разглагольствованиям на тему о «величии» наших с ним «деяний», о возвышающих нас над обыденностью примерах из истории науки, доказывающих, что высшие достижения ума, потрясавшие человеческое общество, рождались именно в таких скромных, душных полуподвалах. Он слушал мои импровизации в этом плане походя и с ухмылкой. Надо отдать ему должное, в этот раз друг мой понял, что у меня действительно большая радость. Он отнесся со всей серьезностью как к моей торжественно-напыщенной декламации, так и к грубым проявлениям моих эмоций. Цитировал же я ака-

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

демика Вернадского, биографию которого только что прочитал. Конечно, слово «открытие» для данного случая было явным преувеличением, но как неповторимы эти радости творческого труда. Надо пережить длительный, изнурительно длительный ряд тягостных раздумий, обманчивых видений, разочарований и сомнений, чтобы понять волнующие истоки этой радости. Малая, еле заметная, никчемная в общем потоке познания удача вызывает иногда большее умиление и восторги, приводит к более трепетному удовлетворению души, чем крупная, «заметная», особенно если эта удача посетила человека, еще не охлажденного жизнью и превратностями земного. Ни одному из моих дальнейших, несомненно, более значительных успехов в научной работе я не радовался так бурно, так непосредственно, как этому первому, малому ученическому успеху. Естественно, что мы с Сергеем (Гайнитдин был где-то в отъезде) добротно, по-своему, молодецки отметили это событие.

Как видишь, дорогой друг, в данное повествование неожиданно ворвался мой самый близкий друг по аспирантской жизни Углев Сергей Викторович, и я должен познакомить тебя с ним. Он поистине достоин этого.

Я обживал аспирантскую в эгоистичном расчете лишь на себя одного и почему-то совершенно не допускал даже мысли, что в ней рядом со мной может оказаться человек с одинаковыми со мной правами на место под научным солнцем полуподвала. Спеша в лабораторию после отпуска, я с особым упоением предвкушал свое бдение за лабораторным столом, особо радуясь тому, что студенты появятся не скоро и можно будет поработать и в лабораторном зале. Но я предполагал, а мой шеф профессор Дьячков располагал, и поэтому, когда я пришел в лабораторию, передо мной стоял человек выше среднего роста, в синем, изрядно потертом полувоенном костюме, в галифе. Я понял, что Сергей Викторович Углев есть новый аспирант кафедры, он потому и встретил меня здесь. Я не ожидал такого и подал было руку с тем, чтобы тут же отнять ее, успев лишь в изъявлении ординарной вежливости чуть соприкоснуть ладони в беглом пожатии. Но твердые, цепкие пальцы Сергея так впились в кисть моей руки, что невозможно было не понять, как ему приятно мое прибытие. Устыдившись своего равнодушия, запоздало, судорожно, неловко ответил ему всей мощью крестьянской пятерни, серьезно окрепшей за месяц работы на сенокосе. В общем-то, эта заминка с рукопожатием была не случайной. Сергей был выпускником этого года. Это означало, что он учился ниже меня всего лишь на один курс. И я, естественно, знал его, хотя ни разу близко не

Created by free version of 2PDF
Sukeev University

сталкивался и не разговаривал с ним. Знал также, что он учится только на «отлично», но, когда однажды случайно услышал, как он сказал *«лаболатория»* вместо «лаборатория», уважение мое к нему как к отличнику пропало, вместо него явилось нечто вроде той брезгливости, какую, по свидетельству очевидца, испытал молодой граф Толстой, увидев одно светское лицо без перчаток. На миг завладела воображением неприятная мысль: я переставал теперь быть единоправным хозяином «аспирантской», отчего придется стеснять себя, оглядываться, извиняться, считаться с желаниями товарища. Конечно же, я имел все основания встретиться с Углевым с меньшей радостью, чем он со мной. И все же заминка оказалась мимолетной и не оставила никаких следов на наших дальнейших взаимоотношениях. Дело в том, что я, оправившись от неожиданности, искренне обрадовался присутствию товарища. Обрадовался, несмотря ни на что, ибо мне, по правде сказать, осточертело это одиночество. Гайнитдин там, наверху, балагурил с лаборантками, был своим человеком в обществе преподавателей нашей и соседней кафедр, а ко мне в отсутствие студентов редко кто заходил. И когда я говорил о вышеприведенных преимуществах своего лабораторного одиночества, просто хорохорился для вида, поскольку одному лишь мне было известно, сколько потерял глубоких, проникновенных мыслей, блестящих острот, разящих реплик, неповторимых импровизаций, обращаясь к стенам, шкафам, столам, склянкам и приборам. Словом, я не мог не радоваться появлению Сергея в лаборатории. К тому же внимательный, добрый, заранее признающий за мной старшинство и потому, как мне показалось, чуть даже подобострастный взгляд небольших глубокосидящих серых глаз Углева вполне импонировал моему еще почти ничем не утоленному тщеславию. Когда после взаимных приветствий сел за свой аспирантский стол, а Сергей скромно примостился рядом, я посмотрел на него и заметил, как сильно поредели его волосы, отчего лоб его, прорезанный двумя поперечными складками, показался выше. Тут же вспомнилось мне шутливое четверостишие классика:

Случай вывозит слепой
Фигуру эту медвежью.
Лоб у него небольшой,
Но дополняется плешью.

Я внутренне улыбнулся, воображая себе тот повод, который поможет мне съехидничать при случае на эту тему, хотя на самом деле лоб Сергея не был небольшим, он выглядел бы достаточно солидным и

Created by free version of 2PDF
Zuka.by University

без плеши; но, как говорят у нас в народе, почему б иногда ради смеха чуть не покривить душой! Его почтительная простота, подчеркивавшая его уважение ко мне, его расспросы, своей дотошностью и конкретностью обличавшие в нем человека, достаточно пожившего, чтобы не предаваться ненужным иллюзиям, понравились мне. Сразу понял, что этот человек пришел в этот полуподвал морально более подготовленным, чем я при поступлении в аспирантуру, что он ни при каких трудностях не будет испытывать тех недостойных колебаний, которым был подвержен я весь прошлый год. Слушая Сергея, отметил, что он с трудом и, вероятно, лишь недавно преодолел те сильные отклонения от русского литературного языка, которые характерны для разговора жителей юго-восточного Приуралья. Когда я, не удержавшись, сказал об этом, у моего собеседника улыбчиво заискрились из глубин подбровья серые глаза:

– Мажит, мои сокурсники так зубоскалили надо мной, что мне пришлось долго и придирчиво следить за собой, но я считал, что преодолел себя в этом отношении. Оказывается, не совсем. А ты действительно угадал мое происхождение по говору или, узнав со стороны, разыгрываешь?

Я рассказал Углеву, что мы с ним почти земляки, что в детстве учился и рос примерно в тех местах, где и он. Честно рассказал ему о злополучной «лаболатории», которая настроила меня против него.

– Я извиняюсь перед тобой, – добавил я, – мало того, начинаю стыдиться. Но учти, что Толстой тоже стыдился некоторых своих поступков.

Мою шутку Сергей понял; он засмеялся и сказал:

– Не торопись, Мажит. Может быть, ты еще утвердишься в том настроении. Не думай, что я так уж весь раскрылся... Я не такой уж простофиля...

Я не внял этому шутливому предупреждению, ибо немедленно и твердо уверовал, что Сергей есть тот человек, к кому сразу проникаешься уважением, внезапным желанием сблизиться. И вскоре мы легко перешли на предельную откровенность и неприхотливую простоту в обращении друг с другом.

Жизнь не баловала Сергея. Он на целых восемь лет был старше меня, рано лишился родителей и слишком рано познал цену куска хлеба. Еще мальчиком стал рабочим машиностроительного завода и продолжал трудиться там и в войну, так как люди его квалификации на предприятии, перешедшем на выпуск военного оборудования, были нужней, чем на фронте. Когда же после демобилизации его

Created by free version of 2PDF

старший брат устроился на работу в нашей столице и выразил желание, чтобы младший брат тоже перебрался поближе к нему, Сергей поступил в наш институт, единственный тогда технический вуз республики. В институте ему пришлось проявить большое упорство, чтобы восполнить пробелы среднего образования, которое он получил, совмещая тяжелую работу с учебой. К тому же сказывался и длительный разрыв в учебе: среднюю школу он окончил до войны, а потом жил, работал в среде, мало способствовавшей укреплению и без того нетвердых знаний.

Сидел он передо мной, покуривая тоненький, дешевенький студенческий «Север». Я смотрел на его огрубевшие от длительного соприкосновения с металлическим инструментом пальцы, на то, как они изящно держали папиросу и неуловимым щелчком выбрасывали пепел с нее в лабораторную фарфоровую чашку, на его сухую, жилистую, подтянутую фигуру, на его умное лицо, на его кадык, который выдавался, казалось, только из-за того, что ему некуда было спрятаться на худой шее, на его серые глаза, взиравшие на людей без суетливой, без тревожно-расслабляющей зависти, а спокойно, внимательно и трезво, и думал: этот человек настолько знает жизнь и настолько привык к сосредоточенному напряжению воли, что всегда сумеет трудиться над достижением цели методично и последовательно, не разбрасываясь и не рассыпаясь, и будет выдавать на свет божий результаты своего труда точно так, как он незаметно для себя сработал аккуратно и точно эту горку табачного пепла в чашечке.

Дорогой друг, пишу вот об Углеве и думаю о том удивительном случае в моей жизни, когда по первому знакомству проникся к человеку уважением и в дальнейшем не находил повода, чтобы поколебать это первое впечатление. Наверное, оттого так было, что Сергей принадлежал к натурам, которые никогда не пытаются выглядеть лучше, чем они есть, и проявляют большую искренность к людям.

Мне теперь приятно сознаться, что я ни в чем не обманулся. Профессор, доктор наук, заслуженный деятель науки, кавалер орденов Сергей Викторович Углев ныне является заместителем директора большого научно-исследовательского института, имеет не один десяток учеников и с завидным упорством, с не менее завидной плодотворностью продолжает трудиться над проблемами... Я написал, дорогой друг, «над проблемами» и далее хотел назвать эти проблемы, но подумал: к чему? Они сугубо научны и сложны. Важнее будет сказать о том, что эти проблемы возникли, выросли, приняли те очертания, на базе которых ныне профессор Углев приобрел известность как основа-

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

тель нового направления в химии и химической технологии, на моих глазах, в том нашем полуподвале, возникли из тех аспирантских опытов, которые выполнял Сергей, чуть не ежечасно делясь со мной всем тем, что у него получалось или не получалось, без конца рассказывая о мимолетных или немимолетных соображениях, посещавших его беспокойную голову. Мне теперь доставляет особое удовольствие сказать, что авторское свидетельство на способ Дьячкова – Углева, упоминаемый ныне во всех учебниках по химической технологии, получено было моим приятелем в годы обучения в аспирантуре, когда Сергей, быстро вжившись в одно из затаенных соображений нашего учителя, сумел успешно доказать его осуществимость. Я с большим увлечением рассказывал Сергею о своих делах, советуясь вплоть до деталей, но в то же время с доброй товарищеской завистью сознавал, как мой приятель более смело и более успешно вошел в курс дела и за короткий срок достиг более заметных результатов, чем я. Это было поводом для шуток. Я, например, находил, что недаром русская наука началась с архангельского мужика, пришедшего в школу чуть ли не в двадцать лет и всех потом обогнавшего; что теперь некие товарищи являются непосредственными свидетелями быстрого восхождения другого запоздавшего светила. Сергей на это отвечал, что, очевидно, это совершенно верная догадка, но в этом случае «некий рядом находящийся товарищ» напрасно занимается не имеющими значения собственными опытами, когда у него есть единственная возможность войти в историю через это «запоздавшее светило» и что ему, «некоему товарищу», следовало бы бросить все свое, суетное и мелкое, и перейти в прямое услужение «светилу», записывая при этом каждое его движение, каждый шаг. Если же он этим не займется, история ему не простит.

С появлением Сергея в лаборатории я перестал обращаться к кому-либо за исправлением тех или иных неполадок в приборах – Сергей знал их и был мастер на все руки. Мое неумение по этой части Сергей квалифицировал как аристократическое небрежение к черновой работе, что, по его мнению, свидетельствовало о моем плохо скрываемом архиблагородном происхождении. Я в ответ удачно зубоскалил над грамматическими ошибками в его письме. Мое зубоскальство кончилось тем, что менее чем через год Сергей почти наизусть знал русскую грамматику по Бархударову и не только писал без ошибок, но и мог пояснить, почему написанное пишется так, а не иначе. Я же при всем желании не сумел преодолеть свой «аристократизм» и продолжал обращаться с лабораторным оборудованием с прежней неуклюжестью, немало навлекая на себя удачных острот со стороны Сергея.

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

Наш учитель, профессор Дьячков, был человеком малоразговорчивым. Но бывали моменты, когда он разряжался западавшими в душу тирадами. Помню, как защитился Гайнитдин, и мы собрались за праздничным столом. Кто-то похвалил стилистические достоинства диссертации Гайнитдина, шеф подхватил эту мысль и назидательно сказал:

– В науке мало постигнуть какую-то истину, надо уметь об этой истине кратко и доходчиво сказать, чтобы она не оставалась вещью в себе; второе, пожалуй, даже важнее, чем первое. В этом отношении я доволен Гайнитдином.

Когда шеф произнес эту фразу, Сергей покраснел и опустил голову. Этот уже немолодой человек даже намеки на свои недостатки принимал с юношеской непосредственностью и эмоциональностью. Дело в том, что Сергей считал, что он не умеет писать, и был, пожалуй, прав, в особенности на фоне Гайнитдина, который обладал прямо-таки даром выражать свои мысли просто и ясно. Шеф по этой части был дотошен и придирчив, и от него доставалось даже Гайнитдину. Естественно, что я был первым редактором научной продукции Сергея и безжалостно ехидничал над его ошибками и промахами до тех пор, пока через годполтора не почувствовал, что придираюсь не по существу, что Сергей уже не так беспомощен, как было вначале. И все же писание давалось ему с трудом. Помню, как однажды рано утром пришел ко мне домой, жалуясь, что не может найти мостиковую фразу для перехода от одной мысли к другой (в то время он писал диссертацию), что промучился всю ночь над этой фразой и не смог придумать что-либо путное. Я засмеялся:

– Это тебе, друг Сергей, не химия, не лабораторные опыты, не приборы. Это – слово. Недаром писатели и поэты – самые популярные, самые почитаемые люди в народе. Но и им бывает трудно со словом. «Нет на свете муки сильнее муки слова», «Слово истинно податливо только гению». Это не мои слова. Это говорили самые выдающиеся поэты и знатоки слова. Скажу, друг Сергей, в утешение: если ты начал испытывать муки слова, значит, начал понимать толк в нем. Поздравляю тебя!

Вдоволь насмеявшись, мы стали думать над фразой и, наконец, нашли ее. Радости друга не было предела...

Два года проработали мы с Сергеем бок о бок в нашем полуподвале, и эти два года ныне вспоминаются, как годы наиболее интенсивного обогащения знаниями, как годы небольших радостей от результатов научного труда. Отношения наши сложились таким образом, что мои знания невольно передавались Сергею, а его – мне, и, возможно,

Created by free version of 2PDF

этот интенсивный взаимный обмен заложил многое из того, что мы имеем сейчас. По крайней мере, при редких встречах ныне профессор Углев и я находим, что наше тогдашнее содружество было удивительно удачным и плодотворным.

Между тем, к концу третьего года обучения в аспирантуре мой шеф, суммируя полученные мною научные данные, нашел, что пора поставить точку и оформлять диссертационную работу. Это было приятно. Но если признаться честно, я был не очень доволен результатами своего труда. Я знал, что мною изучены основы совершенно нового принципа извлечения металла из сырья, но этот принцип по всем данным еще не был таков, чтобы говорить о его неоспоримой конкуренции с существующим. Его значение во многом зависело от конъюнктуры, ход которой на ближайшее будущее трудно было предугадать. Шеф меня успокаивал тем, что новое есть новое и что сам факт обсуждения, познания этого нового уже много значит для науки. Что касается применимости и значения этого нового, то наука имела очень много случаев, когда то, что считалось неактуальным, несущественным сегодня, неожиданно оказывалось самым нужным, самым необходимым завтра; и, к сожалению, слишком много случаев, когда ошибочность чьего-либо авторитетного небрежения к новому признавалась с недопустимым запозданием, окупалась слишком большой ценой.

– Поэтому нам приходится быть очень осторожными в своих оценках и выводах, Мажит Муканович, – именно так заключил беседу о моей диссертационной работе Дмитрий Викторович.

Через некоторое время профессор объявил мне, чтобы я собирался в командировку в Москву на кафедру профессора Гликмана, по учебникам которого мы учились и чей авторитет в научных делах нашего профиля был недосягаемо высок. На обратном пути должен был заехать на большой химический комбинат и доложить свою работу там. Я не ожидал такого оборота дела. Дважды (сначала в институте, затем в Академии) докладывался по теме работы на научных конференциях, не раз обсуждались полученные мною данные на факультете, а также на кафедре, и считал, что прошел все стадии по предварительному апробированию своей научной продукции на готовность. Мне казалось, что осталась теперь последняя решающая инстанция – защита. Но Дмитрий Викторович определил по-своему. По-видимому, ему надоел мой скептицизм, и он решил испытать и меня, и мою работу, представив на дополнительный сторонний суд. Трудно теперь передать, как разволновался я после такого известия. Несколько дней подряд мы с Сергеем обсуждали будущую поездку и предполагаемые ее

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

перипетии. При этом обнаруживали, как многое в работе недостаточно изучено, как много вопросов, на которые еще надо искать ответы. Сергей успокаивал меня, говоря о том, что всякая научная работа имеет вполне осознанные пределы изучения. И вот я на кафедре профессора Гликмана в том большом московском институте, в стенах которого шагу не ступишь, чтобы не встретить какую-либо ученую знаменитость, и из стен которого вышли многие люди, деяния которых почтительно отмечены историей. Следую, волнуясь, за ассистентом Белецкой, которой я представился, явившись на кафедру за два дня до этого. Красивая, внимательная Елена Васильевна чувствует мое волнение и своим московским говорком с непривычными для нас аканьем и растяжкой в конце слова успокаивает меня:

– Не волнуйтесь, он у нас простой человек.

И действительно, навстречу нам поднялся сухощавый, среднего роста, лысый человек и приветливо подал руку. Большие карие глаза на горбоносом, моложавом лице смотрели с располагающей улыбчивостью. Когда Елена Васильевна представила меня и рассказала о целях моего приезда, он сразу же назвал конкретно лицо, кому следует ознакомиться с моей диссертацией, назначить день моего доклада на кафедре, предварительно осведомившись у меня, устраивает ли этот день (меня, естественно, устраивал любой день, но я запомнил это поучительное во всех отношениях внимание профессора), и на этом разговор закончился. Меня удивила краткость долгожданной аудиенции, о чем не преминул сказать Елене Васильевне.

– А что, вы еще какой-то вопрос хотели решить? – Елена Васильевна меня не поняла. Она не поняла, как коробит мою степную душу то, что профессор ни словом не осведомился о моем шефе, которого он хорошо знал, о наших делах, о нашей жизни и т. д. Из предварительных разговоров с Еленой Васильевной я знал, как до минуты расписано время профессора Гликмана, но даже при этом не предполагал, что не будет расспросов, без которых мы, у нас, не можем обойтись. Я даже приготовился к ним, подобрав покрасивее и поинтеллигентнее фразы, чтобы показать себя на желательном уровне... У себя мы такое отношение приняли бы за нарочитую сухость и почти оскорбительное небрежение, здесь же, как я понял, не считали необходимым терять время на подобные условности и сантименты. По-видимому, это было очень разумно.

Более двух недель находился я на кафедре Гликмана, знакомился с аспирантами, молодыми сотрудниками и их работами. Мне было приятно, что не нахожу в их исследованиях ничего такого, что было бы

Created by free version of 2PDF

мне непонятно или показалось недостижимым. Видел, что у них больше традиционного порядка, установившихся методик работ, разнообразнее и богаче лабораторное оборудование. На последнее смотрел с завистью: сколько мне приходилось бегать в институты нашей Академии, чтобы поработать на их приборах, и сколько терял времени в ожидании, пока представится такая возможность. А здесь все было под руками. Между тем, мне показалось, что молодые коллеги с этой кафедры не выглядят такими же целеустремленными и самостоятельными в приобретении знаний, в постановке и решении научных задач, как мои коллеги Гайнитдин и Сергей. Отгонял от себя эту горделиво нескромную мысль, считая, что недостаточно долго знаю своих новых знакомых, чтобы судить так строго; что я необъективен и пристрастен, ввиду особой душевной близости к своим друзьям. Но все же мелькнула неясная догадка, что, возможно, так и должно быть: при наличии достаточного количества прецизионных приборов, готовых к использованию при первой необходимости, при ученейшем окружении, когда любую научную справку, любое разъяснение по возникающим в ходе работы вопросам можно получить тут же, не маясь и не тратя времени, как это бывает у нас.

А вообще мне приятно было, что не выгляжу столь «периферийным», чтобы давать повод смотреть на меня свысока, хотя вполне понимал и оценивал великодушное внимание моих хозяев и пользовался этим, чтобы узнать и увидеть возможно больше, как наставлял меня друг Сергей.

Мой доклад состоялся точно в установленное время. Готовился к нему тщательно. Этому способствовало и то, что доцент кафедры Ольга Ефимовна Штейн настолько дотошно и въедливо обсуждала со мной мою диссертацию, что мне пришлось серьезно подумать над многими вещами, на которые не обращал до сих пор особого внимания. Много замечаний сделала Елена Васильевна. В их пристрастной придирчивости я видел искреннее желание помочь и поддержать меня, и поэтому воспринимал их советы и критические суждения весело и легко, с каким-то особым удовольствием чувствуя их полезность.

На самом докладе я, умевший говорить достаточно бойко и связно, почему-то начал речь сбивчиво и путано, хотя на лицах председательствовавшего профессора Гликмана и всех слушавших (их было человек пятнадцать) я не видел ничего, кроме доброжелательного внимания. Когда вошел с опозданием невысокий, опрятно одетый человек с густой гривой седых волос, сел в дальнем углу и уставился на меня сквозь толстые очки, язык мой во рту и вовсе превратился в соленую

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

воблу и двигался настолько неуклюже, что я выдавливал слова, делая невероятные паузы. Дело в том, что на лацкане пиджака этого пожилого человека блестели два лауреатских значка (такие высокие знаки отличия я видел вблизи впервые), и я сообразил, что он и есть тот таинственный профессор Теплов Григорий Иванович, который руководит в каком-то секретном ведомстве настолько большими делами, что успевает бывать на кафедре только два раза в неделю, и не более двух часов каждый раз. О нем на кафедре говорили едва ли не предупредительным полушепотом. Профессор Гликман заметил мое смущение и в одном месте подсказал мне слово, которое у меня, казалось, только что соскользнуло из гортани, не дойдя до кончика языка, чтобы быть произнесенным, и я тщетно силился его вернуть. После этого подсказа стал обретать нормальный дар речи и закончил доклад не совсем уж плохо, хотя, в общем-то, остался недоволен собой. Вопросов было задано много, причем меня удивило, что сам Наум Соломонович задал только один вопрос, а профессор Теплов, слушавший, как я заметил по лицу и толстым очкам, обращавшимся то ко мне, то к задающему вопрос, довольно внимательно, так и не прервал свое молчание. Ответив на все вопросы, я сел. Затем, спросив разрешения у председательствовавшего, поднялась доцент Штейн и рассказала, что подробно ознакомилась с работой и осталась довольна как новизной темы, так и научно грамотным проведением экспериментов, что в беседе с автором убедилась в компетентности его в избранной области исследования, о чем свидетельствуют также его доклад и аргументированные ответы на вопросы, и что у нее нет сомнений в том, что данная работа может быть представлена автором на соискание ученой степени кандидата наук. Больше никто не выразил желания выступить, и профессор Гликман уже собрался было делать заключение, как вдруг профессор Теплов по-ученически поднял руку и, встав, сказал с места:

– Наум Соломонович, у меня по существу работы нечего добавить к тому, что сказала Ольга Ефимовна, но все же хотел бы сказать два слова.

Он говорил тихо, медленно, будничным, чуть приглушенным голосом, но произносил слова четко и ясно. Обратившись ко мне, он продолжал:

– Я был у вас в республике лет десять тому назад, к концу войны. Тогда о подобных исследованиях по нашей специальности и речи не было. Если вы сейчас выполняете такие оригинальные по замыслу и научно четкие по исполнению работы, то мне теперь трудно даже представить, как вы выросли... Это меня очень радует. Я знаком с ва-

Created by free version of 2PDF
Sukhoy University

шим руководителем профессором Дьячковым, он тогда был очень скромным и очень, на мой взгляд, стеснительным доцентом...

И, далее, еще раз выразил свою радость по поводу наших достижений, которые он видит через только что заслушанную скромную, небольшую по объему работу аспиранта, и, назвав нескольких наших ученых, к которым он относится с уважением, профессор Теплов сделал одно неожиданное и существенное замечание. Оно касалось чересчур смелой трактовки одной химической реакции, трактовки, на его взгляд, не имевшей достаточной экспериментальной основы. Он назвал, какими должны быть дополнительные опыты, чтобы подтвердить выдвинутое предположение. Правда, он тут же сделал смягчающую оговорку, что для таких экспериментов у автора, видимо, не было возможности. Затем он сел, не сделав никакой концовки для своей речи, как будто оборвав себя на полуслове. Между тем, меня поразило это замечание. Это было тонкое и глубокое замечание. Когда же он сделал смягчающее мою вину добавление, я прямо-таки внутренне покраснел (не могу сказать, как выглядел внешне), потому что на самом деле эксперименты, названные профессором Тепловым, у нас могли быть выполнены, а не выполнены они были лишь из-за того, что сомнения, высказанные Григорием Ивановичем, мне просто не приходили на ум. Профессор Гликман, по-видимому, не был любителем говорить, если этого не требовала необходимость. Он был предельно краток.

– Я вполне согласен с Ольгой Ефимовной и Григорием Ивановичем. Остается пожелать Мажиту Мукановичу успешной защиты. Надеюсь, вы обратите внимание на замечания, в особенности на замечание Григория Ивановича, – обратился он ко мне. Я закивал головой в знак согласия. – Елена Васильевна, за вами протокол.

Я было поднялся поблагодарить Григория Ивановича за ласковые слова и, может быть, проконсультироваться по деталям его замечания, но он уже исчез; спешил куда-то и Наум Соломонович. Здесь умели дорожить временем.

...Уж сколько времени, дорогой друг, прошло с тех пор, как впервые побывал на кафедре Гликмана. Наум Соломонович здравствует и поныне, он стал для меня человеком, который подает свою доброжелательную руку именно в тот момент, когда я в этом нуждаюсь, Елена Васильевна ныне профессор кафедры и остается все такой же изящной и все такой же готовой к помощи и содействию тем, кто в этом нуждается. Ольга Ефимовна Штейн недавно ушла на пенсию с той же должности доцента. Из тех молодых, с кем я тогда знакомился, двое уже профессора, один из них работает на кафедре. В общем, научные дела

Created by free version of 2PDF

наши вольно или невольно продолжают сталкивать нас, совершенно не влияя на неизменность наших добрых отношений.

Я, по-видимому, в то время был настолько полон впечатлений от кафедры Гликмана, что сейчас точно и не помню деталей моего пребывания на комбинате. Сохранилось в памяти, что и там меня встретили радушно, интересовались моей работой, но этот интерес в основном замыкался на проблемах чисто практического характера, на которые я, естественно, не всегда мог дать конкретные ответы, исходя из своих лабораторных данных. Это привело к тому, что при обсуждении моего доклада на техническом совете, один молодой технолог выразил большое сомнение в практическом значении моей работы для комбината. Другой товарищ коснулся экономической стороны предлагаемой технологии и тоже не скрыл своего скептического отношения. Мне, признаться, нелегко было все это выслушивать, потому что многое на самом деле было неясно из-за новизны самого принципа, на котором базировалась моя работа. Было досадно, что никто здесь не обращал внимания на то, что получило особое признание и высокую оценку на кафедре Гликмана. Здесь был совершенно другой подход, другой критерий оценки работы. Я уже волновался, чувствуя, как тону в болоте непонимания, сознавая в то же время, что не могу произнести в свою пользу ни слова, ибо оно было бы так же вредно, как вредно барахтанье человеку, засасываемому болотной жижей. Выручил председательствовавший главный инженер. Этот немолодой человек с рыжим ежиком волос с проседью и красивым лицом во время моего доклада и при обсуждении всматривался, прищурив свои маленькие серые глаза, в уравнения реакций, которые у меня расписаны на плакатах, и в некоторые кривые, выражавшие отдельные закономерности изученных процессов, и задал несколько вопросов, из которых я заметил его живой интерес именно к тому, на что я хотел обратить внимание аудитории. Заключая обсуждение, он сказал приблизительно следующее:

– Инженеры комбината обязаны хорошо знать действующую технологию комбината, всячески совершенствовать ее, но это вовсе не значит, что они должны быть глухи и немы ко всему тому, что предлагает наука, мысля о перспективах развития химической технологии. Конечно, заслушанная работа имеет много неясного с нашей точки зрения, это высказывали наши товарищи, но имеем ли мы основания, исходя из этого, относиться отрицательно к данной работе? Наверное, не имеем. Многие недостатки технологии, действующей на нашем предприятии, отсутствуют в работе, хотя взамен возможны другие трудности, некоторые из них можно даже заранее предвидеть. Тем не

Sukhoi University
Created by free version of 2PDF

менее, подкупает совершенно новый подход, попытка решить вопрос принципиально иным путем. Поэтому работу нам следует одобрить...

Таким образом, моя работа получила поддержку и на комбинате, хотя я понимал, что это, скорее, формальная поддержка, не проистекающая от живого интереса к моему исследованию. Этого, видимо, и следовало ожидать, ибо на комбинате по-настоящему ценились лишь те работы, которые непосредственно вели к улучшению существующей технологии, к устранению ее недостатков. Комбинат, между тем, являлся громадным предприятием со сложнейшей схемой производства, и каждый узел в этой длиннейшей схеме с переплетающимися цепями требовал, как я заметил, пристального творческого внимания. В частности, знакомясь с технологией комбината и обсуждая параметры и особенности того или иного действующего процесса с управляющими ими инженерами (многие из которых были выпускниками нашего института, что позволяло коротко устанавливать отношения), приходил к выводу, как можно было поработать над совершенствованием большей части из этих процессов. В то же время обнаруживал, как достаточно грамотные люди привыкают к тому, что есть, и очень мало думают над тем, что могло бы быть. Может быть, дорогой друг, последнее обстоятельство и явилось толчком к тому, что лет через десять при моем непосредственном участии на этом предприятии будет внедрена работа, резко улучшившая все показатели технологии.

Дорогой друг! Теперь осталось описать, как я защитил диссертацию, стал кандидатом наук и необратимо вписался, таким образом, в число остепененных научных работников страны. Признаться, мне не хочется подробно описывать вот эту завершающую стадию своих «домогательств» по соисканию для себя ученой степени. Ты не раз бывал на этих процедурах и, наверное, заметил, что они большей частью носят отпечаток формальности, ибо вся суть научной работы аспиранта бывает обсуждена, обтолкована со всех сторон до этого. И пусть тебя не коробит слово «домогательство» (я его для смягчения, как ты видишь, взял в кавычки), ибо оно в наше время у нас, аспирантов, было в большом ходу. Мы тогда шутили и зачастую не задумывались над значением своих шуток. Теперь же я иногда думаю, что, возможно, эта ирония над самим собой была одной из бессознательных защитных реакций против «научного делячества», с которым мы, к счастью, на нашей кафедре не были знакомы, хотя уже тогда знали людей, которые смотрели на научную степень, как на личную дойную корову, которая в отличие от настоящей коровы после приобретения будет давать молоко постоянно, не требуя взамен даже ухода. О дойной корове в нау-

Created by free version of 2PDF
Sukhoi State University

ке, дорогой читатель, говорил еще Шиллер, и вы это читали уже, наверное, до меня.

Защита моя состоялась на ученом совете Академии и прошла достаточно чинно и гладко. Первым оппонентом был один из старейших профессоров нашего института, он особо серьезных замечаний мне не сделал, хотя все же сумел выискать не совсем правильно интерпретированную одну из найденных мной зависимостей. Некоторое замешательство вызвал старый академик нашей Академии, задав ехидный вопрос: «Кто составил вам доклад?» Я тебе уже писал, дорогой друг, как растерялся, докладывая на кафедре Гликмана. Паршивое впечатление от этого неудачного выступления у меня было настолько свежо, что решил доклад свой написать и, во избежание того, что было со мной тогда, прочитать его. Читал, лишь изредка отрываясь от текста при необходимости показать то или иное место на развешенных демонстрационных чертежах. Старому академику, это, очевидно, очень не понравилось. Я честно признался, что доклад написал сам и, имея малый опыт научных выступлений, прочитал его, не надеясь на себя. Помню также, как мой собрат Гайнитдин, молодой кандидат наук, защитившийся за год до этого, выступая, так перехвалил меня, что вызвал не очень желательную улыбку у многих членов совета. Против было подписано четыре голоса из двадцати одного. Гайнитдин немедленно сообщил об этом Майре Есеновне, добавив от себя, как потом узнал, что это – достаточно победоносный счет, чтобы банкет, над которым та хлопотала, провести на высоком уровне.

Словом, я стал кандидатом наук. Не скрою, мой дорогой друг, после этой защиты наступил некоторый период, когда я был весьма доволен собой. К счастью, это состояние длилось не очень долго; длись оно дольше, не привело бы ни к чему хорошему. Но об этом в следующем письме.

Письмо пятое

Дорогой друг!

Было время (мы с тобой это время сами помним), когда человек становился полезным работником в семь-восемь лет. В степной семье с нетерпением ожидали, когда, наконец, подрастет помощник отцу, чтобы присмотреть за отарой, пригнать телят и коз, собрать кизяк для костра – мало ли бывает работы в кочевом быту. Мой отец говаривал, что он, слава аллаху, с тех пор, как себя помнит, не сидел без дела, в три-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

надцать лет уже прилично косил, и в назидание нам повторял известный стишок:

«Бездельник в бабки играет,
Бездельник мячи гоняет.
Этот пасет и баранину ест,
Его-то успех ожидает».

Между тем, нас, сыновей, он не особенно заставлял заниматься непосильной работой, редко укорял за детские шалости и вообще, как теперь думаю, оберегал от излишних недетских забот. Из этого заключаю, что подробности своего раннего возраста отец помнил именно потому, что у него не было настоящего детства, и его мальчишеское сердце не раз надрывалось при виде тех «бездельников», которые имели возможность играть в бабки и гонять мячи. Казалось, и рассказывал-то он о своем безотрадном детстве не столько в назидание нам, сколько в утешение себе, как будто, заимев столь раннюю привычку к тяжелому труду, которая с годами не ослабевала, он этим искупил миновавшие его детские радости. Все это для тебя совсем не ново, на язык просится Некрасов: «Как восемь лет исполнилось сыночку моему, в подпаски свекор сдал его», *«отец, слышишь, рубит, а я отвожу» – или* вспоминается мальчик Сабит Муканов у зимнего костра конепасов. Но все же об этом говорю (не знаю, к месту или не к месту), ибо хочу сказать, как за короткий срок резко, словно по волшебству, изменились запросы жизни: моему отцу достаточно было стать на ноги (не фигурально, а буквально), как он перестал быть иждивенцем, без особой предварительной подготовки и обучения включившись в тот вид труда, которому он посвятил всю жизнь, а сын его лишь в тридцать лет (мне было тридцать лет, когда я защитил кандидатскую диссертацию) получил аттестат, свидетельствующий о том, что он имеет право самостоятельно заниматься научными изысканиями. Это означает, что он до этой поры находился (если пренебречь небольшими перерывами) вначале на иждивении семьи, а потом на иждивении государства; причем государство тратило на него неизмеримо больше, чем семья, ибо с годами его ученичество обходилось все дороже и дороже. Отсюда логично было бы чувствовать себя большим должником перед обществом. Признаться, не помню, чтобы я был особо отягощен подобным чувством. Наоборот, иногда даже казалось, что персоны, обучающиеся в аспирантуре, заслуживают большего внимания, большего вознаграждения, ибо считал, раз учат нас, раз возятся с нами, значит, мы нужны, и ввиду этого нас должны отличать, относиться к нам в соответствии с важностью нашего предназначения.

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

Я знаю, как эгоистичны по своей природе эти мысли. Но я вынужден об этом говорить, дорогой друг, ибо пишу только о себе, и это меня ограждает от искушения интерпретировать задним числом тогдашнее поведение в чрезвычайно благородном плане, от искушения представить себя молодым человеком, исполненным чувства благодарности, выдать за начинающего ученого, совершенно отрешенного от помыслов о земных выгодах и благах. Хотя знаю, что это мне было бы легко сделать на фоне того, что я всегда трудился на совесть, и в этом отношении мне ни разу в жизни не пришлось выслушивать упреки.

Переход в положение хорошо зарабатывающего научного работника, преподавателя высшего учебного заведения (каковым стал сразу же после защиты диссертации) очень импонировал моему самолюбию, и был, как уже писал тебе, определенный период, когда я был очень доволен собой. И как можно было быть недовольным собой, если мои друзья из аула начали наперебой выражать восторги и восхищения, устно и письменно указывая на то, что в нашем ауле, да и в окрестных родственных аулах, еще не вырос ни один человек с высшим образованием, а их чуть ли не гениальный сверстник уже постиг глубину знаний настолько, что теперь носит невиданное в наших степях звание – кандидат наук. К моим дядьям приезжали аксакалы поздравить с великой радостью. Рассуждая между собой, аксакалы не находили в нашем роду признаков появления человека, умственно бойкого и расположенного к знаниям и книгам. Но оказалось, что двоюродный брат прадеда моей матери был известным акыном и степным мудрецом. Аксакалы решили, что не иначе, как в меня вселился этот далекий предок по материнской боковой линии. Соображения эти никто не решился высказать во всеуслышание, ибо знали характер Жактая-ага, который был уверен, что наш род всем своим существованием был давно подготовлен к появлению из него больших людей; к тому же он имел свою теорию наследственности, и эта теория полностью исключала влияние на человека материнской утробы – этого, как он говорил, кратковременного хранилища мужского семени. И это он заявил громогласно, будто громогласие являлось самой надежной формой аргументации.

Самодовольство, поощряемое моими близкими при моем явном попустительстве, может быть, и продолжалось бы, если бы я уже не имел некоторых навыков к самоанализу, если бы не был достаточно начитан, чтобы посмотреть на свою персону со стороны. Так вот, при таком взгляде со стороны находил, что особо похвалиться нечем. Я мог перечислить десятки и сотни людей из истории всех времен, в том числе немало современников, которые прославились своими идеями до

Created by free version of 2PDF

тридцати лет. Я же натужно выдавил из себя самое обычное исследование, написал ординарную, обязательную для каждого учившегося в аспирантуре диссертацию, обреченную теперь, быть может, на вечный покой в научных архивах. И при всем при этом я был доволен собой. Наверное, это и есть самодовольство ограниченного человека. И полагал, что, если этот, мало чего стоящий, ограниченный человек (пощадим его самолюбие и не будем называть тупицей), ввиду благоприятных обстоятельств, сложившихся в пользу его, достиг каких-то ступеней на жизненной лестнице, то ему, этому человеку, необходимо отрешиться от бахвальства, перестать переоценивать себя, не лезть в область недосягаемого и понять, наконец, что лучшим уделом для него является жизнь ни на что не претендующего кроткого служаки, который преспокойно, по-чиновничьи приходит на работу, аккуратно исполняет ее и уходит, ни секунды не медля, с чувством исполненного долга, в семейное лоно. К этому очень располагало и то, друг мой, что дама, которой ты, на мой взгляд, чересчур назойливо клянешься в своем расположении, уже тогда была мастерицей создавать уют и тепло в четырех стенах. Мне льстила судьба беззаботного человека, смотрящего ясными, лишенными суетных интересов и помыслов глазами на всех окружающих. Я понимал, что именно таких людей называют обывателями, и все же считал, что судьба такого обывателя лучше и, может быть, даже благородней, чем судьба того, кто, без особых оснований уверовав в свои силы необъятные, рвется вперед, берется не за свои дела и, потерпев фиаско в неразумных и непосильных начинаниях, перетревожив никчемной своей активностью многих людей, корчит потом из себя неудачника, ставшего жертвой зависти и непонимания, обреченного на ореол мученика. Так часто бывает с людьми, переоценивающими свои способности и возможности. Но сколь ни была заманчива роль благоразумного тихони, довольного тем, что есть, из меня он, прямо скажу, не получался. В меня вселился бес (возможно даже, что сидел он во мне от рождения) честолюбия и неутомимо тревожил меня. Я стыдил себя, находя позором овладевшее мной мещанское благоразумие. Нет, меня не устраивала такая жизнь. Я жаждал деятельности, я верил в свои силы, мечтал о популярности и высоком положении в обществе, меня обуревало желание быть на виду. Нельзя сказать, что в моменты страстных мечтаний я чувствовал себя Васькой Буслаевым или Камбаром-Батыром, этаким всесильным молодцем, который может научные горы своротить мощью своего интеллекта, ибо мне было уже далеко не восемнадцать лет, и все же мне казалось, что у меня имеются какие-то данные, способные поднять меня выше

Created by free version of 2PDF

ординарности, выше муравьиного подвижничества ради живота своего, выше того, чтобы все мои радости и горести, все мои высшие эмоции смыкались в семейном очаге. Я тогда не задавал себе пушкинский вопрос «Желаю ли славы я?», но задаю его теперь и отвечаю: «Да, все эти мечтания, наверное, и называются желанием славы». Это было, конечно, очень нескромное желание. Но почему-то ныне не стыжусь. Не стыжусь, вероятно, потому, что ни тогда, ни после у меня и в помыслах не было, чтобы добиваться успехов и известности какими-то окольными путями, о существовании которых, к счастью, тогда мало ведал. Я надеялся только на целеустремленный труд, на постоянное беспокойство и мечтал о днях, когда мое упорство будет вознаграждено. Мечтания эти принимали, как теперь вспоминаю, чрезвычайно нескромные размеры. Доходило до того, что дерзал себя мысленно ставить рядом с людьми, имена которых суждено мне произносить с почтительнейшего отдаления, и не иначе, как с благоговейным трепетом. Теперь знаю, что время проделало свое, и я, как и все смертные, смирился и утешился тем, чего достиг. И когда, сравнивая свои тогдашние желания с тем, что ныне есть у меня за плечами, вижу несоизмеримую малость достигнутого, мне становится весело и смешно. И все же думаю: не будь этих нескромных, честолюбивых мечтаний молодости, которые почему-то принято скрывать, у меня не было бы и того малого, чем, несмотря ни на что, горжусь настолько, дорогой друг, что, как видишь, могу бодро повествовать о своей жизни. Я, по-моему, довольно длинно рассуждаю о тех чувствительных пружинах моей души, которые определили мои жизненные помыслы в то время, но думаю, что не напрасно говорю об этом, так как уверен, что это было на самом деле так. Иначе почему же память из многочисленных подробностей бытия в эти начальные годы моей работы услужливо выдвигает именно тот момент, когда мне показалось, что вот, наконец, осуществляется то, к чему стремился. Я имею в виду мое назначение на пост заместителя директора (по-нынешнему, проректора) института по учебной работе, которое случилось через четыре года после окончания аспирантуры. До этого работал на этой должности маститый доцент Левашов Николай Александрович, который, казалось, и родился для этой должности, ибо занимал ее с каких-то незапамятных времен, чуть ли не с организации института. И потому, когда мы видели в коридорах, во дворе этого коренастого, лысого человека небольшого роста, смотревшего на окружающих большими ласковыми карими глазами, лукаво пряча добродушную улыбку в мясистых щеках, казалось, что мимо нас проходит само средоточие всего лучшего и достойного, чем характерно наше

Created by free version of 2PDF
Gurieyev University

учебное заведение. Ни повышение голоса, ни менторское красноречие, ни указующие жесты не были для него свойственны: он покорял всех спокойной, деловитой доброжелательностью, каким-то равномерно искрящимся юмором. Возраст, вероятно, брал свое. Николай Александрович часто болел и, по-видимому, нельзя было не уважить его просьбу перейти на более спокойную и менее ответственную работу на кафедре. Мои мечтания кружили в области научных подвигов, и я, естественно, совершенно не предполагал, что когда-либо сяду в административное кресло Николая Александровича, которое казалось чуть ли не природной его принадлежностью. И все же представь себе, дорогой друг, когда мне сделали это предложение, я для видимости, для порядка и из показной скромности говорил что-то вроде того, что смогу ли выполнять предлагаемые обязанности на таком уровне и с таким умением, как это мог делать умный, высококультурный, опытный, всем известный и всеми уважаемый Николай Александрович. Про себя же чувствовал лишь внутреннее ликование, будучи уверен, что не боги горшки обжигают.

Я много думал над своим поведением в момент назначения на место Николая Александровича и теперь полагаю, что, если бы этот пост был предложен несколько позднее, вероятно, не ощутил бы такую радость. Дело в том, что, когда убедился, что моя аспирантская работа, решавшая конкретную, узкую научную задачу, не может явиться основанием для дальнейших достаточно плодотворных исканий, я начал почти лихорадочно читать, размышлять, строить гипотезы, делать опыты для их подтверждения и все же в научном поле, где я искал и ковырялся, не нащупал то место, где можно было бы уверенно, самозабвенно, глубоко и надолго врыться. Я еще, к сожалению, не был уверен, что такое место скоро будет найдено, и у меня даже не было внутреннего повода считать, что, будучи рядовым преподавателем кафедры, сделаю что-то в большей степени удовлетворяющее мое трепетное самолюбие. Все это говорю к тому, дорогой друг, что хочу обратить твое внимание на то, как я даже через четыре года после окончания аспирантуры еще не был твердо прикован к тем научным проблемам, которые в дальнейшем составили, как теперь понимаю, содержание моей жизни; крупное, серьезное, значительное дело — предмет моих еще не охлажденных временем пылких мечтаний — пока маячило где-то в совершенно зыбком отдалении, я чувствовал в себе нечто вроде распутья, и естественно, неожиданное предложение, импонировавшее моему неутоленному тщеславию, пришлось очень кстати. Я снова был очень и очень доволен собой, как в первое время после по-

Created by free version of 2PDF

лучения диплома кандидата наук. Я еще не выработал в себе внутреннего презрения к людям, отношение которых к тебе находится в прямой зависимости от занимаемого тобой положения. Я еще мало ценил тех, кто этим свойством не обладает, и потому с удовольствием принимал преувеличенно-почтительное внимание сослуживцев, которые только вчера гордо проходили мимо, еле удостаивая кивком головы; мне было приятно, что именно те, кто до этого проявил особую забывчивость по отношению к моим имени и отчеству, теперь при встречах произносили их с подкупающей чеканностью. Я был доволен собой, своим положением и это выражал разными способами среди друзей. Помню, как через неделю после моего вступления на должность директора срочно вызвали в Москву, и я остался править делами за него. Созвал какое-то совещание (было начало учебного года), и, поскольку в маленьком кабинете заместителя директора все приглашенные не вмещались, оно было проведено в кабинете директора. В конце совещания, встав и посмотрев зачем-то в окно, увидел проходившего мимо закадычного друга, преподавателя кафедры иностранных языков, которого мы еще в былые студенческие годы за нескладную, длинную фигуру прозвали Туйемойын (верблюжьей шеей). Теперь этот мой друг раздобрел, приобрел величавую стать, но, злоупотребляя его веселым нравом, добродушной простотой, мы продолжали обращаться к нему по прозвищу. Увидев Туйемойына, решил немедленно использовать удачный случай, чтоб вдоволь посмеяться, и попросил секретаря пригласить его. Когда в дверях показалась осклабленная физиономия моего друга, сказал: «Туйеке, будь добр, подожди... Я приму ожидающих, а то неудобно...» И вот принимаю товарищей, нарочито растягиваю время, а сам посматриваю в окно, чтобы Туйемойын, рассердившись, не ушел. Прошло часа полтора, друг мой терпеливо ждал, и, наконец, когда никого, кроме него, в приемной не осталось, открыл дверь. Я посмотрел на него и не увидел на лице прежнюю улыбку.

Не меняя начальственную позу, пригласил его сесть. Туйемойын, рядовой преподаватель, редко бывавший в просторном кабинете директора, сел, сохраняя строгую почтительность на лице и в движениях. Видимо, долгое ожидание настроило его на официальный лад. Я молчал, молчал и он. Наконец друг не выдержал и спросил:

– Ну что молчишь, скажи, зачем пригласил?

Я суровым голосом, каким только было возможно при еле сдерживаемом смехе, ответил:

– Начальство само скажет, зачем оно пригласило. Пора привыкнуть к субординации и при служебных обращениях перестать ты-

Created by free version of 2PDF

кать. Захотел пригласить и пригласил. Мог бы и не приглашать. Пригласил, чтобы ты теперь зарубил на носу, что я твой начальник, и чтобы радовался тому, что удостаиваю тебя аудиенции, чтобы в радостях твоих по этому поводу не было ропота за то, что ожидал каких-то полтора часа! И впредь не заходи ко мне с постным лицом!

Туйемойын вскочил, произнес крепкое русское слово и ринулся ко мне вокруг стола. Я, испытав на левых ребрах тяжелый кулак друга и еле увернувшись от второго, крепко обнял его. Мы долго, до слез смеялись, сотрясая кабинет директора, и поскольку был конец рабочего дня, я с удовольствием откликнулся на предложение друга обмыть день, когда он почувствовал (знал он об этом, конечно, раньше, ибо я уже успел похвастать), что его приятель действительно стал начальником над ним. Можно было быть довольным собой сколько угодно, но ведь надо было и работать, а о самой работе у меня были весьма туманные представления. Я очень надеялся на директора, полагал, что он точно и ясно растолкует мои обязанности, и мне стало сравнительно легко и просто выполнять положенное по должности. Это были, конечно, наивные представления, в чем очень скоро убедился. Директором у нас оставался тот самый Кемельхан Айтпаевич, который, вступая в должность, посетил нашу кафедру и, вняв моим аспирантским «слезам», передал нам комнату. Он слыл у нас за человека упорного, методичного, умеющего, когда необходимо, настоять на своем: при нем началось строительство современных зданий института, он был инициатором многих хороших начинаний, и коллектив относился к нему с уважением. Для нас, молодых преподавателей института, авторитет его был непререкаем. Мне очень льстило, что именно меня он отличил от многих других товарищей, которые имели не меньше оснований претендовать на пост заместителя директора, и был преисполнен к нему благодарности. Помню, как он пригласил меня к себе для первого разговора по работе. Откинувшись в кресле и положив левую руку с зажатыми в кулак очками на стол, он задумчиво смотрел в потолок и молчал. Я не находил это невежливым, питая к нему очень глубокое уважение, не был склонен видеть какие-либо недостатки в его поведении. Предполагаю, что он продолжает размышлять о чем-то, пришедшем ему на ум до моего прихода. Пользуюсь молчанием для того, чтобы получше рассмотреть своего директора. Да, не даром достались эти восемь лет работы на посту руководителя института: иссиня-черные волосы, молодо лоснившиеся, когда он пришел к нам на кафедру, казалось, выцвели и теперь стали серыми, появились мешки под глазами, чуть обвисли щеки, глубже прорезались поперечные морщины на вы-

Created by free version of 2PDF
Suleyman Demirel University

соком лбу, только большие черные глаза смотрели по-прежнему молодо и уверенно. Не сразу его поняли. Наши профессора типа Каретникова хотели видеть в кресле директора рафинированного интеллигента, начиненного великосветскими манерами и салонной вежливостью. Кемельхан Айтпаевич никак не подходил под эту мерку, он вырос на производстве, в рабочей среде, где не имеют привычки цепляться за слова, чтобы переиначить мысль, где воспринимают правду как правду и не прибегают к диалектическим тонкостям, чтобы затушевать неприятные стороны правды, как бы горьки они ни были. Не сразу понял Кемельхан Айтпаевич, что он находился в совершенно новой среде и что в этой среде не всегда можно надеяться на то, что сказанное от сердца будет сердцем и воспринято, что всегда надо продумать, прежде чем говорить. Он не сразу разобрался, что в этой среде имеются люди, умеющие по-своему истолковывать искренне выраженную мысль в любом приятном направлении. Потребовалось время, пока Кемельхан Айтпаевич преодолел свою грубую рабочую прямоту и овладел искусством витиеватых маневров, облегчающих подход к неприятной правде. Мы, молодые преподаватели, не были близки к нему, но товарищи постарше с удовольствием отмечали, что Кемельхан Айтпаевич ныне приобрел все, что необходимо для руководителя высшего учебного заведения, и что в этом сильно помогли не только способности и желание быть понятым коллегами, но и бурная оппозиция, организованная неутомимым на подобные дела профессором Каретниковым.

Посидев молча довольно долго, Кемельхан Айтпаевич встрепенулся и, придвинувшись к столу, пожаловался, как будто извиняясь передо мной, на какую-то неурядицу в институте, о которой приходится думать, потом усмехнулся и сказал:

– Ты, Мажит Муканович, пожалуйста, не пугайся. Такова судьба, иногда над какой-то обыденной мелочью приходится думать, как над жизненной проблемой, потому что чувствуешь, что за этой мелочью может потянуться другая, третья... А потом насядут мелочи — пойди, попробуй, разберись...— и, помолчав, добавил: — Мажит Муканович, не смотри на меня вопрошающе, особых инструкций и указаний тебе не дам. Обязанности твои расписаны на соответствующих страницах толстой книги, называемой «Высшая школа». Кроме того, есть приказ по институту о распределении обязанностей. Твое дело, чтобы студенты учились хорошо, вышли достойными специалистами, а для этого, естественно, должны хорошо работать преподаватели. Вот и добивайся. Кроме того, учти, — глаза его заиграли лукавой усмешкой,— первый руководитель может работать, может не работать, а

Created by free version of 2PDF

указывать и требовать он будет всегда, иначе он не сможет чувствовать свое положение и свое значение. Заместитель же должен работать всегда. Если хочешь, чтобы я поменьше вмешивался в твои дела и поменьше указывал, старайся предупреждать это нежелательное для тебя внимание с моей стороны, т.е. выполняй свои обязанности аккуратно, вдумчиво, инициативно... Работы — непочатый край, и чем больше будешь работать, тем больше будешь обнаруживать недостатки, которые немедленно надо искоренять... Заранее все не скажешь, будем советоваться по ходу дел. Кроме того, учти,— в глаза опять вернулась лукавинка, — что я в полной зависимости от тебя и других заместителей, в основном от тебя — ты будешь работать хорошо, значит, и я хорошо, ты плохо, и я плохо. Но главное в нашей работе — это умение расположить людей... Для этого надо изучать, надо знать их, надо относиться к товарищам всегда с уважением.

Кемельхан Айтпаевич снова откинулся назад в кресле, снова положил левую руку с зажатыми в кулак очками на стол (это, видимо, была его привычная поза, когда он задумывался) и уставился на этот раз в окно. Я понял, что он больше мне ничего не скажет, посидел чуть и, чтобы не прерывать его думы, молча удалился. Удалился, чтобы разобраться в своих новых обязанностях и поразмыслить над тем, с чего начать и как лучше исполнять пока еще неясные служебные дела. Я понимал, что тут не обойтись без консультации и советов опытных товарищей. В институте имелись такие товарищи, и первым из них был, естественно, Николай Александрович: они мне могли оказать помощь, если, конечно, найду необходимым снизойти до этого и попросить, ибо, поскольку теперь являлся вторым лицом в институте, должен был по положению лучше всех понимать дело. К счастью, я не чувствовал себя таковым, и добрейший Николай Александрович буквально курировал меня в течение почти месяца, а может быть, дольше, потому что я долго продолжал злоупотреблять его расположением ко мне, обращаясь к нему по поводу и без повода.

По-видимому, любое дело, дорогой друг, должно быть вначале и сложным и трудным, если подходить к нему серьезно. Нелегкими оказались обязанности заместителя директора института по учебной работе. Что значит руководить учебным процессом? В средней школе заведующий учебной частью следит за тем, чтобы учитель знал и придерживался соответствующих научно обоснованных методов преподавания соответствующей дисциплины, не исключая, конечно, элементов творческого подхода. Это облегчается тем, что до сих пор грамотная часть человечества уделяла внимание только педагогике средней шко-

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

лы. Многочисленные Академии и институты посвятили свою деятельность довузовскому образованию. Между тем, о вузовской педагогике, об общих, надежно обоснованных принципах и методах учебного процесса в высшей школе, о создании педагогики высшего образования стали размышлять только в последнее время. Лишь недавно, кажется, открыт в нашей стране первый научно-исследовательский институт, занимающийся этими вопросами. А тогда, когда мне пришлось по должности размышлять над задачами по руководству учебным процессом, в нашем вузе и этого не было. Например, приступая к работе в качестве преподавателя у нас на кафедре, я не думал, что существуют какие-то методы, руководящие указания, кроме устных советов профессора, для чтения, скажем, лекций по дисциплине, которую я вел. С тем же, естественно, сталкивались и другие молодые преподаватели. Между тем, было известно, что чтение лекций в русских университетах и институтах считалось самой почетной обязанностью профессора. Сохранилось немало воспоминаний о том, как ответственно относились к этой обязанности такие выдающиеся деятели русской науки, как Менделеев, Сеченов, Тимирязев, Ключевский, Тарле и многие другие. И я возмечтал о возможно резком поднятии уровня чтения лекций в нашем институте. Я считал, что хорошее чтение лекций не только способствует легкому восприятию и дальнейшему усвоению трудного материала студентами, но и полезно для самого преподавателя, ибо дисциплинирует его мысли, чеканит словесное выражение понятного и уложившегося в голове. Об этом знал по своему небольшому опыту. Помню, как мне пришлось туго, когда профессор Дьячков поручил мне чтение курса по одному из специальных разделов химии. Буквально вызубривал каждую лекцию, чтобы хоть как-то приблизиться к тому уровню, на каком читал сам профессор. Это означало, что я не мог читать по записанному, но в это же время не мог надеяться на логику своего мышления, на свое умение импровизировать достаточно удачные, достаточно грамотные фразы. Поэтому я заранее отшлифовывал, заготавливал фразы, определяющие основное, стержневое в лекции, ибо мой шеф учил меня, что эти фразы должны быть афористично-краткими, экономными на слова и в то же время совершенно полно и точно выражающими данное понятие, данную мысль. И следовательно, когда говорю о вызубривании, я вовсе не имею в виду школярское, студенческое заучивание наизусть того, что написано в том или ином известном учебнике. Готовя лекции, я следовал направлению моего профессора: лекция должна была собирать и синтезировать главное, что написано у других авторов, с возможными

Created by free version of 2PDF

дополнениями от себя, и излагаться с точки зрения понимания самого лектора. При таком подходе к подготовке и чтению лекций приходилось трудиться довольно основательно. Я старался на своих лекциях быть академически строгим, рассчитывал каждую минуту, подражая в этом Дмитрию Викторовичу. И все же не всегда бывал доволен собой, в особенности в первый год чтения. Например, в самом тщательно подготовленном материале, очень для меня ясном по содержанию и сути, вдруг обнаруживал пункты, где мои толкования оказывались не очень правильными или даже совершенно неправильными: причем это бывали чаще те пункты, в понимании которых до этого у меня не возникали сомнения. Покрывшись холодным потом, со стыдом должен был признаться студентам об ошибочности преподнесенных мной представлений. Но именно эти тяжелые признания теперь вспоминаю с благодарностью, ибо они внесли в мою самоуверенную натуру необходимую дозу научного скепсиса — никогда не считать лишним еще раз обсудить самые ясные вещи.

Подробно разбирая и оценивая состояние учебных дел в институте, я находил массу таких недостатков, которые хотелось немедленно устранить: эти недостатки имелись не только в чтении лекции, но и в других формах обучения студентов. Я желал поднять дело обучения в институте под те высокие требования, которые у меня сложились за короткий срок моей работы на кафедре и которые воспитывал во мне профессор Дьячков. Строил прекрасные планы и советовался по их поводу с моим коллегой, заместителем директора по научной работе, доцентом Кальницким Львом Моисеевичем. Это был человек с богатым жизненным опытом: работал и главным инженером крупного химического завода, и директором большого вуза. Он выслушал меня и выразил восторженное удивление тем, как быстро я смог разобраться в столь сложной сфере деятельности института, подчеркнул интеллектуальную высоту, на которой нахожусь, не менее восторженно хвалил мои планы, совершенно не сомневался в их осуществимости, признался в том, что он всегда был высокого мнения о моих организаторских способностях, тут же посоветовал мне немедленно приступить к делу. Как все же слаб человек: мне приятно было слушать, я поверил во все, что он говорил. На другой день, прохладным сентябрьским утром, идя на работу, вспомнил похвалы Льва Моисеевича и начал в них сомневаться. На самом деле, он меня знал еще с аспирантских лет, кафедры наши находились рядом, работая по одной специальности, мы вместе бывали на семинарах, он состоял на партийном учете у нас на факультете, и, когда я некоторое время был парторгом факультета, часто

Created by free version of 2PDF
Polotsk State University

приходил к нему по факультетским делам и что-то ни разу не замечал его благосклонного отношения ко мне. Наоборот, от него всегда веяло каким-то оскорбительным холодом: он разговаривал со мной нельзя сказать, чтобы свысока, а как-то исчерпывающе кратко, внушительно и указующе. Я принимал это, как должное, ибо он был старше даже моего профессора, и этого было достаточно для меня, чтобы при любых условиях сохранять почтительность. Я знал, что он находил возможным явно вредить мне: мои статьи, представленные в сборник института, лежали в его сейфе без особых оснований из года в год, и из-за малочисленности публикаций затянулось присвоение мне ученого звания доцента. Я и при этом не счел возможным сойти со стези почтительности. Лев Моисеевич, по-видимому, был страшно самолюбивым человеком. Однажды, после моего доклада на факультетском семинаре, он подошел ко мне и сказал, что он сейчас исследует один процесс, в котором можно использовать изученную мною реакцию. Я знал, что Лев Моисеевич много работает в лаборатории, и мне было приятно его признание. Но когда он показал мне свои записи по этому поводу, я заметил в них одну нелепость и робко растолковал, почему это нелепо. Лев Моисеевич посмотрел на меня, закрыл свою толстую рабочую тетрадь и сразу же перевел разговор на другую тему. На этом наши научные контакты закончились. Шел в то сентябрьское утро, думал и приходил к выводу, что в похвалах моего коллеги нет ни грамма искренности, и что у него вообще не было никакого желания по-деловому обсудить мои планы. Я понял, что, зардев от его похвалы, показал свою слабость, свою податливость на лесть.

Лев Моисеевич не был искренним советчиком, и не к нему мне надо было обращаться. Я мог обратиться к профессору Дьячкову, но этого не делал, поскольку чувствовал, что мой переход на административную должность он воспринял без всякого энтузиазма; и я не хотел раздражать его. Мог обратиться к Кемельхану Айтпаевичу, но не хотелось этого делать, считал, что к нему следует идти с докладом о победных результатах работы. Оставался неизменный Николай Александрович. К нему и обратился. Он внимательно выслушал меня и сказал:

– Это хорошо, Мажит Муканович, что ты стараешься во всем разобраться, выработать свою оценку состояния дел. Недостатки, о которых ты мне говоришь, были мне известны, о них знают в общих чертах многие преподаватели. Но вот ты находишь нужным вникнуть в детали, смотреть в корень. Ты хочешь работать лучше меня, это, думаю, в порядке вещей, потому что я был старой клячей, кружившейся в пределах привычного. Не смотри на меня, я это говорю не без обиды. Го-

Created by free version of 2PDF

ворю честно, от сердца — ты — хороший парень, и я не могу иначе. Но учти следующее: то дело, которым ты занимаешься, это — работа в основном с людьми, и ни один из этих людей не считает, что он глупей тебя и глупей кого-либо вообще. Поучениями и наставлениями здесь не возьмешь. Необходимо быть изобретательным в обращении с людьми, чтобы не наломать дров. Ты вырос на лучшей кафедре у одного из самых добросовестных профессоров и у тебя обо всем невинные представления. Отсюда и твое желание все переделать быстро и немедленно. Бойся, мой друг, в этом деле чересчур решительных действий. Не думай, что я тебе советую продвигаться к цели «медленным шагом, робким зигзагом», но все же обдумай каждый свой шаг, памятуя, что одна ошибка зачеркнет все твои победы и достижения. Работа у тебя, честно скажу, не очень благодарная. «Спасибо» заслужить не всегда удается. И все равно надо работать, много работать, надо делать лучше, чем вчера, время этого требует...

Так говорил Николай Александрович, и я чувствовал, как он мудр и искренен, как легко от его слов, от высказанной им правды. Я теперь даю точно такие же советы моим молодым коллегам, когда они обращаются ко мне, и не нахожу в своих советах ничего сверхмудрого. Но также хорошо знаю, что не всем суждено вовремя усвоить чужой жизненный опыт. И, вспоминая Николая Александровича с особой теплотой в душе, отмечаю, что, не будь его советов, я бы и сам, наверное, пришел к тем же соображениям, но ценою ненужных недоразумений и ошибок, и, может быть, даже слишком поздно. В молодости не всегда мы бываем склонны по-настоящему оценить предупредительную внимательность старших, умудренных жизненным опытом товарищей и оттого, наверное, бываем не в полной мере благодарны. Я любил и уважал Николая Александровича, но мне кажется, что всю глубину и мудрость его наставлений я по достоинству оценил лишь недавно, когда получил известие, что этот душевно щедрый, умный человек скончался. Как все-таки плохо, друг мой, что мы склонны умиляться добрым делам добрых людей после их смерти, не особенно думая над этим при их жизни.

А ко Льву Моисеевичу я все же продолжал обращаться за «советами», но это делал большей частью тогда, когда у меня было хорошее настроение и для душевного веселья хотелось услышать дифирамбы коллеги. Мало того, и сам теперь довольно успешно хвалил дела и действия Льва Моисеевича ему же в глаза. Но когда официально обсуждались вопросы нашей работы, каждый из нас по поводу дел другого или молчал, как рыба, или говорил что-то совершенно неопределенное,

Created by free version of 2PDF

несмотря на то, что мы чувствовали, как это раздражало Кемельхана Айтпаевича. В то же время Лев Моисеевич в те промежутки, когда мне приходилось оставаться за директора, делал вид, что готов к исполнению любых моих указаний, принимая какую-то неестественную, подчеркнуто подобострастную позу, постоянно обращая внимание на мое служебное старшинство. Во всем этом чувствовалась нарочитость, и эта нарочитость меня коробила. Словом, та человеческая простота во взаимоотношениях, в которую легко укладываются и служебная субординация, и взаимное товарищеское внимание в сочетании с чувством достоинства и сердечностью, у нас не получалась. Удивительно, что, подражая ему самому же, я сумел сохранить со Львом Моисеевичем внешне хорошие, даже «идиллически» хорошие отношения. И, хотя я старался находить смешное в этой постоянной игре во взаимное уважение, она была мне страшно неприятна и, честно скажу, обходилась дорого.

Лев Моисеевич умер недавно, лишь за год или два до кончины получив долгожданную степень доктора наук. К этой цели он стремился давно, работая над диссертацией не менее двадцати пяти лет, срок, за который многие первичные данные в наше время безнадежно устаревают. У него не было учеников, несмотря на то, что немалое число молодых людей работало на его кафедре, выполняя по его заданию эксперименты. Правда, молодые люди часто менялись, во всяком случае не помню ни одного человека, удержавшегося в его окружении и выросшего под его руководством. Преподаватели его кафедры не были его учениками. Нам это несколько странно было видеть: на нашей кафедре все мы были учениками Дмитрия Викторовича и продолжали находиться в сфере его научных интересов. Я теперь знаю, почему Лев Моисеевич не имел учеников и почему он так долго делал докторскую диссертацию: он очень боялся посвятить в свои научные замыслы кого-либо, и сотрудникам он до деталей расписывал, как делать тот или иной заданный опыт, не объясняя научную суть задачи. При таких условиях ни о каком творческом отношении к научному эксперименту не могло быть и речи, оставалось слепое исполнение на лаборантском уровне, и это, естественно, не вызывало ни у одного сотрудника энтузиазма: наоборот, приходило желание скорее покинуть Льва Моисеевича. А отсутствие своевременного широкого обсуждения научных результатов работы при недостаточно грамотном исполнении в силу частой сменяемости сотрудников приводило, вероятно, к тому, что многое делалось неправильно и вхолостую. Работая рядом, я чувствовал, что Лев Моисеевич снедаем желанием стать доктором наук, и тем

Created by free version of 2PDF

не менее он не понял, что путь, избранный им для достижения этой цели, является самым длинным, самым неплодотворным. Ведь он как огня боялся иметь рядом человека, который мог бы на должном уровне обсуждать научные дела. Так и продолжал он работать, не вырастив ни одного ученика и в силу этого не сумев довести разрабатываемую проблему до достойного завершения. Между тем, знакомясь с его публикациями, я убедился, что проблема, которой он занимался, была актуальна, и в этом Лев Моисеевич не ошибался. Приближаясь к семидесяти, мой бывший коллега достиг желанного — стал доктором наук, профессором, но, как и следовало ожидать, проблему, которой он занимался, никто теперь не продолжает, по крайней мере, в том аспекте, в каком разрабатывал ее Лев Моисеевич. Но надо отдать должное ему: при методе работы, о котором я рассказывал, это, может быть, единственный случай в наше время в экспериментальных науках, когда удалось довести ее результаты до уровня докторской диссертации, что произошло лишь благодаря настойчивости, энергии и целеустремленной напористости Льва Моисеевича. И все же научная деятельность профессора Кальницкого остается в моей памяти примером того, как малоплодотворен индивидуализм в научной работе.

Дорогой друг, не хотелось бы загружать твое внимание профессиональными подробностями своей работы. Я теперь считаю, что практическими тайнами специальности при наличии соответствующих теоретических знаний можно всегда овладеть. Гораздо труднее бывает, когда приобретенный опыт по специальности приходится использовать не только для усиления личного вклада в дело, но и на то, чтобы направить и улучшить работу других. В научных коллективах это, пожалуй, самая трудная задача. Исполнение обязанностей заместителя директора по учебной работе преподало мне в этом отношении поучительные и запоминающиеся уроки. Я начал познавать людей, я стал убеждаться, как много подводных камней в каждом человеке и как легко об эти камни споткнуться. Душою чувствовал мудрую предупредительность Николая Александровича, советовавшего быть вдумчивым и осторожным.

Одной из кафедр по теоретическим основам геологических дисциплин заведовал маститый профессор Яницкий Георгий Леонович. Мы прониклись к нему уважением еще со студенческих лет: красивый, выхоленный, с темно-каштановой писаревской бородой, с густой гривой не тронутых сединой волос, с благородным греческим носом на бледноватом лобастом лице, с глубоко сидящими, большими карими спокойными глазами. Он всегда вызывал особое восхищение у наших

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

девушек. Мне казалось даже, что некоторые из них тайно были влюблены в него. Лекции Георгий Леонович читал с какой-то изящной легкостью. Я уже писал, что в системе вузовского обучения лекции, на мой взгляд, казались главным звеном, на которое следует обращать внимание. Стараясь улучшить качество лекции путем взаимоконтроля, обмена опытом и другими методами, я стал посещать лекции преподавателей, хотя понимал, что в общем большом плане работы мои личные посещения не могут играть особо заметную роль. И все же это было необходимо для примера другим. Я попросил Георгия Леоновича посоветовать мне, чью лекцию по его кафедре мог бы посетить. Не задумываясь, он сказал, что желательно нам с ним пойти на лекцию доцента Орманова. Я знал Орманова. Этот плотный, маленький человек с торопливыми манерами вечно носился по институту с полураскрытым ртом и всем и каждому рассказывал о каких-то своих неотложных нуждах, о бумагах, которые должно подписать начальство, о приборах, которые надо достать, о своей научной работе, которая кем-то и чем-то тормозится; рассказывал такой напористой скороговоркой, как будто у всех, кому он говорил о своих делах, нет ничего другого, как вникать в нужды доцента Орманова. При этом он не забывал упомянуть к месту и не к месту имена больших людей, вниманием которых он, доцент Орманов, пользуется. Мне не приходилось быть знакомым с преподавательской деятельностью этого доцента, и я согласился с предложением Георгия Леоновича, даже не задав вопрос, почему мы должны пойти на лекцию Орманова, а не кого-либо другого.

И вот мы с Георгием Леоновичем сидим на лекции доцента Орманова. Материал, который он читает, мне знаком по первому курсу, но я его забыл настолько, что вспоминаются какие-то осколки, и мне трудно проследить за ходом суждений лектора и что-то логически связное записать. Но смотрю на тетрадь рядом сидящего студента и вижу, что он тоже не может записать что-либо путное. Дело в том, что доцент Орманов мечется у доски, торопливо выводя на ней какие-то цифры и формулы, и тут же, не успев толком объяснить, стирает их. Говорит быстро, брызжа слюной, то возвышая голос до патетических высот, то снижая до шепота. Сижу, слушаю, и мне начинает казаться, что лектор сам плохо усвоил читаемый материал, и вся эта патетика и все эти метания у доски есть лишь нарочитость, лишь прикрытие незнания. Изнутри волнами поднимается возмущение: чему научатся студенты у этого доцента и почему это допускает профессор Яницкий.

Created by free version of 2PDF

И все же не подаю вида: надо вытерпеть двухчасовую пытку, называемую лекцией Орманова.

После лекции захожу в маленький кабинет Георгия Леоновича. Сажусь на диван и смотрю на примостившегося рядом Орманова; он, несмотря на усталость, смотрит на нас своими большими навыкате глазами возбужденно и победоносно, как будто только что показал нам пример самой лучшей в мире лекции. Обращаюсь к Георгию Леоновичу, чтобы он высказал свои замечания. Георгий Леонович теребит бороду, смотря куда-то в сторону, и своим спокойным бархатным голосом говорит:

– Рахат Ахметович прочитал, мне кажется, неплохо. Может быть, немного торопился. Особо серьезных замечаний нет.

Смотрю на Георгия Леоновича и хочу встретиться с ним глазами, но он избегает этого. Орманов же смотрит на меня еще победоноснее и веселее. Некоторое время продолжается тяжелое для меня и для Георгия Леоновича (чувствую это потому, как у профессора неспокойно бегают в бороде пальцы) молчание, и я наконец говорю:

– Ну что ж, давайте на этом тогда разговор закончим. Георгий Леонович, вы сможете заглянуть ко мне после обеда?

– Пожалуйста, — говорит он, облегченно вздохнув, и мы расходимся.

Георгий Леонович был, по-видимому, занят и пришел ко мне лишь к концу работы. Это, пожалуй, даже было хорошо, чтобы, охладив возмущение, более спокойно обдумать ход разговора. Я решил начать с прямого вопроса:

– Георгий Леонович, скажите честно, это правда, что доцент Орманов прочитал сегодня лекцию неплохо?

– Нет, Мажит Муканович, прочитал он свою лекцию плохо, я хотел, чтобы вы увидели, как плохо читает...

– Но поправить его должны вы. Вы же отвечаете за качество и обучение студентов по дисциплинам вашей кафедры. А доцент Орманов, если он читает всегда так, а думаю, что всегда так, он портит и студентов, и себя...

– Все это правильно. Но ведь стоит сделать ему замечание, хлопот не оберешься; он, во-первых, будет считать, что я говорю из зависти, во-вторых, начнет везде шуметь, что его хотят выжить, и т.д., и т.п. Житья не будет... Вот я и думал, может быть, вы поможете.

– Как поможете?

– Но вы же убедились?

Created by free version of 2PDF

– То есть как убедился? Я убедился, но я не специалист, а администратор для вас... а вы заведующий кафедрой и в делах своей кафедры и законодатель, и судья... самый авторитетный судья, ибо вы профессор, большой, очень большой ученый... Я могу поддержать или не поддержать ваше мнение. А вы при нем мне сказали: «Неплохая лекция». Скажите, какое из ваших мнений поддержать: или то, которое вы высказали утром, или то, что вы говорите сейчас? Нет, так не пойдет, Георгий Леонович, так работать нельзя...

Как только я произнес последние слова, Георгий Леонович, спокойно слушавший меня, сидя за приставным столиком в профиль ко мне, резко поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Мажит Муканович, не вам меня учить, как работать. Я был профессором тогда, когда вы были студентом, – с голоса Георгия Леоновича сошла обычная, располагающая бархатность, и он стал каким-то визгливосиплым, лицо побледнело, борода угрожающе поднялась на меня. Это было неожиданно, но я успел опомниться и пошел во встречную атаку.

– Я не учу вас, но я вынужден говорить о недостатках в вашей работе, потому что это моя обязанность, а ваша обязанность не цепляться за слова, а по-деловому обсуждать недостатки в работе и не прикрывать их званиями и регалиями...— Эти последние слова подлили, по-видимому, масла в огонь; обычную степенность и медлительность с Георгия Леоновича как ветром сдуло, он вскочил, вызывающе уставился на меня и, заикаясь, произнес:

– Нет, я не позволю вам, молодой человек, разговаривать со мной в таком оскорбительном тоне!

– Я не позволю, глубокоуважаемый профессор, третировать меня при исполнении моих служебных обязанностей! — вскочил и я, упершись своими глазами в округлившиеся и уменьшившиеся от злости большие глаза Георгия Леоновича.

– Нет, я не могу продолжать такой разговор. Ни один руководитель института за два с лишним десятка лет работы в таком тоне со мной не разговаривал, — он резко повернулся и зашагал к двери. Я успел лишь заметить, как угрожающе ссутулилась его спина, и этого не мог скрыть даже его просторный, элегантный серый пиджак.

Георгий Леонович ушел, я почему-то продолжал стоять, перебирая и перекладывая бумаги и книги, лежавшие на столе, и лишь через некоторое время заметил, как дрожат у меня руки, как перекладываю и перебираю бесцельно и напрасно, ибо все лежало удобно и на своем месте. Начал приходить в себя и понял, что совершил что-то

Created by free version of 2PDF

неприличное и недопустимое, что у меня просто не хватило выдержки переждать неожиданный гнев пожилого, заслуженного человека, у которого нервы в несравненно худшем состоянии, чем у меня. Первой мыслью было бежать, найти Георгия Леоновича и извиниться. Но какой-то здравый, трезвый голос настойчиво шептал: повремени, успокойся, рабочий день кончился, вслед за сегодняшним вечером наступит утро, которое будет мудренее...

Вечером я позвонил своему другу Вербе Ивану Александровичу, работавшему на кафедре Георгия Леоновича. Мы с ним сошлись, как земляки, ибо его родители когда-то крестьянствовали приблизительно в тех же местах, где и мои. Этот добродушный, свойский, словоохотливый толстяк мне импонировал открытостью своего характера, какой-то легкой, не обязывающей простотой во взаимоотношениях и бескорыстной готовностью быть возле в необходимые моменты. Вспомнив друга Вербу, я с сожалением подумал: как это могло случиться, что ни разу подробно не расспросил о Георгии Леоновиче, несмотря на то, что мы встречались частенько и по поводу, несмотря на то, что сам в такие моменты изливал Ивану душу и не раз выслушивал его излияния, когда тот в застолье, прислонившись к моему плечу, начинал почти поэтически рассказывать самое затаенное, самое сердечное, а потом дня два не смотрел на меня, как будто совершил что-то неприличное и постыдное. И вот, после неприятной сцены с профессором Яницким, решил испытать мудрость своего друга, ибо, по всей вероятности, он на самом деле был мне истинным другом, если я решил обратиться к нему, когда мне было тяжело.

– Дорогой друг-украинец! К тебе звонят от заместителя директора доцента Нурбаева...

– Как это хорошо, когда Нурбаев звонит от Нурбаева! Слушаю тебя!

– Давай поболтаемся по улицам города.

– Немедленно иду. Не смею отказать; самое опасное в жизни — месть начальства.

И вот мы, два толстяка, гуляем по улицам города, обращая на себя внимание прохожих своей слоновьей элегантностью. Мне тогда казалось, что полнота присуща только Вербе, недавно же при разговоре он мне пояснил, что этим тогда отличался именно я. Проходим мимо известного погребка, заглянуть в который мы находили обязательным; на этот раз приятель не приглашает меня туда, ибо мы уже приобретаем степенность и отвыкаем от взаимоугощений на ходу, к тому же чуткий друг замечает мою нерасположенность к веселью. Рассказываю

Created by free version of 2PDF

Ивану Алексеевичу, как присутствовали на лекции Орманова и как поссорился с его шефом. Внимательно выслушав меня, толстый человек хохочет, колыхаясь всем телом.

– Могу поздравить тебя с удачей, создалась обстановка, когда тебе враз удалось познать Георгия Леоновича. Если бы я рассказал тебе о нем, при твоей склонности все анализировать по-своему, ты бы, пожалуй, не поверил. Наш профессор остался бы неплохим и при другом варианте: пошел на лекцию другого преподавателя, который сносно читает, таких у нас большинство, разошлись бы с Георгием Леоновичем, приятно пожав друг другу руки. Повезло, истинно повезло. А на самом деле все обстоит и просто, и сложно. Просто потому, что Орманов действительно к лекциям не готовится и читает их плохо. Это знают на кафедре все и лучше всех Георгий Леонович. Сложно потому, что Георгия Леоновича не заставишь сказать об этом официально и вслух. А Орманов этим пользуется. Он увлечен своими экспериментами, и ему не до лекций, хотя лекции — его основная работа. Он терроризирует Георгия Леоновича своими нескончаемыми просьбами, жалобами на нехватки и пугает своей неуемной инициативой... А Георгий Леонович привык ничем не заниматься, кроме самых обычных кафедральных вещей, которые не требуют ни обдумывания, ни хлопот... Он не хочет заниматься, и потому решил ни в коем случае не трогать этого ершистого и суетливого Рахата, достаточно ему того беспокойства, которое вызывает этот человек своим присутствием на кафедре.

– А как же качество преподавания?

– Боже мой, что за чиновничий вопрос, ведь есть другие, более добросовестные преподаватели на кафедре, и это качество в среднем выглядит неплохо. Георгий Леонович утешен: в семье не без урода, то бишь не без недостатков.

– Этого я не понимаю. Во всяком случае, если бы я читал так, Дмитрий Викторович не пустил бы меня в аудиторию к студентам.

– То Дмитрий Викторович... Георгий Леонович — совсем другой человек. Я его знаю. Это — очень способный человек, он очень рано стал доктором наук, профессором. И сразу же поставил себе задачу: прожить спокойно и долго, поскольку высокого уровня жизнеобеспечения он себе добился. И в связи с этой конкретной задачей жизни он все делает так, чтобы все, с чем и с кем он соприкасается, вызывало в нем минимум беспокойства. Нельзя сказать, что он в науке не работает, но он работает так, чтобы ни себя, ни другого особенно не тревожить; поэтому-то он избрал для своих научных занятий исключительно тео-

Created by free version of 2PDF

ретические раздумья, на основе которых он публикует в два-три года одну статью, оформляя ее таким образом, чтобы, не дай бог, не задеть кого-либо и не нажить себе хлопот. С аспирантами он не работает, если и работает, то так, чтобы ими была сделана работа, требующая не слишком большого внимания от руководителя. Из-за этой годами выработанной защитной реакции против настоящего дела, из-за этого, прямо скажем, равнодушия я защитил свою диссертацию лишь через четыре года после окончания срока, томясь и ожидая, когда соизволит посмотреть и сказать что-то мой глубокоуважаемый шеф. И представьте себе, по-видимому, не очень много таких глупцов, как я, немногие идут к нему в ученики, и количеством последних Георгий Леонович не может похвастаться. Он ни за что не тронет Орманова. Душевное спокойствие в том понимании, какое у него сложилось, ему дороже всего.

– А почему он со мной поссорился, почему в данном случае не сработала его защитная реакция?

– О, тут другой коленкор... Он привык к уважению, привык к тому, что ему даже на недостатки указывают с помощью деликатных намеков. И вот после всего этого какой-то мальчишка, бывший его студент, брякает: «Так работать нельзя». К этому он не был подготовлен. Спесь заиграла, не выдержал... Зато теперь он кается и утром придет извиняться. Нажить в тебе врага он не сможет, это же источник постоянных беспокойств, постоянного неравновесия. Этого допустить он не сможет...

– Слушай, я ведь хотел бежать извиняться...

– Ни в коем случае этого нельзя делать, тем более, ты прав во всем... Он прибежит завтра, как миленький... Считай меня пророком и ставь коньяк.

– Ставлю. Но все это очень странно. Как часто люди оказываются не теми, кем их представляешь... Ну а что с Ормановым, он так и будет продолжать, или что-то с ним можно сделать?

– Наверное, можно сделать. Но это сделаешь ты, а не Георгий Леонович... Профессора не заставишь. А с Ормановым надо просто пожестче поговорить, и он будет неплохо готовиться к лекциям. Правда, мысли его бегут вперед, опережая слова и действия, он не только не умеет тормозить свои мысли, наоборот, гонится за ними, как ошалелый, спотыкаясь, прыгая и даже кувыркаясь... Боюсь, что он никогда не сможет излагать мысли врастяжку, в расчете на усвоение слушателей. Зато через несколько лет он станет доктором наук. Георгий Леонович ни помогать ему в этом, ни мешать не станет. Это уже твоя забота... Но студенты будут страдать. Завтра придет Георгий Леонович, не знаю, до

Sukkov University
Created by free version of 2PDF

чего ты с ним договоришься, но знаю: суетными делами заниматься ты его не заставишь.

Профессор Яницкий не позволил усомниться в справедливости характеристики, данной моим умным другом: он утром позвонил мне.

– Мажит Муканович! Я, по-моему, напрасно вспылил вчера, нервы, знаете... Я хочу прийти к вам... — Голос его звучал извинительно и по-прежнему бархатно, хотя к сожалению, не так приятно и располагающе, как прежде.

– Пожалуйста, приходите, мало ли что бывает в работе... У нас в народе говорят: «Размолвка между мужчинами — к крепкой дружбе».

Пришел Георгий Леонович, спокойный, виноватый, но твердый в своем намерении отстоять спокойную жизнь. Я это видел по глазам. Говорил ему вещи покрепче вчерашнего, но он был твердокаменно спокоен. И когда речь зашла о лекции Орманова, он стал просить меня поговорить с ним, а за этим я слышал: было бы хорошо, если бы Орманов вообще ушел с кафедры. И разговаривал он со мной с такой наивной простотой, смотрел на меня такими ясными глазами, словно речь шла не о серьезных делах, а о каких-то пустяках, которые не стоили смешных и никчемных размолвок, подобных вчерашней.

Я впервые почувствовал, как бессилен в своем административном рвении: говорить о смещении Георгия Леоновича не мог, потому что он был доктор наук, профессор, таких у нас было не очень много, и постановку вопроса в этом плане сочли бы «мальчишеством». Но и заставить работать Георгия Леоновича тоже не представлялось возможным, ибо непробиваем был на нем годами выработанный панцирь равнодушия и беззаботности, и сам Георгий Леонович — он это принял, как должное: настолько привык к тому, чтобы работали за него другие. Орманов действительно, как и предсказывал мой приятель, не стал хорошим лектором, однако после беседы со мной начал лучше готовиться и читал довольно сносно.

Зато, познакомившись со мной, он приобрел дополнительную возможность для изыскания нужных приборов, для обращения к нужным людям от имени института и периодически мобилизовывал меня на эти дела. Словом, Орманов умел даже свои недостатки использовать в интересах своего дела.

Прошло более двух десятков лет, и теперь, встречаясь иногда с профессором Яницким, убеждаюсь, что время действует на Георгия Леоновича намного медленнее, чем на других; он продолжает руководить той же кафедрой и остается таким же величавым и выхоленным,

Created by free version of 2PDF

как и тогда; правда, в последний раз, взглянув на его лицо, заметил над широким лбом тонкий бесцветно-белый слой, на котором, казалось, как на воздушной подушке, держалась шапка по-прежнему густых, темных волос. Орманов ныне доктор наук, профессор, уже выдвигался в состав Академии наук. Он по-прежнему тороплив, в его большом научном окружении жизнь беспокойна, ученики уважают его и лишь изредка жалуются на все усиливающуюся суетливость шефа.

Дорогой друг, ты, наверное, уже заметил, как все люди для меня были хорошими, пока я был иждивенцем государства или был на такой работе, где, по-существу, ни за что не отвечал. Стоило мне перейти на уровень повыше, когда потребовалось думать о вещах в широком плане и решать дела, связанные со своей деятельностью, когда стало необходимым влиять и направлять дела других, как начали явственно, более четко выявляться достоинства и недостатки людей, и как эти достоинства и недостатки с большей эмоциональной нагрузкой стали отражаться в моей душе. Это ведь удивительно, что у меня не было никакого интереса к делам кафедры Яницкого, хотя я всегда поддерживал самую тесную дружбу с членом этой кафедры и теперь уже знакомым тебе другом Вербой. Точно так же у нас на кафедре мы весьма дружелюбно посмеивались над нашим старшим другом доцентом Куцым. Этот коренастый небольшого роста человек с пышной шевелюрой, с большими добрыми глазами на большеротом лице был удивительно деликатным, до бесхарактерности мягким человеком. Он страшно боялся кого-либо обидеть. Этим пользовались нерадивые студенты. На этой слабости иногда играли мы с Гайнитдином. Помню, как-то Куцый, Гайнитдин и я принимали у студентов курсовые проекты. Куцый председательствовал, я вел протокол. После очередной защиты студент вышел за дверь, мы стали обсуждать, как оценить проект. Я и Гайнитдин перемигнулись, взяли председателя на вилку: Гайнитдин настаивал на пятерке, я — на тройке. Коллега наш растерянно смотрел то на Гайнитдина, то на меня и, когда мы, изрядно поспорив, уставились на него, ожидая окончательного решения, он сказал:

– Я считаю, что Гайнитдин Надирович прав. Действительно, отмеченные им достоинства проект имеет. С другой стороны, Мажит Муканович тоже прав...— мы ожидали этого и слушали долго, как он «разъяснял», почему каждый из нас прав одновременно, пока нетерпеливый Гайнитдин не выпалил: «А может быть, четыре?» Куцый с радостью ухватился за это «четыре», быстро согласился, даже сделал вид, что он сам клонил к этой оценке, хотя мы видели, как он хотел поставить, если бы это можно было, одновременно и «пять», и «три», чтобы

Created by free version of 2PDF

угодить каждому из нас, и боялся сказать «четыре», ибо в этом случае надо было брать «ответственность» на себя. Гайнитдин трясся от смеха, захохотал и я, к нам присоединился наш председатель, продолжая сквозь смех разъяснять, что, действительно, работа этого студента заслуживает оценку «четыре». Смешное же он находил лишь в том, что мы почему-то слишком долго обсуждали такую бесспорно ясную вещь!

После инцидента с профессором Яницким я почему-то думал о том, что было бы с нашей кафедрой, если бы во главе ее вместо Дмитрия Викторовича оказался доцент Куцый, ибо по служебному списку в случае отсутствия профессора он мог претендовать на эту должность. Ведь могло быть и это... Мне в дальнейшем не раз приходилось убеждаться, как долго могут сидеть на этом месте, куда посадят, люди, строго придерживающиеся линии: «лишь бы не обидеть», «лишь бы не потревожить».

Проявляя озабоченность качеством лекционной формы обучения в институте, я понимал, конечно, как нелегко быть хорошим лектором. Я знал, что лектор, увлекающий аудиторию искусством изложения научного материала, не только стремится прекрасно знать предмет лекций, горит желанием доходчиво и понятно его изложить, но имеет в себе что-то от природы. Для меня в этом отношении примером оставался доцент Василий Викторович Бугров, преподававший нам курс общей химии в первые два года обучения в институте. Читал он лекции импульсивно, блестяще и как-то даже весело. Но при воспоминаниях о Василии Викторовиче у меня в душе до сих пор поднимается что-то такое, что повергает меня в неуютное молчание.

...День был прекрасен: с утра было сделано столько дел, сколько в иных случаях не удавалось и за несколько дней; и оттого, наверное, обедалось как-то вкусно и смачно, удалось даже прикорнуть после обеда. Теперь же, придя с обеденного перерыва, сидел у себя в кабинете, приятно осознавая значительность дел, которыми мне приходится заниматься по должности, и с особым удовольствием перечисляя в уме служебные удачи: было такое состояние, что вспоминались только удачи, а неудачи, которых было не меньше, чем удач, отодвинулись куда-то в небытие, будто они не имели для меня никакого значения. В этом радушном настроении принялся было перебирать по записи на календаре то, что мне предстоит выполнить до конца рабочего дня, как кто-то тихо, неуверенно-тихо постучал в дверь. На мой веселый возглас: «Пожалуйста!» — дверь медленно, узко, не до конца приоткрылась, в нее протиснулся маленький человек с седенькой

Created by free version of 2PDF

головой, в потертом полупальтишке. Человек остановился у двери и почти шепотом прошепелявил: «Здравствуйте, Мажит Муканович!» — и при этом, как провинившийся мальчишка, мял в руках шапочку. С меня слетела счастливая безмятежность, я вскочил и бережно усадил гостя на диван.

– Спасибо, спасибо, Мажит Муканович, знаете, дело стариковское — легко дрогну, зябко что-то,— пробормотал старик, располагаясь на диване и откладывая в сторону шапку. Ему было, наверное, на самом деле зябко: он хохлился, ежился и беспокойно тер руки. Мне стало как-то не по себе от того, как всего минуту назад был далек от мысли, что в этот погожий октябрьский день кому-нибудь, может быть, неуютно в нашей прекрасной столице. Старик повернул в мою сторону лицо — я видел, как дрожит маленькая бородка клинышком и моргают подслеповатые глаза — робко, очень робко, каким-то извиняющимся голосом сказал:

– Мажит Муканович, я — пенсионер, работал здесь доцентом. Я решил вас побеспокоить; стало холодно, а у меня со старухой уголь кончился... Хотел к директору пойти, у него приемный день к концу недели... Вы уж извините, решил к вам постучаться... Дни все холоднее...

— Хорошо, что зашли... правильно сделали... Я же ваш ученик. Вы должны меня помнить...— суетливо бормотал я.

— Стар... Стар Мажит Муканович... Извините, не помню...

— Как вы блестяще читали... Как вы оживляли аудиторию выдержками из своей «химической поэмы»,— неудержимо продолжал я. Когда упомянул о «химической поэме», старик дернулся, всплеснул руками и нервно произнес:

— Мажит Муканович, вы не вспоминайте мне этих глупых стишков... ведь из-за них я пострадал... И стишки были глупые... И сам я был глупым...

Я, дорогой друг, по-видимому, был очень растерян в связи с приходом неожиданного гостя, ибо даже не сразу сообразил, какую страшную бестактность совершил, напомнив ему о «химической поэме». Старик так разволновался, что я не нашел другого выхода, как немедленно повести его к директору, познакомить с ним, и рассказать о просьбе гостя. Кемельхан Айтпаевич умел понимать нужды людей, он с большим вниманием выслушал нас и, вызвав заместителя по хозяйству, распорядился не только выделить уголь, но и посмотреть его жилище и сделать необходимый ремонт. В то время многие наши преподаватели жили в неблагоустроенных квартирах, и директор знал, что

Created by free version of 2PDF
Sukeev University

они, эти квартиры, собой представляют. Старик был растроган заботой, растроган настолько, что не знал, как и благодарить. Он, очевидно, не привык просить и искренне извинялся за то, что отнял у нас столь много драгоценного времени, голос его срывался от неожиданной радости.

Проводив, несмотря на его протесты за излишнее внимание, до тротуара, я стоял и смотрел, как бодро и весело засеменил старенький, кургузенький человечек, обрадованный привалившим счастьем; ему, наверное, невдомек, что для него не было сделано ничего сверх того, что полагалось сделать человеку, находившемуся на заслуженном отдыхе. Я стоял и думал: как много на свете созданий, взбодрить которых так же легко, как и тяжело ранить, и как мы, ненароком сбивши иных с круга жизни, не находим внимания, ласки и сердечности, чтобы вовремя встряхнуть и вернуть их к той полезной деятельности, которую они вели до этого, не обращая ничьего внимания на значение своей личности и никого не обременяя своим бытованием. С горечью думал о том, как я в свое время был глуп и самоуверен, что стал участником неправедного шума, враз превратившего жизнерадостного, летавшего на крыльях чувства полезности людям, легкого, остроумного доцента Бугрова Василия Викторовича в такого вот прибитого, робкого, несчастного, старого воробышка, которому зябко и холодно в теплые, погожие дни среднеазиатского октября и который чувствует себя виноватым, обращаясь за тем, что он должен был бы требовать, сидя дома, а не ходить, стучаться, просить. Ты уже чувствуешь, наверное, друг, что хочу теперь рассказать о том, почему было бестактно с моей стороны напомнить Василию Викторовичу о «химической поэме».

Помню, как молодо и весело взбегал он на возвышение возле доски в своей просторной, старомодной толстовке с широким нетуго застегнутым матерчатым поясом и как мы, предвкушая самую нескучную лекцию из всех, которые нам приходилось слушать, дружно и улыбчиво приветствовали его. Он не всходил на кафедру, а останавливался возле и, облокотившись об нее, на некоторое время застывал в задумчивости, вспоминая, на чем кончил в прошлый раз. Потом вскидывал голову и начинал: «В прошлый раз, друзья мои, я вам, кажется, сказал... Сие должно быть записано у вас. Проверьте. Теперь, с вашего позволения, продолжу эту мысль...» И он очень красиво, изящно, последовательно продолжал излагать научный материал. Говорил он четко, но быстро и отрывисто, что вначале нам затрудняло запись, потом мы приспособились, ибо он главное и основное повторял, делая необходимые паузы. Никакими конспектами, записями, планами он не

Created by free version of 2PDF
Sukhoi University

пользовался. Часто вслед за ним приходил лаборант, взгромождал на кафедру набор склянок, пробирок, препаратов и реактивов, и Василий Викторович искусно, эффектно, артистически, смахивая при этом на фокусника, демонстрировал те или иные химические реакции или явления, сопровождающие их. От лекций Василия Викторовича сохранилось у меня чувство какой-то сочности, емкости, красочности при полном сохранении научной глубины излагаемого. Такое впечатление, по-видимому, сложилось потому, что Василий Викторович прекрасно знал исторические истоки открытий, из которых сложилась читаемая им наука, владел огромной массой сведений из творческой биографии множества химиков и умел очень кратко, очень увлекательно и к месту рассказать подходящий эпизод из прошлого химии, что легко закрепляло в памяти научную суть изложенного. Мы не знали ничего о личных вкладах в химическую науку нашего любимого лектора, очевидно, они были настолько скромны, что не было необходимости упоминать о них ни самому Василию Викторовичу, ни другим, однако мы хорошо знали, что наш уважаемый доцент любил свою науку, любил беспредельно. И этой любовью он заражал слушателей. Мы каждый раз ожидали окончания того или иного раздела читаемого им курса, ибо резюмировал он прочитанный раздел, как правило, стихами из сочиненной им же самим «химической поэмы». Это было рифмованное изложение химических свойств элементов по Менделееву, их мы с восторгом слушали, поражаясь тому, как искусно автор в рифмованные метрические строки втиснул строго научные термины. Не знаю, мой дорогой друг, как эти стихи выглядели с точки зрения поэзии, но нам они казались интересными и привлекательными. К сожалению, память моя сохранила лишь жалкие обрывки из того, что цитировал тогда Василий Викторович из своих «химических стихов». Помню, например, как, заканчивая раздел, посвященный свойствам всем нам известной серы, Василий Викторович прочитал, держа указку на клетке серы в менделеевской таблице, висевшей над доской:

В таблице этой в группе шесть
Под кислородом сера есть:
Тридцать два — атомный вес,
Четыре изотопа входят в смесь.

Всем знаком среди примет
Серы ярко-желтый цвет,
Сера трется в порошок
И выплавляется в кусок.

Created by free version of 2PDF

Сера в воздухе горит —
Выделяет ангидрид.
Ангидрид — сернистый газ,
В едком натре растворясь,

Серу вводит в новый вид,
Образуется сульфид.

Так вертится сера в мире
При валентности четыре.
Есть еще валентность шесть,
Ликов серы в ней не счесть.

Добиваясь простоты,
Коснемся серной кислоты...

Далее рассказывал о свойствах серной кислоты и ее солей-сульфатов. Так интересно читал нам лекции Василий Викторович Бугров, вмещая в жесткую программу и шутки, и образные сопоставления, и примеры из истории науки, и много другого, что помогало нам легко усваивать большой объем научных знаний.

Помню, когда мы уже заканчивали институт и, будучи отягощены иными заботами, мало вспоминали о лекциях старого доцента, нам стало известно, что Василию Викторовичу исполнилось шестьдесят лет. Не было ни одного студента, равнодушного к этой дате, небольшой зал был битком набит, стол президиума завален цветами, студенты от имени курсов и групп выступали с поздравлениями, читали стихи; словом, чествовали Василия Викторовича тепло и весело. Перед ответным словом растроганный юбиляр не удержал слез, затем взял себя в руки, утер платком глаза и, внезапно изменившись в лице, сурово обратился к молодой особе, сидевшей с краю стола президиума, и, «злобно» сверкая маленькими глазами, трагически произнес:

Коварная!... Из стен потайных сейфа
Зачем открыли возраст мой?!
Я, как корабль, лег на дрейфе
С разбитой мачтой и кормой...

Молодая женщина, работавшая инспектором отдела кадров в институте и следившая по обязанности за юбилейными датами сотрудников, растерянно и смущенно заулыбалась, юбиляр же продолжал:

Created by free version of 2PDF
Sukeo University

– Вы, пожалуйста, не смущайтесь, мужчины во все века и во всех странах не такие коварства прощали женщинам, и я вам тоже прощаю это страшное для меня коварство...— зал застонал от смеха и зааплодировал. Затем он остроумно варьировал на тему, что ему хочется быть молодым всегда для того, чтобы быть среди молодых, для того, чтобы те знания, которые он собирал по крупицам и систематизировал в памяти всю жизнь, передать неизменным друзьям — студентам, которые, лишь меняясь в лицах, остаются постоянной средой, в которой он счастливо обитает вот уже более тридцати лет, и что вне этой среды никогда не чувствовал радостей бытия и полезности своего существования, Слова благодарности за теплое чествование потонули в продолжительном громе аплодисментов.

Таков был доцент Василий Викторович, и никто тогда не предполагал, что вскоре он перестанет читать свои веселые лекции, перестанет находиться сколь угодно долго в лаборатории со студентами, не уходя до тех пор, пока не убедится, что они до конца уразумели то, что он им толковал. Однако в жизни Василии Викторович оказался очень хрупкой натурой, он отступил при первой случайно разразившейся беде и, потеряв среду, которой он жил и дышал, превратился в жалкого в своей неуверенности, робкого просителя-старика, которым я теперь его увидел. Дело же было вот в чем. Тогда было в моде жесткое и догматическое толкование руководящих нашей жизнью идейных положений. Был у нас сокурсник (правда, он учился на другом факультете) по фамилии Поссум, который считал себя глубоким знатоком в этом деле и считал своим долгом помогать в разоблачении «теоретических ошибок», допускавшихся другими, в особенности преподавателями. Василий Викторович безмятежно цитировал нам свою «химическую поэму», мы ничего в его стихах сверх того, что они хорошо помогали усвоить учебный материал, не подозревали и не обращали внимания, например, на такие строки, касавшиеся круговорота химических элементов в природе:

В материальной круговерти
Элементы лишь в бессмертии.
Выступая в разных лицах,
В круге замкнутом кружится
Атом, чтобы возвратиться
В исходный пункт, в колее обычной
Повторяя путь привычный

Created by free version of 2PDF

Стихи уважаемого доцента казались мне довольно строгими, без каких-либо отклонений, рифмованным рассказом о свойствах элементов веществ, ими образуемых. Мне теперь даже думается, что общих суждений, подобных приведенному, в стихах его и не было, и эти строки были, по-видимому, единственными в том роде, и за них так ловко ухватился Поссум.

Не знаю, как это началось, но мне рассказывали, что Поссум вначале тоже не обращал внимания на эти стихи и лишь прозрел мгновенно тогда, когда, придя с какой-то вечеринки, друг Поссума, влюбленный в Василия Викторовича, прочитал ему приведенные звучные строки. Прозрел, действительно, мгновенно, ибо тут же стал ошарашенному другу задавать вопросы, ошеломив его сокрушающей логикой своих суждений: атом остается «в колее обычной, повторяя путь привычный», а где же тут место для прогресса и перспективы, где же тут та вдохновляющая спираль, когда повторение должно происходить на более развитой, на более высокой ступени? Ничего подобного нет! Это же проповедь тупика, безверия в будущее, безверия в прогресс! Поссум на другой день пошел к одному из руководящих деятелей института, который пришел в восторг от внезапного прозрения Поссума и от его бдительности. И колесо закрутилось. «Крамольные» строки «химической поэмы» цитировались на совете и собраниях; нашлись последователи Поссума, и автор так называемой «химической поэмы» был повержен.

Рассказывали, что он при обсуждениях растерянно молчал и лишь один раз, поднявшись на трибуну, тихим, извиняющимся голосом сказал, что он, действительно, сочинял глупости, в чем кается. Больше не проронив ни слова, он подал заявление об оформлении на пенсию. С тех пор я его не видел и не представлял себе, что он живет рядом, в старом, неблагоустроенном институтском доме.

Мой друг, ты сам хорошо помнишь то время, о котором пишу. Тогда, ты знаешь, находились люди, совершенно уверенные в том, что науке можно предписывать истины: когда, например, в биологии некая самоуверенная личность могла диктовать надуманные постулаты, не терпящие обсуждения, и в силу этого признающая вредными и даже лживыми выдающиеся достижения всего предшествующего научного опыта человечества в такой решающей области познания природы живого, как, скажем, генетика, когда в других научных областях нахраписто ниспровергались многие положения, в особенности новейшие из них, как не соответствующие неизвестно откуда происшедшим предвзятым канонам. В нашей химической науке это выражалось в том, что

Created by free version of 2PDF

новейшая область ее — квантовая химия, родившаяся из невозможности применять методы изучения явлений к изучению явлений микромира — мира молекул, атомов, электронов и частиц атомного ядра – и силу этого предложившая новое, не укладывающееся в тогдашние привычные рамки и представления, воспринималась с большим подозрением. И, может быть, поэтому ее научные основы нами в институте не изучались (хотя и были достаточно разработаны), и мне пришлось с большим трудом усваивать их позже самостоятельно, ибо многие научные вопросы, с которыми я сталкивался, невозможно было объяснить без квантохимического подхода. Естественно, что нетерпимость и диктат при обсуждении научных проблем приказали долго жить, а ученые, взгляды многих из которых так или иначе тогда подвергались несправедливому осуждению, вспоминают это время, как, может быть, даже необходимое отступление для глубокого, необратимого осознания особой ценности свободы и непринужденности в делах научного творчества. Все это говорю к тому, что торжествующая нетерпимость рождает и распространяет вокруг невнимательность и черствость, сковывает в людях самые лучшие чувства. Я думал, будь с Василием Викторовичем внимательные коллеги, отнесшиеся с чувством, вовремя взбодрившие его, он бы мог еще определенное время работать с большей отдачей, чем многие преподаватели, которых я знал. В частности, на той же кафедре, рядом с Василием Викторовичем продолжал работать дряхлый мрачный доцент, намного старше Бугрова, нагоняя на студентов уныние и умственную дремоту своей нудностью. Ко мне через несколько дней после посещения Василия Викторовича пришел старый, толстый, еле передвигающий свое рыхлое тело профессор, который давно перестал заниматься делом, но не перестал занимать кафедру. На мой осторожный намек, что ему, наверное, трудно из-за возраста и здоровья заниматься руководством кафедрой, он с наивной прямотой ответил: «Мажит Муканович, мне руководить кафедрой нетрудно, мне лекции читать трудно», — как будто чтение лекций — не первейшая обязанность руководителя кафедры. Не таким человеком был доцент Бугров. Позднее он признался одной своей ученице, что к решению уйти с работы он пришел не из-за осуждения каких-то там ошибок, а из-за того, что, когда начали вкривь и вкось цитировать его химические стихи, он почувствовал отвращение к своим неуклюже-игривым виршам, ему показалось, что своим стихоплетством он профанировал святая святых — научную истину, что кощунствовал над ней, не придерживаясь строгого академизма в изложении научного материала. Так сурово он осудил себя. Это для него было крушением.

Created by free version of 2PDF

Не нашелся никто, кто бы достаточно авторитетно и убедительно доказал ему, как он глубоко заблуждается и каким он полезным человеком является со своими знаниями, со своим трепетным, бескорыстным желанием приобщить к этим знаниям других.

Здесь, дорогой друг, хочу сделать одно небольшое, как мне кажется, приятное для представителя твоего цеха отступление, ибо мы, может быть, не всегда внимательно вчитываемся в строки писателей, этих проникновенных сердцеведов. У писателей все о брате-человеке сказано, но брат-человек, к сожалению, не всегда знает, и если знает, то не всегда осознает поучительность сказанного. Потому-то, наверное, не всегда обращается внимание на стихотворение Владимира Маяковского с нарочито деловым названием: «Хорошее отношение к лошадям». На Кузнецкой усталая, старая лошадь на круп грохнулась, и сразу за зевакой зевака, штаны пришедшие Кузнецким клешить, сгрудились, смех зазвенел и зазвякал. Нашёлся единственный человек, поэт, который продрался к лошади сквозь гогочущую толпу и увидел «...глаза лошадиные» и на них слезы тоски и бессилия.

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
Чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
Все мы немножко лошади,
Каждый из нас по-своему лошадь».

Вот этого участия и внимания было достаточно, «...лошадь рванулась, встала на ноги, ржанула и пошла».

Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
Стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

Как порою малого не хватает нам — внимания, чтобы вернуть нас после внезапных и нечаянных аварий к делу, к жизни, к ощущению молодости. Этого не было, к сожалению, когда Василий Викторович решил отойти от любимого дела и, живя рядом с нами, быстро увял вне привычной среды.

Created by free version of 2PDF
Suketov university

Пишу, друг мой, эти строки, а сам, не переставая, думаю о своей вине перед Василием Викторовичем, которая вызвала (и вызывает доныне) во мне много горечи, особенно после того, как старый доцент посетил меня в качестве пенсионера-просителя.

Дорогой друг, все продолжаю писать об этих эпизодах из своей административной деятельности, и, хотя они, эти эпизоды, касаются научных работников, коими являются преподаватели и профессора высшей школы, ты вправе полагать, что я, увлекшись учебными делами института, забыл о своих научных интересах, забыл о главном, что удостоило меня твоим вниманием. Могу похвалиться, что не забыл об этом главном. Меня это главное постоянно беспокоило, во мне сидел червь, непрерывно напоминавший о том, что я — научный работник, и мне было неприятно, что почти в течение пяти-шести лет после защиты кандидатской диссертации не имею каких-либо сдвигов, обозначающих круг проблем, чтобы отдаться им преданно и увлеченно. Первые полтора-два года работы преподавателем чтение лекций, ведение практических лабораторных занятий, руководство курсовыми и дипломными проектами отнимали у меня все время, хотя и старался выкроить какие-то обрывки дней и недель на задуманные, но зачастую не совсем удачные эксперименты. В последующие годы преподавательской работы уже имел больше времени для научной работы, однако это были не аспирантские годы, когда можно было думать об одном и том же, не прерываясь, и я иногда завидовал работникам научных учреждений, в особенности академических, которые имеют возможность заниматься в одном и том же направлении, не отвлекаясь. Теперь анализирую эти годы, когда, как мне казалось, не только лишился научных темпов аспирантских лет, но и потерял научную перспективу, в особенности в свете еще не остывшего романтического желания что-то открыть, чем-то удивить окружающих (а может быть, и мир!), и думаю, что именно эти годы были для меня наиболее плодотворными. Все это пишу к тому, что в последнее время стало модным говорить: голова — не кладовая, нельзя ее заваливать, работая на запоминание, достаточно представить себе источники, из которых в необходимый момент можно почерпнуть понадобившиеся знания. Хвалят профессора, консультации которого сводились к тому, что он аспиранту или студенту указывал, порывшись в своем богатом каталоге, на источники, которые тот должен прочитать. По-моему, все это верно, но только с большой, очень большой оговоркой. Дело в том, что ни у одного ученого не может появиться конкретная, ясная и совершенно новая идея, если у него нет в голове большой суммы основательно утвердившихся знаний: чем

Created by free version of 2PDF

шире, глубже, точнее, современнее он владеет наличными знаниями, тем плодотворнее, целеустремленнее он может мыслить. В свете этого я с благодарностью вспоминаю те «научно-бесплодные» годы, когда мне приходилось мысленно метаться, много читать, не только рыская по литературным источникам в пределах своей специальности, но и еще и еще раз возвращаясь и утверждая свои знания, ибо каждый раз казалось, что из-за неточности в понимании и толковании исходных положений науки не все из прочитанного в достаточной степени понятно и освоено. Поэтому ныне, когда вижу, как молодой научный работник в поисках своего пути в науке мучается в сомнениях, когда вижу, как он несчастен в бесплодной погоне за ускользающей удачей, и в то же время находит причину своих неудач в недостаточной глубине и широте научной эрудиции, я радуюсь, ибо в этой временной растерянности предвижу начало большого дела и большого научного пути.

Я, друг-писатель, кажется, чуть заболтался. Так уж устроен человек, мнится ему всегда, что-то, чем живет он, интересно всем. Я лучше расскажу тебе, как мне удавалось делать кое-какие научные поиски, поскольку, как уже писал тебе, моя научная работа не оказалась той кроной будущего большого дерева, за которым оставалось лишь усердно, умно и искусно ухаживать, чтобы оно широко, раскидисто и плодотворно ветвилось, как это получилось у моего друга Углева. Преподавательская работа была хороша тем, что постоянно приводила меня к убеждению, как много нужно работать, чтобы быть достаточно знающим наставником. Докучливые студенты-почемучки очень часто ставили в тупик своими вопросами, и, хотя в то время не всегда было приятно сознаваться в своем невежестве, теперь хорошо понимаю, что именно студенческая пытливость заставляла меня с лихорадочной поспешностью осваивать и переосваивать многое с той глубиной и точностью, какая необходима для того, чтобы научная осведомленность учителя стала добротным достоянием учащихся. Мне казалось, что есть люди, которые имеют удивительный талант знать много и точно. В этом отношении меня поражал Артем Юрьевич Кузьмин, который кончил наш институт вместе с Углевым, и, проработав несколько лет на производстве, поступил в аспирантуру на нашу кафедру. Артем занял аспирантскую комнатку и норовил своей персоной распространиться на весь лабораторный зал, ибо у него приборов, реактивов, склянок было в несколько раз больше, чем у нас с Сергеем, и все почему-то требовалось ему одновременно. Лобастый, толстогубый Артем, не мигая глубоко сидящими карими глазами, при необходимости извлекал из себя такое количество научных сведений, что можно было

Created by free version of 2PDF

подумать, начальник смены в цехе (Артем занимал на производстве эту должность) имеет самые наилучшие условия для самообразования и накопления знаний. Артем поражал нас еще тем, что в лаборатории он работал 16-18 часов в сутки, побив все наши рекорды. Сергей, Гайнитдин и я однажды, смеясь, признались ему, что он, энтузиаст творческой мысли, прибывший непосредственно из горнила производственного труда, показывает своим лучшим примером, что аспиранты, работавшие здесь до него на кафедре над своими темами, были несусветными лентяями и им были неведомы ни истинная преданность науке, ни беззаветная любовь к ней.

Коренастый крепыш Артем знал толк в юморе и был не очень церемонным человеком в обращении с друзьями. Он сказал:

– Что вы ржете, как лошади? Если бы вас ждали за две тысячи километров отсюда престарелая мать, жена и двое детей в надежде, что вот-вот вернется их кормилец с ученым дипломом и будет их кормить и одевать с большим успехом, чем было до этого, вы бы обрели не меньшую преданность и любовь к науке, чем я.

Артем работал, обычно распространяя вокруг себя беспорядок и грязь. К тому же он не допускал никаких замечаний по этому поводу, потребовав раз и навсегда не мешать ему работать. Даже властная Варвара Кондратьевна, повелевавшая нами без особых трудностей, и та отступила и не подходила к нему. Артем рычал на всех на кафедре, кроме Дмитрия Викторовича, будто все они появляются для того, чтобы мешать ему. И тем не менее все любили его, ибо за этим звериным рыком, ершистостью в характере и угловатостью манер нетрудно было распознать добрейшую душу, склонную скрывать внутреннюю нежность к окружающим за нарочитой угрюмостью и грубоватой прямолинейностью. Артем занимался комплексным использованием редкометаллического сырья и изучал очень сложный способ его переработки, требовавший отличного знания поведения каждого элемента из того десятка, который надо было извлечь. Теперь это проводится на наших предприятиях сравнительно просто, тогда же все казалось страшно сложным и непреодолимо трудным в осуществлении. Слушая Артема, я не всегда улавливал тонкости процесса, и потому мне захотелось продублировать то, что уже однажды проделал Артем. Я считал, что это позволит закрепить в памяти очень нужные детали. Сначала попробовал изучить процесс на бумаге, подробно расспрашивая Артема, и, пока понял суть и последовательность химических операций, получил несколько грубых замечаний со стороны «учителя» насчет моих умственных способностей. У меня хватило выдержки, чтобы улыб-

Created by free version of 2PDF

нуться на замечания, хотя Артем непроницаемо сохранял вид угрюмого требовательного наставника. Поработал я у него недели три, приходя примерно в четыре-пять после полудня и уходя в одиннадцать-двенадцать ночи. За это время Артем понукал мною, как хотел, не скупясь на всякого рода прозвища и обращаясь со мной, как с бестолковым, малоопытным, безответственным и робким лаборантом. Я это все вытерпел, ибо мне важно было прощупать своими руками и увидеть своими глазами то, над чем с большим знанием и искусством колдовал Артем. Я оказался неплохим учеником, и данные, которые получил, понравились моему наставнику.

– Спасибо, Мажит Муканович, ты сберег мне две недели работы и показал, что любой дурак может проделать то же, что и я, если он... не глупей меня. Раскрою теперь твой секрет. Я был уверен, что ты решил поиграть с этой работой день или два, чтобы засвидетельствовать свое любопытство и свою скромность передо мной, аспирантом, взирающим на тебя, как на человека, уже достигшего лелеемых мною высот науки, и грубил тебе нарочно. Молодец, ты выдержал, но и я молодец, до конца не сказал, как мне приятно было куражиться над тобой. Я все же рассчитывал, что ты как-нибудь взорвешься, и я тогда паду к твоим ногам и все кончится миром. А ты, толстокожий вол, мычишь и работаешь. Спасибо тебе за это, Мажит. Ты мне сберег достаточно времени, и по этому случаю хочу серьезно отдохнуть. Ухожу. Буду отдыхать.

Было где-то часа три пополудни. Я спросил у Артема, сколько дней он собирается отдыхать.

– Что ты, сколько дней... Днями я не могу. Пойду сейчас в магазин, куплю молока, приду в свою комнату, выпью, возьму реферативный журнал «Химия», лягу в постель и буду читать до тех пор, пока не засну. Спать буду 10-12 часов. Завтра проснусь, как огурчик, как стеклышко, голова будет соображать, как у Эйнштейна. Вот увидишь.

Кузьмин ныне работает в том же институте, что и мой друг Сучков, который, помнишь, уговаривал меня не быть глупцом и остаться в аспирантуре. Артем — один из ведущих научных работников этого института, постоянно руководит лабораторией, занимающейся очень важными темами. Он давно достиг уровня доктора наук, но защищаться ему недосуг, захлестывают все новые научные заботы. Боюсь, что в этом до некоторой степени повинен и его метод отдыха, которому, как мне кажется, он до сих пор не изменил.

Дмитрий Викторович как-то пригласил меня (это было на втором году работы моей преподавателем) и сказал:

Created by free version of 2PDF

– Мажит Муканович, есть у меня один сотрудник в Академии. Трудяга, хороший экспериментатор. Выполнил очень много опытов и получил, как мне кажется, неплохие результаты. Но я посмотрел, как он обрабатывает эти данные, и расстроился. Он явно не сможет увидеть многое, что следовало бы. Может быть, вы поработаете с ним?

Не знаю, в тот же день или на другой пришел ко мне этот сотрудник Дмитрия Викторовича, простоватый на вид человек средних лет, и, припадая на одну ногу (он был инвалидом войны), стремительно подошел ко мне и подал большую, шершавую руку.

– Мажит Муканович, я к вам по рекомендации Дмитрия Викторовича.

– Шеф говорил мне о вас. Рад вас видеть.

Человек этот был прост и наивно бесцеремонен. Он, не спрашивая ни меня, ни других, находившихся на кафедре, закурил дешевую папиросу и сказал, вытаскивая из старенького, потертого портфеля пачку грязных ученических тетрадей:

– Вот наработал, Мажит Муканович, и не знаю, что с этим наработанным делать. Написал было, начал толковать Дмитрию Викторовичу и постарался потихоньку отойти от него. Все обдумывал, советовался с другими. Пока ничего путного не придумал, боялся, что Дмитрий Викторович снова спросит. И вдруг передает через лаборанта, чтобы я зашел к вам со своими тетрадками... Он, видно, понял, что мне самому не разобраться... Поздно я пришел в науку, и, может быть, не по мне это дело. Голову свежую надо иметь.

– Что вы, Андрей Петрович, это, в общем-то, закономерно. Человек варится в собственном соку и кружится сам в себе, т. е. не всегда может взглянуть на собственные дела со стороны. Нужен бывает посторонний глаз, чтобы заметить важное и главное. Дмитрий Викторович, по-видимому, считает, что в этом вам может помочь мой глаз. Ну что же, давайте посмотрим...

– Мажит Муканович, я понял вас так, что нормальный научный работник должен иметь два глаза, — последние слова он сказал с таким ударением, что я засмеялся, но мой собеседник продолжал свою мысль, как будто и не слышал смеха, — только эти два глаза должны быть разные: одним он должен смотреть сам, а другим кто-то другой на него, на его дела. Этого я никогда не пойму. У меня оба глаза одинаковы, и смотрю ими только я. И дай бог, чтобы они видели при этом не слишком криво.

Created by free version of 2PDF

Андрей Петрович Тарасов с бесхитростной прямотой и непосредственностью начал рассказывать мне о сути своих экспериментов. Говорил он сбивчиво, скромно и был совсем не в восторге от своего экспериментального материала. Недели две мы размышляли, листая его грязные тетрадки, в разных вариантах переписывая многочисленные цифры, заключенные на клетчатых ученических страницах, и делая самые разнообразные расчеты. Материал был для меня нов, и мне приятно было, что я довольно дотошно разобрался в нем. Когда я однажды указал Андрею Петровичу на одну интересную закономерность, вытекающую из сопоставления внешне не близких и неродственных зависимостей, он пришел в такое волнение, что не смог усидеть и, припадая на правую ногу сильнее обычного, точь-в-точь, как старик Мелехов из романа «Тихий Дон», зашагал вокруг стола, за которым мы сидели. Его ужаснула мысль, что эту закономерность, не будь меня, никто бы и не обнаружил, и осталась бы она вещью в себе. Я почувствовал, как расту в его глазах и как он смотрит на меня, почти как на оракула. Между тем, это была закономерность, которая в данном случае требовала для обнаружения, конечно, некоторого раздумывания, но все же ее мог найти любой научный работник, обладающий даже небольшим научным опытом, каковым, например, являлся я в то время. Когда мы пришли к выводу, что для окончательного подтверждения этой закономерности надо выполнить еще кое-какие эксперименты, я выразил мнение, что они, эти эксперименты, могут оказаться одному Андрею Петровичу не под силу, потому что требуется некоторое улучшение методики и некоторая переделка установки, на которой он работал. Андрей Петрович, по-видимому, пришел в испуг от одной лишь мысли, что кто-то будет вмешиваться в его хозяйство, и совершенно уверенно сказал, что он все сделает сам и никакая помощь ему не нужна. И он, действительно, выполнил эти эксперименты в рекордно-короткий срок и со всей возможной тщательностью и скрупулезностью. В общем, месяца через три-четыре мы положили на стол Дмитрия Викторовича солидную статью с кривыми, математическими выкладками и формулами, иллюстрационными рисунками для окончательного просмотра и благословения. Андрей Петрович был очень рад такому результативному окончанию нашей работы, но, как я понял, не тому, что он становится автором серьезного научного труда, а скорее тому, что из его экспериментов получились такие интересные, цельные, разумные суждения, нужные для науки. Он приходил в ребяческий восторг от той красоты абстракции, которая рождалась из его, как ему казалось, грубой работы, выполняемой его большими мозоли-

Created by free version of 2PDF

стыми руками. Ради той красоты он мог, как я почувствовал, экспериментировать не покладая рук. Он готов был понять и выполнять понятое, а толкование результатов своих опытов предоставлял других. Это был очень своеобразный человек. Когда я сказал, что удивившая его закономерность обнаружена мной потому, что я долго, мучительно думал и даже последние дни плохо спал, он пришел в неописуемый восторг и тут же сделал вывод, что на это нужно иметь дар, а даром долго думать его бог не наградил. Он тоже, конечно, думал, но над вещами, которые были у него под рукой (например, над тем, как улучшить прибор, как лучше сделать опыт), а над вещами, которых у него нет, которых он не видит, он не мог думать. И поэтому спит всегда спокойно. Он не знаком с такими явлениями, как думать и не спать. Все это говорил он, как всегда, серьезно, но думаю, что он кое-что нарочито утрировал, пряча улыбку в себе. И все же это в основном была правда, Андрей Петрович был поэтом научного эксперимента, и для того, чтобы он работал вдохновенно, ему надо было подробно разъяснить цели, задачи и выводы из его экспериментов. Больше ему ничего не требовалось. Когда же этого не делали, поручая ему слепые задания, он выполнял все, что требовалось, аккуратно, но вяло и серо. Словом, Андрей Петрович относился к числу тех бесчисленных и безымянных, чей бескорыстный и преданный труд лежит в корне многих достижений в экспериментальных науках...

Кафедра ежегодно отправляла студентов на преддипломные и производственные практики. Я, как и все преподаватели кафедры, выезжал с ними и бывал на самых разнообразных предприятиях страны. Приходилось подробно знакомиться с технологией, инженерным оформлением процессов, различными интересными новшествами — плодами творческой энергии инженеров-производственников. Плохо знать производство не позволяли студенты со своей несносной привычкой задавать самые неожиданные вопросы при ознакомлении с особенностями и деталями промышленного осуществления процессов, известных им по лекциям и учебникам. Поэтому я, как молодой преподаватель, старался предупредить студентов, заранее изучая инженерные данные предприятия. На одном из известных уральских заводов я знакомился с цехом по извлечению драгоценных металлов и побочного промежуточного продукта главного производства, и мне показалось, что все в этом цехе должно быть осуществлено иначе; многое делается без подсказа теперешней научной мысли. Размышления давали повод думать, что причиной этого является не только то, что люди как-то свыклись с существующим положением вещей,

Created by free version of 2PDF

но и то, что многое не изучено, не понято и не предложено в виде, приемлемом непосредственно для практического использования. Ходил целыми днями по цеху, надоедал, возможно, своим присутствием рабочим и инженерам; подолгу простаивал у каждого аппарата, у каждой операции, расспрашивал о деталях, и на меня наплывали различные соображения, которые я боялся высказать не только потому, что эти соображения шли вразрез с тем, что делалось, но и потому, что, высказывая незрелые, экспериментально малоизученные, недостаточно подтвержденные суждения, легко можно было прослыть химическим Дон-Кихотом. Ходил внешне непроницаемый, уравновешенный, выглядел, наверное, любопытствующим дилетантом, а внутри, в мыслях беспокойно ворочались угловатые обломки, ершистые обрывки чего-то неясного, расплывающегося, не успев с достаточной рельефностью зафиксироваться в воображении, и я маячил и маячил в цехе, вызывая своей толстой, не вписывающейся в общий колорит персоной насмешливую улыбку сухопарых тружеников производства. Я убеждался, что вся технология, в общем-то, велась химически грамотно, но какой-то внутренний голос мне подсказывал, что уровень этой грамотности не соответствует сегодняшнему дню, что возможны иные, более современные варианты, которые сократят число операций, обезопасят труд, упростят обслуживание, позволив автоматизировать процесс и т. д., и т. д. Цех работал в тесном здании, предполагались реконструкция, расширение рабочей площади в несколько раз, а технология, как я понял из объяснений, оставалась той же: неудобной, грязной, требовавшей много ручного труда, алхимического колдовства над большинством операций. В общем, было отчего волноваться.

Ты, друг мой, уже уловил, должно быть, что я начал рассказывать о том переломном моменте в своей научной биографии, который имел для меня решающие последствия. Я волновался и думал, думал и волновался в этом небольшом уральском рабочем городке, и мне, естественно, тогда не приходило на ум, что соображения, посетившие меня в этом цехе, явятся отправной точкой всего того, что я смог сделать в жизни, желая внести свою лепту в ту область научных изысканий, где решил себя проявить. Волнение, которое описываю, разумеется, не относится к разряду волнений той ночи, которые описывал Наполеон, когда окончательно решил стать властелином Франции, но все же я решаюсь привести эту аналогию, чтобы ты посмеялся. Этим хочу подчеркнуть и то, как я и до этого бывал на производстве, ходил по цехам с аналогичной технологией и, наверное, с аналогичными изъянами, но

Created by free version of 2PDF

как-то не случалось, чтобы приходил в подобное же волнение. По-видимому, для этого недостаточна была школа, которую я прошел, обучаясь в аспирантуре; это волнение могло придти только после того, как я вобрал в себя все, что дали мне преподавательская работа и исследования, проводимые мной на кафедре в меру своего научного опыта в свободное от учебы и общественных работ время. Среди исследований немалое место занимали и те разведочные экспериментальные набеги, которые мне удавалось совершить в различных направлениях в нелегких раздумьях над своей будущей научной судьбой. Я не случайно выше рассказал тебе о двух запечатлевшихся в памяти случаях из моих научно-поисковых упражнений того времени, ибо именно подобные пробы на профессиональное умение давали хорошую пищу для раздумья и размышлений и, может быть, наряду со всеми другими в наибольшей степени подготовили меня к тем волнениям, которые я испытывал тогда в этом маленьком цехе уральского завода. Мне не терпелось вмешаться в цеховые дела, и я решил сделать предложение об упрощении одной из многочисленных операций в сложной технологической цепи разделения и получения драгоценных металлов. Над совершенствованием этой операции немало работали и до этого, поскольку не изменилась суть процесса, радикальные улучшения не получались. Я знал, что изменения технологических рецептов, принятых в производстве, дело весьма ответственное и серьезное, это означало, что я должен сделать все, чтобы мое предложение было не только понятным, но и убедительным в смысле осуществления в условиях цеха. Я выдержал и последнее условие, выполнив с двумя студентами-дипломниками за две-три недели небольшое исследование в центральной заводской лаборатории и повторив конечный результат непосредственно в цехе. Ты сейчас удивишься, если скажу, что наше предложение было принято к внедрению, но... не внедрено. Не удивляйся, так, к сожалению, бывает, этому примеров ты сам немало знаешь. В дальнейшем на моем пути встретится немало подобных случаев. Это было мое первое деловое соприкосновение с производством, и потому было так неприятно, что оно окончилось столь неудачно. Могу похвалиться, что меня не обескуражило это, возможно потому, что, во-первых, результаты проведенного тогда на заводе небольшого исследования, после некоторого уточнения на кафедре, были опубликованы и вошли во все учебники как простейший способ удаления одного из веществ-примесей, встречающегося в любом минеральном сырье; во-вторых, именно через это исследование и через эту попытку вмешаться в производственную технологию я

Created by free version of 2PDF

сблизился с двумя коллегами, с которыми сотрудничаю и поныне. Вот об этом последнем, пожалуй, стоит тебе рассказать. Дело в том, что, когда я пришел в центральную заводскую лабораторию и попросил у начальника лаборатории место для работы, тот пригласил к себе инженера, который смотрел своими раскосыми, узенькими, серыми глазами чуть исподлобья не то недоверчиво, не то боязливо, и сказал, знакомя нас, что Николай Алексеевич Полубричкин (так звали инженера) назначается мне шефом и будет обеспечивать всем необходимым для работы.

– Ну что вы, — сказал Полубричкин, не меняя угрюмого выражения на лице,— какой я шеф... кандидат наук... Дай бог помощником нормальным...

– Нет, нет, вы больше, доскональней знаете технологию завода, возможности лаборатории, вы — хозяин и шеф,— великодушно подхватил я, хотя инженеру Полубричкину в его прожженном в нескольких местах кислотой синем халате, висевшем на нем мешком, с его зачернелыми от постоянного соприкосновения с реактивами пальцами, на самом деле никак не подходило положение шефа.

Николай Алексеевич оказался человеком малоразговорчивым, и, когда я его посвятил в свою идею, он хорошо схватил ее суть, но в восторг от этой сути не пришел и сказал, не глядя на меня:

– Раз вам хочется повозиться от скуки, я вам помогу, обращайтесь, не стесняйтесь, — он говорил так, будто моя работа его не касалась и не могла касаться, его дело снабжать меня нужными реактивами, приборами, посудой и другим. Меня это задело.

– Почему от скуки? Я думаю, это нужно производству. Я вас не очень понимаю, Николай Алексеевич...

– Я не занимаюсь тем, что нужно и не нужно производству... на это есть начальство... оно, как известно, располагает.

Не очень-то вежливым и не очень-то боязливым был этот робкий на вид человек. Я почувствовал, что Николай Алексеевич не принадлежал к числу людей, довольных жизнью и склонных смотреть на вещи через светлые очки. Когда я поинтересовался, чем он занимается, он угрюмо изложил мне содержание выполняемого им исследования. Попробовал было в осторожной форме высказать замечания относительно малой актуальности его исследования, ибо можно было заранее предполагать очень незначительные технологический и экономический эффекты от его результатов, Полубричкин угрюмо ответил:

– Зато спокойнее. Тема включена в план, я ее добросовестно выполню.

Created by free version of 2PDF

Ответ был откровенно обывательский, и я, разочаровавшись в своем новом знакомом, перестал с ним разговаривать, лишь обращаясь к нему в необходимых случаях. Николая Алексеевича это тоже как будто устраивало.

В субботний день после работы Николай Алексеевич проводил меня до гостиницы и неожиданно охотно согласился на мое предложение зайти на чай. Мы обычным образом отметили наше знакомство, он быстро захмелел и стал необычайно разговорчивым. Он так и сыпал цитатами из классиков, говорил стихами известных поэтов, говорил вдохновенно и воодушевленно, поразив меня своим красноречием. Я сидел и удивлялся тому, как может ошибиться человек. Куда делся тот угрюмый, недалекий, исполнительный, равнодушный ко всему, зачерствевший в узком кругу своих обязанностей работник лаборатории, каким утвердился в моем понимании инженер Полубричкин за несколько дней совместной работы? С ним было интересно беседовать. Он оказался одних лет со мной, родился и вырос в Казахстане, окончил там техникум. Мать и две сестры его жили там. Здесь, на Урале, он окончил институт и с тех пор работает на этом заводе. Землячество сблизило нас, и Николай Алексеевич стал проводить со мной почти каждый вечер. Он был холост. Узнал об этом в лаборатории, где досужие девушки судачили по поводу его одиночества, шутливо укоряя друг друга в неумении тронуть сердце выгодного жениха. Некоторые из них, казалось, на самом деле имели на него виды, но я не заметил, чтобы Николай Алексеевич обращал на кого-либо внимание.

– Николай Алексеевич, ты что это до сих пор бобылем? Вон в лаборатории каждая готова на шею...— спросил я его однажды. Он откровенно ответил мне, что когда-то любил, любил так, что «дай вам бог любимой быть другим» (у него были на все случаи готовы крылатые выдержки из поэзии), но она, любимая, вероломно обманула. С тех пор он ни в женщин, ни в любовь не верит и на эту тему вообще старается не разговаривать.

Инженер Полубричкин был хорошим химиком и знал свое дело... Я подробно рассказал ему о своих волнениях, связанных с еще не точными и не совсем ясными соображениями относительно улучшения методов извлечения драгоценных металлов из полупродуктов, получающихся на заводе. Очень много говорил об отсутствии надлежащих научных основ в этом деле. Говорил долго и не один раз, наверное, повторяясь, ибо мне нужно было высказаться. И вообще я по своему характеру не из тех, кто придерживается совета известного поэта:

Created by free version of 2PDF

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Созреют и взойдут оне.

Я не могу удержаться, чтобы не рассказать кому-то из окружающих то, что волнует меня, то, о чем много думаю; мне становится невтерпеж, если не поделюсь с кем-то из близких заветными мыслями. И вот этой мишенью для подобных моих излияний стал на этом уральском заводе Николай Алексеевич. Он слушал меня внимательно, мы обсуждали по ходу многое из того, что я говорил, и при этом мне удалось сделать заключение, что моего собеседника мало увлекал широкий охват проблемы, он почти равнодушен был к моим экскурсам в глубинную природу явлений, но зато крепко цеплялся за какую-то конкретную вещь и тут высказывал деловые, весьма разумные соображения. По тому, как он скрупулезно и прилежно работал в лаборатории, как тщателен и дотошен был в мелочах, я безошибочно определил, что в Николае Алексеевиче сидит сильный и грамотный экспериментатор, и подумал, что, несмотря на то, что мой новый приятель, как это было заметно, слабо наделен силою абстракции, необходимой для больших серьезных обобщений, он был бы очень полезным работником научной лаборатории. О последнем не преминул даже сказать вслух. Николай Алексеевич на это вздохнул и ответил, что руководитель его дипломной работы (это был известный ученый, имевший большие связи с нашей республикой) знал это и оставлял его на кафедре, да он, дурак, не послушался. Мне показалось, что я познакомился с ним в то время, когда он начал терять интерес к своим делам. «Здесь, на заводе, — жаловался он, — так привыкли ко всему существующему, что никто не желает ничего менять. Я побыл некоторое время в роли нарушителя спокойствия и дал себе зарок этого больше не делать... Благо зарплата идет, иногда даже премия... Сколько неплохих новшеств, предложенных мною, заснули навеки в папках техотдела... Вроде никто не против, в то же время и не внедряют... Можешь быть спокоен, с твоим предложением произойдет то же. Придумал ты остроумно, но я уже не могу восторгаться вещами, о которых заранее знаешь, что они не внедрятся в практику». Я еще плохо понимал скепсис Николая Алексеевича и позволил себе не поверить ему. Но меня насторожил, заставил вспомнить предсказание Полубричкина один штрих, всплывший на заседании технического совета завода. Вначале, казалось, все шло хорошо. Я сделал коротенький доклад. Мое предложение о необходимости быстрого внедрения хорошего новшества не встретило ника-

Created by free version of 2PDF

ких возражений, и я уже было ликовал, но, оказалось, рано; поднялась начальница цеха, дама с мягкими, интеллигентными манерами, со спокойной, покоряющей улыбкой на лице, и привела массу доводов в пользу того, что внедрением предложения цех может заняться не ранее, чем через полтора-два месяца. Я знал, что аргументы эти никчемны, но не мог при общем благожелательном отношении ко мне пререкаться с начальником цеха из-за срока внедрения. Полагал, что кто-либо из членов совета или из инженеров цеха, присутствовавших там, возразит даме-начальнице, но никто этого не сделал, и ее доводы были приняты к сведению. Когда рассказал обо всем этом Николаю Алексеевичу, его узкие глаза зло и ехидно сверкнули:

– Что я тебе говорил? Это для того, чтобы похоронить. Заставишь эту бабу, почившую на лаврах, тревожиться и беспокоиться... Торчать ты здесь из-за своего предложения не будешь, уедешь на днях, а там еще будут придуманы более или менее деликатные причины для отсрочки... в общем, так будет тянуться, пока автор не устанет надоедать...

Николай Алексеевич оказался прав. Идея моя, как уже успел рассказать тебе, была похоронена, и именно таким образом, как предсказывал друг. В утешение могу отметить, что более плодотворными для нашей будущей творческой работы оказались вечерние беседы с инженером Полубричкиным. Прошло некоторое время, и Николай Алексеевич в соответствии с его желанием стал моим сотрудником. Мне не терпится сказать здесь, что мы с ним не забыли неудачи на заводе и, проводя потом сложные операции по долговременной и длительной осаде, взяли, наконец, штурмом всю технологию цеха, внося в нее коренные изменения. Но об этом после. Теперь же хочу рассказать вот о чем.

Два студента-дипломника, которых я выбрал себе в помощники, были интересными и разными людьми. Один из них, маленький, черненький, неторопливый и степенный в движениях Айкен Хасенов имел привычку, когда я его просил что-либо сделать, некоторое время постоять, подняв на меня умные, смолисто-темные глаза, а потом, как будто уверившись, что все понял до конца, спокойно и ловко приступать к делу. Когда он о чем-то думал, указательный палец его правой руки внедрялся в правый угол губ, жестко касаясь зубов. Был молчалив, скромен и понятлив. В мое отсутствие аккуратно выполнял опыты, и выполнял не хуже меня, а иногда мне казалось, что у него это получалось даже лучше. Учился всегда на отлично, но ни о себе, ни о своей учебе, вообще о чем-либо постороннем не любил говорить. Я

Created by free version of 2PDF

ему однажды шутя сделал предложение посчитать, сколько слов сегодня скажет, он стеснительно улыбнулся и просто ответил, что это перешло к нему от отца, чабана, которому в степи разговаривать было не с кем. Я почувствовал в этом его ответе гордость за родителя, недавнюю смерть которого он тяжело переживал. Он был очень рад, что благодаря ага (т.е. мне, старшему и близкому) занимается серьезным делом, и дорожил этой неожиданной честью. Я чувствовал его уважение ко мне и ранее, но по-настоящему Айкен привязался ко мне за эти полтора месяца пребывания на заводе. Айкен не сразу стал моим сотрудником, это имеет свою историю, о чем я, может быть, расскажу еще. Другим моим сотрудником был высокий, холеный красавец Еркин Таиров, парень, которому все было нипочем. У него был довольно покладистый характер, все мои указания он выполнял весело и с видимым удовольствием, но совершенно не интересуясь, к чему и для чего это необходимо сделать. Он был равнодушен и беззаботен, сразу овладел вниманием всех лаборанток, которые ему во всем потакали и баловали его. Когда однажды, оставив его продолжить начатый мною опыт, вернулся через некоторое время, он стоял и балагурил с одной девушкой, в то время как другая работала за него, выполняя мое поручение. Мне оставалось лишь улыбнуться, ибо полезность такого поведения Еркина была несомненна: все лаборанты с удовольствием помогали нам.

Не знаменательно ли, дорогой друг, что, когда передо мной стали маячить контуры тех ребят, к которым я буду прикован всю остальную жизнь, я стал обретать и привязанность людей, ставших затем постоянными спутниками в моих делах. Я имею в виду Николая Алексеевича Полубричкина и Айкена Хасенова. Но тогда никто о таких последствиях нашего взаиморасположения не думал. Это определилось позже.

Конечно, неожиданный толчок в определении многих научных интересов, полученный мной при пребывании на уральском заводе, сыграл известную роль в конкретизации круга вопросов, которыми мне суждено было в дальнейшем заниматься. Но обдумывание их, в особенности обсуждение моих замыслов с Дмитрием Викторовичем, показывало, что это был именно толчок, и не больше, и что здесь возможно решение задач, которые смогут иметь самостоятельное, не связанное непосредственно с производством научное значение. Мне не терпелось приступить к делу, но у меня, кроме себя самого и нескольких студентов, проходивших специализацию под моим руководством, никого не было. В таком положении находились и другие преподаватели кафед-

Created by free version of 2PDF

ры, и требовать особых условий для своей работы я, конечно, не мог. Студенты же, за редким исключением, работали, естественно, по-ученически, недостаточно квалифицированно, и я уже начал приходить к скептической мысли, что планы мои относительно широкого проведения задуманных исследований останутся планами, поскольку кафедра ни условиями, ни людьми для этого не располагала, и что, может быть, необходимо даже отрешиться от этих маниловских мечтаний. Я стал завидовать математикам, лингвистам, литературоведам, историкам, которые для своих научных изысканий не нуждаются ни в лабораториях, ни в приборах, ни в людях, или, если и нуждаются, то не в такой степени, как мы, представители экспериментальных наук. Должность заместителя директора ничего не прибавила к моему научному положению, кроме того, что стал бывать в лаборатории намного реже, чем раньше. В то же время не покидала мысль о судьбе задуманных исследований, и чем больше о них думал, тем больше убеждался, что избрано правильное направление. Это убеждение подкрепилось и теми отрывочными экспериментами, которые мне удалось выполнить со студентами-энтузиастами. И все же не терял надежды. Я полагал, что мне необходимо поговорить с Кемельханом Айтпаевичем, ибо знал, имеется возможность организовать небольшую исследовательскую группу, подобную той, которую имел Лев Моисеевич, но я стеснялся об этом просить директора, не зная позицию своего научного шефа Дмитрия Викторовича, который, возможно, счел бы неудобным отдать предпочтение мне по сравнению с другими учениками, и в этом случае неделикатность использования служебного положения была бы очевидной. Необходимо было ждать. Но ты, дорогой друг, лучше меня понимаешь, что значит ожидание без дела, когда цель маячит перед тобой и манит захватывающими тайнами неизведанного.

Пишу эти строки и думаю о том, как мне решительно везло в моей научной судьбе. Самым главным везением считаю, что попал в аспирантуру к Дмитрию Викторовичу, который помог мне стать на ноги не только как исследователю, но и как преподавателю высшей школы. Теперь только могу оценить, как много мне дали и сам профессор Дьячков, и его научное окружение. И вот снова везение, обозначившее новую веху в моей жизни, веху, равную, пожалуй, по своему значению моему выезду на учебу по настоянию матери. Это ли не назвать везением, если меня ожидало предложение, враз списавшее все трудности по проведению задуманных мною исследований, и именно в тот момент, когда уже начинал серьезно тревожиться относительно своего

Created by free version of 2PDF

научного будущего. Если б ты знал, от кого исходило это предложение... Но давай-ка лучше расскажу все по порядку.

...Было начало нового года, приехал ко мне мой дорогой друг детства из аула, и я, проводив его на поезд, пришел в институт лишь к концу рабочего дня. Оказалось, что Кемельхан Айтпаевич с нетерпением ждал меня, ибо звонил ему президент Академии Каныш Имантаевич Сатпаев и выразил желание познакомиться со мной. Из приемной нам ответили, что президент не дождался и уехал, но передал через помощника, чтобы я прибыл к нему утром. Директор мой был очень недоволен таким стечением обстоятельств, он очень уважал Сатпаева и хотел, чтобы все, что тот просит, исполнялось безотлагательно. Я очень волновался, плохо спал ночь, гадал, чем моя персона могла заинтересовать маститого главу республиканской науки, и утром оказался в его приемной в только что отстроенном величественном здании Академии наук республики. Когда, робко открыв дверь, вошел в просторный кабинет, высокий, величавый аксакал, которого до этого мог видеть лишь изредка и издалека на собраниях за столом президиума и знал лишь по портретам, грузно поднялся с кресла, успел, пока я подошел, обойти навстречу мне неимоверно большой президентский стол и, подавая руку, сказал:

– А-а, вот вы какой, Мажеке! Мне о вас академики, работающие у вас в институте, много говорили... И я решил с вами познакомиться...

Президент усадил меня в мягкое кресло у приставного столика напротив себя и начал расспрашивать о здоровье, о семье, о родственниках, и расспрашивал точь-в-точь, как это делает в степном быту любой аульный аксакал. И эти вопросы, простые по содержанию и столь знакомые мне по форме, так быстро сняли с меня волнение и растерянность, что я теперь не могу даже точно сказать, как и в какой момент почувствовал такую свободу и раскованность, что, внимательно слушая его, одновременно находил возможность разглядеть малознакомый для меня облик пожилого человека с крупными чертами лица и с огромным лбом, скульптурно-привлекательные пропорции которого подчеркивались зачесанными назад, сильно поседевшими, но еще густыми, слегка кудрявящимися волосами. Лицо его не выглядело так красиво, как на известных портретах, но было доброе, выразительное. Выпуклые подбровья над узковато прорезанными, но большими глазами подчеркивали недюжинную волю, которой наделен этот человек.

Каныш Имантаевич перевел разговор на тему о делах нашего института, и я уже совершенно свободно рассказал ему о нашей жизни и

Created by free version of 2PDF

о работе. Начал было про себя обдумывать, как повернуть беседу в сторону наших нужд, ибо полагал, что президент своим авторитетом может оказать любую помощь, но аксакал внезапно сам спросил меня о моих научных интересах. Кратко изложив содержание научных начинаний, суть которых президент легко уловил, я было заикнулся, что в наших условиях трудно развернуть задуманное исследование, как он, будто обрадовался этому, улыбнулся и сказал:

– Мажеке, как это хорошо, что у вас продумано, чтобы работать в научном плане дальше, чтобы не останавливаться на чем-то достигнутом... что у вас нет такой беды, когда человек, уже имеющий диплом кандидата наук, а иногда и доктора наук, все еще ищет, кто бы подсказал ему, чем дальше заниматься, а еще хуже, когда ничего не ищет... последнее, к сожалению, бывает чаще, чем первое. Опасные явления, предвещающие застой... Вот я и пригласил вас; Академия желала бы предложить работать в ее системе, в этом случае будет возможность в любом масштабе проводить научные исследования в соответствии с вашими замыслами и делать многое другое для развития науки в республике. Речь, Мажеке, идет о том, что мы хотим просить вас стать директором только что открытого института химических наук в известном вам большом промышленном центре республики.

Президент затем рельефными, убедительными мазками обрисовал задачи, стоящие перед этим научно-исследовательским институтом, при этом он указал на то, как совершенно естественно, без какой-либо натяжки мои личные начинания и интересы вписываются в проблемы по освоению минеральных богатств края, в котором находится институт. Меня приятно подкупило то, что академик сделал особый упор на необходимость моего личного научного роста, без которого невозможен, как он сказал, настоящий, неподдельный авторитет руководителя академического научного учреждения. Словом, мне не оставалось места для каких-либо расспросов, для каких-либо суждений от себя, ибо все казалось жалким и ничтожным по сравнению с теми задачами, которые ставил передо мной этот большой человек. Улетучилось желание поскромничать, ибо перед этим человеком нельзя было фальшивить, он видел меня насквозь. Я только сказал, что поеду в этот институт, если президент считает, что гожусь для работы под его руководством, и буду стараться оправдать его доверие. Беседа как будто заканчивалась, аксакал откинулся на спинку кресла, потом, как бы вспомнив, сказал следующее:

Created by free version of 2PDF

– Я разговаривал о вас в Центральном Комитете, там я почувствовал какие-то недомолвки... Мне даже показалось, что там они имеют на вас какие-то другие виды... Думаю, что речь идет не о научной стезе. Если то, что вы сказали, – это твердо, я буду твердо просить вас...

Я, конечно, согласился. Не знаю, дорогой друг, как теперь описать тебе мое состояние, когда вышел от академика Сатпаева. Это было, по-видимому, состояние внезапного соприкосновения с чем-то недосягаемым, сказочно высоким, когда ты вдруг чувствуешь, что это соприкосновение произошло потому, что ты оказался каким-то образом достоин его, и что за этим следует та высокая ответственность, которая потребует от тебя истинного, глубинного понимания значения твоих будущих замыслов и действий. Я не мог не думать возвышенно. Ведь человек, который, беседуя со мной более часа, все время старался подтянуть меня к своему уровню простотой и приветливостью, своим неизменным уважительным обращением «Мажеке» и на «вы», что звучало для меня непривычно, ибо аксакал годился мне в отцы, являлся первым академиком народа, состоял в составе Президиума Большой Академии страны, числился среди тех немногих имен, которые символизируют самое выдающееся место, занимаемое наукой моей Родины в мире. Ведь в его мягких ладонях, с такой добротой и радушием касавшихся моих рук, хранится тепло от пожатия самых выдающихся людей нашего времени и нашей эпохи. Вот такие мысли владели мной, когда я шел от президента Академии. Тогда я нашел мысли эти тщеславными, неприличными и никому о них не говорил. Теперь же думаю, что это мое подозрение на самого себя было напрасным и мне не было необходимости сомневаться в чистоте истоков тогдашней окрыленности. Правда, эта окрыленность была несколько снижена некой особо почитаемой тобой дамой, когда она спокойно и деловито заявила, что я напрасно польстился на это предложение и так быстро дал слово, ибо нет никакого резона менять цветущую теплую столицу на холодный областной город, оставлять только что полученную хорошую квартиру, переходить с солидной должности в большом институте на руководство «научной конторой» (она так и сказала), где нет, наверное, ни одного нормального научного работника. То же примерно говорили и многие друзья. Я оставался почти один со своей «окрыленностью». Но во мне заговорили Алжиган-ата и Жактай-ага одновременно; я вдруг почувствовал себя джигитом, мужчиной из нашего аула, и поэтому не мог менять своего решения, не мог отказаться от слова, данного Канышу Имантаевичу. И с тех пор нахожусь там, мой дорогой друг, где

Created by free version of 2PDF

ты со мной имел честь познакомиться и откуда пишу тебе письма. Но то, как я освоился и осел, пожалуй, достойно следующего отдельного письма.

Письмо шестое

Дорогой друг!

Тебе решительно везет. Не могу назвать иначе, как везением для тебя, то, что пишу эти строки из больницы, где мне ничего не остается делать, кроме как вспоминать свое прошлое и переносить вспомнившееся на бумагу. Пришел сюда, в больницу, недели две назад навестить своего больного друга (ты его встречал у меня) и, поднимаясь на второй этаж, почувствовал небывалую тяжесть в теле и неприятное, распирающее давление в груди. Ощущение это было у меня с утра, но оно было не так сильно, и, отнеся его в счет жары, которой отличается нынешнее лето, полагал, что скоро пройдет, как незаметно проходят многие боли, когда на них не обращаешь особого внимания. Войдя в палату, сел в кресло рядом с кроватью друга, весь вспотев и потеряв интерес ко всему остальному, кроме собственной персоны. Друг, увидев вымученную улыбку моей потной и, должно быть, бледной физиономии, сразу вызвал врача, который не замедлил уложить меня в ту палату, где теперь нахожусь и откуда пишу тебе это письмо. О болезни своей не буду рассказывать, так как эти сердечные дела теперь совершенно обычны для людей нашего возраста и нашего образа жизни. Ты тоже, хоть и не жалуешься, но часто, как я знаю, испытываешь те же сердечные недомогания. Скажу только, что первоначальный испуг прошел, чувствую себя довольно бодро, но приходится слушаться добрых докторов моих и делать то, что они велят, хотя почему-то уверен, что в предписываемых ими нормах моего теперешнего поведения многое от перестраховки и что они могли обращаться со мной менее церемонно. Но все же не хочу обижать этих милых, внимательных людей своим непослушанием. К тому же прихожу к весьма утешительному выводу, что это мое лежание — дело небесполезное, ибо можно почитать, поразмыслить, не угрожая ни себе, ни своим раздумьям множеством запланированных и незапланированных дел, требующих твоего спешного участия. Это, может быть, поможет написать для тебя что-либо более дельное, чем писалось до сих пор, словом:

Created by free version of 2PDF

Шумы в сердце — не страшный диагноз
Полежу, отдохну в тишине.
Мне больница даже не в тягость,
А скорей в облегчение мне.

Ведь подумать только, кажется, это было вчера, а уже почти два десятка лет я работаю в том институте, куда послал меня ныне покойный первый президент нашей Академии К.И.Сатпаев. Видать, за это время настолько врос в жизнь и дела своего научного учреждения, что нередко ловлю себя на смешном ощущении, будто в нынешнем большом здании института, возведенном в самом современном стиле, т.е. из стекла и бетона, должно быть, без меня пусто, скучно, невесело. На самом деле это, конечно, совсем не так. Я знаю, что там теперь могут прекрасно обходиться и без меня, ибо при длительных выездах моих в отпуск, в командировки не только неплохо велись текущие дела, но я необычно четко и точно улавливал и отмечал те или иные начинания, которые затевались в мое отсутствие, потому что у моих молодых коллег не была воспитана привычка откладывать, ожидать, они были чужды склонности смирять, сдерживать творческое нетерпение. Я восторженно одобрял эти начинания, ибо большею частью они того заслуживали, и при этом ловил себя на том, что одобряю, может быть, иногда преувеличенно восторженно, стараясь скрыть ту щемящую грусть, которая неожиданно овладевала всем моим существом, привыкшим к тому, что все в институте или исходило от меня, или, по крайней мере, начиналось при мне. И теперь вот это безотчетное, подсознательное желание быть единственным и сейчас подсовывает превратное ощущение, что без меня не могут обойтись; мало того, оно, это желание, хочет выдать привычку и любовь мою к нашим людям, к приборам, к просторным лабораторным комнатам, к уютному директорскому кабинету, словом, ко всему тому, что объединяется под словом «институт», за совершенно обратное, связанное с ревнивым представлением об осевом, центральном положении моей личности в коллективе. Как эгоистичен, двойствен и слаб, дорогой друг, человек... Я теперь, видишь ли, грущу оттого, что сбывается мое желание иметь мыслящих, творчески самостоятельных, разумных молодых коллег, на которых смело можно в дальнейшем положиться... Вот входит ко мне мой ученик и коллега Иванов Валерий Петрович, блестя белозубой улыбкой. Он один из тех, кто навевает мне и осознанную праведную радость, и неосознанную, безотчетную, неправедную грусть. Подавая мне руку, говорит:

Created by free version of 2PDF

– Мажит Муканович, напрасно нас к вам до сих пор не пускали. Выглядите вы прекрасно. По-моему, это какая-то ошибка. Видеть больным нашего шефа — это ни в какие ворота... Но нет худа без добра... Может, вас нарочно уложили, чтобы вот так, созерцая потолок, могли придумать для нас еще более беспокойные, чем раньше, задачи...

– Валерий Петрович, садись... только сейчас, к сожалению, с большим опозданием убедился, что ты один из моих слабых учеников... И напрасно я тебе семь лет назад доверил лабораторию... Подумай сам: тебе врачи, перед тем как разрешить сюда войти, велели не разговаривать о работе... Ты же, идя сюда, придумывал, что сказать, и по инерции, не проанализировав придуманное, брякнул, что я, созерцая потолок, думал о работе... Ну скажи, этому я тебя учил? Что касается задач, хватит на моем горбу ездить, придумывайте сами... — У меня чуть не срывается с языка «и так уже без меня...», но хорошо, что вовремя удерживаюсь, ибо чуткий Валерий это понял бы как упрек.

– Виноват, Мажит Муканович... глуп, глуп... Если бы вы были на работе, я бы подал заявление с просьбой понизить в должности за глупость, проявившуюся с годами все явственней...

– Да, это тебе спасение, что меня нет на работе... Есть и другой резон — не так уж глуп тот, кто знает, что он глуп. И я из-за этого остерегаюсь по поводу тебя делать окончательные выводы...

Манера перекидываться шутками подобного рода у нас установилась давно, еще с тех пор, когда, приехав в институт, на работу, увидел Валерия Петровича во дворе с лопатой в руке. Он вместе с другими товарищами копал траншею для прокладки кабеля. Высокий, статный, красивый, с тонкими очертаниями лица, Валерий Петрович сразу привлек мое внимание. Когда я спросил о житье-бытье, он рассказал, что он — молодой специалист, только что окончивший институт в большом уральском городе, приехал сюда и очень не жалеет, что приехал. Это меня удивило, ибо все, с кем я разговаривал, жаловались на судьбу, которая забросила их в этот так называемый институт, где нет ни одной нормальной лаборатории, где приходится копать траншеи и перекладывать внутренние стенки старого здания.

– К тому же полагаю, — полушутливо добавил он, — что нельзя считать достижением, когда приходишь на готовое, другое дело — создавать самому материальную базу для своих будущих научных изысканий...

Скажите: будущих открытий,— в тон ему подсказал я.

– Честно сказать, показная скромность подвела: думал я, конечно, ни больше, ни меньше, как об открытиях, — нашелся Валерий Петро-

Created by free version of 2PDF

вич, улыбнулся во весь рот, заражая весельем товарищей, работавших вместе с ним.

– Вы, конечно, шутите, — сказал я, — но это хорошая, дельная, оптимистичная шутка, в ней есть много правды... Почему надо думать, что крупные научные дела должны делаться где-нибудь, но только не у нас... Почитайте биографии знаменитых и великих, большинство, если не все, начинало в условиях, похуже наших...

Я начал беседу, улавливая насмешливые и недоверчивые взгляды Валерия Петровича и десятка его друзей, вынужденных скептически и недоверчиво стучаться в ворота науки через рытье этого мерзлого грунта. По-видимому, моя директорская должность для них ничего не значила, а моя молодость не располагала к особому почтению. И, может быть, своим несоответствием высокому научному положению моя персона вызывала даже подозрение. Я много бы отдал в тот момент, чтобы хотя бы ненадолго выглядеть маститым ученым, завораживающим юных званиями, регалиями, толстыми книгами, сединой и многозначительным старческим кряхтением. Но я был молод относительно и легко отпарировал несколько колких замечаний из их невоздержанных, дерзких, еще не отвыкших от студенческого остроумия уст, быстро овладел их вниманием. Это была хорошая беседа. Я и поныне весьма признателен Валерию Петровичу, ибо благодаря его юмору мне удалось в тот день найти ключ к задушевной беседе с молодыми специалистами, с которыми, как новоприбывший директор, знакомился впервые и, хотя только что приступил к исполнению своих обязанностей, чувствовал себя в какой-то степени виноватым в том, что будущие научные работники копали землю, а не сидели, как положено, в библиотеках и не стояли за лабораторными столами. Рассказывал им о больших задачах, стоящих перед молодым институтом, и без утайки перечислил те трудности, которые необходимо пережить для того, чтобы начать выполнять эти задачи. Убежден, что именно с этого дня, с легкой руки Валерия Петровича, установилась такая непринужденность и непосредственность в моих взаимоотношениях с младшими коллегами в институте, которая придавала нам упорство в преодолении многого на нашем пути, усеянном, как и во всяком научном коллективе в период его становления, отнюдь не розами. Ныне эти легковерные юнцы, имевшие тогда лишь отдаленное, книжное представление о творческой работе, превратились в солидных мужей науки, закаливших характер во многих научных боях и сражениях, и с их мнением теперь считаются и в научном мире, и на производстве. Отошло в прошлое то время, когда любая научная проблема, будь она ма-

Created by free version of 2PDF

лой или большой, могла нас поставить в тупик не только из-за отсутствия нужных приборов, книг и лабораторных условий, но и главным образом из-за недостатка знаний и знающих людей. Теперь смешно вспоминается многое из этого былого, когда мы с наивной смелостью организовывали лаборатории и ставили свои неумелые первые опыты. И все же история нашего института мне кажется поучительной, и я не раз просил Валерия Петровича писать хронику родного научного дома, зная, что никто другой из нашего коллектива не сможет живописно воспроизвести и занятно рассказать о событиях, здесь случившихся. Валерий Петрович каждый раз обещает мне начать, но, занятый по горло творческими делами, которые у него не перестают расти в объеме, не может выполнить свое обещание. Да и, наверное, нескоро выполнит, потому что для этого, по-видимому, необходимо подойти к тому возрасту и положению, в каковых имеем честь находиться мы с тобой, друг мой.

Это я вспомнил к тому, что, собираясь преподнести тебе какие-то разрозненные куски из периода становления и развития нашего института, подумал, как было бы хорошо, если бы ты имел под рукой написанное Валерием Петровичем, ибо общий колорит этих кусков в моем воспроизведении наверняка будет более мрачным, чем в представлении младшего коллеги, так как молодые мои соратники, как мне приходилось не раз в том убеждаться, вспоминают эти труднейшие годы как просто веселое начало своей научной карьеры. В моей же памяти это начало нашего пути предстает в несколько ином свете, ибо мое положение обязывало меня к разносторонней и многократно большей ответственности и эта ответственность, естественно, связана была со столь же многократно большими переживаниями. Вот об этих переживаниях, научных и ненаучных, о делах и людях, вызывающих эти переживания, и хочу теперь тебе рассказать, дорогой друг, и боюсь, что этот мой рассказ будет еще менее связным, чем предыдущий, ибо здесь все свежо и все бередит душу, отнюдь не способствуя последовательности изложения. Вспоминаю теперь, как начинал исполнять обязанности директора, и думаю, что не от хорошей жизни я был назначен на эту трудную и почетную должность. Очевидно, моя кандидатура всплыла перед президентом Академии после того, как он убедился, что никого из опытных и достаточно маститых товарищей не прельщает руководство институтом, коллектив которого состоял из какой-то сотни лиц, съехавшихся из разных концов республики, главным образом, из столицы, так как в городе, несмотря на присутствие в этом регионе крупных известных стране центров химической и металлургической

Created by free version of 2PDF

промышленности, химические дела развития не получили и местных специалистов почти не было. Что же касается так называемой материальной базы института, то она была представлена небольшим двухэтажным зданием бывшего общежития соседнего учебного заведения, комнаты которого, с редко расставленными канцелярскими столами и шкафами, даже отдаленно не напоминали химические лаборатории. Естественно, что институт, несмотря на солидное название, таковым еще не являлся и при таком состоянии дел не скоро обещал быть. Президент, напутствуя перед выездом сюда на работу, обратил внимание на многие трудности, ожидавшие меня впереди. Он говорил об отсутствии лабораторной базы, о тесноте, которая почувствуется немедленно при установке научного оборудования. Но особо подробно он рассказал о неладах между бывшим директором, доктором наук Жедельбаевым Шарипом Уахитовичем и его заместителем, академиком республики Хайловым Михаилом Исаковичем. Институт существовал всего лишь год с небольшим, и за этот короткий промежуток директор и заместитель успели перессориться до такой степени, что первый, не выдержав натиска академика, обратился в президиум Академии с просьбой перевести его руководителем лаборатории. Коллектив тоже успел разбиться на две враждующие группировки, и уже нашлись такие, кто намеренно раздувал эту вражду. Теперь слишком хорошо понимаю, почему Каныш Имантаевич акцентировал внимание именно на обстановке, которая создалась в молодом институте. Тогда же был обо всем этом иного мнения. Помню, как приехав в президиум Академии спустя две или три недели после того, как приступил к новой работе, зашел в родной институт, где учился и вырос, и увидел во дворе знакомую кучу друзей: Вербу, Гайнитдина, Сергея и других. Они с такой радостью и энтузиазмом жали мне руку, что со стороны можно было подумать, что я только что вернулся по меньшей мере из кругосветного путешествия.

– Жмите, жмите,— сказал я,— впервые вам удается так свободно соприкасаться с ладонью директора академического института. Слушайте, вы по-прежнему встречаетесь здесь, во дворе, для «творческих» собеседований? Работаете, как и прежде, на тех же кафедрах? Странно... я полагал, стоит мне уехать, как все развалится, а вы разбежитесь... Собственно, пришел было править печальную тризну по вас.

Это была шутка, и мы тогда изрядно посмеялись, варьируя в этом плане. Теперь же думаю, что шутка эта была рождена той долей правды, которая в то время сидела во мне. Я был очень самонадеянным парнем и, по-видимому, имел довольно высокое мнение о своей роли в

Created by free version of 2PDF

делах коллектива, который только что покинул. Иначе как рассудить то обстоятельство, что, слушая напутственные слова академика Сатпаева перед моим отъездом, слушая человека, каждая фраза которого должна была бы ложиться в мою душу заповедью, более тревожился о материальных недостатках научного учреждения, куда ехал директорствовать, и чуть ли не пропускал мимо ушей именно то, на что обязан был обратить особое внимание и по поводу чего целесообразнее было бы советоваться с мудрым научным старшиной наиболее подробно и всесторонне. Мало того, считал, что старик смещает акценты и что мне не будет стоить большого труда привести в порядок эту небольшую группу людей, представляющую так называемый институт, поскольку, как мне тогда казалось, я неплохо справлялся с руководящей ролью в коллективе, имевшем не один десяток профессоров, среди которых были и академики, и члены-корреспонденты республиканской Академии. Такое неправильное, смешанное представление об организации научной работы сложилось у меня, по-видимому, оттого, что, недолго работая в должности заместителя у нынешнего академика Копурбаева, я его деятельность по налаживанию деловых взаимоотношений в коллективе выдавал в большей мере, чем это полагалось бы, за свою, а небольшой личный опыт научных изысканий, запомнившийся мне, главным образом, в виде сплошных хлопот, переживаний, беганий и ожиданий, связанных с выбиванием и приобретением необходимых приборов для проведения экспериментов, мне подсказывал, что главное в научной работе — это материальное обеспечение исследований. Я явно по неразумию свои утлые соображения, вытекавшие из личного неказистого научного прошлого, распространял на работу коллектива, с которого должен был начаться будущий большой академический институт.

Конечно же, умение хозяйствовать и приобретать — необходимое условие для успешной работы руководителя научного учреждения. Но это, вероятно, не самое главное и не самое трудное условие. Иначе почему мне сейчас дела по созданию многочисленных лабораторных установок, приобретению, переделыванию, возведению помещений и зданий института вспоминаются как какие-то сплошные победы, не оставившие в душе ни ран, ни рубцов. Помню, как специально выезжал в Москву в сопровождении молодого инженера за прецизионным и дорогим прибором и как мы везли его, выкупив купе мягкого вагона и бережно, как новорожденного, уложив на два нижних места. В институте мы не могли нарадоваться нужному прибору, но бухгалтер, этот главный враг приобретательской инициативы и изворотливости со-

Created by free version of 2PDF

трудников, признала незаконным провоз прибора в качестве двух пассажиров и отказалась выплачивать стоимость билетов. Ныне заведующий лабораторией, а тогда молодой специалист Танеев Имаш, взял, несмотря на мои протесты, оплату одного из билетов на себя, сказав:

– Что вы, Мажит Муканович, надо, наверное, ради науки жертвовать не только жизнью, но и зарплатой.

Помню, с какими трудностями осваивался небольшой лабораторный корпус, как строили чуть ли не всем институтом домик под стеклодувную мастерскую, как, выпросив барак у руководства области, приспособили его под машиносчетную станцию, как из котельной, подлежащей сносу, получилась прекрасная лаборатория с неожиданно высокими потолками и поэтому не требующая особых забот по вентиляции. Все было для нас событием, и всему этому мы радовались. И, наконец, радости коллектива не было предела, когда начали строить нынешнее прекрасное здание института. Не раз наблюдал и наблюдаю поныне, как многие мои коллеги проявляют удивительную изобретательность и едва ли не плюшкинское скопидомство при оснащении своих лабораторий, и теперешний относительный достаток в институте в оборудовании, в научных приборах — это, конечно, плод их целеустремленного труда. Все это говорю, дорогой друг, к тому, что меня так и тянет, как ты уже, наверное, заметил, посмаковать подробности многочисленных хозяйственных удач, с крестьянской любовью рассказать о том, как приобретался, устанавливался тот или иной прибор, как осваивалось то или иное помещение, но сознательно буду избегать этого. И теперь мне кажется, что в силу этой традиционной поддержки науки в нашем обществе, в делах оснащения научных экспериментов несложно добиться успехов. Знаю, что эти успехи у нас есть, уверен, что теперь в наших лабораториях можно ставить любые эксперименты на самом современном уровне, что с завистью и восхищением не раз отмечали приезжавшие к нам коллеги высокого ранга, но товарищи мои по работе не перестают жаловаться на отсутствие того или иного прибора и даже помещений, и жалобы эти меня не раздражают, ибо было бы намного хуже, если мои коллеги почувствовали, что всего теперь достаточно. Это свидетельствовало бы ни больше, ни меньше как о том, что они перестали работать. Между прочим, в научном учреждении, прежде всего в академическом, где ученым предоставлено высокое право самим выбирать направление и тему своих исследований, перестать работать легко, и в этих случаях быстро находятся люди, искусно умеющие создать обстановку видимости работы. С этим еще мало знакомым мне

Created by free version of 2PDF

явлением в моей научной практике я встретился сразу же после приезда в институт. Требовать каких-то больших работ от только что организованного института не приходилось, но я представлял себе, что приду в молодой коллектив, уже успевший проникнуться духом поиска в сфере научных интересов двух маститых ученых, каковыми были профессор Жедельбаев и академик Хайлов. «Мало ли могут люди не ладить между собой, работа остается работой», — думалось мне тогда. В наивности подобного предположения убедился сразу же, когда почувствовал, что пока вовсе не этим живут люди в институте. И все же считал, что это положение можно выправить и это дело недалекого будущего. Увы, оказалось совсем не так. И здесь, дорогой друг, подхожу к тому месту своего повествования, где я должен говорить о вещах, которые для меня являются предметом не всегда спокойных раздумий: слишком много было ошибок, а поступки, считавшиеся мною правильными в то время и даже несколько позднее, теперь, после зрелых размышлений, мне не кажутся таковыми. Тут я касаюсь настолько сложных вещей, что и не знаю, с чего начать. После того, как профессор Жедельбаев перешел в лабораторию, обязанности директора временно исполнял академик Хайлов, который теперь становится моим заместителем. Естественно, с разговора с ним и начал свое знакомство с делами института.

Он вошел легкой, подпрыгивающей походкой, и, светло улыбаясь, подал суховатую руку. Я приподнялся навстречу, пожал его руку, но еще не успел вернуться в свое кресло, как увидел академика сидящим за приставным столиком напротив меня. Деловито доставая из футляра очки, он уже говорил, чуть по-уральски окая:

– Мажит Муканович, погода-то у нас... не очень приветливо вас встретила... У меня жена, знаете ли, приболела, но теперь, слава богу, поправилась... Надо полупромышленные испытания проводить, я ведь здесь большое дело затеял... Да, да... большое дело... Знаете, мне покойный академик Ванин говорил, чтобы я не оставлял это дело... Он очень меня, знаете ли, любил... Президент наш очень поддерживает... очень поддерживает... Умнейший человек! Тут ведь ни один опыт нельзя провести, силовой линии не было, надо было кабель доставать... ведь достали... Тут я недавно с секретарем обкома говорил, большие задачи перед институтом стоят, очень большие... Нам с вами много придется работать, ох как много... Используйте, пожалуйста, мой опыт, я ведь в науке работаю тридцать три года... А знаете, как трудно работать, людей не хватает... Тут я недавно встретился с главным инженером завода, им помощь нужна, очень нужна...

Created by free version of 2PDF

Все это он говорил просто, без натуги, с какой-то чуть ли не детской непосредственностью перескакивая с темы на тему и повторяя слово «тут», которое, как потом я убедился, было для него привычной частью речи. Он, по-видимому, вовсе не думал, что я пригласил его по делу и что необходимо осведомиться об этом.

– Михаил Исакович, разрешите вас перебить, я понимаю, как трудно здесь работалось, и думаю, не легче будет и теперь... но я хотел бы послушать вас об общем состоянии дел, о людях, тематике, планах, словом, обо всем, ведь нам с вами надо иметь общие взгляды на все, что здесь делается и будет делаться...

– Да, да, Мажит Муканович, я с вами вполне согласен... Тут вот со мной приехали, вернее, я их пригласил, очень толковые люди,— и он сбивчиво начал рассказывать, чем и почему толковы эти люди, но почему-то ухватился за фамилию Федорова и стал подробно говорить о том, что этот Федоров, хотя и не имеет высшего образования, но мастер на все руки и что надо его беречь и использовать в больших делах. Я не был против Федорова, но академик устойчиво крутился возле него, не назвав больше ни одной фамилии из тех, кто подает надежды на научный рост. Потом, правда, перескочил на фамилию Холода, очень пожилого кандидата наук, тоже приехавшего вместе с ним, и довольно долго хвалил его, называя своей правой рукой, при этом ни словом не упомянул о научных заслугах «правой руки». На мой вопрос, имеет ли аспирантов, академик ответил, что он по горло занят своей темой и над этим специально не думал, хотя никому не отказывает, кто желает у него учиться. Почувствовав тщетность своей попытки получить объективные, связные сведения о людях, я заговорил о темах, разрабатываемых в институте. Михаил Исакович тут же подхватил мои слова и стал рассказывать о полупромышленных испытаниях, которые он намеревается проводить, и всю тематику института свел к проблемам, связанным с этими испытаниями. Я было деликатно напомнил ему, что заместителю директора надо было продумать необходимость разрешения многих других проблем, ибо широкий профиль института мыслится в плане организации в будущем научного центра республиканской Академии. Михаил Исакович посмотрел на меня своими серыми глазами, в которых я прочитал прямой укор своему неразумию, и сказал:

– Да, да, Мажит Муканович, я вас понимаю... я никому не собираюсь мешать... и вам не буду мешать развивать свои дела... Нам с вами хватит этого института.

Created by free version of 2PDF

Меня удивил такой образ мыслей академика, и я сказал, что кроме нас с ним есть еще специалист, профессор Жедельбаев. Я хотел было сказать, что нельзя вести речь о сферах влияния или о чем-то подобном, когда нам поручено такое ответственное и благородное дело, но Михаил Исакович подхватил, не дав мне договорить:

– Шарип Уахитович напрасно мне мешал работать, не считался ни с моим мнением, ни с моим громадным опытом, ведь я ему не мешал работать, тут ведь меня заставили стать заместителем, президент заставил, — сказал Михаил Исакович тоном глубоко обиженного человека. Из дальнейшего я узнал, что его обиды сводились к тому, что Жедельбаев забирал и устанавливал в своей лаборатории какие-то приборы, которые были так необходимы Михаилу Исаковичу, не принимал на работу каких-то очень нужных ему людей. Я почувствовал, что желчь академика на профессора Жедельбаева еще была свежей и он может говорить на эту тему сколь угодно долго. Словом, делового, серьезного разговора у нас не получилось. И все же я бы не сказал, что вынес из этого первого разговора с моим заместителем отрицательное мнение о нем. Наоборот, мне даже показалось, что этот лысый, сухощавый человек, солидный возраст которого выдавали лишь мешки под серыми навыкате глазами, и есть тот тип ученого, которого земные дела касаются только с точки зрения его научных интересов. Подумал даже о том, что все эти профессора и академики за этой простотой и непосредственностью, за этой непоследовательностью в беседе скрывают очень большие знания, что эти знания необходимо использовать, не обращая внимания на странности, которыми, как правило, наделены эти люди с высокими лбами. Если бы передо мной не сидел академик, лауреат, кавалер орденов, я бы нашел неприличным, что в беседе он подчеркивает свой научный опыт, называя его «громадным». К тому же академик имел не очень удобную привычку непринужденно и легко перескакивать в беседе с темы на тему, не сосредоточиваясь ни на чем, обладая малоподходящей для его положения склонностью говорить об околонаучных мелочах. Я был полон желания быть проницательным, понимающим руководителем и, великодушно отнеся все это к названным выше извинительным странностям, сознательно отстранил себя от мысли делать, исходя из последних, какие-либо сомнительные и опрометчивые выводы. Мне подумалось, и это утешало меня, что занятные особенности в поведении академика, в конце концов, в какой-то мере соответствуют сложившемуся у всех представлению о людях, давно углубленных в узкую область науки. Может быть, подумалось также мне, был какой-то резон и в том, что он рассуждал о коллегах с точки

Created by free version of 2PDF

зрения, мешают они или не мешают ему работать, и что, будучи академиком, он, безусловно, заслужил это право. И в связи с этим мне очень понравилась его исключительная озабоченность по поводу полупромышленных испытаний по его теме, и я понимал, что для меня и для института важно не только само присутствие маститого ученого, но и успешное проведение его темы, в значении которой для науки и техники он не сомневался. И тем не менее вынужден был придти к печальному заключению, что Михаил Исакович в роли заместителя директора оказался случайно, хотя в этом особенную беду не предвидел, поскольку был тогда убежден, что имею достаточный опыт общения с людьми подобного ранга по прежней работе и поэтому без околичностей полагал, что академик наверняка считает свою административную должность излишней обузой и в этом особых хлопот для меня не представит, мне даже показалось, что он уже сделал какой-то намек на это. Подумал еще о том, что необходимо по возможности вникнуть в научные интересы Михаила Исаковича, чтобы легче было помогать ему и получать от него советы.

Мне было жаль, что Михаил Исакович не помог мне получить достаточно подробное, объективное и достоверное представление о научном учреждении, руководителем которого я стал. Жедельбаев, который мог бы рассказать многое, находился в длительной командировке, а парторг института, пожилой производственник Жантак Бокенов, примерно одного возраста с Хайловым, пожелавший на склоне лет овладеть глубинами науки, отсутствовал из-за болезни. Мне подумалось, что, может быть, это и к лучшему. Я пошел бродить по комнатам института и, знакомясь с людьми и их работами, думал о том, как быть и что делать. Захожу в одну небольшую комнату на первом этаже и вижу своих бывших студентов, выпущенных в прошлом учебном году. Они весело отвечают на мое приветствие и продолжают возиться возле небольшого, сложенного из огнеупорных кирпичей пыльного сооружения, в котором узнаю по торчащим электродам электродуговую печь. Их грязные халаты и озабоченные лица импонируют моему желанию видеть сотрудников за настоящей работой, и я, великодушно оставив на будущее готовое сорваться с языка замечание, что они могли бы работать аккуратней и ходить в более чистых халатах, спрашиваю, чем они занимаются. Рассказывают давно известное из учебников. Меня это поражает, но не выказываю свое удивление и выражаю свое сомнение в необходимости работать вдвоем у одной и той же установки над сравнительно простым опытом, где и одному-то дел не очень много. Бывшие мои студенты соглашаются с этим, но они вынуждены

Created by free version of 2PDF

все делать вместе, ибо это их общая тема, заданная их шефом Леонтием Порфирьевичем Холодом. На мой вопрос о задаче, которую они ставят перед собой, исследователи в грязных халатах поднимают на меня взоры с неменьшим удивлением, и в этом удивлении чувствую, что они уже начали привыкать к работе по заданию, смысл которого известен только руководителю.

– Ну что же, друзья, колдуйте дальше... помните, что «...навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно...» — говорю, уходя; говорю нарочито бодро, чтобы не расстроить хороших парней своим сомнением.

Захожу еще в одну комнату и вижу сидящего за столом Валерия Петровича, рисующего на тетрадном листочке. Спрашиваю, чем он занимается.

– Да вот стараюсь, Мажит Муканович, разобраться, чем занимаюсь,— улыбается Валерий Петрович.

– Странно, но, наверное, занятно...

– Именно так... Жантак Бокенович поручил задание, чтобы я поставил опыты, которые бы доказали то, что он априори высказал. Пробовал у него выяснить, как мыслятся эти опыты, он сразу же отрубил, что молодому инженеру не следовало бы задавать такие вопросы: для чего у него существует голова, если он собирается ставить опыты по прописям.

– Думаю, что Жантак Бокенович сделал вам вполне резонное замечание...

– Конечно, я сам вначале согласился с этим... Дело в том, что речь идет о статье, которую недавно опубликовал Жантак Бокенович: в ней он не то что оспаривает, а прямо и резко опровергает известные положения профессора, по учебникам которого мы, да и вы, наверное, учились. Попробовал разобраться и пришел к выводу, что утверждения моего руководителя абсурдны, голословны... Он хочет, чтобы я ставил эксперименты в доказательство, но простейшие опыты дают совершенно противоположное тому, что желал бы получить мой шеф. Я сделал попытку деликатно выразить свои сомнения, шеф меня выругал и велел заниматься дальше. В таких случаях, когда тебя не хотят понимать, глупо доказывать что-то, и я действительно сейчас сижу и занимаюсь тем, что хочу еще раз разобраться, чем занимаюсь... На этой бумаге я воспроизвожу простую ячейку, в которой проводил опыт... Статья напечатана в солидном, как видите, журнале, и Жантак Бокенович ею очень гордится, в особенности, вероятно, потому, что ниспровергает авторитеты...

Created by free version of 2PDF

– Может быть, вместе попробуем разобраться, мы же с вами специалисты одного профиля, надеюсь, поймем друг друга...

Сажусь поближе к Валерию Петровичу, и мы с ним прочитываем статью Жантака Бокеновича, разбираемся в его аргументации. Все доводы и контрдоводы Валерий излагает четко, показывая хорошую осведомленность в вопросе, и вынуждает меня согласиться с тем, что в статье, написанной не по-научному, больше амбиции, чем грамотности. Меня удивляет, что такие малодоказательные соображения напечатаны в центральном научном журнале.

– Ну что, Валерий Петрович, это тоже школа, когда человек, разбираясь в чем-то заведомо неправильном и абсурдном, утверждает свои положительные знания... После этого можно уверенней распоряжаться последними...

– Спасибо за утешение, Мажит Муканович, — смеется Валерий Петрович. Я смотрю на него и поражаюсь сходством Валерия с молодым Тарасом Шевченко по известному автопортрету: такой же широкий, выпуклый, прекрасный лоб, правильный красивый славянский нос, большие глубоко сидящие карие глаза, четкие брови; только доброе, спокойное, волевое лицо, может быть, чуть уже, чем у великого украинца.

– А что касается Жантака Бокеновича, – продолжал я, – то мы с ним говорили и придем к какому-то общему знаменателю...

Иду в лабораторное здание, которое достраивается для нас: достраивается оно медленно, у меня от этого щемит сердце, но все же иду, потому что знаю, есть такой инженер Лапин, который вопреки протестам строителей, отвоевал угол в нижнем этаже недостроенного здания и там, соорудив себе опытную установку, трудится не покладая рук. Вспомнил, как при случайном упоминании фамилии Лапина Михаил Исакович отозвался о нем, как об авантюристе и очень нескромном человеке. Вхожу и вижу: в просторной комнате с высоким потолком висит зонт, от которого отведена вентиляционная труба в верхний угол большого окна и оттуда, видимо, по стене к крыше здания. Под зонтом обычный металлургический печной агрегат в миниатюре, в нем кипит, брызгая искрами, расплав. Впервые вижу в институте опытную установку, на которой ведется эксперимент, и радуюсь. Меня встречает высокий мужчина средних лет, широкая жесткая кисть его правой руки еле вмещается в мою тоже немаленькую ладонь. Его молодой приземистый помощник не смеет подходить к начальнику и на мое приветствие отвечает кивком головы.

Created by free version of 2PDF

– Василий Гаврилович, я о вас наслышан и пришел познакомиться. Говорят, вы тут затеяли доказать чуть ли не недоказуемое и что это у вас неплохо получается...— вижу, как его небольшие серые глаза под белесыми бровями, находясь вровень с моими, смотрят колюче и недоверчиво.

– Мажит Маханович, у меня-то получается хорошо, да пока мало кто верит. А ведь доказываю самое простое и на простом опыте: получить из бросового материала ценнейший продукт на тех же агрегатах, на которых ныне работают; необходимо только несколько изменить параметры процесса... Вот он льется, тот сплав, которому никто, в особенности металлурги, не верят, — говорит он, показывая на течку печи, откуда в маленький ковш искрящейся змейкой тянулась струйка металла.

Лапин продолжает говорить о своей работе, будто не слыша, как я повторил точное произношение своего отчества. Человек этот, видимо, не привык занимать себя тонкостями в обращении к кому бы то ни было; он, не извиняясь, поправляется и называет меня чуть верней: «Мажит Муханович». Излагает он свои мысли не очень последовательно и, горячась, сбивается: с толстых его губ вылетают резкие, рубленые, нескладные, дышащие уверенностью фразы. Легко улавливаю принцип, на основании которого Василий Гаврилович строит предлагаемую им технологию, и выражаю свои сомнения в ее дельности именно из-за простоты.

– Вот именно,— еще более горячится Василий Гаврилович, причем острые глаза его смотрят на меня еще более колюче, ибо он уже в душе отнес меня, по-видимому, к тем же, кто его не понимает и не желает понимать, — у нас настолько много, настолько глубоко все знают, что считают: если что-то просто, то это непременно глупо.

– Между тем, как известно, все гениальное просто. Почему нам надо полагать, что подобная простота не может найти свою обитель именно в этой комнате, у этой печи,— пытаюсь острить я, но моя шутка не принимается; Василий Гаврилович продолжает говорить об истории своего изобретения, о бесчисленных опытах, которые он выполнил и здесь, и до этого, о том, что он приехал сюда, в новый институт, в надежде, что здесь его поймут, и тема его найдет благодатную почву для развития, поскольку здесь самое подходящее для процесса сырье, и что только поэтому он согласился на приглашение Михаила Исаковича. Теперь же академик желал бы приспособить его к своим делам, не считаться с тем, что у него, у инженера Лапина, своя голова и он ничего не делает под диктовку. Ныне Михаил Исакович его просто

Created by free version of 2PDF

третирует, и, если это третирование будет продолжаться, он вынужден будет уехать. Последнее уже говорится в мой адрес: по-видимому, Василий Гаврилович решил, что новый директор тоже из тех, кто автоматически становится против него.

– Но дело это я не оставлю, в нем теперь вся моя жизнь,— твердо, уверенно и даже зло резюмирует он свою речь.

– Я не пойму вас, Василий Гаврилович, – говорю я, – если бы третировали вас, вам бы не выделили это помещение, вы – инженер, между тем, у нас некоторые кандидаты наук не имеют пока ни угла, ни оборудования для работы. У вас есть, смотрю, и помощник.

– Я этого добился сам, я ездил к президенту Академии. Каныш Имантаевич подробно выслушал меня и распорядился выделить площадь и дать помощника. Михаил Исакович, скрепя сердце, вынужден был это сделать.

– Ну, что же, Василий Гаврилович, если президент Академии вам помогает, то нам и бог велел. Будем оказывать содействие. Вы меня убедили в серьезности своих дел.— Мне хочется сказать еще что-то такое, что вдохнуло бы в Василия Гавриловича уверенность в моей неизменной поддержке, сказать об отсутствии у меня сомнений относительно научной новизны его идеи и больших выгод народному хозяйству при внедрении в производство. Я сдерживаюсь от этого и тут же ловлю себя на приятной мысли, что сдерживаюсь правильно и мудро. На самом же деле я все уже высказал, чувство же недосказанности, как заключил потом из анализа своей беседы с Лапиным, связано было, видимо, с большой взволнованностью, навеянной фантастичной преданностью идее и страстной уверенностью в своей правоте этого уже немолодого человека; уверенностью, подкрепленной не словами, а многочисленными, отнюдь не легкими экспериментами. Взволновать меня тогда было еще сравнительно легко, ибо во мне не так крепко сидел научный скепсис. Не будь этой взволнованности, я, возможно, воздержался бы вообще от какого-либо обещания, так как, честно говоря, тогда был не настолько сведущ, чтобы после первой же беседы считать свою убежденность окончательной и стать бесповоротно на сторону Василия Гавриловича. В дальнейшем, когда мне пришлось подробно знакомиться с работой, читать и обсуждать проблему по специальности, меня не раз обуревали сомнения. И все же я благодарен Василию Гавриловичу с его безраздельной увлеченностью своей идеей, под впечатлением которой я оказался втянутым в орбиту его интересов. Поистине, не раз думалось потом мне, «мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттуда не выбьешь». Все эти де-

Created by free version of 2PDF

тали я тебе рассказываю, дорогой друг, к тому, что работа инженера, ныне кандидата наук Лапина, действительно оказалась одним из больших, общепризнанных дел института и в него вложен и мой немалый труд. Теперь задним числом легко было бы похвалиться своей проницательностью, в действительности же никакой проницательности не было, была лишь самоуверенная эмоциональность молодого руководителя. И, тем не менее, мне приятно вспоминать мое нелегкое сотрудничество с Лапиным, ибо на нем испытывал свое умение притирать людей друг к другу для выполнения творческой задачи. Ты уже, наверное, мог заметить из изложения нашей первой беседы, что мне приходилось иметь дело с человеком, совершенно лишенным располагающих манер, с человеком, который, как сказал поэт, не любил овал и всюду угол выбирал. Его горячность, резкость, самонадеянность, неразумное подчеркивание роли собственной персоны, щепетильность при почти полном отсутствии юмора, при неумении последовательно, четко излагать свои мысли очень усложняли его взаимоотношения с людьми как в институте, так и за его пределами, и страшно вредили и ему и, главное, делу. Между тем, именно он был автором ценнейшей идеи, и никак нельзя было обходиться, не совершая несправедливости, без его решающего участия. Мне пришлось немало потратить усилий, чтобы налаживать его отношения с коллегами, в особенности с представителями производства, зачастую просто отказывавшихся с ним работать, что грозило большой опасностью, когда наступила пора широкого промышленного освоения процесса.

Меня без конца отрывали неотложные дела, выезды и командировки, но я все же продолжал непринужденно и неторопливо беседовать с сотрудниками. Теперь уже в памяти от этих первых бесед осталось немногое, но я хочу рассказать еще об одном интересном знакомстве, которое принесло мне потом много приятного. Я имею в виду одного из ведущих теперь ученых нашего института Иванидиса Владимира Ивановича.

...В маленькой угловой комнатке первого этажа, наполовину занятой самодельным лабораторным столом, у бойко качавшейся «утки», без которой, кажется, не обходится ни одна лаборатория органической химии, стоял среднего роста сухонький лысый человек. Когда он, повернувшись на мое приветствие, уставился на меня своими немигающими красивыми карими глазами, всем своим существом выразив почтение и внимание ко мне, я чуть не рассмеялся: под носом с античной горбинкой угрожающе топорщились усы, как будто хозяин собирался ринуться вперед, «встреченных увеча пиками усов», а ниже под подбо-

Created by free version of 2PDF

родком ходуном ходил, будто обеспокоенный моим приходом, кадык. Но подвижное лицо было добрым и располагающим, усы топорщились напрасно, кадык успокоился и ушел в себя. Я сел рядом с Владимиром Ивановичем рассуждать о природе пузырьков, которые выделялись от палочки, соединенной с источником постоянного тока и опущенной в жидкость в «утке», заметив, что половину стола занимали измерительные приборы, предназначенные, очевидно, для наблюдения за поведением этих пузырьков. Рассказывал мой новый собеседник весело, образно, последовательно и интересно. Пузырьки, вылетая из жидкости, уносили с собой много интересных проблем, которые подлежали непременному выяснению. Владимир Иванович оказался аспирантом Шарипа Уахитовича Жедельбаева.

– Вы — единственный аспирант института. Неплохо быть единственным. Только не пойму, почему этот единственный не мог быть помоложе, — сказал я, смеясь, так как Иванидис отставал от меня по возрасту всего на один год.

И Владимир Иванович, тоже смеясь, рассказал мне, как у него возникла запоздалая любовь к науке. Он кончил педагогический институт и уже много лет работал в техникуме, когда познакомился с Уахитом Шариповичем. Беседы с профессором не прошли даром, он стал рыться в литературе, читать по темам этих бесед и увлекся настолько, что почувствовал: у него теперь есть единственный путь в жизни — быть рядом с Уахитом Шариповичем. Естественно, что профессор взял его к себе в аспирантуру.

– И вы сидите теперь, уставившись в эти пузырьки, как свифтовский лапутянин — в зеленый огурец... Поистине, любви все возрасты покорны... и к тому же думаю, что запоздалая любовь бывает, как правило, более крепкой, более устойчивой и более плодотворной, чем ранняя любовь — скороспелка, — пошутил я.

– Спасибо вам за красивое утешение, буду стараться, — ответил мне Владимир Иванович.

Аспирант Иванидис, конечно, хорошо знал, для чего и почему он сидит в этой комнате. И я уже не сомневался в том, что он будет автором неплохой кандидатской диссертации. Его юмор, его непринужденность выдавали в нем человека начитанного, культурного и знающего жизнь. Я впервые за время беседы с сотрудниками решил коснуться темы, не имеющей непосредственного отношения к обязанностям по работе.

– Владимир Иванович, можно задать вам один деликатный вопрос? Что вы скажете о своем научном руководителе? Я его

Created by free version of 2PDF

знаю лишь понаслышке. Скоро он приедет из командировки, хочу знать, честно говоря, о нем больше.

– Уахита Шариповича я уважаю и люблю... И мое мнение, конечно, будет пристрастным... Считаю везением для себя, что являюсь его аспирантом... Сейчас ведь он ездит по вопросам внедрения совершенно новой схемы, предложенной им, на соседнем большом химическом предприятии... Схема эта проста и полностью исключает применение ныне присутствующего в технологии завода вреднейшего элемента, уже, к сожалению, успевшего изгадить окружающую среду. Это плод его почти десятилетнего труда... Вы уже знаете, что несколько человек сейчас постоянно работают над внедрением схемы шефа. И директором, на мой взгляд, он был неплохим... мы тут, снизу, все обсуждаем. Только горяч, вспыльчив, скор на решение... Этим и пользовались такие, как Холод...

– При чем тут Холод?

– Извините, Мажит Муканович, не аспирантское это дело, но раз вы спрашиваете, скажу, что Холод управляет нашим академиком — это все знают...

– Ну что же, Владимир Иванович, у больших ученых бывают большие странности... Но они ведь ценны не этим... Остается пожелать вам стать академиком, а чье-то ненаучное влияние общество вам не простит... Вы, может быть, расскажете мне о схеме своего шефа, — перевел я разговор на другую тему, почувствовав, как заходит слишком далеко, в область недопустимых для первого знакомства пересудов, наша беседа.

– Дай бог, Мажит Муканович, старику-аспиранту стать кандидатом наук. К тому же, старик-аспирант не так глуп, чтобы постараться обскакать своего директора, а до этого у него есть еще и руководитель,— лукаво улыбаясь, не остался в долгу Владимир Иванович. Он, по-видимому, тоже чувствовал неловкость, невольно обсуждая дела «высоких сфер»: заметно было, с каким удовольствием перешел к изложению предложения профессора Жедельбаева. К сожалению, я в этой области науки был подготовлен не в такой степени, чтобы до конца уловить смысл рассказываемого Владимиром Ивановичем, но, слушая его, понял, что работа является очень серьезной и мне не годится быть недостаточно сведущим в научной сути тем, разрабатываемых в руководимом мной институте.

Хотя коллектив института был небольшой, мне потребовалось довольно много времени, пока, беседуя со всеми, обошел всех сотрудников. Я не жалел, что затратил на это столько времени. Я выяснил для

Created by free version of 2PDF

себя многое из этих бесед. Главное, почувствовал, что есть немало людей, с которыми можно работать, есть немало молодых, которых надо, не мешкая, учить дальше; есть и случайные люди, которые, если каким-то образом от них не отделаться, станут балластом. Выяснил и тот печальный факт, что большая часть коллектива работает без руля и без ветрил. Проверяю выполнение плановой тематики института и нахожу, что многие сотрудники Жантака Бокеновича и Холода занимаются не тем, чем следовало бы. В частности тот же Бокенов имеет тему с широковещательным названием, а сотрудники его выполняют частные опыты примитивного содержания, почерпнутые из заводской практики, когда приходится делать многочисленные эксперименты, не требующие особой научной подготовки, но необходимые для решения каждодневных мелких недостатков в технологии. Еще менее понятно, зачем повторяют известное из учебников сотрудники Холода. Я пытаюсь объяснить это необходимостью обучения неопытных сотрудников азам экспериментирования, но ни один из них не может мне объяснить, для чего они выполняют свои эксперименты, и это меня настораживает. Сам Холод редко бывает с сотрудниками, лишь мелькая в короткие промежутки, когда он возвращается из каких-то хождений по общественным делам, поскольку является заместителем Жантака Бокеновича. Нахожу также, что тема академика Хайлова выполняется странным образом. Большая группа людей занята какими-то чисто инженерными расчетами, исходные данные для которых представляет сам академик, не раскрывая, откуда и как они получены. Обсуждая в беседах научную суть работы академика, обнаруживаю, что многое неясно, хотя не нахожу ничего трудного для понимания. На мои вопросы о физическом и химическом смысле явлений, имеющих место или должных иметь место при осуществлении процесса, положенного в основу предполагаемых полупромышленных испытаний, сотрудники Хайлова пожимают плечами, а некоторые из них прямо говорят, что подлежало бы исследовать многое в лабораторных условиях и что, несмотря на неизученность научных основ технологии, шеф рвется к масштабным испытаниям, связанным с большими затратами и неоправданным риском. Слышу и осторожные жалобы на то, что многие из сотрудников по настоянию Михаила Исаковича без особой надобности находятся на одном из южноуральских комбинатов, где медленно возводится установка для испытаний. Словом, необходимого энтузиазма, сопутствующего большому и новому делу, не замечаю.

Чувствую, что во всем институте что-то целесообразное и дельное осуществляется лишь в лаборатории Жедельбаева, да на свой страх

Created by free version of 2PDF

и риск трудится Лапин. Прихожу к неприятному выводу, что в коллективе есть управляющий триумвират Хайлов-Холод-Бокенов, который управляет всем и всеми, не ведая, для чего и почему, ибо в институте не только не выполняется главное, для чего был создан институт — вести лабораторные исследования по актуальным направлениям химической науки и техники, но нет даже намеков на планомерное приближение к этой цели.

Как видишь, дорогой друг, мои неторопливые беседы с сотрудниками привели меня к неутешительному выводу. И теперь мне оставалось, как новому директору, как молодому научному сотруднику, призвать на помощь себе подобных патриотов дела, коих в каждом научном учреждении должно быть подавляющее большинство, и публично при всех сотрудниках обсудить деятельность коллектива, убедительно показать ее полное несоответствие поставленным задачам, отстранить тех, кто не понимает и не хочет понять, как лучше вести и организовывать научные изыскания, нейтрализовать тех, на кого есть надежда, что они исправятся, и немедленно направить научный корабль, называемый институтом, по победоносному пути. Не думай, что эта легкая схема побед не пришла мне на ум. Она пришла сразу же, ибо хотел, жаждал решительно и быстро исправить состояние дел. Но не сделал этого и не мог сделать. Я был достаточно трезв и рассудителен, чтобы понять: жизнь намного сложней надуманных схем, часто преподносимых читающему брату пишущим братом, что, идя по этой схеме, можно расшибить лоб, получить незаживающие раны и ничего определенного не добиться. Помню, как на одном из ученых советов при обсуждении тематики института я осторожно высказал свои соображения о необходимости еще раз обсудить исследования, начатые и проводимые в институте, с точки зрения их развития в фундаментальных направлениях, поскольку коллектив работает над становлением академического научного учреждения. Стоило мне это отметить, как тут же выступил Михаил Исакович и сказал, что вполне понимает озабоченность Мажита Мукановича, но отдельные недостатки для молодого института неизбежны, и что благодаря его, академика Хайлова, деятельности институт поднимает сейчас большую тему по внедрению совершенно новой схемы производства металла, исключающей промежуточные стадии, и это само по себе является показателем быстрого роста коллектива. Его сразу же поддержали Холод и Бокенов. Это было ясным, четким предупреждением о том, что молодой кандидат наук, будь он даже директором, не может определять научную политику института. Я понял это предупреждение и то, что не смогу допускать дон-

Created by free version of 2PDF

кихотства, выступая здесь, на данном совете, с принципиальными возражениями против этих высокопарных заявлений (я тогда считал несправедливым применять по отношению к академику напрашивающееся на язык слово «демагогия»), ибо так называемый совет состоял в основном из людей, еще не созревших для делового обсуждения научных и организационных вопросов, и создан он был лишь потому, что институт, каким бы он ни был, должен иметь ученый совет.

И все же надо было что-то делать, что-то предпринимать, чтобы институт возможно скорее стал соответствовать своему назначению. И я стал думать над этим. Думал много, перебирая все варианты тех решительных и революционных мер, которые рождались в моей горячей голове, и ничего путного не придумывал. И, представьте себе, растерялся. И эта растерянность была вполне закономерной, если вспомнить, что я был воспитан на кафедре профессора, потом известного академика Дьячкова, воспитан в тепличных условиях под надежным крылышком этого великолепного человека, когда главной конфликтной ситуацией, которую мне приходилось преодолевать, была моя собственная лень. Это означало, что я не был морально подготовлен к тому, чтобы при сложившихся обстоятельствах хладнокровно выбрать правильную линию поведения и, спокойно держась этой линии, довести дело до желанного состояния, умело используя при этом ту неизменную поддержку, которую находит в нашем обществе все достойное жизни и развития. Мной слишком владело нетерпение, и, признаться, растерялся потому, что был выскочкой, рано оказавшейся на исключительно ответственной и почетной должности, и главная беда была в этом.

Дорогой друг, написал я этот глагол «растерялся», стал объяснять, почему и отчего растерялся, как поймал себя на том, что рассказываю тебе не всю правду и, возможно, поэтому назвал себя «выскочкой». Хотя у меня не раз бывали моменты, когда я характеризовал собственную персону словами и покрепче, в данном письме не намереваюсь этого делать. Удивительно устроен человек. Обрати внимание на начало моего рассказа, на безмятежно-шутливый тон, перешедший к почти эпическому повествованию о том, как знакомился с институтом и людьми, как был польщен преданностью академика Хайлова своей науке и своей теме и как заранее простил ему все, что можно простить, как пришел после бесед с сотрудниками к неутешительным выводам. А теперь, рассказывая тебе это не совсем далекое былое, чувствую, как снова переживаю события того времени, как теряю спокойствие, как мне совестно за глупости, которые тогда

Created by free version of 2PDF

совершал, и эти переживания заставляют меня, как видишь, терять ту снисходительную доброту, которая владела мною в начале этого письма. Ведь на самом деле я тогда приходил к неутешительным выводам: меня от этих выводов прохватывала холодная испарина. И было от чего придти в такое состояние. Неслучайно у меня вырвалось слово «выскочка». Ведь я приехал сюда, в институт, испытывая поддержку и заботу очень высоких директивных инстанций, выслушав окрыляющие напутствия самого президента. Со стороны президиума Академии все было сделано так, чтобы я был хорошо встречен. И я не был обойден вниманием: не успел, как говорится, приехать, как моя фамилия замелькала в печати, в списке местных выборных органов, моя физиономия несколько раз появлялась перед телезрителями. Можно понять, как мою малоискушенную душу полонила иллюзия, что дела находятся в удовлетворительном состоянии и все движется в необратимом русле. В угаре от этой иллюзии я выступил с широковещательными планами и обещаниями на местном активе, эмоционально говорил о жизни молодого института по радио и телевидению, не преминув очень высоко отозваться о деятельности академика Хайлова, успел съездить в президиум Академии и доложить Сатпаеву о предварительных успехах, напирая главным образом на хозяйственные, где я проявлял, как мне казалось, особую расторопность. Каныш Имантаевич, помню, выслушал меня внимательно, но одобрения, которого я ожидал, не выразил. Он чуть поморщился (или мне так показалось) и сказал, чтобы я продолжал работать и еще более внимательно изучал состояние дел, стараясь доходить до всего сам.

Я выше писал тебе, дорогой друг, что к необходимости подробно знакомиться с делами и людьми института через беседы с сотрудниками натолкнул меня бесплодный разговор с академиком Хайловым. Так думал все время, вспоминая, как начинал работать в институте. Теперь же в этом не уверен, почему-то склонен полагать, что эту мысль мне в большей степени внушила именно эта сдержанность президента, хотя я, несколько обиженный на недостаточную оценку моих «успехов», отнес ее тогда к скороспелости и легковесности своей реляции, а скорее, к усталости пожилого человека, поскольку он принял меня к концу дня. Впечатление же, что на мое дальнейшее поведение повлияла первая беседа с Хайловым, создалось у меня оттого, что постоянно укорял себя за слабую проницательность и недальновидность, когда не смог представить себе академика таким, какой он есть, несмотря на то, что он показал себя всего с этого первого разговора. И я, очень склонный к оправданию своих поступков зад-

Created by free version of 2PDF

ним числом, решил, что именно после этого разговора выбрал свою самостоятельную линию на взаимопонимание с сотрудниками, хорошо сблизившую меня со многими из них. И, наверное, было не случайным, если запомнившиеся подробности краткой встречи с Сатпаевым, постепенно смещаясь в акцентах, привели меня к тому, что я, наконец, оценил мудрый смысл его сдержанности при этой встрече, когда через несколько месяцев окончательно убедился, что дела института находятся в скверном состоянии и докладывать об успехах было опрометчиво и глупо. Между тем, оказалось, что я повторял точно то же, что до меня вещал о течении дел во вновь организованном институте академик Хайлов. И теперь мое отступление от того, что говорил до этого, выглядело как желание выставить деяния академика в неприглядном свете из-за какой-то пробежавшей между мной и им кошки, пробежавшей из-за обычной обывательской зависти не по заслугам вознесенного молодого человека к авторитету маститого ученого.

И вот когда обнаружил, как далека действительность от иллюзорных представлений, вдохновлявших меня до этого, когда понял, что задачи мои не так просто решаются, как мне казалось, и что при решении их необходимо меньше льстить себе воображаемыми вещами, а следует больше, глубже, обстоятельней думать, размышлять над каждым деловым шагом, когда стал догадываться, что руководство научным учреждением имеет много сложностей и для более подготовленного, чем я, человека, пришел к тяжелому выводу: мне все это не только не под силу, но вообще не имею морального права дальше работать из-за своего несоответствия возложенным обязанностям. Мне теперь весело и смешно, когда вспоминаю тогдашнее мое душевное состояние. Но тогда было совсем не весело и совсем не смешно. Я был глубоко удручен своим легковерием и своей глупостью, мне было стыдно за себя... И тут есть одна деталь, дорогой друг, на которую хотел бы обратить твое внимание. Стыдился я, конечно, за свое легкомыслие, внешним проявлением которого были мои недопустимые заблуждения относительно состояния дел в институте. Но казнил себя не за не оправданное высокое доверие, оказанное мне, за что, казалось бы, должен был обвинить себя больше всего, а главным образом за то, что обнаружил в себе совсем не того, кем моя персона мне же рисовалась при привычной и частой склонности к самолюбованию. Точно знаю, что это было именно так, и почему-то полагаю, что причиной душевных драм многих большею частью является обнаружение того печального разлада между собственными представлениями о себе и

Created by free version of 2PDF

тем, что вытекает из фактов жизни и деятельности их. Мне думается, что душевные драмы, природу которых мы склонны облагораживать задним числом, переживаются слишком остро именно по этой причине, ибо во многих из нас, к сожалению, до поры до времени довольно крепко сидит тот маленький, холеный, пухленький, капризный, убаюканный баловень воображения, который носится с собственной персоной, как с писаной торбой. Мне теперь весело и смешно потому, что, исполняя капризы этого жалкого в своей самовлюбленности баловня, я решил отказаться от должности директора. Нельзя сказать, что пришел к этому решению внезапно. Я, казалось, много думал, но мою разгоряченную голову занимали почему-то разнообразные варианты тех решительных мер, которые должны были привести к немедленному успеху, но которые при серьезном обсуждении с самим же собой лопались, как мыльные пузыри. Я трусливо отталкивал от себя трезвые соображения о преодолении трудностей, потому что был в обиде на себя же самого, что совершенно не способен на достижение целей, требующих длительной выдержки, упорства, настойчивости и методичности. Я явственно обнаруживал свою беспомощность, и мне не оставалось ничего иного, как подать заявление на имя президента об освобождении от занимаемой должности, что немедленно и сделал. Интересно, что до этого шага мучился, замкнулся в себе, метался, проявляя неровность во взаимоотношениях с окружающими в институте, что, как потом я выяснил, с удовольствием регистрировалось Холодом. Дама, у которой ты пользуешься особым расположением, делала вид, что ничего не замечает, ожидая, пока сам раскроюсь. С плохо скрытой тревогой смотрела на меня мать, когда я приходил к брату, у которого она жила, или когда она навещала, видя, что ее сын, в которого она сильно верила, переживает что-то неладное. Но как только отправил свое заявление, мне стало легко, я впал в безмятежность, даже мои научные дела, думать о которых не переставал ни при каких обстоятельствах, стали маячить в каком-то зыбком отдалении, и я впервые испытал невиданное блаженство от равнодушия к ним. Куда-то пропали мои затаенные мечты о подвигах, о славе... Я приходил в институт, не особенно утруждая себя расспросами, легко подписывал бумаги и убивал время на пустые разговоры с Бокеновым. Этот своеобразный аксакал с ежиком седых волос над покатым лбом, с обширным носовым платком, постоянно готовым оказаться у неимоверно большого носа, который, казалось, был создан лишь для громких сморканий, сидел в кабинете с большим удовольствием, находя, что молодой руководитель становится хорошим челове-

Created by free version of 2PDF
Bukejow University

ком, вполне оценивающим его достоинства. Начал нравиться и Хайлову, ибо вместо того, чтобы задавать заместителю беспокойные вопросы, я уезжал кататься на служебной машине по городу и окрестностям, занимая себя только одной мыслью, когда же придет ответ на заявление. О работе не думал, утешая себя тем, что у нас в стране безработных нет. Между тем, ответ на мое заявление не приходил; желая как-то косвенно узнать о судьбе своего письма, звонил в президиум по различным мелким вопросам, но не почувствовал, чтобы кто-либо был посвящен в мой шаг. Я знал, что Каныш Имантаевич Сатпаев в отъезде (где-то за границей), но по моим подсчетам он должен был успеть получить. И я ждал. Ждал почти месяц, пока, наконец, не получил телеграмму с приглашением приехать. Я понял, что эта телеграмма предвещала серьезный разговор, поскольку такие вопросы, как смещение директора института, с маху не решаются, и напрасно я полагался на чудодейственную силу бумаги, а это последнее еще раз свидетельствовало о той безответственности, с коей я относился и к своей должности, и к своему положению. Безмятежность моя улетучилась, когда представил себе зоркий взгляд аксакала и внутренне съежился, как мелкий воришка, только что уличенный в краже. Пока ехал, а приехав, дожидался часа приема, передумал десятки вариантов, как себя вести, пока не пришел к заключению, что нет необходимости подробно объяснять, занимая время большого человека; следует просто сказать о своем решении кратко, четко, далее молча настаивать на своем, что бы ни говорил Каныш Имантаевич.

Я вошел и не сразу посмотрел ему в лицо, боясь его укоризненного взгляда. Может быть, от этого заметил, как Сатпаев легкими хлопками ладони о ладонь сбил остатки молотого табака насвая, маленькую щепотку которого он закладывал за губу: при этом успел обратить внимание, как гибко и красиво разогнулись его длинные пальцы. Во всех его движениях была такая спокойная обыденность, что, когда решил поднять глаза, к своему удивлению не увидел ничего необычного ни в его лице, ни в его взгляде. Мало того, грузно поднявшись с места, он приветливо улыбнулся, подал мне руку и стал расспрашивать подробно, по-степному, о житье, о келин, о матери, детях, и я даже было подумал, что мое заявление до него не дошло, и он вызвал меня совсем по другому вопросу. Но, оказалось, ошибся.

– Ну что, Мажеке, получил ваше заявление,— сказал он,— спрятал в стол. Вот оно. Заявление ваше меня расстроило. И расстроило не потому, что предстоят хлопоты по поискам и назначению нового директора, не потому, что вы там разладили дела и предстоит большая

Created by free version of 2PDF

работа по приведению их в порядок... Вовсе не поэтому. Это обычное дело, когда кадры у нас выбывают, а выбывают не только по заявлению, а по многим другим причинам, которых в жизни много... Можно заболеть, можно умереть... Расстроили же вы меня тем, что вы оказались не тем, кого представляли мне здесь мои друзья и ваши поклонники, вы оказались не тем, кого в вас видел я после наших бесед. Самое тяжелое то, когда мы ошибаемся в людях...— он сделал паузу; я раскрыл рот было, чтобы, ухватившись за последнее, сказать, что и мое решение связано с тем, что ошибся в людях, а также и в себе, но, увидев его нетерпеливый жест, замолчал.— И еще большее разочарование приносят молодые коллеги, показывающие во всем себя прекрасно только до первых трудностей... Расскажите, что с вами там случилось?

Я посмотрел на него: куда девалась та обычная бодрость, с которой он встречал меня? Передо мной усталый, старый человек, которому страшно надоело возиться с несмышленышами, не приносящими ничего, кроме болей и разочарований. Признаться, я считал, что дело должно решаться походя и спокойно, среди многих других больших и малых дел, которые решает этот мудрый человек, облеченный доверием в масштабах, представлявшихся мне с трудом. Передо мной сидел не президент, спокойно и властно отдающий распоряжение, четко поправляя и координируя крупнейшие научные дела, не руководитель, чей холодный рассудок не колеблют эмоции, характерные для обычных смертных, а мой покойный отец в те моменты жизни, когда ему казалось, что его старший сын не тот, кем он представляется ему в мечтах. Помню, как-то до войны, поехав в соседнее село за почтой, чуть было не загнал колхозного коня, увлекшись его резвостью, и бригадир, крича и ругаясь на чем свет стоит, притащил меня за шиворот домой. Он шумел, грозился, что придется Мукану платить за измученного коня, пока как всегда находчивая мать, сказав что-то смешное и примирительное, не успокоила его. Бригадир, выпив чашку кумыса, попросил наказать Мажита по заслугам, ушел. Отец продолжал так грустно смотреть на меня, будто хоронил он во мне все свои чаяния и мечты. От этой мгновенной ассоциации, всплывшей перед моими глазами, пропали, улетучились твердость и уверенность, которые нагнетал я на себя, не шла на язык заранее приготовленная краткая речь, я сидел и молчал, не в силах еще раз поднять глаза на человека, который берет на себя боли за все глупости мне подобных, равнодушно и беззастенчиво носящих в себе его обманутые надежды. Молчал и президент. Не знаю, сколь долго продолжалось это молчание, но во мне проснулся

Created by free version of 2PDF

воспитанник Алжигана-ата и дяди Жактая, я выпрямился, обратил взор к президенту и спокойно, очень спокойно сказал:

– Вы могли бы вернуть мне эту жалкую бумагу?

– Пожалуйста.

– Вы разрешите мне ее порвать?

– Рвите... Все? А сказать есть что?

– Есть что. Много что. Но все совершенно противоположное тому, что вам и другим говорил до сих пор... И в этом главная беда!

– Говорите!

Я начал подробно рассказывать обо всем, о чем успел уже тебе, дорогой друг, написать. Говорил, наверное, долго, президент ни разу не перебил меня. Заканчивая речь, сказал:

– Я теперь только понял, почему вы обращали внимание, напутствуя меня, именно на эти обстоятельства. Я теперь только понял, почему вы были сдержанны, когда докладывал о состоянии дел в прошлый раз.

Он сидел, с вдумчивой суровостью на лице слушая мое излияние, сидел, не изменившись в лице, когда последними двумя фразами отметил его мудрость и прозорливость. Он понимал, что это я сказал не для того, чтобы понравиться. Этого человека нельзя было подкупить мелкой лестью, на которую мы не скупимся, посещая многих других людей, от которых зависят наши дела. Я замолчал. Молчал и он, опершись правым локтем о стол и положив монументальную голову свою на правую ладонь. Наконец сказал:

– Невеселые у вас дела, молодой человек. Но главное здесь то, что вы поняли, что они, дела, невеселые. Кроме того, мне импонирует, что вы свои ошибки ни на кого не сваливаете, вы суровы к себе... Но из этого у мужественных, принципиальных, дельных людей должно вытекать, что они сами же должны исправлять свои ошибки. Мужество заключается не только в том, чтобы признать ошибки, это полдела, это, скорее, четверть дела. Эти признания иногда оказываются просто честностью слабого человека, если не назвать это трусостью, когда мы признаем ошибки и тут же уходим в кусты. Нет, дорогой мой, мужество заключается в том, когда за признанием ошибок следует дело, может быть, требующее упорства, смелости, напряжения сил. Мы не будем больше упоминать о вашем, прямо скажем, позорном заявлении, хорошо, что мне сразу принесли и я велел никому его не показывать, но необходимо, чтобы подобное у вас не повторялось. Вы говорили о нетерпении. Нетерпение – хорошее дело, когда оно сгоняет с нас вялость и флегматичность при исполнении дел и не приводит к плохому

Created by free version of 2PDF

осуществлению или вовсе к профанации задуманного. Нам надо помнить о неоправданной торопливости и чувстве боязни дальних целей, которые, как я заметил, присущи многим нашим товарищам. Может быть, это связано с тем, что мы только что вышли из кочевий с немудреным хозяйством, когда мечтали лишь о сегодняшнем, считая, что завтра аллах поможет, и почти никогда не задумывались над дальними перспективами в смысле осуществления больших, долговременных замыслов, которыми ныне полны головы наших ученых, инженеров и многих других людей, замыслов, требующих больших знаний, размаха и терпения. Если мы, дети вчерашних кочевников, сегодня участвуем в решении дел, которые нашим отцам и не снились, то надо этим гордиться и ради этого ломать, вытравлять вредные привычки прошлого, то есть я считаю, что нам всегда надо думать, когда мы слишком торопимся, не говорит ли в нас кровь, впитавшая вековые традиции, когда приходилось жить лишь сегодняшним днем? Я всегда опасаюсь, когда в наших товарищах слишком проявляется торопливость или то, что вы красиво называете нетерпением. В науке крупные дела делаются не в один день даже у подготовленных коллективов. Еще труднее научить, сплотить, направить еще неподготовленных людей на крупные дела. Надо работать исподволь, умно и неторопливо. Я вам говорю, кажется, самые известные вещи, но, к сожалению, многое из самого известного приходится повторять, ибо эти азы, как будто много раз слышанные и понятые, в деятельности многих, особенно молодых, преломляются неправильно. Элементы неправильного преломления известного наметились, Мажеке, и в вашей работе...

Далее он подробно проанализировал все, что я говорил, дав конкретные советы по каждому случаю, и сказал:

– Мы вас будем поддерживать, но хорошо поддерживать мы сможем вас, если вы будете умно работать, принимать правильные решения, увязывать свои действия с возможностями на месте. Все зависит от вас. Очень жаль, что вы включились, вернее, успели включиться в хайловские громкие слова о достижениях. Необходима исключительная скромность, надо уметь говорить после дела... Вначале было дело...

Я рассказал, как после неоднократных заявлений Михаила Исаковича о том, что должность заместителя сильно мешает ведению его научных дел, попросил его написать заявление, обещав на основе этой просьбы обратиться в президиум с ходатайством об освобождении академика от обременительных административных обязанностей. Михаил Исакович слегка побледнел, но сразу же согласился написать такое

Created by free version of 2PDF

заявление, однако подобную бумагу не увидел у себя на столе ни завтра, ни после, зато академик перестал говорить об обременительности того, чем он почти не занимался. Президент звонко засмеялся, краснея всем лицом, как всегда, когда он от души смеялся, и сказал:

– Покойный Петр Иванович Ванин был прекрасным человеком, крупнейшим организатором науки в стране, оказывал нам неоценимую помощь, но Хайлова он нам все же подсунул...— сделал паузу, посмотрел на меня и вдруг нахмурился; по-видимому, оттого, что на моем лице выразилось преувеличенное внимание к последней его фразе, и, может быть, чтобы отрезать дальнейший мой интерес к истории появления в нашей Академии Хайлова в ореоле почета, резко, назидательно добавил: — Да, да, академик Ванин был выдающимся человеком, но учтите, молодой человек, что у очень больших людей и слабости бывают большими... И поэтому я это говорю не в упрек покойному, а скорее в упрек себе...

Затем еще раз сделал паузу, лицо его приняло прежнее спокойное выражение, и продолжил:

– В данных обстоятельствах вам с Хайловым придется еще поработать... Начинать дело со смещения единственного академика, я думаю, опрометчиво... Опрометчиво и негоже также убивать время и энергию на доказательство, что академик неправильно ведет свои научные дела из-за некомпетентности... Ученые звания ему даны не вами. Кроме того, он достаточно нашумел о себе там на месте, и академику люди пока верят... Если вы постепенно поведете коллектив на солидные, основательные дела и в этом прежде всего сами лично будете показывать пример как научный работник, все негодное, наносное, временное отпадет само собой... На мелкие интриги и интрижки надо реагировать не контринтригами и интрижками, а работой, положительной, целенаправленной работой... Но повторяю, что на все это необходимы энергия, выдержка, время... Помните, как в наших скачках-байге на дальние расстояния в 40-50 верст ставили не на ту лошадь, которая, хорохорясь, старалась показать свою резвость с первой версты, а на ту, которая набирала скорость умеренно и спокойно... Опасно проявление прыти с первого шага...

Уже было поздно. Беседа затянулась. Во всем огромном здании Академии остались, наверное, президент, я и секретарь. Уже звонили ему из дома, и он уже давно ответил, что вот-вот собирается выехать. Я за эти дорогие и короткие часы больше, чем когда-либо, испытал, как слова могут полосовать кости, тогда как плетка имеет дело лишь с кожей и мясом. Но, содрогаясь всем своим существом от этих ударов, я

Created by free version of 2PDF

чувствовал, что мне нет возврата и не остается ничего другого, как напрячь все свои силы и все свое умение, чтобы не обманывать надежды этого человека и всех других хороших людей, делающих на меня хоть какую-то ставку, чтобы не причинять в дальнейшем боли, подобно сегодняшней. С этим и вышел от Каныша Имантаевича. У здания Академии мне встретился знакомый аксакал, не забывший степную привычку приветствовать длинно и подробно. Задержавшись с аксакалом, я имел возможность видеть, как, опустив плечи, сгорбившись, странно сузившись в груди, грузно, тяжело, очень устало прошел мимо Сатпаев: куда девались его обычная величавая стать и упругая поступь, которыми нельзя было не залюбоваться... Еще раз щемящей болью отозвалось во мне, что в эту старческую усталость его немалую лепту внес сегодня и я, Мажит, сын Мукана...

Нужно ли теперь, дорогой друг, подробно рассказывать о том, как я, стиснув зубы, взялся по-новому за институтские дела? Думаю, в этом нет необходимости. Боюсь, что подробности сведутся к скучному перечислению событий и ситуаций, интересных лишь тем, что они мне запомнились, причинив когда-то радости или огорчения. Ведь я еще ни слова не написал о своих научных дерзаниях. Между тем, мне «борьба мешала быть поэтом, а поэзия мешала быть борцом»: научный работник, сидевший во мне, часто ослаблял мое административное рвение, сбивая с толку своим нашептыванием, что коснуться хотя бы в какой-то степени доброго, вечного можно лишь через научную работу; и, несмотря на это, большие и мелкие организационные и хозяйственные хлопоты захватывали меня, оставляя слишком мало времени для раздумий, зародившихся на том уральском заводе, где побывал, руководя практикой студентов. Хлопот этих было много, и я не могу не рассказать хотя бы о части из них.

Теперь смешно вспоминать, что работал тогда, действительно, стиснув зубы в постоянной обиде на предков, наградивших меня своей склонностью хвататься за ту мелочь, которая рядом в мешочке-дорбе, совершенно не помышляя о том большом и изобильном, что можно привезти издалека, но зато в телеге-арбе. Я старался, следуя внушениям Каныша Имантаевича, мыслить не только сегодняшним днем, утешая себя прекрасным будущим, в которое, не колеблясь, верил, не переставал расстраиваться оттого, что всего надо ожидать долго, слишком долго. Мечталось, например, иметь хорошее здание института. Знал, что оно будет, но не скоро. Еще только начиналась проектировка, за окончанием проекта следует утверждение его; затем лишь будут отпущены деньги на строительство, и

Created by free version of 2PDF

строиться будет не один год... Следовательно, пока придется ютиться в этих маленьких, не предназначенных для таких целей помещениях и работать, расти в них. Подыскивается утешение: может быть, даже к лучшему, что большое, просторное, современное здание с мастерскими со всеми видами станков, с техническим подпольем не будет возведено скоро, ибо в такое здание должно поселиться вполне оформившееся, зрелое, добротное научное учреждение. А для этого надо основательно и плодотворно потрудиться в этой тесноте и при этих неудобствах. К сожалению, удачное утешение не ко всему подыщешь. Необходимо, например, широко готовить кадры через аспирантуру. Поскольку в институте правом иметь аспирантов обладают лишь академик Хайлов и доктор наук Жедельбаев и их услуг будет явно недостаточно, придется обучать кадры на стороне. А это значит, что цвет нашей молодежи будет передан в другие научные учреждения, а через три года возвратятся молодые ученые с явной тягой к научным интересам тех школ, где они проходили научную подготовку, и институт в будущем будут долго распирать центробежные устремления их. Значит, надо готовить кадры большей частью у себя, используя свои возможности, или, в крайнем случае, необходимо убедить отдельных крупных ученых помочь подготовить и вырастить молодых по нашей тематике. Рассказываю эти соображения Михаилу Исаковичу и прошу у него совета:

– Мажит Муканович, я буду делать все, что вы скажете, — говорит Хайлов, желая в данный момент быть более заместителем, чем академиком.

– Михаил Исакович, я скажу вам то, что мы с вами, посоветовавшись, решим. Больше ведь нам не с кем советоваться. Вам надо по-своему широко готовить кадры. Думаю, что вам следует взять несколько молодых, подающих надежды, в аспирантуру, нас президиум Академии не ограничивает в этом. Найти бы вам также доброжелательных ученых из широкого круга вашего знакомства, чтобы они готовили аспирантов по нашей тематике, в пределах наших ученых интересов.

– Академик смотрит на меня такими ясными глазами, что я не нахожу в них и тени раздумий по поводу тех серьезных проблем, ради которых я затеял разговор.— Так как вы думаете, Михаил Исакович, — продолжал я, не теряя надежды на то, что он поддержит меня, подскажет что-то разумное и дельное.

– Мажит Муканович, я же вам говорил, что я не собираюсь отталкивать тех, кто у меня пожелает учиться... Пусть приходят, пусть подают заявления...

Created by free version of 2PDF

– Но вы же знаете, что к нам, в новый институт, еще не имеющий ни известных дел, ни известного имени, мало кто придет со стороны по конкурсу, по объявлениям... Следовательно, надо выбирать из своих лучших, а на освободившиеся места заказывать, брать молодых специалистов... Это же выгодно. И сами не заметим, как люди вырастут...

– Я понимаю вас, Мажит Муканович, но у меня столько забот со своей темой с полупромышленными испытаниями, что просто некогда просить, подбирать, как вы говорите.

– Ну хорошо, это я возьму на себя. А вы как относительно того, чтобы размещать подающих надежды на научный рост в аспирантуре в других научных учреждениях.

– Я не считаю, Мажит Муканович, целесообразным разгонять людей по другим научным учреждениям и этим ставить под угрозу научную тематику института... — Михаил Исакович смотрит на меня все теми же ясными глазами, но чувствую, как в его голосе вкрадчивые нотки постепенно и все более отдают приближающимся звоном металла; это означает, что мой собеседник уже перестает быть заместителем и становится академиком.

– Но, Михаил Исакович, надо же готовить кадры на будущие большие дела.

– Они будут, вырастут, надо приглашать...

– Откуда же их пригласим... везде же не хватает... знаете же, как растут научные потребности страны...

– Будут квартиры, условия... приедут...

Я понимаю, о чем говорит академик: он считает, что на то и поставлен кандидат наук директором, чтобы заниматься именно этими вопросами, а не научными проблемами, являющимися прерогативой академика. С этим я даже согласился бы, если бы в деятельности Михаила Исаковича находил что-то соответствующее разумным видам на наше дальнейшее развитие. Чувствую, что мне становится не по себе, но сдерживаю себя и говорю как будто спокойно.

– Пока мы не будем ценить своих людей, мы ничего путного не сделаем...

– А я и ценю их... и поэтому не рекомендую разгонять по другим научным учреждениям...

– То есть как разгонять, я разве это говорил?

– Вы хотите разогнать, и вы на меня не кричите...

– Откуда вы взяли, что я на вас кричу?

Created by free version of 2PDF

– Я уйду... вы на меня кричите... Я не привык к этому, я был научным работником, когда вы под стол пешком ходили.

Он сделал оскорбленную мину на лице, поднялся и ушел. Честно скажу, дорогой друг, что своим быстрым уходом академик почти спас меня, так как уже было начал чувствовать, как внутри нарастает что-то совершенно неподвластное мне. И в то же время Михаил Исакович проявил здесь большую опытность, чем я. Он обвинил меня в том, чего не было, заметив накипающую во мне злость. Значит, я выдал себя, еще слаб и не умею скрывать свое волнение. Мне стало стыдно, я готов был уже пойти извиниться перед Михаилом Исаковичем, но что-то меня удержало, возможно, то, что я все-таки не кричал на него.

Каково же было мое удивление, когда при первом появлении моем в Академии после этой неудачной беседы с Михаилом Исаковичем главный ученый секретарь Академии, к которому я зашел по делам, подал мне бумагу, где я прочитал жалобу своего заместителя на имя президента по поводу моего нетактичного поведения, выразившегося в том, что я кричал на академика. Я был в таком шоке, что на вопрос главного ученого секретаря, почему опускаюсь до таких вещей, не мог ничего сказать. Лишь несколько раз повторил, что этого не было, ловя себя на том, что этим могу вызвать подозрение в желании показать академика Хайлова еще и лжецом. Не знаю, или этот умный руководитель уже знал Хайлова в какой-то степени, или по моей растерянности понял, что я не могу признаться честно, в общем, помню, что он не стал расспрашивать подробности и перешел к делам, которые заняли у нас довольно много времени. Уходя, все же нашел нужным сказать, что я на самом деле не кричал и могу это подтвердить в присутствии Михаила Исаковича, но раз уж вызвал эту жалобу, значит, вел себя в чем-то неправильно; это для меня будет уроком. Главный ученый секретарь, отличавшийся холодным бесстрастием на лице, неожиданно засмеялся и сказал:

– Теперь не хватало, чтобы здесь я устраивал сеанс очной ставки Нурбаева с его заместителем... Этого не будет... Поймите, как смешно и неприлично, когда молодой руководитель не находит подхода к единственному академику в институте... И, пожалуйста, не раздумывайте, не начинайте теперь у себя доказывать, что вы правы...— сурово закончил он.

Вышел я тогда от главного ученого секретаря, негодуя и на себя, и на Хайлова, но все же был доволен, вспомнив, что не пошел я тогда к академику извиняться. Ты представляешь себе, дорогой друг, каким прекрасным, благородным человеком и ученым выглядел после этого

Created by free version of 2PDF

учитель моего друга Вербы профессор Яницкий Георгий Леонович, на которого, как тебе уже писал, я действительно кричал и которому теперь мог бы в ноги поклониться, прося прощения за мое тогдашнее безобразное поведение. И как все вообще познается в сравнении! Ныне, например, уверен, что совершенно иначе оценил бы своего учителя академика Дьячкова Дмитрия Викторовича и многих других ученых, с которыми меня сталкивала судьба, не будь рядом Хайлова Михаила Исаковича. Не так бы оценил даже своего друга по кафедре доцента Куцего, если бы не встретил и не работал вместе с Холодом, которые знали друг друга ввиду близости тематики. Я привык, например, на кафедре Дьячкова к тому, что перед кабинетом профессора постоянно торчали какие-то люди, представлявшиеся то научными работниками разных учреждений, то инженерами с производства, ожидая приема Дмитрия Викторовича. Привык к тому, что не было отбоя от желающих консультаций, которых Дмитрий Викторович отсылал к одному из нас — к Куцему, Гайнитдину, Углеву или ко мне. И вслед за шефом и мы стали приобретать какой-то вес и авторитет перед людьми, тяготевшими к научным интересам нашего руководителя. Я уже знал, как далеко отстает академик Хайлов по уровню от моего учителя, и, тем не менее, был поражен, когда начал разговаривать с сотрудниками, работавшими в группе Михаила Исаковича, уговаривая их поступать в аспирантуру: ни один из них не соглашался идти в ученики к своему руководителю. Высокий, чернявый парень, узбек Аккулов с постоянным южным загаром, не сошедшим за пять лет пребывания в Москве и более года у нас, сидел передо мной, угрюмо уставившись в пепельницу. Когда же я закончил свою речь, он посмотрел на меня большими иссиня-черными глазами из-под густых среднеазиатских бровей и твердо сказал, как отрезал:

– Мажит Муканович, вы что, хотите меня погубить... Он же в области теоретической химии остался на уровне тридцатых годов, когда он, как гордо свидетельствует сам, работал доцентом у известного профессора... Больше он никогда не изучал этот предмет...

Это говорил мне молодой специалист, над которым я подтрунивал, говоря, что он приехал к нам помогать в развитии химической науки от имени узбекского народа, и называл его научным несмышленышем. Уговаривал я многих, кроме одного — Ерофеева, которому было, в общем-то, все равно: учиться в аспирантуре или оставаться инженером в лаборатории. Теперь многие из тех, кого я тогда уговаривал, стали ведущими работниками, и самым ярким из них остается Аккулов, при встрече с которым мы обязательно вспомним, как я соби-

Created by free version of 2PDF

рался отдать его в ученики Хайлову. Лишь Ерофеев, согласившийся быть аспирантом Хайлова, остался тем, кем был. Впрочем, и то, что Михаил Исакович не захотел утруждать себя поисками научных руководителей для подготовки аспирантов по близким его научному профилю специальностям, обернулось для меня, как теперь понимаю, своей приятной стороной. Я познакомился со многими учеными Москвы и других научных центров и сейчас с благодарностью вспоминаю, как они легко вошли в научные интересы нашего института. Самое отрадное, что контакты их со мной и с их бывшими учениками, то есть с теми, кто не пожелал идти в ученики к Хайлову, продолжаются.

Я, может быть, не так оценил бы скромность своего учителя Дьячкова, от которого не услышал ни слова о его научных достижениях, и тем более ни разу не пришлось уличить его в желании доложить о них где-то ради чьей-то благосклонности, если бы не видел, как успевал обходить Хайлов различных людей, перед которыми ему необходимо было выглядеть на уровне, и рассказать о достижениях и успехах в лабораториях института, в особенности в его лаборатории. Вслед за ним мне приходилось отвечать на телефонные звонки и давать разъяснения, с трудом сохраняя почтение к имени академика. И все же этот метод «оперативной информации» сыграл свою роковую роль для Хайлова и помог мне освободиться от его академической деятельности в качестве заместителя директора. Получилось так, что через некоторое время нашей совместной работы, может быть, ввиду молчаливости, которую я приобрел после памятных уроков, на меня местные руководящие и общественные органы все меньше обращали внимание, и я стал выглядеть завистливым молодым недоучкой, мешающим работать академику. Институт представлял в выборных и других органах в основном Хайлов. Мне было очень неприятно, но я только теперь понимаю, как это сберегало мне время для научной работы. И в этот момент наибольшей популярности заместителя директора нашего института в городе открыли филиал большого центрального научно-исследовательского института с тематикой как раз по профилю Хайлова. Один из руководителей области, которому особо импонировал Михаил Исакович своей легкостью и расторопностью, предложил его кандидатуру на должность директора этого филиала. Академик с радостью согласился. Я все же был трудным директором для него. Может быть, согласился еще и потому, что полупромышленные испытания, о которых он столько шумел, закончились с совершенно ясными отрицательными результатами. По-видимому, он предчувствовал это, так как за несколько месяцев до получения их вел себя нервозно, каждый раз по-

Created by free version of 2PDF

вторял, что не хватает у него людей, приборов и много другого. Я, наученный горьким опытом, все возможности института представил в его распоряжение. Не довольствуясь этим, приехав на одно из собраний Академии, зашел вместе с Хайловым к президенту и доложил, что со стороны института оказывается всяческая помощь и все мы надеемся, что полупромышленные испытания закончатся успешно. Михаил Исакович вынужден был нехотя кивнуть головой в знак согласия. Мне этого было достаточно, чтобы застраховать себя от жалоб, которые он выражал (и письменно, и устно) по каждому поводу. Очень склонен был он, например, винить меня в уходе от него сотрудников. Поэтому каждый случай увольнения или перехода в другую лабораторию работников Хайлова я стал обсуждать вместе с представителями общественности в его присутствии. Словом, я не мог быть не благодарным Михаилу Исаковичу, ибо навострился так, что в последующем на каждую жалобу его имел готовый ответ. Михаил Исакович продиректорствовал всего один год, пока в отраслевом институте, работа которого в отличие от академического связана с решением конкретных, безотлагательных задач, не убедились в его негодности. И он снова вернулся к нам в институт как действительный член Академии, имеющий по уставу право работать в одном из ее учреждений, но теперь уже в качестве старшего научного сотрудника. Вернулся он бодрым, уверенным в себе, и оставление административной должности выдавал как желание углубиться в новую, модную область науки. И во всеуслышание говорил, что он уже занимается в этой области, и ему нужны для этого условия, и что он имеет поддержку от больших людей, будто именно они дали ему это задание. Помню, как однажды, когда я уже стал доктором наук, он мне посоветовал прочитать его статью, напечатанную в вестнике нашей академии, совершенно серьезно уверяя меня, что найду в ней много полезного. Я не выдал, что знаком с этим слабеньким изложением уже известного, решив воспользоваться разговором о статье, чтобы порасспросить о сути проблемы, которой он теперь занимается. Мне стало жаль его, когда убедился, что его знания находятся на уровне популярных изданий по этому вопросу. Тем не менее, он говорил весьма убежденно и, казалось, был уверен, что занимается делом глубоко, на фундаментальном уровне.

У академика Хайлова есть одна замечательная черта, которой я очень завидую: он не знает и тени сомнения относительно своих поступков, он никогда не бывает неправ, обладая счастливейшей способностью относить неудачи и ошибки ко всему и всем, но только не к себе. От этого он не знаком с такими расслабляющими человека свой-

Created by free version of 2PDF

ствами, как стыд, раскаяние, самоосуждение, самобичевание, которым подвержены обычные смертные. И он всегда здоров, спокоен и совершенно уверен в своем предназначении. Помню, как разбредались, разуверившись в своем руководителе, довольно серьезные люди, приехавшие по зову академика; разбредались потому, что не видели конкретной работы, увлекающего научного задела. Для многих такой оборот дел носил даже элементы драматизма, т.к. не только рушились надежды, но надо было снова где-то устраиваться, перевозить семью, детей и т.д. Хайлов смотрел на все это совершенно спокойно, как будто он не имел к этим людям никакого отношения; во всяком случае мне не удалось заметить у него хотя бы крупицу участия к судьбе этих, в общем-то, неплохих и нужных при другой обстановке специалистов.

После того, как Михаил Исакович ушел из института, я, приехав в президиум, зашел к президенту и доложил о делах, об обстоятельствах перехода Хайлова в филиал центрального института.

Это была моя последняя беседа с Канышем Имантаевичем, она произошла незадолго до его роковой болезни и кончины.

– Я знаю,— сказал президент,— он просил у меня разрешения, и я не стал возражать... Уж очень трудный человек... И вы, по-моему, не огорчены по этому поводу.

Я собрался с духом и решил пошутить:

– Нет, огорчен. В течение трех лет он был моим постоянным отрицательным учителем, я делал обратное тому, что делал он, и у меня результаты получились неплохие. Теперь во мне, боюсь, не будет прежнего желания застраховать себя от превратных суждений о намерениях и поступках, и пойдут ошибки в делах...

Произнося эту шутку, я очень боялся, что она не будет принята. Президент улыбнулся и сказал:

– Что ж, на самом деле, ведь в этом есть какая-то доля правды... Поэтому-то у нас в народе говорят; добрая шутка достойна серьезного обсуждения... К сожалению, не скоро переведутся такие люди, как Хайлов. Я многих таких знаю: был человек до поры до времени полезен, хорошо работал, и вдруг наступает момент, и этот человек становится вот таким Хайловым, который сам не может ничего делать и которому не нравится все, что другие делают... Вы встретитесь еще со многими из них... И тем не менее, при определенных обстоятельствах и они могут быть полезными, старайтесь видеть за всеми их недостатками полезное и нужное.

Мне было приятно, что он не только принял шутку, но и высказал советы, которые я запомнил, и, может быть, от этого я потом много

Created by free version of 2PDF

думал, как и почему Михаил Исакович дошел до степеней известных и мог уверовать в свою значительность и непогрешимость, не имея на то никаких оснований. При этом я обратил внимание, что единственным кумиром и авторитетом в научном мире для Михаила Исаковича являлся Ванин, который, естественно, того заслужил, но странно было, что я не слышал столь же почтительного упоминания имен других, не менее выдающихся ученых. О современниках же он говорил лишь для того, чтобы подчеркнуть, насколько они ценят его, Михаила Исаковича, заслуги и деяния. Знакомясь с учеными трудами Хайлова, я увидел, что это были работы, характерные лишь своей ординарностью, но что в самых лучших из них фамилия Михаила Исаковича стояла вслед за фамилией Ванина. Докторскую диссертацию он защитил под руководством Ванина. Михаил Исакович, особо гордясь, рассказал, что Ванин заставил его защищаться, указав на значительность его работ. С особым удовольствием он также отмечал, что был правой рукой Ванина в работе, которая потом получила высокую государственную оценку. Молодящаяся, когда-то, по-видимому, обворожительно красивая жена Михаила Исаковича при встречах находила необходимым простодушно подчеркнуть, что покойный академик Ванин был их благодетелем и семейным другом, что особо ценил ее Мишу. В самом этом факте близости маститого ученого к своему сравнительно молодому ученику ничего необычного, казалось, не было, но меня поразила этакая старомодная, по Островскому, купеческая форма выражения благодарности. И мне показалось, что Михаил Исакович, пока находился в твердых руках Ванина, рос, делал полезные дела; но в это же время в нем твердо укреплялось сознание, что он, будучи самым близким человеком к Петру Ивановичу, является также и его научным наследником, что никто ему, кроме Ванина, не советчик и не указчик и что он в своей области науки после Ванина чуть ли не единственный законодатель и судья. Он ничего не понял тогда, когда сумел успешно провалить полупромышленные испытания, задуманные в масштабах, к которым Михаил Исакович привык, работая под руководством своего шефа. А провалились эти, основанные, в общем-то, на одной из очень здравых, принадлежавших Ванину, идей, испытания потому, что Михаил Исакович не усвоил от своего шефа главное — необходимость всестороннего и основательного научного изучения всего, что выдвигается к испытаниям для внедрения в производство. Постоянная опека со стороны академика Ванина над Михаилом Исаковичем при отсутствии у последнего способности к самоанализу, общей культуры (у меня создалось впечатление, что он даже Пушкина не берет в руки) привела к превра-

Created by free version of 2PDF

щению довольно полезно работавшего ученого-исполнителя средней руки в такое уродливое явление в высших сферах научной среды, каковым мне пришлось встретить академика Хайлова. Памятуя высказанный при последней встрече совет Каныша Имантаевича найти в Хайлове что-либо полезное и нужное для института, я, к сожалению, таковых качеств у него не обнаружил, несмотря на то, что всячески старался иметь с ним деловое общение, полностью исключающее предвзятость с моей стороны, ибо я, вопреки всему, считал, что неприятности, причиняемые Хайловым, были лично для меня более полезны, чем вредны, хотя, естественно, жалко было, что во многих случаях от этого страдало дело. Вот как иногда оборачиваются слабости больших людей!

Я теперь, дорогой друг, как огня боюсь таких ученых, как Хайлов. Вчера меня посетил наш старший научный сотрудник Махимов Алькей, неплохой парень, кандидат наук, проходивший аспирантуру по моей рекомендации у Дмитрия Викторовича Дьячкова. Он мне рассказал, что над его темой взял шефство очень большой человек и что она, тема, и, естественно, он вместе с ней выходят отныне на широкую арену. Это было бы, конечно, неплохо, если бы на желаемую арену выходил с темой не наш Алькей. Он здесь же, когда я заинтересовался деталями, стал объяснять научные азы своего дела, преподнося общеизвестные вещи как истины, постигнутые только им. Моя снисходительная улыбка не могла его сбить с назидательной серьезности, ибо ни о чем ему не говорила. Ни дать ни взять — хайловская самоуверенность, хайловское отсутствие самоанализа!

Уж так, дорогой, заведено в науке, что созидание дельного и стоящего связано с разрушением случайного, временного и наносного. Параллельное сосуществование первых с последними не может быть длительным и устойчивым. Я понимал, что тот, кто ставит перед другими задачу интенсивного научного роста для больших дел, сам должен показывать в этом пример. Я читал, занимался, у меня было для этого ежедневно почти три часа, с шести до девяти часов утра — самое для меня продуктивное время. У меня уже в голове были планы исследований, с которых полагал начинать работу. Мне для этого необходимо было создавать свою лабораторию, но я считал, что, прежде чем организовывать лабораторию, следует найти таких молодых людей, которым мог бы рассказать свои мысли, которые бы усвоили смысл задуманного и вошли в круг моих интересов. Знал, что только в этом случае мои дела получат нужное развитие. Первым молодым человеком, на которого прицелился, был Валерий Петрович Иванов. Я стал с ним обсуждать часть своих планов, дал ему задание почитать нужную

Created by free version of 2PDF

литературу. Валерий Петрович увлеченно читал и уже совершенно квалифицированно обсуждал предлагаемые эксперименты, точно знал, какая необходима аппаратура и приборы, оставалось доставать последние и собирать. Обсуждали мы наши дела после работы, скрываясь от ревнивых глаз Жантака Бокеновича, и я теперь все время думал о том, как забрать Валерия из лаборатории Бокенова, не вызывая шума по поводу того, что новый директор разрушает существование лаборатории. К счастью, все обошлось неожиданно просто. Когда убедился, что без Иванова мне не обойтись, я решил подступиться к Бокенову.

– Жаке, — сказал я, — что это у вас за парень — Иванов? Я разговаривал с ним, за словом в карман не полезет...

– Вот именно, Мажит Муканович,— ответил Бокенов, предварительно ухватив нос обширным своим платком и громко сморкаясь, затем неторопливо положил в рот леденцовую конфету,— только слова... слова... Дал ему задание, полгода морочит мне голову, никаких результатов... Лезет с рассуждениями... Что за молодежь пошла... По-моему, просто лентяй несусветный...

– Вы так думаете? А может быть, мне попробовать с ним повозиться, отдайте мне его, я помоложе вас, нервы крепче, попробую выбить с него спесь и леность... Не смогу, выгоним...

– Да, выгоните... Не ранее, чем года через два... Недобросовестный молодой специалист — иждивенец коллектива на все три года...

– К сожалению, это так. Но все же отдайте мне его...

– С удовольствием отдам, берите, одним лентяем меньше...

Я услышал в голосе Жантака Бокеновича радость Плюшкина, нашедшего в лице Чичикова неожиданный сбыт мертвым душам, и тоже был рад этому. Когда Валерий Петрович, с месяц повозившись, собрал экспериментальную установку, для дальнейшей работы ему потребовался лаборант. Он сманил к себе понравившегося парня из лаборатории Бокенова. Жантак Бокенович, повздыхав, согласился с этим. Так начался распад лаборатории Бокенова. Однажды после партийного собрания, поздней ночью, Жантак Бокенович, заинтересовавшись одной из комнат, где горел свет, обнаружил там работающим бывшего своего лентяя Иванова, чем был безгранично удивлен. Придя на другой день к себе в лабораторию, он стал по-производственному распекать своих сотрудников, что они плохо работают, нерадиво относятся к порученному делу, посмотрели бы, как у Нурбаева работает Иванов и т.д. Последнее Жантак Бокенович сказал в пылу негодования, и сказал, конечно, напрасно. Теперешняя старшая научная сотрудница, кандидат наук, а тогда молодой специалист Семенова, человек, в общем-то, ти-

Created by free version of 2PDF

хий и не лезущий на глаза, вдруг неожиданно поднялась и напрямик сказала:

– Валерий работает потому, что Нурбаев ему дал хорошее, интересное задание. Мы же не работаем потому, что не знаем, чем занимаемся... Если это будет так продолжаться, я, например, первая уйду...

Обычно горячий и строгий Жантак Бокенович не знал, что сказать, он довольно долго молчал, молчали и сотрудники; немая сцена продолжалась несколько минут. Потом аксакал поднялся, ушел и больше не приходил в лабораторию. До этого он был очень уверен в себе и активно мешал мне работать, становясь по поводу и без повода на сторону Хайлова и Холода, которые, в особенности последний, подкупали простодушного Бокенова внешне резонным суждением: кому, как не ему, секретарю партбюро и повидавшему жизнь человеку, поучать молодого, неопытного руководителя?

Своеобразным человеком оказался и Порфирий Леонтьевич Холод. Когда я пригласил его на беседу по поводу научных дел, он пришел ко мне, подтянутый и собранный, с солидной папкой в руке, с которой он не расставался, напоминая своим голым черепом, сухой скуластой физиономией и коренастой фигурой Фантомаса. Маленькие бесцветные глаза так и бегали, будто хозяин их имел намерение быстро и враз все разведать и узнать.

– Порфирий Леонтьевич, я вижу, у вас название темы актуальное и нужное. Что по этой теме делается?

Он, прежде чем начать говорить, уселся поудобнее, чуть откинулся, будто хотел предаться глубокому раздумью, потом, тряхнув головой, как бы просыпаясь, скрипучим голосом начал рассказывать о задачах, которые он ставит перед собой. Рассказывал он последовательно и толково: задачи были понятны, Порфирий Леонтьевич показывал неплохую эрудированность в вопросе. Я выслушал и сказал:

– Порфирий Леонтьевич, у вас в лаборатории Теребай Жанпеисов и Кылыш Ахатов занимаются вдвоем на одной установке, и уже давно, но не видел, чтобы они получили хоть одну кривую, по которой можно было бы судить хотя бы о надежной работе установки. А девушка, которая работает у вас с водными растворами, мне не могла рассказать о составе их... Ведь каждый опыт — не только наши обычные знания, но и что-то новое, и им, и вам, и вашим сотрудникам надо много и тщательно готовиться... Не мне вам рассказывать, вы же, как сужу по вашим трудам, опытный исследователь.

Порфирий Леонтьевич снова, чуть откинувшись, закрыл глаза, снова, выпрямившись и тряхнув головой, раскрыл их и начал мне под-

Created by free version of 2PDF

робно рассказывать, что я, в общем-то, уже знал. Рассказывал он витиевато, явно уходя от прямого ответа на мой вопрос. Я повторял свой вопрос, разъясняя ему, чего хочу от него, тем не менее он каким-то образом (мне даже трудно теперь восстановить) избегал ответа. И скрипучий голос его, и привычка закрывать глаза, прежде чем говорить, стали меня раздражать, я уже начал бояться, что скажу что-то резкое и ненужное... Спас меня сам Порфирий Леонтьевич, незаметно перейдя (я даже не заметил, как это произошло) на семейные дела одного из сотрудников, на его размолвку с женой по вине другой его сотрудницы, молодой лаборантки:

– До развода дошло? — почему-то вырвалось у меня.

– Нет пока, но может дойти, надо принимать немедленные меры, вот я и занимаюсь... Подробно расспросил сотрудников, жену, его самого и эту лаборантку... Знаете, недолго до греха... Немедленно надо создать комиссию и разобраться до конца...— Рассказывал он с удивительными подробностями, изображая лаборантку чуть ли не злодейкой, парня — слабеньким существом, поддавшимся ее искусным чарам, а жену — невинной жертвой этой злодейки. В этих подробностях были и такие вещи, что неприятно было слушать, но Порфирий Леонтьевич нажимал на эти подробности с удовольствием, жмурясь и вращая головой; при этом в скрипучем голосе появлялись даже сочные нотки. Из всего, что рассказал Порфирий Леонтьевич, я понял одно, что подробное разбирательство ни в коем случае не будет способствовать укреплению семьи, о которой шла речь. И на самом деле, когда, по моему настоянию, перестали интересоваться взаимоотношениями этих людей, все утихло и стало на свое место. Я понял и другое: некогда было Порфирию Леонтьевичу сидеть в лаборатории и заниматься своими делами, слишком он был занят всякого рода разбирательствами, которые не находил нужным сдерживать Жантак Бокенович. Между тем, он был неплохим научным работником, выполнившим, как мне рассказывал мой друг доцент Куцый, довольно серьезные работы под руководством известного профессора Темпля, с которым он сотрудничал вплоть до переезда в наш институт. По-видимому, есть определенная категория людей, которые могут работать лишь под жестким присмотром. Холод представлялся ярким примером этого: приехав в наш институт и став хозяином своей творческой судьбы, он не только не занимался, но и не хотел заниматься, и именно поэтому он избегал прямых, деловых ответов на мои вопросы. Но зато он с удовольствием разбирался в ссорах, размолвках, неладах, то и дело возникающих в институте, как во всяком другом коллективе. Большое удовлетворение он, по-видимому,

Created by free version of 2PDF

получал от ненормальных взаимоотношений в дирекции института. Живя рядом с Хайловым, он постоянно настраивал его против Жедельбаева, потом против меня; будучи мастером рассказывать всякие раздражающие подробности, сгущая негативные стороны фактов, он отлично управлял эмоциями Михаила Исаковича. И самое удивительное, что при этом Холод не преследовал каких-либо выгод для себя. Он был совершенно бескорыстен, просто такова была его натура; было лишь влечение, род недуга. В этом я убедился, когда речь зашла о направлении в аспирантуру его сотрудников Жанпеисова и Хохловой. Я считал, что он будет возражать, полагал, что предстоят тяжелые разговоры с Хайловым и Бокеновым. Ничего подобного не случилось. Услышав мое предложение, Холод закрыл глаза, чтобы открыть их, тряхнув головой, и сказал:

– Ну что же, Мажит Муканович, это нужное дело. Пусть они едут учиться. Тем более, если к Дмитрию Викторовичу, которого я очень уважаю.

Поняв бесплодность своих попыток заставить Порфирия Леонтьевича заниматься по-настоящему научным исследованием, я понемногу забирал у него людей то к себе, то в другие лаборатории, которые организовывались в институте. Он отдавал их, глазом не моргнув, вернее, даже не закрывая по привычке глаза, пока не осталось у него несколько человек, которым не было необходимости интересоваться тем, чем они занимаются. Михаил Исакович несколько раз подступал было ко мне, что напрасно сокращается группа Холода и что он, Холод, занимается актуальными проблемами, но вынужден был замолчать, потому что я начинал обсуждать с ним научные подробности, в которых он был несведущ. Однако в президиум Академии и в другие инстанции не преминул все же пожаловаться по этому поводу и письменно, и устно. Сам же Холод не проявил и тени неудовольствия. Но зато он с увлечением, достойным лучшего применения, прислушивался, бегал, составлял комиссии для расследований при обязательном своем участии, часами обсуждая с Бокеновым и Хайловым все, что, на его взгляд, заслуживало внимания, естественно, особо выделялось при этом поведение директора института. Он не мог равнодушно смотреть на разлады между людьми и как будто даже боялся, что они исчезнут — так была сильна у него любовь к разжиганию всякого рода ссор и размолвок. Позднее, замечая, как у него все более сужается поле любимой деятельности, он как-то сник и ушел работать вместе с Хайловым, так и не напечатав за три года работы в институте ни одной научной статьи. Там, в филиале Хайлова, у него тоже что-то не получилось,

Created by free version of 2PDF

и он уехал во вновь организованное научное учреждение где-то в Центральной части страны. Потом слышал, что и оттуда ушел. Где теперь этот интересный человек с его любовью к чужим интимностям и несчастьям, не знаю и, признаться, не интересовался.

Беспокойно, иногда и просто тяжело было мне с Хайловым, Холодом, Бокеновым и с некоторыми другими, не понимавшими или не хотевшими понять; но жизнь шла вперед, принося много хорошего и отрадного. Совершенно спокойно, я бы сказал эпически спокойно, исподволь обдумывая свой каждый шаг, трудился Валерий. Докладывал он о своих неудачах таким же ровным и обыденным голосом, как и об удачах, хладнокровно анализировал, не боясь повторений, все свои опыты и продолжал делать свое дело неторопливо и методично. Возбуждение, которому я склонен был предаваться при обсуждении опытных данных, казалось, его совершенно не трогало. Меня в начале нашего сотрудничества это его непробиваемое спокойствие раздражало, потом привык к нему и, когда были получены (примерно через полгода после того, как Валерий приступил к экспериментам) первые, совершенно достоверные, неоспоримые результаты его упорного труда, я благодарил бога, одарившего меня таким «лентяем».

– Слушай, — говорил я иногда ему, — где твои взъерошенные волосы, где горящие глаза, где возбужденное лицо, где твоя трепетная творящая сущность? Холоден как рыба, а я еще питаю какие-то надежды, что ты зашагаешь как бы по высям творений...

– У вас совершенно неправильное представление о шагающих по высям...— смеясь, не оставался в долгу Валерий,— еще великий Пушкин говорил, что служенье муз не терпит суеты, а музы и наука чуть ли не родные сестры. Последнее, кажется, сказал Эйнштейн, старик, кое-что смысливший в науке.

Я был доволен работой Валерия Петровича по изучению одной просверливавшей мне мозг идейки и был рад, что эта идейка попала в надежные руки. Но я недаром столько лет после защиты кандидатской диссертации жил в беспокойном поиске, боясь остаться навсегда на том же уровне, на который меня вывел Дмитрий Викторович. Я имел в голове еще кое-что, и это кое-что было уже опробовано Удольским Иосифом Марковичем, моим дипломником по прежней работе. Уезжая, я закинул удочку на этого Иосифа. Он был очень хорошим студентом, но не только поэтому я был уверен, что из него получится хороший научный работник. Он мне нравился тем, что, когда я, беседуя по теме курсового и даже дипломного проектов, рассказывал о предстоящих лабораторных исследованиях и о том, что результаты могут

Created by free version of 2PDF

иметь практическое значение, его большие карие глаза умно загорелись, подкупив меня искренним интересом к делу. И уже через несколько дней готов был работать, успев прочитать и разобраться в деталях будущих опытов и к тому же уговорив своего друга, тоже дипломника, Руденко проводить эксперименты совместно, ибо объем исследований предполагался солидный. Трудились Удольский и Руденко в той части нашего полуподвала, где я впервые увидел доцента Куцего еще в качестве аспиранта. Я по вечерам приходил из замдиректорского кабинета к своим студентам и, с удовольствием наблюдая за их усердием, обсуждал результаты выполненных опытов. В то же время мы, молодые доценты кафедры Дьячкова Куцый, Гайнитдин, Углев и я, имели привычку постоянно шутить друг над другом, не скрывая это от студентов старших курсов. Видимо, шутили мы на самом деле интересно, ибо выпускники кафедры, ныне маститые инженеры, до сих пор с удовольствием вспоминают отдельные наши шутки. Однажды, уходя из полуподвала, я обратился к Удольскому и Руденко в духе этой привычки:

– Трудитесь, трудитесь, друзья, имейте в виду, что из этого полуподвала вышел известный доцент Куцый, научная карьера которого только началась и обещает быть такой, что вы еще будете гордиться, что выполняли дипломные работы на том самом месте, где он проводил свои первые памятные эксперименты...

Когда я произнес эту высокопарную тираду, Удольский, не сразу поняв, что это шутка, обернулся ко мне и посмотрел как-то странно, в его взгляде прочел и неверие, и надежду одновременно: он не очень верил, что из нашего полуподвала могут выйти большие люди, и в то же время не имел оснований отвергать эту вероятность, ибо не раз слышал, что крупное в науке начинается большею частью с тех, кто мало привередлив к условиям работы.

Я был доволен тем, что поймал Иосифа на движущей черте его характера — на честолюбии. Я не находил в этом ничего предосудительного и только заключил для себя, что Иосиф будет работать плодотворно, если ставить перед ним дельные задачи. Естественно, я был рад, когда Иосиф после окончания института приехал на работу ко мне. Он приехал в серьезных раздумьях, так как, будучи толковым парнем, уже начал понимать, как малонадежны излишние оптимистические выводы, сделанные им в дипломной работе на основе студенческих опытов, и как было опрометчиво определять по ним направление дальнейших исследований. Это было хорошо, и мы долго обсуждали, как и с какой стороны подступиться к экспериментам. Иосиф красивы-

Created by free version of 2PDF

ми сильными пальцами тер свой правильный и чистый лоб под копной густых, слегка вьющихся темных волос: он уже чуть завидовал Иванову, поскольку успел ознакомится с его опытами и нашел, что тот начал получать достаточно устойчивые зависимости. Иосиф бегал по городу, метался по командировкам, постоянно расстраиваясь тем, что в Москве, например, все под рукой, нас же ставит в тупик любой пустяк, и поэтому все получается не так быстро, как бы нам хотелось, но все же, уверенно добиваясь своего, наконец собрал установку для опытов. Однако установка долго не давала надежных результатов, Иосиф часами просиживал над ней, потирая лоб и снова приступая к повторению того, что было в новом, чуть измененном варианте. Когда же были получены первые надежные данные, свидетельствовавшие о том, что теперь можно смело приступать к самим исследованиям, Иосифа, казалось, это не обрадовало. Он так долго возился, что плохо этому верил, и на мой восторг скептически качал головой:

– Мажит Муканович, не знаю... торжествовать я еще боюсь...

– Наградил меня бог не учениками, а стариками... У Иванова я не заметил ни крупицы восторга, хотя у него уже было немало оснований для этого, а теперь и ты, черт возьми, качаешь головой...— сказал я как бы в сердцах, хотя на самом деле мне понравился скепсис Иосифа.

Из этого начального периода нашей совместной работы с Иосифом очень запомнился один казус, который был допущен, главным образом, по моему научному неразумию. В соответствии с моим заданием Иосиф выполнил предварительные расчеты для определения вероятности прохождения химических реакций, к экспериментальному изучению которых мы приступали. Я взял домой эти расчеты, тщательно, казалось, проверил, потом мы все данные обсудили совместно и, подготовив на основе их статью, послали в наш академический научный журнал. Месяца через три или четыре Иосиф гордо положил мне на стол пачку оттисков, присланных редакцией журнала: он был счастлив появлением первой своей публикации. Через какое-то время после выхода статьи, приехав в президиум, я встречаю в вестибюле здания Академии одну научную даму, знакомую лишь шапочно, но известную мне по отзывам как одна из толковых учениц Пенера. Вижу, как эта маленькая, очкастая ученица очень уважаемого мной профессора не ограничивается ответом на кивок моей головы и, обратив вверх, к моему лицу, громадные очки, закрывавшие чуть ли не все ее маленькое личико с острым носиком, говорит, робея и запинаясь:

– Мажит Муканович, извините меня, я прочитала вашу статью, выполненную вместе с вашим сотрудником. Мне показалось, что вы не

Created by free version of 2PDF
Sukeiow University

совсем тщательно проверили ее. Может быть, вам стоит посмотреть ее еще раз... Пожалуйста, посмотрите, там что-то, мне кажется, не так. Я знаю, как вы заняты. Извините меня, я вас так уважаю... Владимир Фридрихович так тепло о вас отзывался...

Я, провожая ее до подъезда, благодарил за внимание и обещал обязательно посмотреть, причем не просто посмотреть, а еще раз вникнуть в суть, сообщить ей затем, что из этого у меня получилось; она же все продолжала извиняться, повторяя, чтобы я не утруждал себя никаким письмом в ее адрес. Весь облик дамы, казалось, выражал просьбу простить ее за прочтение этой злополучной статьи. Почуяв что-то недоброе в этом трогательном участии научной дамы, я, приехав домой, ухватился за статью и, перечитывая, не находил ничего такого, что могло заслужить ее внимание. Но все же не мог полагать, что обратилась она ко мне случайно. Был легкий способ узнать подоплеку ее сомнений — позвонить или переписаться, но разыгравшееся во мне самолюбие начисто отвергло подобную бесхарактерность. Немало помучившись и повозившись с разбором задач, подобных нашей, по источникам, я, наконец, через несколько дней обнаружил свою ошибку и, обнаружив, не знал, куда девать себя от стыда. Обзывал себя последними словами и в то же время находил себе слабое утешение в том, что нашел ошибку все-таки сам. Беда заключалась в том, что мы: сначала я, затем Иосиф — совершенно неправильно понимали отправные положения, легшие в основу расчетов, и поэтому получили данные, обольщавшие предполагаемой легкостью реакций, подлежащих экспериментальному осуществлению, и заражавшие нас в связи с этим обманчивым энтузиазмом. Когда я пригласил Иосифа и рассказал ему историю нашего позора, он вначале не поверил, решив, что шеф, как обычно, шутит, потом, убедившись в горькой правде, растерянно заморгал своими большими глазами, усиленно растирая при этом лоб. Нелегким оказалось делом печатно расписаться в своей неграмотности, если не в невежестве. Я был благодарен Иосифу: он ни разу не дал мне повод уловить его в законном упреке в мой адрес, ибо мне было совсем не легко чувствовать, как подвел его, поспособствовав первому появлению имени молодого своего соратника в печати над этим зыбким подобием научного труда. Мы с Иосифом судили, рядили, пока не пришли к выводу, что лучше и честнее будет, если мы кратко, ясно объясним ошибочность статьи и дадим исправленные выводы, попросив извинения у редакции и читателей, что и было сделано. Потом Валерий шутил, что Иосиф оказался хитроумным молодым ученым, сумевшим выступить в печати дважды с одной и той же статьей, в первый раз

Created by free version of 2PDF

написав нарочно неправильно, во второй — опровергнув себя же самого. Его острота была нацелена, конечно, и против меня, но приходилось терпеть. Зато из того мы извлекли большой урок. Мы на своей шкуре испытали, что нельзя обольщаться ясностью в понимании, что необходимо проверять и еще раз проверять себя в самых ясных и понятных вещах, шире и чаще консультируясь с коллегами, и никогда не торопиться с публикациями. Обнаруживались ошибки и в дальнейших наших работах, но они были частными и незначительными. В тех же случаях, когда это касалось работ Иосифа Марковича, я находил нужным сказать:

– В работах Иосифа не может быть крупных ошибок, ибо все солидные ошибки он собрал в свой первый печатный труд, заранее вылив на него всю свою неграмотность и оставив в себе только грамотность...

Иосифу очень хотелось оформить поскорее кандидатскую диссертацию, не только потому, что он был достаточно честолюбив для этого, но еще и потому, что, хорошо зная о неладах между мной и Хайловым, сомневался в прочности моего положения и, следовательно, в благополучном доведении своей работы до защиты, так как считал, по-видимому, академика более важной и устойчивой фигурой, чем кандидата наук, пусть даже оказавшегося на какое-то время директором. Оттого он явно нервничал и проявлял, в общем-то, мало присущую ему спешку в оформлении результатов исследований. Я не имел каких-либо формальных оснований быть недовольным Иосифом и делал вид, что ничего не замечаю, хотя тайная подоплека его нервозной торопливости становилась особенно ясной в сравнении с твердокаменным Валерием, трудившимся с неменьшим усердием и с таким сосредоточенным спокойствием, будто никакие события окружающего мира его не касались.

И еще был один повод, который некоторое время расстраивал Иосифа. Исследования Валерия быстро привели нас к тому, что мы получили авторское свидетельство на изменение головной операции в технологической схеме того уральского завода, где я бывал, как я тебе писал, дорогой друг, руководя практикой студентов, и где впервые появились у меня те мысли, над которыми трудились теперь мои сотрудники. Мы почувствовали, что это изобретение может быть внедрено не только на этом уральском заводе, но и на комбинате, куда я ездил в свое время докладывать кандидатскую диссертацию. Валерий Петрович ездил на эти предприятия вместе со мной и без меня, легко вступая в деловые контакты с заводскими инженерами, а в институте стал обрастать сотрудниками, работавшими под его руководством, словом,

Created by free version of 2PDF

хорошо продвигался по изучению как теории, так и прикладной стороны своей темы. Работа же Иосифа имела более дальний прицел, требуя скрупулезного познания природы явлений, и по ней не намечался непосредственный прикладной выход, что вовсе не должно было преуменьшать значение исследования, отличавшегося неоспоримой новизной как в постановке, так и в намечаемом решении проблемы. Я, например, совершенно был уверен, что эта работа Иосифа находилась на несравненно более высоком уровне, чем моя кандидатская диссертация. Тем не менее, Иосиф вздыхал, его явно тревожила зависть к Валерию. Кроме того, он усердно проповедовал мысль, что работникам института не подобает мотаться по заводам для внедрения изобретения, их удел — заниматься фундаментальными проблемами науки и т.д. Мне не понравились рассуждения Иосифа, я вызвал его и сказал:

– Ты же знаешь, Иосиф, что мы живем в век научно-технической революции, когда проблема, которую сейчас изучаешь как теоретическую, немедленно находит практический выход. Так во всех естественных науках. Мы не можем оставаться в стороне, когда видим, что в наших исследованиях получается что-то нужное производству. Не думаешь ли ты, что твоя проповедь имеет нездоровую основу... Не полагаешь ли, что твой коллега Иванов может думать, что эти соображения ты вещаешь просто из зависти?

Иосиф хотел было что-то сказать, потом густо покраснел и замолчал. Я нашел необходимым переменить тему разговора.

Позднее, когда работы кандидата наук Удольского стали приобретать явно прикладной характер и он довольно успешно начал внедрять их в производство, окружив себя большим количеством отлично работающих сотрудников, кто-то из товарищей, хорошо знавших Иосифа, кажется, Иванидис, сказал ему:

– Иосиф Маркович, ну что ты мотаешься по предприятиям, разменываешься на мелочи вместо решения фундаментальных академических проблем?

Иосиф чуть потемнел в лице, но ничего не ответил. Понятно стало, что эта шутка не требует повторения. Ныне Иосиф Маркович Удольский, доктор наук, руководитель лаборатории, отличный, доброжелательный товарищ, с которым легко работать. И я им не менее горжусь, чем Валерием Петровичем и многими другими своими младшими товарищами.

Дорогой друг, тебе не кажется, что я слишком долго кручусь возле своих любимых парней, как будто кроме них в быстро разросшемся институте никого и не было? Были, конечно, и есть, и о них я мог бы

Created by free version of 2PDF

очень много говорить, а Иванов с Удольским стали моей первой, но надежной опорой в научных делах, которые я затеял. Помню, с каким удовольствием помогал оформлять кандидатские диссертации моим первым ученикам, придираясь чуть ли не к каждому слову, и как мне было приятно, когда они почти триумфально защитились. Но уже в это время рядом с ними работали не менее серьезные последователи. Я имею в виду Полубричкина, того самого Николая Алексеевича Полубричкина, с которым подружился на уральском заводе и который, не забыв эту дружбу, приехал работать вместе со мной. Еще ранее приехал ко мне из Киргизии Айкен Хасенов. Оба они быстро и легко вписались в дела, начатые Валерием и Иосифом. Айкен сейчас кандидат наук и руководитель лаборатории, он неизменно вдумчив, степенен, помальчишески моложав и дерзает вскоре стать доктором наук. Он оказался особо удачливым в контактах с производством и неплохо внедряет свои изобретения, которых у него теперь немало. К сожалению, не могу сказать того же о Николае Алексеевиче, кандидате наук и старшем научном сотруднике, который по-прежнему питает нелюбовь к женщинам. Сейчас почти треть лабораторий института продолжает дела, получившие развитие с легкой руки Валерия и Иосифа, и я не перестаю удивляться, как не предвидел тогда десятой, а может быть, и сотой доли новшеств, которые рождены ныне пытливой деятельностью не одного десятка моих сотрудников. Я не предвидел их и позже, когда писал докторскую диссертацию, сосредоточенно систематизируя все, что было сделано к этому времени моими учениками, и, имея, казалось, возможность взглянуть глубже и дальше. Тем и хороша творческая работа, что нет в ней повторения, что новое всегда рождает новое и нет предела этому обновлению продукции мозга, следствием которых и является дальнейшее углубление наших знаний. Ведь одна и та же исходная идея вертится, охватывая молодыми побегами все более широкий круг непознанных, но уже подлежащих познанию вещей. Сейчас многие мои ученики ушли по этим ветвям настолько вперед, что я и не дерзаю угнаться за ними. Пришел, например, сегодня утром навестить меня спокойный, улыбающийся, красивый брюнет, молодой доктор наук Нурахметов. Он – бывший кандидат физико-математических наук, и, тем не менее, он считает себя моим учеником, поскольку его, физика, мы удачно переделали в химика. На самом деле было так. Я дал ему задание заглянуть в молекулярную природу одного химического соединения, которое мы синтезировали и свойства которого хотели досконально знать. Работая с этим соединением, Нурахметов убедил меня, что необходимо приобрести очень дорогие, стоящие

Created by free version of 2PDF

не один десяток тысяч рублей приборы, способные фиксировать энергетические следствия взаимодействий внутри вещества на молекулярном уровне. Положив в чрево этих приборов наше соединение, Нурахметов снимал с них показания и на основе этих показаний написал такие математические уравнения, сути которых мой грубый разум не мог постигнуть даже при самом предельном напряжении, хотя конечные выводы из этих уравнений были понятны и очень удовлетворяли меня. Эта «китайская грамота» (так шутили над Нурахметовым его зубоскалы-товарищи) бывшего физика была признана в Москве высоким научным достижением, и автору ее, к нашей гордости и радости, была присвоена степень доктора химических наук. Количество энтузиастов, следующих за Нурахметовым, увеличивается и теперь; можно сказать, что институт работает в шикарном диапазоне — от изучения микромира веществ до внедрения прикладных результатов исследований в масштабах, приносящих заметные выгоды народному хозяйству. Кстати сказать, когда получались в наших изысканиях данные, явно приложимые к улучшению действующих технологий предприятий, нам всегда не терпелось предложить их для внедрения. Приходилось прибегать ко всякого рода изобретательности, чтобы порою не столько убедить, сколько прорвать, пробить удивительное равнодушие инженеров-производственников из руководящего звена, не высказывавших как будто никаких принципиальных возражений, но и не предпринимавших ничего, чтобы помочь делу. Это, конечно, приводило к неописуемым трудностям. Со временем накапливался опыт, устанавливались связи, что давало некоторое облегчение. Необходимо было, скажем, проводить испытание на месте, на самом предприятии, привлекались к делу заводские инженеры, которые становились чуть ли не научными сотрудниками нашего института и далее, вначале под моим руководством, а затем под руководством моих учеников продолжая научные изыскания, становились кандидатами наук. Такими воспитанниками института мы очень гордились, на производстве они становились активными проводниками наших идей, облегчали хлопоты по внедрению многих наших работ. Подобные взаимоотношения у нас установились с инженерами комбината, где я докладывал, как ты помнишь, дорогой друг, свою кандидатскую диссертацию. Главный инженер этого комбината, дальновидный и зоркий Викторов, постоянно поощрял творческие контакты исследователей из института с инженерно-техническими работниками, и мы привыкли в отдельных случаях, большею частью по нашему предложению, планировать совместные исследования с прицелом на будущее. Наши контакты привели к тому,

Created by free version of 2PDF

что я, например, наряду с работниками комбината и некоторых других научных учреждений, оказался лауреатом Государственной премии за работы по резкому улучшению технологии этого предприятия. Я мог гордиться, что нашли практическое воплощение кое-какие из мыслей, рожденных тогда, когда в ожидании своего доклада по диссертации на технологическом совете бродил по цехам комбината. Но не все благополучно было в отношении того уральского завода, где впервые зародилась моя основная идея, хотя и здесь удалось пробить стену сопротивления, благодаря тому, что в лице Иванова нашел помощника, не признающего в этом деле неудач и совершенно незнакомого с такими ослабляющими человека эмоциями, как уныние или отчаяние. Он старался даже полушутя, полусерьезно теоретически обосновать свое изумительное упорство в хлопотах по внедрению изобретений. Для этого он использовал известную мысль, что при проведении исследований, да и во всякой другой работе, необходимо не обольщаться предполагаемой легкостью в достижении целей, а наоборот надо настраиваться на самые большие трудности, и тогда морально легче будут преодолеваться препятствия. Склонный находить во всем смешное, Валерий однажды выступил в стенной газете со статьей, которая, помню, начиналась так: «Всем известно, что наш шеф является автором известного постулата, в популярном изложении гласящего: если тебе предстоит поднять барана, то представь себе, что он — слон, и тогда баран покажется пухом. Стоило бы подсчитать, сколько мы теряем от того, что, предаваясь ложному оптимизму, надеемся иметь дело с бараном в пуховом исполнении и от этого последний превращается в слона, перед которым, естественно, трудно сохранить присутствие духа и не впасть в отчаяние». И далее с присущим ему остроумием Валерий высмеивал тех коллег, которые, жалуясь на непробиваемость производственников, по существу недостаточно настойчиво занимались внедрением своих изобретений. В этой статье он шутливо высказал то, что однажды не менее оригинально выразил на ученом совете:

– Мы знаем, что новая идея не овладевает умами без конфликтов. Но всегда было отрадным то, что после признания она, идея, находила свое место в жизни почти беспрепятственно. В этих случаях говорили о триумфальном шествии идей. Это, так сказать, идеальная норма конфликтности в науке. Мы, к сожалению, часто встречаемся с некоторым смещением этой нормы от идеального: идея признается, никто не возражает, и в то же время она не внедряется, т. е. наша беда начинается на этой последней стадии. Мы вынуждены допускать и принимать сердцем ставшую постоянной для нас вот эту практическую, а не иде-

Created by free version of 2PDF

альную норму конфликтности, и с учетом ее продолжать упорно вводить в производство новшества, найденные нами.

Все пишу, дорогой друг, к тому, что хочу рассказать, как нам с Валерием удалось внедрить наше изобретение на теперь уже известном тебе уральском заводе. Проходили годы, в каждом из которых нам казалось, что завод не имеет теперь никаких оснований, чтобы не внедрить наше предложение. Отраслевой проектно-исследовательский институт, находившийся рядом с заводом, не только стал на нашу сторону, но и провел у себя на опытном заводе испытание на агрегате нашей конструкции, затратив на это один месяц, при полной поддержке министерства. Директор проектно-исследовательского института и я не раз встречались и получали от директора завода заверения, что в наступающем году предложение будет внедрено. И тем не менее на заводе с удивительной изобретательностью находили причины для того, чтобы переносить внедрение из года в год, и, как мы поняли потом, по их установившейся практике это должно было продолжаться до тех пор, пока не иссякнет упорство авторов и они, наконец, не перестанут обращаться. Об этом я думал однажды утром, идя на работу. И тогда я сказал Иванову:

– Валерий Петрович, не стоит ли тебе как молодому ученому обратиться в ту высшую инстанцию, которую мы беспокоим лишь по очень важным делам... или в тех случаях, когда у нас другого выхода нет... Здесь, мне кажется, именно тот случай...

На другой день Валерий принес мне проект письма, от чтения которого я испытал истинное удовольствие и, мало того, хохотал до слез, ибо это было написанное талантливым автором письмо. Валерий писал, что для агрегата, который должен привести к столь благородным изменениям во всей технологии одного из важных цехов, требуется столько производственной площади, сколько занимают три беседующих на эту тему директора. Недели через две после того, как отправили письмо, нас пригласили в Москву, и там этот смех повторился; очень ответственный товарищ, к которому мы зашли, посмотрела на нас троих: директора проектно-исследовательского института и завода уступали мне по росту, но зато брали диаметром. После этого смешного письма с неслыханной быстротой стали решаться все вопросы. В какие-то полгода изобретение было внедрено, и оно в дальнейшем явилось причиной многих совершенствований, которые нынче полностью изменили облик цеха. Правда, для нас теперь и эта технология, стоившая стольких нервов и хлопот, является делом прошлого, ибо видятся нам иные перспективы, иные заботы. И среди этих забот, может

Created by free version of 2PDF

быть, стоило бы рассказать о том, как мы обнаружили одну закономерность в химических взаимодействиях элементов. Дело в том, что мне стоит большого труда сосредоточить себя на том, что требует безотлагательного обдумывания и решения. Вместо того мне в голову приходят совершенно побочные, совершенно второстепенные детали, которые, хотя и связаны с тем главным, о чем настоятельно необходимо думать, но на самом деле лишь отвлекают от него. И это меня иногда настолько раздражает, что я вообще перестаю думать.

В один из таких раздражающих моментов (это было, когда писал докторскую диссертацию) поймал себя на том, что это второстепенное, которое только что пришло на ум, стоит того, чтобы о нем порассуждать. Порассуждать я мог только с Валерием Петровичем, ибо это была область его научных интересов. Толкуя и развивая мысль, мы почувствовали, что необходимы предварительные расчеты, которые, естественно, должен был выполнить Валерий. Получая задания, он не преминул сказать:

– Мажит Муканович, к сослуживцам, к младшим или старшим, добрые люди ходят по вечерам весело провести время, отвлечься от забот... Не знаю, какой бог наградил нас шефом, приходя к которому непременно натыкаешься на грядущие заботы и бессонные ночи...

– Ох, Валерий Петрович, погиб в тебе тонкий льстец и талантливый царедворец. Три четверти века назад далеко бы пошел... И все же ты и теперь достоин нормальной рюмки коньяка, — отвечал я.

– Боюсь, что этот льстец и царедворец три четверти века назад ходил бы в лаптях и об этом коньяке и не слыхал бы,— засмеялся тогда Валерий. Так начиналась одна из наших теоретических работ, в которую ныне втянули немало людей, и теперь мы уверены, что обнаруженная нами закономерность найдет себе много приложений и войдет в учебники.

Я уже писал тебе, что академик Хайлов своими необычными методами работы помог мне глубже разобраться в людях. Он способствовал также расширению моего кругозора. Не назовешь это иначе, ибо я был вынужден глубже, чем это полагалось по должности, вникать в те дела, которые нашли место в институте в связи с именем Михаила Исаковича и которые Академия считала необходимым усиленно развивать. Я был обязан достаточно грамотно и разумно поддерживать тех молодых людей, которые, освободившись от странной опеки Михаила Исаковича, рвались к проведению солидных и стоящих исследований. Место Хайлова как заместителя занял молодой ученый Комовнин, и под его руководством, а также при неутомимой деятельности

Created by free version of 2PDF

таких научных работников, как Аккулов, Лапин и другие, этот отдел института превратился в такую самостоятельную научную единицу, что теперь ставится вопрос об организации на базе его нового научно-исследовательского института, что и будет, наверное, осуществлено в ближайшее время. Правда, с помощниками по организации науки у меня были и неудачи, одну из которых я особо переживал.

...Институт рос, и президиум нашел необходимым выделить еще одну должность заместителя по науке. По моему предложению утвердили в этой должности небезызвестного тебе Иванидиса, который к этому времени успел уже стать руководителем лаборатории. Владимир Иванович очень старался быть хорошим заместителем, он внимательно выслушивал меня, записывал мои распоряжения, усердно выполнял их и не менее усердно возился с бумагами, но, сколько я ни дожидался, он ни разу не сделал даже попытки самостоятельно решить какой-то вопрос или выступить с какой-либо инициативой. А когда под моим напором пробовал делать то и другое, у него все получалось неуместно и невпопад, в чем сам же потом признавался. Выезжая в командировки, он возвращался с грудой нерешенных дел, потому что не проявлял, несмотря на мои подробные инструкции, изобретательности и настойчивости. Я, естественно, расстраивался и злился и, поскольку мы с ним были на «ты», довольно грубо, не стесняясь в выражениях, отчитывал его. В таких случаях он виновато смотрел на меня своими добрыми глазами; смотрел до тех пор, пока мне не становилось жалко его. Однажды после такого неприятного разговора мне пришло на ум намеренно затеять с ним беседу по его научным делам. И тут заметил, как только что печальные глаза Иванидиса загорелись животворным блеском, как он (тут же забыв мои грубости) начал с удовольствием рассказывать о выполненных и задуманных им экспериментах, норовя втянуть меня в обсуждение волнующих его деталей.

– Жалкая и однобокая ты личность, Владимир Иванович,— прервал я его, улыбаясь. – Почему ты не можешь с таким же жаром рассказать о том, чем занимаются в подчиненных тебе лабораториях, почему ты не вникаешь в их научные интересы!.. Ты обязан это делать по службе, но, кроме того, ты же будешь расти и научно, ибо познанное в смежных областях в сочетании с тем, что у тебя накопилось и въелось, является источником идей... Ты же эту истину великолепно знаешь. И, несмотря на это, ты о делах других лабораторий докладываешь, как формалист и бюрократ. Блеск в твоих глазах появляется лишь при переходе к своим делам. Эгоист несчастный...

Created by free version of 2PDF

– Мажит Муканович, хватит тебе отчитывать меня, как мальчишку. Я стараюсь честно выполнять свои обязанности. Но, знаешь, тебе не угодишь...

Видя, что становлюсь для него въедливым ворчуном, которому не угодишь, все больше убеждался, что мой добрый Иванидис не рожден заниматься несколькими делами враз и разнообразить интересы настолько, чтобы разумно и инициативно вмешиваться в дела других, понял, что им для этого слишком владела инерция раздумий над собственной темой. И, когда я ему предложил подать заявление об освобождении от занимаемой должности, он без обиды и даже, кажется, с удовольствием согласился:

– Слава богу, я уже сам думал, как бы освободиться от этой с тобой близости, пока совсем не загрыз.

– Добился своего, куркуль несчастный... не вывелся в тебе предок-мужик, не видящий ничего, кроме своего огорода, то бишь своей лаборатории, только и мог сказать я на это.

...Ворча и злясь на Иванидиса, я все более замечал, что делами Владимира Ивановича, по сути, овладел ученый секретарь Торебай Жанпеисов, только что получивший диплом кандидата наук, окончив аспирантуру у академика Дьячкова. Этот небольшого роста, щупленький, чернявый и большеглазый парень с молчаливой улыбкой уже показывал умение работать с людьми, объективно судить о фактах и спокойно высказывать строго продуманные и поэтому достаточно аргументированные суждения. Пока я заставлял Иванидиса вникнуть в тематику подчиненных ему лабораторий, Торебай во всем довольно быстро успел разобраться и уже был всегда в курсе того, что делает каждый научный работник и что ему нужно для успешной работы. Когда Иванидис и другие товарищи рекомендовали мне его на должность ученого секретаря, я сказал, шутя, что Торебая на эту административную должность непременно надо назначить, ибо это соответствует желаниям его почтенного родителя. Шутил я, вспомнив следующий случай. Однажды, придя утром на работу, увидел в приемной аксакала, сидевшего, опершись о трость. Он был старомоден в своем просторном чапане и азиатских галошах, надетых на ичиги. Таких аксакалов теперь осталось мало и в аулах. Я по-старинному приветствовал его и пригласил в кабинет. Аксакал оказался отцом аспиранта Торебая. Он спокойно, с достоинством сел против меня, перебирая свою бороду, подробно осведомился о здоровье матери, жены и детей, потом, сделав солидную паузу, сказал:

Created by free version of 2PDF

– Свеча моя, говорят, что ты очень ученый и очень большой человек. Да сопутствует тебе и дальше удача... Но у тебя, наверное, есть такой старик, как я. Мы, старики, стоим одной ногой на земле, другой в могиле, и все же аллах не снял с нас интереса к земным делам... беспокоит теперь мой единственный кормилец, мой сын Торебай, который здесь, внизу, под твоей комнатой, возится с утра до вечера с какой-то грязной водой, похожей на болотную жижу и разлитой во множество верблюдошеих склянок. Я смотрю на него и думаю: умру я вот так, ни на один день не освободившись от забот о собственном прокормлении... Между тем, один из сверстников Торебая — директор совхоза, другой — главный агроном: их отцы режут на согум не менее двух лошадей в зиму, а я еле наскребаю денег на пол-лошади... А ведь мой Торебай учился лучше их. Спрашиваю Торебая — он молчит и улыбается. Теперь у него учение такое, что коран на моей могиле он не прочитает, так хоть на земле перед смертью пожить бы в достатке...

Смотрел я на аксакала улыбаясь, но его морщинистое, с седыми, редкими щетинами лицо оставалось спокойным и серьезным.

– Аксакал, — ответил я,— вы все говорили правильно. И, несмотря на это, вам надо радоваться, очень радоваться, а не печалиться. Вы хорошо знаете великого Абая?

– Казаху, свеча моя, стыдно его не знать... Он из рода Тобыкты, в большом перекрестном родстве с каракесеками, а мы, в свою очередь, в родстве с последними... – старик оживился и начал рассказывать чуть ли не обо всей родословной Абая, пересыпая речь стихами великого поэта, что я даже позавидовал многознанию аксакала.

– Вы, аксакал, Абая не хуже меня знаете, но вы, наверное, не слышали, что стихи Абая были напечатаны лишь через пять лет после его смерти. А вот ваш сын еще только начал заниматься в науке, а напечатал уже статью. Русские буквы знаете? Давайте посмотрим: Жанпеисов Торебай Нуртаевич. Жанпеис – ваш отец, Нуртай – вы, Торебай — ваш сын. Это напечатано в толстой книге, которая никогда не пропадет. Через десятки, сотни лет какой-то неведомый наш потомок возьмет и прочтет мысли и думы вашего сына... А сколько умных предков ушло, о которых мы ничего не знаем: ни дум их, ни имен. А если бы знали, были бы и мы умнее. Раньше казах, помните, хотел иметь сына, чтобы его упоминали хоть в одном поколении. А сколько поколений теперь будут читать ваше имя, имя вашего сына и вашего отца... Подумайте только, к какой жизни мы пришли. Этого мало... Напечатанное тут на пользу всем нам. Иначе б не напечатали. А ведь ваш

Created by free version of 2PDF

сын только начинает. Теперь рассудите, стоит это того, чтобы на вашем дастархане одной лошадью было больше для угощения родных, близких и соседей... Ведь лошадь вам для этого требуется? Надо надеяться, и это ненадолго... Рассудите также, могли вы делать то, что делает ваш сын, когда были сами молоды? Не могли... Значит, надо радоваться и не всегда считать жизнь по дастархану... Между тем, воспитав такого сына, и вы немало сделали для жизни.

Пока я говорил, старик, уставившись в страницу журнала, где напечатана была статья сына, водил толстым указательным пальцем по своей фамилии, пока по еле знакомым буквам твердо не вывел ее. Я заметил, как с удовольствием прошептал он имя своего отца, как при этом разгладились на его лице морщины, как из-под нависших бровей вышли в светлой улыбке глаза. Он посмотрел на меня и сказал:

– Спасибо, свеча моя, спасибо. Надоумил меня, старого и темного. По очень хорошим законам вы теперь живете. И это мы не всегда понимаем. Спасибо! Разреши, свеча моя, не занимать твое время. Да наградит тебя аллах, – от души говорил он, почтительно прощаясь со мной.

Бывали у меня и другие аксакалы. Интересная беседа у меня состоялась, например, с отцом Акылтая Игенбаева, того самого Акылтая, которого я встретил вместе с Торебаем, работавшим по заданию Холода. Помню, сидел я у себя в кабинете, просматривал бумаги, как раскрылась дверь, и в ней показалась старомодная, большая зимняя шапка-тымак, заслонившая чуть ли не весь проем двери. Видя, что ко мне жалует старый человек, я вскочил и пошел навстречу. На мое приветствие он ответил не сразу. Сначала молча положил свой тымак на приставной столик, затем приспустил толстый кушак, на который ушло метров пять материи, сел и только потом сказал:

– Уагалейкомсалям, сын мой. Аллах тебя наградит за почтение к старшим.

И пошли расспросы, без которых не обходится ни один аксакал.

– Сын мой, - сказал он далее. – У тебя здесь работает мой сын Акылтай. До него у меня было пять сыновей, этот у меня младший, бог сохранил его одного. Старшие положили головы за Родину. Так вот о нем, об Акылтае, хочу поговорить. Пришел года два назад, и говорит, что его назначили секретарем, да не простым, а ученым. Мне это понравилось. Значит, думаю, мальчик достоин, чтобы занимать ученую должность. Все хорошо, кажется, было, но вот в последнее время я что-то беспокоюсь. Стар уже стал. Акылтай, помню, часто занимался по вечерам, читал, писал, теребил волосы на голове, значит, что-то не

Created by free version of 2PDF

поддавалось его уму... А теперь перестал — ходят они с келин по вечерам в кино, в гости, благо внук с удовольствием остается со мной... Так ты скажи мне, директор-сын: или Акылтай стал таким большим ученым, что ему не к чему дальше ломать голову, или он зажирел, ибо лишний жир набирают только бараны. Говорят, что ты сам приходишь в этот кабинет ни свет ни заря и сидишь за книгами, а твой брат Акылтай спит в это время так, что чуть не опаздывает на работу... Я понимаю, что теперь в жизни все умом делается, надо много думать... много читать... Если цель — лисица, надо стать гончей собакой...

Я смотрел на него, все более удивляясь уму и зоркости этого живого осколка прошлого, ввалившегося в мой современный кабинет в громадных старинных сапогах-саптама с войлочным подкладом и широкими голенищами выше колен, в просторнейшей шубе, опоясанной толстым жгутом серого полотна, в тымаке с широченным задником, прикрывавшим чуть не всю спину, словом, во всем том, что теперь не носит ни один, родившийся хотя бы на десять лет позже этого аксакала. Не зря избороздили глубокие морщины широкое лицо этого человека, оставив молодыми лишь глаза, если он увидел то, что не очень склонны были замечать мы. Акылтая этого назначили мы ученым секретарем, польстившись на то, что он неплохо показал себя как младший научный сотрудник, отличаясь вдумчивостью и исполнительностью. Переводя на должность ученого секретаря, мы его предупреждали, чтобы он не забывал свои исследования, в которых имел заметный задел. Между тем, Акылтай, очень аккуратно и усердно исполняя свои должностные обязанности, понемногу остывал к научным делам, и мы это знали. Он оказался из тех, кто не может успешно заниматься двумя делами одновременно. Не отличаясь честолюбием, он со временем решил, по-видимому, довольствоваться тем, что есть. После предупреждения аксакала мы все же решили перевести Акылтая на научную работу, где он продвигался спокойно и уверенно, благодаря своему усердию и аккуратности, и был избран руководителем лаборатории, и, видимо, недалеко то время, когда станет доктором наук. Мне же остается думать, что, возможно, научная судьба Акылтая оказалась бы менее счастливой, если бы не пришел ко мне вовремя его старый, умный отец.

Не думаешь ли ты, дорогой друг, что я сильно отклонился? Я же хотел тебе рассказать о Торебае Жанпеисове. Так вот, этот медлительный и флегматичный на вид Торебай оказался единственным кандидатом на должность заместителя директора. Его очень рекомендовали и Иванидис, и Комовнин, и многие другие; он уже был замечен своей

Created by free version of 2PDF

деловитостью в президиуме Академии. Теперь он является наряду с Комовниным бессменным заместителем директора по научной работе. Однажды вечером, после работы, он зашел ко мне и начал рассказывать своим будничным голосом о том, что он давно думает о путях разложения одного распространенного природного минерала таким образом, чтобы этот минерал можно было легко и раздельно извлечь из химического и металлургического сырья, и стал толковать о найденном им способе. Я чуть не подскочил и уставился в него, как будто ко мне в виде этого Торебая спустился оракул и указует вещими перстами на то явление, которое до сих пор всем нам было известно, но никто не думал о том, что оно может быть использовано для решения казавшейся неразрешимой проблемы, как предлагает этот невозмутимый молодой человек, продолжающий повествовать все так же спокойно о выполненных и задуманных опытах. На мои нетерпеливые вопросы и высказываемые тут же соображения он отвечал таким ординарным, таким ровным голосом, что я уже начал злиться и пенять на бога, наградившего меня такими учениками, как Валерий и этот Торебай, которые родились, наверное, с какими-то природными огнетушителями, чтобы никто не заметил их внутреннего горения. С этого началось то большое дело, которым теперь занимается Торебай, успев втянуть в него немало энтузиастов, включая даже очень авторитетных ученых Москвы. Работа уже нашла промышленное применение, что является, по-видимому, лишь началом. Недавно Торебай со своими друзьями-москвичами ездил за границу, вызвав своим докладом большой интерес на международном научном симпозиуме. И вот теперь, когда думаю о брате-ученом, кому вменяют в обязанность организовать наши научные дела, нахожу, что среди нас очень мало тех, кто умеет замечать, неутомимо выискивать, находить и выделять невидимые с поверхности связи между явлениями, то есть, как мы говорим, творчески мыслить; еще менее тех, кто наряду с умением творчески мыслить способен зажигать других своими страстями к поискам истины и сплачивать творческие коллективы на решение научных задач; и уж совсем мало тех, кто награжден волей стать, когда это нужно, выше своих научных страстей, чтобы проникнуться сочувствием к подобным же страстям товарища, гармонически сочетая в душе свои интересы с интересами других. Я ныне уверен, что Торебай относится к разряду последних, и он, пожалуй, единственный ученый в нашем институте, кого я мог бы рекомендовать вместо себя, ибо это время, мне кажется, уж совсем недалеко.

Created by free version of 2PDF

Лежу, дорогой друг, в своей палате, к которой уже привык, и улыбаюсь; можно подумать, что жить здесь, выполняя наставления докторов как можно меньше читать и писать и еще меньше двигаться,— самая лучшая форма бытия. Улыбаюсь же оттого, что вот только побывал у меня мой друг Иванидис, и в лицах, как это он умеет делать, рассказал о беседе Торебая, который командует институтом на время моей болезни, с молодым специалистом, явившимся к нам на работу. Вначале Торебай спокойно, привычно разговаривал с молодым человеком, расспрашивал о его дипломной работе, о кафедре, на которой он кончил институт, о лаборатории, где он хотел бы трудиться, потом, сделав паузу, резко наклонился к столу и, доверительно улыбнувшись, мягко подражая моему голосу, сказал:

– Молодой человек, а можно к вам обратиться с одним деликатным вопросом? Вы женаты? Давно женаты? Жена у вас хороший человек? Любит вас? Вы не думайте, что я задаю такой вопрос из обывательского любопытства... Вы будете научным работником, ваша жена должна способствовать тому, чтобы вы могли плодотворно работать. Знаете, как будет плохо, если наоборот... К сожалению, последнее бывает у нас не очень редко...

Торебай, у которого юмор струился постоянно, при Иванидисе нарочито изображал меня, поскольку не раз был свидетелем подобных бесед моих с поступающими на работу, и имитировал мое поведение настолько тонко, что еле удержавшийся Иванидис взорвался хохотом, когда, наконец, ничего не подозревавший молодой специалист ушел.

Между тем, привычку интересоваться личной жизнью своих сотрудников приобрел давно, ибо по опыту знаю, как продуктивен труд научных работников, одаренных счастьем семейной жизни. Смешно, но иногда приходит на ум, не потому ли великий Сократ не писал, что женой его была неумная Ксантиппа? Мне кто-то говорил, что великие люди не всегда удачно претендуют на мудрость, ибо как понять Толстого, который начинает «Анну Каренину» словами: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»,— полагает, что счастливая семья не имеет своих особенностей... Жизнь все убеждает, что Толстой глубоко прав: человек не склонен анализировать, почему он счастлив в семье, он наслаждается счастьем, не раздумывая и не размышляя, тогда как несчастье в семье связано с такими душевными муками, что в каждом человеке оставляет свои особенные неповторимые следы.

Я не раз упоминал о Жедельбаеве, и вам, наверное, показалось, что я как будто избегал говорить о нем более подробно, несмотря на

Created by free version of 2PDF

его большие заслуги как ученого, оставившего заметный след в нашем институте. Помню, на мой вопрос, почему он так легко сдал свои позиции во взаимоотношениях с Хайловым, ответил, что не рожден руководить коллективом, ибо вспыльчив, несдержан, к тому же настолько занят делами, что некогда думать об ответах на интриги Хайлова, Холода и Бокенова и что именно поэтому пошел по более легкому пути — попросился в лабораторию. Когда я начал рассказывать ему о трудностях, которые мне тогда приходилось переживать, пытаясь тем самым вызвать его участие, он настолько пассивно и безучастно слушал меня, что я даже обиделся. Но случай помог мне несколько по-иному взглянуть на его судьбу. Как-то позвонил мне один товарищ, назвался управляющим большого треста и попросил принять его. На всех хозяйственников я смотрю с точки зрения, чем бы поживиться для института, и конечно, был рад такому посещению. Но управляющий рассказал историю не очень приятную.

– Приехал я недавно из другого города. Получил квартиру и теперь обживаю, – грустно начал он – Но вот что плохо. Стал я просыпаться от раздававшегося через стенку странного звука: не то плача, не то воя часа в два-три ночи. Заинтересовался, кто же живет в соседстве со мной в другом подъезде. Оказалось, профессор Жедельбаев. Обращаться во дворе к такому большому человеку и его молодой высокой приятной жене по такому вопросу посчитал неудобным. Но вчера этот плач, подобный вою, повторился утром между шестью и семью. И решил зайти. Вбегаю к ним в подъезд, поднимаюсь на второй этаж, стучусь. Слышу мужской голос: «Войдите!» Дверь не заперта, вхожу и вижу: сидит мой сосед тут же в коридоре на полу. Приветствую и спрашиваю: «Я же гость, почему не встаете». Сосед мой извиняется и говорит: «Мне не до гостей, и вообще ни до кого, ни до чего... остается лбом об стенку». Дверь в спальню открыта, оттуда появляется простоволосая его жена в ночной рубашке. Спрашиваю: «Соседка, это вы не даете мне спать?» Та каким-то жалобно-плаксивым голосом отвечает: «И вы бы завыли, если бы муж к вам так относился!» «Слушайте, я же не женщина, я посторонний, я — мужчина, почему не закроете дверь, чего вы красуетесь передо мной в ночной рубашке?!» «Мне не до этого», – отвечает она и все же скрывается за дверью. А хозяин продолжает сидеть безразлично на полу. Я не выдержал этой сцены и, сказав соседу: «Я не завидую вам!» – выбежал. Вот ведь какая история.

Признаться, я не ожидал, что в семье Жедельбаева разыгрываются такие неприятности. Я бывал у него, жена его, Жемис, встречала приветливо, весело и хлебосольно; девочка и сын все время кружились

Created by free version of 2PDF

возле отца, видно было, что папа души не чаял в них. Хотя казалось, что в квартире не видно того уюта, который непременно связан с домовитостью хозяйки. И, поскольку сосед Жедельбаева приезжал ко мне с чисто человеческой тревогой, я счел необходимым поговорить с Уахитом Шариповичем. Но мне не очень хотелось вести этот разговор с профессором в служебном кабинете: беседа могла получиться официальной и незадушевной. На второй или третий день я увидел в окно кабинета, как профессор проковылял через дворик института в стеклодувную мастерскую. Я улыбнулся про себя, ибо мне все время казалось, что Уахит Шарипович не ходит, а ковыляет: так портят кривые ноги его атлетически сложенную фигуру.

Профессор любил шутить над кривизной своих ног, и, несмотря на то, что был старше меня всего лет на десять-двенадцать, поговаривал:

– Вы — дети машинного века, а я успел на коне поездить, с семи лет стал любимым помощником известного в наших западных степях конокрада, не раз с ним угонял байские косяки лошадей... и оттого на всю жизнь искривил ноги, но зато эти ноги в свое время так липли к конским бокам, что меня с седел нелегко было содрать... А пел я вот как:

Пегий конь подо мной рысист,
Косяки понимают мой свист...
Этого бая угнал лошадей,
Кто там другой: пузом трясись!

И Жедельбаев лихо запевал старинную песню степных робингудов.

Я встретил его во дворе. При виде меня зеленоватые глаза профессора на полном одутловатом лице заискрились. Подавая руку, он лукаво поддел меня:

– Приветствую моего директора... Вот хожу к стеклодуву, кланяюсь в ноги, для мыши, знаете, сильнее кошки зверя нет... Стеклодув этот для меня более важен, чем директор, президент и вообще кто-либо. Решать подобные вопросы можно бы и через вас, да надо временем дорожить...

– Вы, профессор, не перестаете распоряжаться, как директор; люди продолжают по инерции слушаться вас и, естественно, что вы свои вопросы решаете без меня, — не остался я в долгу. — Давайте, Уахит Шарипович, погуляем, научным работникам иногда, говорят, полезно поболтаться, непривычная обстановка освежает мысли... – добавил я,

Created by free version of 2PDF

не дожидаясь ответа на свою шутку, и мы пошли с ним в парк, расположенный рядом с институтом.

Сообщив ему, что меня посетил его сосед, я даже пожалел об этом: так изменился весело шедший рядом со мной Уахит Шарипович. Улыбчивые глаза его сразу потемнели, упругие, лоснившиеся щеки стали серыми и обвисли. Он довольно долго шел молча, потом заговорил, и говорил, наверное, часа два. Я не считал необходимым перебивать его вопросами. Женился он, когда ему было почти сорок. До этого возраста дотянула его несчастная любовь, принесшая глубокие разочарования наряду с неверием в женскую привязанность. И когда его теперешняя жена стала настойчиво проявлять к нему свое внимание, ему показалось, что эта самая Жемис, тоже оставшаяся одинокой почти до тридцати лет в результате каких-то сердечных неудач, и есть та наиболее подходящая женщина, которая может устроить его судьбу. Срочно была сыграна пышная свадьба, которую ее родственники старались сделать, естественно, за счет состоятельного профессора-зятя. Но после свадьбы покладистую и ласковую Жемис будто подменили. Впервые скандал разразился, когда Уахит Шарипович задержался на профсоюзном собрании и пришел домой позднее обычного на два или три часа, Жемис устроила такую истерику, что бедный профессор не знал, куда деваться. Она обливала его всевозможной грязью, обвиняла в различных грехах, будто бы совершенных им в тот день и до этого. Разъяснений она не слушала, ибо была совершенно уверена в правдивости того, что ей подсказывало ее больное воображение. Уахит Шарипович был ошарашен, потом пришел в себя, и, так как грязные обвинения продолжались, он не выдержал и тоже начал кричать, пошли взаимные угрозы... Словом, было очень плохо, одно лишь утешало, что никого, кроме них, дома не было. Мать, никогда не отлучавшаяся от своего единственного Уахита, ушла жить к дочери, хотя у той жила свекровь. Уахиту Шариповичу было тяжело, но он терпел и прощал супруге бурные сцены, которые неожиданно повторялись. Его сильно настораживало и то, что ею ни разу не овладевало раскаяние за эти нелепые и дикие выходки. И все же он старался быть до конца снисходительным, оправдывая нервозность жены ее беременностью.

Родился сын, радостям Уахита Шариповича не было предела, он сам пеленал и купал малютку, каждое утро до работы выносил на свежий воздух, бегал спозаранку за детским питанием, так как молодая мать плóхо кормила своего первого ребенка. Между тем, сцены продолжались по-прежнему. Самым ужасным было то, что среди ночи Жемис начинала вдруг громко реветь, даже как-то подвывая. Уахит

Created by free version of 2PDF

Шарипович с ужасом просыпался, не зная, что делать. Он лихорадочно искал выход из своего положения и не находил. И, когда ему предложили поехать директором вновь открывающегося института, он с удовольствием согласился, это ему показалось спасением, ибо считал, что на Жемис вредно влияет ее окружение. Однако ее выходки не прекратились и здесь, она продолжала его ревновать ко всем женщинам почти без разбора. Ему нельзя было при жене отвечать на приветствия других женщин, ибо Жемис тут же менялась в лице, и он уже знал, что за этим дома последует ужасная сцена. Через два года родилась и дочь, но взаимоотношения с женой оставались прежними. Ее не покидала болезненная ревность, сопровождавшаяся сценами настолько дикими, что он еле удерживался, чтобы ее не избить. Был даже случай, когда она, явившись за чем-то на работу к Уахиту Шариповичу, увидела, как из директорского кабинета выходила молодая сотрудница, и, заподозрив неладное, бросилась в кабинет и запустила в мужа тяжелый чернильный прибор со стола, который, к счастью, чуть задев висок Уахита Шариповича и обрызгав его лицо и костюм чернилами, пролетел мимо. Она настолько была вне себя, что не заметила сидевшего в кабинете Холода, которому действия жены профессора очень пришлись по душе.

– Таковы несчастные обстоятельства моей жизни, Мажит Муканович! Я не в силах ничего понять... Она неплохо кончила университет. Устроилась здесь на хорошую работу — преподавателем в институте, но ее постоянная ревность не дает ей покоя...— со вздохом закончил печальную повесть Уахит Шарипович.

– Уахит Шарипович, скажите честно, вы любите ее?

– Честно сказать, в те дни, когда я сошелся с ней, мне казалось, что я ее люблю... Потом я решил, что она больна, и стал ее жалеть, и, может быть, от этого терпел ее выходки, теперь овладело мной такое безразличие к ней, что держат меня возле нее только мои детки. Ненавидеть ее не могу, настолько она нелепа, нелогична в своих поступках... Ни разу не раскаивалась и не извинялась. Вместо этого она лепетала что-то детское и наивное, вроде: «Ведь я его люблю...». Как будто любя можно делать любую гадость... Все прошло, дорогой Мажит! Во всем разуверился, остается мне от нее уходить... Ибо она не работает как положено, и, по существу, не работаю и я... Уже пять лет, как пишу монографию, не могу дописать, сотрудникам помогаю из рук вон плохо. Надо бежать и бежать...

– Не надо этого делать, Уахит-ага... «Все образуется», — мудро говорил Облонскому его Матвеич. Ведь ваша жена, в сущности, не-

Created by free version of 2PDF

плохой человек... Только затянулось ваше притирание друг к другу... У нее, наверное, не было воспитания. Ваша задача воспитать...

– Ох, уж сколько я слышал, Мажит Муканович, таких увещеваний, кто только не занимался моими семейными делами. Плохо, когда в семейной жизни не остается укрепляющих ее секретов...

Я, может быть, не передал и десятой доли того, что мне тогда рассказал Уахит Шарипович. Это была, дорогой друг, тяжелая, печальная повесть. Я не мог не верить ему. Мне было жалко и Уахита Шариповича, и его жену, и детей. Во всем этом было что-то такое, что не подчинялось логике такого человека, как я, не видавшего в семейной жизни ничего подобного. Прошло некоторое время, как Иванидис, который был близок к своему шефу, с тревогой передал мне, что дело, по-видимому, идет к полному разрыву, ибо Уахит Шарипович ведет переговоры о переводе в столицу. Нам профессор был очень нужен, и я очень жалел этой об потере. Мне почему-то думалось, что никто по душам, по-человечески не разговаривал с Жемис Жанибековной. Я сделал такое предложение своей жене, но она наотрез отказалась, сказав, чтобы я уволил ее от обязанности видеться и беседовать с такой несусветной дурой. В то время я очень верил в свои способности убеждать и решил поговорить с женой Жедельбаева сам, тем более, полагал, что человек с университетским образованием не может вовсе не обладать хотя бы какой-то крупицей разума. Был единственный способ побеседовать — у них дома. Я позвонил, подняла трубку сама Жемис Жанибековна и изъявила радость по поводу моего желания посетить их. Сел в машину и через пять-десять минут был у профессора дома.

– Ты что, Мажит Муканович, один приехал, зови жену, — засуетился было Уахит Шарипович, но я пошутил:

– Уахит Шарипович, если хотите, чтобы я чуть выпил, угостите меня без нее, ведь при ней, сами знаете, не смогу, от одного ее взгляда желание пропадает...

– Тогда бегу в магазин, — собрался Уахит Шарипович. Сын увязался за отцом, и я остался с маленькой дочерью, которая спокойно возилась на своей кроватке с игрушками. Я счел удобным обратиться к суетившейся на кухне хозяйке.

– Жемис Жанибековна, извините меня, не трудитесь, пожалуйста, я только что поел, тем более, хочу попросить разрешения обратиться к вам с одним деликатным вопросом. Это правда, что у вас не ладятся

Created by free version of 2PDF

семейные дела?.. Это многим и мне, в частности, непонятно, оба вы хорошие, интеллигентные люди, такие красивые дети...

Стоило мне это сказать, как немедленно пропала веселость хозяйки, ее небольшие серые глаза позеленели, толстые губы вокруг маленького рта собрались в гармошку, и эта улыбчиво-радушная дама превратилась в дышащую злостью мегеру. Она начала поносить Уахита Шариповича такими словами, что я не знал, как ее слушать, так как остановить было невозможно: она совершенно не обращала внимания на мои попытки перебить ее. Никакой логики в том, что она говорила, не было, и я лихорадочно начал соображать, как мне вывернуться из этого положения. Я с ужасом думал о том, как буду выглядеть перед Уахитом Шариповичем, когда он вернется. Оставался единственный способ — выйти и дождаться Уахита Шариповича во дворе.

– Женгей, извините, я сейчас вернусь,— пробормотал я и выбежал, несмотря на то, что взбеленившаяся хозяйка продолжала кричать свое.

– Ты что, мой директор, во дворе моционишь? Женгей моя выгнала, что ли? — говорил Жедельбаев, встретив меня гуляющим во дворе.— Пойдемте...

– Да вышел отдать шоферу распоряжение...

Мне, признаться, не хотелось идти, но я не мог обидеть радушного Уахита Шариповича и вернулся. Меня поразило, что Жемис Жанибековна встретила нас как ни в чем не бывало, с прежней веселостью: можно было подумать, что ее подменили. Посидел я часик, ведя никчемные разговоры, и ушел, думая о том, как много в жизни сложностей, не укладывающихся в логику нашего мышления.

Профессор Жедельбаев все же уехал. Я на всю жизнь запомнил тяжелую сцену, когда этот большой, сильный человек, придя перед отъездом ко мне, зарыдал. Оказывается, он только что был у дома, где он жил, желая повидать детей, и когда сын, бегавший во дворе, бросился к нему, из окна второго этажа раздался лающий крик матери, и испуганный мальчик, оглядываясь, убежал домой.

– Извини, Мажеке, за проявление слабости, — говорил он, успокаиваясь. — Мне лучше не тревожить детей, вырастут, найдут...

Через несколько дней, убедившись, что на этот раз Уахит Шариpович уехал насовсем, ко мне пришла Жемис Жанибековна и стала истерически рыдать, упрашивать, чтобы я вернул ей мужа.

Created by free version of 2PDF

– Ведь вы же сами виноваты,— пробовал совестить ее я, но она продолжала говорить свое, обвиняя всех, кроме самой себя. И все же мне понравилось, когда она, уходя, сказала:

– Я все равно теперь всю жизнь буду ждать его...

Уахит Шарипович не дождался того времени, когда повзрослевшие дети нашли бы своего старого отца. Он прожил в столице несколько лет, устроившись заведующим кафедрой в одном из вузов. Однажды мы получили печальную весть о его кончине от инфаркта. По-видимому, длительные семейные дрязги и разлука с детьми не прошли ему даром. Между тем, дети Жедельбаева превратились в рослых, красивых юношу и девушку, оба пошли лицом в отца, сын уже студент. Я их изредка вижу, поскольку живем мы в одном квартале. Жемис Жанибековна после того, как уехал Уахит Шарипович, не долго держалась своего слова, вышла замуж за спокойного мирного парня, и я, часто раскланиваясь с молодой представительной дамой, на которую, как мне кажется, время не действует, думаю о талантливом профессоре, чья научная отдача была варварски сокращена рассказанными выше обстоятельствами личной жизни.

Семейная драма профессора Жедельбаева запомнилась мне, и я боялся повторения ее в какой-либо сфере среди близких сотрудников. Есть у нас трудолюбивая старшая научная сотрудница, кандидат наук Аккагаз Жаненова. Помню, пришла ко мне маленькая, хрупкая женщина, претендуя на то, чтобы быть моим аспирантом. Я, честно сказать, не испытал при этой первой встрече особой веры в ее возможности, но все же согласился. Аккагаз оказалась удивительно самостоятельным человеком, воле и смелости которого позавидовал бы любой мужчина. Когда мы договаривались об очередных экспериментах, она молча уходила, чтобы вернуться только когда эти эксперименты с присущей ей дотошностью бывали выполнены. Мне это нравилось, и я не мог этим не дорожить. Лишь однажды она чуть струсила, когда на одну из ее статей, посланных в центральный научный журнал, пришел разгромный отзыв известного академика. Однако после тщательного обсуждения мы решили наши опыты повторить и убедились, что мы правы. Академик-рецензент, по-видимому, согласился с нашими доводами, и статья была напечатана. Так вот эта целеустремленная маленькая Аккагаз, когда дело приблизилось к окончанию диссертации, как будто и не радовалась столь успешному завершению своей работы. Однажды она пришла ко мне и сказала:

– Мажит Муканович, я, наверное, не буду защищаться!..

Created by free version of 2PDF

Это было ново, я посмотрел на свою аспирантку: чуть раскосые выразительные черные глаза помутнели от накатывавшихся слез, что было совершенно непривычно для этой твердокаменной особы. Оказалось, что муж устраивает постоянно сцены, считая, что она, получив ученую степень, займет положение, ущемляющее его авторитет как главы семьи. Мне оставалось посоветовать ей собрать всю присущую ей выдержку и довести дело до конца, ибо соискание ученой степени не личное дело каждого из нас, поскольку научные работники нужны не для семьи, а для страны и науки. Эти слова я не находил высокопарными, потому что всегда считал, что многие талантливые люди не совсем понимают свое общественное предназначение. Аккагаз успешно защитилась, и, несмотря на бойкот со стороны мужа ее научным успехам, она продолжает довольно плодотворно работать, хотя мне кажется, она могла бы трудиться успешней, если бы не эти особенности ее личной жизни.

Так, вольно или невольно вникая в чужие неприятности, я всегда благодарил судьбу за то, что она наградила меня, баловня своего, такой женой, с которой ты находишь нужным при встречах смачно целоваться. Я никогда не отличался ревностью, но, обладая склонностью в моменты нервного возбуждения срывать зло на близких, готов был вспылить по поводу и без повода — в такие моменты она отделывалась непроницаемым молчанием, благодетельные последствия которого я с годами оценивал все больше. Моя мать, которая любила, если не сказать обожала, свою сноху, помню, как-то сказала, смеясь:

– Везет, Мажит, твоему роду насчет жен! — имея в виду, конечно, в основном меня и моего отца.

Я ответил ей тогда:

– Хвастливая ты, старушка Умсун! От тебя и ко мне перешло это свойство, все время ловлю себя на желании похвастать!

Теперь, когда ее, моей милой матери, нет (она умерла лет десять назад), я не нахожу ничего излишнего в том, что она гордилась женой старшего сына, находя в ней самые лучшие черты своего характера. Быть женой профессора, который, кроме скверных особенностей своего характера, еще и обладает привычкой по-степному вовремя и не вовремя приводить гостей, ставя супругу в неудобнейшее положение, растить его двух дочерей и двух сыновей, которые, взрослея, не уменьшают, а, наоборот, прибавляют забот, и, кроме того, еще работать доцентом – на такое способна, как я полагаю, только сноха моей матери, ибо недаром в народе говорят, что пыль очага помогает наследовать молодой женщине все хорошее от свекрови. Что касается детей,

Created by free version of 2PDF

то вот растут акселераты, не видевшие ничего подобного, что видели мы, и рассеянно, лишь из чувства деликатности слушающие скучные для них сказки о нашем тяжелом былом. Все, кажется, хорошо: и ведут себя корректно (мамино воспитание), и учатся неплохо (старшая кончает институт), но я ищу в них и не могу обнаружить ту радость и счастье, которые ощущал в юности, когда познавал что-то новое и у меня возникало желание познать глубже и дальше,— все для них так просто и так легко... Я боюсь этого отсутствия азарта ставить перед собой трудные задачи и ощущать душевное удовлетворение от преодоления их, ибо мне мыслится, что без последнего не может вырасти творческая личность. И поневоле приходится все чаще вспоминать знаменитую предсмертную песнь-завещание акына Кемпирбая, точнее, две строчки из нее:

Птица-песня махнула крылами, угрюмо сказавши: «Прощай!»
Значит в насест ей не годен мой сын Серкебай...

Иногда я отгонял от себя эти удручающие мысли, полагая, что сам был не лучше, чем они, что дай тогда теперешние условия жизни, я выглядел бы даже хуже, и что напрасно я ставлю перед ними задачи, родившиеся в моей голове от позднего раскаяния за глупости юных лет, которых было не так уж мало. Может быть, думается мне, эти превозносимые мною радости от познания нового накатывались на меня лишь изредка и запоминались-то из-за своей редкости, а я несправедливо обобщаю. Может быть, и так... Истина, пожалуй, где-то в середине, и у меня, возможно, нет особых оснований жаловаться на детей... Как сложна все же, мой дорогой читатель, эта жизнь, и как она горазда на такие удивительные сюрпризы, что порою и не разберешься, приятны или неприятны эти сюрпризы. Что ты можешь мне сказать, дорогой гуманист, про такой случай, происшедший недавно здесь в этой палате. Входит молодая, красивая женщина, ничего не сказав, садится рядом, кладет свою маленькую ладонь на мою руку, лежащую на бедре, и, наклонившись, начинает беззвучно плакать. Это для меня так неожиданно, что долго молчу, не зная, что сказать. Потом, поняв, что надо что-то говорить, бормочу:

– Не плачьте, не надо... Здравствуйте, спасибо, что пришли... Когда приехали?... Как живете, как работаете... Все нормально... плакать не надо...

Не знаю, сколько продолжался этот ее беззвучный плач, но знаю, как мне стало приятно и легко, когда она наконец подняла голову, вытерла слезы, распушив свои длинные, не тронутые краской ресницы и

Created by free version of 2PDF

посмотрев на меня большими, увлажненными, ласковыми глазами, засмеялась радостным смехом:

– Простите меня, Мажит Муканович, за эту бабью выходку, наверное, и вправду в народе говорят, что не бывает в жизни хорошего, пока не подумаешь о плохом... Мне такое рассказывали о вашем состоянии, что я и не знала, как мне быть, в таком была шоке... Забыла работу, мужа, детей, себя, и только жила желанием во что бы то ни стало увидеть вас, и когда, дозвонившись, узнала, что разрешат вас посетить, немедленно прилетела... Войдя, увидела вас таким, каким я вас знаю, улыбающимся только вам присущей улыбкой, и, знаете, не выдержала... А шла ведь, крепилась, хотела сказать что-то обычное, незначительное, что полагается говорить больному. Расквасилась, расплакалась. Расплакалась от радости, что вы выглядите совсем не таким, каким я представляла, плохо думая о вашей болезни... Простите меня...— И снова ее бездонные глаза помутнели от слез. Я увидел, как ее красивое лицо, постоянно удивляющее меня неуловимым сочетанием нашего национального с античным и отличавшееся подчеркнутой суровостью, как-то расслабилось и обмякло.

– Как хорошо, что я заболел, иначе не знал бы, что вы — тоже женщина...— пробую шутить я, чтобы скрыть волнение, но чувствую, что шучу не очень тактично... Она, улыбаясь, исправляет эту неудачную шутку:

– Не женщина, а просто баба... живущая, как все бабы, чувствами и сердцем...

– И все же здорово, что вы приехали! Молодец, спасибо!..— говорю я, чувствуя, как и на мои глаза с постыдным запозданием навертываются слезы счастья, стараюсь скрыть их, и это мне удается. Слабость продолжается недолго, ко мне возвращается благоразумие.

Женщина эта — большой ученый, стремительно и рано достигший высот науки. У меня сложилось мнение, что главное у нее еще впереди, ибо в делах она отличается страстной и в то же время холодной, неженской рассудительностью. Я знаком с ней с тех пор, как она, работая над докторской диссертацией, обращалась ко мне за консультациями по отдельным вопросам, и нам приходилось пространно беседовать на научные темы, поскольку мы находили много общего в наших взглядах на различные занимающие нас проблемы. Я побывал в один из своих приездов у нее дома и познакомился с ее мужем и двумя мальчиками, с приятностью ощущая уют и благополучие в молодой семье. И, признаться, никак не ожидал, что она может так разволно-

Created by free version of 2PDF

ваться, получив известие о моей болезни. И я думаю, что это сердечное неравновесие в молодой женщине вызвано неудовлетворенностью в личной женской судьбе. Полагая так, я прихожу к не очень приятному для моего самолюбия признанию, что моя персона является лишь неким индикатором для проявления этой ее неудовлетворенности, и что мне не следует обольщаться тем, что я являюсь предметом ее волнений. А может быть, мне, *успевшему убить в себе все возвышающие*, зовущие к благородному безрассудству чувства и превратиться в старого сухаря, просто хочется оправдать свою наружную глухоту к неожиданному вниманию, на которое способна только женщина... Что ж, может быть, и это...

Я заканчиваю, дорогой друг, это последнее письмо. Боюсь, что не очень пополнил твой и без того большой запас знаний о тружениках науки. В письмах к тебе остался таким же, каким бываю в моих научных раздумьях: хотелось писать о главном, о чем просил, а лезло на бумагу второстепенное, находящееся около главного. Не смог победить себя. Прошу меня простить.

Несколько лет тому назад была отмечена некая круглая дата моей жизни. Жаль, что, приболев, ты не мог тогда присутствовать. Было собрание, где преувеличенно отмечались мои заслуги. Я же сидел и думал, что, по-видимому, чем старше становится ученый, тем больше его надо похваливать, ибо похвала – единственный способ, с помощью которого, вероятно, можно заставить нашего брата как-то работать, в особенности в тех случаях, когда этот брат-ученый в какой-то мере достиг степеней известных. Я это не преминул тогда же высказать. Я и теперь совершенно уверен в этом, и каждое слово о так называемых достижениях академика Нурбаева не перестает вызывать во мне тревожные размышления о чем-то недодуманном, недоделанном... И в этой тревоге, может быть, дорогой друг, и заключается смысл жизни.

Created by free version of 2PDF

Глава первая

В ОРБИТЕ КОЧЕВОК

"В год кабана, или в год 1899-й по новому исчислению, в месяц наурыз, или март в 31 звезду, в день понедельник бог даровал рабу своему Имантаю сына. Нарекли его Габдулгани. Нет предела милостям всевышнего. Слава аллаху. Аминь". Имантай-аксакал сделал эту запись на внутренней стороне обложки корана не случайно: никто нигде не записывал в степях рождение детей, а священная книга в семье являлась «настольной» (мы берем это слово в кавычки, ибо в кочевом быту столов в принятом смысле слова не было), ее очень берегли, и сохранность самой книги обещала сохранность и записи. Так и оказалось на самом деле: благодаря предусмотрительности Имантая мы теперь знаем точную дату рождения будущего ученого.

Вот что писалось в одной из немногочисленных книг, посвященных нашему краю и изданной в те годы, когда родился Каныш Имантаевич. «Всю жизнь типичного степняка-киргиза тесно связана со скотоводством... Годичный цикл его образа жизни подчинен потребностям скота. Весной, сразу после снега, кочевник трогается со стадами туда, где лучше сохранилась прошлогодняя трава, где и живет, пока скот не выест травы. Отсюда он передвигается на те места, где появится зеленая трава и живет там до того времени, пока есть скоту что есть. С этого места по мере роста трав (с июня до конца июля) киргиз движется на летние пастбища - "джайляу". С начала осени он снова начинает направляться к зимовкам, стараясь впрочем прикочевывать к ним позже, чтобы более сохранить травы на зиму. Зимовочные пастбища кочевники вообще ревниво охраняют от протравы, так как они должны прожить самое тяжелое время - зиму. Так из года в год описывают киргизы со своими стадами "орбиты своих кочевок" по степи, имея конечными пунктами зимовку (кыстау), и в этих перекочевках проходит вся их жизнь».

В эту орбиту кочевок, в этот цикл образа жизни своих родителей с того дня, который старательно арабской вязью был выведен на внутренней стороне священной книги мусульман, вписался теперь и младенец, нареченный Габдулгани. То, что впоследствии это имя превратилось в Каныш, имеет характерную для нашего народа историю. В той же книге, которую мы цитировали выше, пишется: «На пятый день ребенку дается имя, чаще бабкой, реже имя устанавливает аксакал; тогда оно дается в память известного предка рода; или же имя утвер-

Created by free version of 2PDF

ждается муллой, тогда новорожденные нарекаются именем людей, так или иначе связанных с Магометом». Здесь многое неверно. Казахи никогда не относились легко к присвоению имени своим детям. Наоборот, к этому готовились заранее в радостном ожидании приумножения семьи и рода. Обряд придания имени младенцу в зависимости от состоятельности родителей по возможности обставлялся торжественно: пиршество сопровождалось подарками назвавшему новорожденного; читалась специальная молитва - азан. Дело это, как правило, поручалось мулле. В этом случае имена оказывались на самом деле извлечениями из арабской лексики. Имя ребенку могли давать старшие в доме или ауле. Тогда чаще выражалось то пожелание младенцу, которое чаяли в сердце родные и близкие - так появлялись имена так или иначе связанные с богатством, авторитетом, положением в обществе. Это были часто те же арабские имена, только с прибавлением, например, «бай», «торе», «мулла», «мырза» и др. Имя ребенка у пожилого или престарелого отца отмечало возраст родителя - Елюбай, Алпысбай (алпыс-шестьдесят), Токсан-бай (токсан - девяносто). Детей не принято было называть именами предков по мужской линии. Священные, почетные имена не должны были произноситься всуе, без надлежащего почтения легкомысленными устами детей, женщин и др. Никогда казах не называл своих детей «уздечкой, нагайкой, посудой» и др., хотя такие имена имели место как клички бедняков и их детей. Это были клички подобно тем, о которых писал Белинский применительно к русскому быту лет за пятьдесят до рождения Каныша Имантаевича в знаменитом письме к Гоголю.

В семьях, достаточно просвещенных в мусульманских религиозных понятиях, имена давались строго арабские. Обстоятельства, при которых был наречен Каныш Имантаевич, в памяти близких не сохранились. Однако, можно полагать, что имя Габдулгани, слагающееся из слов чисто арабского происхождения, было дано сыну Имантая-аксакала если не по прямому указанию последнего, то, во всяком случае, не без влияния его, ибо он был довольно начитанным мусульманином. Однако и здесь, кажется, имело значение не только звучание имени, но и заветное желание отца: «Габдул» в переводе с арабского означает «раб божий», а «гани» - «богатый», «состоятельный». Думается, что отец очень хотел, чтобы новоявленный раб божий был богатым, состоятельным человеком.

Степные жители очень любили детей. Особенно сыновей, как продолжателей рода, семьи (сохранении имени). Старшие семьи, рода ласкали, нянчили, носили на руках каждого ребенка, давая многочис-

Created by free version of 2PDF

ленные ласковые прозвища. Вначале эти прозвища исходили из корня настоящего имени, или, как говорят казахи, имени, закрепленного азаном. С течением времени одному из прозвищ отдавалось предпочтение, к нему привыкали, совершенно не заботясь о том, что оно совсем отдаленно напоминает настоящее имя. Таким образом, Габдулгани, сына Имантая, стали называть Каныш, и мало кто ныне догадается, что имя это получилось от переиначивания второй части первородного имени - Гани. Также мало кто догадался бы, что настоящее имя великого поэта Абая - Ибрагим, а знаменитого ученого Чокана Валиханова - Мухаммед-Канапия, если бы не свидетельствовали об этом биографические источники. С годами исходное имя редко кто вспоминал. Считалось, что раб божий имярек числится в небесах по имени, закрепленному азаном, и при чтении надгробной молитвы мулла справлялся о первородном имени покойного, но не всегда. Полагали, что потом на небесах как-то разберутся.

Каким был в детстве будущий академик? Чем отличался он от своих сверстников? Как он рос и развивался? На этот счет хронологических сведений не сохранилось. Кое-какие эпизоды из своего детства академик рассказывал членам своей семьи. Сверстники Каныша Имантаевича, выросшие вместе с ним, вспоминают, что он был хорошим, не заносчивым, общительным мальчиком. В детали не вдаются. Общее состояние дел по сбору достоверных сведений о детстве Каныша Имантаевича своеобразно резюмировал двоюродный брат академика, проживший до конца жизни в родном ауле, Акимтай. Один из журналистов обратился к нему с просьбой рассказать о детстве ученого. Престарелый Акимтай, человек острый на язык, ответил: «Да, я хорошо знаю брата Каныша. Мы внуки деда Сатбая, наши отцы Жамин и Имантай - родные братья. Я горжусь своим братом, может быть, более, чем кто-либо. Но, убей меня аллах, если бы я в то время знал, что Каныш станет Канышем, а не останется таким, как я, я бы запоминал каждый его шаг, каждое его слово. Беда в том, что никто этого тогда не знал. Помню, что он был хороший, рассудительный и послушный мальчик. Больше я ничего не помню. Спрашивайте вот у Жумаша. Он ровесник его, гонял вместе ягнят и жеребят, стыл на ветру, катался с горки, став постарше и к девчонкам вместе приглядывались...

Пусть он и выдумывает всякие небылицы. Сколько уж прошло... Сам себя не помнишь... Не приставайте. Садитесь, угощайтесь кумысом, а мне пора намаз совершать».

На самом деле, ребенок как ребенок, таких немало в маленьком ауле. И на особенности его поведения вряд ли много обращалось вни-

Created by free version of 2PDF

мания. Болезни, первые слова, произнесенные ребенком, шалости, может быть, и остались бы в памяти отца и матери, но они умерли еще тогда, когда, как правильно говорит Акимтай, «Каныш еще не был Канышем», и такого интереса к его детству, как ныне, никто не имел. Поэтому нам остается описывать ту обстановку и ту среду, в которых протекало детство ученого, и предполагать, что могла дать Канышу Имантаевичу эта беззаботная пора его жизни.

Родился Каныш Имантаевич в ауле Сатпая из рода Жадигер племени Каржас, ибо в то время в казахских степях личность и место рождения определяли по родовому признаку. Позднее с установлением Советской власти этот аул получил наименование №4 и относился к Аккелинской волости Павлодарского уезда. Ныне это совхоз имени Сатпаева Баян-аульского района Павлодарской области. Зима здесь бывает суровой, и ранней весной, когда родился Каныш Имантаевич, аул еще находился в кыстау-зимовке. Этим мы обязаны тому, что ныне совершенно точно знаем место рождения академика Сатпаева. Родись он во время кочевок, трудно бы точно сказать, где именно он родился, ибо места остановок, привалов менялись из года в год. Зимовали Имантай-аксакал и его близкие на берегу реки Ащи-су у сопок, называемых Айрык, приблизительно в 70 км к юго-западу от известного поселения Баян-аул (в Баян-аульских горах).

Маленький Каныш, наверное, не раз слышал от старших о том, что недавние предки его не знали, что такое зимовка -кыстау, круглый год жили в юртах. Рассказывая об этом, они совершенно серьезно уверяли, что зимой в юртах, когда ее завалят до самого тундук (ночника, закрывающего купол юрты), оставив в нем лишь отверстие для дыма, и заведут постоянно горящий очаг, пол застелют толстой кошмой, ею же занавесят стены, сказочно уютно и тепло. Намного приятнее жить, чем в душных избах; люди будто бы были сильными, выносливыми, не в пример нынешним, которые, познакомившись с русскими и, переняв у них привычку в холодное время года жить за толстыми стенами, изнежились и потеряли былую силу, смелость и бодрость. К самим зимовкам степные жители по-прежнему относились как к необходимости, с которой вынуждены мириться. Зима считалась не настоящей жизнью, а испытанием, которое надо пережить, а сама жизнь, со всеми ее радостями приходила летом. Естественно, что о внешнем виде, об особых удобствах для жизни людей при сооружении зимовок заботились мало.

«В кыстау бросается в глаза, прежде всего тесная связь людского помещения со скотным двором и отсутствие планомерного расположе-

Created by free version of 2PDF

ния строений. Стены жилого помещения строятся из пластов дерна до аршина и более толщиной; сверху таких стен укладывается ряд деревянных брусьев, на которых укрепляется несколько перекладин, служащих для настилки потолка. Последний делается из хвороста, камыша и травы; поверх накладываются дерновые пласты. Крыши кыстау не имеют. В стене, обращенной на двор, делается невысокая дверь; в противоположной стене устраиваются окна - верхнее отверстия затянутые пузырем. Помещение делится на две половины: переднюю, более грязную, в которой помещается печь, здесь же находятся молодые бараны и телята, конская сбруя и ворохи других хозяйственных принадлежностей. Дальняя половина почти вся занята нарами, на которых киргизы едят и спят. По стенам набиты колья, на которых развешиваются платье, лучшая сбруя, кошмы и пр. Ночью землянка освещается сальником. Из всего сказанного можно судить, в какой тесноте, грязи и духоте приходится проводить киргизам зиму. Зимовка более богатых киргизов безлесных мест, в общем, мало отличаются от описанной, только чище».

Зимнее жилище Имантая-аксакала в основном соответствовало этому описанию, поэтому мы и привели столь пространную цитату. Но было и отличие. Дело в том, что отец будущего ученого для своего времени и окружения был довольно просвещенным человеком. Он был близко знаком со многими русскими поселенцами из близлежащих деревень, бывал в Павлодаре и Омске, знакомился со ссыльными разночинцами и имел большую тягу к улучшению своего быта. Зимовку свою Имантай-аксакал построил не из обыкновенного дерна, а из саманного кирпича. Из этого редкого в то время для степей материала он сложил стены не только дома, но и всего скотного двора. Двери из четырех небольших комнат выходили, как и в обычных зимовках, прямо в скотный двор. Жилой дом был невысок, не имел крыши и по наружному устройству не отличался, как и скотный двор, от подобных степных сооружений. Избяная часть зимовки, однако, имела еще одно новшество: не только пол, но и потолок изнутри были сложены из струганных досок. Эти новшества окружающим степнякам казались непозволительной роскошью для сравнительно маломощного хозяйства Имантая: досужие языки обвиняли его в том, что он не по мощне своей спесив и, хоть в разоренье, но тянется за соседями своими - известными на всю степь богачами Шормановыми. Между тем, этот предмет пересудов и зависти снаружи мало отличался от обычных зимовок, от кучи, как выше сказано, «тесно сплоченных и заваленных наземом землянок».

Created by free version of 2PDF

В одной из комнат этой довольно цивилизованной по тому времени зимовки и родился Габдулгани, будущий Каныш, При рождении по обычаю своих предков он обрел и вторую мать - тетушка Кульжан обрезала младенцу пупок и стала киндык-ана. В степях считалось, что киндык-ана имеет особое влияние на младенца вплоть до того, например, что человек, взрослея, становится похожим на нее отдельными чертами характера. Поэтому в казахском быту того времени, когда речь заходила о недостатках или достоинствах того или иного человека, можно было слышать совершенно серьезный подкрепляющий аргумент:

«Ведь у него киндык-ана такая-то». К киндык-ана со стороны киндык-сына (или киндык-дочери) всегда сохранялось чувство сыновнего уважения. Маленькому Канышу тетушка Кульжан была особенно близка: мать родила его, будучи уже серьезно больной туберкулезом, и потому киндык-ана, сама недавняя роженица, стала кормилицей своего киндык-сына. Рассказывают, как, приезжая в родной аул, маститый, грузный академик заходил к своей киндык-ана Кульжан и садился, скрестив по-старинному ноги, на кошму рядом с маленькой, сухонькой, сморщенной старушкой и точь-в-точь как в детстве начинал какую-нибудь ребяческую шутку, например по-мальчишески ласково выпрашивал у нее сладости, «припрятанные» киндык-мамой для своего любимого киндык-сына.

Габлулгани родился, когда его отцу было 56 лет. Долгожданный первый сын у Имантая появился только четыре года тому назад. Каждый родитель в степях мечтал о куче детей, о большой семье. Это подсказывалось не простым инстинктом продолжения рода. Родовой быт требовал, чтобы семья была сильной, а род - могучим. Для этого нужны мужчины, много мужчин. Поэтому каждый отец мечтал, чтобы у него было побольше сыновей, чтобы род его увеличивался, чтобы он не остался «кубас» - бездетным, чтобы к старости была защита и опора. Имантай-аксакал, как мы уже говорили, был довольно просвещенным человеком и к тому же обладал недюжинным природным умом. Он чувствовал веяние таких перемен, когда в степях постепенно терялось значение крепкого кулака и длинного соила, когда бумаги в канцелярии уездных начальников начинали играть судьбой людей в большей степени, чем количество и сила жигитов той или иной семьи, того или иного рода. Поэтому, казалось бы, Имантай-аксакал мог быть довольным: жена его, Нурым, родила дочь и поскольку более детей не было он усыновил племянника своего Абсаляма, женил его и выделил в отдельную семью - отау. Не достаточно ли двух детей - дочери и сына?

Created by free version of 2PDF

Оказалось, нет. Аксакала втайне грызла мечта о сыновьях собственной крови, ибо не закроешь рот невеждам. Каждый может сказать: «Тебя сам аллах обделил, ты же на самом деле - кубас» Слишком крепко сидела в аксакале родовая закваска. И он в пятьдесят лет взял вторую жену. И вот: аллах не без милостей - второй сын! Это была большая радость, хотя, может быть, и несколько запоздалая. Но народная мудрость во всем находит утешение: «радость и добро не бывают поздними». Радость эту сообщили сразу же всем родичам, расселившимся в радиусе 2-3 км, и знаменитый казахский узункулак с телеграфной поспешностью понес эту новость по всем аулам смежных родов Каржас и Айдабул. Многим такая новость была кстати: было время, называемое в степях узын сары, когда дни стали длинными, нудными и скучными, особенно в семьях бедняков, ибо зимние припасы кончались, а скот еще не был готов к надою. Приезжали аксакалы поздравить своего сверстника, уважаемого Имантая: какое счастье привалило, второй сын, и, главное, родился в понедельник, в день рождения пророка Магомета. Приезжали молодые на шилдекана - вечерние игры, посвященные новорожденному. В течение нескольких дней в четырех комнатах зимовки, избах близких и родных стояли сутолока и гвалт. Звенела домбра, местные певцы-акыны и острословы состязались в импровизациях. Десятки оседланных коней торчали день и ночь на привязи на бельдеу. Имантаю-аксакалу и его ближним пришлось немало проявить расторопности, чтобы найти в окрестных аулах баранов и лошадей, сохранивших упитанность, в обмен на своих, отощавших, ибо казаны в эти дни дымили круглые сутки, и свои возможности были исчерпаны. В такой обстановке началась жизнь будущего большого советского ученого.

Читатель, наверное, помнит по описанию Мухтара Ауэзова, как в детском сердце маленького Абая холодным трепетом отзывалось соперничество между несколькими матерями в полигамной семье его отца Кунанбая, как это соперничество переходило на детей, подтачивая и разъедая чистоту эмоций в их наивных душах, К счастью, маленький Каныш в семье Имантая-аксакала не испытал этого. Мать его, Алима, умерла, как мы выше упомянули, когда младшему ее сыну Канышу было всего два года. Дети остались на руках стареющей Нурым, которая всю свою нерастраченную любовь сосредоточила на них. Однако родные и близкие, хорошо знавшие Алиму, полагают, что живи она дольше, дети ее были бы еще более счастливы, ибо она внесла бы много светлого и радостного в их жизнь, разнообразя спокойную, тихую ласку и молчаливую заботу аже (бабушки), так ее прозвали дети Али-

Created by free version of 2PDF

мы. Дело в том, что в этой семье между двумя матерями-соперницами сразу же установились почти невиданные для подобных степных семей отношения взаимного согласия и взаимной приязни. Мамаша Нурым, эта рослая, смуглолицая, спокойная, выдержанная, вечно занятая по хозяйству женщина, по свидетельству знавших ее, была настолько проникнута заботами и чаяниями рода Сатпая, надеждами и думами своего мужа Имантая, что все больше испытывала нечто вроде угрызений совести за то, что оказалась бесплодной - единственная дочь, выданная замуж, в счет не шла: «дочери родятся для чужих» – вещала народная поговорка. И, говорят, когда Алима, обрученная с одним из молодых Шормановых, оказалась вдруг свободной, ввиду смерти жениха, Нурым сама подсказала мужу взять ее в жены. Родители невесты не были знатными, и Шормановы не очень желали продолжать с ними родственные взаимоотношения. Когда Имантай-аксакал посоветовался по этому поводу со своим другом Садуакасом, одним из наиболее влиятельных людей в роду Шормановых, тот поддержал его. И вот девушка, овдовевшая еще в невестах, была привезена в дом Имантая. Степные свадебные ритуалы были выполнены в самых скромных пределах, ибо невеста, у которой умер жених, и аксакал, бравший несчастливую девушку в токалы - второй женой - были не такой парой, чтобы устраивать шумные празднества.

О чем думала мамаша Нурым, когда ее муж привел домой вторую жену - девушку, еще не достигшую двадцати лет? Наверное, ей было грустно. Пусть читатель снова вспомнит, как в романе об Абае Мухтар Ауэзов описал переживание умной и дальновидной матери поэта Улжан, когда ее стареющий, шестидесятилетний муж взял себе четвертой женой семнадцатилетнюю Нурганым. «Улжан - пишет Мухтар Ауэзов, - была далека от ревности, ибо она привыкла владеть собой. Она как будто уже не считала Кунанбая мужем - он был отцом ее сыновей, родным человеком, связанным с ней долгой жизнью, многими годами общих переживаний. Все другие чувства к нему умерли в ней». Мамаше Нурым уже было пятьдесят лет, столько же и Имантаю. Можно полагать, что будучи умной и сдержанной, она покорилась своей участи, тем более, что сама явилась инициатором женитьбы своего мужа. И все же рассказывают, что в тот самый момент, когда молодую Алиму, вводили в дом женой Имантая, мамаша Нурым исчезла. Женщины кинулись искать: бедная байбише сидела в отдаленном углу двора и тихо плакала. Это было, говорят, последнее и единственное изъявление печали, которое пришлось увидеть друзьям и близким у мамаши Нурым по поводу второй женитьбы мужа.

Created by free version of 2PDF

С приходом молодой Алимы, в семье Имантая произошло нечто удивительное и непривычное для жен-соперниц. Стареющий степняк с достатком, как правило, брал в токалы девушку из бедной и неродовитой семьи. И молодая девушка в руках властной байбише - первой жены оказывалась в роли служанки: та понукала ею, вымещая свою ревность и злобу. Редко, когда молодая токал, заимев влияние на старого мужа, брала верх; это было чаще всего в тех случаях, когда байбише была бездетной и не имела опоры, а молодая соперница оказывалась своенравной и хитрой. В семье Имантая не случилось ни того, ни другого. Алима была стройна и красива; на ее белом, чернобровом лице постоянно блуждала располагающая улыбка, она была смешлива, юмор ее был неиссякаем. Она как будто совершенно не придавала значения тому, что ее муж, серьезное и строгое лицо которого редко смягчалось, был на тридцать с лишним лет старше ее и что она пришла в эту семью, в этот род в качестве токал. Своим беззаботным и звонким смехом, простым, бескорыстным отношением ко всему, что ее окружало, умением найти во всем смешное и вызвать неожиданное веселье, она быстро расположила к себе родных и близких. Мамаша Нурым таяла перед ней, испытывая нечто вроде материнских чувств - дело совершенно невиданное в полигамных семьях. Прожила она в доме Имантая всего шесть лет - родила троих детей - дочь Газизу, сыновей Бокеша и Каныша. Память о ней сохранилась в семье и ауле Имантая краткой, светлой и улыбчиво-веселой полосой. Старики и ныне вспоминают ее остроумные шутки и импровизации. В степях острое слово, шутка ценились высоко. Отсутствие умения шутить, как мы теперь говорим, чувства юмора, приравнивалось к отсутствию умения думать, соображать и считалось большим недостатком. В казахских аулах ровесники обязательно вышучивали и разыгрывали друг друга, женщины прохаживались в адрес младших братьев мужа, и наоборот, родственники по женской линии вступали в состязание по части выдумывания шуток и шуточных ситуаций. По рассказам, мать маленького Каныша, Ак-Алима (Белая Алима), как ее прозвали в ауле, обладала удивительной способностью находить смешное и склонностью к колким и веселым импровизациям. В ауле жил один из младших родичей Имантая - молодой жигит Сыздык. Он любил загадывать шуточные загадки. Както за кумысом (к Алиме аульчане любили заходить попить кумыс, а особенно к вечеру после трудового дня) Ак-Алима предложила Сыздыку загадку и сказала, что неразгаданная в срок загадка продается:

За той ли речкой за рекой
Горка дышит в две дыры.

Created by free version of 2PDF

Хоть гол хребет у горки той,
Зато густ тал вокруг горы.

В отведенное время Сыздык не смог разгадать загадку и пошел советоваться к младшему брату Имантая Жамину. Жамин захохотал:

«Ты посмотри на себя в зеркало». Действительно, у Сыздыка за густой бородой виднелись две щели - ноздри, а голова была голым хребтом. Сыздыку пришлось ехать в Баян-аул за платьем для Алимы, чтобы выкупить загадку.

Тот же Сыздык был любителем поскверносло вить, что очень не нравилось Алиме, хотя в степном быту не очень в этом отношении стеснялись. Она решила пристыдить Сыздыка и пустила четверостишие:

На моего кайным[5] *ты глянь!*
Красивый рот аллахом дан.
Но жаль: приятные уста
Извергают часто дрянь.

Услышав это четверостишие, Сыздык ходил к Алиме просить прощения и перестал сквернословить.

В степях врачебная помощь в те времена отсутствовала, специальные меры профилактики не проводились и дети, как, правило, переболевали всеми положенными болезнями: оспой, корью, дизентерией и др. Большая часть детей умирала в раннем возрасте, и родители находили лишь слабое утешение в той вере, что это связано с желанием самого аллаха иметь около себя больше невинных, незапятнанных чистых душ. Ак-Алима, недаром ее так прозвали в ауле, была удивительно чистоплотной женщиной и весь день была занята шитьем, штопанием и стиркой пеленок и одежек своих детей. Окружающие поражались домовитости, детолюбию молодой женщины, и многие готовы были подтрунить по этому поводу, да боялись острого языка Ак-Алимы. Байбише Нурым во всем потакала и поощряла свою любимую соперницу. И потом, когда Ак-Алима умерла, у байбише Нурым длительное время появлялись на глазах слезы, когда она вдруг обнаруживала, что старается делать все по отношению к детям так, как делала покойная. И, слава аллаху, дети, переболев всеми страшными болезнями, остались живы - здоровы и росли хорошо. Считали, что хорошая, добрая, благородная Ак-Алима умерла такой молодой с тем, чтобы взять всю тяжесть несчастий, отведенных небесами семье Имантая, на себя, и ее желания сбываются.

---

[5] Жена старшего брата (родственники по мужской линии) называла так младших братьев (родственников) мужа.

Created by free version of 2PDF

Имантай-аксакал внимательно приглядывался к младшему, ибо в каждой семье младший - главная опора стариков. Старшие женятся, отделяются в отау и, окунувшись в свои семейные и другие заботы, постепенно черствеют к старикам, и только младший остается с ними, являясь хозяином кара шанрак, и оттого, каким будет этот младший, этот кенже, зависят покой и счастье старости. Любил Имантай своего старшего Бокеша, смуглого, очень похожего на отца, но этот немного медлительный в движениях, большеголовый, лобастый мальчик вызывал у аксакала особый прилив нежности: белизною лица, ясным взглядом глаз, в прищуре которых таилась материнская лукавка, он напоминал покойную Алиму, а не по годам крупное тело, тяжелое подбровье выдавали свое, сатпаевское; голова мальчика была примечательна - она была широка и выпукла в висках. Это очень нравилось аксакалу, ибо в народе выпуклые виски детей выдавались за особую примету, связанную с будущим умом, везеньем и счастьем; «виски выпуклы, как бурдюки» - произносилось в похвалу.

Мужчине в степях не подобало особо выказывать свою нежность. Поцелуи и объятия были простительны лишь детям и женщинам. Аксакал гладил последыша по голове, а в зимние вечера прятал в полы своего просторного теплого купе, большого халата из верблюжьей шерсти. Летом мальчик постоянно торчал на седле впереди аксакала, при разъездах по аульному хозяйству.

Взаимная привязанность отца и сына была молчаливой и согласной, мальчик чувствовал всеобщее уважение и всеобщее послушание, которыми пользовался этот большой, бородатый и немногословный человек в ауле, и это переходило к нему - свою избалованность ласками аже Нурым и окружающих он в отношении с отцом не выказывал и с самого раннего детства привык исполнять его волю. Потом уже, взрослея и делясь с отцом своими мыслями и думами, он найдет в себе волю для почтительных и настойчивых возражений. Пока же он весь - послушание и подражание. Как только начал говорить, отец научил его слову «бисмилла»! Потом, когда сын стал понимать его наставления, он поучал: «Бисмилла, сын мой, твое первое слово. Все ты должен начинать с него. Запомни, как к знаменитому нашему акыну Орынбаю обратился его сын Омар, прося оценить стихи, которые он только что сочинил:

Я - сын Орынбая, мое имя Омар
В моей душе горит томар

Орынбай перебил его: «Плохо, сын мой. Надо начинать с аллаха, начала всех начал:

Created by free version of 2PDF

Я сын Орынбая, мое имя Омар,
В моей душе песня - аллаха дар..»

Пять раз в день отец совершал намаз - молитву. До намаза следовал обязательный обряд омовения. Бокеш лил воду в ладони отца из медного кумгана. Мальчик вскоре заменил в этом занятии старшего брата, стараясь поливать такой же аккуратной ровной струёй, как это делал Бокеш, и как того требовал отец. Расстелив постоянно висевший на перекладине у окна жайнамаз - легкий, узорчатый коврик, отец становился на него против окна и, заткнув большими пальцами уши, растопырив вверх остальные пальцы, он нараспев произносил:

«Алла акпар! Алла акпар!» (Великий боже!») и вращал при этом головой справа налево, слева направо. Потом клал ладони на живот и переходил в молитвенный шепот. Далее, падал на колени, касался лбом ковра и снова поднимался. Намаз заканчивался молитвой, читавшейся нараспев, сидя на подогнутых ногах. Аже тоже становилась в сторонке на свой невзрачный, матерчатый, полосатый жайнамаз и точно повторяла все, что делал отец, только ни разу не выходя из молитвенного шепота - женщине не полагалось читать божественные слова нараспев. Отец совершал намаз, полузакрыв глаза, и казалось, что он в этот момент совершенно отрекался от окружающего и вступал в незримую связь с тем, кто находился где-то далеко-далеко и требовал постоянного поклонения и прославления. Зато на лице аже не выражалось ничего подобного - она равнодушно шевелила губами, а ее слух продолжал реагировать на звуки во дворе, в соседней комнате. Иногда мальчик пробовал садиться рядом с отцом или аже, но не выдерживал длинных молитв и бесконечных поклонов.

Среди детских впечатлений мальчику запомнилась ураза - мусульманский пост. Запомнилась, может быть, потому, что вдруг в самую жаркую пору лета все взрослые аула перестали есть, старались больше находиться в юртах, в тени, мало слышалось смеха и веселья возле юрт и у жели (привязь для жеребят), где доили кобыл. Все ели только от заката до первых лучей далекого восхода, а днем не полагалось брать в рот ничего, даже купанье считалось нарушением. И это продолжалось целый месяц. Некоторые из сверстников мальчика тоже держали уразу, но лишь от одного до трех дней, как это разрешалось для детей и подростков. В семье Имантая-аксакала не заставляли детей держать уразу. Аже Нурым сама могла поститься сколько угодно, но ни на один день не хотела допустить этого для своих малышей. Маленький Каныш замечал, как его голодные сверстники, «державшие»

Qeauld as free version of PDF
BukeTov University

уразу, прячась и таясь, проглатывали то кусочек сушеного сыра - курта, то баурсак.

Второе слово, которое на всю жизнь должен был запомнить мальчик - это «ассалумагалайком», что означает «да снизойдет на тебя божья благодать», приветствие с одновременным выражением почтения к старшему, ибо вслед за почтением к аллаху следовало почтение к старшим. Встретив мужчину старше по возрасту или входя в дом, каждый воспитанный человек должен, притрагиваясь правой ладонью к груди и слегка наклонив голову, произнести это слово и подать обе (обязательно обе!) руки; далее почтительно дожидаться, что скажет старший. Как правило, следовали расспросы о здоровье приветствовавшего, его родных и близких, о хозяйственном благополучии. После ответов на эти вопросы, переждав небольшую паузу, мог задавать подобные вопросы и приветствовавший. Мальчик Каныш вначале очень стеснялся приветствовать таким образом бородатых, суровых на вид гостей отца и поражался, как брат Бокеш не по возрасту солидно и легко выполнял этот ритуал приветствия. Умение почтительно, скромно и с достоинством приветствовать старших особо ценилось в степях, по этому умению определялась воспитанность молодого человека. Имантай-аксакал строго следил за тем, чтобы его родные и близкие были почтительны и внимательны к старшим по возрасту, и, естественно, особо наставлял этому своих детей.

И еще каждый воспитанный и уважающий себя казах должен был знать и почитать своих предков. Каныш. Его отец Имантай. Имантай - сын Сатпая, Сатпай - сын Шотика; отец Шотика - Баубек; Баубек - сын Жадигера; а Жадигер - прапрапрадед основателя самого сильного рода в этом околотке – Каржаса. Степной кочевой казах также должен знать с кем, на каком колене сходятся и расходятся родственные связи по мужской линии. Отец подробно рассказывал, чем прославился каждый из его предков и что соседи Шормановы, например, с ними в родстве на седьмом колене - ибо Жадигер, от которых идут Сатпаевы, и Мырзагул, от которого ведут свое происхождение Шормановы - сыновья Аная. Воспитывая в таком традиционном духе сыновей своих, Имантай-аксакал имел честолюбивые замыслы о достойном продолжении рода своего, о котором он был очень высокого мнения, ибо редкий казах не гордился своими предками. Его воображению представлялась; например, такая обычная для степей живая картина. Лето. Едет в степи мальчик, навстречу пожилой человек.

- Ассалумагалайкем! - говорит почтительно мальчик, при этом конь, привыкший к таким степным приветствиям, останавливается сам.

Created by free version of 2PDF

- Уагалайкомассалям! - отвечает старший, - Добрый путь, жигит, из какого роду - племени будешь?

- Из аула Сатпая, сын Имантая - Каныш.

- А, сын Имантая. Как здравствует твой почтенный родитель?

Как поживает почтенная Нурым? А я из аула (называет имя предка и свое имя). Она не рассказывала тебе, что моя бабушка и ее бабушка были сестры? А отец не говорил тебе, что почтенный дед приходится нам жиен? Да и мы сами недалеки - сходимся на 12 колене. Так что, молодой человек, мы - близкие, совсем близкие люди...

- Как же не знать вас. О вас мой отец всегда отзывается с почтением. Ваш прапрадед (называет имя) с моим прапрадедом (называет имя) возглавляли поход на калмыков... Ваша бабушка, кажется, была в числе добра, вывезенного моим прапрадедом...

- Ах, молодой человек, все уже тебе Имантай рассказал, и все ты запомнил и уже успел намекнуть на мое калмыцкое происхождение... Но и я мог бы рассказать про твоих предков... Да очень уж уважаю твоего родителя...

- Извините, пожалуйста, я ведь к слову... Хотел похвалиться своим прапрадедом, а получилось... - краснеет мальчик.

- Пожалуйста, пожалуйста, и я ведь к слову... Какие были времена, какие были люди... (казах всегда ставил прошлые поколения выше нынешнего). Спасибо, жигит, за уважение к бороде, да снизойдет на тебя божья благодать... А то теперь иные проскачут мимо, не знаешь, шайтан проскакал или сын казаха... Пожми руку почтенному Имантаю, передай салем почтенной Нурым...- И, перечислив еще нескольких лиц из аула Сатпая, еще раз пожелав мальчику божьей благодати, аксакал продолжает свой путь в рассуждении: «Какой почтительный и достойный сын растет у Имантая. Всего, наверное, 13-14 лет, а каким взрослым себя держит». И обязательно расскажет об этом во всех аулах, где он побудет. И понесет узун-кулак добрую славу о сыне Имантая.

Воспитанный молодой человек также должен уметь встретить гостя. Вдали показался всадник. Из аула никто не выезжал. Значит - путник. Заметно, что всадник уже осадил коня, переходя с трусцы на шаг. По статной осанке коня и манере, с которой всадник перешел на шаг размеренный и покойный видно, что едет солидный человек, умеющий издалека показать свое уважение к аулу, к которому он подъезжает. Тут Канышу надо все делать точно так, как делает брат Бокеш. Крикнуть на собак, чтобы они не поднимали непрерывный лай, особенно на Алыпсока, который любит наскочить на приезжих, дабы показать хозяину свое рвение. Ни в коем случае нельзя бежать на-

Created by free version of 2PDF

встречу всаднику. Надо спокойно выждать, когда он подъедет на такое расстояние, что достаточно будет сделать несколько шагов до места, где приблизительно должен остановиться гость. Почтительно сказать:

«Ассалаумагалайкем», «Уагалайкомассалям. Это дом Имантая?» «Да, ата, мы рады гостю». Мальчик спокойно и степенно подходит к всаднику ближе справа, левой рукой берет лошадь за уздцы, другой помогает аксакалу сойти с коня.

Пока аксакал отряхивается, мальчик успевает опустить тугую подпругу и привязать коня к коновязи. Гость замечает, как проворные руки мальчика сделали трудно развязывающийся, безупречный узел-курмеу, значит, не в первый раз встречает гостя, значит, родители могут надеяться, что с ним не будет такой оплошности, когда конь уважаемого гостя уходит домой один. Аксакал направляется к юрте, мальчик идет рядом, чуть приотстав, и лишь у двери слегка выдвигается вперед, чтобы открыть ее. Гость и Имантай-аксакал рады друг другу, но приветствия их спокойны и сдержанны, выражение шумного восторга не приличествует мужчинам. Гость обращается к байбише Нурым и приветствует ее, но не подает руки, видимо, он старше Имантая. Мальчик продолжает ухаживать за гостем. Когда тот снимает сапоги и остается в кожаных чулках-масы, мальчик помогает снять верхнюю одежду - шепкен. Сапоги и шепкен на предусмотренное место расположит мальчик. Гость усаживается рядом с Имантаем. Продолжаются подробные расспросы о здоровье домочадцев, о живых и мертвых аула гостя, близких, о хозяйственном благополучии и т.д. Уже вносят в большой чаше кумыс, байбише Нурым ставит чащу-тегене перед собой и перемешивает кумыс так, чтобы сбить с него хмель: зачерпнув большой почти пол-литровой, красиво отделанной деревянной ложкой-ожау и, подняв, наклоняет ее так, что кумыс льется обратно в тегене тонкой ровной струёй, пузырясь и распуская круги. Но пришло время намаза. Дело аллаха прежде всего. Мальчик держит в руках медный кумган с теплой водой и помогает аксакалам совершить обряд омовения, а до этого он уже успел сказать дяде Шадету, чтобы тот свежевал барана: к отцу приехал гость.

– Имеке, это твой младший, твой кенже? - спрашивает гость.

– Да, слава аллаху, младший кенже, - отвечает не без гордости отец.

– Да снизойдет на твоего сына божья благодать, да будет он уважаемым человеком.

Created by free version of 2PDF

Это похвала. Мальчик очень понравился гостю, но напрямик хвалить не принято - опасны язык и глаз. Имантай чувствует, понимает, что пожелания гостя искренни, от души, это приятно ему, но говорит:

– Что-то не представляю себе, чтобы с ним получился толк. Мельчают люди. Они уже не будут иметь за душой то, что имеем мы...

– Не прав ты, Имеке. Они, может быть, и не будут нуждаться в том, что имеем мы. Достаточно того, чтобы мальчик твой был среди ведущих своего поколения.

Имантаю нравится пророчество гостя, он очень хотел бы, чтобы оно сбылось, но не отвечает на его слова, потому что расстелен жайнамаз и большие пальцы аксакалов еже в ушах.

Рассказывают, что маленький Каныш, очень рано усвоил наставления отца и примеры старших, быстро взрослел и был наряду со своим братом Бокешем, которого он очень любил и которому во всем подражал, самым воспитанным мальчиком в ауле. Думается, что это, в основном, верно, однако мальчик, по всей вероятности, все же оставался мальчиком. Не раз, наверное, маленький Каныш забывал строгие наставления отца и не оказывался на месте, когда надо было встретить и провожать гостя, не всегда к месту молчал и к месту говорил, словом, не всегда помнил правила почтительности и приличия. Наверное, по мере того, как росли дети, Имантай-аксакал и байбише Нурым среди радостей испытывали и немало горестей, ибо, очень много соблазнов было для детской души в кочевом быту.

Кочевой быт ... Многие детские восторги, незабываемые радости, связаны с ним. Но то, что кочевой быт заморозил большой народ на века на одном и том же примитивном образе жизни, он поймет потом, пока же в детской душе этот быт отзывался лишь впечатляющими переменами, яркими красками, благоуханием степей, чувством раздолья и безбрежности. Апрель... Уже сошел снег, но еще ветрено и холодно. Аже Нурым строго следит, чтобы Каныш оделся тепло, хотя мальчику это не нравится - трудно бегать, не успевает за легко одетым Жумашем. В кыстау грязно, кучи помета, накопившиеся за зиму, издают неприятный запах; его раскисшие пласты цепляются за подошву и каждый раз перед тем, как войти в избу, надо тщательно чистить сапоги: нудная работа, но ничего не поделаешь - аже погонит обратно. Можно было бы не наступать на грязь, но не получается - много дел. Во-первых, нужно сделать хороший мяч, а для этого надо подойти к красноперстой корове, вернувшейся с поля и лижущей привязанного теленка, и надергать слезающую шерсть, которая весной хорошо скатывается в мяч, только надо вложить в сердцевину камешек, чтобы мяч

Created by free version of 2PDF

был достаточно тяжел. И надо так умело укатать, чтобы он был кругл и упруг. На этот раз он постарается сделать мяч не хуже Бокеша, который зазнался, представляется взрослым и не хочет помочь родному брату. Во-вторых, за зиму соскучились по игре в асыки-бабки, а сейчас повыше от дома открылась полянка, хоть и на холодном ветру, но можно славно поиграть. В-третьих, двоюродный брат Карим, проворный и быстрый на всякие шалости и выдумки, уговаривает попробовать приручить гнедого стригунка, подаренного Канышу братом аже Нурым, поездить на нем верхом, потому что позже взрослые не разрешат им этого. В общем, находилось много других увлекательных занятий, и не раз мальчик к великому ужасу байбише Нурым возвращался после насыщенного подобными «делами» дня голодным, мокрым, грязным, покрытым шерстью линяющего стригунка, с разбитым носом. Но в отличие от многих сверстников маленький Канышс не меньшим увлечением предавался исполнению наставлений отца, не по-мальчишески сосредоточенно, как рассказывают его сверстники, слушал песни, сказки и музыку.

Как только сойдет снег - казаха тянет в степь. Жить в душном и грязном кыстау уже невмоготу. Но надо сделать много дел, прежде чем начать кочевку. Необходимо очистить двор, вывезти помет, дождаться, пока сложенный в кучу помет начнет преть, перетоптать его, нарезать в кирпичики и сложить во дворе для сушки и хранения, ибо помет-кизяк главное топливо в здешних местах. В ауле все от мала до велика ранней весной заняты этой работой. Необходимо ещё следить за скотом, в особенности за овцами, ибо еще не кончился окот. Аул Шормановых, например, откочевывал рано, так как Шормановы имели возможность оставить на все лето в кыстау своих работников, которые не торопясь выполняли все работы. Имантай-аксакал и его родственники такой возможности не имели, поэтому на время весенних работ ставились юрты возле кыстау, и все с удовольствием переходили жить туда.

Сама кочевка тоже связана со многими заботами; все сложить и связать в удобные тюки, для чего нужно много веревок, арканов и др. ибо все за зиму износились, а для этого надо снять волос с холок и хвостов стригунков и двухлеток, надо готовить рыдваны, телеги, брички; починить, обновить, проверить седла, сбрую, летом все от мала до велика будут на конях; докоптить и сложить в ящик-кебеже мясо-сюр, оставшееся с зимы. Аже Нурым занята варкой мыла на весь аул. Это дело хлопотное. Женщины аула под руководством аже кипятят в больших котлах-казанах накопившиеся за зиму кости, снимая жир. В других котлах кипятят золу, которую всю зиму собирала аже. Это не

Created by free version of 2PDF

простая золя, а зола от бурьяна-лебеды, алаботы. Золу отделяют и выбрасывают, а воду продолжают кипятить, пока не остается сероватый порошок. После нескольких дней такой работы аже Нурым и несколько женщин аула, забрав отвар-порошок от золы и костный жир, уединяются в кухню-шошалу. Каныш сгорает от любопытства: ему кажется, что там, в шошале, где стоит дым коромыслом, аже Нурым, собрав помощниц, колдует, как мыстан-кемпир (баба-яга). Но аже строго следит за тем, чтобы дети и мужчины случайно не заглянули в шошалу, ибо нет ничего опаснее детского и мужского глаза: развар испортится и мыло не сварится. К вечеру довольная своей работой аже раздавала всем детям по маленькому круглому кусочку мыла - бузаушик. Этот удивительный бузаушик с горьковатым запахом хорошо пенился, и пена его легко снимала грязь. Основная же масса мыла лежала в виде громадного коричневого куска, который завтра аже Нурым разрежет на меньшие куски и раздаст каждой семье аула. Варилось мыла столько, чтобы хватило на весь год.

По горло работы и у детей. Их заставляют быть постоянно со взрослыми, надо сбегать за тем-то, принести или поддержать то-то, понянчить маленьких пока заняты взрослые и т.д. Сверстники помнят, что одной из главных забот маленького Каныша было помочь старшей сестре Газизе сложить книги отца в ящик. Запомнили, может быть, потому, что книги тогда в аулах были редкостью и для обычного степняка ценности не представляли. Естественно, что все смотрели на книги Имантая, занимавшие почти целый воз, как на чудачество, которое у аксакала было смолоду и с годами усиливалось; считали, что для того, чтобы быть ученым человеком, достаточно знать коран, да еще две-три книги, а когда их целый воз... кто поверит, что один человек может прочитать столько книг и тем более вместить их содержание в одну голову. А книг у Имантая было действительно много. Они, после возвращения в кыстау на зиму, расставлялись на полках у стены. Весной же увозились на джайляу. Имантай-аксакал ни за что не хотел хотя бы часть оставить в кыстау, он очень беспокоился за их целость и сохранность и не спускал с них глаз. Книги складывались в абдра - красный деревянный ящик с инкрустациями. Абдра устанавливалось на телегу, в которую было положено сено, чтобы стены абдры не терлись о телегу и не сходила с них краска. Далее, каждая книга бережно обтиралась влажной тряпкой (отец лично научил их этому) и выносились осторожно, чтобы ветер не вырвал и не унес листы. Отец указывал, какие книги положить в последнюю очередь, чтобы легче было достать для чтения летом. Словом, это была трудоемкая и ответственная работа,

Created by free version of 2PDF

недаром она выполнялась Газизой. Своенравная сестра иногда при нечаянных шалостях или недостаточно проворном исполнении ее приказаний давала Канышу подзатыльники. Он пробовал бунтовать, поднимать рев, но поскольку бунт его никто не поддерживал, быстро забывал обиды и снова льнул к обычно ласковой Газизе. И вообще Газиза почему-то занимала особое положение в семье, она была властной, как хозяйка, и слушались ее все: и Бокеш, и даже старший брат Абсалям и вся его семья, то же делал Каныш. Всю зиму аже только и была занята тем, чтобы наряжать Газизу. Она щеголяла яркими платьями, перстнями на пальцах, серебром шолпы в косичках, ходила в лисьей шубке и шапке, украшенной каким-то невероятно красивым, отливающим цветами радуги мехом, доставшимся, как рассказывали, в подарок давным-давно от каких-то тогдашних сватов, она все делала так, как хотела сама. Мальчик лишь потом узнает, что в степных семьях вообще принято было уважать и терпеть шалости детей женского пола. Считалось, что для них только детство и девичество - счастливая пора, а потом, выйдя замуж, они переходят в подчиненное, почти рабское положение в чужой семье, в чужом роду.

Весенние заботы в кочевом ауле, требовавшие большого трудового напряжения, массы будничных хлопот окрашивались большими радостями, связанными с пробуждением природы. Имантай-аксакал приходился почти ровесником великому Абаю. Зимовье поэта находилось в 250-300 километрах юго-восточнее зимовий аула Сатпая. Природные условия и образ жизни их были почти одинаковые. Вот как описывает Мухтар Ауэзов жизнь в аулах отца поэта Кунанбая в раннюю весеннюю пору: «... некоторые аулы уже успели перейти из зимних помещений в юрты, белоснежные и сероватые купола которых усеяли зеленеющие поляны возле зимовья. Семьи, где были старики и старухи, еще оставались в домах, но вся молодежь переселилась в просторные юрты, полные весенней свежести. Аулы стояли, как в ярком весеннем оперении, были полны молодой бодрости, кипели полнокровной жизнью. Пестрые ягнята и козлята прыгали и резвились на солнцепеке, оглашая воздух непрерывным блеянием; важно выступали пушистые верблюжата, поводя большими карими глазами; конские табуны кишели курчавыми длиноухими жеребятами; телята, подросшие и проворные, задрав хвосты, смешно подпрыгивали и носились по траве. Вся природа, расцветшая пышно и неудержимо, пела согласный гимн торжествующей жизни... Всюду доили кобыл, пасшихся со стригунками, и каждое утро и вечер звонко перебалтывали кумыс в черных лоснящихся кожаных мешках».

Created by free version of 2PDF

Уже первая половина мая. Наконец, все готово к кочевке. Телеги, рыдваны, брички нагружены, колеса смазаны дегтем, часть вещей связана в тюки, перевозимы на верблюдах, так как повозок не хватает. Детей укладывают пораньше. Лошади стреножены, волы пасутся рядом, верблюды на привязи. Каныш и его сверстники проявляют взрослую озабоченность: просятся присмотреть за волами, но их укладывают спать, потому что завтра они могут заснуть на седле и упасть с коня. Маленькому Канышу не спится. Ему уже 7 лет. Он завтра впервые будет выезжать самостоятельно на коне, а не сидеть в седле впереди отца или, еще хуже, на телеге с аже, как это было до сих пор. Целый день он возился с седлом и сбруей, особенно с седлом, ибо оно было сделано специально для него стариком-мастером, который жил в их доме почти месяц. Сделал седло он на славу - обшил специально выделанной кожей, из которой шьют сапоги и которую отец привез издалека, с базара, а сверху прибил серебряные украшения. Особенно красива головка седла - на ней серебро блестит, как чешуя на голове и шее змеи, когда она угрожающе поднимает голову и выгнет шею. Серебром блестит и уздечка из свежей сыромятины - отец ее сделал сам. На гнедом трехлетнем коне ездил Бокеш, теперь его отдали Канышу, так как конь хоть и резв, но спокоен. Бокеш уже достаточно взрослый, чтобы ездить на более норовистом коне. Мальчик засыпает: его маленький гнедой превратился уже в тулпара-аргамака, и он летит на нем впереди всех, точь-в-точь как батыр Кобланды на своем Тайбурыле, о котором пел недавно проезжий акын.

Наступает самая веселая пора в жизни кочевников. Через один-два привала встретятся многие аулы каржасцев и айдабульцев из далеких кыстау. Старшие предвкушают удовольствие от того, как встретятся с родственниками по женской линии, с аулами и семьями кудасватов. Особо ждут этих дней молодые женщины, отданные в аулы с далекими зимовьями и почти год не видевшие торкин-родной аул, родителей, братьев и сестер. Старые отцы и матери ожидают замужних дочерей, познакомиться, поласкать хоть и не сыновних, хоть и не прямых, но все-таки внучат-жиен. Пойдут непрерывные приглашения, обмены подарками, пиры и той, которые начнутся, как обычно, с невинной причины: аул, который прибыл на привал ранее и уже поставил юрты, готовит только что прибывшему аулу ерулик-угощение, необходимое ввиду того, что новоприбывшим некогда готовить - от мала до велика заняты устройством на новом месте. Аксакалы будут собираться в разных аулах и обсуждать за кумысом и бешбармаком из сушенной конины-сюр, реже из свежей баранины, впечатления от только что

Created by free version of 2PDF

пережитой зимы, советоваться о пастбищах и кочевьях нынешнего года, разрешать межаульные, межродовые спорные дела. Особо возбуждена молодежь в предвкушении возобновления знакомства, завязанного прошлым летом, в ожидании новых интересных знакомств. Будет возможность погарцевать, показать свое удальство, силу, посостязаться, а вечерами воздвигнуть качели-алтыбакан и смотреть, кто выше раскачает, и кто при этом лучше споет, или затеять ночную игру аксуйек-белая кость - кто раньше найдет заброшенную кость. Дети любили эту веселую игру, требовавшую быстроты в беге, проворства, зоркости и смелости, юноши и девушки особенно любили аксуйек, которая представляла им возможность уединиться. Маленький Каныш вместе со всеми детьми его возраста будет остро чувствовать этот резкий выход из узкого привычного круга впечатлений, надоевших за долгую зиму, и душа мальчика будет возбуждена, волнующе переполнена новизной ощущений от братания с незнакомыми аулами и людьми. Днем в кочевке он на своем гнедке будет стараться не отстать от сестры Газизы, гарцующей на сером иноходце, А вечером, несмотря на усталость, станет кружиться в шумной толпе детей и подростков возле алтыбакана, пока кто-либо из старших по распоряжению аже не вытащит его из этой толчеи и не приведет в юрту. Засыпая, он вспомнит, как все обращали внимание на рослую красивую сестру Газизу, как то и дело подъезжали к ней молодые жигиты, стараясь отделить ее от подруг и перекинуться словом, и как сестра весело и звонко отвечала им. Вспомнит, как сестре было приятно внимание юношей, и как чем больше чувствовал он это, тем сильнее ревновал ее к ним, особенно к одному из них, с которым, как показалось, мальчику, сестра охотнее обменивалась шутками.

Маленький Каныш еще не знал, что кочевки весной не всегда и не всем доставляли радость. Рядом с весельем были и заботы, и печали. В книге М.Ауэзова «Путь Абая», которой академик не переставал восхищаться, он прочитал: «Но если для кого-нибудь кочевка - удовольствие, то чабанам и табунщикам она доставляет бесконечные хлопоты, неисчерпаемые заботы, сплошную муку: то расседланные кони забредут в чужой табун, то ягнята одного аула смешаются со стадом другого, то овцы перепутаются так, что не разобрать... В такой неразберихе ягнята и бараны беззащитной бедноты становятся добычей любителей чужого добра. Как говорится: «пальцем покажи, глазом моргни». И сколько аткаминеров, оберегая свое стадо, потрошат в ночной темноте живую «прибыль, оказавшуюся в их табуне, и торопливо - полусырую - съедают у костров». И академик вспомнил то время, когда он начал

Created by free version of 2PDF

постепенно с горечью и разочарованием, со стыдом познавать, что в эту весеннюю пору оживания и цветения природы, когда в степном человеке пробуждается все задушевное, чистое и доброе, когда им овладевает безрасчетность и беззаботность, продолжался для многих напряженный, тяжелый, изнуряющий труд, и в эту пору продолжали омрачающим диссонансом врываться в жизнь факты грабежа, насилия, беззакония, чинимые невежественными и алчными людьми, нравы которых оставались чуждыми сантиментов даже в эти веселые и радостные дни. Приходил конец сладким сновидениям, называемым детством. И все же академик благодарил судьбу за том, что детское неведенье и забота родителей оградили его от слишком раннего ощущения тяжелых сторон тогдашней степной жизни, за то, что его детство остается в его воспоминаниях- одним из светлых промежутков его жизни...

...Первый привал Сарымсакты в 18 километрах от кыстау. Солнце склонилось к закату, но до ночи есть время - недаром Имантай-аксакал торопил караван, чтобы доехать до привала пораньше, ибо до темна надо успеть поставить юрты. На привале ждали уехавшие вперед отец и брат Абсалям. Они уже определили место для временного расположения аула. Вначале ставится 8-створчатая юрта Имантая-аксакала. Участвуют в этом деле все от мала до велика. Работа веселая, но не суетливая. Последовательность операций, выработанная сотнями лет, известна всем. Командует брат Абсалям. Восемь решетчатых стеноккереге скрепляются между собой в круг. Надо держать кереге строго вертикально, пока связывают и скрепляют. Когда мальчик впервые услышал: «Держи, Канышжан!» - и он, подбежав, с натугой, до покраснения ногтей держал кереге, этот момент был одним из самых радостных в его жизни будущего ученого. Значит, и он теперь может участвовать в таком ответственном деле, как сборка юрты. А работы еще много. Лежит огромная связка уыков-жердей, которые ставятся на кереге таким образом, чтобы их изогнутые верхние концы сходились в купол. Подавать уыки - мальчишеская работа. Тут только успевай. Далее поднимается шанрак - деревянное кольцо с отверстиями, в которые входят заостренные концы уыков. Поднятие его было делом сравнительно несложным, требовавшим правда определенных физических усилий. Но ни один аксакал не позволял поднимать шанрак кому придется, ибо - это символ существования данной семьи, символ ее процветания. Шанрак должен подниматься человеком, который ответственен за настоящее и будущее этой семьи, этого шанрака. В семье Имантая-аксакала это дело последовательно поручалось Абсаляму, Бокешу и Канышу. Отец будет особенно рад в тот день, когда впервые семей-

Created by free version of 2PDF

ный шанрак поднимет его кенже, младший, опора его старости и будущий хозяин большого дома, стройный юноша Каныш. Наконец, шанрак поднят, деревянный каркас-скелет юрты готов. Остается покрыть кошмами и крепко их привязать к каркасу. Кошмы не простые. Вначале крепится толстая стенная кошма - туырлык. Далее следует кошма - узюк. Узюком покрываются уыки - крыша юрты. И уже на шанрак ложится кошма-тундык.

Наконец, головная юрта, юрта большого дома поставлена, продолжают ставить юрты других семей аула. Но уже ночь. А посыльные от Садуакаса Шорманова, друга Имантая-аксакала, аул которого прикочевал в эти места на несколько дней раньше, ждут, приглашая на ерулик. Все направляются туда. В просторной юрте Садуакаса на скатерть-дастархан ставят большую продолговатую деревянную тарель-астау, где на дымящейся горке вкусно пахнущей смеси свежего мяса и сюр лежит баранья голова. Отец достает из кармана свой большой, острый перочинный нож, вынимает его из чехла, раскрывает и, левой рукой взяв баранью голову, привычным движением отрезает ухо, захватывая побольше мяса, далее, макнув в соус, кладет на ладонь сидящему рядом Канышу. Съев ухо и едва притронувшись к мясу в астау, мальчик засыпает. Проснувшись, он видит, что лежит в юрте, которую вчера вместе со всеми родичами ставил он сам. Пахнет свежей травой, кумысом от большого кожаного бюрдюка - саба, которая стоит в юрте, косые лучи яркого солнца сверлят отверстия в тундуке. За юртой шум озабоченных голосов, ржание жеребят, блеяние овец. Каныш вскакивает и выбегает. Солнце уже почти в зените и слепит глаза. Мальчик очарован. На вчерашней зеленой ровной скатерти, как по волшебству, возник городок-аул. Юрты стоят красивым полукругом. Справа шестистворчатая серая юрта Борамбая, слева пятистворчатая белая Абсаляма, далее аульного муллы Нигмет-ходжи, серые юрты дяди Шадета, дяди Дюсембая и других. Возле каждой юрты горят костры и дымят самовары. Девочки и мальчики в каждой семье уже насобирали вдоволь кизяка. А вокруг вдали пестрят юрты других аулов, в ленивой полуденной жвачке улеглись табуны овец. Каныш взглядом хочет найти аул Садуакаса-ата, где были в гостях прошлой ночью, но слышит аже: «Проснулся, мой мальчик! А я тебе готовлю ак-иримчик. Иди позови Бокеша». Ак-иримчик, действительно, вкусен в это время. В кипящее молоко надо влить немного простокваши-катык, и молоко свернется, образуя белый творожистый осадок. Надо быстро снять казан и отлить жидкую часть получившейся смеси. Останется ак-иримчик - нежная, вкусная масса, вобравшая в себя терпкую пряность весеннего

Created by free version of 2PDF

разнотравья. Если смесь покипятить подольше, то осадок пожелтеет, получится сар-иримчик, который тоже вкусен, но только в сушенном виде. Мальчик чувствовал, что голоден. Надо быстрей позвать Бокеша и покушать. Но Бокеш занят очень интересным делом - он помогает старшим ловить и привязывать к жели жеребят от дойных кобыл. Подбежав к жели, Каныш забывает, что послан за Бокешем - очень уж потешен пегий жеребенок, смотрящий на мальчика выпуклыми нежными глазами. Мальчик, осторожно протягивая руку и нежно приговаривая: «Мой милый, мой хороший, мой маленький», - подходит к жеребенку, тот смешно дергается назад, упершись ножками оттягивает жели, но Каныш продолжает подходить, нежно притрагивается к мордочке жеребенка и гладит. За этим занятием его застает Газиза. Получив очередной легкий подзатыльник, он нехотя плетется за сестрой к завтраку, продолжая с умилением поглядывать на жеребенка, который уже почти перестал дергаться и еще чуточку оставалось, чтобы подружиться совсем.

Здесь на Сарымсакты аул пробудет с неделю - нужно охолостить стригунков и баранов-однолеток; провести весеннюю стрижку овец; надо пригласить то на ерулик, то просто на угощение людей из прикочевывающих и откочевывающих аулов, потому что на джайляу эти аулы будут в отдалении и драгоценная возможность посидеть за одним дастарханом уменьшится. Маленький Каныш уже самостоятельно ездит на своем гнедке в соседние аулы приглашать аксакалов по поручению отца.

На Сарымсакты выпасы хорошие, воды много, можно бы и не спешить откочевывать к следующему привалу Бельдеш, но в этом году Имантай-аксакал затеял новое и непривычное дело. Дело в том, что его тамыр-друг Андрей Зиновьев из близкого к их кыстау поселения Алексеевки посоветовал ему заняться хлебопашеством. Прошлой осенью Имантай-аксакал, возвращаясь с кочевок, специально послал человека за тамыром Андреем, и они вдвоем долго выбирали место для пашни. И, наконец, остановились на ровное поляне в местечке Бельдеш. Каныш помнил, что прошлой весной их аул долго оставался на этом месте до тех пор, пока все другие аулы не обогнали их на пути к зимовкам. Помнил потому, что все в одиноком ауле, особенно молодые, изнывали от скуки и не раз выказывали недовольство по поводу странных затей стареющего аксакала. Дело оказалось в том, что плуг-соху, купленную отцом через того же Андрея, долго везли сюда на волах из Алексеевки. Соха эта представляла собой тяжелую изогнутую лепешку железа с блестящим наконечником вроде лезвия; имела две ручки и крючки,

Created by free version of 2PDF

через которые, к ней впрягались волы, Сильное оживление во всем ауле наступило тогда, когда тамыр Андрей впряг в соху пару волов, подал длинный повод от волов отцу, который уже сидел верхом на своем коне, сбоку волов стал дядя Шадет с длинным хлыстом в руке. Тамыр Андрей сказал отцу что-то на своем языке, тот громко произнес «Бисмилла» и потянул повод. Все стоящие вокруг повторили «Бисмалла!» Дядя Шадет хлестнул волов, те пошли, тамыр Андрей, крепко держась за ручки сохи, ловко направлял лезвие ее вниз: оно врезалось в траву и стало выворачивать землю ровной черной лентой. Волы пошли натужно и тяжело. Отец ехал впереди медленно и прямо, в точности выполняя указания русского друга, иначе борозда получится неровной и кривой. Весь аул высыпал посмотреть это чудо. Волы тянули долго, наверное, чуть не полверсты. Потом тамыр Андрей выпустил соху из рук, она выпрыгнула из земли, легла боком и потащилась по траве. В стороне от первой ленты тамыр Андрей потянул к аулу вторую, обратную ленту, параллельную первой. Брат Абсалям и другие тянулись к сохе, но тамыр Андрей не разрешал им, продолжая крепко держать железные ручки сохи и идя за ней красивой, медленной, несуетливой, величавой развалкой. Ему хотелось, по-видимому, протянуть первые пахотные ленты ровно, без изъяна. Каныш и его сверстники тут же оценили, как интересно пробежать на траву, по мягкому, прохладному углублению, остающемуся за сохой. Для босых это было одно удовольствие. Самое интересное началось когда тамыр Андрей разрешил дяде Шадету держать соху. Соха у дяди Шадета выскакивала из земли, чертила траву кривой черной линией - никак ему не удавалось ввести лезвие в землю. Пришлось под всеобщий хохот останавливать волов и возвращаться к тому месту, где дядя Шадет впервые в роде Жадигер начал труд пахаря. То же случилось и с Абсалямом. Однако постепенно соха стала подчиняться, и под веселое подбадривание тамыра Андрея, отца и аульчан дядя Шадет повел плуг. До вечера успели сделать несколько загонок. Образовалось два длинных, черных, лоснящихся на солнце прямоугольника. Возились еще два дня, а на третий день, зарезав жеребенка и пригласив всех с тех кочевок, которые еще не отъехали далеко, Имантай-аксакал получил благословение всех участников пира на новое для казаха дело, и, довольный свершенным, дал приказание складываться, ибо уже наступила поздняя осень и надо было приближаться к кыстау.

...Отец беспокоился в ожидании своего тамыра Андрея, за которым поехали Абсалям и Бокеш. На пятый день пребывания аула в Сарымсакты к вечеру приехал тамыр Андрей на собственной паре сытых

Created by free version of 2PDF

коней, впряженных в бричку. Его торжественно сопровождали старшие братья Каныша. По тому, как вспотели кони и как высоко сидел тамыр Андрей на возу, видно было, что он нагружен чем-то тяжелым. Тамыр легко соскочил с воза, подал руку Имантаю-аксакалу и остальным взрослым, погладил Каныша и других детей по голове, стащил с воза мешок и стал угощать детей небольшими вкусными хлебными кольцами, а целый мешок больших хлебных колец отдал аже Нурым. Каныш знал от отца, что кольца поменьше и порумяней называются коралики, а большие и мягкие кольца называются калачи. И калачи, и коралики быстро рассеялись по рукам аульных детей и молодежи, ибо они казались намного вкуснее обычных для аулов пресных лепешек, выпекаемых в сковороде или в золе, вкусней даже баурсаков. Каныш ожидал, что и в этот раз добрый тамыр Андрей привезет хрустящие и вкусные огурцы и сладкую морковь, как прошлой осенью, но их, к великому огорчению, в мешках не оказалось. Аже Нурым пояснила, что урожай овощей снимается к осени.

На другой день аул перекочевал на Бельдеш. К вечеру, когда подъехали к привалу, вспаханное поле, черный прямоугольник которого резко выделялся в окружающей безбрежной зелени степи, казалось, дышало. От него шел пар, который был заметен в лучах предзакатного солнца. Это понравилось тамыру Андрею: значит, земля впитала в себя влагу. Отец с тамыром Андреем подошли к полю, помяли в руках черную вязкую землю. Каныш не отставал и делал то же. Отец велел снять с воза большую квадратную железную решетку с длинными зубьями, которую еще зимой на розвальнях привез отец не то из Алексеевки, не то из Баян-аула. Отец назвал решетку бороной и сказал, что она нужна, чтобы размягчить землю, вспаханную осенью. Теперь к этой бороне, положенной зубьями вниз, тамыр Андрей прилаживал упряжь, чтобы впрячь в нее волов. На другой день с утра до вечера с перерывом на обед тамыр Андрей и дядя Шадет верхом по очереди гоняли пару волов, таскавших борону по вспаханному полю. Борона теребила, рвала ленты пластов, забивала продольные ямки между ними. Поверхность поля стала ровной и к вечеру сильно пылила от ветра. На другое утро тамыр Андрей взял небольшой мешочек с ремешком, наполнил его пшеницей, поднял на руки и перекинул ремень через плечо: мешок повис на его груди. Такой же мешочек из домотканого тонкого коврика-алаши успела сшить по указанию русского друга аже Нурым и для дяди Шадета. И вот тамыр Андрей тяжело зашагал по полю, увязая по влажной пахоте: взяв правой рукой из мешочка горсть пшеницы, он картинно разгибал руку вначале от локтя, потом от плеча, рассыпая

Created by free version of 2PDF

пшеницу с ладони. Дядя Шадет делал то же самое, но, видимо, не совсем верно, так как тамыр Андрей часто останавливался и показывал, ему как лучше разбрасывать зерно. До обеда рассыпали всю пшеницу. После обеда стали рассыпать овес. На третий день волы снова таскали борону по полю. К вечеру первая посевная компания Имантая-аксакала была закончена. Теперь оставалось уберечь посев от потравы. Для этого надо из джайляу возвращаться к зимовке немного раньше других, остановиться здесь и стеречь, чтобы табуны соседних кочевок случайно не прошли по драгоценному полю.

Отец позднее рассказывал сыну, сколько упреков, колкостей, а то и прямых злобных выпадов пришлось ему выслушать от многих людей из соседний аулов, от мулл и биев за то, что и он, Имантай, считавшийся одним из правоверных мусульман, взялся за дело «кафиров», «неверных». «Раскопал, разранил священную землю предков. Не к добру это. Опять за Шормановыми потянулся, подражает роду, который давно продался белым чиновникам и совсем оторвался от своего народа». Выдержанный аксакал пропускал мимо ушей эти колкости, но молодежь из аулов Сатпая горячилась. Имантай-аксакал успокаивал их, подробно рассказывая о том, что земледелие, дехканство - исконное занятие мусульман и не только мусульман, но и всех культурных народов на земле. «Казахский султан, ханский султан, оказался в плену у владыки соседнего народа. Молодой султан держал себя с достоинством и понравился владыке. «Я тебя отпущу, - сказал владыка, - но что ты дома будешь делать: наберешь жен и будешь плодить нищих султанят?» «Нет, - ответил молодой султан, - мой народ потерял голову, все торе - знать передрались между собой, все это отзывается на простом народе, он бедствует. Я хочу объединить мой народ, чтобы он стал сильным и обрел свое достоинство». «Твоя цель благородна, мой сын. Я отпущу тебя, - сказал владыка, - но только тебе будет трудно. Будущее за теми народами, которые питаются соками земли, а не соками домашних животных. Твой же народ не умеет обрабатывать землю и выращивать плоды от земли». «Впору и нам, казахам, не только есть русский хлеб, но и научиться у русских растить его» - заканчивал он свои речи-проповеди, густо пересыпанные пословицами, поговорками, выдержками из священных и светских книг, примерами из жизни и истории народов. Впоследствии Каныш Имантаевич был поражен, прочитав в «Назиданиях» Абая точь-в-точь такую же притчу о казахском царевиче.

Created by free version of 2PDF

А кочевка продолжалась. Через два-три привала будет река Шидерты, а там уже рукой подать до озера Шоптыкуль - родовое и излюбленное место джайляу - летовок аулов Сатпая.

Река Шидерты ... Все спешили к ней... Старшие - потому что здесь при обилии теплой, мягкой воды можно все перемыть, перестирать, стряхнуть пыль с домашнего скарба, дать выстояться в воде рассохшимся телегам, искупать табуны овец и косяки лошадей, можно отдохнуть и табунщикам, ибо ни одно животное не уходит в это время в сторону от густого разнотравья речной поймы; молодежь - потому, что в неглубоких, но прозрачных плесах можно вволю побарахтаться в теплой и чистой воде, поваляться на горячем песке, наловить щук, застрявших в лужах от весеннего половодья.

Река Шидерты... Маленькому Каныш она казалась чудом природы. Там никогда не иссякала бегущая куда-то в неведомую даль живая вода. Это была совсем не Ащису, которая бурлила в апреле разъяренным верблюдом, потом внезапно спадала, а вода в оставшемся ручейке и плесах становилась почему-то горько-соленой, за что и была прозвана речка «Горькой водой - Ащису». Не успели кончиться хлопоты по установке юрт, как Каныш со сверстниками спешит на ловлю рыбы. Еще с позавчерашнего дня друзья мастерили сачки - нехитрые деревянные кольца с сеткой и длинной ручкой. На сачок легко попадаются щурята, только когда другие ребята с шумом и гамом погонят их в твою сторону, надо прицелиться к одному из них и, ловко поддев, быстро вынуть сачок из воды - вычерпнется щуренок. Так за несколько часов ребята набирали до десятка щурят, и весь аул лакомился жареной в сливках или масле рыбой. Маленький Каныш не отличался особой сноровкой в этом деле. Он чаще бывал среди тех, кто гонял рыбу, гикал и шумел. Или вдруг отходил в сторону и смотрел на то, как окраска рыб хорошо сливается с окраской дна и воды, и как внимательно надо приглядеться, чтобы различить их, и удивлялся тому, как легким, изящным, еле заметным движением плавничков, рыбки стрелой скользят в толще воды. А потом вдруг внимание его привлекали разноцветные гальки, такие гладкие и такие тонкие, что сам дядя Жамин, мастер на все руки, не смог бы, пожалуй, так обработать и отполировать. И часто получалось, что, когда другие мальчики возвращались отягощенные нанизанной на веревочку рыбой, Каныш приходил позже всех один, вызывая немалое беспокойство аже Нурым. Но на этот раз Каныш бежал впереди всех с собственным сачком в руках, которого у него до того ни разу не бывало. А дело в том, что в прошлом году произошел случай, запомнившийся на всю жизнь Канышу и всему аулу.

Created by free version of 2PDF

Каныш заметил, что все ребята ушли, он остался один и заспешил к юртам. И тут вдруг заметил, что лужица, мимо которой проходил, качается необычно крупными волнами. Подошел поближе - лужица взволновалась еще сильней - не иначе айдахар –змея - удав или жаинсом, о которых не раз рассказывала аже в своих сказках. От страха подкосились ноги, но вода успокаивалась, и мальчик, овладев собой и не оглядываясь, помчался к юртам, где стоял брат Абсалям. С разбегу Каныш выдохнул: «Там что-то страшное, пойдем быстрее!» Отец, видимо, собирался куда-то ехать и его большой гнедой стоял на привязи. Абсалям вскочил на коня, с ходу подхватил маленького брата и поскакал туда, куда показывал Каныш. Это была большая, очень большая щука; она тяжело барахталась в быстро мельчавшей под горячим солнцем луже. Абсалям понял, что такую рыбу голой рукой не возьмешь и, прискакав в аул, стремительно подхватил прислоненный к юрте курык[6] и помчался обратно. Все вышли из юрт, не понимая, почему Абсалям с маленьким братом мотается на отцовском коне, к которому они обычно и притронуться не смели. Абсалям вначале, видимо, хотел взять щуку на петлю, как жеребенка. Но петля скользила, рыба барахталась, от могучих ударов ее хвоста разлеталась вода, обливая братьев; гнедой с испуга ржал. Стали ждать, когда рыба успокоится. Абсалям велел брату крепко держать гнедого, а сам прицелился и толстым концом курыка ударил рыбу по голове. Рыба снова забарахталась, но после двух или трех подобных ударов успокоилась совсем. Вытащить такую, рыбину тоже оказалось непросто. Пробовали закрутить петлю курыка, но петля, как бы она туго закручена ни была, скользила то к хвосту, то к голове. Пришлось Абсаляму снимать сапоги и задеть петлю за жабры. Щука оказалась почти в рост человека. «Пуда полтора» - мысленно определил Абсалям. Надо было грузить на коня, но гнедой, испуганно косясь, пятился от длинного чудовища. Пока успокаивали коня, прибежали сгоравшие от любопытства ребята из аула во главе с Бокешем. Шумная ватага сопровождала Абсаляма с его необычной добычей, змееподобно свисавшей с двух сторон. Главным героем ватаги был Каныш. Он, захлебываясь, рассказывал о том, как увидел и как прибежал в аул и сказал брату Абсаляму, как они поскакали, и как он помогал брату... Все высыпали из юрт и окружили рыбу, которую Абсалям сбросил у юрты Имантая-аксакала. Наперебой спрашивали, где поймали, кто нашел, увидел. Каныш был на седьмом небе от счастья. Все обращались к нему за подробностями. Вышел отец, все расступились.

[6] Курык - длинная палка с петлей на конце, предназначенная для ловли лошадей

Created by free version of 2PDF

На его степенный вопрос, Абсалям рассказал, как было. Отец положил ладонь правой руки на голову Каныша, погладил короткий ежик и ушел в юрту - наступило время намаза. Аже Нурым изрекла: «Хорошее предзнаменование - мой мальчик будет человеком больших удач!» Бокеш поскакал к ближним кочевкам, чтобы пригласить гостей на неожиданное лакомство. Примчались родичи из аула дяди Жамина и дяди Зеина, молодые люди с соседних привалов. Все рассматривали рыбу, удивленно цокали, обращались с расспросами к Канышу. К вечеру у костра собралась молодежь: ели жареную и вареную щуку, рассказывали, что никто, даже из стариков, не помнит, чтобы в Шидерты встречалась такая большая рыба, не иначе, как из низовьев случайно заплыла в половодье и осталась. Потом пошли сказки, небылицы, шутки, а о виновнике веселого костра Канышжане забыли совсем, и никто даже не заметил, как он тихо ушел в юрту. Свернувшись под теплым курпе отца, он думал о том, как черствы, неблагодарны, невнимательны люди, в особенности его братья и сестра. На глаза навертывались слезы. И Каныш заснул, впервые в один и тот же день детским сердцем познав и сладость славы, и горечь забвенья.

В студенческие годы в Томске Каныш с особым упоением читал Пушкина. Ему казалось, что только теперь он начал постигать тайны русского языка, и только теперь в каждой пушкинской строке находил неожиданно новый смысл. Он, наверное, и ранее читал, но не обращал внимания на ритмически чеканные, полные вещего значения слова:

«Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Ведешь умы уловлять...»

Эти стихи вновь всколыхнули воспоминания о случае со щукой и внезапное предсказание скромной и тихой аже Нурым: «Канышжан будет человеком больших удач!» – предстало перед ним в каком-то новом свете. Думалось ему, что надо все силы приложить, чтобы слова аже Нурым сбылись, что он может и должен «уловлять умы», а для этого надо много учиться и много работать. Он догадался, что строки Пушкина навеяны изумительной судьбой великого зачинателя русской науки и, боясь нескромного звучания, он никогда никому об этом не говорил, но волнение, вызванное удивительной ассоциацией между величавой поэтической простотой слов Пушкина и наивной простотой слов аже Нурым, прибавило что-то новое в его веру в свои силы, в свое будущее.

Created by free version of 2PDF

Наконец, Шоптыколь... Юрты на Шоптыколь ставятся надолго и основательно... Месяца полтора, а иногда и два пребывают здесь аулы Сатпая. Природа, кажется, создала на этом джайляу все условия для такого долгого пребывания: за озером в полуверсте поднимаются небольшие сопки, которые в устах степных жителей гордо называются Ниязскими горами, а между сопками - березовые и осиновое мелколесье, берегущее в своей тени густой покров трав, не редеющих в самое засушливое лето. Косяки лошадей, табуны овец с зарей уходят в горы, а днем, в жару, напившись воды, устремляются за озеро, в открытые степи, где на ветру легче спастись от комаров, оводов и ос.

Шоптыколь... Озеро, поросшее камышами... С этим озером связаны самые сладостные воспоминания академика. Досада, неудачи, горе, посещавшие маленького Каныша в это время, кажутся мимолетными и утопают в буйных и многообразных красках, наполнявших его веселое, счастливое детство и отрочество на этой благодатной ежегодной летовке.

День... Солнце уже склонилось с зенита, но жарко. Сегодня аулы Сатпая обедают у Имантая. С утра аже Нурым и несколько молодых женщин аула суетятся возле больших казанов, полных мяса; в казанах поменьше варятся баурсаки. Каныш бежит оповестить, что обед готов. Здесь, на Шоптыколе, не короткий привал, и поэтому каждый из сыновей Сатпая поставил свою юрту на достаточном отдалении, чтобы быстро не стоптать траву вокруг, чтобы был простор для хозяйственных надобностей. И пока Каныш добегает до аула дяди Жамина, сердечко у него стучит, на лбу появляется испарина. «Ты бы, Канышжан, шел шагом, все равно дошел бы, ты же не собака, чтобы постоянно трусить, высунув язык, - смеется, хлопая его по плечу, толстый и добродушный дядя Жамин. - Хорошо, беги дальше, мы сейчас идем». И бежит Каныш к юртам дяди Зеина. Сюда его особенно тянет, потому что здесь живет брат Абикей, сын дяди Зеина, только что приехавший на каникулы из Семипалатинска, где он учится русским наукам. Абикей одет красиво, по-русски и по-русски отпустил волосы. Он разъезжает, гостя по окрестным аулам, мало бывает дома, но когда оказывается у себя, редко остается один, окруженный сверстниками и друзьями, и совершенно не обращает внимания на Каныша, будто забыл своего маленького брата, А между тем совсем недавно, когда Абикей, нагнав свой аул на Шидерты, пришел приветствовать Имантая-аксакала, после почтительных ответов на расспросы своего дяди, он вдруг заметил стоявшего в стороне Каныша, подозвал его и крепко, порывисто обнял и поцеловал. Ощущение радости было внезапным, сердце мальчика трепетно заби-

Created by free version of 2PDF

лось. Он знает, что сегодня брат Абикей дома, и, кажется, без постоянных спутников-товарищей, наверное, получится так, что он пойдет от самого аула дяди Зеина до своей большой юрты рядом с таким ученым, не похожим на всех других и в то же время таким близким и родным человеком. Каныш бежит быстрее в предвкушении столь небывалого для него счастья.

Подбежав к юртам, он вдруг с досадой вспомнил, что не может зайти в маленькую, крайнюю на пути, юрту, где должен находиться брат Абикей, это было бы нарушением приличия и отцовских наказов, а должен побыть вначале в юрте аксакала Зеина, приветствовать его, а потом уже, когда тот отпустит, возвратиться в юрту брата. К счастью, когда мальчик вбежал в юрту дяди Зеина и звонко выпалил:

«Ассалаумагалейкем!», вслед за ответом аксакала, раздались голоса, по которым Каныш узнал, что в полумраке большой юрты собрались чуть не все родственники из этого аула, в том числе и брат Абикей.

...Сегодняшняя мечта мальчика, казалось, сбылась: он идет рядом со своим любимым, обожаемым братом, тот даже держит его за руку. Но он опять не один - с ним оказался парень, с которым он оживленно ведет непонятную для Каныша беседу, то и дело называя незнакомое мальчику девичье имя. Парень скалит зубы, ехидно щурит узкие глаза и неприятно, трескуче громко, смеется. Только начал было Каныш думать о том, как было бы хорошо, если бы этого ненавистного человека, помешавшего даже в такой удобный момент остаться ему один на один с братом, охватил злой дух из сказок аже Нурым, унес в Ниязские горы и выбросил там, как вдруг сзади раздался шум. Стая уток, поднявшаяся из камышей с противоположного берега, подлетала к ним, шедшим вдоль озера. Но почему-то эта стая не соблюдала обычную стройность в полете, а стремительно приближалась, сбившись в какой-то беспорядочный и подвижный клубок. Вдруг от клубка отделилась утка, которую стукнул серый комок, выбросившийся из стаи. Утка, падая, расправила крылья, и только устремилась было к своей стае, как серый комок, отлетевший в сторону, мгновенно превратился в довольно большую птицу, широко развернувшуюся в крыльях, одного взмаха которых было достаточно, чтобы снова превратиться в тот же разящий комок. Второго удара утка не выдержала, она, растерянно проболтавшись в воздухе, упала в прибрежные камыши. За ней в камышах скрылся и серый хищник. «Это ительге, - воскликнул парень и пришел в чрезвычайное возбуждение. Надо его поймать. Видели, что делает с утками, эта на редкость смелая и сильная птица? Бежим быстрее». И

Created by free version of 2PDF

они побежали к аулу Имантая, рядом с которым упали птицы. Запыхавшийся парень вдруг остановился и властно велел Абикею и Каныш быстро принести конский волос, тонкую веревку, палку, и сказал, что сам будет здесь, чтобы не потерять из виду место, где упали птицы. «Только быстро, - кричал он, - а то птица успеет наесться!» Замысел парня оказался простым: он сделал на конце веревки петлю из конского волоса, привязал веревку к заостренной с одного конца палке. Потом он подбежал и спугнул хищницу - утка лежала окровавленной: хищник уже начал раздирать ее. Парень наложил петлю осторожно на утку, между перьями, чтобы была незаметной, и затем потянул веревку в камыши и воткнул палку-жердочку в землю. «Теперь пойдем. Я думаю, если она вернется, то это будет редкий улов. Ительге никогда не охотился вблизи жилья, на виду у людей. Этот, видать, еще молод, самоуверен, нахален, жаден и глуп. Глупый и молодой хищник и приручается легче. Он по глупости должен вернуться к утке, он голоден и только, раздразнил в себе желание поесть, и нам, Канышжан, тоже пора есть!» - закончил парень свою речь, притянув мальчика к себе и полуобняв. И он снова, как давеча, оскалил зубы и прищурил к улыбке узкие глаза. Но на этот раз ни оскал зубов, ни прищур глаз не вызвали у Каныша того чувства неприязни, какое он испытывал полчаса назад. Наоборот, его улыбка, казалось, излучала что-то доброе, веселое и приятное, и во всем облике его было что-то искреннее и притягательное. У двери юрты Каныш помедлил, пока брат и гость вошли, отошел в сторону и прилег в траву, твердо решив следить за тем, как прилетит ительге обратно к своей жертве, и первым известить об этом изобретательного и ловкого друга брата Абикея.

Он лежал и смотрел в сторону гор поверх озера, устремив взор туда, откуда, по его соображениям, должна была вернуться птица. Птица появилась внезапно, широко развернув белые снизу крылья, она покружила над ним и вдруг заговорила по-человечьи: «Канышжан, давай будем друзьями, сними с меня петлю, она режет мне ногу!» И, кружась, уходила все выше. «Причем тут петля, она же летает свободно?..» - подумал мальчик. Но тут еще громче раздался голос, но уже не птицы, а аже Нурым: «Канышжан, ты что заснул на солнце? Родной мой, ты же заболеешь?!»

Дома уже заканчивали трапезу. Парень-гость заторопился к озеру, вслед за ним шли брат Абикей и ватага любопытных мальчиков. Шли и взрослые, которым хотелось позубоскалить над незадачливым гостем, пожелавшим, на их взгляд, поймать такую хитрую птицу таким глупым способом. Но, к удивлению всех, когда шумная толпа подходила к озе-

Created by free version of 2PDF

ру, серая птица поднялась из камыша и, не успев развернуть крылья, упала обратно. Это был ительге. Когда парень подбежал к птице (а Каныш, считавший себя его подручным, не отставал от него), она лежала на спине, ощетинив когти лап и угрожающе раскрыв загнутый, острый клюв, зло и бесстрашно блестя круглыми черными глазами. Парень будто и не обратил внимания на поведение пленницы, снял с себя пиджак, накрыл ее, а потом, завернув, взял трепыхавшую птицу в руку.

Когда толпа во главе с парнем-гостем и Абикеем вернулась в юрту Имантая, старшие аула стояли и ждали возле юрты. Подходя к ним парень выдвинулся вперед, перенес на вытянутые ладони обеих рук завернутый в пиджак комок, остановился около Имантая и обратился к нему:

– Уважаемый Имеке! От своего имени и от имени моих друзей, внуков хаджи Сатпая, и ваших детей Абикея и Каныша преподношу вам этот скромный дар аллаха, возжелавшего дать нам, рабам своим, сегодня день удачи, и прошу у вас благословенья! - голос парня звучал негромко, но торжественно.

Так в доме Имантая появилась интересная птица кречет, по-казахски ительге, доставившая и много забот, и много радости младшим детям Имантая - Бокешу и Канышу. В доме и до этого была ручная охотничья птица, но это был Актана - большой горный беркут с коричневым опереньем, с белыми пятнами на плечах. Это была гордая птица. За ней ухаживал только сам аксакал и никого к нему не подпускал. Беркут с достоинством восседал на специальном насесте - тугуре с закрытыми томагой глазами. И тугур, и томага, а также кольца на ногах - шигиры, поводочки - балахбау, ручной насест - балдак, длинный повод для пеших прогулок - желибау и даже чашечка с ручкой для подачи пищи - саптаяк - все было у беркута Актаны красивой изящной выделки, как у девушки на выданье. Актану в доме любили и немного побаивались: по строгому указанию отца никто к нему близко не подходил - даже легкое прикосновение когтей или клюва птицы, привыкшей к уважительному и серьезному отношению, могло причинить увечье детям. Актана обычно сидел возле юрты, под специально огражденным навесом, и иногда его, когда было мало гостей, вносили в юрту. Важная и молчаливая птица отвечала радостным, ребячьим клекотом на зов Имантая. Аксакал подавал пищу, гладил и расправлял ему перья. Беркут - птица зимней охоты. Все лето аксакал ухаживал за своим питомцем так, чтобы привести его в нужной форме к охотничьему сезону. В июне-июле Имеке откармливал Актану свежим мясом, свежей дичью, чтобы беркут сменил оперенье. В это время Актана при

Created by free version of 2PDF

каждом движении, при каждом взмахе крыла обильно сбрасывал перья, которые домашними собирались в метелочки для сметывания пыли. В конце июля Актана в холодном блеске свежего оперенья становился особенно величавым и недоступным. Теперь Имантай-аксакал мог готовить птицу к охотничьему сезону, часто прочищал ему желудок и постепенно переводя его на полуголодную диету. С августа он часто с Актаной выезжал в степь, подальше от аула и дрессировал своего питомца, напоминая ему роль в будущей охоте.

Про Актану ходили легенды, и он был гордостью мальчиков Имантая. В ауле Имантая рассказывали, как несколько лет тому назад Имантай-аксакал с помощью Актаны затравил матерого волка. Отец приводил подробности. Та зима была холодной и малоснежной. Имантай и несколько товарищей по охоте въехали на вершину сопки Соран в 10-15 верстах от зимовки. Беркут на руках Имантая забеспокоился, и хозяин, не разобравшись в чем дело, но, чувствуя, что птица волнуется сильнее обычного, решил выпустить ее. Птица взмыла вверх, но вдруг начала пулей падать недалеко от подножья сопки со стороны самого крутого склона. «Это волк» - закричал охотник Галым, известный острым глазом и слывший знатоком охоты с птицей. Всадники поскакали, но склон был настолько крутым, что кони чуть накатились вниз. Видно было, что беркут опустился где-то в верстах двух-трех от подножья, у опушки кустарников, носивших название Бура. По тому, как беркут то и дело бил крыльями, поднимая снежную пыль, можно было судить, что идет трудная и жестокая борьба, и всадники спешили изо всех сил. Гнедой Имантая был впереди, за ним не отставал конь Галыма.

Наконец, всадники достигли барахтающегося на снегу клубка двух жестоких хищников, натравленных друг на друга человеком. Галым соскочил с коня, подбежал к клубку, и алые брызги украсили снег - лишь мгновенье потребовалось для того, чтобы бывалый охотник своим длинным и острым ножом распорол живот хищнику. Раздался торжествующий клекот орла, почувствовавшего, как сопротивление исчезло, и как когтями и всем телом он мягко опускается ниже к земле. Беркут взмахнул было крыльями, чтобы сесть в сторону и дожидаться по привычке из рук Имантая теплого кровяного куска - сердца добычи, но потащил за собой окровавленного волка, оказалось, что когти птицы пронзили глаза и толстую кожу хищника у висков, сжимая на лбу, вонзились настолько глубоко и с такой силой, что потребовалась помощь самого аксакала, чтобы разжать и оторвать их. Хищники в борьбе проложили довольно широкую борозду, протянувшуюся от места борьбы к кустарникам метров на 30-40, и по ней можно было судить, что зем-

Created by free version of 2PDF

ной хищник сопротивлялся отчаянно и упорно. И в воображении изумленных охотников эта борьба представилась следующим образом. Когда орел упал на голову волка и вонзил свои когти так, что парализовал самое страшное его оружие - пасть, первые инстинктивные движения ошарашенного серого сводились к тому, чтобы лечь на спину и толчками сильных ног отбросить беркута от себя. Однако беркут не поддался этому маневру: сильным взмахом крыльев он полуоторвал волка от земли (ноша была слишком тяжела, чтобы взлететь), не давая ему падать. Это повторялось каждый раз при попытке волка лечь на спину. Попробовал было серый просунуть передние ноги между костистыми лапами беркута и развести их, но рычаг поднятых над головой ног оказался слабым, а стойки, словно вросших в голову лап врага казались стальными и совершенно не отвечали на отчаянные усилия волчьих ног. Серый, наконец, понял, что единственное спасенье - это тащить беркута в чащу кустарников, и, зацепив крылатого за кроны порослӗй, оторваться от него. Так волк упорно тащил на себе беркута к чаще, беркут же, понявший замысел врага, старался частыми и сильными взмахами крыл отбросить его назад. И все же клубок двигался вперед, к чаще, и если бы охотники не подоспели во время, ослепший, окровавленный, но еще не потерявший волю к жизни и борьбе серый мог оторваться и уйти.

...Добыча была удивительной и неожиданной: это был матерый самец, вожак стаи, наводивший страх на всю округу и не раз невредимо уходивший от охотников, травивших его собаками - волкодавами. Имантай-аксакал был очень рад этому событию, но не только потому, что был затравлен такой большой зверь. Он был более рад тому, что в Актане он обнаружил поразительную смелость и хватку: редкий беркут нападает на волка, да еще на такого матерого, как этот. Имантай хорошо знал, что Актана верно и легко берет лисиц, не говоря уже о зайцах, но пускать его на волка он пока и не думал, боясь, что при неудаче птица потеряет былую смелость и уверенность. После случая с волком, слава об Актане пошла гулять по дальним аулам и кыстау. Имантая стали навещать молодые и пожилые люди с самых дальних аулов не только айдабульцев и каржасцев, но и из дальних родов каракесек, тобыкты, канжигалы. Приезжали, как будто приветствевовать и пожелать добра почтенному Имантаю, а сами искали глазами Актану, ибо говорить напрямик, что приехали посмотреть на знаменитого беркута, было и неприлично, а хвалить - тем .более. Доводили до сведения Имантая-аксакала, что среди приезжавших был даже посланец самого Абая. Это

Created by free version of 2PDF

было похоже на правду, ибо этот знаменитый человек знал толк в охоте с беркутом, и потому никто лучше его не воспел прелесть ее:

У подножья охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор.
Он сорвет томагу у беркута с глаз -
Беркут крылья расправит, глядя в упор.

Многие из приезжавших, побывав у Имантая, через вторые, третьи лица давали знать, что могли бы купить Актану за любую цену, какую бы он не назначил. Но Имантай молчал и даже повода не давал к разговорам, которые могли бы быть поняты так, будто аксакал при определенных условиях может расстаться с Актаной. Актана был гордостью семьи и аулов Сатпая, это была личная гордость аксакала, ибо он его выловил сам в Баянаульских горах, вырастил, выпестовал, выучил. И поэтому Актана, как и любой член семьи и рода Сатпая, никакой стоимостной оценке в рублях, лошадях, овцах, верблюдах не подлежал. Вот какая это была птица Актана, и вот почему она столь гордо и величественно восседала в своих кожаных незрячих очках - томаге на высоком насесте возле юрты, и вот почему она в своих личных взаимоотношениях никогда не опускалась ниже самого аксакала Имантая.

...И вот теперь в доме появилась вторая охотничья птица - Ительге. Ительге по сравнению с беркутом Актаной, конечно, представляла всего лишь маленькую серенькую птичку, но эта птичка требовала не меньше труда и внимания, если к ее охотничьему предназначению относиться серьезно. А в аулах Сатпая к охотничьим делам, малым и большим, было принято относиться как к делу достойному настоящего мужчины, как к делу, требующему упорства, внимания, воли и любви. Имантай-аксакал был хорошим знатоком ловчих птиц и приучал к этому своего старшего приемного сына Абсаляма. Однако он осознавал, что в обращении с птицами нужен какой-то особый талант, особое умение находить такие живые струнки в душе птицы, чтобы можно было, играя на них, безошибочно добиваться расположения к себе своенравного крылатого хищника. За долгую жизнь Имантай-аксакал имел не одну птицу, были и соколы, и кречеты, и пустельги: и Актана был не первым беркутом в его доме. Среди них, к сожалению, были и такие, в обращении с которыми Имантай-аксакал таки не добился той уверенности, которая одна доставляет охотнику истинное наслаждение и удовлетворение. У аксакала было немало друзей и товарищей, связанных с ним общими охотничьими интересами, но среди них он знал лишь одного человека - истинного знатока ловчих птиц, неповторимого искусника в обращении с ними, то есть, как говорили в степи, на-

Created by free version of 2PDF
Suketov University

стоящего кусбеги, настоящего птицезнатца. Это был дальний родственник Галым, тот Галым, который участвовал в охоте, когда Актана спустился на большого волка.

Ительге третий день сидел на тугуре - насесте, который успели сделать специально для него, и, нахохлившись, зло вращал круглыми глазами, презрительно смотрел на все окружающее. В первый день, когда пробовали посадить птицу на тугур, она не села, а, отскочив к стене, прибилась к ножкам кереге и так лежала долго, пока не раздался страшный кошачий крик. Любопытство большого, добродушного белого кота обошлось ему дорого - ительге, вцепившись когтями одной ноги в кота, когтями другой за кереге, успела притянуть к себе и уже собралась было пустить в ход клюв. Еле разняли. Кот после этого долго боялся даже в юрту входить. В семье смеялась над испугом кота. Каныш, поймав своего домашнего друга за юртой, стремительно бежал к дверям, тот яростно вырывался, пока мальчик, заразительно и звонко смеясь, не отпускал его. После случая с котом ительге пересел на тугур, будто испуг кота вернул ему чувство собственного достоинства. Он сидел не шелохнувшись, когда Бокеш или Каныш подбрасывали ему кусочек сырого мяса. Казалось, чувство собственного достоинства настолько овладело им, что он не мог позволить при людях, которые пленили его и держат теперь издевательски на привязи, показать свою слабость. Но, когда люди уходили из дому или ночью, когда засыпали, кусочки мяса исчезали. Жизнь брала свое.

Но ительге пришел в семью. Радостно возбужденные мальчики уже который день кружились возле него. И ею, этой птицей, надо было заниматься. Имантай знал хорошо, что каждая птица требует особого отношения, что многое зависит от внутреннего, может быть врожденного такта хозяина, и что общее правило в этом деле может сводиться разве лишь к тому, что говориться в степной народной поговорке:

«Собака служит хозяину от сердца, хищная птица от желудка». Аксакал очень хотел поручить воспитание этой новой в доме птицы Бокешу. Мальчику шел двенадцатый год и пора было его испытать на деле, требующем терпения, сноровки, упорства и душевной теплоты. И в то же время он боялся, что неудача в приручении птицы может убить у мальчика не только интерес к такому благородному, увлекательному делу, как охота, но и заронит семена привычки к неудачам. Первое серьезное дело должно обязательно кончаться удачей. И, когда он посоветовался с Галымом, тот, внимательно осмотрев птицу и расспросив об ее поведении за эти дни, сказал, что Бокеш, которого он хорошо знает, вполне справиться с этой задачей. И ительге перешел на попече-

Created by free version of 2PDF

ние Бокеша, заботы которого, правда, теперь сводились к точному исполнению указаний отца по уходу за птицей. И хотя по неписаному степному правилу, приручением и воспитанием ловчей птицы должен был заниматься один человек, в семье Имантая это правило в данном случае было нарушено. Дело в том, что Каныш настолько был влюблен в своего пленника, что все время торчал возле птицы, Бокеш вначале запрещал ему подходить и трогать птицу, но, поскольку запреты его не возымели действия, махнул рукой, Отец также не потакал на этот раз желанию Бокеша отстранить брата от птицы - никто лучше аксакала не понимал, каким трепетным и отзывчивым было сердце у этого маленького младшего сына. Каныш же считал, что он имеет больше прав на птицу, чем Бокеш, ибо он участвовал в ловле ее, когда Бокеш ушел в горы, затеяв с ребятами какую-то игру. И то, что уход за птицей был поручен Бокешу, вовсе не означал, что Каныш не должен любить эту хорошую птицу и ласкать ее, а при случае подать корм, в особенности, когда Бокеш увлекался играми и пропускал время подачи пищи, хотя это бывало редко.

Ительге, к счастью, оказался довольно покладистым. Он хорохорился и выражал свой дикий нрав недолго. Прошло всего две или три недели, как он брал из рук мальчиков пищу, привык к тому, что ребята вперемежку носили его на руках. Посадив ительге на траву, дети отходили в сторону, быстро разматывая тонкую веревку, связанную с поводком. После нескольких попыток улететь, птица успокоилась и, кажется, поняла, что от нее требуют: она на зов «хол-хал!» - подлетала и садилась на руку. Правда, вначале она подлетала на приманку, а потом уже привыкла делать это и без приманки. Теперь ительге сидел на тугуре, добродушно вращал глазами и немедленно отзывался на голос ребят нешироким ласковым взмахом крыл и радостным перебором ног на сиденье. Птицу кормили обильно, и, как заметил Имантай, она начала жиреть. Кажется, наступила пора сбавлять корм и обучать охоте. И здесь началось самое интересное. Необходимо было переходить на акжем и прочищать птице желудок. Ребята ежедневно, пыхтя, возились над приготовлением акжем, который представлял собою свежее мясо, тщательно размятое в теплой воде так, чтобы была вымыта, выжата кровь и остались лишь волокна мышечной ткани. Мясо при этом теряло свой кровавый цвет, белело и поэтому носило название акжем - белый корм. Ребята сильно расстраивались, когда приходилось всовывать в маленькую пасть ительге рвотное (обычно чистый кусочек войлока, обернутый салом), и птица начинала конвульсивно и мучительно изрыгать содержимое своего желудка. Круглые глаза становились печаль-

Created by free version of 2PDF

ными и влажными, казалось, птица плачет. Мальчики отворачивались друг от друга, стыдясь своей слабости. Птица нервничала и хохлилась, плохо отзывалась на зов: после обильных порций свежего мяса, ей не нравился акжем, который давали к тому же в малом количестве. Тогда перед птицей стали класть куски жил. Каждый кусок был такой величины, что невозможно было проглотить целиком, и поэтому приходилось тянуть, теребить, рвать, пуская в ход когти и клюв, пока попадали в рот крайние волокна от жил. Трудясь над таким «кормом», ительге забывал о полуголодном желудке, сбавлял вес и постепенно приобретал охотничью форму. Через несколько дней птица привыкла к «диете», снова взбодрилась, снова весело и радостно отзывалась на зов мальчиков. Теперь можно было обучать охоте. Ительге имел широкую и сильную грудь, и, охотясь на утку, он, как правило, сбивал ее ударом груди и уже на земле, не давая жертве прийти в себя, приканчивал ее, вырывал острым загнутым клювом горло. Важно было, чтобы ительге, во-первых, умел нападать на уток так же смело, как когда он находился на свободе. Для этого необходимо дать понять птице, что хозяин поощряет такое действие. Положили перед ительге мертвую утку - птица встрепенулась, огляделась, как будто хотела узнать, не шутят ли с ней, и быстро пересев на бездыханное тело пернатой, ухватилась клювом за горло и стала вырывать его. Никто не мешал, ительге спокойно и деловито насыщался свежей дичью, только изредка летели перья. Правда, после этого пришлось прочищать птице желудок и снова сажать на «диету». Теперь мертвую утку, недавно пойманную и теплую, клали в степи в траву и шли, держа ительге на руках до тех пор, пока тот издали не замечал утку и не начинал волноваться и проситься лететь. Птица села на жертву и повторила то же, что и в юрте. Еще лучше получилось, когда птицу натравили на живую утку, пойманную на петлю и пущенную с подрезанными крыльями. Здесь имитировалась почти настоящая охота. Предстоял самый ответственный момент. Надо было выпустить птицу впервые после пленения к свободному полету: если она почувствует отсутствие поводка, почувствует, что может улететь совсем (а это бывает часто), то улетит, и прощай, ительге! Прощай, напрасный труд ребят! Если же она сядет на подставленную утку и не будет грозить, когда подбегут ребята, это будет означать успех. Мальчики были на седьмом небе от счастья, когда ительге, взлетев довольно высоко, пулей упал на утку и деловито начал разрывать и поедать. Ребята подбежали и, как велел отец, разрезав острым ножом живот утки, подали нервничающей птице внутренности, особенно любимое хищниками лакомство - сердце. Но ребята так и не смогли научить ительге

Created by free version of 2PDF

при подходе хозяина садиться от жертвы в сторону, как это делал Актана. Маленький и жадный ительге не мог подняться до высот благородства, движимого царем птиц - орлом. Словом, за каких-нибудь полтора месяца мальчики были готовы к настоящей охоте со своим ительге. Но тут оказалось еще одно препятствие - прежде обучали ительге охоте пешком, а надо было, чтобы ительге не боялся лошади, ибо птица в пылу охоты может нагнать и свалить свою жертву на таком расстоянии, что пешком не быстро дойдёшь. Однако, к счастью, присутствие верхового коня не внесло особых изменений в поведении ительге, уже привыкшего к постоянно торчавшим возле юрты лошадям.

Шоптыколь кишмя кишел водоплавающей птицей. К вечеру вокруг озера то там, то тут поднимался шум - это нарочно встревоженные птицы тучами вылетали из озера. И тут надо было успевать вовремя выпустить сокола или кречета, чтобы стаи не ушли далеко, пока утку или гуся можно сбить недалеко от берега, сколько уже времени с интересом и завистью со стороны наблюдали мальчики Имантая, как отроки и юноши своего и соседних аулов забавлялись соколиной охотой, а после улова почтительно подъезжали в юрте Имантая, приветствовали его и, отвязав с правой задней части седла, с канжига, дичь, сбрасывали у очага (ибо не полагалось, охотясь возле чужого аула, не заехать к аксакалу, не приветствовать его и не поделиться уловом) и уезжали, гордые своей удачей.

Ительге Бокеша и Каныша оказался на редкость удачливой птицей. К вечеру, когда ветер утихал, и над озером нависала желанная тишина, сверстники ребят бросались в озеро и, вплавь добираясь до утиных стай, тревожили их так, что они взлетали. И хорошо было, когда утки летели в ту сторону, где на своих конях, с ительге наготове находились ребята и нетерпеливо ждали того мгновенья, когда они выпустят заволновавшегося хищника. Однако и утки тоже были себе на уме, они часто взлетали и садились в озеро тут же, рядом, ибо над водой ительге был бессилен. Сбитая утка, падая в свою стихию, в воду, отделывалась, как правило, лишь легким испугом. Надо было, чтобы стаи летели в степь, и чтобы утка была сбита на суше. Поэтому ребята устраивали шум в нескольких местах озера, чтобы стаи не садились обратно в воду. Вот Бокеш выпустил ительге, он скрылся, достиг стаи, взбудоражил ее, сбил утку и вместе с нею в траве. Мальчики скачут во весь опор. Иногда это может оказаться на расстоянии версты и более. Надо спешить и зорко смотреть за точкой, где скрылся, упал хищник со своей жертвой, ибо можно сбиться и потерять птиц. Так мальчикам удавалось за вечер привязывать к канжига до двух-трех уток. К сожа-

Created by free version of 2PDF

лению, бывали вечера, когда утки, как нарочно, обходили жаждавших их приближения маленьких охотников: обходили так далеко, что пускать ительге было рискованно. Наступали сумерки и мальчики возвращались ни с чем.

Когда была сбита первая утка недалеко от юрты дяди Жамина, мальчики, гордые своей удачей, принесли и с небрежной почтительностью бывалых охотников положили ее у очага дяди Жамина. Жамин, довольный своими племянниками, на другой день зарезал двух баранов, созвал весь аул и устроил той в честь того, что дети брата Имантая становятся мужчинами.

Позже, уже в послевоенные годы, Каныш Имантаевич читал в дневниках своего покойного учителя академика М.А.Усова: «К вечеру я, Абикей и Бокеш ездили на юг от Сарымсакты за зайцами: имея пять собак и одного ительге, взяли трех зайцев». Это было в 1921 году, когда профессор Томского технологического института М.А.Усов приехал с семьей на отдых летом в степь, и юноша К.И.Сатпаев впервые познакомился с ним. К этому времени брат Бокеш стал двадцатипятилетним жигитом, слыл известным для окрестных аулов охотником и птицезнатцем - кусбеги. Ительге был тот же самый, он в семье Имантая прожил чуть ли не пятнадцать лет и немало наловил Бокешу уток, гусей и зайцев. Нахлынули и другие воспоминания. В каждом казахском ауле имелась чуть не свора собак, которые целыми днями болтались между юртами, и с которыми постоянно играли дети. Собаки в аулах были только двух пород. Или это были грузные борзые, которые берегли стада от волков, или поджарые гончие, используемые в травле зайцев и лисиц. При охоте с беркутом и другими ловчими птицами последние помогали выгонять зайцев из лощин, буераков, из лесных и кустарниковых чащ в открытую степь, где птице легче было брать свою жертву.

Любимый друг маленького Каныша Алыпсок был большой, широкогрудый и широколобый, белый с черными подпалинами песволкодав, не раз помогавший отцу в травле волков. В раннем детстве Каныш любил ездить на этом добродушном волкодаве верхом, как на коне. Между тем рассказывали, как смело нападает Алыпсок на волка. Он был грузен и не мог настигнуть волка в прямой погоне, но если выгнать серого навстречу или наперерез - безрассудно шел в атаку на любого матерого зверя. Хватка в челюстях Алыпсока была не менее мертво, чем у волка. Но среди собак, сопровождавших русского профессора и братьев Каныша, умного и преданного, доброго и храброго Алыпсока, уже не было. Где-то в 14-ом году поздней осенью, в сумерки ста-

Created by free version of 2PDF

реющий пес ринулся на волков, подступивших к овечьему гурту аула, и его, беззубого и слабого, утащили волки. В том году в ауле не оказалось ни одной собаки, равной или близкой по смелости Алыпсоку. Когда старая дерзко пошла в атаку, другие собаки отстали от нее и лаяли лишь издалека, а верховые, подскакавшие вслед за старым храбрецом не успели настигнуть скрывшихся хищников. «Безумству храбрых поем мы песню!» - прочитал Каныш после революции у Максима Горького, с книгами которого он подружился в это время (и, как оказалось, навсегда) и сразу вспомнил своего Алыпсока. Вспомнил также рассказы отца о том, как на аул далекого предка в отсутствии мужчин напали враги. Глава рода, глубокий старик, смело встретил врагов и, будучи поднят на пику, сказал: «Враг, я умираю, - но умираю желанной смертью, сразясь с тобой и находясь над тобой!» Такой же желанной и героической была гибель Алыпсока. И хотя врожденный такт не позволял ему высказать вслух эту ассоциацию (ибо внешне применение хрестоматийного стиха буревестника революции к судьбе собаки могло выглядеть смешно и даже, возможно, кощунственно), однако внутренне он не находил свое воспоминание бестактным, так как он считал, что храбрость и смелость при исполнении долга имеют одинаково возвышенную природу как для человека, так и для его друзей, подобных Алыпсоку.

– Слушай, - говорил маленький Каныш своему ровеснику и неразлучному другу Жумашу, - ты слышал когда-нибудь, как овцы и козы разговаривают между собой? Не слышал? Жаль. Надо быть где-либо рядом, чтобы они не заметили тебя. При людях они не разговаривают. Надо набраться терпения, сидеть долго, не двигаясь, и прислушиваться. И тогда начнешь различать слова. Я вчера вечером лег возле той телеги. Лежу, молчу. Подошла серая козочка, потерлась о переднее колесо, заблеяла «Ме-хе-хе!» Подошла черная овца, потерлась о заднее колесо, тоже заблеяла, но грубее: «Мя-хя-хя!» Стояли, терлись, разнюхивали друг друга. Вдруг слышу слова. Я чуть не умер со смеху. Знаешь, что овца сказала? Она спрашивает у козы:

У тебя во рту от полыни горчит?
(Коза затрясла бородкой в знак согласья).
И у меня во рту от полыни горчит.
Но только одно не пойму:
Отчего твой хвост постоянно вверх торчит?

Коза замехехекала и вдруг тоже настоящими человечьими словами заговорила:

Created by free version of 2PDF

Ты правду говоришь, мой друг,
Мы же вместе пасемся вокруг.
Вот только и мне невдомек:
Отчего у тебя не хвост, а курдюк?

И лошади тоже разговаривают между собой. Вот недавно, помнишь, как большая пегая кобыла захромала и несколько дней на ночь оставалась со своим вороным жеребенком у озера, недалеко от юрты? На второй день, я спрятался в камышах, комары покою не давали, но я все же набрался терпения, лежал и внимательно слушал. Жеребенок резвился, бегал, а матери, видимо, это не очень нравилось. Пощиплет траву, поднимет голову в сторону жеребенка и фыркнет громко. Жеребенок подбежит, а она потише продолжает «фр-фр-фр!» Малыш постоит, послушает, подойдет поближе и ласково мордочкой уткнется в вымя. И в это время она, пегая, точно моя аже Нурым, начинает наставлять. Я прислушивался, прислушивался и начал различать слова, правда, с большим трудом. Лошади как-то фыркают отрывисто-отрывисто, а губы у них толстые, большие, поэтому они слова выговаривают хуже, чем овцы и козы, так что не сразу разберешь... И вот жеребенок, знаешь, сосет, а пегая поучает и поучает:

Ах ты, мой сосунок,
Длинноногий дурачок!
Не бегай от мамы,
Достанешься волку.
Схватит за холку,
Свалит на бочок,
Съест с потрохами!
Не бегай от мамы!

А жеребенок оторвался от вымени, прыгнул в сторону, выгнул длинную шейку, вытянул мордочку и заржал звонким колокольчиком. Слова получились ясней, чем у мамы:

А я от волка убегу
И к тебе прибегу.
Волк побоится
К тебе подступиться!

И, знаешь, после ответа малыша, пегая заржала растроганно и нежно, как будто хотела обнять вороного сыночка и прижать к груди. Я пожалел, что у пегой впереди не руки, а ноги с копытами. А жеребенок снова ткнул свою мордочку к соскам матери Вот как это было!

Жумаш не знал верить или не верить? Не верить вовсе было невозможно: Каныш ему никогда не говорил неправду, никогда не обма-

Created by free version of 2PDF
Buket of University

нывал. А верить тоже было трудно - сколько бы он терпеливо не вслушивался в блеяние овец и коз, ржание и фыркание лошадей, различить человеческие слова ему не удавалось. «Ты нетерпеливый» - говорил ему Каныш, - надо уметь долго слушать, надо уметь не обращать внимания ни на что другое, тогда постепенно станешь различать слова». Жумаш так и не смог уловить хотя бы одно слова из звуков, которые издавали домашние животные, пока, наконец, не пришел к убеждению, что его друг Каныш имеет особый слух, особый дар понимать язык животных.

Жизнь на Шоптыколе продолжалась... В верстах 7 - Караколь - большое озеро - совсем не похожее на Шоптыколь. Громадная для детского взора его гладь в маловетреные дни слегка рябит, а при сильном ветре дышит весенним верблюдом, яростно выбрасывая пену на берега.

Караколь - излюбленная родовая летовка - джайляу рода Шормана, одного из самых влиятельных родов не только среди каржасцев и айдабульцев, но и во всем Среднем Жузе; рода, притязавшего на соперничество с самими торе-чингизидами. Не голые берега, не приедающаяся глазу, скучная, ровная гладь этого озера пленили могучий род Шормана. Караколь, как никакое другое озеро в степях, был удобен для водопоя и отдыха скота. На Шоптыколе, например, утолив жажду, стараются быстрее уйти подальше от озера, ибо стоит приблизиться к нему, как из болотной тиши его камышовых зарослей облаками поднимаются комары, налетают осы и оводы. Напротив, открытые всем ветрам берега Караколя в самое жаркое время дня кишат Шормановским богатством: лежат в дремотной жвачке, наслаждаясь водной прохладой большого озера, овцы и козы, часами стоят в воде лошади, ленивыми взмахами хвостов рассыпая над собой брызги, во влажной завесе которых радугой отражаются солнечные лучи. Ни в одном другом каржасском или айдабульском ауле скот так быстро не нагуливал тело, как в аулах Шормана. Этим Шормановы обязаны озеру Караколь. Поэтому к озеру и окружающим его урочищам не подступала ни одна живая душа со своим скотом, тем более юртами, кроме представителей рода Шормановых. Шормановы давно привыкли к похвалам, источаемым их роду льстивыми степными златоустами, и среди этих похвал было четверостишие, посвященное озеру Караколь:

Караколем владеет
Шорманова род.
На Караколе гуртам потеряли счет.
Сорок тысяч коней утоляют в нем жажду,
Отражаясь зеркально в прозрачности вод.

Created by free version of 2PDF

Аулы Шормана ставили свои юрты с восточной подветренной стороны озера, чтобы западная, неветренная сторона была свободна для скота. Аулы эти не были похожи на те, которые видел маленький Каныш, когда ему с отцом приходилось ездить в гости к родственникам и близким из дальних аулов. Как правило, лишь отдельные состоятельные люди имели белые юрты, потому что для белых юрт аул должен был иметь и соответствующее количество белых овец. Если имелась в том или ином ауле белая юрта, то она резко выделялась на фоне окружающих серых и черных юрт. В аулах Сатпая в белых юртах жили только Имантай-аксакал и дядя Жамин. Не то было в аулах Шормана. До десятка, а то и более восьми-двенадцати-шестнадцатистворчатых красавиц-юрт белели издалека. А в некотором отдалении от них, ближе к подножью гор, чернели: маленькие юрты тех, кто пас шормановский скот и прислуживал в белых юртах шормановским отпрыскам. Молодежь этого знатного рода училась в русских гимназиях и, приезжая на лето, блистала форменными костюмами и фуражками. Девушки здесь щеголяли в шелковых платьях, бархатных камзолах, золотых перстнях и сафьяновых сапожках. И даже дети в этих аулах привыкли к тому, что они отличны от других и в знак этого должны ходить в дорогой одежде и обуви. Каныш часто приезжал на Караколь с отцом (отец не мог жить, не повидав своего друга и наперсника Садуакаса), однако с ребятами своего возраста из аулов Шормана сходился плохо - дети здесь казались ему прилизанными, причиненными и малоспособными к настоящим детским играм.

Коновязь - бельдеу находилась от юрты Садуакаса на довольно большом расстоянии. Так было принято в аулах Шормана - они ревностно следили за чистотой вокруг своих белых юрт. Гости, почитаемые хозяином дома, прямо подъезжали к юрте, у которой один из молодых жигитов почтительно помогал гостю сойти с коня и отводил последнего на бельдеу. Гости не менее почтительные сами подъезжали к коновязи, привязывали коня и подходили к юрте пешком. Имантай-аксакал будь он один или со спутниками, всегда подъезжал прямо к юрте.

В просторной юрте Садуакаса или Сакена-ага, как привыкли называть его окружающие, завешенной, застеленной драгоценными коврами, обставленной красивыми сундуками с разноцветной инкрустацией, всегда было много гостей, полулежавших на мягких расшитых матрацах - тосениш, положенных поверх ковров, опираясь локтями на громадные подушки. Это были, как правило, солидные и пожилые люди. Но все они при появлении Имантая-аксакала расступались, давая ему почетное место. Маленький Каныш понимал, что его отец - чело-

Created by free version of 2PDF

век уважаемый и гордился этим. Он входил вместе с отцом, взросло приветствовал Сакена-ага и его гостей быстро уходил из юрты. Но за юртой ему, чуждавшемуся и стеснявшемуся разодетой шормановской детворы, становилось скучно, он тихо возвращался, пробирался вдоль стены и садился сзади, рядом с отцом, прислушиваясь к степенному разговору взрослых.

До детского разума мальчика не вполне доходил смысл разговоров, ведущихся в юрте, однако он начал понимать, что здесь, в гостях у Сакена-ага, всегда собирались люди солидные: аксакалы, аткаминеры, главы окрестных родов и аулов. Он чувствовал также, что здесь решались очень большие, очень взрослые дела. Он поражался тому, что каждый из аксакалов, собравшихся здесь, когда ему представлялась возможность высказаться, отрывался от подушки, садился прямо и мог говорить долго, складно, перемежая свою речь стихами, пословицами, поговорками, называя имена далеких и близких предков. К тому же каждый аксакал играл своим голосом, то повышая, то понижая его, говорил так, что ни один из слушавших не мог быть невнимательным, хотя лица всех оставались нарочито неподвижными. Мальчик приглядывался поочередно к аксакалам и все же по движению локтя, подушки, по еле заметным изменениям на лице узнавал отношение каждого из них к речи говорящего и даже угадывал, кто из них будет говорить следующим. Мальчик замечал также, что все собравшиеся с наибольшим почтением слушали Сакена-ага и Имантая-аксакала. Их речи, как правило, были завершающими. Благодаря тому, что мальчик в ауле Сакена-ага не увлекался детскими забавами и скромно прятался за широкую спину своего отца, он рано знал в лицо и по имени почти всех знатных людей, вершивших дела айдабульцев, каржасцев и других близких родов. Беседы велись, как правило, за кумысом. Затем следовал чай с баурсаками. Угощение заканчивалось обильным бешбармаком из свежей баранины.

Дети обычно в таком важном кругу аксакалов отсутствовали. Маленький Каныш, наверное, был исключением. Никто не обращал внимания на кенже-несмышленыша стареющего Имантая-аксакала, лишь отец понимал, как этот лобастый мальчик вглядывался, вслушивался во все с любопытством, мало присущим детям его возраста. История нам сохранила сведения о том, как отец великого Абая. Кунанбай, ранее всех определил природную даровитость своего в будущем знаменитого сына и способствовал тому, что Абай еще подростком выступал при решении вопросов межродовой «политики» с блестяще аргументированными, остроумными речами, удивляя аксакалов, знавших толк в

Created by free version of 2PDF

степном витийстве. Может быть, и Имантай-аксакал втайне лелеял мечту о том, как его кенже Каныш со временем будет блистать остроумием и завоюет в степях большее уважение, чем этого смог достичь его старый отец. И, может быть, он умышленно не мешал своему сыну прятаться за его спиной и внимательно слушать серьезные разговоры солидных аксакалов.

Иногда Сакен-ага оказывался один в юрте. Отец, по-видимому, приезжал заранее условившись. В этих случаях суровое лицо его становилось улыбчивым, глаза начинали смеяться. Отец говорил что-то шутливое. Сакен-ага отвечал, смеясь. К шуткам присоединилась и Зейнеп-байбише, старшая жена Сакен-ага, всегда находившаяся в старшей юрте (у Сакена-ага была малая юрта, в которой жила его младшая жена). Шутки продолжались. Зейнеп-шешей справлялась о здоровье Нурым-байбише.

- Слава-богу, здравствует, - отвечал с лукавой и непривычно игривой нежностью в голосе отец, - она ведь у меня одна. Именно одна. А не одна из двух, и не старшая из двух, а, слава богу, единственная. Единственной быть приятнее.

- Имеке, - отвечала, широко и ехидно улыбаясь Зейнеп-шешей, - ты же мужчина, мог бы немного сдержаться. Я спрашиваю о здоровье моей сверстницы и подруги Нурым. Ты об этом бы и говорил, а не старался вызвать жалость. Нет ничего печальнее, когда мужчина старается вызвать жалость. Старший нашего очага, присутствующий здесь, имеет широкую натуру и у него здравствуют, слава богу, обе богом нареченные жены. А тебя бог наказал, забрав к себе незабвенную Алиму. Наказал не только тем, что оставил без молодой жены, а еще и тем, что усилил постоянно живущую в тебе черную зависть, вот она и гложет тебя. Ты бы уж не приезжал, чтобы не казниться разъедающей твою душу завистью.

- Имеке, - вмешался, громко смеясь, Сакен-ага, - давно тебе я говорил, не трогай этих женщин. Видишь, что наговорила, ты слово - она десять. Да ядовитые слова!

- Сакен, ты мне отдай эту старшую на неделю. У меня она шелковой станет. Ты же распустил их.

- Не дай бог, - снова ввязалась, громко смеясь, Зейнеп-шеше, - с таким черным злым стариком и часу не останусь. То-то бедная Алима навсегда ушла, а несчастная Нурым еле влачит существование.

Канышу показалось, что о его покойной матери и здравствующей аже Нурым говорят непочтительно, но высказать это старшим вслух не

Created by free version of 2PDF

посмел. Покраснел, отвернулся и хотел было выйти, но Зейнеп-байбише заметила это.

- Имеке! Имеке! Хоть на старости лет перестал бы ехидничать. Видишь, Канышжан застеснялся... Мальчик мой, айналайын, подойди ко мне. Я тебе вкусное припасла, сейчас угощу.

- Имеке, на самом деле. Женщину никогда не переспоришь, ветер не укротишь - пока сами не перестанут. Мне вчера привезли интересную книгу, газеты.

Каныш знал: у Сакен-ага книг не меньше, чем у его отца. Кроме того, Сакену-ага еженедельно привозили газеты, отец иногда брал их к себе и читал дома. Имантай-аксакал и Сакен-ага могли бесконечно беседовать о написанном в книгах или газетах. Потом, повзрослев, Каныш точно определит круг ученых, книжных интересов своего отца и его друга, узнает и о том, что они со своими книгами и газетами, со своими беседами на непривычные в степях темы выглядели чуть не белыми воронами в обычной для них среде. Досужие аксакалы нет-нет да и говорили, что пора бы Садуакасу и Имантаю, перешедшим возраст пророка Магомета, иметь в руках единственную книгу - священный коран, читать только ее, не изменять ей; сожалели о том, что бесовское наваждение, захватившее смолоду, не покидает их и приходили к обычному для суеверных и невежественных людей выводу, что это не к добру. На эту же тему и в том же направлении острили и более молодые. Пока же маленький Каныш лишь чувствовал, что его отец и Сакен-ага близки именно потому, что у них у обоих много книг, и что они оба могут долго читать и долго говорить о том, что написано в этих книгах, и что это, может быть, самое главное в их взаимоотношениях. Он также чувствовал, что отец и Сакен-ага этим и отличались от всех других аксакалов, которых он знал и видел, часто сопровождая отца. Мальчик гордился своим старым отцом и его другом Садуакасом, Сакеном-ага.

Каныш начал читать Пушкина в семинарии. Судьбы героев пушкинских произведений, в особенности пушкинской прозы, волновали его воображение. Волновали потому, что многое ассоциировалось с жизнью и событиями в степях. Например, ему казалось, что отец, человек менее богатый и поэтому менее знатный, чем Шормановы, чем-то напоминал старика Дубровского. Правда, Сакен-ага вовсе не был похож на деспотичного, невежественного и грубого Троекурова, но, кроме Сакена-ага, в роду Шормановых были и другие, более богатые, более могущественные, более славившиеся своими тысячными табунами. Отец чуждался их и бывал в их юртах лишь изредка, когда был при-

Created by free version of 2PDF
Buketov University

глашаем по тому или иному случаю, обусловленному необходимостью взаимных угощений по законам соседства. И эта холодность во взаимоотношениях с самыми богатыми отпрысками Шормана, казалось, была не случайной. Лишь немногим из Шормановых было дано обладать тактом и человечностью Сакен-ага и редкие из них вели себя так, чтобы к месту или не к месту не подчеркнуть свое степное превосходство. До ушей юноши Каныша доходили и разговоры о том, что некоторые из многочисленных отпрысков Шормана бывали, причастны к событиям, довольно обидным для Имантая и его близких. В степях обиды плохо забывались, они переходили от отцов к детям, и бесконечные межродовые, межаульные распри чаще всего и были связаны с чересчур высокими счетами, выставляемыми за случайно или неслучайно ущемленное самолюбие. Однако отец никогда не говорил Канышу об обидах, причиненных ему или его близким кем-либо из людей, среди которых он вращался. Позже, став уже зрелым человеком, Каныш Имантаевич оценил эту редкую для степного быта того времени особенность в поведении отца: аксакал просто не хотел, чтобы помыслы сына были заняты тем, что он, отец, относил к пустой и вредной суете от наивности и невежества. Каныш Имантаевич отдавал должное природному уму отца. Но он также понимал, что к этим разумным и трезвым выводам отец мог прийти только от мудрости, которая устоялась в нем при постепенном слиянии того, что дано природой и жизненным опытом, с тем, что приходило ему от книг, которые он читал и обсуждал со своим неразлучным другом Садуакасом.

И все же даже детский глаз замечал, что многочисленные белоснежные юрты семи аулов Шормана с богатым внутренним убранством, выхоленные кони, посеребренные седла и сбруя, красивые фаэтоны у белых юрт, одежда из богатых тканей - все, казалось, служило тому, чтобы подчеркнуть, что все, кто из рода Шормана, являются мурзами, господами от рождения. Отец Сакена-ага - Муса, сын Шормана, основателя рода, был легендарной личностью. Он был первым человеком в этих местах, кто стал царским полковником, приводя в трепет степных жителей расшитым мундиром, густыми эполетами, высокой папахой. Такого высокого чина в окрестных степях не достигал никто ни до, ни после него. Такой чин имел только внук хана Аблая - Чингиз. Но Чингиз был царевичем, султаном, которому на роду написано быть в больших чинах у белого царя. Муса же происходил не из знати, и все, чего он добился, относили к его личным достоинствам. Царский подполковник умер за десять лет до рождения Каныша. Он лежал невдалеке от кыстау аулов Шормана и Сатпая, в родовом клад-

Created by free version of 2PDF

бище под дорогим отполированным до зеркального блеска камнем-сундуком, камнем-мрамором, привезенным из какого-то далекого-далекого царского города. Покой его берегли невиданные в степях стальные решетки - ограда с затейливыми узорами. Легенда гласила, что все это прислал лично белый царь своему верному слуге. На самом деле, как потом узнал Каныш, решетки и надгробный камень из мрамора были изготовлены на Урале, в Екатеринбурге по заказу наследников Мусы. В окрестных степях уже ходили легенды о святости Мусы, и многие обездоленные совершали паломничество к праху его, прося заступничества перед богом и людьми.

Муса был, действительно, недюжинным человеком. Когда султан Кенесары поднял в степях смуту, надеясь стать ханом, отторгнув народ от России, Муса был один из тех, кто почувствовал несбыточность и вредность султанских затей. Он проявил большую изворотливость, оставляя роды, на которых распространялась его власть, в стороне от движения Кенесары. Он был довольно просвещенным человеком с прогрессивными взглядами на значение науки и образования, и сохранились документы, в которых Муса последовательно ставил перед царским правительством вопрос об открытии школ, о распространении светского образования в степях. Он высоко ценил своего племянника великого путешественника и ученого Чокана Валиханова. Вместе с тем, народ также догадывался и о том, что табуны лошадей, золото, роскошь, власть концентрируются в одних руках не просто по воле божьей и тем более не на основе правды, добра и справедливости. У Садуакаса хранились мундиры полковника, много различных ценных вещей, начиная от подарочных халатов, серебряной и золотой посуды, кончая дорогими безделушками. Садуакас гордился отцом и любил показывать его вещи, любил подавать кумыс в дорогих чашах, оставшихся после отца. Из такой чаши в 1914 году пил однажды кумыс знаменитый молодой поэт Султанмахмут Торайгыров, приходившийся родственником Садуакасу по линии одной из жен и приехавший навестить старого зятя. Посещение это вдохновило двадцатилетнего поэта на едкое стихотворение, заканчивавшееся словами:

Смотрел и думал:
в чаше этой драгоценной
Не блестят ли слезы бедных
за кумысной пеной?

А младший брат Мусы - Мустафа - был навеки пригвожден к позорному столбу в песне знаменитого композитора и поэта Жаяу Мусы (Пешего Мусы), которую распевала вся степь от Каспия до Алтая:

Created by free version of 2PDF

То белы, то красно-алы ситцы-сиса.
Создают безлошадиных не небеса
Мой резвый конь под Мустафой Шормановым,
Оттого я и прозван «Пеший Муса».

Было от чего задуматься взрослеющему Канышу. Слишком переплелись взаимоотношения между аулами Шормана и Сатпая. Сатпай, сподвижник и приближенный Шормана, был бием (судьей) при Мусе. Имантай оставался бием при бессменных волостных правителях Шормановых. Старшая любимая сестра Газиза отдана замуж за одного из Шормановских отпрысков. Родство через женщин укреплялось и ранее. И все же настороженность Имантая-аксакала, человека гордого от природы, передавалась на братьев и детей. Эта настороженность была связана, главным образом, с тем, что внешне складывалось впечатление, что богатство, удача постепенно покидают аулы Сатпая. Большие табуны Сатпая были поделены между сыновьями. И как-то стало так, что к рождению Каныша отец имел только средний достаток. Должность же бия была почетной, без установленного властями постоянного материального вознаграждения. Несколько большим достатком обладал прижимистый Жамин. Дядя Зеин вообще считался неудачником. В молодости он был человеком, любившим риск и пускался в торговые махинации, кончавшиеся, как правило, одними убытками. И в детские годы Каныша семья Зеина еле сводила концы с концами, по существу, перейдя на иждивение к дяде Жамину. Говорят, что про Зеина ходило даже ехидное двустишие, пущенное одним из акынов-острословов:

Не за родовое занятие взялся Зеин,
За что и наказан Сатпая сын.

...Каныш постепенно убеждался, что многочисленные представители степного феодального клана Шормановых, как и должно было быть, неоднородны по своим стремлениям, уровню развития, душевному складу. Было много, ох, как было много тех, кто вел просто паразитический образ жизни, блаженствуя и бездельничая за счет общего шормановского достатка. Их стремление к роскоши, их постоянный и неуемный потребительский настрой вынужденно удовлетворялись власть имущими рода ради сохранения престижа клана степных господ. Заправляли же кланом в основном те из шормановцев, кто оставался одержимым жаждой власти, обогащения, продолжая в этом отношении дело своих именитых предков, хотя размах Шормана и Мусы их сыновьями и внуками был потерян, подобно тому, как горьковские Артомоновы успели измельчать уже во втором поколении. Но, благодаря тому же богатству и достатку, многие из Шормановых приобщи-

Created by free version of 2PDF
Sukkot University

лись к образованию и просвещению. И это не могло не наложить отпечатка на нравственное развитие тех членов разветвившегося клана, кто природой был предрасположен к гуманности и человечности. Из четырех сыновей полковника лишь друг Имантая-аксакала, Садуакас, выделялся своей необычной для степей интеллектуальностью, широтой умственных интересов, тягой к сближению с умными, даровитыми людьми. В его суждениях и поступках все говорило за то, что он был далек от мелкого тщеславия и жадности, присущей многим из его близких, что жизненный опыт и книжные знания укрепили в нем природную брезгливость к той неразборчивости в путях к достижению целей, которая является постоянной спутницей неуемного честолюбия и жажды обогащения. Садуакас не был активным борцом за справедливость, но само стремление его к нравственной чистоте, к добру и человечности в личной жизни и деятельности приводило его в большой разлад с родным окружением, но этот разлад, по-видимому не принимал драматических размеров, ибо Садуакас оставался сыном своего клана, родовые предрассудки которого тяготели над ним. Тем не менее, современники имели достаточно оснований для того, чтобы характеризовать Сакен-ага, как сторонника правды, объективности, просвещения и гуманности, как человека, в котором совершенно отсутствовало чванство и высокомерие, присущее большинству его родичей. Каныш Имантаевич не раз впоследствии вспоминал и анализировал дружбу отца с Садуакасом и находил, что эта привязанность была искренней, душевной и завидно постоянной.

Сердечное тепло к Сакен-ага укрепилось в Каныше с раннего детства, в особенности после одного случая на Шоптыколе. Канышу было лет 10-11, и он хорошо запомнил этот случай. Отец откуда-то ехал, попал под проливной дождь с градом, сильно простудился и слег. День или два никто не обращал особого внимания на болезнь отца, но на третий день аксакал стал бредить, ему стало тяжело, грудь вздымалась и опускалась с хрипом. Дали знать Садуакасу. Вначале друг отца приехал один, потом откуда-то раздобыл русского фельдшера, который посмотрел, что-то посоветовал, прописал и тут же уехал. Из юрты Имантая всех выселили, остались только Садуакас и аже Нурым. На другой день приехали обе жены Садуакаса. Целую неделю, а то и больше, аже Нурым, Зейнеп-байбише, и Бадиш-шешей (жены Садуакаса), сам Садуакас дежурили около отца. Статный, красивый, моложавый Садуакас был непривычно молчалив, много молился, мало ел, осунулся. Дней через 8-10, когда Сакен-ага, впервые улыбнувшись, откликнулся на приглашение дяди Жамина и просидел у него несколько часов за ку-

Created by free version of 2PDF

мысом, чаем и бешбармаком, всем стало легко, все почувствовали, что Имантай-аксакал выздоравливает.

Среди Шормановых были и сверстники Каныша, люди и постарше, и помоложе, к которым будущий ученый не имел оснований относиться неприязненно. Но истинное уважение на всю жизнь он сохранил только к Сакен-ага.

...В конце пятидесятых годов, в один из приездов К.И. Сатпаева в Караганду, к академику в гостиницу зашел небольшого роста, скромно одетый, стеснительный человек и негромко приветствовал, подав по-старинному обе руки. В голосе, в наклоне головы академик почувствовал что-то близкое, знакомое.

- Слушай, ты не Динше?

- Да, я тот самый Динше, которого Вы, спасибо, не забыли.

- Дядя Кокен здравствует?

-Отец, слава богу, жив и приглашает Вас к нам домой, на чашку чая, живем скромно, но аксакал очень хочет Вас видеть.

Динше был внучатым племянником Сакен-ага. У Садуакаса своих сыновей не было, и он приблизил к себе племянника Кокена (сына младшего брата Виляла), человека спокойного, тихого и доброго. Сын Кокена Динше был весь в отца, с обожанием относился к Сакен-ага, был послушен и наивен, долго по настоянию деда учился, однако в учебе проявил себя не особенно и теперь, недавно переселившись с семьей из сибирского городка, работал на небольшой должности в Караганде, скромно содержа большую семью.

Комната была небольшой, с нехитрым убранством. Дядя Кокен уже глубокий старик, сидел на широкой, мягко устланной кровати, по-степному скрестив ноги. Академик сел рядом с ним, пружина кровати хрустнула и опустилась ниже. Аксакал, зажав широкую кисть академика между ладонями старческих рук, долго сидел молча, слезы тихо катились из глаз.

- Каныш, ты был хорошим парнем. Я плачу от радости, что ты остался таким же. Сын Имантая, друга моего отца Садуакаса, ты стал большим человеком, потому что теперь как никогда ценятся качества людей. Спасибо, что зашел навестить старика. Когда я послал Динше к тебе, я был уверен, что ты придешь.

И потекли воспоминания, подробности которых восстанавливала сохранившая не только и былую стать и красоту, но и замечательную память, жена Динше. Вдруг среди этих воспоминаний, академик лукаво улыбнулся, мягко положил ладонь на плечо старика и сказал:

- Кокен-ага, подбросьте, пожалуйста, шахша, нигде не видел насвая вкуснее и лучше Вашего!

Created by free version of 2PDF

- Канышжан! Канышжан! Ты остался таким же ленивцем и попрошайкой! На, бери, да учти, что потчую последний раз, пора самому шахша заводить! - старик достал из кармана сделанную из рогов красивую, плоскую шахша и подал Канышу.

Академик затрясся от смеха, смеялся старик Кокен, залился Динше, к нему присоединилась его жена: точно так юный Каныш когда-то в степях обращался к доброму дяде Кокену за насваем, и тот, не смея отказать, угощал в каждом случае «последний раз», обзывая юношу: «попрошайкой» и «лентяем». Только подростки-дети Динше, сгрудившиеся в дальнем углу комнаты, не могли понять, отчего так весело смеются четыре немолодых человека.

Август... Ночи становятся длиннее и прохладнее. По вечерам аже Нурым заставляет одеваться теплее. Старшее население к вечеру зябко льнет к очагам. Все чаще дождит, и дуют холодные ветры. Уже намечен день, когда аулы покинут Шоптыколь до следующего лета. Будут двигаться так, чтобы в кыстау прибыть в сентябре. Неделю назад самые сильные жигиты аулов Сатпая во главе с дядей Шадетом уехали на Айрик, чтобы скосить, собрать в копны сено на лугах - корык невдалеке от кыстау. Бекеш уехал с ними, Каныш тоже хотел быть в веселой компании косарей, но аже Нурым не отпустила. Ежегодный сенокос был делом обычным. В этом году на корык был хороший травостой, и Имантай-аксакал по этому поводу не беспокоился. Его больше занимала первая жатва на Бельдеш. За лето несколько раз ездили туда из аула и привезли весть, что урожай хороший. В середине августа можно приступать, как предсказывал тамыр Андрей, к косьбе и обмолоту. Тут снова не обойтись без самого тамыра: надо дать ему знать, в какое время аулы прибудут на Бельдеш.

Обратная кочевка в кыстау сопровождается теми же взаимными приглашениями, угощениями, играми, забавами, что и весенняя. Сталкивающиеся аулы готовятся к долгой разлуке до весны и затевают веселые прощальные церемонии. Обратные кочевки бывают сытней, щедрей, шире и разгульней, потому что скот - главная статья расходов в этих случаях - нагулял за лето тело и на угощения идет вкусное и жирное мясо, а не сюр, как было весной. Больше и кумыса, потому что весной нельзя передаивать только что ожеребившихся кобыл, необходимо оставлять материнское молоко еще неокрепшим жеребятам. Каныш, которому жизнь на Шоптыколе уже начала казаться однообразной, мотался на своем гнедке и предвкушении незабываемых впечатлений, которые он испытал в весеннем кочевье. Однако Имантай не позволял аулу подолгу оставаться на привалах - он спешил к Бельдешу,

Created by free version of 2PDF

где аул ожидало продолжение совершенно нового дела, которое было начато весной. Озабоченность отца передавалась малышу, но он никак не представлял себе, что могло произойти на перерытой, перепаханной черной земле. И когда кочевка через три или четыре больших привала приблизилась к желанному местечку Бельдеш, с возвышенности, подступающей к полю, открылось изумительное зрелище. Казалось, что кто-то оставил в степи громадную раскрытую книгу - одна страница была серовато-зеленой, другая - красной. Те, кто были на конях, не выдержали, поскакали вперед. Справа колыхалась на ветру красным ковром пшеница, слева таким же, но зеленоватым ковром - овес. Каныш, подскакав к правой половине поля, осадил своего коня у самой кромки ковра. С высоких, стройных, тонких стеблей, с прозеленью внизу свисали прямо под рукой, выше стремени, удивительные гроздья - они в поперечнике были четырехугольны и похожи на его плетку, которую красиво и прочно сплел ему дядя Жамин, и которой он постоянно любовался. Гнедой почуяв вкуснее, ухватился губами за колоски. Канышу не понравилась бесцеремонность гнедка, он резко дернул повод, а сам, нежно взяв один колосок, растер его на ладони - за шелухой открылись зерна, точь-в-точь те зерна, которые рассыпали на этом поле весной дядя Шадет и тамыр Андрей. Восторгу и радости Каныша не было предела - он поскакал обратно к кочевке, чтобы первым показать это чудо отцу.

Самое интересное началось на другой день. Приехали все, кто был на покосе. Приехал с ними и тамыр Андрей, да не один, а с женой, которая называлась тате Маруся. Наверное, она сказала: «тетя Маруся», но в ауле переиначили на свой лад: тате Маруся. Так звучало ласковей. Рыжая, смешливая тате Маруся развязала большой мешок, из которого посыпались морковь, огурцы, картофель. Каныш и другие аульные ребята и девчонки набежали на неожиданное лакомое угощение; на бублики и калачи, высыпанные из другого мешка, не обращали внимания. Между тем, дядя Шадет и тамыр Андрей возились с серпами, которые они привезли с собой, натачивая их. Их было много - штук десять. В доме же Имантая-аксакала был всего один серп, применялся он редко, для срезания камышей, из которых на Шоптыколе делались навесы возле юрты. Наконец, тамыр Андрей сказал, что можно начинать. Все сели. Имантай-аксакал прочитал короткую молитву, молвил в конце громко: «Алла акпар!» и провел ладонями по лицу. Все повторили движение аксакала. Тамыр Андрей и тате Маруся перекрестились. Все во главе с отцом и тамыром Андреем двинулись к полю. Дядя Шадет, дядя Дуйсембай, Абсалям и несколько жигитов, приехавших на

Created by free version of 2PDF

помощь, были вооружены, как и тамыр Андрей с тате Марусей, серпами. Тамыр Андрей подошел к кромке поля, перекрестился еще раз, взял в горсть пучок стеблей, ловко подсек серпом и засунул пучок подмышку. И потом заработал так проворно, что под левой рукой быстро образовалась охапка. Затем, сжав последний пучок в горсть левой руки и вытянув часть пучка, чтобы он был подлинней, скрутил правой рукой этот пучок в жгут. Мгновенно стянув этим жгутом то, что было в левой охапке, посередине, словно девушку в талии, завязал концы жгута и поставил получившуюся связку торчком вверх колосьями. «Это сноп»! - громко сказал тамыр Андрей. Рядом с первым столь же быстро появился второй сноп. Вслед за своим мужем пошла совершать такие же чудеса тате Маруся. Шадет, Дуйсем-бай, Абсалям и жигиты стояли, не смея подступиться. Казалось, какая-то внезапная робость овладела ими. Тамыр Андрей быстро собрал первый десяток снопов в сооружение, которое хорошо защищало колосья от дождя в непогоду и от солнца в жаркие дни. Для этого Андрей поставил один сноп строго вертикально колосьями вверх, восемь снопов бережно прислонил также колосьями вверх вокруг него, а один сноп юбкой, колосьями вниз, опустил на торчащую головку центрального снопа. После первой такой кучи, которую тамыр Андрей назвал суслоном, появилась вторая, а незадачливые земледельцы-казахи, вышедшие на первую жатву, продолжали стоять, робко переглядываясь. Наконец, тамыр Андрей прервал работу, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, подозвал к себе дядю Шадета и стал его медленно и методично учить. То, что делали тамыр Андрей и тате Маруся до сих пор было демонстрацией того, как можно и нужно работать на жатве. Все от мала до велика были у поля. Начали смеяться над неуклюжими движениями дяди Шадета: левая рука, собирая в горсть пучок, который нужно скосить, отнималась в локте от тела и то, что было под мышкой, падало на стерню. Самым трудным оказалось сделать жгут, держа скошенное под сноп в охапке. Абсалям внес предложение скашивать косой и собирать сноп с валка. Тамыр Андрей возразил, что этого нельзя делать, т.к. колосья трудно собрать в головку снопа, ибо в валках колосья, особенно в ветреную погоду, ложатся вразброд. Лучше потерпеть да научиться косить серпом. Тате Маруся сказала что-то по-русски, тамыр Андрей перевел: «Почему женщины аула тоже не берут серп?» «Дай бог мужчине-казаху освоить это диковинное дело! И ты, Маруся, иди в юрты и не срами нас. Тебя стыдно заставлять работать, ты будь гостем, хватит с нас тамыра». Маруся засмеялась, положила серп и отошла к женщинам, стоявшим поодаль.

Created by free version of 2PDF

Сноповязание оказалось делом непривычным и тяжелым. Дядя Шадет и его подручные быстро уставали. Тамыр Андрей не торопил их, делал частые перерывы на отдых. И все же косари постепенно приноравливались. В первый день, пожалуй, работал за всех тамыр Андрей. Однако на другой день дело пошло веселее. Можно было оставлять аульных косарей одних.

Неугомонный, веселый тамыр Андрей и отец отмерили возле юрты четырехугольник - двадцать шагов в ширину - и стали срезать острыми лопатами травяной слой под корень, чтобы обнажилась земля. Делалась эта работа тщательно, образовалась квадратная черная полянка. Тамыр Андрей рассказывал Канышу и другим детям, которым до всего было дело, что в русских деревнях это называется током, поверхность его утрамбовывается тяжелым катком. В ауле катка нет, поэтому придется подчистить и выровнять поверхность лопатой, пыль смести метлой и этим ограничиться. Ребята сразу же приспособили полянку для игры в асыки-бабки, так как после выезда из Шоптыколя ни разу не удалось найти хорошую, чистую от травы полянку. Затем тамыр Андрей отрубил от жердей палку метра в полтора-два длиной, прикрепил к ней на прочном кожаном ремне палку покороче. Затем для пробы, взявши длинную палку за свободный конец, размахнулся ею - короткая палка, свободно болтавшаяся на ремне, описала полукруг и тяжело плюхнулась на землю. Тамыр Андрей пояснил ребятам, что это называется «цеп» или «молотило» и что цепом-молотилом будут бить по снопам, по колосьям и тогда будет высыпаться зерно. Сделали они с отцом таких цепов-молотил штук десять.

Наконец, пшеница была скошена; суслоны стояли, словно пешки на шахматной доске, которые мастерил дядя Жамин. Уборка овса была отложена до окончания уборки пшеницы, к этому времени овес должен был хорошо созреть. Пшеничные снопы стали свозить и укладывать на току колосьями к середине. Начали молотить: восемь человек по четыре цепа с двух сторон ожесточенно били по снопам, периодически продолжая молотить, прохаживались поперек снопов. Солома, по указанию тамыра Андрея, оттаскивалась в сторону и укладывалась в кучу-скирду. Зерно собиралось в кучу, перегребалось и отсеивалось от шелухи-мякины, для этого зерно на деревянных лопатах подкидывалось вверх, тяжелая пшеница падала обратно, а мякина относилась ветром. Молотили дня два или три: рядом с током выросла скирда соломы, а на току получилась целая гора пшеницы. Работали все, кто мог держать цеп, вилы и лопату. На помощь приехало еще несколько жигитов из соседних аулов. На ночь пшеницу закрывали от росы домотанными

Created by free version of 2PDF

половиками - алаша, а днем разбрасывали тонким слоем на весь ток, чтобы зерна хорошо высохли. Через два-три дня стали складывать в мешки. Мешков в ауле не было: пришлось их делать из тех же алаша: часть пшеницы ссыпали в ящики - кебеже. Пшеницы нажали много, может быть, пудом сто пятьдесять. Ни в одном окрестном ауле, кроме разве аулов Шормана, никогда столько пшеницы не бывало. Приезжали любопытные из соседних аулов посмотреть, как Имантай в первый год собрал невиданный урожай пшеницы. Одарены были жигиты, помогавшие в жатве - каждый из них получил по громадному мешку зерна. Один из аксакалов, приехавший как будто выразить свое почтение Имантаю, а на самом деле увидеть своими глазами, как может степной мусульманин заниматься не своим делом, посмотрел, удивился и сказал, обращаясь к тамыру Андрею:

– Слушай, тамыр, ты зачем портишь доброго мусульманина Имантая? Казаху дано разводить скот, есть мясо и молоко. Так определил аллах. Степь казаха должна быть чистой и целой. А когда казах роет землю, чтобы как русский растить злаки - это нехорошо. Он все равно лучше русского не сделает и землю испортит и сам испортится: скот пасти разучится, а землю обрабатывать не научится.

– Тамыр, - ответил в свою очередь Андрей, - ты баурсаки любишь, русский калач любишь, тесто в бешбармаке любишь? Твой конь меньше устает, когда ест овес? Будешь овсом кормить, будешь на одном коне круглый год ездить, не будешь - надо иметь много коней, чтобы часто менять их, опуская усталого на выпас. У Имантая ездовых коней мало, потому что у него мало косяков, и он правильно сделал, что посеял овес. Теперь он и за хлебом не будет ездить в русский поселок, свой хлеб будет есть. А народ не испортится, наоборот, научится много и постоянно работать, потому что посевы требуют еще большего ухода, чем скот. Тамыр, тебе тоже в своем ауле надо сеять пшеницу и овес. Надо бы сеять и лук и морковь, и огурцы, и картофель, и другие русские растения. Твои дети с охотой их едят. Но это делать вам трудно, потому что казах не может не кочевать. А вот пшеницу и овес можно сеять и жать!

Аксакал посмотрел на пшеничную кучу, покачал годовой, сел на коня и уехал. Имантай-аксакал улыбнулся:

– Андрей, Андрей, расстроил ты человека. Крепко призадумался человек, даже проститься забыл. Вот увидишь, на следующий год будет просить у тебя семена и соху!

Овес аульчане убрали сами. Тамыра Андрея дома ждало собственное хозяйство, он не мог оставаться долго и уехал сразу же после

Created by free version of 2PDF

уборки пшеничного поля. Тате Маруся уехала еще раньше. Первая жатва задержала аулы Сатпая на Бельдеше недели на две, а то и больше. Маленький Каныш чувствовал, как все рады, что у них теперь много пшеницы и овса. Все в ауле лакомились жареной в масле пшеницей, она особенно хороша с чаем, а если с разрешения аже набрать в карманы, то можно весь день жевать, пока не устанешь. Канышу очень хотелось есть баурсаки со своей пшеницы, но для этого, как ему растолковал Бокеш, необходимо везти пшеницу в Алексеевку, где есть мельница с большими-большими крыльями; крылья крутятся от ветра и крутят за собой большие каменные круги-жернова, между которыми зерно превращается в муку. Канышу самому хотелось посмотреть на эту сказочную мельницу-птицу.

Уже наступил сентябрь, и аулы, подъехав к зимовке, расставили возле нее юрты. Перед тем как поселиться в зимовье, надо почистить, побелить, законопатить, словом, подготовить жилье к зиме. Каныша поразил вид кыстау: весной между избами, дворами, да и вокруг кыстау было стоптано, черно и пыльно. А теперь росла густая трава как на лугах. И эта трава, по-видимому, была очень вкусной, потому что кобылы и жеребята, волы, коровы и телята - все накинулись на нее и с хрустом, не поднимая головы, поедали ее. Каныша это удивило. Почему там, где было стоптано людьми и животными, все хорошо росло, а там, дальше вокруг был тот же ковыль, с той только разницей, что его весной оставили зеленым, а теперь он стал серым. Аже Нурым объяснила, что земля имеет душу и что она, душа земли, любит, чтобы на ней что-то росло, а эту землю, на которой стоит кыстау, почти полгода топчут, не дают на ней ничему расти, и ее душа, соскучившаяся по растительности, торопится и, пока аулы кочуют, дает такой обильный рост травам.

Через несколько лет ученик Каныш узнает, что отбросы животных являются удобрением для земли, а красивое объяснение аже Нурым о скучающей по травам душе земли он с улыбкой будет вспоминать всю жизнь.

... Наконец, перебрались в зимовье. Орбита кочевок замкнулась. После неуютной юрты, когда утром не хочется выбираться из-под одеяла, когда целый день не снимаешь с себя теплую одежду, когда все зябко стремятся к очагу, когда горячий чай или горячая сурпа стынут в руках, когда в бурдюках, окутанных от холода кошмами, плохо бродит кумыс, какое наслаждение жить в теплых комнатах зимовья. Кочевник не поселяется в зимовке, ибо за кыстау у него зимние пастбища, которые не следует стравливать преждевременно, и чем позже он окажется

Created by free version of 2PDF
Buketov University

в кыстау, тем лучше обеспечит свой скот пастбищами в самое тяжелое время года.

Маленький Каныш был безмерно рад переезду семьи в зимнее жилище, ибо худенький и зябкий мальчик особенно остро ощущал неудобства холодной юрты.

А в зимовье, пока не наступила настоящая зима, надо многое сделать. Закрыть заново крыши скотных помещений, кое-где подновить стены и опоры, вывести с лугов сено, сшить, починить зимнюю одежду, следить за скотом, - забот много, а день становится все короче, и в ауле работают все от мала до велика. Для Каныша и его друга Жумаша были большим и радостным событием поездки за сеном. Аже Нурым наставляла дядю Шадета и брата Абсаляма, чтобы дети, не дай бог, не попали под телегу, не упали с воза, чтобы на них не свалились вилы и не лягнула лошадь. После этого они садились на бричку возле дяди Шадета. Сено возили на трех бричках, в которые были впряжены по паре лошадей. Одной правил дядя Шадет, другой - Абсалям, а третья была пустой, лошади бежали на поводу за бричкой дяди Шадета. Каныш и Жумаш так и норовили сесть в пустую бричку, чтобы самим править лошадьми, но дядя Шадет строго выполнял наказ аже Нурым и не отпускал детей. До лугов доезжали быстро. Возы укладывались поочередно. Подъезжали к первой копне, ставили бричку рядом с ней, Каныш и Жумаш держали лошадей за уздцы, чтобы бричка не сдвинулась с места. Брат Абсалям, сбросив верхнюю одежду, ловко орудуя вилами, сбрасывал в бричку чуть не полкопны. Первая копна мигом оказывалась в бричке. Но разворошенное сено, которого, казалось, было так мало в приземистой, низенькой, потемневшей сверху копне, дыбилось, не вмещаясь в бричку. Подходил дядя Шадет, влезал на бричку, утаптывал в сено, а в это время Абсалям вел коней к другой копне.

Теперь уже Абсалям подавал сено навильниками поменьше, чтобы дядя Шадет успевал укладывать воз, как нужно. А укладывать высокие возы сена дядя Шадет был мастер. Все в ауле хвалили его за это умение, а Жумаш был на седьмом небе и хвастался отцом. Канышу же казалось, что молодой, крепкий брат Абсалям мог бы легко научиться ровно укладывать возы, но этого он не делал нарочно, потому что старался выполнять то, что требует силы и выносливости. Каныш любил своего брата и верил в него. Возле второй копны Жумаш оставался у лошадей один, а Каныш гордый тем, что не бездельничает, бежал за ручными граблями, оставленными еще вчера на одной из копен. Сено вокруг воза по мере укладки осыпалось, и Каныш граблями подбирал его, поддавая под вилы брата. По мере перехода от копны к копне воз

Created by free version of 2PDF

становился все выше и при движении так качался, что, казалось, дядя Шадет вот-вот слетит, а сено свалится набок. Лошади уже тянут воз с натугой, что означает, что надо заканчивать укладку. Абсалям берет длинную жердь - бастрык, которая во время укладки влачилась за возом вместе со свернутой в узел и прикрепленной к бричке толстой веревкой - арканом из конского волоса, отвязывает его и подает дяде Шадету. Затем проталкивается между возом и лошадьми, находит прикрепленную там петлю и надевает на толстый конец бастрыка, поданного сверху дядей Шадетом. Каныш удивляется, что лошади не брыкаются и не трогают брата, хотя он подлез к переду брички, грубо толкая коней сзади. Он решает, что лошади боятся таких смелых людей, как Абсалям. Дядя Шадет, находясь высоко на трясущемся и качающемся возу, тянет бастрык назад. На свободный конец бастрыка, торчащий почти вертикально вверх, Абсалям ловко набрасывает веревку, хватается за свободно свисающий конец, с силой тянет вниз, задевает внизу за петлю и свободный конец довольно длинной веревки снова забрасывает на бастрык и слегка отпускает его. Дядя Шадет тянет бастрык к себе. Абсалям снова тянет веревку вниз, повисая на нем. Жумаш продолжает держать лошадей, а Каныш норовит помочь брату. Затягивание бастрыка повторяется несколько рад, пока Шадет не дает распоряжение завязать узел. Воз готов. Таким же образом укладываются и другие два воза.

Ребята порядком проголодались, и когда дядя Шадет раскрывает мешочек с баурсаками и, достав бурдюк, разливает в деревянные чашечки – тостаган кумыс, мальчики жадно набрасываются на еду. Потом карабкаются на воз и скрываются в ложбине, образованной бастрыком. За ними взбирается Шадет. Ехать на такой высоте, не боясь упасть, наблюдая далекие окрестности, и вдыхая приятный запах - одно удовольствие. Ребятам так и хочется побаловаться, пошалить, но они сдерживаются, ибо был случай, когда их бабаловство чуть не окончилось печально: Жумаш, давясь от смеха, неудобно повернулся и упал с воза, испуганные лошади вздрогнули, дядя Шадет еле удержал их. Благо, не выехали с мягких лугов, и Жумаш отделался легким испугом. Теперь они лежат рядом, блаженно и молча посматривая вокруг и изредка одаривая друг друга радостной улыбкой. Дядя Шадет затянул свою песню, мотив которой у него никогда не менялся. От выпитого кумыса, от мерной качки, от ароматного, пьянящего запаха сухих трав, от однообразной песни дяди Шадета ребят разморило, и они заснули. Проснулись только тогда, когда возы остановились возле скирды. Ребята быстро скатились с воза и побежали в аул, потеряв интерес

Created by free version of 2PDF

к дальнейшей судьбе привезенного ими сена, ведь, в ауле могло произойти много интересного в их отсутствие, и обо всем немедленно надо узнать у сверстников, оставшихся дома.

Зима... Снег... Наступила пора трескучих морозов. Аул в первые же морозы приступает к согыму - заготовке мяса на зиму. На улице перед двором стоят на привязи лошади, которых будут резать. Их только что отбили от косяков и привели зарезать именно в эти дни, позже они потеряют тело. Каныш беспокоится, почему их мучают, долго держат на привязи. Бокеш солидно объясняет ему, что перед тем, как резать, надо выдержать согымных лошадей день-два на холоде, на привязи, тогда сало не будет вываривать, и мясо будет вкуснее. У Имантая-аксакала всю зиму будут гости, да и большая часть аула кормится у него. Поэтому он отбирает не менее десяти лошадей. К этому надо прибавить баранов, отбитых от стада. Пастух точно знает, какая из овец плохо выдержит зиму, ту надо резать именно сейчас, пока не поздно. Правда, зимой баранина не так ценится, как конина, но пусть лежит. К весне, когда согым будет кончаться пойдет в ход баранина. Везде в зимовке дымят казаны, варится бешбармак из конины, жарится, щекоча ноздри аппетитным запахом, куырдак из лошачьих внутренностей. Люди в ауле в приподнятом настроении, ибо за лето и осень истосковались по вкусной и свежей конине.

У Каныша и его друзей одно из веселых развлечений в это время - катание на салазках. Крепкие и ходкие салазки только что сделал ему дядя Жамин, аул которого виднеется на склоне горки за Ащису, верстах в двух. Канышу так хотелось иметь свои салазки, что он два дня жил у дяди Жамина в ожидании их. Теперь с горки за двором дяди Дуйсембая можно катиться вниз далеко-далеко, до самых ледяных полянок Ащису. Правда, потом, ниже, санки замедляют ход и не так интересно катиться, но с самой горки, пока не поравняешься с хижиной дяди Дуйсембая, летишь птицей. Обратно же на горки надо забираться в обход.

...Однажды Каныш и Жумаш взобрались на горку. Каныш лег животом на санки, а Жумаш толкнул их и упал на друга сверху. Санки покатились, но у самой хижины дяди Дуйсембая Жумаш отлетел почему-то влево, а санки с Канышем повернули вправо и влетели прямо, в окно хижины, прорвав натянутый пузырь. Тетя Рукия с испугом вскрикнула, еле опомнившийся Каныш успел выбежать с санками обратно на улицу. Вслед послышалось какое-то нелестное громкое слово насчет байского шалуна. Каныш, сгорая от стыда, бежал домой без оглядки. Весь день он просидел дома. Даже отвернулся от пришедшего Жумаша. Тот молча постоял и ушел. Мальчик понимал, что означает

Created by free version of 2PDF

открытое окно зимой, когда в доме маленькие дети и считал, что совершил большой проступок. Он ожидал, что тетя Рукия скажет дяде Дуйсембаю, а тот пожалуется отцу. Но никто ничего не говорил, не уловил он осуждения и во взгляде отца. Порывался было сам признаться, но не посмел. Несколько дней он не катался на салазках, обходил при встрече дядю Дуйсембая, тетю Рукию и их детей. Потом он узнал, что тетя Рукия никому не жаловалась и в душе мальчика затеплилась благодарность к этой ласковой и доброй женщине.

Позже, повзрослев, Каныш узнал, что в их ауле только две семьи не принадлежали к их роду - это мулла Негметжан, который учил детей аулов Сатпая и дядя Дуйсембай, оказавшийся здесь по воле случая. Он был айдабульцем, близкие родственники по какой-то причине обидели его, и он, прослышав, что Имантай-аксакал - добрый, благородный и спокойный человек, попросил пристанища в его ауле. Дуйсембай и его жена Рукия были люди скромные и трудолюбивые, прижились в ауле и их никто не отличал от своих.

Юноша Каныш, приехав как-то на каникулы, зашел выразить почтение в юрту Дуйсембая. Тетя Рукия была одна, засуетилась, размешала и подала кумыс и тут же пошутила:

- Каныш*жан*, Каныш*жан*, спасибо, что зашел. А то, думаю, возьмет книжку в руки, задерет нос и пройдет мимо!

- Тате Рукия, как я пройду мимо, я ведь перед Вами в неоплатном долгу. Помните шалуна, который влетел на салазках к Вам в окно? Мне тогда так было стыдно, ведь у вас в ломе был грудной ребенок. Я боялся упреков отца. А вы никому так и не сказали.

- Каныш*жан*, о чем ты беспокоишься. Плохой человек помнит только, как его обижали. Хороший человек помнит, как кого-то он обидел и старается загладить свою вину. Это ты помнишь потому, что хороший человек. Но на самом деле твоей вины ведь нет. Ты был маленький и заскочил невзначай. Но мне приятно, что ты передо мной чувствуешь себя виноватым, нет-нет, да и вспомнишь старую тате! - засмеялась тетя Рукия. Каныш запомнил навсегда эти слова скромной, незаметной труженицы Рукии о том, что «плохой человек помнит только то, что его обижали, а хороший человек помнит, как кого-то обидел». С годами его все больше поражала редкая, пробивающаяся откуда-то изнутри мудрость многих неграмотных и темных людей. Он считал, что надо улавливать искорки этой мудрости и не пропускать ее мимо ушей.

Зима памятней всего своими длинными вечерами, когда, оставив хлопоты и заботы короткого дня, все после ужина собирались в комна-

Created by free version of 2PDF

те отца, садились у единственной в ауле керосиновой лампы (во всех других домах горели свечи на бараньем сале), и отец заставлял читать Бокеша нараспев поэмы - хисса о Козы-Корпеше и Баян-Сулу, о Кыз-Жибеке и Толегене, о Лейли и Меджнуне и многих других, живших в далеком и недалеком прошлом людях, чья жизнь, несмотря на их доброту и доблесть, состояла порою из страшных неудач. Многие из присутствующих утирали слезы. Каныш же, будучи мужчиной, стыдился слез и отворачивался. Он знал, наизусть, как и многие другие в ауле, трогательные судьбы героев, о которых читал Бокеш, и слушая снова, волновался. Иногда ему казалось, что вот-вот Бокеш будет читать о том, как изменились судьбы героев, как их врагов настигла заслуженная кара, и как люди, столь справедливые, добрые и смелые, наконец, достигли желанного счастья. Однако ничего подобного ему не удавалось услышать. По-видимому, то, что написано, напечатано, не могло измениться. Бокеш же, читая, иногда отрывался от текста и продолжал наизусть, поражая слушателей своей памятью. Слушая Бокеша, Каныш иногда мечтал о том дне, когда он сам станет читать, как старший брат. Его огорчало, что отец, несмотря на то, что Каныш уже знает многие буквы и умеет складывать некоторые из них в слова, не разрешал ему учиться писать, а еще более его расстраивало полное невнимание со стороны отца на его старания играть на домбре. А Бокеш уже играл на домбре так, что многое у него получалось не хуже, чем у отца. Откуда ему, маленькому, было знать, что отец и мать, ранее всех поняв, что Каныш растет способным мальчиком, очень боялись языка и глаза и старались, чтобы их любимый последыш - кенже, оберегаемый от всего зрачок их глаз, не поражал окружающих людей своим слишком ранним развитием. Отец, и в особенности аже Нурым, в этом отношении были очень суеверны. Они боялись быстрого развития Каныша.

Но подходило те время, когда маленький Каныш возьмет впервые в руки бумагу, карандаш, перо и книгу, и откуда было мальчику знать, что эти не очень привычные для степей орудия интеллектуального труда, занимая в его жизни все большее и большее место, выведут его на широкую дорогу царства разума и поставят в ряд с теми, чьих «дум высокое стремленье» причисляется к гордости народа.

Created by free version of 2PDF

Глава вторая

ОТ МУЛЛЫ К УЧИТЕЛЮ

Говорю тебе правду: не торопись женить сына,
обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого
заложить все свое имущество.
Абай

Аксакал сегодня в глубоких раздумьях. Его младший сын Каныш послезавтра должен пойти к мулле. Начинается для мальчика пора учения. Отводил аксакал к мулле в свое время старшего, приемного Абсаляма, не раз это повторял с племянниками - детьми Зеина и Жамина. Давно ли он пришел к мулле, держа за руку Бокеша, но ни разу не впадал в такие глубокие раздумья и так не волновался, как сейчас.

Каныш... Каныш... Он занимал особое место в сердце, при думах о нем отец терял душевный покой. А в последнее время его раздумья стали усиливаться от чтения стихов Абая, которые и сейчас лежат перед ним, аккуратно переписанные и переплетенные в тетрадку. Их прислал ему из Кереку (Павлодара) племянник Абикей. Уж такое свойство этих стихов - начни лишь читать, за каждой строкой волнами наплывают воспоминания, воскресает полузабытое, обостряется и сильнее бередит душу то, что волнует сегодня. Встречал он этого Абая лет десять назад в Семипалатинске. Подошел к нему среднего роста плотный человек, прямо смотря в глаза, подал обе руки и тут же, чеканя слова и слегка улыбаясь, пошутил насчет того, что каржасцы и тобыктинцы [7] - одного поля ягоды - оба рода постоянно избегают власти тюре - чингизидов, и что каржасцы в этом отношении более последовательны, чем тобыктинцы, поэтому ему приятно приветствовать видного представителя рода Каржас. Имантая поразило то, что этот человек не имеет даже тени той величавости в походке, в осанке, в жестах, которой бы должен обладать сын Кунанбая, руководитель одного из сильнейших родов Среднего Жуза. Еще более поразило и другое: в степях впервые встретившиеся именитые люди, уже достаточно наслышанные друг о друге, склонны остро поддеть собеседника, подчеркнуть свое мнимое или истинное превосходство. К этому располагало то, что Абай и Имантай были почти одногодки, и любые шутки между ними были бы уместны. Этот же человек, вместо ожидаемых уколов, высказал тонко и красиво похвалу всему роду Каржас. Не ожидавший

[7] Тобыкты - род, которому по рождению принадлежал Абай

Created by free version of 2PDF

такого оборота в этой встрече, Имантай как-то растерялся и не смог в ответ хотя бы похвально напомнить сыну о деяниях его знаменитого отца. Он пробормотал, как помнится, что-то мало внятное о вольнолюбии и гордости в степях, завещанных предками. На том разошлись и больше не встречались. Многие говорили об уме, находчивости и справедливости его, хотя аксакалы-заправилы не ставили сына ни в какое сравнение с отцом, одноглазым Кунанбаем, бывшим чуть ли не царьком, властвовавшим над степями от Семипалатинска до Каркаралинска. Они считали, что Абай уже растерял все то, чем возвысил род Тобыкты отец его Кунанбай, ибо стихи - не табуны, ими не подмажешь русских чиновников и не удержишь в узде своих же приспешников. И вот три года тому назад этот человек умер. Его мысли и речения, над которыми пробовали смеяться степные воротилы, расходятся теперь все шире и шире по степи, покоряя и старых, и молодых своей мудрой простотой и ясностью.

Читает аксакал стихи Абая и каждый раз сильнее чувствует, как кратко, точно и бесхитростно выразил Абай все, о чем не раз задумывался и не раз высказывал аксакал. Казалось, именно так и приходил к подобным выводам, а высказывал их, как теперь он начал понимать, многословно, велеречиво и неточно, придя в азарт от того, что слушали его, как правило, внимательно. Но что с того, что слушали, если в народе, даже не в народе, а хотя бы в ближайшем его окружении не повторяется ни в чеканных стихах (а ведь в стихах свои думы аксакал тоже пробовал выражать), ни в острых, кратких, точно бьющих в цель присловьях - поговорках мысль, высказанная когда-то Имантаем. А все оттого, что почти никогда он не находил таких емких, всегда уместных, и в те же время обыденных слов, как у Абая, мало того, чуждался их, густо оснащая свою речь умными назиданиями предков, блистательными, как казалось ему, извлечениями из Низами, Навои, Хайяма, многих других восточных мудрецов. У Абая же все поражает величавой простотой, проникновенной, легкостью и тут же запоминается. В словах, которые он применил, ни прибавишь, ни убавишь. Поистине, прав был поэт, когда говорил: «Как ни прекрасна мысль, но пройдя через уста, она бледнеет». И все же есть исключения. Мысль, проходя через уста таких, как Имантай, действительно, бледнеет, а проходя через уста Абая, сохраняет свою первозданную красоту и силу. Но как редки такие, самим аллахом избранные уста.

Абай, кочевавший в Чингизских горах почти рядом, его сверстник, не был при жизни понят Имантаем. Поэтому, встретившись однажды, он и не искал больше встречи с ним. И вот теперь, в двух строках умершего поэта он, старый Имантай, видит, как в зеркале, всю свою жизнь:

Created by free version of 2PDF

Бестолкова учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, да поздно. Вот он привал.

Учился Имантай, как теперь он понимал, действительно, бестолково. У муллы он научился читать коран, писать арабскими буквами письма на чигатайском наречии, ибо в те времена выражать свои мысли письменно чисто казахскими словами и речениями не было принято. Отец Сатпая не хотел, чтобы его статный, высокий, красивый, способный старший сын отставал от детей дома Шормана, так как считал, что он и его родичи менее преуспевают, чем люди дома Шормана, только потому, что вовремя не выучились русской грамоте. Отец втайне лелеял мечту, что именно они, потомки Шотика, наиболее видные люди из рода Жадигер, должны стать первыми среди каржасцев и айдабульцев. В конце концов на лбу Шормановых не написано, что они всегда и во все века должны главенствовать в Баян-Аульских степях. Честолюбивые мечты неграмотного аксакала не шли дальше. И когда однажды осенью Муса Шорманов повез старшего Садуакаса в Омск в азиатскую школу к двоюродному брату, Чокану Валиханову, служившему в больших чинах у царского генерала, Сатпай упросил взять с собой и Имантая. Эта просьба пришлась кстати, так как Садуакас тоже не хотел ехать без своего друга. Проучились они до весны, успевали неплохо, уже сносно начали разговаривать по-русски, но никак не могли привыкнуть к жизни города, в котором жил Чокан. Днем, когда он, не бывал на службе, дом всегда полон русских и казахов самого разнообразного вида и в самых разнообразных одеждах, начиная от тех, в каких хозяин уходил на службу, и кончая степными лисьими шапками и чапанами. У всех были какие-то дела, какие-то разговоры, для всех находил Чокан время. Молодым людям надо было за всеми ухаживать, встречать, провожать, помогать раздеваться и одеваться. Надо было быть под рукой и у жигита Чокана, постоянно суетившегося над приготовлением чая и явств, которыми дороватый хозяин всегда угощал своих гостей. А вечерами Чокан, переодевшись в просторный степной чапан, садился за книги, читал и одновременно постоянно что-то писал до поздней ночи, а иногда и до рассвета. А когда в иные дни ему удавалось пить чай вместе с Садуакасом и Имантаем, он весело шутил, спрашивая об их успехах и говорил, что надо учиться ...учиться долго и упорно, всегда, всю жизнь, тогда только станешь настоящим ученым человеком. Это удивляло юношей, ведь в ауле не слышали, чтобы любой ученый писарь или мулла учился так долго, как об этом говорит Чокан. Юноши сильно тосковали по степям, по родным, по любимым коням и собакам, им снились девушки, с которыми они встречались на

Created by free version of 2PDF

тоях и шильдеханах, вышитые платки-подарки, которых они носили во внутренних карманах у сердца. Словом, приехав весной на каникулы, Имантай больше в Омск не вернулся. Вся учеба его на этом закончилась. Но аллах дал Имантаю силы и рвение - он зимними вечерами продолжал читать самостоятельно, частью по-русски, а больше - по чагатаю и фарси, приобретая книги при каждом возможном случае и бережно их храня.

Оказалось, что знаний, приобретенных таким образом, достаточно, чтобы кичиться ими и хвастаться в степях. Опять же прав Абай:

Полузнайка - я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Можно, конечно, и малые знания употребить в добро на праведном пути, если строго придерживаться заветов аллаха и его пророка. Но верно ли он следовал заветам пророка? В этом аксакал сомневался. В молодости им овладело суетное желание быть в чинах, пока не понял, что бий, судья волости – верх того, что он может достигнуть. И слава аллаху, направившему на верный путь, ибо это, может быть, была единственная должность в степях, с помощью которой он мог, хотя бы частично, выполнить то, в чем клялся и клянется аллаху, неукоснительно совершая пять положенных намазов в день. Но как трудно, при таком алчном окружении, выдержать путь правды и справедливости. Все верят аллаху, но редко кто помнит заповеди пророка, находясь - на поводу суетных страстей. Как это у Абая:

Раздор из-за чинов, насилье, клевета,
Болезненная страсть к волненьям и заботам...

Слеп был Имантай в молодости. Не будь он слеп, познал бы могучий дух Абая при его жизни, в беседах с ним, стал бы почитателем и наперстником в его горестной духовной одиночестве. Да что говорить об Абае. Года два тому назад Садуакас показал ему толстую тяжелую книгу с портретом Чокана на заглавном листе. Это оказались сочинения Чокана, отпечатанные в далеком царском Петербурге. Те сочинения, над созданием которых он трудился ночами в Омске. А в начале книги большой русский ученый написал, что Чокан был на небосклоне науки ярко горевшей звездой, которая, к горечи всех, рано погасла. Вот какой это был человек. А ведь Имантай даже тогда, когда они с Садуакасом лет сорок назад сопровождали Жакипа Валиханова до самого Семиречья к людям Большей орды, чтобы поклониться праху его знаменитого брата и вывезти его жену, не знал, что представляет собой Чокан. Он считал, что Чокан знаменит только тем, что он бесстрашен, пробирался в таинственную страну Кашгарию, где режут людей, как

Created by free version of 2PDF

баранов, и вывез оттуда такие секреты, до которых до него не доискивался ни один чужестранец. Его больше всего прельщал мундир Чокана и волновало то, что такой необычный человек, царский офицер, приходится двоюродным братом по матери, жиеном Садуакасу. И этот второй самый мудрый человек степей встречался и прошел мимо невежественного, слепого Имантая.

И теперь сидит Имантай в думах о будущем, а будущее для казаха - это дети. И об этом точно сказал Абай: «Из людских отрад одну зовут - дитя. Обучение детей - наш долг прямой», на приемного сына Абсаляма Имантай махнул рукой - скромный человек, без способностей, без затей, будет плодить детей и жить на сатпаевских достатках, не убавляя и не прибавляя их, если тому поможет создатель. Растет Бокеш, да сохранит его аллах. Норовист и смышлен. Ему можно бы и учиться и учиться. А нужно ли нам, казахам, людям степей много и долго учиться? Таким, как Абай и Чокан, наверное, необходимо много, знать и много читать, ибо истинно учен тот, кто высечет из мудрости книг свою новую мудрость. А для чего много читать и много учиться таким, как Имантай? Кажется, немало книг прочитал и немало говорил по книжной мудрости, кому это пошло впрок? Кто за ним следует? Лишь одно утешение, что жизнь коротка, и ты на земле лишь гость, что все впереди, в потустороннем лоне всевышнего. Вечное блаженство ожидает того, кто верен заветам аллаха и его пророка, всеми помыслами теперь надо искупать то, что вошло в прегрешения от того суетного, мелкого и глупого, чем была полна жизнь. Надо чтобы дети твои молились над прахом твоим. Поэтому самое главное - научить детей произносить молитву всевышнему языком пророка, научить священным заветам правоверы. Молодец Бокеш! За два года учебы у муллы научился бегло читать по-арабски, знает наизусть многие суре из корана, может совершать сам все пять намазов, Словом, может теперь обращаться к аллаху словами самого пророка.

Казалось бы, надо способному Бокешу и другим детям аула Сатпая продолжать учиться, чтобы и дальше постигать основы учения пророка, чтобы стать в будущем таким богоугодным мусульманином, который озарял бы степи светом истинной веры. Для этого всю жизнь надо посвятить делу аллаха и святой веры.

Но тут мысли аксакала начали путаться. Глубже постигать учения пророка... Он не очень понимал, к чему должно сводиться такое постижение. Он не раз встречался с высшими служителями истинной веры: муллами, хазретами, муфтиями, получившими духовное образование в Бухаре, Ташкенте, Троицке. Не раз говорил с ними о вере, об

Created by free version of 2PDF

истине, заключенной в заветах пророка, но ни разу не получал ответа, который был бы ясен, прост и проникновенен. Казалось, даже, наоборот: им более учен слуга пророка, тем больше тумана в его рассуждениях, тем больше непонятен и непостижим он разуму мирянина. Это приводило его, Имантая, человека безраздельно и трепетно преданного аллаху и заветам его пророка, в какое-то смущение. Он смущался оттого, что никогда не находил убедительных, от сердца идущих слов в пользу духовного образования, кроме тех, затверженных, думалось ему, слов о необходимости каждого мусульманина воздавать хвалу создателю и его пророку, о необходимости молиться за прощение мирских прегрешений, о том, что для этого надо научиться произносить молитвы на языке корана.

Наоборот, когда речь заходила об обучении в русской школе, тут все было ясно и становилось на свое место. Он чувствовал, что русская школа дает конкретные знания, навыки к мирским профессиям, полезным для жизни. Аксакал сомневался в том, что человек степей в ближайшее время научится строить города, железные дороги, телегисамоходки, как это делают русские. Племянник Абикей и друг Чокана Потанин напрасно уверяют, что надо учить молодежь, чтобы она овладела этими диковинными для степей делами. Нет, аллах рассудивший поселить казахов в бескрайних степях, не скоро, наверное, даст им возможности постигнуть тайны русского ремесла, хотя Абай призывает всему учиться у русских. И все же аксакал был рад тому, что в ауле Шормана недавно открыли русскую школу, пригласили русского учителя. Теперь Бокеш пойдет в эту школу. Мулла Нигметулла ему уже не учитель: все, что он мог дать, мальчик уже усвоил. И как хорошо, что мальчик может учиться дальше, не выезжая далеко. Аксакалу казалось, что, если бы его отец, Сатпай, обладал хотя бы такой грамотой, таким кругозором, как Имантай, то этот сын прожил бы менее бестолковую жизнь, он был бы, возможно, способен оставить за собой хоть частицу тех непреходящих ценностей, какими щедро одарили своих соплеменников Абай и Чокан.. Если бы отец Сатпай не был в восторге от того, что сын его, Имантай, проучился чуть не целый год в Омске, и этим будто бы он постиг все премудрости русской грамоты, может быть, Имантай продолжал бы и дальше учиться в Омске. Неграмотному же отцу казалось, что его сыну уже учиться дальше некуда. Не мог неискушенный в учении аксакал знать, что истинная наука - дело всей жизни. И вот теперь Имантай не хочет, очень не хочет, чтобы его дети к старости пришли к тому же, что и он, старый их отец. Надо их учить. Но будут ли они учиться? Заложил ли аллах в их душу вечное, благо-

Created by free version of 2PDF

родное любопытство? Будет ли учиться долго и упорно Бокеш? Ах, Бокеш, Бокеш... Недаром говорят, что лишь отец может точно судить о достоинствах и недостатках сына своего. Способный, неглупый мальчик, но, по всему видно, если аллах даст ему здоровья и будет щитом от несчастий, вырастет он суетным и честолюбивым человеком. Долго и терпеливо не сможет учиться, поглотят его степное удовольствия и заботы, степная борьба за власть и влияние.

Вся надежда на младшего, на Каныжжана. Медлителен он и спокоен для своих восьми лет. Рассказывают, что вот так же медлителен и спокоен, даже немного вял был в детстве Абай. Но когда Кунанбаю один из его друзей, похвалив шустрых братьев Абая, тут же сказал, что из этого сопливого увальня толку, наверное, не будет. Кунанбай, говорят, ответил, как отрезал: «Вся надежда моя на этого увальня, он должен умом всех превзойти!» Имантай не считал себя таким проницательным, как отец Абая, Кунанбай, но все же имел большие основания надеяться, что Каныш вырастет не таким, как все остальные многочисленные внуки и правнуки деда Сатпая. Мальчик, казалось, был таким, как и все другие дети, целыми днями предавался ребячьим забавам, задавал старшим вечные вопросы: «Почему? Отчего?» Но он иногда по-взрослому морщил лоб и заводил такие разговоры, что пораженный Имантай-аксакал не хотел никому о них говорить, боясь языка и глаза.

– Отец, - обратился Канышжан недавно, когда они остались наедине, – Вы говорите, что мы - мусульмане, у нас правая вера.

Оттого у нас все начинается справа. Берем все правой рукой, надеваем шаровары с правой ноги, книги святые открываются справа. А почему мы на коня садимся слева?

– Потому что так удобнее, - ответил опешивший Имантай. - Если бы мы привыкли садиться справа, тоже было бы удобно?

– Да, сын мой, может быть, и так?

– Тогда необязательно, если неудобно, все справа делать?

– Да, сын мой!

– Аллах не рассердится?

– Думаю, не рассердится.

Получилось так, что разговор вел маленький Каныш, и получал он те ответы, которые хотел получить.

В другой раз мальчик неожиданно задел извечно тяжелые вопросы веры.

– Отец, мулла говорил мальчикам, что все, кто крестятся, кафиры, они не верят в аллаха и очень плохие, проклятые богом люди. Наш тамыр Андрей тоже не верит в аллаха и тоже очень плохой человек?»

Created by free version of 2PDF

- Нет, мой сын, аллах один. Тамыр Андрей верит в аллаха, но только неправильно, по-своему. К тому же ты знаешь, что он очень хороший человек.

- А если нехорошей веры, значит он все-таки кафир. Аллах его не должен любить?

- Нет, аллах его любит... Он когда-то ошибся, попал в нехорошую веру, а ошибки аллах прощает.

- Тогда мулла неправду говорит?

- Нет, мулла правду говорит, но ты это поймешь потом, когда станешь взрослым.

Имантай понял, что попал в ловушку, отвечая на наивные вопросы сына. Он чувствовал, что продолжение разговора не будет иметь более удовлетворительного окончания, и к тому же ему не хотелось подводить муллу, у которого вскоре сын будет брать уроки шариата. Он понимал также, что подобные разговоры не прибавляют ничего к его авторитету, и когда сын станет взрослее, сразу разберется, что старый отец, которого все в округе считают много знающим и толковым человеком, на самом деле немошен умом и оттого робок душою. Но этим и отличался мальчик от Бокеша и от всех других детей аула, и это понимал только один Имантай, другие же не обращали, да и не могли обратить на это внимания. Никогда никому не скажет Имантай о своем открытии и о своей уверенности в младшем сыне, но в сердце своем все помыслы обратит к тому, чтобы Канышжан учился сколько нужно. Единственного он будет бояться - что аллах заберет раба своего Имантая раньше, чем он увидит плоды учения своего младшего сына. Вот почему обычное для аулов и степных семей событие, когда очередной мальчик вместе со многими другими должен был быть отведен к мулле, чтобы научиться читать молитвы и обращаться к аллаху, так взволновало аксакала. Вот почему обычно скуповатый аксакал распорядился зарезать стригунка на той, а другого стригунка велел держать на привязи, чтобы мулла Нигметулла наложил на подарок в честь начала учения Каныша свою метку.

Утро. Каныш встал рано. Он возбужден. Сегодня начинается для него новая жизнь. Он идет к мулле учиться. Он научится теперь читать и писать не хуже, чем Бокеш. Вчера, в пятницу, в день мусульманского отдыха, дом был полон гостей. Аксакалы, насытившись вкусной жеребятиной и осенним кумысом благословляли маленького Каныша на подвиги в постижении мусульманской грамоты и учения пророка. Молодые в отдельной комнате затеяли веселые состязания и игры. Один жигит из соседнего аула пропел, аккомпанируя на домбре:

Created by free version of 2PDF

Сын большого отца Канышжан,
Тебе глубокий разум аллахом дан,
Будешь мудрым, сильным жигитом,
Начинай, Каныш, зубрить коран!

Все почему-то засмеялись. Смеялся и сам джигит, пропевший четверостишье. Мальчик так и не понял причину этого веселья.

Каныш, одевшись во все новое, специально сшитое для него (недаром аже Нурым с женой брата Абсаляма трудились несколько дней), уже давно не находит себе места в комнате, а отец спокойно и долго, как ни в чем не бывало, пьет свой утренний чай. Наконец, он приподнимает руки на уровень груди, раскрывает ладони, бормочет краткую молитву и произносит «Алла акпар», сводя ладони на лице, что означает - конец чаепития. Нигметулла приветствовал Имантая-аксакала перед своим домом. В передней, куда они вошли, с десяток мальчишек аула сидела на корточках и жужжали вразброд, читая и разучивая заданное. В дальнем углу сидел друг Каныша Жумаш, держа перед собой палочку, на которой был прикреплен листик бумаги. На бумагу эту Жумаш смотрел с испугом, не зная, что с ней делать. Мулла взял Каныша за руку, повел в передний угол к окну, близ толстого одеяла, на котором он, по-видимому, сидел сам, Каныш рванулся было в дальний угол к Жумашу, но мулла твердо удержал его и посадил на то место, к которому привел. Мальчик еще не совсем понимал, что мулла хочет отличить его, ведь он сын Имантая, бия и старшего в роду. Мулла проворно вернулся к дверям, помог аксакалу снять верхнюю одежду и повел его в другую дверь, ибо отпускать аксакала, не попотчевать с утреннего дастархана, не принято. Стоило мулле вслед за аксакалом пройти в другую комнату, как все расслабились, стали смотреть по сторонам, но продолжали жужжать, умело имитируя, то, что должно быть в присутствии муллы. Брат Карим вдруг бесшумно поднялся и точь-в-точь показал, как мулла встречал дядю Имантая. Это развеселило Каныша, хотя, то, что потом последовало, Канышу не понравилось. Один из мальчиков, не выдержав, было засмеялся, Карим быстро подскочил, грубо дернул его за нос вниз, чтобы тот продолжал «читать», ибо дверь горницы оставалась полуоткрытой. Канышу не понравилось, что Карим в отсутствие муллы чувствовал себя хозяином этой комнаты: одному дал подзатыльник, другого дернул за ухо. Каныш удивился, что оба мальчика восприняли такое наказание как должное. Карим подступился было к четвертому, но тот приготовился к отпору, и Карим, поняв, что уже заходит далеко, как ни в чем не бывало, сел на свое место, будто почувствовал, что возмущенный Каныш вот-вот

Created by free version of 2PDF

вцепится, защищая обиженных и поднимет шум. Карим на самом деле опасался этого, - не раз пробовал подчинить этого медлительного сопляка своей воле, но мальчик молча переносил побои сильного Карима, ни шагу не делая навстречу его желаниям. Карим, наконец, перестал трогать его, боялся, что его поведение станет нежелательным примером для тех, которые безропотно ему подчинялись. Каныш, обычно спокойный, был на самом деле возмущен. Его детское сердце не выдержало, когда он заметил, как и без того оробевший Жумаш, видя, как хозяйничает Карим, и вовсе сжался в какой-то жалкий комочек. Он сразу понял, что поднимать шум в этой комнате не положено и молча поднялся было, чтобы одернуть зарвавшегося Карима, как вдруг увидел раскрывшуюся дверь и выходящих отца и муллу. Имантай-аксакал не стал, по-видимому, задерживаться за гостеприимным дастарханом хозяина, так как пришел с утреннего чая.

Мулла вернулся, его лицо стало беспристрастным и суровым, сел на свое место, оглядел рьяно трудившихся учеников и вдруг, увидев Каныша, спохватился, приподнялся и достал из-под одеяла, на котором сидел, тонкий таловый прут, пригрозил, видимо, по привычке, ученикам и положил рядом с собой; потом еще раз приподнял одеяло и вытащил листок бумаги, прищемленной к раздвоенному концу палочки: точно такую палочку в дрожащей руке держал Жумаш. Каныш взял эту палочку с листком, он знал, как ее держать, так как не раз заглядывал в окно дома муллы. «Бисмилла иррахман иррахи-им» - развернул ладони перед собой мулла. Проворно развернули ладони и ученики. «Положите рядом!» - это, видимо, относилось к новичкам, которые не знали, что делать с листком на палочке». «Бисмилла иррахман иррахим!» - повторил мулла и свел ладони на лице. Ученики повторили то же. Все поняли, что это «бисмилла» относилось к началу учения раба божьего Каныша, сына Имантая. Каныш уже знал, что на листке нарисованы буквы алиппе, но что алиппе означает по-казахски переиначенные первые буквы арабского алфавита алиф-би, Каныш, конечно, понял позднее. Правда, он уже давно усвоил от Бокеша, что палочка, нарисованная торчком на правом верхнем углу листка называется алиф. «Почему она, эта палочка, называется алиф?»- спросил он как-то у Бокеша. «До чего же ты бестолковый, -ответил тот, - да потому что тебя зовут Каныш, а меня Бокеш, лошадь называют лошадью, а барана -бараном!».

Все ученики, кроме Жумаша и Каныша, были второго и третьего года обучения, а некоторые даже четвертого, так как не усвоившие то, чему учил мулла, могли учиться до тех пор, пока мулла не увидит, что продолжать безнадежно. Они все учились уже по книжкам: одни дер-

Created by free version of 2PDF

жали тоненькую книжку «Иманшарт», другие - потолще «Ап-тиек», а Каныш и еще один мальчик читали толстый коран. Все эти книги изучал Бокеш, и Каныш хорошо усвоил их названия.

Учение Каныша и Жумаша началось просто. Мулла сказал: «Алиф. Повторяйте, Каныш, Жумаш, за мной, а вы потише учите!» - обратился он к остальным ученикам. «Алиф!» - повторил Каныш и Жумаш. «Повторяйте, продолжайте!» «Алиф» Алиф!» - забормотал Каныш и Жумаш. Канышу вначале это показалось интересным, и он от удовольствия даже закрыл глаза. Они уже не помнили, сколько они бормотали, у них сводило ноги, мало привычные к сидению на корточках. К счастью, мулла несколько раз выходил ненадолго, за это время ученики успевали немного размяться. В один из «перерывов» Карим вскочил, сел на место муллы и, подняв лозу, сказал: «Каныш, Жумаш, повторяйте за мной!» Все прыснули, еле сдерживая громкий смех. Мулла, входя, заметил, что Карим в его отсутствии не сидел на своем месте. Он проворно взял лозу и молча стегнул Карима по спине, тот слегка поморщился и тут же, как ни в чем не бывало, принялся бубнить свой коран. Видимо, это было для него не впервые. Каныш вздрогнул, пошевелил плечами и спиной, как будто лоза прошлась по нему, и по-взрослому подумал, что не стоит баловаться, если возможно такое унизительное наказание.

«Ну как, выучил?» - обратился мулла к Канышу. «Я эту букву . знал давно!» - ответил Каныш. «Я тебя не спрашиваю, знаешь или нет, я тебя спрашиваю, выучил или нет?» «Выучил. Алиф-...Алиф...»- забубнил Каныш, усиленно повторял за ним Жумаш. «Теперь вторая буква - би, - сказал мулла, - учите: алиф, би, алиф, би!» «Алиф -би, алиф - би», - забормотали Каныш и Жумаш. Такое бормотание продолжалось до вечера с перерывом на обед. Перерыв показался очень маленьким, хотя Каныш, быстро поев, успел поиграть в асыки. После первого же дня учебы у Каныша пропало желание заниматься у муллы, но он знал, что никому не может этого сказать, кроме своего друга Жумаша. Тот совершенно потерялся, когда однажды Каныш заговорил с ним о том, как неинтересно учиться, но что все равно верным сынам аллаха необходимо, несмотря ни на что, брать уроки у муллы (он повторял не раз слышанное дома), Жумаш угрюмо замолчал. Больше Каныш с ним на эту тему не заговаривал.

Мулла каждый день прибавлял по букве, разучивание сводилось к повторению названий всех букв, которые выучены до этого, с прибавлением названия новой буквы: «Алиф - би -ти!», «Алиф - би -ти - си!», Алиф- би - ти - си - жум!» Всего было 29 букв. В первый же месяц Ка-

Created by free version of 2PDF

ныш выучил все буквы со своего листка и без запинки называл букву; на которую мулла указывал на его листке. Жумаш безнадежно отстал от него. В его голове названия разучиваемых букв в результате выбранной муллой методики обучения превращались в ежедневно удлиняющееся одно слово, и выбор из него какого-то коротенького обрывка, соответствующего именно той букве, на которую указывал мулла, представлял для него страшную трудность. Он терялся и выпаливал более длинный, чем нужно, обрывок. Мулла указывал «ти», Жумаш же говорил: «ти-си», мулла указывал на «ре», Жумаш же называл: «ре-зисын!» Мулла поднимал угрожающе свой прут, Жумаш сжимался, на глаза навертывались слезы. К чести муллы Нигметуллы нужно сказать, что он, хотя угрожающе и поднимал прут, но, будучи по природе добрым человеком, за незнания, как правило, не наказывал, если не видел, что это результат нарочитых шалостей. Жумаш же был смирным мальчиком.

Канышу было жалко своего друга, и, когда они оставались вдвоем, он фантазировал перед ним, вычерчивая палочкой буквы на полянке, где они обычно играли в асыки.

– Все начинается с этой палочки «алиф». Алиф - волшебная палочка, она как бы живая, захочет, может стать любой другой буквой. На услужении у нее ее нокеры, как у хана или султана. Нокеры - это точки, которые мулла называет нокат. Вот она справа, в углу, торчком, одиноко стоит, и мы ее называем алиф. Теперь смотри, какие она, эта палочка, будет чудеса вытворять. Легла на бок, вытянула концы, чуть загнула их вверх, шагнула к точке - нокат, а нокат тут как тут под ней. Теперь она уже не «алиф», а гордый «би». У нее, видишь ли, на услужении нокат появился, она стала бием, господином. Может жить, лежа на нокате. Но лежать так долго она не может, ее тревожат враги. Смотри, перебросила нокат через себя наверх, призвала на услужение еще один нокат, и теперь уже говорит врагам своим: «ти!» - попробуй, тронь! Она, видишь ли, оттого осмелела, что у нее, у лежащей палочки с загнутыми вверх концами, два ноката сверху на защите. Хоть и грозила, но ее, дурочку, видать, страх обуял, призвала на себя третьего ноката. Получился, смотри, конфуз, смех. Придавили ее, палочку, три ноката, говорят:

«Си!» - «Помочись», вроде бы легче станет. Хоть и конфузная, но новая буква. Палочка-то наша не простая, разозлилась она дерзости нокатов, окинула их, встала торчком, верхний конец угрожающе загнула назад, влево, а снизу стала полукругом выгибаться, кончик выдвигая вправо, чтобы сдавить предерзких нокатов, но они стали разбе-

Created by free version of 2PDF

гаться и в полукруге остался лишь один, робкий и послушный. Теперь уже «жум» – «сожми», то есть сожми в кольцо, но поскольку два ната сбежали, а последний струсил и сбегать не собирается, в кольцо снизу палочка не стала сжиматься, и осталась полукругом, полукольцом. И напрасно, смотри, нокаты одурачили: «хи!» – хи-хи-хи! – смех. До это теперь уже новая буква.

Жумаш был поражен: надоевшие из-за ежедневной зубрежки, неживые неприятно мельтешившие перед глазами каракули разнообразной формы, называвшиеся буквами, вдруг ожили, приобретая интересный, увлекательный смысл. Эти вызывавшие смятение в его робком мозгу 29 завитушек с точками свелись вдруг всего лишь к волшебным превращениям одной и той же хитро вывертывающейся, выкручивающейся, взвивающейся палочки-змеи и трех нокатов, исчезающих и выскакивающих по ее воле. Особенно ему стало смешно, когда палочка легла на спину, в правой половине выкинула вверх две торчащие петельки, чуть загнула вверх же правый кончик, а левой частью выгнулась в большое обратное коромысло и назвалась ни с того, ни с сего «сын» - ломайся. Чего уж тут ломаться, когда вся перекрутилась! Стало еще смешней, когда переломилась в середине и превратилась в скромный уголочек с торчащими вверх в разных направлениях по сторонами и назвалась длинней всех: «ламалип». Маленький Каныш не знал и не ведал, как его разыгравшаяся фантазия помогла другу, быстрее отличить буквы арабского алфавита и запомнить их названия, как впервые в жизни преподал уроки занимательного, образного, популярного, понятного изложения трудно воспринимаемых с первого раза условных понятий и обозначений, с познания которых начинается постижение научных истин. Он не знал и не ведал, что мозг его обладает особым природным умением воспринимать новое в сопоставлении, в сравнении со смешанным, выделенным, вычитанным до этого, редким даром легко разгадывать суть нового и передавать, пересказывать понятое и усвоенное в живом, образном отражении, и что теперь вся его жизнь будет сводиться к тому, что он ранее и быстрее других постигнет жизненные и научные истины и с душевной щедростью творца будет одарять ими других, возбуждая у всех, кто к нему будет прикасаться, постоянное любопытство, вечный интерес к жизненным проблемам, к новому и неизведанному. Он не знал и не ведал, наивно выкладывая нехитрые ассоциации, сложившиеся в детском мозгу, другу Жумашу, что этим самым он стал выше на голову своего муллы Нигметуллы, чей окостеневший ум ни разу не осмелился выйти из пределов нелепо-примитивной зубрежки, которую он считал раз навсегда

Created by free version of 2PDF

установленным от самого пророка методом обучения и которая у бесчисленного множества детей в степях безнадежно и навсегда погубила живые ростки, тянувшиеся к свету, к знаниям.

Освоение арабской азбуки алиппе между тем продолжалось. Оказалось, что выучить названия букв - это еще только начало, цель заучивания детям была недосягаема, а в городе говорили, что это делается муллами для того, чтобы размягчить язык и сделать его достаточно эластичным и гибким, чтобы четко произносить трудно выговариваемые слова корана. Все 29 букв арабского алфавита, кроме буквы алиф, были согласными. Имелись знаки (короткая черточка, запятая), которые нужно было расставлять вокруг буквы, чтобы данная согласная произносилась совместно с соответствующей гласной: би, ба, бо, бу; ти, та, то, ту и т.д. Но почему-то надо было заучивать не просто эти слоги, а прилагая к ним соответствующее слово: бисин би, бисин-ба; тисин-ти, тисин- то и т.д. Подобная зубрежка продолжалась утомительно долго, так как каждая согласная произносилась столько раз, сколько было приставленных к ней гласных и количество разучиваемых букв и знаков увеличивалось в несколько раз. Произношение каждой согласной могло быть мягким, сдвоенным, и на это были знаки, называемые санин и таштит. Словом, волшебная палочка - змея Каныша продолжала видоизменяться, приобретая все новые формы произношения, в зависимости от того, какой дополнительный знак стоит сверху или снизу. В три месяца Каныш знал все это наизусть; Жумашу приходилось трудно, он отставал: уже наступила весна, а он все еще продолжал разучивать аллиппе. А Каныш уже перешел к слитному чтению, легко поняв на примере восьми надуманных, не имеющих смысла словах абжада (абжад, хауаз, хутти и др.), как складываются арабские буквы в слова. Это был незабываемый, упоительно-интересный момент. И все же ощущение счастья у него было неполным: ему было жалко Жумаша. На него не производило впечатления то, как разученные ими буквы складываются в живые, обычные и необычные слова, причем, смотря по занимаемому месту, слова видоизменяются. Например, попадая в середину слова, буквы от тесноты, не сжимаются, а, как убегающие ящерицы, оставив хвост, когда на него наступишь, срезают, сбрасывают головку и хвост, оставляя лишь среднюю часть - тело. Зато как был рад Каныш, когда в начале следующего года Жумаш стал соображать в чтении, находя буквы в печатных словах и понимая, почему они, примыкая в определенном порядке друг к другу, образуют слова. Он уже безошибочно узнавал в изуродованных обрубках, находящихся в середине слова, первородную букву.

Created by free version of 2PDF

- Каныш! - строго обращается мулла. Мальчик прикладывает ладонь правой руки к груди и почтительно склоняет голову. Ты - мусульманин.

- Альхамдилалла (слава богу), я - мусульманин.

- Я сомневаюсь, что ты мусульманин.

- Вы сомневаетесь, но у меня есть доказательства.

- Какие доказательства?

- Бог един, а Мухаммед его пророк.

- С каких пор ты мусульманин?

- Со времен альмисаха...

- Что означает альмисах?

- Это означает - с сотворения человека...

- Делами имана мусульманин...

- А что означает иман?

- Иман означает истинная, проникновенная преданность и осознание, что аллах един, а Мухаммед свят.

- Ты чей раб?

- Я раб единого аллаха...» Так начинался «Иманшарт», который наизусть читали сегодня мулла и его ученик Каныш. Эта маленькая книжка была дорога для мальчика: по ней он впервые понял, что может читать и любую другую, написанную арабскими буквами. Он любил эту книжку, несмотря на нелепое, совершенно не располагающее детскую душу содержание ее. Брошюрка эта повествовала о том, что должен делать мусульманин, чтобы стать истинно правоверным, возвысив свою душу иманом, оттого и называлась «Иманшарт» (условия истинной преданности аллаху) - условия стать истинно преданным аллаху и его пророку Мухаммеду. Она была составлена из вопросов и ответов, которые каждый правоверный должен был выучить наизусть. Вначале вопросы и ответы сводились к тому, чтобы утвердить учащегося в том, что он истинный мусульманин, верует одному аллаху и следует заветам его пророка. Вопросы задавались многократно и ухищренно, а ответы сводились к тому, что отвечающий - раб аллаха и не имеет сомнений в своей вере. После установления подобным способом незыблемости веры учащегося в аллаха и его пророка, в вопросах и ответах излагались условия, которые должен соблюдать мусульманин, дабы не сойти с пути истинного: детально описывались порядок совершения намаза и предполагаемого к каждому омовенья, условия мусульманского поста-уразы, оговаривались систематические жертвоприношения со стороны каждого правоверного на altарь истинной веры и др. Странно звучала эта книжка при устном чтении. Большинство слов и

Created by free version of 2PDF

предложений, кроме тех, которые были прямыми извлечениями из корана, было понятно по смыслу, но казалось, что книжка нарочито ломает, коверкает, переиначивает родной язык, чтобы он звучал необычно и этим удивлял читающего. Маленький Каныш не знал, конечно, что «Иманшарт» в основе составлен на мертвом чагатайском наречии, на котором нигде никто уже не говорил, но почему-то считалось, что для таких божественных книг, подобных «Иманшарту», оно более подходит. Канышу так хотелось иногда задать вопросы.по содержанию «Иманшарта», но мулла строго предупредил, что обсуждать святые писания - большой грех, их надо знать наизусть и исполнять.

На втором году обучения Каныш, выучив наизусть «Иманшарт», перешел на новую книжку, называемую аптиек. Мулла разъяснял, что аптиек - это ключ к чтению самого корана, потому что «тиек» по-казахски ключ. Мулла, по-видимому, не знал, что аптиек на самом деле по-арабски означает один из семи, ибо апта - семь, ап - один, Эта книжка содержала отдельные, отобранные суре (главы) корана и представляла собой брошюрку в одну седьмую часть книги пророка. Аптиек читался нараспев, арабские слова его были совершенно непонятны, переводить и толковать их не разрешалось. Мулла следил за произношением, за напевностью и благозвучием голоса. Некоторые суре из аптиек разучивались наизусть, например, такие, как «Ясин», «Хулхуалла» и др. Это означало, что Каныш уже мог сам прочитать молитвы на могилах предков за упокой души их, прославляя аллаха и его пророка.

Каныш был безмерно горд, когда он впервые сам прочитал молитву на могиле предков. Они с аже Нурым пошли в большой аул и, возвращаясь, свернули к родовому кладбищу. Это случилось каждый раз, когда они ходили в большой аул, где жили семьи младших братьев Имантая - Жамина и Зеина. Аже Нурым, подойдя к кладбищу, почтительно садилась неподалеку и начинала шепотом читать молитву. Каныш тоже садился рядом и дожидался, пока мать поднимет ладони и после кратких завершающих слов молитвы сомкнет их на лице. Задача Каныша заключалось в том, чтобы проделать то же, что и аже Нурым. В этот же раз аже Нурым неожиданно обратилась к нему: «Канышжан, прочитай «Жасын». Ты теперь у нас взрослый, много молитв знаешь!» Молитва называлась «Ясин», а не «Жасын», аже произносила неверно, но мальчик понимал, что аже все равно не сможет произнести это слово правильно. Он сел накорточки, сказав «Бисмилла!», по-взрослому провел ладонями по лицу сверху вниз, положил их на колени и стал нараспев читать молитву. Было морозно, аже, видимо, стала дрогнуть,

Created by free version of 2PDF

сидела беспокойно, снег под ней поскрипывал. Маленький же сын, войдя в азарт, закрыл глаза, как будто прислушиваясь к своему напевно воркующему голосу. Он читал нараспев, не зная смысла того, что читает, но зато был твердо уверен, что так угодно аллаху, пророку, аруахам (духам предков), и им все понятно и приятно. Ему казалось, что его предки (дед Сатпай и другие) внимательно слушают и сердятся таким грамотным и набожным наследником их дел. Аже Нурым впервые узнала, что «Жасын» такая длинная молитва, она не ведала, что все другие, кто читал при ней «Жасын», либо не знали его полностью, либо нарочито, смотря по обстоятельствам, укорачивали. Мать и сын вернулись домой счастливые и радостные, удовлетворенные исполненным долгом перед аруахами, духами предков.

Где-то в зиму второго года обучения мулла велел принести из дому коран. Узнав об этом, Имантай-аксакал радостно встрепенулся (даже Бокеш так быстро не справился с Аптиеком!), хотя внешне не изменил привычной степенности, когда Нигметулла пришел поздравить его с таким знаменательным и радостным событием. Переход к чтению корана считался действительно большим событием в аульной жизни. Ученики аульных мулл вообще редко доходили до корана, а если доходили, то где-то на четвертом и пятом году обучения. Бокеш – самый способный мальчик из тех, которых обучал мулла-Нигметулла, и тот перешел к корану к началу третьего года обучения. Имантай-аксакал не мог не отметить такую важную веху в жизни своего младшего сына, да и прибавление в семье еще одного, умеющего читать коран, было благим знамением перед аллахом. Снова были созваны гости, снова было шумно в доме Имантая и его старшего сына Абсаляма. Несколько дней подряд приезжали к Имантаю аксакалы из соседних аулов с поздравлениями и пожеланиями здоровья и дальнейших успехов его сыну Канышу.

– Бокешжан шел-шел за мудростью справа налево да запутался, пришлось распутывать - пошел обратно слева направо и, слава аллаху, за три года вернулся, правда, в голове ничего не осталось - все распуталось и улетело... Теперь Канышжана надо распутывать, но этот брат не скоро вернется - он не такой торопкий, как Бокешжан. Смотри, Каныш, совсем не застрянь! - сказала не лезшая за словом в карман сестра Газиза, заканчивая свою ехидную речь в рифму, когда стало известно, что отец собирается вести Каныша в соседний шормановский аул в русскую школу.

– Перестань болтать... Путать - распутать. Разве такое говорят перед началом благого дела...Бокешжан, слава аллаху, все мудрости по-

Created by free version of 2PDF

стиг - читает и пишет и по-своему, и по-русски, коран лучше всех в ауле читает... И Канышжан, дай аллах ему здоровья, выучится не хуже...- строго прервала свою чересчур смешливую дочь аже Нурым.

Когда пересказали слова дочери Имантаю-аксакалу, он внутренне улыбнулся - не передалась детям молчаливая суровость отца, все они были в покойную Алиму: не упускали случая сказать острое слово. И ведь вправду получается так: мулла учил детей небесным мудростям, угодным душе каждого мусульманина, а русский.учитель возвращал их обратно на землю, обучая грамоте, необходимой в обыденной жизни... Но на одно не обратил внимания аксакал в случайно оброненной шутке дочери, на то, что на этом «обратном» пути хождения за мудростью его младший сын действительно застрянет и застрянет на всю жизнь...

Новый мулла, к которому привел Каныша отец, был знаком давно. Это был Гриша, который часто заезжал в аул, балагурил со сверстниками, оставался на угощение, сопровождая все свои действия шутками на ломаном казахском языке, потому что он был ногаем, татарином. До Гриши Каныш знал лишь одного ногая - бакалши (бакалещика) Нурислама, разъезжавшего летом по аулам. Обычно дюжий и смирный гнедой конь, неторопливо таща за собой широкую телегу, на которой удобно разместились хозяин и большой кованный сундук, останавливался в самом котане - середине площадки перед юртами. Это был праздник для аула: все сбегались, устремляя глаза к раскрытому сундуку, полному разнообразных и разноцветных мелочей, приобретение которых для аульчан было давно желанной мечтой. Девушки тянулись к лентам, туалетному мылу и одеколону, женщины - к иголкам, гребешкам, ниткам, пуговицам. Каныш и его друзья были счастливы конфетами мампаси (монпасье), которые они сосали с перерывами, вынимая периодически изо рта и бережно сжимая в грязных ладонях, чтобы растянуть наслаждение. И все же раскупалось не очень много: не у всех имелись деньги на такие приобретения. Это было видно по печальному лицу Нурислама, когда он молча заходил в ближайшую юрту, пил чай и кумыс и отправлялся в следующий аул.

Этот новый ногай, учивший Бокеша писать и читать слева направо – маленькому Канышу показался странным. В том, что он действительно ногай, мальчик не сомневался: Гриша многие казахские слова произносил точно так, как бакалши Нурислам. Но ему было непонятно, почему этот ногай носил такое же имя, как младший сын тамыра Андрея. Нурислам же – казахское, мусульманское имя, недаром бакалши - ногай, приезжая в аул, не забывал совершить положенные намазы, прочитать по усопшим молитву. Гриша же к мусульманским молитвам

Created by free version of 2PDF

относился как русский: он сидел безучастно, когда все раскрывали перед собой ладони, вознося аллаху слова корана. Отец пояснил, что Нурислам - мусульманин, правой нашей веры, а Гриша - русской веры.

- Почему русской веры? Он продался кафирам, он – плохой человек?

- Нет, он неплохой человек. Давным-давно его предков насильно заставили перейти в русскую веру...

- Почему он не вернется к нашей правой, хорошей вере?

- Потому что нельзя, он не лучше своих предков...

- А кто насильно заставил менять веру? Русские? Значит, это плохие русские, не такие, как наш тамыр Андрей?

-Да, заставили насильно. У каждого народа имеются и плохие, и хорошие люди. А вообще, все насильники - плохие люди.

Этот короткий разговор навел на беспокойные размышления и сына и отца. «Все насильники - плохие люди». Ему стало до слез жаль и Гришу, и его предков, которых большие рыжие люди в кольчугах, вооруженные ружьями и мечами, били и заставляли купаться в ледяной воде и затем креститься. О том, что кафиры перед тем, как крестить, купают человека в холодной воде, он слышал недавно: мулла Нигметулла толковал перед своей юртой аульной молодежи о жестокостях крещеных, которые даже младенца, чтобы он остался на всю жизнь кафиром, окунают в ледяную воду. А потом стало жалко и себя: не далее, как вчера брат Бокеш избил его за то, что он, замечтавшись, прозевал мяч, и команда брата проиграла. Почему родной ему человек такой насильник, неужели он будет, когда вырастет, плохим человеком? Отца же привел во внутреннее замешательство наивный вопрос сына о выборе веры. На самом деле, если наша вера правая, если она праведнее, справедливее и более угодна богу, чем вера крещенных (аксакал к тому же не знал, что, кроме этих двух вер, существует еще много других), то почему, например, такой разумный человек, как Гриша, сам добровольно не вернется в веру предков? Тем более, как он рассказывал, у него много родственников-мусульман... Почему обязательно необходимо насилие? Ведь по преданиям, и наши предки не были испокон веков мусульманами, а стали ими под угрозой силы? В смятении он отгонял от себя мысль, что все веры в своей сути одинаковы и придуманы, может быть, для того, чтобы люди вечно враждовали между собой. Ему казалось, что эти неправедные, крамольные соображения ему нашептывает шайтан, вкладывая в наивные уста невинного мальчика-саби такие беспокойные вопросы. В то же время аксакалу приятно было находить все новые подтверждения своей, тайной уверенности

Created by free version of 2PDF

в необыкновенных задатках младшего. Он знал хорошо, что способности, дарованные природой, могут стать в одинаковой степени причиной как счастья, так и несчастья. Аксакал молил аллаха, чтобы его Канышжана сопровождало счастье на жизненном пути.

Когда отец привел Каныша в школу, мальчик пришел в сильное волнение: перед ним стоял не тот, одетый по-степному, обыкновенный и простой Гриша-агай, не раз ласково гладивший его по головке, а кто-то похожий на того урядника, которого он видел на ярмарке в Баянауле и которого, как он замечал, все боялись. Откуда было ему знать, что учитель считался государственным служащим и на службе обязан был носить форменный мундир. От волнения мальчик, не обратил внимания на то, как сидевшие за партами 10-12 учеников при входе их поднялись с места и сказали: «Здравствуйте!» Не слышал, что говорили между собой Гриша и отец, и не заметил, как последний ушел. Новый ученик пришел в себя только тогда, когда Гриша-агай, со знакомой ласковостью погладив мальчика по голове, усадил его за парту.

Каныш был поражен всем, что произошло в этот день. Началось с того, что отец повел сына не прямо в школу, которая, как рассказывал брату Бокеш, находилась в доме другого внука Шормана -Жаржана, а почему-то в дом Садуакаса. Отец, правда, пояснил, что этот аксакал является главным старшиной по русскому обучению детей и обязательно надо принять его благословения - бата, Садуакас благословил мальчика так, как умеют благословлять, давать бату, все аксакалы степей, направляя молодых на новое дело. Только закончил аксакал свои пожелания необычно: «Пусть Канышжан станет разумен и учен, как Афлатон». Слово «Афлатон» показалось мальчику звучным и - красивым, он запомнил его и как только вышли от Садуакаса, спросил у отца, что оно означает. Отец ответил, что это имя великого мудреца, жившего давным-давно.

В степях в те времена главным учителем был мулла, и поэтому всех, кто учил, называли «муллами». У нового муллы Гриши-агая все было по-иному, чем у старого Нигметуллы. Эти длинные столы-парты, за которыми занимались ученики, такие длинные скамейки, на которых сидели по трое. Мальчик, два года просидевший на корточках перед муллой, сразу оценил удобства парты, а когда перед ним Гриша-агай положил остро очинённый карандаш, тетрадь-и новенькую книжку с затейливыми рисунками, ощутил прилив радости, запомнившейся ему на всю жизнь. Хотя такую книжку и тетради он видел у Бокеша, но когда Гриша-агай положил их перед ним, лично для него, это вызвало совсем другое ощущение. Гриша-агай велел листать книгу и смотреть

Created by free version of 2PDF

рисунки: и книга, и рисунки были знакомы, но он усердно листал ее, потому что теперь это была его книга. Новый мулла продолжал заниматься с другими учениками. Листая книгу, мальчик прислушивался к тому, как ведет себя Гриша-агай с учениками. Он ничем не напоминал муллу Нигметуллу: не грозил никому ни словами, ни розгой, но каждый, кого он спрашивал, вставал. Многие отвечали ему совсем непонятно для Каныша, то есть полностью по-русски, а другие, еще, по-видимому, недостаточно освоившие, отвечали и по-русски, и по-казахски, поясняя смысл сказанного по-русски на родном языке. Когда Гриша-агай обратился к новому ученику, тот сидел, радостно и восхищенно смотря в лицо новому мулле. «Каныш, когда я к тебе обращаюсь, ты должен вставать, - сказал он ласково, видя, что мальчик и не думает подниматься с места. Сразу же запомни, что я не мулла, а мугалим. Можно меня называть, как и раньше, Гриша-агай, но правильнее Григорий Васильевич. Повтори». «Грыгорбаси-лиш». Кто-то из мальчиков прыснул, но сразу утих под строгим взглядом Гриша-агай. «Ты неправильно произнес, - сказал Гриша-агай, – это потому что ты не русский. Я не казах и, хотя знаю казахский язык, произношу слова на татарский лад. Я стараюсь научиться произносить казахские слова правильно, но я - взрослый, у меня язык уже затвердел, и мне трудно, а ты молодой, у тебя язык гибкий, ты по-русски научишься говорить быстро. Бокеш говорит правильно, учись дома у него».

Каныш знал, что он теперь будет учить русские алиппе, и приготовился к нудному разучиванию, которое запомнилось от муллы. Но ничего подобного не случилось. Гриша-агай написал на доске мелом кружочек, сбоку справа поставил вертикальную палочку, касавшуюся кружочка, чуть загнул ее вправо и сказал: «а». Каныш повторил «а», то есть раскрыл рот, как учитель, и довольно громко закричал, чуть испугавшись своего голоса. При этом ему вспомнилось каменистое ущелье в Ниязских горах, где он вместе с другими детьми любили кричать «а-а...» и ждать, когда их крик, перекатываясь со скалы на скалу, обойдет ущелье и возвратится назад. «Это то, что до сих пор ты называл «алиф», а мы просто произносим то, что оно означает в слове», - добавил Гриша-агай. Вывел на доске другой кружочек, потянул от него справа вверх палочку, загнул кончик. Каныш тут же заметил, что палочки в обеих буквах гнулись справа, значит, подумал он, все начертания в русских буквах тянутся слева направо. «Бэ сказал учитель, Каныш повторил за ним. «Это примерно то, что ты называешь «биб». Теперь ты, Каныш, знаешь две русские буквы «а» и «б». Посмотри.какое слово можно составить. Например, «баба» эта по-казахски прадед,

Created by free version of 2PDF

прапрадед. Следующая буква «в», но в казахском языке ее нет. Мы к ней еще вернемся. Буква «г» по , написанию похожа на арабское «ха». *Произнеси ее» - Каныш с произнес, но по лицу учителя заметил, что* неправильно. «Каныш, ты произнес эту букву от гортани, а ты прижми *язык к небу и получится* по-русски «г». Вот так. Видишь, как легко. Ну, какое слово можно подобрать? Вот ты ко мне обращаешься «ага». Вот, видишь, немного на русский лад и получается хорошо. Давай придумаем слово, состоящее из теперь знакомых нам трех букв, например, «бага» - цена. Вот видишь, как интересно и легко!»

Было на самом деле интересно и легко. Во-первых, русские буквы не имели никаких странных названий, как арабские. Во-вторых, русские буквы, будь они в середине слова или в конце, писались также, как писались отдельно. Но зато почти каждая русская буква еще имела заглавное написание, чего не было в арабском алфавите. Все эти особенности быстро усвоил Каныш и уже в конце первой недели легко читал «Русско-киргизский букварь», обращаясь за пояснениями к отцу и Бокешу, чем изрядно надоедал им. Совершенно простой, по сравнению с арабской арифметикой - аб-жадом, оказалась русская арифметика. Четыре действия арифметики он постиг в *какие-то два месяца.*

Однажды, уже на втором году обучения в русско-киргизской школе, когда Каныш, стоя перед учителем, весело и звонко прочитал:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась...

И далее приготовился разъяснить, похожа ли степная осень на осень, описанную поэтом, как дверь раскрылась и ввалился известный аксакал Айткожа со своим великовозрастным сыном Кошеком. Высокий аксакал в просторном купе, подпоясанном широким кушаком, и его такой же высокий, как отец, ширококостный сын заняли чуть не полкомнаты. Аул Айткожи зимовал в восьми верстах от аула Шормана, выше зимовки Сатпая, по течению Ащису. Все учащиеся встали и обратились к дверям. Гриша-агай подошел к аксакалу и, приветствуя по-казахски, подал обе руки. В свою очередь Кошек разлаписто протянул к Грише-ага свои руки.

- Уаи, Гриша, - заговорил громко аксакал, - ты учишь детей мусульман, ты не сажаешь в их душу кафира? Не будет так, что снаружи мусульманин, а внутри кафир.

- Нет. Айтеке, ни в коем случае, - ответил, улыбаясь, Гриша-ага.-

Created by free version of 2PDF

Посмотрите, разве мои ученики не мусульмане? Я учу мусульман читать, писать, говорить по-русски, это нужно в жизни...

- Позавчера приезжал ко мне Садуакас-мырза, этот мой оболтус (при этом он ткнул рукояткою плетки в плечо Кошеку) прочитал послеобеденную молитву...Мырза и говорит: «Парень у тебя хорошо произносит слова пророка, наверное, коран сам читает...» «Сам читает, - говорю, - мулла его хвалит... Во всем ауле он один читает коран..» «Тогда надо его по- русски подучить, пусть в нашу школу идет». «А сможет он там учиться?» - спрашиваю. «Конечно, сможет! «-отвечает мырза. А у себя на уме вопрос: «Там же, в вашей школе, только Шормановы и Сатпаевы учатся... Разве и нашим можно?» Правда, тут же подумал; а разве наш предок - Кулсын не того же Абая, разве он – не единоправный брат Мырзакулу и Жадигеру, от которых произошли Шормановы и Сатпаевы? Почему бы и потомкам Кула не поучиться русской мудрости? Вот и привел с разрешения Садуакаса-мырзы своего болвана. Дорогой Гриша, бери его, мясо твое, а кости мои:

- Нет, аксакал, уже поздно, мы почти месяц занимаемся. Он отстал сильно, в этом году уже поздно, разве в следующем...

Аксакал не понимал, почему поздно, наоборот, он считал; что учиться и учить никогда не поздно. Он решил, что учитель важничает потому, что он не назвал подарок.

- У аи, Гриша, зачем ты так говоришь, приедешь ко мне в аул и выберешь любого стригуна из косяка... Сыновья Кула от сыновей Мырзакула и Жадигера отличаются тем, что не умеют брать, а дарить они умеют не хуже их. Начинай парня учить...

- Нет, аксакал, никакого стригунка мне брать не положено. Я - .государственный служащий, получаю зарплату деньгами от государства и школа тоже государственная...

Для аксакала эта была новость: от удивления он снял тымак. Что значит государственная? Значит, школу эту открыл и содержит сам белый царь? Это было не совсем понятно. Разве не Садуакас открыл эту школу, и разве Гриша живет не на харчах Шормановых? И разве школа находится не в доме Шормановых? Видя, как удивленно " уставился аксакал, Гриша продолжал:

- Видишь, аксакал, на мне форма государственная, я - государственный служащий...Школа занимает комнату, нанятую на казенные деньги... Но Садуакаса-мырза считается ответственным за содержание школы, и он нам помогает, когда нужно.

- Уай, Гриша, я понял, что ты - человек белого царя, казенный человек. Я первый раз вижу, чтобы казенный человек подарки не брал.

Created by free version of 2PDF

Вон урядник, дай только? верблюда со шкурой, с шерстью проглотит... Не стригунка, так коня бери, но парень пусть останется.

Аксакал продолжал думать, что он назвал подарок, не удовлетворивший русского муллу, и в то же время он продолжал настаивать, во что бы то ни стало оставить сына учиться, ибо ему приятно было сознавать, что эта школа не Шормановская, а казенная, и мальчик его будет учиться не по милости Шормановых.

– Хорошо, аксакал, пусть Ваш парень остается, но ни стригунка, ни коня я не возьму.

– Уа, Гриша, мулла, когда ему не делаешь хороший подарок, плохо учит ребенка... Я тебе сделаю подарок, а ты же сделай так, чтобы мой Кошек с русскими мог говорить и сам мог написать подорожные. А то поехал в прошлом году в Кереку, никаких подорожных бумаг не было, поймал урядник, говорит: «Ты - вор», - пришлось откупаться...

Гриша засмеялся и стал прощаться с аксакалом. А большой, нескладный, скуластый Кошек разместился рядом с маленьким Каныш. Он исподлобья, угрюмо и робко смотрел на учителя, и казалось, главная забота его теперь - куда девать большие руки: он их прятал под стол, вынимая лишь при особой необходимости.

...Это было летом 1927 года. Кошек с несколькими товарищами из аула приехал в Акмолинск на базар, чтобы продать скот и сделать различные покупки. Айткожа стал стар, и Кошек вел самостоятельно и рачительно хозяйство дома, постепенно становясь ведущим в своем ауле. Остановились у знакомого каржасца, работавшего в одной из уездных канцелярий. Кошек спросил у хозяина о Каныше. Тот ответил, что Каныш стал инженером и во главе русских колесит на машинах по степям в поисках не то серебра, не то золота. Иногда заезжает в Акмолу, чтобы запастись продуктами, набрать горючее и смазку для машин. «Мне говорили, что Каныш сейчас находится здесь!» - добавил хозяин, «Как мне увидеть его? встрепенулся. Кошек. «Очень просто, - ответил хозяин, - я знаю, где он обычно останавливается, утром поведу тебя туда, это мне по пути на работу». Кошек плохо спал от нахлынувших воспоминаний детства и еле дождался утреннего чая, после которого хозяин повел его по пыльным улицам города, и, остановившись у большого крытого жестью дома, указал на калитку. Кошек открыл калитку и увидел за ней несколько грузовых машин. Кошеку ни разу до этого не приходилось близко видеть такую диковинную штуку, как телега-самоход и, не зная, разрешается ли к ним подходить близко, он переступил порог с большой робостью. На одной из машин возился, что-то переставляя, высокий, худой, загорелый человек в майке. По

Created by free version of 2PDF

очертаниям лица, по фигуре Кошек узнал Каныша. «Каныш!» - крикнул он. Тот поднялся во весь рост, чуть постоял, глядя на Кошека, легко спрыгнул с машины и неторопливой походкой направился к гостю. Он узнал Кошека и порывисто обнял его. Кошек ответил тем же. Два здоровых молодых человека, попеременно восклицая: «Кошек, это - ты?!» «Каныш, это - ты?» - мяли друг друга, пока не запыхались.-

- Думаю, что это за козлинная борода прется в ворота, оказывается та, Кошек. Товарищи мои еще спят, вчера работы много было. Вот хозяйка ставит самовар, и мы с тобой будем завтракать, - говорит Каныш в радостном оживлении.

- Я только что чаевал. Спасибо, Каныш.

- Никаких спасибо. Как предки говорили: от завтрака не отказывайся, а ужина не дожидайся. Женгей - хороший человек? Бросит она тебя![8] А детей много?

- Слава аллаху, двое.

- Мало, мало. Теперь новая жизнь, для ее строительства требуется много джигитов. Надо иметь много детей.

- Уж сколько аллах даровал. Будем надеяться на младших, на тебя, Каныш. Твой отец все роднился с кипчаками, а ты пошел еще дальше - породнил нас с большим народом... Только б не забрали эти новые родственники нашего джигита к себе совсем, – не удержался и съехидничал острый на язык Кошек, наслышавший, что Каныш женился на русской.

- Кошек, Кошек! - звонко засмеялся Каныш, - молодец, задел за живое... Зато келин твоя - прекрасный человек. Почему обязательно жениться на твоей сестре - надо обновлять кровь, чем дальше предки, тем лучше потомки... А брата твоего не присвоит, не беспокойся... Теперь жизнь и отношения между людьми устанавливаются такие, что каждый гордится своим народом, своими предками, И поэтому, как ты видишь, я на этих машинах по своей исконной земле езжу... Кто меня от этой земли оторвет?

- Дай аллах тебе здоровья, Каныш. Мы тебя все любим, а говорят про тебя всякое.

Они сели с одного конца длинного нехитро сколоченного из досок стола, и пока хозяйка ставила на стол самовар и разную снедь, Каныш расспрашивал Кошека о родных и знакомых, о житье-бытье в аулах. За разговором Каныш незаметно пододвигал поближе к Кошеку колбасу. Кошек покосился на колбасу.

---

[8] У казахов существовало поверье: отказ от завтрака может привести к разладу в семье.

Created by free version of 2PDF

– Что это мне пододвигаешь?

– Это колбаса по-русски, а по-казахски шужик. Разве не знаешь? Ешь.

– Не буду. Это - еда кафира. Ты - кафиров зять, ты и ешь. А меня не заставляй.

– Ешь, здесь нет свиного.

– Если даже нет свиного, с кафировых рук мясо не положено есть. Мясо животного, которого резал не мусульманин, - харам. Ты же это знаешь. Не заставляй брать на душу грех, Каныш!

Каныш перестал шутить: уж слишком серьезен был его друг в своем суеверии. Кошек, между тем, все поглядывал по сторонам и замечал, что товарищи Каныша, вставшие со сна, почтительно здоровались с ним, не забывая поклониться и Кошеку, шли умываться и столь же почтительно садились за стол, молча завтракали, чтобы не мешать беседе. По всему было видно, что Каныш здесь старший и его почитают. Это нравилось Кошеку.

- Слушай, Каныш! Одни говорят, что ты помешался на науках и стал чуть ли не диуана - юродивый, а другие - что ты постиг такие науки, которых ни один казах не постигал, и что будешь скоро на самом верху казенных домов. Где правда? Я, как увидел тебя, подумал: не сладко живется - весь обветренный, худой, губы потрескались, таким выглядел раньше байский рабочий на сенокосе. А теперь смотрю, выходят из дома сколько русских, и бородатые и безбородые, и все почтительны к тебе. Значит, ты для них большой человек. Говорят, что ты золото и серебро ищешь в степях? Много находишь? Себе можешь оставить?

- Все верно, Кошек. Человек, который думает над чем-то, часто забывает свои мелкие заботы, подступающие к нему ежечасно, ежеминутно. Книги заставляют думать, и человек, постоянно читающий книги, становится действительно с точки зрения окружающих как бы юродивым. Когда приезжал в аул, я много читал, не обращая внимания на суету жизни. Уже тогда прослыл немного диуаной. Теперь, поскольку избрал такую специальность, которая оторвала меня от жизни аула, я стал, видать, для вас полным диуаной. Я закончил институт, это означает, что я получил высшее образование. А нас, казахов, закончивших институт, пока мало. Значит, можно сказать, я, действительно, постиг больше других. И я, действительно, работаю в казенном доме, на самый верх не стремлюсь, работы мне хватает и здесь, в степях Насчет того, что твой друг Каныш знает, хочу сказать следующее. Только ты не качай головой и не думай, что я рехнулся или нарочно рисуюсь, ибо

Created by free version of 2PDF

ты мыслишь, раз Каныш закончил институт, он все знает, ему дальше учиться нечего. Друг мой, наука такое дело, что по-настоящему учиться я начинаю теперь, после окончания института, только теперь я буду учиться, конечно, не за партой, а работая. Вот посмотри, в кабине машины лежит раскрытая книга, которую я читаю сейчас. А вон тот ящик наполнен книгами, которыми я и мои товарищи пользуемся в работе, учимся, работая по этим книгам. Смотрю, удивляешься. Удивляйся и запомни. А ты, помнишь, Кошек, как мы с тобой начинали учиться, и как мы подружились. Ты был способный парень и мог закончить институт не хуже меня. Помню, подсел ты ко мне, большой, нескладный и добродушный, и я сразу заметил, какой ты толковый - на грифельной доске ты вслед за русскими буквами писал их арабские названия и отвечал, не сбиваясь иногда за пояснениями обращался ко мне, как к взрослому. Я этим возгордился, ты подкупил меня. А помнишь, как ты в первый же день позвал меня и других ребят в гости в ваш аул. У меня, как сейчас, перед глазами твой отец: взял букварь в руки, неуклюже открыл, удивился рисункам, где люди и животные выглядят, как живые, увлекся ими, а потом, вспомнив, что умение изображать живых от руки – дело шайтана, встрепенулся, оттолкнул книгу, чтобы больше не видеть и обратился к аллаху, прося прощения за прегрешения. Я, Кошек, езжу на этих машинах по родным степям и, как ты говоришь, золото, серебро ищу, а между делом много думаю о том, как мы учились в детстве. Думаю, теперь мы строим новую жизнь, а для строительства новой жизни все должны учиться... учиться много и хорошо. А мы учились мало и плохо. И не потому, что не хотели. В нашей, например, Аккелинской волости в единственной школе училось всего 10-15 мальчиков, девочки совсем не учились. А тысячи мальчиков и девочек оставались темными и неграмотными... Ты скажешь, многие учились у муллы... Но ведь ты же хорошо знаешь, что большинство из них расставались с муллой, так и не научившись писать... Нам с тобой повезло, мы учились в русско-киргизской школе. Но и нас учили плохо. Начинали мы учебу, когда возвращались с джайляу, это где-то почти в конце октября, а кончали в начале апреля, когда аулы снимались с кыстау. Всего полгода или того менее. Школа, в которой мы учились, была открыта в 1904 году. Считалось, что она открыта и содержится по милости Шормановых. Помнишь, как удивился твой отец, когда Гришаага сказал, что школа государственная. Такие открывались в степях действительно с разрешения царя, потому что лучшие русские люди требовали этого, и царь не мог не уступить. И Шормановы, в том числе Садуакас-аксакал, очень хотели, чтобы была такая школа. Покойный

Created by free version of ABBYY

Садуакас считался почетным блюстителем ее и по положению был обязан способствовать ее процветанию. А что было на самом деле? Первые годы он как-то интересовался .школой, приходил на уроки, следил, чтобы школьная комната хорошо отапливалась и убиралась, чтобы столы, скамейки и доска ремонтировались, чтобы учитель вовремя выезжал за покупками для школы. Но скоро, как мне рассказывал потом Гриша-ага, он к этим своим обязанностям остыл... Зато тот Шорманов, у которого квартировала школа, исправно взимал плату, установленную казной за наем. Помнишь, как к началу учебы нас набиралось 18-20 ребят, а к концу- оставалось 10-12. И так каждый год. Оттого кончали-то школу ежегодно только 1-3 человека. Учились-то в основном Шормановы да Сатпаевы, а кыстау остальных находились в отдалении. Каждый день приезжать невозможно. Это ты только мог решиться, потому что был взрослей других да твой отец Айтеке вбил о себе в голову, что ты во что бы то ни стало должен научиться сам подорожную писать.А квартировать у Шормановых не так-то было удобно поскольку квартирующий учащийся превращался бы в мальчика на побегушках...Естественно, ему не до учебы...У Шормановых так было заведено: все, кто не они, но возле них, должны быть заняты их делами. И еще вот что. Мы теперь только знаем, как это плохо. Наряду с сытыми Шормановыми и, хотя и менее сытыми, но не голодными Сатпаевыми, учились и такие, как сироты Иманбая Аушахман и Мукан, как сын Айдоса Жакия, вечно голодные, вечно в заплатанной одежде. Я не помню, чтобы мы их особенно жалели или сочувствовали им. Все это казалось в порядке вещей...Но зато помню, как сытые не особенно старались учиться, а они, голодные, старались...

Интересным было отношение старших к нашей учебе. Мой отец, например, очень хотел, чтобы я постигал мудрости науки. Но в то же время, когда я иногда по пустячным причинам оставался дома и валял дурака, его это не расстраивало. А других родителей и подавно. У наших степных взрослых по-настоящему серьезного отношения к учебе детей не было. Потому, мне думается, что это не было в них воспитано укладом жизни, традициями. Оттого и посещаемость, и успеваемость в нашей школе, сколько ни бился Гриша-ага, были не ах-ти какие. Садуакас-аксакал, бывало, ораторствует среди собравшихся о пользе учебы и образования, а моему отцу не раз говорил, например, что теперь детей необходимо учить не на адвоката и учителя, а на агронома, врача, инженера. Говорил искренне, убежденно... А что для этого необходимо хорошее состояние волостной школы, почетным блюстителем которой он был, большое количество учеников и оснащенность всем

Created by free version of 2PDF
Suleyman Demirel University

нужным для нормального обучения. Он не думал, сколько Шормановы тратили на межродовые интриги, на взятки и подкупы, на борьбу за места волостных и аульных в уезде, на многолюдные шумные поминки и той. А на грошовые расходы, как например, строительство отдельного домика для школы, обеспечение сносным жильем десятка ребят Садуакас-аксакал, старший среди Шормановых, не решался... Да что говорить об этом... По положению в русско-киргизских школах, подобных той, в которой мы учились, должно было обучение продолжаться и на джайляу. Для этого школы должны были обеспечиваться специальной наемной юртой и наемной подводой для перевозки столов и другого нехитрого оборудования. Почетному блюстителю даже это было недосуг... Не то, что недосуг, мне кажется, он даже не полагал, что учеба требует постоянных забот, расходов. Он был в этом отношении богатырем слова - карликом дела. До революции среди русских тоже много было таких. О них мы читаем в русских книжках. Спасибо нашему учителю Григорию Васильевичу Терен-тьеву, этот настойчивый человек кое-чему нас научил, хотя у него самого было небольшое образование - он кончил Казанскую крещено-татарскую школу. Но учил он нас от души, добросовестно. Ты, Кошек, так и не кончил школу у Гриши-ага?

– Когда отец однажды убедился, что я могу сносно составить подорожную, то есть написать: «Кобыла пяти лет, масти пегой, грива справа, принадлежит киргизу Аккелинской волости Айткоже» - он решил, что сын его, все постиг и перестал давать лошадь на поездку в школу. Я пробовал приезжать на волу, вы засмеяли меня, к тому же каждый раз опаздывал. На этом моя учеба кончилась: два с небольшим года.

Оба друга весело посмеялись, вспомнив про вола, на котором ездил Кошек, и про «подорожную», которая засела в печенках Айткожи-аксакала после того, как он откупался от урядника в Павлодаре. Каныш, смеявшийся до слез, продолжал, вытерев глаза платком:

– Теперь насчет золота и серебра, которые я будто бы ищу. Я ищу не только золото и серебро, вернее, не столько золото и серебро. Мы в степях знали железо, сталь, то есть то, из чего делают ободья на колесах, втулки, ножи, косы, вилы и др., еще знали медь-медный самовар. А кроме меди и железа был известен свинец - его, мы, дети, не раз расплавляли, чтобы .залить асыки...А еще золото, и серебро... эти ценились как деньги и как украшение. Все вместе это называется металлами. Но откуда эти металлы и как из них делаются изделия, которыми .мы пользовались, мы не знали. От нашей темноты...Муллы же пропо-

Created by free version of 2PDF

ведовали, что правоверным, которых ждет истинное счастье в потустороннем мире, этого и знать не нужно, пусть знают, и делом шайтана занимаются кафиры, которым суждено на том свете гореть на медленном огне. А теперь, благодаря новой жизни, я - сын нашего аула стал инженером, то есть человеком, который знает, как найти эти металлы, как их извлечь и как использовать. Я знаю, например, что в нашей земле, на которой мы испокон веков пасли овец и лошадей, находятся целые клады металлов. Но надо их найти, доказать, что их выгодно выкапывать, очищать, выплавлять, а потом делать из них не только вещи, нужные для домашнего хозяйства, но и вот эти автомашины, железные дороги, паровозы, летательные машины - аэропланы и много, много другого... Причем, для этого нужно не только железо, медь, свинец, но и такие неизвестные в степях металлы, как алюминий, цинк, хром и другие. Их много, и если я буду называть, ты их все равно не запомнишь. Так вот нас теперь в новой жизни учат, чтобы мы, бывшие киргизы, а теперь казахи, сами научились их добывать, выплавлять и делать из них машины...А для этого в Карсакпае мы строим медный завод, в Караганде будем добывать уголь, строить много других заводов, шахт, фабрик. Но чтобы все это сделать, нам всем надо учиться и учиться...Учиться, чтобы по родным степям не один я колесил, черный, с потрескавшимися губами, а много других, в том числе и твои сыновья, которые должны стать инженерами, получше меня. Это означает, что я не продался русским, а русские научили меня и на моем примере хотят показать: чего достигли они, достижимо и для казаха...Вот такие, Кошек, дела.

А что касается золота и серебра, то я их специально не ищу, они находятся, например, попутно с медью, и их тоже нужно извлечь. Мы сейчас золото и серебро используем, как я уже говорил, в качестве украшений, серег, колец. Они, в особенности золото, не используются для более полезных и необходимых в жизни целей. Золота на земле мало, извлечение его стоит дорого, поэтому золото - очень дорогой металл, Раньше у нас байские дети любили носить золотые украшения, чтобы показать, что они богаты. Теперь наступает такая жизнь, когда люди начинают стыдиться богатства. А золото служило для того, чтобы люди чувствовали неравенство между собой, превосходство власти имущих над остальными. Выходит, что золото и не очень нужный металл. Поэтому вождь бедных Ленин говорил, что наступит такое время, когда будут все равны, все будут хорошо понимать и по-настоящему, по-человечески, уважать друг друга, и это время будет называться коммунизмом; тогда золото совсем не будет нужно людям и, чтобы

Created by free version of 2PDF

показать, что этот благородный металл в жизни человечества, когда люди делились на богатых и бедных играл неблагородную роль, им будут украшать отхожие места... Теперь ты пойми, что я, если и найду золото и серебро, то ни в коем случае не возьму себе, а отдам государству. Эти металлы мне, человеку, выученному нашей властью, не нужны, Для нас самое лучшее золото и серебро - это знания. Учиться, Кошек, никогда не поздно, ты сам стремись к знаниям, а детей своих учи по-настоящему, не как мы с тобой учились. А скажи. Кошек, аксакалы тебя слушают?

– Как сказать, Каныш, когда говоришь дело, вроде слушают, когда глупости - гонят. Айтеке, например, когда я недавно как-то неуважительно отозвался о покойном Садуакасе, камчой огрел: «Что тебе, дурак, живых не хватает?»

– Твой отец - умный и своеобразный старик, так тебе и надо, - засмеялся Каныш, но я тебе вот что хочу сказать. Мы вот с тобой о новой жизни говорили. Но она, новая жизнь, не придет сама. Надо ее строить. И поэтому вам, жигитам наших аулов, надо подумать о том, чтобы перестать кочевать. Казахи кочевали сотни лет и остались теми же, какими были - неграмотными, отсталыми. Теперь надо переходить к оседлой жизни - собираться в большие аулы, строить добротные дома, как у русских, тогда можно будет возводить большие школы, больницы, иметь хороших учителей, врачей и т.д. Для этого надо заниматься не только скотоводством, но и земледелием. А дальше - научиться управлять сложными машинами - тракторами, автомобилями. Десять лет назад мы, казахи, считались людьми второго сорта. А теперь большевики нам сказали: нет, вы такие же, как и все народы, только надо сбросить иго богатых и алчных людей, объединиться, учиться, и тогда народ покажет, на что он способен...Вот, Кошек, какое дело. Там, где расселялись наши аулы в Зимовье - вдоль Ащису, рядом с Айрик - там земли малоудобные для земледелия, надо переселяться к местам летних кочевий, к Шидерты, к Ниязским горам, создавать большие объединенные аулы, пахать и обрабатывать землю. Надо на корню пресекать мелкие межродовые ссоры и драчки, на которых только аульные мироеды наживаются; надо призывать к миру и труду. Все это теперь, наверное, в аулах власти и без меня говорят, но я хочу тебе, как друг подтвердить, что все, что говорят большевики, - это то, что нужно теперь нам, казахам. И в этом вам в аулах надо постоянно убеждать аксакалов, сила в них, мы испокон веков привыкли беспрекословно слушаться старших; если они поймут, вам легче будет новую жизнь в аулах строить. Ну, дорогой Кошек, нам пора... Засиделись, а собирались выехать пораньше.

Created by free version of 2PDF

Кошек слушал своего друга как зачарованный и только теперь увидел, что спутники Каныша собрались в дальнем углу двора и почтительно ждали, когда закончится беседа. Кошеку тоже было пора уходить, дел у него было невпроворот. Но Каныш говорил такое, о чем Кошек, хотя частью и слышал в ауле, но не особенно верил. И совсем не мог представить себе, что золото и серебро - вещи не нужные и даже, может быть, вредные. Слушая своего друга, он чувствовал, как много раз возникает у него вопросов, о которых надо бы поговорить с Канышем и еще больше рассказать о новой жизни, о своих думах, об ауле и аульчанах.

Короткая беседа с Канышем запомнилась Кошеку на всю жизнь. Сын зажиточного Айткожи стал потом коммунистом, активным сторонником и тружеником артельной жизни. Об этом не жалел Кошек. Те дети, о которых говорил он Канышу, умерли рано, а более поздние при жизни академика еще не выучились настолько, чтобы поехать и рассказать Канышу, какими они стали учеными-молодцами. В одном был верен своему другу Кошек: работая всю жизнь на рабочих должностях, он оставался самым грамотным из сверстников в ауле, постоянно по-казахски и по-русски читал газеты, журналы, художественную литературу. Автор, встретившись с Кошеком-пенсионером на девятом десятке его жизни в его доме в родном совхозе им. Пушкина под Карагандой, был удивлен интелегентностью аксакала.

Жил в ауле парень. Не простой, не обычный, а дебошир. Ночами выл волком, разгонял спящие отары, загонял содержащихся в особой холе скакунов, пугал беременных женщин, и они разрешались до срока... Не раз был нещадно бит, но дебоширство не прекращал. Наконец бий-судья присудил ему .изгнание из родных кочевок на... три месяца. И вдруг все почувствовали, что дебошир - родная кровь, дорог для всех, в невиданной печали сжались сердца. Женщины плакали: три месяца казались страшно долгим сроком, а земли за пределами кочевок племени - краем света. Изгнанника проведали не только из своих, но и окрестных аулов за несколько верст. И с нетерпением ждали его возвращения, моля аллаха за его здоровье... Дебошир возвратился достойным, разумным жигитом - понял, что он в своем ауле не лишний, а дорогой человек, его любят и ценят, и он должен отвечать тем же.

В замкнутом родовом быту небольших аулов, редко объединявших более десятка семей, люди настолько привыкали друг к другу, что разлука даже на несколько дней казалась большим испытанием. Когда мужчины выезжали раз или два в год на базар или ярмарку на

Created by free version of 2PDF

одну-две недели, чтобы продать скот и купить необходимые товары, все в ауле вдруг чувствовали отсутствие уехавших, начинали беспокоиться, ворожить на хумалаке[9] и поглядывать в сторону, откуда должны появиться путники. В ауле Сатпая нет-нет да и вспоминали о том, как дед Сатпай поехал в Мекку и остался там. Хоть и умер аксакал в святых местах, но находился бы прах возле родного аула, было бы легче на душе, и молитвы читались бы не какому-то духу, который будто бы может витать здесь, покинув бренные кости, находящиеся за тридевять земель. Вспоминали, сколько беспокойств вызвало отсутствие юного Имантая, когда он по прихоти стареющего Сатпая вдруг поехал учиться русской грамоте в какой-то далекий русский город Омск. Не менее тяжко было, когда Имантай с Садуакасом и другими отправился к праху Чокана, в далекие кочевья Большого Жуза, чуть ли не к шуршутам[10], о которых только в сказках говорится. Дай бог поменьше таких испытаний. Все-таки лучше, когда все находятся в ауле, перед глазами. Правда, аллаху было угодно, чтобы Зеин послал своего Абикея учиться в Омск. С тех пор Абикей, как отрезанный ломоть, приезжает в казенной русской одежде только летом. Кончил какую-то большую русскую школу в Омске и теперь устроился учителем в Павлодаре учить детей по-русски. Приезжает и еще уговаривает аульных ребят, чтобы они тоже уезжали учиться. Уговорив Имантая-аксакала, чтобы Каныш учился дальше у него в Павлодаре. Даром, что Абикей уехал учиться, и так и не вернулся в аул, теперь собирается перетащить всех ребят в русские школы, выучатся - не вернутся, что с аулами без молодежи будет? Жили же предки без этой учебы. И что толку, что Абикей выучился, косяки у Зеина прибавились? Не прибавились. Тогда _к чему такая учеба? Так рассуждали досужие языки в ауле, когда узнали, что Каныш отправляется в Кереку, чтобы продолжать учение. Но никто не смел подступиться к суровому аксакалу и сказать ему об этом. Лишь шушукались за очагами и тревожили и без того расстроенную аже Нурым.

Между тем, аксакал сам был в тревоге. Он считал, что Канышу нужно продолжать учиться. Но в то же время ему трудно было представить себе жизнь в доме без любимого мальчика. Кенже взрослел, перестал прятаться вечерами под подолом просторного купе аксакала, сопровождать его при хозяйственных разъездах, но без его шалостей, без его чтения корана и хисса-поэм, без его домбры, играть на которой

---

[9] Гадание на 41, разложенном по особым правилам или раскиданном на скатерти

[10] шуршуты - так иногда в степях называли китайцев

Created by free version of 2PDF

он научился быстро и легко, без его песен, которые он слышал из комнаты уже женатого Бокеша, дом ему представлялся пустым и неуютным. Все знали, что в присутствии Каныша аксакал добрел, и, несмотря, на неизменную суровость на его лице, все окружающие чувствовали себя спокойно и вольно. И вот теперь мальчика необходимо отправить в Павлодар. Аже Нурым расстраивалась при одной только мысли, что не сможет видеть своего Канышжана каждый день. Была бы ее воля, ни за что б никуда не посылала своего мальчика... Она вдруг возненавидела Абикея, которого любила до этого, как сына. Ей казалось, что Абикей уговаривает стареющего ее мужа не столько для того, чтобы выучить мальчика, сколько, чтобы из дома Имантая брать ежегодно согым, масло, припасы. Из дома бедняка Зеина не очень много наберешься. Она как-то за утренним чаем попыталась заговорить об этом, но под грозным взглядом мужа замолчала и сама не рада была, что проговорилась.

Взгляд же аксакала был грозен потому, что аже Нурым, сама того не желая, задела больное место в думах аксакала. Абикей учился, приезжал и уезжал, и аксакал хорошо знал, что Зеин не всегда мог встретить своего сына, справив подобающий дастархан. Тем не менее, ни Жамин, ни Имантай не проявляли заботы об этом. Собственнические инстинкты оказывались сильнее сентиментальных позывов плановой психологии, когда, каждый член рода считал, что в любой семье родного аула он имеет долю от испокон веков неподеленной части собственности. Тщетное притязание на последнее часто приводило к различного рода тяжелым размолвкам в ауле: особо открыто ссорились женщины, это передавалось детям, охладевали друг к другу мужчины. Размолвки не могли продолжаться долго, ибо замкнутая жизнь в ауле заставляла довольно скоро забывать обиды, но вспышки бывали частыми и быстрыми. Аксакал знал, что Абикей умный парень, он становился умнее с каждым годом учебы и делал вид, что не замечает затаенную обиду отца и матери на зажиточных братьев, не замечает тех усилий, которые приходились на долю дяди Имантая, чтобы сдержать своим авторитетом готовые вспыхнуть раздоры. Хотя в семьях дядей его - Имантая и Жамина – не скупились на ласки и угощения во время пребывания его на каникулах в летние месяцы, хотя и дядья постоянно помогали ему деньгами, припасами во время учебы его в Омске, все же он понимал, что это делалось не от щедрости, а больше для того, чтобы поддержать престиж зажиточного аула Сатпая и частью из жалости к родной крови, и делалось в таких размерах, что учащийся Абикей еле сводил концы с концами. Женщины же из семей Имантая и Жамина

Created by free version of 2PDF

находили возможным бестактно напоминать о «жертвах», которые их дома будто бы приносят ради учебы дорогого кайным. Умевший все анализировать, аксакал помнил, как скупо поддерживал своего племянника, и, несмотря на это, Абикей оставался всегда к нему почтительным и внимательным. Он знал, также, что Каныша Абикей берет к себе из искреннего желания выучить... Он теперь учитель, и там, в Кереку, получает невиданные в степях деньги, во всяком случае достаточные для того, чтобы безбедно содержать свою семью. И напрасно его старуха говорит эти обидные для Абикея и его родителей глупости. Нет, Каныш поедет в Кереку, надо мальчика готовить в дорогу.

Каныш, давно мечтавший стать таким ученым и таким умным, как Абикей-ага, был безмерно рад решению отца. Три коня готовились для дальней дороги, ремонтировалась и смазывалась пароконная бричка с вместительными дровнями. Отец велел зарезать жеребенка - необходимое жертвоприношение к такому событию, как отъезд сына на учебу в русский город, на пиршестве присутствовали и родственники из соседних аулов. Каныш вдруг сделался кумиром всех: во всех семьях устраивали угощения, созывая вместе с ним всех его сверстников, с которыми он должен теперь расставаться, сажали на почетное место. Он входил в юрту, куда приглашали, солидно, как взрослый, строго поглядывая на друзей, которые то и дело не к месту старались его рассмешить. После каждого обеда старший за дастарханом читал выдержки из Корана с пожеланиями благополучия и здоровья отъезжающему на учебу рабу аллаха Габдулганию. Мальчик был настолько серьезен, что друзья его решили, что Каныш возгордился. На самом же деле он лишь исполнял указания отца, ибо такие угощения были обязательны в каждом ауле, чтобы отъезжающий долго не забывал вкус того, что поддавалось на дастарханах родных и близких, чтобы вкус этот звал его обратно, в родной аул, а благие пожелания, данные за сердечным дастарханом, освященным святыми словами из книги пророка, были щитом от всяких напастей.

Аже Нурым со снохами суетилась, приготовляя одежду, постельные принадлежности и припасы для любимого последыша. Был зарезан бычок, мясо его сушилось и коптилось. Хотя говядина в степях ценилась не так, как баранина и конина, но многоопытный аксакал велел зарезать именно бычка, ибо знал, что говядина хорошо сушится и коптится и дольше сохраняется; к тому же мясо даже в копченом виде остается наваристым, давая вкусный бульон, если оно было не пересолено при копчении. Хлопот было много, но за этой суетой у старой женщины опускались руки, когда она думала, что ее малышу Ка-

Created by free version of 2PDF

нышжану аллах помог быть счастливым и без этой русской учебы, как счастливы были все его предки (почему-то ей представлялось, что все предки аула Сатпая жили счастливо). Но она знала, как редко менял свои решения ее аксакал и, скрепя сердце, продолжала хлопоты.

Наступила долгожданная среда. Именно в среду - день сят - удач начинали все серьезные дела в ауле Сатпая. Когда в этот день в ауле начинали какое-нибудь дело или выезжали в путь, аже Нурым любила вспоминать, как ее, молодуху, только что привезенную в дом Сатпая, властная старшая свекровь наказала кочергой, лежавшей у очага, за то, что она в неведении произнесла слово «сят-удача», вовсе не полагая, что ее свекор Сатпай, есть Сятбай» - удачливый бай. Называть молодухе по имени мужчин аула, в особенности старших, считалось большим неприличием.

Отец поднялся рано и поднял Каныша, крепко заснувшего после поздно закончившихся прощальных игр со сверстниками. Они вдвоем отправились к родовому кладбищу. Отец почти никогда не ходил пешком, но на этот раз изменил своему обыкновению. Подъезжать верхом к усыпальницам покойных, когда аул находился рядом в 2-3 верстах, было бы неуважением к их духу, их аруаху. Солнце поднималось из-за сопок Айрик, золотя покрытую имеем траву и обещая погожий день. Дышалось бодро и свободно. Аксакал принял это за хорошее предзнаменование, и в его голосе слышалась та редкая и еле заметная теплота которую умели улавливать только очень близкие и тоньше всех улавливал младший сын. Пока шли, отец не первый раз подробно рассказал, кто и когда похоронен на кладбище. При этом еще раз назидательно напомнил, что он, Каныш, всегда, должен помнить и почитать предков, молиться за их души, в особенности в мусульманский день - пятницу. Молиться не обязательно вслух, достаточно и про себя. Прежде всего он должен молиться душе деда Сатпая, которая витает здесь среди родных, ибо он умер в святых местах во имя спасения души потомков. Он должен молиться за свою мать Алиму, аруах которой постоянно стережет ее детей. При имени матери перед мальчиком вставала молодая, высокая, красивая, вся в белом женщина. Такой он ее представлял по рассказам старших в ауле. Особых чувств мать ни в нем не вызывала, но он знал, что она хорошая, и он должен помнить ее и за нее молиться, как не раз наказывала аже Нурым, и как изредка внушал отец. У кладбища они сели на корточки, и отец нараспев прочитал одну из больших сур Корана. Потом, воздев ладони, он долго шепотом вымаливал у аруахов благословения для своего младшего сына. В этом долгом шепоте аксакала была тревога, ибо он чувствовал, что с Аби-

Created by free version of 2PDF

кея началось для аула что-то новое, непривычное, нетрадиционное, трудно представлял себе будущее своего младшего сына, хотя и твердо теперь знал, что учиться он будет не для жизни в их маленьком ауле. Мальчик тоже воздел ладони, но, исчерпав слова Корана, которые обычно говорятся в завершение молитвы, не смея опустить руки, с нетерпением смотрел на отца. Потом пересели к могиле матери Алимы и отец сказал, чтобы молитву прочитал он, Каныш. Помолившись аруахам, отец и сын возвратились в дом, где дымил большой желтый утренний самовар, и почти весь аул собрался у дома Имантая, а бричка в парной упряжке удобно уложена и наполнена доверху утоптанным сеном. Третий запасной конь привязан к бричке сзади.

Не успели они появиться, как поджидавшая сына аже Нурым отозвала его в сторону, вынула из кармана маленький серый треугольник, на шелковом шнуре и повесила его на шею мальчику. «Это – тумар, Канышжан, носи его, не снимай, пока не вернешься, там зашиты божьи слова, они всегда будут щитом тебе». При этом она так печально смотрела на него, беззвучные слезу капали из старых глаз, что мальчик не выдержал и отвернулся. Она его поцеловала и больше не подходила, только издали глядела на него мокрыми, покрасневшими глазами, ибо аксакал терпеть не мог бабьих слез и причитаний. У многих женщин аула слезы наворачивались на глаза, когда они видели, как держится старая Нурым. После чая Каныш простился со всеми, подошел к отцу, который притронулся к ершистой голове сына (это было высшим проявлением его нежности), брат Абсалям, дядя Шадет и Каныш сели в бричку, и повозка покатила. Брат Бокеш и несколько его сверстников провожали верхом, пока не скрылся за сопкой аул, и там они пожелали Канышу счастдивого пути, хорошего здоровья и чтоб он вернулся большим ученым муллой.

Позже Каныш Имантаевич десятки раз проедет по дороге из Аккелинской волости в уездный город Кереку (Павлодар) и обратно, будет ездить, как и ныне, на своих лошадях и на перекладных по делам службы, будет ездить с трудностями и приключениями, но ни одна из этих поездок не запомнится ему так, как этот первый выезд мальчика в далекий город, навстречу тому неведомому и сказочному, к которому он, увлеченный судьбой брата Абикея, стремился в смутных мечтах. Он всю жизнь до деталей будет помнить, какая гордость обуяла его, когда он почувствовал, что он сам едет учиться, что два взрослых человека - брат Абсалям и дядя Шадет - едут, только сопровождая его, и что эта бричка-повозка и пара коней, легко и ходко несущих ее за собой, и этот третий запасной, трясущих сзади на поводу, - все это для

Created by free version of 2PDF

него и из-за него. Он будет помнить, как показались Баян-аульские горы и как долго до них не могли доехать. И как началась после гор широкая-широкая, серая, необозримая степь. И будет помнить, как был недоволен брат Абсалям тем, что отец почему-то торопил их и велел ехать, не сворачивая никуда, и как брат ворчал на Шадета, привыкшего точно исполнять повеления аксакала, в тщетной попытке уговорить его заехать хотя бы на полдня или на ночевку к каким-то родичам по женской линии: они якобы должны встретить их с почестями, до которых Абсалям был большой охотник. Он будет помнить незабываемые ночевки у какого-либо озерка, когда при свете костра от кизяков, наевшись мяса и баурсаков с маслом и напившись сваренного в котелке чаю, он забился на бричку и ложился под широкую толстую кошму между братом и дядей Шадетом и сладко засыпал под фырканье стреноженных возле повозки лошадей. Будет помнить, насколько приятно было утром рано с разрешения брата править лошадьми и наблюдать, как над ними поднимается легкий пар, принося в бодрящей воздух вкусный лошадиный запах, видеть, как этот пар становится все бледнее и реже и с солнцем исчезает совсем. Будет помнить, как они с братом смеялись над дядей Шадетом, когда тот незаметно для себя начинал тянуть песню без слов на один и тот же степной мотив и как под эту песню, укачиваемый повозкой, он засыпал, и просыпался. Будет помнить, как он сам по просьбе своих спутников пел о печальной любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу, вызывая восторг у дяди Шадета, который до этого, оказывается, не обращал внимания на то, как много знает наизусть друг его сына Жумаша. Будет помнить о том, как он, чувствуя, с каким удовольствием слушали его спутники, звонко пел суры из Корана у кладбищ встречавшихся в дороге, в точности выполнял указания отца, который строго внушал не проезжать мимо праха мусульманина, ибо последователю пророка не подобает сердить аруахов, чьего бы рода и племени они не были, не подобает, проявив неуважение к ним, заранее обрекать себя на неудачу в пути. Будет помнить и то, как не пропускали ни одного встречного, чтобы чинно не поприветствовать и взаимно не расспросить, откуда и куда едут, какого роду-племени; редко Шадет не обнаруживал, что встречный приходился каким-то родичем по женской линии, ибо, например, выявлялось, что наша тетя имеет двоюродную или троюродную сестру и их ауле. Следовали взаимные поручения передать приветы и пожелания малознакомым или вовсе незнакомым родственникам.

Позже уже учась в Семипалатинской семинарии, Каныш прочитает «Степь» Чехова и будет удивлен тем, как много сходного в пережи-

Created by free version of 2PDF

ваниях чеховского Егорки с его собственными переживаниями во время той чудесной поездки из родного аула в Кереку. Он вновь и вновь будет перечитывать это, полное поэтической и живописной простоты, произведение и взволнованно сопоставлять свои впечатления с впечатлениями русского мальчика, невольно закрепляя в памяти воспоминания об этом своем первом счастливом путешествии.

Много ли нужно степному жителю для счастья? Не очень много...

Проснется, бывало, казах погожим летним утром, полежит, блаженствуя в полумраке юрты с закрытым тундуком, послушает, как тихо посапывают разметавшиеся по всему жилищу домочадцы, как извне доносится разноголосое пение птиц. Лениво, не спеша, покинет постель и выйдет наружу; зевнет, сладко жмурясь от ласковых лучей раннего солнца, и, осмотревшись, улыбнется довольный.

Потянулся к водопою его родовой косяк. Лошади, нажевавшиеся за ночь степного разнотравья, ступают грузно, сыто пофыркивают. Впереди с гордым и величавым достоинством вышагивает гривастый гнедой жеребец, любимец детей. Строг к своей семье ревнивый глава косяка: все вытянулись в ровную цепочку, словно сверяя походку по хозяину, даже резвые жеребята и те не смеют нарушить порядок. А невдалеке от юрты черными подвижными кумалаками рассыпалась отара овец, давно покинувшая ночное лежбище. Солнце пригревает: теперь и эти побредут, тряся курдюками, к воде.

Взор его неторопливо и внимательно обходит горизонт. Не принято, чтобы пастух занялся другим, не оглядев настороженно даль. Не положено быть застигнутым врасплох. Появилась движущаяся точка. Заслонив глаза от солнца и прищурив их зорко, с радостью видит, что кто-то едет.

– Вставай, байбише, взбалтывай содержимое турсука, ставь самовар, гость будет! Спешит, видать, коли сел на коня спозаранку!

Кричит он жене, а сам идет к косяку, чтобы отделить дойных кобыл и привязать жеребят к жели.

Легкой, счастливой казалась жизнь степняка. Много ли у него забот: перекочевать, да юрту поставить, вовремя подоить животных, зарезать барана, когда нужно. Вот и ждет казах не дождется гостя, чтобы напоить его кумысом и чаем, дать отдохнуть, угостить спелым ягненком, услышать новости, поговорить о погоде, о видах на травостой, вспомнить былое.

Было это. Но часто ли, подолгу ли было... Зыбким, ненадежным счастьем одаривало казаха подвижное богатство его - скот. Рассердился сильный соседний род, или свой же бай или волостной - убывает

Created by free version of 2PDF

косяк, редеет отара, попробуй, найди на насильников управу. Одна зимняя бескормица - джут и нет ни косяка, ни отары - остается степняк с пустой уздечкой и никчемной палкой в руках. Неуверенно, нетвердо жил на земле казах, жил всегда в тревоге - вмиг стать бедным и нищим. И поэтому особо ценил он, хранил он в сердце тот изредка выпадавший на его долю короткий светлый промежуток, когда он мог считать себя счастливым и беззаботным, когда он мог от души радоваться гостю. И растягивал он эти мгновенные и редкие промежутки в воображении, разукрашивал вымыслами. И смешивались они с той сказочной порой, что описана, по уверениям служителей пророка, не то в Коране, не то в другой священной книге: тогда будто бы все живое на земле лелеяло, берегло взаимный покой и звонкоголосые веселые птички-жаворонки гнездились да выводили птенцов на пухово-мягких спинах мирно пасущихся овец.

Дороги были скудные радости для казаха. Обильные жертвы приносил он для них. Оттого й беспокойной, и тревожной была жизнь в степях. А с тех пор, как белый царь задумал пойти войной на своего родича-царя герман уж вовсе все на земле перемешалось. Началось с того, что царю потребовались кони. Шабарманы волостного, сопровождаемые царскими солдатами, бурей налетали на аулы, выкрикивали имена хозяев и, крутя над головой нагайкой, приказывали гнать коней в волость. От помощи царю никто и не думал отказываться. Помогали же до этого и кожей и шерстью, и деньгами. Налогов и поборов (якобы добровольных) столько стало, что многим последнее приходилось отдавать. И теперь не стали бы жалеть каких-то коней, когда тамыры и знакомые с соседних сел, истекая кровью, гибли от германских пуль или возвращались калеками без рук, без ног. Но народ волновался, не хотел отдавать коней. И было отчего.

Почему-то коней брали не от количества лошадей в косяках, а с юрты. Богач, имевший сотенный или тысячный табун, отдавал столько же коней, сколько и тот, который от своих кобыл за день не мог наполнить и малый турсук. Все делалось по шариату, доходчиво растолкованному муллами: перед царем, как и перед аллахом, все равны, и поэтому долг перед земным владыкой, как и перед небесным, должен выполнять каждый сам по себе, на равных. Эти законы шариата можно было как-то терпеть, пока не стали отбирать коней. Но тут все увидели, как на царской войне, богатый быстро становился еще богаче, а бедный - еще беднее. Горе загуляло по степям, страдание охватило сердца, ибо бай зверел, охраняя косяки от нищих и голодных, а нищие и го-

Created by free version of 2PDF

лодные отчаянно хотели выжить. От отчаяния до мятежа один шаг. И это шаг был ускорен.

Появилось в степи и пошло гулять по юртам, поднимая рев и плач, страшное русское слово «прием». Оно означало, что все здоровые жители мужского пола от девятнадцати до тридцати одного года должны отправиться вслед за теми конями, которых уже перемололи жернова войны. Отправиться, чтобы рыть окопы-ямы для царских солдат. Эти ямы должны сберечь их от германских пуль.

– Тауекель, - успокаивал родных и близких иной кормилец семьи, имевший целую юрту детей и стариков, - когда гуртом со сверстниками, любая трудность за праздник сойдет!

Казахское слово «тауекель» звучит куда сильнее и решительнее русского «авось», оно способно успокоить казаха в самом отчаянном положении. Но это «тауекель» почти не действовало ни на новобранцев, ни на остающихся. Гурт-то получался всеобщим. Владельцы больших косяков и отар не попадали в него. Будто в их семейной жизни был промежуток, когда аллах наложил запрет появлению детей мужского пола. И этот промежуток будто начался тридцать один гол назад, а закончился девятнадцать лет назад. Оттого в семьях богачей все парни оказывались или старше тридцати одного или моложе девятнадцати. Зато, видать, в это время в бедных семьях появлялись одни мальчишки. Словом, волостные, аульные и их писари так поработали, что ложь на их бумагах четко выглядела той правдой, которую затуркали, загнали, связали по рукам и ногам, чтобы она, самим аллахом забитая и затоптанная и на глаза не смела показываться.

И стекались новобранцы на ближайшие станции под плач и причитание детей, стариков, жен и матерей. Затолкали кормильцев бедных и нищих юрт в большие ящики-теплушки на железных колесах и затарахтело, заскрежетало железо колес о железо дороги. Тарахтело и скрежетало аж до самых тех мест, где русский брат сидел под пулями герман.

Писать не умели, а если и находился такой, то не знали куда писать. Вести приходили редкие, отрывочные. Пробилась неведомыми путями песня, родившаяся в окопах, песня, полная горя и печали. Пела песню, обливаясь слезами, вся степь. Говорилось в этой песне о том, как царь заставил казаха, боявшегося ковырять землю, чтобы не накликать беды (считалось, что землю копают только для упокоения мертвых), взять лопату и копать ее ради живых русских солдат. Пелось о том, как неудобны для степного желудка черный хлеб, капуста и похлебка, о том, что теперь они выглядят хуже стада баранов в бескор-

Created by free version of 2PDF

мицу: пожалеть даже некому. У песни был удивительный припев с русскими словами:

Ой степ мой, степ родной, ой-ой-ой!

Когда едем домой-ой, ой-ой-ой!

Этот припев звучал с такой неизбывной тоской, что вздох слушавших превращался в стон.

Стонала вся степь. Вслед за теми, кому было (или записано, что было) от девятнадцати до тридцати одного, объявили ((прием» всем, кому от тридцати одного до сорока трех. Степь не выдержала, забурлила, забушевала, села на коня. Стон перешел в бурю. Вчерашние удальцы-одиночки, скрывавшиеся от гнева властей, становились вождями мятежных масс. Казах выступил против царя. Императорские карательные отряды с пушками, с пулеметами, носились по степям, грозя разбить, уничтожить отряды народных батыров Амангельды, Бекболата и многих других. Разбивали, рассеивали, ловили, расстреливали, вешали, но уничтожить не могли. Разбитые и рассеянные джигиты снова собирались и снова вели народ за собой.

Это была война обездоленных против царя, его чиновников, против своих баев и волостных, угодливо прислуживавших белому владыке и предававших свой народ. Многие русские солдаты, бежавшие с фронтов, присоединялись к восставшим, возглавляли их отряды, обучали обращаться с оружием. Казалось, царь решил выместить злобу за поражение в войне с германами на степных жителях. Ужасам не было конца. И тут пришла в степи ошеломляющая и будоражащая весть: русские люди скинули белого царя вместе с его троном, вместе с короной. Аксакалы всегда говорили, что народы никогда не воюют между собой, воюют только ханы и цари. Думалось, раз царя теперь нет, то не будет и войны. Но война продолжалась. В степях все шло по-старому. Правда, стали разъезжать по аулам по-русски одетые молодые люди, из тех, что учились в Омске, Семипалатинске, Троицке, Уфе, Оренбурге и других городах и служили в области, в уезде, учительствовали в городских и волостных школах. Разъезжали и разъясняли народу, что будто война ведется праведная и будет продолжаться до победы и что новой власти, поскольку она не царская, надо помогать всеми силами.

Народ не понимал, чем отличается новая власть от царской. Еще менее было понятно, когда эти же молодые люди с жаром толковали, что степи теперь должны быть сами собой. «Проснись казах»! - восклицали они и, призывая проснуться, сочиняли песни и стихи. В них было много громких и звучных слов, складных и красивых назиданий, но они, эти слова и назидания никак не разъясняли, что значит быть

Created by free version of 2PDF

самими собой и от какого он казах должен проснуться, если война продолжалась, если цвет народа погибал в окопах, если новая власть делала точно то же, что и царская, если баи и волостные оставались теми же, кем были, если они грабили голодный и раздетый народ и измывались над ним по-прежнему.

Новая власть только тем и отличилась от бывшей, недоброй памяти царской власти, что выпустила деньги, счет которым велся такими числами, как « миллион». Этим числом «миллион» ни один казах не пользовался, ибо необходимы были неимоверные усилия воображения, чтобы постичь, что это число означает. Был найден выход: во избежание опасных ошибок исчислять эти деньги на вес, на фунты и пуды, и носить в мешках. Так шли дела, что впору было снова садиться на коня. Только то и сдерживало, что новая власть сама объявила, что она ненадолго, что она временная. И она оказалась на самом деле временной.

Поздней осенью семнадцатого года пришла весть, что власть в руки взяли рабочие, самые бедные люди из всех живущих в бывшей царской империи, люди, не имеющие, как говорят в народе, даже паршивого теленка. Этому не верилось. Это казалось сказкой. В степях самый бедный человек и есть самый забитый, самый бессловесный. Он не знает ничего, кроме овец и лошадей, среди которых проводит всю жизнь. Разве сможет такой человек, если окажется в гуще овладеть вниманием их, и управлять ими? Те, кому неприятна была весть о переходе власти в руки бедных, не только поддакивали, но и сами сеяли и распространяли это неверие.

Но все было похоже на правду. У власть имущих заметно стала убывать надменность. Видно было, что тревожная озабоченность овладела ими. Многие стали даже прикидываться друзьями бедных и обездоленных. Но самым главным событием, не оставлявшим сомнения в том, что новая, рабочая власть существует и действует, явилось то, что вдруг неожиданно стали возвращаться домой погибавшие в окопах сыны степей. Возвращались голодные, оборванные, но веселые, возбужденные, полные каких-то новых, ранее не известных степям надежд. Оказалось, что рабочая власть отказалась от царской войны.

Приехавшие из окопов и открыли всю правду. Они рассказали, что власть действительно взяли в руки самые бедные люди на земле. Но зато очень умные, очень мудрые. Они трудятся на фабриках и заводах, обращаются с такими машинами, с которыми имеют дело лишь грамотные люди. Живут рабочие в больших городах, работают по несколько сот и даже тысяч человек под одной крышей, в постоянном

Created by free version of 2PDF

общении делятся сокровенным, затаенным, взаимно обогащаются знаниями и оттого становятся толковыми и зоркими, дружными и спаянными. Благодаря зоркости и дружбе, они знают, что делают, они предвидят события. Самые мудрые из них объединились, чтобы принимать самые ответственные решения и стали называться партией большевиков, а возглавляет эту партию и теперь рабочую власть мудрейший из них первый большевик-Ленин. Власть называется советской, потому что она советуется с бедными и обездоленными и делает то, чего чают и желают честные трудящиеся люди.

Вот какие удивительные вести привезли в степи джигиты из далеких окопов проклятой войны. Из того, что они говорили было ясно, что беднякам, из какого бы они народа нет происходили, никак нельзя быть самими собой, когда у них общий вековечный враг - богачи. Было также ясно, как глупо с шумом и громом призывать:

«Проснись, казах!», когда казах никак не видел и не чувствовал от чего и для чего должен он проснуться. Новая советская власть призывает: «Проснись, бедняк!» Что совсем другое дело. Тут все яснее ясного. Он призывает отобрать власть у зажиревших и потерявших совесть, призывает строить такую жизнь, когда бы трудовой человек работал не на хозяина, а на себя, для этого он советует объединяться с такими же, как он сам, русскими - бедняками. Это было конкретно и убедительно. За такую власть бедняк готов был все отдать.

Степной житель понял главное - теперь надо помочь рабочим в городах, чтобы они уверенно могли продолжать то, что начали. Но новая власть не брала у бедняка . Она видела в какой он нужде. Она объявила продразверстку, чтобы изъять у богачей излишнее, награбленное у трудящегося люда. Вот как поступала советская власть!

Она уверенно повела за собой народ и народ пошел за ней, несмотря на вопли и причитания степных воротил и их подпевал – мулл, хазретов, муфтиев, поднявших шум, что наступает конец света, что нечестивцы, отвергнутые аллахом и его пророком, хотят свести правоверных с истинного пути.

И уж совсем неколебимо прочно вошли большевики в сердце пастуха-казаха, когда царский адмирал Колчак поднял восстание и, потопив степи в море крови, временно восстановил власть буржуев и баев. Может быть, такое испытание было и необходимо. Трудящемуся человеку надо было всем существом своим познать, как дорого и бесценно то, что ему несла Советская власть; а познавши, надо было придти к единственно правильному решению - жертвовать всем, даже самою жизнью ради того, чтобы возвратить ее. И поэтому - то на борьбу с

Created by free version of 2PDF

Колчаком шли самые лучшие, самые преданные делу бедняков сыны степей, вливаясь в отряды красных партизан и в регулярные части Красной Армии.

Блаженны мир и тишина после бурь, невзгод, опустошений и трагических потерь. Гражданская война кончилась. Советская власть основательно принялась за мирные дела. Казалось бы, казаху теперь и оставалось возмечтать и добиваться иметь десяток другой лошадей, маленькую отару овец, чтобы побыть в таком довольстве, когда, принимая гостей, не затрудняешься, чем их накормить и угостить. Это была вековечная и красная мечта трудящегося казаха.

Ходили рядом поезда, бегали автомобили, летали самолеты, горели электрические лампочки, жили и творили Эдисон и Эйнштейн, Менделеев и Тимирязев, Толстой и Горький, а казах оставался все таким же, каким был. Он продолжал полагать, что главное в жизни быть сытым, ибо, недаром аксакалы говорят, бедному наесться - это почти разбогатеть. И оставался бы казах таким еще бог знает сколько времени, если бы рабочие в Петрограде и Москве не взяли власть в свои руки и не призвали всех трудящихся последовать их примеру.

В смутной дали теряются времена, когда предки казаха пришли в бескрайние степи и породнились с ними. Иные даже утверждают, что те далекие-далекие отцы и матери казаха ниоткуда и не приходили. Взяли они свое начало от плоти самих степей. Завещали они потомкам беречь неоглядные равнины и широкие плоскогорья от Каспия до Алтая, от Тян-Шаня до Уральских гор для счастья будущих поколений. Оттого казах насмерть стоял за свои степи. Уж сколько раз варвары и иноземцы резали, истязали, убивали казаха, гнали, отрывали его от родных ковылей, но он всегда, неизменна, неуклонно, после всех невзгод и ненастий, после нечеловеческих испытаний, победив не только муки ада, но самую смерть, изгонял поработителей и снова утверждал святое право хозяина своих степей. В эти промежутки побед и ликований ему казалось, что сбылась его красная мечта. И невдомек было ему, что его заветная мечта есть мечта нищего, а счастье, приносимое сбывшейся мечтой, есть копеечное подаяние скупой несправедливой судьбы.

И вот казах, после насилий, надругательств.поборов, которые чинили опричники царя и эмиссары временно правивших, после колчаковских грабежей и истреблений, после всех унижений и оскорблений, после всего того, чего уже который раз испытывал на своем веку .впервые стал мечтать не об обычной сытости в десятком другим лошадей и маленькой отарой, а о чем-то волнующе высоком и неизве-

Created by free version of 2PDF

данном; о чем-то таком, что было несравненно привлекательней, духовней и интересней того стереотипного, примитивного образа счастья, который веками утверждался в его воображении. Что-то такое произошло, что необратимо, навсегда, казалось, разорвало тот замкнутый круг, в который смыкались его узкие интересы: разорвало и давало понять, что человек, где бы он ни вырос, в каких бы условиях ни жил, достоин чего-то большого, неизмеримо большего, чем быть только сытым; что прокормление себя самого должно быть не самоцелью, а лишь простым, без особых хлопот достижимым условием для этого большего и возвышенного.

Напрасно все бывшие, правившие и помыкавшие народом в свое удовольствие, уверяли весь мир, что заскорузлый мозг пастуха, прозябавшего на низшей ступени существования, никогда не будет способен разобраться в диалектических тонкостях внутренних струн человеческого и общественного бытия, что человеку, из поколения в поколение *добывавшему хлеб насущный за счет пота на спине и мозолей на ладонях*, не суждено выйти на такой уровень, когда бы другие могли слушать его с интересом, принимать его суждения и руководствоваться ими. Для этого, вещали они, нужно уметь думать.

Вот тут-то они просчитались. Пастух оказался удивительно умен и безмерно талантлив. Но чтобы его ум и талант развернулись во всей полноте, чтобы его природные данные засверкали всеми цветами радуги, надо пастуху учиться, надо пастуху овладеть знаниями, накопленными человечеством. Вот почему Советская власть решилась на то, на что не решилось бы ни в какие времена ни одно правительство; в годы жесточайшей разрухи и предельного обнищания она поголовно посадила голодного, раздетого, разутого пастуха за парту, чтобы заставить его немедленно овладеть азами грамоты, чтобы заразить его неистребимым интересом к буквам и складывающимся из букв словам, к бумаге, к перу, к книгам, к чтению и познанию того, что находилось *для него под вековым запретом*.

Примитивно проста была степная жизнь. Аулами правил аульный, аульные подчинялись волостному, при волостном *состоял бий* - судья, для которого, как впрочем и для всех других в волости, был и повелителем и законом только он, сам волостной. А где-то выше, вдали находилось недоступное, неведомое, но грозное и страшное золотопогонное уездное начальство. Удобна была эта простота, она утверждала покорность и бессловесность.

Советская власть навсегда лишила степную жизнь дикой, первобытной простоты, а казаха – смирения и обреченности. Пастушеское

Created by free version of 2PDF

бытие переходило на уровень сообщества граждан, обладающих нравственными ценностями высокого порядка и решившихся ради этих нравственных ценностей отречься не только от прав, приобретаемых по количеству лошадиных косяков и овечьих отар, но и в корне пресечь самую возможность когда-либо иметь такие права. Этого можно было достичь только путем активного участия всех забитых, задавленных нуждой и произволом людей в решении своих дел; такого участия, когда бы их ум и сметка, раскованные волей рабочей аласти, были нацелены на быстрое овладение всем тем, что уже являлось достоянием высокоразвитых народов. Для этого учреждались невиданные и неслыханные для степей культурно-просветительные, юридические, земельные, финансовые, хозяйственно-бытовые органы. Вести дела в этих учреждениях могли только грамотные люди. Оттого теперь любой человек, обладающий хотя бы некоторыми знаниями, становился большим начальником: учителем, адвокатом, прокурором, судьей, землемером, бухгалтером, если не самим управителем учреждения. Это были люди, без которых и богачи в свое время не обходились.

Степь бурлила. Революция жестко требовала работы четкой и оперативной. Большевики умели рисковать в выборе, но своим доверием дорожили. Не проявлявшие нужных качеств быстро заменялись. Должностная недобросовестность подлежала громкому разоблачению и суровому наказанию на основе революционной законности, чтобы впредь другим неповадно было. Большая часть их, осевших за столы советских учреждений управлять по-новому степными делами, с сердцем и душой восприняла большевистские идеалы. Сюда же входили многие из тех, кто еще вчера, увлеченные цветистым красноречием людей, возомнивших себя вершителями степных судеб, призывали: «Проснись, казах!» Теперь они поняли, что призывали сородичей проснуться вовсе не от той спячки. Но немало было и тех, кто служил ожидая, что вот-вот вернется старое время. У пастуха, все более уверенно чувствовавшего, что истинным хозяином степей теперь является он, было немало поводов для недоверия к этим людям. Он чутко следил за каждым шагом многих из них. И чутье мало обманывало его. Но были редкие, очень редкие случаи, когда пастуху не удавалось добраться до истинной подоплеки совершившегося, так не просто приходило новое. Оно требовало освоения новых представлений.

В августе двадцать первого года по аулам Павлодарского уезда прошел слух, что сын известного, каржаса Имантая Каныш, служивший судьей Баянаульской волости, вдруг исчез. Уехал, якобы, учиться.

Created by free version of 2PDF

Все были в недоумении. Толковали по-разному. Одни считали, что в чем-то проштрафился, другие говорили о какой-то женщине, и заканчивали свои догадки неясным вздохом; уж сколько джигитов гибло из-за них! Третьи полагали, что так и должно было быть: сын известного бия, постоянно услужавшего мурзам Шормановым, иначе и не должен был кончить. Трудно ему было служить Советской власти.

Молва не утихала. Но все сводилось к тому, что не мог сын Имантая уехать учиться. Всем было известно, что он - один из ученых молодых людей, если не самый ученый из них в околотке. Кончил он что ни на есть ученейшую русскую школу в Семипалатинске, название-то которой трудно выговорить: се-ми-на-рия! Считай, всю жизнь учился!

– Надо подождать,- урезонивали аксакалы, - Время пройдет, все успокоится, поболтается в стороне, вернется. С молодыми людьми это бывает...

– Убежал! Не по пути ему с нами! Волка сколько ни корми, все в лес смотрит! Кругом разорение! Голод! Надо бороться с врагами поднимать хозяйство! Партия объявила новую экономическую политику, а он, видите ли, выгадал время учиться!. Такого еще и членом ревкома выбирали! - горячились некоторые из молодых активистов, сверстников Каныша.

И все же было странно: когда это было, чтобы честолюбивые потомки Шормана и Сатпая добровольно покидали должности, доставлявшие власть и авторитет? Каржасцы и айдабульцы продолжали сомневаться в благих помыслах сына Имантая и тогда, когда получили, известие, что он поступил в городе Томе в школу, где учат выискивать в земле различные дорогие камни.

Плохо верили тогда выходцам из власть имущих...

Каныш, сын Имантая из рода Каржас, что является ветвью большого казахского племени Аргын, входящего в Средний жуз, поступил в Сибирский технологический институт и стал студентом Сатпаевым, использовав имя деда Сатпая в качестве фамилии.

Где-то через месяц или два он получил письмо от своего друга Науана Тусупбекова, учительствовавшего в ауле. Друг подробно рассказывал обо всем, что теперь думают и судят о нем, его, земляки, и в заключение писал:

«...Тебе остается действительно только учиться... Ревкомовцы в обиде на тебя, что ты покинул своих товарищей в горячее время битвы за мировую революцию в аулах. Некоторые из них прямо говорят, что

Created by free version of 2PDF

ты их предал. Родичи, далекие и близкие, в обиде, что ты оставил такой большой пост, не считаясь с тем, что теперь некем при случае даже козырнуть:» Ты знаешь, кем мне приходится судья Каныш»? Байские токалы - молодухи в обиде, что уехал, не вытащив их из дряблых и ненавистных объятий старых сладострастников. Известная тебе особа в обиде, что ты скрылся, даже не простившись. Тут приставал к ней один воздыхатель, так она его отбрила, показав, что радость его по поводу твоего отъезда преждевременна:

Что ты кружишь вокруг,
Будто привязь тебе мой дом?
Разве тебе не известно, мой друг,
Что от меня убегают в Том?

Не говорю уже о законной обиде Шарипа-келин, на которую нельзя было смотреть без жалости, когда я недавно заезжал к Имантаю-аксакалу выразить почтение. Вот чего ты наделал, мой непутевый друг-Каныш!.И никто не думает, что учеба такому ремеслу, как поиски железных и медных камней - достойная причина для нанесения обид близким. Если ты не хочешь стать жалким посмешищем и презренной личностью во всех степях, тебе придется теперь доказать, что обижались на тебя зря.. И если ты, пропащий потомок славного Каржаса, оглобли своей повозки на самом деле направил на учебу, не сворачивай, держи крепче возжи и жми вперед... А на разговоры наплюй...»

Так писал Науан. Он смешил в письме точно также, как это он делал дома, в Баян-ауле, когда они чуть не каждый день встречались то в народном доме, то в школе, то в его маленькой квартире - отау, куда дароватый друг считал необходимым затаскивать при каждом удобном случае, крича маленькой жене своей, что надо накормить и напоить несчастного и одинокого каржаса.

Каныш любил общество Науке (так он обращался к старшему почти на пять лет Науану), потому что тот всегда выглядел (или старался выглядеть), будто ему неизменно везло со всех четырех сторон его бытия. И все же он не считал Науана самым близким человеком и не ожидал от него такого задушевного и участливого письма. Нужно было бы быть неблагодарным, чтобы не ответить ему также от души и подробно. И Каныш в тот же день сел было за ответное письмо, но оно в один присест не получалось: так он был занят. И был занят, как ему теперь казалось, очень плодотворно. Оттого-то он с сожалением и даже с брезгливой горечью вспоминал былую семинарскую беззаботность, когда он, будучи уверен, что всегда успеет нагнать, мог без оглядки

Created by free version of 2PDF

предаваться всему, что его увлекало помимо учебы. Вспоминал, почти злясь, то, как владело им какое-то чуть ли не кичливое пренебрежение к аккуратности и педантичности, которые ему казались тогда уделом людей недалеких и малоспособных. Теперь же он всеми фибрами души чувствовал, что не может делать того, что допускал прежде, что нужно много, непрерывно, систематически заниматься, чтобы успевать.

И дело было вовсе не в том, что Каныш чувствовал себя менее подготовленным, чем другие студенты. Наоборот, он попал в среду тех, кого жизнь никак не баловала, кому она оставляла мало места для дельной учебы, кого трепала и корежила лихая судьба, бросая то в царскую ссылку, то под огонь Антанты и белых. Каныш видел, как у того или иного студента в красноармейской шинели желваки ходили по скулам, когда он чувствовал, как крепок для него орешек науки.

Для Каныша теперь само слово «успевать» звучало вовсе не так, как раньше. С этих дней он должен был успевать никак не для того, чтобы быть в числе успевающих, а для того, чтобы знать.

Это было глупо, что он постиг истинный смысл учебы в учебном заведении на двадцать третьем году жизни. И он, как бы боясь, что к нему вернется былая ребяческая безалаберность, весь проникся озабоченностью знать, понять и осмыслить, и эта озабоченность не оставляла места ничему другому, кроме лекций, лабораторных и семинарских занятий, подготовки к ним, а также чтения литературы для кругозора, для знания русского языка. Последнее настоятельно рекомендовал ему строгий наставник Усов, у которого теперь он жил и к которому питал те же чувства, что и к старому Имантаю: все, что исходило от Усова, он должен был выполнять с такой же непреклонной точностью и обязательностью, как если бы это исходило от отца.

Писал он, поэтому, своему другу чуть не целую неделю, урывками между занятиями, расстроенно удивляясь тому, что он долго и длинно пишет не только от того, что хочет написать задушевно и тепло, а, главным образом, от того, что желаемые задушевность и теплота не получались. Для этого надо было писать всю правду. Но именно этого он теперь не мог сделать. И не потому, что не хотел, а потому, что чувствовал, что в правде сам еще хорошо не разобрался.

Но он знал теперь главное. И оно, это главное, сводилось к тому, что высшее образование в советской стране является важнейшим государственным революционным делом и многие из студентов, что вместе с ним учились, – это были молодые большевики которых обязали учиться их партийные ячейки, заметив в них склонность к углублен-

Created by free version of 2PDF

ным занятиям наукой и техникой, обязали учиться часто против воли их, считавших уход в тишь учебных кабинетов в лаборатории чуть ли не изменой горячему делу обновления жизни.

Получалось, что обида активистов ревкома на своего товарища, уехавшего учиться была напрасной. Наоборот, Каныш должен был бы обижаться на них. Но этой обиды он не чувствовал. И не только потому, что там, в Баян-аульском ревкоме, пожалуй, не было ни одного человека, который бы с высоты интеллектуального уровня самой ведущей части большевиков мог зорко оценить роль специалиста высшей квалификации в будущей жизни степей, хотя все понимали, как уже теперь требовались очень знающие люди. И тем, не менее, ни у кого не было, да, и, пожалуй не могло быть даже в помыслах, чтобы ставить вопрос о направлении некого товарища Сатпаева в далекий сибирский институт. Он не чувствовал обиды не только поэтому, а, главным образом, потому, что оказался в стенах института не на основе осознания общественной необходимости такого поворота в своей судьбе, а просто от того, что не был убежден, что сможет активно и полезно продолжать участвовать в борьбе за новое, что принесла Советская власть в степи.

И, если его желание стать студентом полностью соответствовало мечтам и чаяниям устроителей новой жизни, в стране, то это просто свидетельствовало о том, что малоудачливому судье десятого участка из Баян-аула очень повезло.

Вот какие мысли начали бродить в голове студента-киргиза (в то время еще так было принято называть казахов), когда он писал ответное письмо Науану. И вот почему он не мог враз, в открытую, изнутри излиться своему другу. Вот почему, он, в письме к Науану старался с деланной непринужденностью балагурить о том, что теперь бывший нарсудья будет ходить с котомкой за плечами по землям и весям, подобно дервишу-пустыннику, верному слуге Аллаха и его Пророка, и стукать молоточком об любой попавшийся камень, стукать так, чтобы каждый стук жалобно выражал просьбу-мольбу к аруахам-покровителям подкинуть смиренному рабу всех неземных владык Канышу, сыну Имантая, хотя бы крупиночку золота, хотя бы кусочек меди. Рассказывал о профессоре Усова, о студентах-товарищах и о многом другом.

Писать же о том, почему он все-таки пришел к решению уехать учиться, оставив семью, родителей, степь, пренебрегши большим доверием, которое ему было оказано, он не стал. Он почувствовал, что

Created by free version of 2PDF

писать об этом, не греша против правды, трудно. Поражало, что все былое теперь здесь, в Томске, выглядело совсем не таким, как раньше. Видно было, что жизнь, какой бы она еще короткой ни была, враз не опишешь и не перескажешь. Каждый факт, оказывается, остается просто фактом, пока о нем не станешь думать. Как только начинаешь размышлять, факт оживает и становится многоликой частью жизни, готовой услужливо высветить той гранью, какая тебе необходима, если не подберешь тот строгий угол зрения, с которого бы видны были все эти грани в истинной пропорции.

Это удивило Каныша. Это ему показалось открытием. Так вот почему Абай говорил, что каждый человек - загадка. Может быть, загадка даже для себя....

Как бы ни был занят Каныш в институте и дома, теперь все же имелась возможность взглянуть на все прошлое со стороны, издалека, отодвинувшись от сует родной степной жизни, вдали от ее сытости, сидя на студенческом пайке.

...Стоял он однажды на кухне, грея чайник, и не заметил, как проходил Михаил Антонович.

- Ты о чем задумался, Каныш? - Здравствуй! - Каныш вздрогнул, засмеялся.

- Здравствуйте, Извините, Михаил Антонович, действительно задумался. О своем прошлом...

- О прошлом, - улыбнулся наставник, вытирая очки, - Прошлое у тебя, правда, небольшое, молодой, человек, и все же о нем стоит думать иначе на будущее правильно не выйдешь! - и прошел к себе, в кабинет.

Каныша радовало, что, поступив в институт, он вышел, как теперь был уверен, на будущее действительно правильно. Но, как не смешно и не странно, главным виновником этому был начальник Баянаульской милиции Уахит Шоканов. Если бы взаимная неприязнь, накапливавшаяся между ними, не вылилась в бурное личное столкновение, Каныш, может быть, не стал студентом, по крайней мере, именно сейчас, а, возможно, и вообще. Хоть садись и пиши письмо товарищу Шоканову с выражением благодарности и признательности.

Плохо думал тогда Каныш о Шоканове, думал до того, плохо, что придумывал различные способы мести, пока не убедился, что это очень глупо. Теперь же он понимал, что во всем этом Уахит почти не причем. Он выразил то, что должно было быть выражено. Только, может быть, четче, яснее, напористее и раньше, чем другие.

Created by free version of 2PDF

Когда в марте прошлого года Каныш приехал в Баян-аул и включился в работу только что организованного ревкома, его познакомили с начальником милиции, которого тоже направили на эту должность из уезда.

Был теплый мартовский день и члены ревкома, собираясь на заседание, не торопились войти в плохо топленный, холодный кабинет председателя, греясь под ласковыми лучами послеобеденного весеннего солнца. Кто-то из стоящих представил Уахита и Каныша друг другу. Не успел Каныш сдвинуться с места, как широкая ладонь Уахита ловко прилипла к ладони Каныша, а короткие пальцы цепко впились и до хруста сжали кисть. Отпустил он руку после такого рывка вниз, что отдалось в плече. Канышу стало чуть неловко от того, что он, знакомясь с человеком, который, по-видимому, был старше, почти не сдвинулся навстречу. Уахит опередил его, и это, наряду с неожиданно крепким и стремительным рукопожатием, можно было бы принять за особое проявление радости со стороны нового знакомца, если бы не было, видно, что мясистое, обветренное до чугунного отлива лицо Уахита ничего подобного не выражало. Оно, это лицо, смотрело без тени улыбки и тепла, как будто говоря: раз необходимо вместе работать, давайте познакомимся, пожмем друг другу руку без особых церемоний, оттого я и подошел, хотя и старше тебя. Не судите обо мне по толстым и выпуклым щекам, по широко расплывшемуся на мне носу, а смотрите на густые, иссине-черные,, подвижные брови, на жесткие, толстые усы, и, наконец, на острые маленькие глаза с пронзительно-углистыми зрачками и вы тогда увидите мою суть. Вот что говорило лицо нового знакомца.

Казалось, вся его короткая, раздавшаяся более поперек, чем вдоль, плотно сбитая фигура, с трудом втиснутая в красноармейскую шинель, была переполнена таким избытком силы, ловкости и уверенности, что этот избыток сказывался во всех его движениях даже при самом обычном проявлении вежливости.

Каныш, незаметно покосившись от солнца, посмотрел на тени и улыбнулся про себя, видя какой несуразной, длинной жердью выглядит сам по сравнению с тумбой напротив. Да, твердо стоял на земле этот человек: даже широкие стопы коротких, кривых, от лошадиных боков ног, и те смотрели не по сторонам и не прямо, как у обычных смертных, а как-то внутрь, устремляясь вперед, в единую точку, и тем подчеркивая волю и упорство хозяина.

Created by free version of 2PDF

– Товарищи, обратите внимание, - сказал присутствовавший здесь же представитель уездного ревкома, - такое радушное знакомство двух местных опор революционной законности говорит о том, что в районе Баян-аула антисоветские выходки будут быстро устранены, а пролетарская правда и большевистский порядок будут установлены в лучшем виде.

– Очень будем стараться, товарищи. Что касается меня, то я вполне понимаю, что моя работа во многих случаях будет оцениваться товарищем Сатпаевым и успешность ее будет зависеть оттого, какова будет эта оценка. Ведь может же быть так: приведешь преступника, а судья скажет: ты кого привел? Это вовсе не преступник! - спокойно отпарировал Шоканов. При этом закинутую, как у всех низкорослых людей, назад голову склонил чуть вправо набок и с ухмылкой сощурил глаза.

Каныш уже точно и не помнил, что сказал тогда на это, скорее всего пробормотал, что-то вроде того, что дело общее, что будем вместе разбираться и т.д. Между тем, весь облик Уахита свидетельствовал о том, что надеяться в своей работе на такого, с позволения сказать, судью не собирается. Это задело Каныша. Он злился потом, что тогда сразу не смог, не нашелся сказать, что этого не будет, ибо есть еще и главный судья ревком партия, народ. Они не позволят ни Шоканову, ни Сатпаеву отходить от объективности и правды.

Между тем, голос и в особенности находчивость и уверенность Уахита кого-то напоминали. Сидел на заседании, смотрел на брови и усы Уахита и все больше скребла мысль, что где-то его видел. И уже поздно вечером, идя к себе на квартиру, он, наконец, вспомнил.

Он был старше Каныша года на два-три. Встретил его лет шесть назад, когда в последний год учебы в Павлодаре приехал в аул на зимние каникулы. В соседнем ауле из каржасского рода Кул появился новорожденный. Пригласили на игры-шильдехана. Когда после угощений молодежь осталась играть в соседа-соседку, Каныш заметил, как маленький, коренастый, узкоглазый, черненький юноша успевает выспаривать и не отпускать от себя понравившуюся девушку, сыпля пословицами, поговорками, на ходу, складно сочиняя четверостишия на подвернувшуюся по случаю тему.

Юноша всем нравился. Особенно понравился восторженному старшему брату Каныша Бокешу. Парня звали Уахитом. Сын Шокана из рода Орманши, что кочуют около гор Акбет-тау, где-то аж за Баян-аулом. Это не менее, чем в ста верстах на северо-запад от зимовий

Created by free version of 2PDF

Шормана и Сатпая, а появился он среди кулов просто по праву родства: его мать вышла из этого рода. Принято было в казахских аулах баловать жен, отпрысков от девушек, отданных в дальние роды.

Бокеш, очарованный остроумием Уахита, пригласил его в гости. Но в доме Имантая он вел себя как-то скованно, побыл недолго и больше не приезжал. Видно было, что парень находится в ауле матери *не из желания весело провести время, а просто по бедности.* Выдавали подшитые сапоги, потертая по углам шапка-тымак и старый полушубок-тон, явно изношенный не им самим.

Он был сверстник Бокешу и Каныш, выглядевший не ровней, с ним почти не разговаривал, да и гость, казалось, не обратил на младшего брата внимания. Так и забыл его Каныш.

Между тем, в Баян-ауле, его знали. Он здесь учился в школе, а потом, говорили, уехал в русско-киргизское училище; уехал, при очередном наборе, снарядившись вместо байского сына, желавшего не учиться, а жениться, кажется, в Омск. Уехал и его забыли. Родители, у которых он был один, умерли, братьям отца было не до него, помоги, аллах, самим выжить. Никому не было известно, где он пребывал в это время. Увидели его тогда, когда проходил через родной аул конный отряд Красной Армии, гнавший колчаковцев. Не сказали, — большой *ли* командир, но заметили, что его слушаются, что он — не рядовой. А затем он стался в частях особого назначения, преследуя и вылавливая недобитые остатки белых и их местных приспешников. И вот теперь направлен начальником милиции в Баян-аул.

В Павлодаре, куда выезжал Каныш по работе, один из членов руководства уезда доверительно рассказал некоторые подробности из жизни Уахита; Подробности, которые тогда не могли быть известными широкому кругу людей.

Он действительно учился, и, успешно окончив русско-киргизское училище, собирался поступить в семинарию, как был захвачен водоворотом постфевральских событий. В то время в Омске в различных учебных заведениях обучалось много парней из аулов. Из них быстро образовалась группа, безоговорочно поддерживавшая большевиков. Уахит стал одним из самых активных в этой группе. Когда Колчак занял Омск, он бесстрашно выполнял поручения большевиков, перешедших в подполье. А потом, дождавшись Красной Армии, вступил в ее ряды.

В частях особого назначения - чоне он активно участвовал в обезвреживании самых отъявленных негодяев из недобитых остатков бе-

Created by free version of 2PDF

лых банд, наводивших страх на села и аулы, проявлял при этом надежную смелость и находчивость. В частности, рассказал и о том, как удалось Уахиту умело разыграть роль колчаковского офицера, будто случайно попавшего в руки чоновцев, что белобандиты сочли за особое достижение, когда его, измученного издевательствами и истязаниями, вырвали из лап якобы торжествующий и мстительной голодьбы. Неизвестно, сколько мотался он с новыми «единомышленниками» в Чингисских и Каркаралинских горах. Мотался, по-видимому, до тех пор, пока не узнал, что необходимо было узнать, а потом «друзей» и «соратников» своих, связанных, безоружных .присмиревших от дурного, мутного и тяжелого похмелья после очередной попойки, сдал в руки уездной милиции.

Каныш не удивился, услышав столь интересные подробности из жизни Уахита. Это было похоже на него. О нем, пожалуй, ходили бы легенды, если бы суровая революционная действительность не заставляла пока молчать о его делах. Каныш пришел в восхищение от того, что теперь будет работать рядом с таким замечательным человеком. Он восхищался и завидовал Уахиту, верному и бесстрашному бойцу революции. Каныш, не сумевший стать таким бойцом, теперь стыдился тех неприятных впечатлений, которые допустил в себе при первой встрече с ним.

И все же через какое-то время (он уже не помнил, когда это началось) Каныш стал замечать, как у него внутри, рядом с восхищением и уважением упорно дает себе знать какое-то другое чувство, которое постоянно ловит и невольно обращает внимание что-то тревожное, неприемлемое в поступках и речах Уахита, на что-то идущее вразрез желанию быть близким к этому человеку.

В частности, однажды Каныш, как ответственный за культ-просветработу, докладывал на заседании ревкома о состоянии обучения детей и подростков во вновь организованных школах.

Речь пошла об одной школе, где помещение, выделенное для нее не отапливалось и школьники перестали ходить учиться. Каныш считал, что аульный старшина, который должен был помочь, не оказывал содействия. «А где учитель, что он делал, что распустил учеников»? - жестко спросил Уахит. Каныш ответил, что это очень скромный, очень боязливый по природе молодой человек, который, наверное, никогда не наберется смелости жаловаться на аульного. Но зато, - добавил он, - это - грамотный учитель и учащиеся к нему относятся хорошо. «Знаем

Created by free version of 2PDF

мы этих боязливых, байский сын, вот где корень зла! - бросил реплику Уахит и замолчал. Хотя эта реплика и не сказалась на решении ревкома, она произвела на Каныша неприятное впечатление: учитель действительно был из богатой семьи, но этим никак не определял свое поведение, был скромен и добросовестен. Когда об этом он сказал Уахиту по окончании заседания, тот выслушал, помолчал и перевел разговор на другую тему.

Каныш не мог не заметить, что для Уахита люди четко делились на баев - богачей и кедеев - бедняков. И тот, кого он относил к баям, был у него всегда на подозрении, а тот, кого относил к кедеям, не вызывал сомнения. И эта четкость сковывала природную гибкость его мышления. Очень много было случаев, когда Уахит воздерживался от голосования именно потому, что ревкомом оказывалось доверие тому, кого он считал баем, и недоверие тому, кого он считал кедеем. Он был достаточно умен, чтобы не доказывать с пеной у рта свое при явном недостатке конкретных аргументов, однако по тому, как вздрагивали жесткие усы и как угрюмо сближались густые брови, Каныш чувствовал, что данным решением Уахит не доволен.

В обращениях Уахит был грубо фамильярен и в этом Каныш чувствовал какую-то нарочитость, пока не понял, что малохарактерная для степного быта краткость рублеными и, неизменно подсоленными фразами, когда кажется, что приветствующий для выражения почтения, вламывается в юрту прямо на коне, усвоена Уахитом по убеждению. Он считал, что честные, настоящие мужчины во взаимоотношениях должны держаться именно этой непритязательной короткости, если не хотят скатиться к буржуйско-байской гнилости и неискренности, прикрытой, как он считал, так называемой деликатностью и вежливостью, отвратительно-приторными свойствами изнеженных и расслабленных от постоянного безделья душ.

Уахит был не так разговорчив и словоохотлив, каким показался когда-то в ауле рода Кул. Жизнь, видать, научила сдержанности. Но в тех случаях, когда кто-то попадался ему на язык, давал волю своей находчивости: едкие и остроумные замечания, ехидные и меткие определения как бы случайно срывались из-под его усов.

При встречах с Уахитом Каныш старался держать себя непринужденно, предупредительно-почтительно, на грани той деликатности, которую Шоканов терпеть не мог. Удивляло, что Уахит воспринимал

Created by free version of 2PDF
Sukkerov University

это спокойно, почти, как должное, хотя подобная изысканность со стороны других вызывала в нем брезгливость и он не мог в таких случаях обойтись без едких острот, сопровождая их сверканием маленьких глаз.

Каныш, по-видимому, тонко нащупал грань, где неизменная вежливость особо подчеркивает независимость и достоинство. Этим Каныш начисто отметил всякую возможность подлаживаться под тот грубый тон, под который попадали многие другие, с кем имел дело самоуверенный и волевой Уахит.

И вот этот человек яснее прямее всех выразил то, о чем догадывался Каныш, что было предметом его тревожных раздумий.

Каныш уже более полугода жил и работал в Баян-ауле. Побывал во многих аулах окрестных родов Айдабол, Жагал-байлы, Орман-ши, Кулик. Судил, агитировал, рассказывал о пользе грамоты и науки, следил за работой трудовых школ, познакомился с новыми для него людьми, стал своим человеком во многих юртах. Аксакалам он нравился тем, что мог проникновенно беседовать на занимавшие их не всегда легкие темы, а молодежи умением доходчиво, со стариковской мудростью толковать о жизни и увлекательно рассказать о коммунистическом будущем. Он просто и непринужденно включался в их веселые игры, нередко затевал их сам. Но это случалось все реже, аксакалы требовали к себе внимания, всегда желая поговорить о политике Советской власти, об аульных и семейных делах. Это льстило самолюбию молодого человека, и все же не раз чувствовал себя стариком поневоле, с завистью глядя на развлечения аульных юношей и девушек.

Вчера Каныш закончил одно сильно взволновавшее его дело. Он волновался при решении судебных дел всегда, но это дело не было похоже на другие и трогало, казалось, совсем иные струны чувств.

Он мог вчера же и доехать до Баян-аула, но подумал о том, что там в тесном сосновом пятистеннике, снятом под квартиру, валяются на полу трое отпрысков деда Сатпая, которых взял Каныш к себе,чтобы они, вместо того, чтобы болтаться .без толку в ауле, учились здесь в школе. Храпят, конечно, рядом с ними два аульних друга, работавших в ревкомовских учреждениях и никак не понимавших, что их присутствие может мешать хозяину жить и работать. А в передней комнате бог знает сколько гостей-каржасиев, которые, приехав по своим делам или будучи проездом из уезда наверняка завалились ночевать у своего Каныша.

Created by free version of 2PDF

Каныш живо представил себе, как слезши с коня, почти к полуночи откроет дверь и как обдаст, почти ошпарит его затхлый, прелый, весь наполненный человеческими испарениями воздух пятистенника, и с каким чувством брезгливости и недовольства будет добираться до своей кровати. Как только он это представил себе, сразу же пришло решение завернуть в аул Молдабека и заночевать в уютной и опрятной юрте этого аксакала, аул которого только что прикочевал к озеру Джасыбай и расположился невдалеке от своего зимовья. Тем более после этого удивительного дела он не хотел торопиться. А дело было самым обычным. Молодая вторая жена - токал требовала развода. До сих пор такие дела, (а их уже рассудил молодой судья немало) очень осложнялись глупым, а подчас и диким поведением тяжущихся сторон. Как правило, на развод подавали женщины - токалы после попытки (часто неоднократной) бегать, после того, как успевали вмешаться в дело не только родственники истицы, но и какие-то мужчины со стороны, сердечно расположенные к ней. Оказывалось, что уже были потасовки между семьями и аулами, барымта с угоном окота, с, взаимными оскорблениями и т.д. Истица требовала развода, а старый муж - возмещения за материальный ущерб, за побои, оскорбления и еще аллах знает за что. Попробуй разобраться, кто прав, кто виноват. Хотя такие дела и заканчивались неизменным удовлетворением требования молодой женщины, однако не обходилось без прокуратуры, милиции, без процесса с участием защиты и обвинения, что при недостатке грамотных людей организовывать было очень нелегко. Словом, на успокоение разгоревшихся страстей уходило много времени и сил.

В данном же случае все началось и закончилось удивительно просто.

...Кто-то занес листочек измятой бумаги, на одной стороне которой четкой арабской вязью было написано, что к товарищу Сатпаеву, как к человеку, который уполномочен советской властью для защиты бедных и обездоленных, обращается она, Анипа, жена-токал Борамбая из аула номер такой-то и просит развести, так как ей всего семнадцать лет и она не желает продолжать оставаться в качестве токал у человека, которому более шестидесяти лет. Письмо заканчивалось стихами:

Славный сын степей Каныш!
Ты несчастным счастье даришь.
Пленницу-птицу из лап дракона
Когда придешь и освободишь?

Created by free version of 2PDF

Стихи не ахти какие, но написаны были, как и само письмо, довольно грамотно.

Каныш этому не удивился. Находились в аулах сочувствующие молодым женщинам и писали за них: часто даже оказывалось, что жалобщица и не думала жаловаться, а письмо от ее имени шло в суд. Было и такое. Особой осторожности требовали эти жалобы.

Возвращаясь после одного скандального дела, разгоревшегося из-за пастбищ между айдабольцами, Каныш решил заехать в аул этой самой Анипы и остановился у председателя аульного совета, молодого человека из бедняков. Порасспросил об аксакале, оказался тот самый Борамбай, муж Анипы. Состоятелен, имеет более ста лошадей, несколько сот овец. Раньше был богаче, теперь в угоду времени поприжал себя. Семья дружная: старшая жена, тоже молодая, но не рожавшая. Правда, она не первая. От первой жени, умершей, двое сыновей, лет под сорок, живущих отдельными большими семьями. Старик был недоволен сыновьями, считал их глупыми и ненадежными, и ему не давала покоя мечта иметь сыновей, которые бы уродились в него (он считал себя умным и хитрым), и он, сердясь на жену за бесплодие решил, хотел, как говорят, обновить постель. Токал Анипа в этой семье выглядит как будто вполне довольной своим положением, ничего хотя бы намекающего на желание ее уйти от старого мужа никто не слышал.

Каныш, решив, что кто-то писал за Анипу и что та об не подозревает, собрался было не тревожа никого, уезжать, как рассудительный председатель аульного совета предложил все же проверить. Это можно было сделать через хозяйку, жену аульного, которая приходилась дальней родственницей Анипе и была в близких с ней отношениях.

Хозяйка вернулась удивленная и расстроенная. «Вот же негодница какая! Спокойно мне сообщает: да, посылала, хочу уйти от старика... Вот эта родственница, вот эта подружка, кому-кому, а мне-то она должна была сказать! Вот ведь какая, убьет кого-нибудь, а сделает вид, что ничего не произошло!» Свое возмущение она, конечно, излила мужу, который и передал Канышу, что заявление в суд действительно подавала она, Анипа.

Каныш почувствовал, что тут нет необходимости ни расследовать, ни вызывать официально истицу и свидетели, а надо поступить проще. И он решил в сопровождении аульного пройти с выражением почтения к аксакалу-мужу, как к старшему аула, а там уж видно будет, как поступить.

Created by free version of 2PDF

И вот они сидят в просторной юрте Борамбая, осеннее солнце в зените, тундук открыт, в юрте светло. Познакомились, посидели, помолчали, расторопная еще цветущая байбише успела подать кумыс. Аксакал отпил глоток, подавая пример гостям, и чуть раскачивая в правой руке пиялу, левой потеребил редкую бородку. Слегка кашлянул и сказал:

– Восторгаюсь советской властью, до чего она правильная! Вот вы, молодой человек, судья. Большой бий. А приехали вы, оказывается, вчера и никто об этом, кроме нашего аульного и не знал. Сидите теперь вот у меня и кумыс пьете. Зашли к старику по старинному обычаю выразить почтение, как самый простой человек, проживший здесь в ауле весь свой век. А раньше, разве позволял себе этого тогдашний судья-бий? Едет он, да не один, а с целой толпой помощников и прихлебателей. Весь аул сбивается с ног, чтобы угодить. Кровь животных льется ручьем: бараны не к чести, жеребят режь! Бий тогда приносил с собой не справедливый суд, а настоящий джут!

Не простеньким оказался старик. Плотненький, ладно скроенный аксакал был, видать, себе на уме. Не напрасно вокруг остреньких глаз то сгущались, то расходились глубокие морщины, будто выдавая сердечность и открытость характера. Что он думал в этот момент о советской власти на самом деле, знали лишь аллах да он сам, а вот приятными, складными словами успел осыпать.

В юрте, кроме хозяина и его старшей жены, сидел еще один мужчина лет сорока, которого аксакал не представил. Но по месту, где он сидел, по обличью можно было предполагать, что это - старший сын. Истица почему-то не появлялась. Без нее начинать разговор было опасно. Каныш уже начал подумывать, нужно ли начинать вообще разговор: вдруг та откажется, а старик поднимет шум - разбивают семью, разрушают согласие в ней!...

Наконец, вошла, должно быть, она. Покосясь в сторону гостей, еле заметно шевельнула губами в знак приветствия и с каким-то легким изяществом подняла большой желтый самовар и вышла.

Юное смуглое личико сердечком глядело из белого, строго закрывавшего все, кроме лица, кимешек. Каныш заметил большие черные глаза, да разлетевшиеся четкие брови. Роста, пожалуй, высокого, выше аксакала.

Теперь она не придет, пока не вскипит самовар. Надо дожидаться, надо утвердиться каким-то образом, что она не откажется от своего заявления.

Created by free version of 2PDF

Каныш следил, любуясь за красивыми, мягкими движениями юной токал, пока та ловко, неторопливо и в то же время быстро собирала дастархан; удивился искусству, с каким она дозировала заварку, сливки и кипяток, чтобы получился чай того вишневого цвета и терпкого вкуса, который удается редким женщинам.

– Вас зовут Анипой? - спросил Каныш, когда чаепитие подходило к концу.

Да, меня зовут Анипа, - ответила женщина спокойно, негромко, приятным грудным голосом. Черные глаза обратились в сторону гостя, и сразу же опустились, как будто говоря, что она никогда не откажется от своих слов.

Старик опешил. Складки на лице сгустились, глазки зло засверлили гостя.

– Дорогой судья, - сказал он, голосом, потерявшим прежний располагающий медок, - вы уже знаете имя моей токал. Это для меня большая честь. А имя моей байбише знаете?

– Нет, имя вашей байбише не знаю, - сказал Каныш, облегченно, вздохнув про себя, ибо старик своим ехидством упрощал переход к делу, - имени нашей байбише не знаю, потому что она не подавала заявление. А вот гражданка Анипа, сноха Сагная, подала заявление и поэтому я вынужден был справиться, она ли Анипа, сноха Сагная. А теперь, поскольку эта гражданка действительно Анипа, хочу спросить: обращались ли вы, Анипа, с заявлением в суд?

В юрте установилась мертвая тишина. Все, словно онемев, уставились на Анипу. Та, как ни в чем не бывало, подтянула дастархан к себе, чтобы собрать и унести. Потом подняла голову и впервые, глядя прямо в лицо гостю, сказала:

– Да, подавала заявление я.

– На что ты жаловалась? - не вытерпев, сказал аксакал. Женщина не торопилась с ответом. Она отнесла к двери самовар, осторожно перетянула дастархан с чайной посудой и остатками съестного села слева у двери, ниже байбише, и лишь тогда ответила:

– Не жаловалась ни на что, а просила, чтобы способствовали уходу из-под этого шанрак.

– Что ты, бесстыжая, мелешь? Взял тебя нищую, нормального чапана на тебе не было, в бархат и шелк обернул, ниших родителей твоих осчастливил, едят мое, ездят на моем, одеваются в мое... - начал было распаляться старик, теряя выдержку и степенность, но Каныш остановил его.

Created by free version of 2PDF

– Аксакал, попрошу вас успокоиться. Вы не из тех шумливых стариков, что в порядках не разбираются. А человек, как говорится, видавший виды. Я понимаю, что вам неприятно, но вы же знаете, что кричащий в гневе смешон. Будете, отвечать только на мои вопросы. Анипа, почему вы хотите уйти из этого дома?

– Хочу уйти, потому что мне, семнадцать, а мужу шестьдесят два. Какое будущее меня, токал, здесь ждет? Мне хочется стать, самостоятельной, пользоваться правами, предоставленными советской властью.

– Какие-либо претензии к мужу, к семье имеете?

– Никаких претензий не имею. А то, что говорил аксакал - это правда. Но только теперь, говорят, что баи свое добро не своим трудом нажили, что это добро — по справедливости-должно принадлежать тому, кто работал. Мой отец, смирный и тихий человек, у своего бая и зиму, и летом, и день, и ночь косяки сторожил, на солнце пекся, в пургу мерз с лошадьми, а оставался нищим, и меня из-за нищеты продал. Думаете, ему не жалко было меня... Да деваться некуда было. Теперь только, слава аллаху, ему стало легче.

– У вас есть дети?

– Да, есть сын, второй год пошел.

– А как с ним быть?

– Как решите.

– Это удивило Каныша. Не было случая, чтобы мать не боялась, что отнимут у нее ребенка. Но тут вмешалась байбише.

– Дорогой мальчик-судья. Ты не обижайся, что так обращаюсь. По возрасту ты мне сыном приходишься, - сказала она, обратив в сторону гостя умное лицо свое, которое под белоснежным высоким цилиндром жаулыка показалось Канышу каким-то озаренным и располагающе приятным. После ее слов: «по возрасту ты мне приходишься сыном» – он мельком подумал даже, что, наверное, вот такой же красивой, статной, опрятной, белолицей и полной зрелого женского достоинства была бы и мать его. Подумал, удивляясь тому, что она, его мать, именно такой сложилась, по рассказам, в воображении.

– Пожалуйста, говорите, - сказал Каныш, будто ожидая, что вот она, эта до сих ни слова не проронившая, но, должно быть, умеющая говорить байбише, скажет такое, что все разрешится само собой без ненужного скандала и сопутствующих ему осложнений.

– Подала Анипа заявление в суд и правильно сделала, - спокойно начала было байбише, как сидевший напротив нее у двери справа старший сын хозяина громко и зло прервал ее:

Created by free version of 2PDF

– Ты что старик, окончательно с ума выжил? Ты что бабский суд устраиваешь над нашим шанраком? *Или мы сами хуже баб стали?* Пусть засудят, пусть прогонят сквозь сверленые горы, пусть сошлют туда, где на собаках ездят, но я этого не допущу! Лучше сам своими руками спущу шанрак и предам огню, чем терпеть такой, позор! - кричал сын, весь побурев, и видимо, теряя самообладание.

– Таит! - внушительно остановил сына отец. - Таит! Не твоя жена, шенок, подала заявление. Пойми, дура, баба взбунтовалась, пена на воде вздулась, сдунешь - ее не будет! А шанраком будешь распоряжаться, когда я умру. А сейчас не понукай. Молчи и слушай, не то *уйди*!

– И уйду, - сказал тот. Поднялся и ушел.

– А вы продолжайте, - обратился Каныш к байбише.

– Так, вот я говорю, что Анипа правильно поступила. Что человеку нужно: хорошо одеться и три раза в день поесть? Если так, то нам грех было бы жаловаться. Все у нас есть. Только вот *слышим*, что теперь власть такая, что желает, чтобы люди по любви, свободно, без принуждения сходились. Можно плохо одеваться, хлебом, да водой перебиваться, но когда с человеком по сердцу живешь, - нет краше жизни. Что греха таить, с детства человек об этом мечтает. Вот он меня взял, тоже ведь уже старик был, а я была такая, как Анипа. Покойная мать Ахмета, что сейчас ушел, не будь плохо помянута, имела тяжёлый характер, ревновала жестоко, а я еще была ребенком, только что пятнадцать исполнилось. Не буду рассказывать, как она надо мной измывалась. У *меня и ребенок из-за нее мертвым родился*, а после аллах мне не судил зачать. Заболела, умерла, бедная, в муках. Я стала хозяйкой дома. У самого двое сыновей, две юрты внучат, казалось бы, пара угомониться, а нет, заладил, не рожаешь, еще могу свою семью растить, жениться буду... Вот и купил Анипу, также, как и меня. Ты, прости меня, мальчик мой, я, наверное, все должна говорить. Привез он Анипу, а у меня сердце в печенках жжет. Ревную. Смотреть на нее не могу. Вспоминаю, как ладо мной покойная издевалась, молчу и терплю. Несколько месяцев терпела. А она тоже молчит, красивая, стройная, что твой тростник, большеглазая и печальная. И вот сам куда-то, помню уехал. Ночью за очагом оказались вдвоем.

– Аи! - говорю, по имени до этого ни разу не обратилась, - что-нибудь от старика там внутри у тебя есть? - А она как заплачет, заревет, все тело ходуном ходит, не могу успокоить. И вдруг разревелась сама. Вспомнила, что у меня двадцать лет назад мертвой родилась де-

Created by free version of 2PDF

вочка, что вот она могла бы вырасти такой же и, может быть, тоже красивой... Сидим вдвоем, плачем... Наплакались, наговорились и что-то такое случилось, что она мне стала не кундес-соперницей, а какой-то родной, может быть, такой же родной, как та моя покойница - дочь... Тогда же я поняла, что она слишком молода и умна, чтобы продолжать жить здесь. Сын... О сыне пусть решает сама. Но если она доверит его мне... – У байбише на глазах появились слезы. - Ведь на руках ношу с рождения.. Уай, Асия, принеси сюда Алпысбая, - закричала она, чтобы слышно было в соседней маленькой юрте. Когда принесли толстенького годовалого бутуза и тот с ходу потянулся к байбише, она продолжала, - вот видите, верблюжонок мой к кому льнет?.. – Пусть Анипа не думает, что мое сердце от разлуки с моим жеребенком будет надрываться меньше, чем ее.

Байбише заплакала, прижимая к сердцу ребенка, прислонясь к ней, заплакала и Анипа. Две женщины, припав друг к другу, обливались слезами.

– Нет, Анипа, - сказала, вытирая лицо, байбише, - женское горе не выплачешь, пойдем кобыл доить, да казан ставить. Прости нас, мой мальчик, я все высказала, - обратилась она к, Канышу, вставая с ребенком на руках.

– Спасибо, апа, - только и мог ответить Каныш.

Уже вечерело. В юрте остались одни мужчины. Установилось тягостная тишина. Аксакал, потемнев в лице, смотрел куда-то вдаль и отрешенно молчал. Молчали и гости. Нарушил тишину Каныш.

– Ну что скажете, аксакал? Теперь слово за вами.

– Что я скажу? Ничего не скажу. Советская власть не для того, наверное, только пришла, чтобы молодые из-под стариковского одеяла жен уволакивали? Неужели молодым женщин не хватает, кроме, как зариться на истоптанное стариками? Где честь, где совесть? – с горечью и тоской говорил старик, Каныш удивился, что аксакал нисколько не злится на своих объединившихся жен, а более жалуется на судьбу, на время и на того молодого, который в его воображении уже приготовился забрать его токал.

– Аксакал, вы не правы. Речь идет не о ваших женах, а о людях. Советская власть говорит: женщины такие же люди, как и мужчины. До сих пор все решали мужчины, а теперь будут все вопросы жизни решать и мужчины, и женщины, сообща, при взаимном согласии. Ведь это просто. Теперь скажите, пока женщин нет, как нам быть в связи с заявлением Анипы?

Created by free version of 2PDF

– Для чего у меня это вы спрашиваете? Решаете вы, судья, и решайте. Аллах свидетель, для меня решение властей - закон.

– А как быть с ребенком?

– Ребенок должен остаться у меня. Живым ребенка в руки взбесившейся самки не отдам. Самка без бога, без чести будет переходить из рук в руки и таскать мою семью с собой, позоря мой род, мое имя! Пока я жив, этого не будет, твердо сказал старик и зло засверкал маленькими глазками, враз потерявшими ту задумчивость и отрешенность, во власти которых они только что были.

– Вы злитесь, аксакал, но злость - плохой советчик. Вы только что выгнали из этой юрты сына за то, что злился. И правильно сделали. Теперь и сами будьте сдержанными. Как я понял, вы хотите сказать, что Анипа - слишком молодая женщина, чтобы правильно воспитать сына? Не так ли?

– Да, да, именно так я хотел сказать, да иблис-бес попутал, не те слова на язык подсунул... и лицо старика стало жалким и покорным.

– А как быть насчет енши, насчет принадлежащего ей, она по советским законам равноправный член семьи.

– А кто мне калым возместит?

– Аксакал, вам следует калым считать подарком, которыми обмениваются родственники, а не ценой человека, который пришел к вам в дом. Не к чести требовать подарки обратно, а объявлять во всеуслышание, что вы купили человека, теперь уж вовсе не модно.

– Что с меня, старого, хотите? Я уже перестал понимать, что хорошо, что плохо, голова кружиться. Решайте, дорогой судья, по закону.

– Старик почувствовал себя обложенным и затравленным. Хуже всего было, что обложил и затравил его, видавшего виды и матерого, этот безусый мальчик, не старше, если не моложе, его первого внука.

– Спасибо, аксакал, за доверие. Будем решать по закону и справедливости, – сказал Каныш, уже проникаясь жалостью к растерявшемуся старому человеку.

– Женщины вернулись. Анипа не садилась, собираясь, по-видимому, снова выйти. Каныш обратился к ней.

– Анипа, присядьте, пожалуйста, ненадолго. Вы решили расстаться с этой семьей. Это ваше твердое решение?

– Да, твердое.

–.. Как быть с сыном?

Услышав этот вопрос, аксакал и байбише встрепенулись и заинтересованно уставились на Анипу. Та молчала и тихо сказала:

Created by free version of 2PDF

– Я хотела бы услышать, что скажет родной отец ребенка? Старика это обращение молодой жены захватило врасплох.

– Что я скажу... что я скажу... Я не отдам его тебе... Моя семья, моя кровь... мой последыш... Ты не прокормишь его, не воспитаешь, ты - молодая... Он будет сиротой и посмешищем...

Старик уже не знал, что и говорить, боясь, что снова оговорится и судья поймает на слове.

– И прокормить, и воспитать смогу. Вы свою токал не знаете. Я - молодая, буду работать, власти теперь обеспечивают плату за труд... Я не боюсь работы.

Анипа говорила убежденно, уверенно и спокойно. Говорила, видно, тысячу раз продуманное. Но тут вмешалась байбише.

– Слушайте, отец детей, вы любите своих детей, а маленького больше всех. Я знаю это. Но никогда отец не мог любить ребенка, больше, чем мать. Поэтому-то справедливый новый закон на стороне Анипы. Но она - не злой человек. Вы и я должны просить ее оставить ребенка у нас. А мы с вами поклянемся перед аллахом и перед людьми, что будем беречь Алпысбая, а подойдет время, не скроем, кто у него родная мать. Поверьте мне: этот мальчик оживил высыхавшую, не испытав материнства, грудь мою. И я, если Анипа решит забрать его, пойду за ним хоть на край света. И я это не для угрозы говорю - не думаю, что, уйдя за Анипой, буду счастливой, но, может быть, пригожусь чем-то мальчику. Вот что я теперь думаю, решайте сами.

Аксакал почувствовал себя еще более затравленным, еще более беспомощным. Почему эти две женщины, до сих пор строго соблюдавшие веления шариата и заветы предков, и поэтому не только не позволявшие, но и не знавшие, что такое неповиновение, никогда не раскрывавшие перед ним уста для лишнего слова, вдруг заговорили разом, вдруг стали проявлять волю и характер? Ему казалось, что это не случайно. Не сегодня же они узнали, что их поддерживает безбожная власть. Они, видать, исподволь готовились к такому дню, как сегодня, когда он не может крикнуть на них, как на собак, не угодивших хозяину, чтобы они, эти собаки, вышли вон из юрты, поджав хвост и опустив уши. Мало того, и этот молодой судья, который видит тебя насквозь и ловит на каждом слове, и свой аульный, поддерживающий всех бузотеров; всех бессребреников аула, зарящихся на то, что наживалось и береглось из рода в род, оба они, должно быть, сговорились с его внезапно взбунтовавшими женами. Видит аллах, сговорились, чтобы у него, у старого, отобрать токал, нет, даже обеих жен, отобрать сына, а

Created by free version of 2PDF

вместе с ними и скот, и оставить его одиноким и нищим в руках глупых и себялюбивых сыновей. Что делать? Кричать, звать на помощь? А кто поймет меня, кто поможет? Прибегут сыновья, не способные ни на один разумный шаг, гвалт и шум поднимут, последствий не оберешься. Вот до чего дожил на старости лет Борамбай!..» Подчиняйся судьбе, Борамбай, уповай на единого аллаха, Борамбай! - сказал он про себя, вслух же произнес:

– Анипа, оставь мне сына. Пробормотав эти слова, он молитвенно обратил взор не к Анипе, а куда-то вверх, должно быть, к аллаху, и, закрыв глаза, угрюмо замолчал. Женщины встрепенулись; аксакал впервые назвал младшую жену по имени: до сих пор только и слышалось: хатын, аи хатын! – баба, аи баба! (Это обращение раньше, пока была жива первая жена, относилось к байбише, теперь же - к молодой токал).

Анипа подняла голову, может быть: впервые прямо оглядев сидящих своими большими, прекрасными глазами.

– Сердце мое надрывается, но я знаю, что оно надрывается у апай не меньше моего. Не хочу уходить, оставляя за собой горе. Пусть малыш остается здесь.

Вдох облегчения вырвался из груди байбише.

– Анипа, родная, дорогая, будь счастлива и благословенна. У тебя сердце женское, а ум мужской, - говорила она вне себя от радости. Светлее стало и лицо аксакала. Он развернул ладони и прочитал про себя краткую молитву. Кого благодарил он в молитве: то ли судьбу, то ли Анипу - не мог бы и сам точно сказать.

– Анипа, сказал Каныш, - вы умно, прекрасно, человечно поступаете. Теперь вы должны сказать свое мнение и о следующем: все, что есть в этой семье, у аксакала, это все общее. Каждый член семьи имеет право на свою долю. Аксакал сам может оценить и отдать положенное вам, а может, если потребуется, и суд присудить... Вот здесь аульный, кто, чем владеет, он точно знает...

Анипа на это ответила кратко:

– Я оставляю сына - самое дорогое для меня существо. Так неужели вы думаете, что я буду судиться и рядиться из-за скота и тряпок? Мне ничего не нужно. Если аксакал обеспечит мне проезд до Оренбурга, буду благодарна...

Тут аксакал и байбише удивленно обратились к Анипе. Это было уж совсем ново. Они слышали, что где-то есть город Орынбор и где, рассказывали, теперь будет центр всех казахских степей, но почему и

Created by free version of 2PDF

зачем понадобилось Анипе ехать туда, было совсем непонятно. Еще менее понятно было, почему она отказывается от скота и добра. Уж не тронулась ли бабенка?

Каныша это тоже удивило, но поскольку желание Анипы ехать в Оренбург к делу не относилось, он не стал трогать эту тему.

Он обратился к аксакалу, чтобы спросить, что он скажет по поводу просьбы Анипы, и увидел, что лицо аксакала выражает не то радость, не то недоумение.

А радоваться было чему. У него остается малыш, в котором, как и все степные старики, он души не чаял. А главное, остается нетронутым его косяк. А когда цел косяк, токал найдется.

Было отчего и недоумевать. Какая блажь заставляет бабенку отказываться от всего - от сына, от раздела? Не скрывается ли здесь какой-то подвох? Недоумевал оттого, что совсем не знал свою жену. Женщины для него были существами, удовлетворявшими его похоть и служившими временным жилищем для его детей. Он никогда не снисходил до разговоров с ними.

И все же тому, что слышал аксакал, нельзя было не радоваться. И он весело сказал:

– Все, что она просит, аллах свидетель, выполню...

Уже было поздно. Осенний вечер дал знать себя прохладой. Разожгли очаг, накинули на спины чапаны. Потянуло вверх теплым, уютным дымном. Каныш решил завершить разговор и остановил Анипу, которая уже несколько раз порывалась уйти.

– Теперь последнее. Когда вы, Анипа, собираетесь покинуть аул?

– Если аксакал разрешит ночь побыть с сыном, я остаюсь на эту ночь. А завтра попрошу отвезти в Баян-аул.

– Ведь тебя, Анипа, аллах привел сюда, под этот шанрак, велев остаться на всю жизнь. Из этой всей жизни ты теперь просишь всего одну ночь... Неужели твой аксакал будет гневить аллаха и запретит эту последнюю ночь... Нет, не буду я аллаха гневить... - попробовал пошутить, приходя в себя, аксакал. Анипа засмеялась. Смех был негромкий, приятный, грудной.

– Нам с апай сегодня надо делать той на весь аул. Аксакал второй раз обращается ко мне по имени. Так, пожалуй, он теперь и к апай будет обращаться по имени. И обращаться будет даже с шуткой... Вот как сейчас...

Аксакал опешил. Мало ему мальчика-судьи, которому опасно лишнее сказать, теперь и токал стала ловить на слове.

Created by free version of 2PDF

– Теперь вы, женщины, хозяева жизни. Созывайте той, объявляйте байгу, распоряжайтесь...сказал он, как будто в тон шутки Анипы, но почувствовал, что в тон не попал и говорит не то, что нужно, говорит от злости, от растерянности, говорит, унижая себя. И замолчал.

Тягостное молчание прервал Каныш.

– Аксакал, мы по заявлению гражданки Анипы все, кажется, решили. Я хочу поблагодарить вас, вы показали себя разумным человеком, понимающим, что несет и чего желает советская власть. А сейчас, если разрешите, мы пойдем, пора отдыхать.

– Нет, сказал аксакал, - никуда не пойдете. Одного позора для стариковской головы, что токал уходит, достаточно. Позвольте отвратить другой. Отпустить вас, не показав голову ягненка, не могу. Переночуете у меня, в этой юрте.

Выйдя из юрты, чтобы размяться, Каныш удивился, как долго они сидели, была глубокая звездная ночь, аул спал.

Когда принесли наполненный ароматно дымящей ягнятиной астау и поставили перед Канышем, аульный, вынув из кармана острый перочинный нож, кончиком его придвинул лоснящуюся голову ягненка гостю. Каныш вынужден был дать разъяснение:

– Аксакал, спасибо за честь, но с головой расправляйтесь сами, у меня еще жив отец.

– Каныш был доволен сегодняшним днем и вкусно сваренную ягнятину ел с наслаждением, не забыв при этом наделить лучшими кусками дастархан байбише и Анипы.

Когда перешли к кумысу. Каныш счел нужным обратиться к Анипе.

– Анипа, мне сказали, что вы владеете грамотой. Заявление сами писали?

– Да, я сама написала.

– А где вы научились?

– У себя в ауле, у муллы.

– Но ведь у аульного муллы почти все учатся, чтоб хоть немного слова Корана знать, но редко кто выучивается, чтобы так писать, как вы пишите. Мне показалось, что писал человек, учившийся чуть ли не в медресе.

– Знаете, еще девочкой маленькой я с братом ходила к мулле, потом перестала, потому, что кроме меня, ни одна девочка не училась, но буквы успела выучить. Интересно было, чудно было видеть, как из букв складываются слова. Вот и читала Коран пока весь не выучила.

Created by free version of 2PDF

Потом попалась книжка о несчастной любви Лейли и Меджнуна и ту я выучила. Эту совсем интересно было и читать и учить. А потом как-то зашел к нам мулла, отец решил перед ним нахвастаться и заставил меня читать Коран наизусть. Послушал мулла, побурел весь и забрал у меня книги, а отца убедил, что в меня шайтан вселился, чтобы дразнить правоверных мусульман ибо, чтобы так знать Коран, надо десятки лет учиться. Отец испугался, запретил мне читать наизусть и велел никому не говорить о своих успехах. Я тоже испугалась и замолчала, но продолжала потихоньку писать на бумаге, даже некоторым джигитам вместо них сочиняла любовные письма.

Каныш вспомнил, как он сам в детстве быстро выучил суры Корана, приводя в неописуемую радость муллу Нигматуллу и отца. Вспомнил, как рано научился нараспев читать поэмы-хисса, хранившиеся в ящике отца. И не удивился, что Анипа имела такие же успехи. Но зато был очень удивлен аксакал. Но не тому, что его токал в свои семнадцать лет успела каким-то образом столь многого постигнуть, а тому, что он, прожив более двух лет с этой бабенкой, не знал, что она грамотна и знает наизусть Коран. Удивлялся, нисколько не досадуя на то, что не удосужился за два с лишним года поговорить с этим вечно печальным, молчаливым живым сосудом аллаха для хранения, выведения на свет божий его ребенка.

– Бисмилла иррахман иррахиим, – начал Каныш нараспев и посмотрел на Анипу, растягивая ритмическую паузу.

– Агузы беллахи минашшайтон ирражиим, - продолжила она своим грудным располагающим голосом: продолжала без остановки. Слова Корана лились без усилий, свободно и непринужденно. Закончив первую суру Корана, она перешла ко второй длинной суре. Все заворожено слушали, как она, вся отдавшись музыке непонятных слов, выпевала из себя складные строки Корана. Аксакал то и дело полушепотом повторял: «астапралла! астапралла!», что выражало, по-видимому, и испуг, и удивление одновременно.

Каныш прервал ее и попросил прочитать двадцать первую суру. Та удивилась – на номера сур она, оказывается, не обращала внимания. Тогда он стал говорить названия сур, она читала без запинки, но слова произносила часто неправильно. Видимо, никто ее не поправлял. – Байбише воспользовалась паузой и прервала чтение.

– Слушай, Анипа, это ужасно: столько живем вместе и я не знала,

Created by free version of 2PDF

что ты – настоящий мулла. Чувствовала, что ты много знаешь песен, хисса, а что ты знаешь Коран - не представляла. Под каким замком ты это держала?

– А под таким, апай, что считала, к чему эти знания для грязной токал. А теперь чувствую, что могла бы чему-то выучиться и поэтому-то хочу поехать в Оренбург. Надеюсь, найти там дядю, который бежал из аула во время «приема», скитался неизвестно где, стал красным, а ныне, говорят, является там в Оренбурге, большим человеком. Не признает он меня, что ж, власти помогут, сама выучусь.

Анипа встала, чтобы убрать посуду.

В юрте установилась тишина. Все молчали. Каныш молчал, потому что был поражен целеустремленной волей, разумом этой почти еще девочки, уже способной на такое продуманное поведение, какое она показала сегодня. Председатель аул-совета молчал, думая о том, какую умную, красивую, очень нужную для насаждения грамоты в ауле женщину теряет его совет. Байбише молчала, с грустью в душе прощаясь с послушной девочкой и наперсницей, с которой ей легче было жить. Лишь непонятно было, отчего угрюмо молчал аксакал. Может быть, он досадовал на себя, что не знал, какое сокровище лежало у его ног, а может быть, продолжал полагать, что кобылица есть кобылица, сколько ни показывай прыти, в жизненной байге приза не получит.

Сидели молча, пока байбише не дала знак, что пора стелить постель. Поднимаясь, Каныш заметил, что на кереге висит домбра. По привычке потянулся, но не снял, пересилив желание поиграть на ней: было уже поздно.

В аксакальской юрте постелили троим: Канышу, парню-секретарю и самому хозяину. Аксакал, чувствуя, что гость еще не спит, обратился с вопросом.

– Дорогой судья, ведь я не спросил вас из какого роду-племени. Хоть и далек от нас Семей, но знаю, что там живут в основном тобыкты из аргынов и найманы.

– Я, аксакал, сказал вам знакомясь, что я из Семипалатинска, потому что там учился и работал, а по роду - местный, из каржасцев, отца моего зовут Имантаем.

Старик зашевелился в постели, наверное, даже чуть приполнялся.

– Слушай, ты известного Сатпая-хаджи внук, Имантая-бия сын? Почему же ты сразу не сказал? Ты же совсем свой мальчик! Чувствовало, чувствовало сердце, что ты не из простой породы....

Created by free version of 2PDF

Канышу не хотелось продолжать разговор и он сделал вид, что заснул, а аксакал, узнав, что судья - сын известного Имантая, успокоился совсем и решил Анипу отправить в Баян-аул так, чтобы и она, и судья были довольны. Засыпая считал, сколько нужно дать токал из денег, припрятанных на всякий случай.

Аксакал встал рано. Распорядился готовить двухконную бричку-телегу, А затем, после утреннего чая, вызвав к себе Анипу, вручил ей деньги и, сухо пожелав доброго пути, дал знак, чтобы уходила. Сам вышел вслед, посмотрел, как укладываются в телегу, вещи, выделенные ей, и, вернувшись в юрту, просидел в одиночестве до тех пор, пока не застучали колеса отъездающей повозки и пока не стих шум провожания, а провожал Анипу весь аул.

– Что ее, как невесту провожают? - закричал было старший сын, но, видя, что никто его не слушает, скрылся в юрте.

Старушки не оставили на лице Анипы необцелованного места, плакали и обнимали молодые женщины и девушки, прощались с ней мужчины и дети. Молча плакала и Анипа. Особенно тяжело было смотреть, как вся содрогнулась в рыданиях, прощаясь с сыном и байбише.

Из аула Молдабека Каныш выехал рано. Полюбился ему в Баян-аульских горах тот ранний час, когда солнце начинает рассеивать рассветный туман, разрежая ряды горделиво и уверенно устремленных ввысь сосен. Полюбилось ему пробираться малоезженой тропой, вьющейся, прорезая буйную растительность, заполняющую низины между слоеными гранитными глыбами, которых природа создавала, казалось, нехитро наплескивая один каменный блин на другой. Прохваченные теперь осенней желтизной и багрянцем густые кустарники и серостью увядания обильные травы все лето нахально надвигались, лезли на гранит, как будто идя в помощь соснам, сумевшим пробурить и высверлить самое чрево камней, чтобы из года в год непрерывно и постоянно угрожать и теснить бездушную твердь, пока она не превратится в пыль и почву.

«Такова сила жизни!» - вспомнил Каныш почти вслух чьи-то чужие книжные слова и в тот же миг забыл обо всем. Он не видел ничего вокруг, не слышал ни разноголосого пения птиц, ни легкого пофыркивания широко шагавшего коня, тоже довольно бодрящим утренним воздухом. Он весь, казалось, растаял, растворился в окружающем, так что не нужно было ни видеть, ни слышать, ни осязать, ибо все, что

Created by free version of 2PDF

нужно было видеть, слышать, осязать, *стало им самим, было в нем самом*, слилось воедино с ним.

Очнулся Каныш, когда его серый иноходец зафыркал тревожно, - сбившись с неслышанного ритма. Каныш ухватился было за браунинг, лежавший в заднем кармане брюк, как за сосной показалась знакомая голова, шея высокого верного коня, а на нем и сам хозяин - Уахит.

Поздно хватаешься за оружие, враг успел бы свалить и обезоружить! Привет Каныш-батыр, вот не ожидал! – воскликнул Уахит издалека, как всегда опережая Каныша своим приветствием.

– Ассалаумагалайком, Уаха! – сказал растерявшийся Каныш, соскакивая с коня, - счастливого пути, откуда его держите?

– Опять тысяча китайских церемоний. Уже успел соскочить с коня. Нужно это? Теперь и мне придется спешить! Эти, мне интеллигенты, - ворчал Уахит, непривычно устало слезая со своего вороного, по впалым и потным бокам которого можно было полагать, что прошел он *немало верст*.

– А сам откуда путь держишь? Мне по службе положено ночами рыскать, а тебя что заставляет спозаранку садиться на коня?

– Да вот вчера закончил дело, выехал поздно, пришлось свернуть, и в ауле Молдабека заночевать, благо он только что прикочевал.

– Понимаю, понимаю... По виду вижу... Что делает саяк, жеребчик, изгнанный за нескромные притязания из косяка? Мотается, ищет одиноких кобылиц... Ты уже полгода, как отбился от келин, а в ауле Молдабека есть красивые девушки.

Уахит шутил грубо, но он был старше и шутки его приходилось терпеть. К тому же в сказанном Уахитом была и некоторая доля правды. В ауле Молдабека росли две дочери его брата, очень привлекательные и приятные, к тому же умевшие играть на домбре и петь. Каныш несколько раз изыскивал повод побывать в этом ауле, он бывал бы, может быть и чаще, если бы был менее занят, да находились бы достаточно веские причины. Но вчера он был весь во власти дум об Анипе и получилось так, что будто даже забыл о двух красавицах, в аул которых заехал.

Каныш со смущением должен был признаться, что повел себя вчера не очень последовательно. Он почему-то решил, что больше с Анипой ему встречаться не следует. Поэтому велел секретарю суда сопровождать Анину до Баян-аула, прямо до квартиры Татьяны Берденниковой, которая в ревкоме руководила женотделом. С рыжей, смешливой, смелой и жизнерадостной Таней, дочерью местного боль-

Created by free version of 2PDF

шевика, погибшего при изгнании колчаковцев, Каныш был дружен. Эта бывшая гимназистка прекрасно владевшая казахским языком, была ему по душе. Он написал ей записку:

«Дорогая Таня! Это - Анипа, которая сама расскажет о себе. Ты восторженно говорила мне о Жанне д'Арк. Разбираясь с делом Анипы, я вспомнил именно эту француженку. Не смейся, что фигуры по значению не сопоставимы, но что поделаешь, если та Жанна после тебя самой чем-то напоминает и эту пока несчастную токал... Поговори с ней хорошо и перестанешь смеяться. Было бы здорово, если бы ты сумела немедленно отправить ее в уезд, а оттуда через уездный женотдел, в Оренбург, снабдив, естественно, соответствующими документами, чтобы она могла начать учиться именно в этом году. К тому же при наших диких нравах, когда один хочет немедленно отомстить за потерю токал, а другой -заиметь без калыма красивую жену, такую девушку, как Анипа, лучше не задерживать. У меня много дел. Встречусь с тобой и расскажу обо всем через несколько дней. С революционным приветом Каныш.»

Несмотря на предложение аульного проводить, Каныш выехал из аула Борамбая один. Между тем, ехать в одиночку, да еще судье, было небезопасно: в степях еще гуляли недобитые остатки белых банд. Но Каныш еще был в том возрасте, когда никак не хочется вызвать сомнение в собственной смелости. Он показал аульному свой маленький браунинг, улыбнулся, сказав, что он никак не станет легкой добычей, и уехал. Дорогой, под мерную иноходь серого он невольно сопоставлял добрую, сердечную, молчаливую, боготворящую мужа, родителей мужа и всю мужчину родню, красивую и нежную Шарипу, терпеливо, без слова упрека и недовольства ждущую его там, дома, у стариков, в ауле, с этой удивительной токал Борамбая Анипой; думал о том, что, наверное, из-за таких женщин, как Анипа, мужчины теряют головы, лишаются благоразумия. Вот почему он на этот раз, ночуя в ауле Молдабека, забыл про двух красавиц, из-за которых до этого любил посещать этот аул, вот почему он просил Татьяну Берденникову немедленно отправить Анипу в уезд, обещав встретиться с ней, с Татьяной, лишь через несколько дней, хотя и мог раньше. Он чувствовал, что ему видеть Анипу теперь не нужно.

Все это промелькнуло в голове молодого судьи в ответ на шутку Уахита. Вслух же он сказал:

- Уаха! Вижу, что вы очень устали. Давайте посидим на траве, чуть отдохнете, я сниму с седла копшик и положу под вас.

Created by free version of 2PDF

– Ух, как хорошо на земле, - говорил Уахит, делая резкие разминочные движения руками, ногами, всем телом, - нет, Каныш, садиться нельзя, разморит, встать не захочется. Работы много, ехать надо. Мы, кажется, напали на верный след Толеутая и его волчат, двоих, во всяком случае, этой ночью заарканили... Подробности потом расскажу, - говорил он, снова садясь на коня. - Давай-ка, Каныш, выедем на дорогу, чтобы рядом ехать и поговорим, коли встретились.

Они, пришпорив коней, выехали на широкую дорогу, ведущую в Баян-аул и, перейдя на шаг, поехали рядом. Солнце, восходив шее навстречу всадникам, выцветив все окружающее в веселые краски, враз сняло, казалось, с Уахита усталость и настроило его на лирический лад.

– Слушай, Каныш, – начал он, щурясь на солнце, - учился в Омске, не хотелось домой ехать, какая у меня тут родня... Доберешься, а на отъезд разживешься или нет, неизвестно. Лучше, думаю, оставаться, наймешься на лето, хоть что-нибудь заработаешь... Потом революция пришла, большевикам стал помогать, в Красную Армию пошел, словом, несколько лет не был дома. Настолько соскучился по родному Баян-аулу, аж в сердце щемить стало. Мне эти родные места стали представляться сущим раем, хотя, живя здесь, этого не замечал. А теперь вижу, что тут действительно рай. Вот разделаемся окончательно с буржуями, сделаем истинным раем. Подумай сам. Мы едем сейчас в самое сердце Баян-аула, в середине треугольника меж трех изумительных озер с изумрудной водой, с таким песком на берегах, что, кажется, нарочно перебрали зернышко к зернышку. Слева, на север - озеро Торайгыр, оно вот за этой седловиной, взойдешь на нее, посмотришь, ровно в круглую чашу налили, блестит серебряная гладь... Справа, впереди, вытянулась Сабынды-коль с ее мягкой-премягкой водой, отчего и называют с собственным мылом - сабынды. А за нами, чуть левее озера Жасыбай, лучшего зеркала, чем ее вода, ни одна красавица не находила. А внутри и вокруг этого треугольника, в окружности, наверное, не достигающей и сотни верст, горы, невысокие, кряжистые, с каменными изваяниями, посмотришь на эти изваяния и думаешь: живое существо из сказок, только когда и как оно окаменело? А сколько лесов, пещер, густотравных, плодоносных склонов, сколько источников с вечно живой водой... Для наших предков Баян-аул был зимним становищем. К глубокой осени стекались аулы с тучными стадами с неоглядных равнин сюда в центр, к горам, и постепенно, исподволь примеряясь, приближались к зимовкам, спрятанным в низинах, у подножий, вдали от зоны ветров; приближались так, чтобы отары и косяки

Created by free version of 2PDF

не стоптали до времени траву, которая будет спасением в зимнюю стужу. И укрывались аулы в многочисленных укромных углах Баян-аульских гор для того, чтобы под защитой его сопок, каменных стен и лесов пережить зиму. А весной снова растекались во все стороны на расстояние от одной до трех сотен верст, в раздольные просторы степей. Так и было, пока русский царь не решил, построить здесь укрепление, чтобы пугать мирных скотоводов. В начале он на самом деле пугал, а потом поселившиеся здесь русские, оказавшиеся такими же людьми, как и мы, стали брататься с нашими предками, заговорили по-казахски, во многом переняли наши обычаи и Баян-аул из укрепления, угрожавшего пулей и шашкой степям, превратился в мирный пункт, где пошла торговля, обмен, где возникли очаги ремесла, грамоты, где наш брат скотовод стал учиться земледелию... А теперь здесь мы с тобой вот стараемся, как можем, помочь мировой революций. В Омске один большевик, побывавший здесь в Баян-ауле, говорил мне, что, когда революция победит окончательно, баян-аульский целебный, воздух, баян-аульская живая вода, крупинчатые пески баян-аульских озер будут использованы для укрепления здоровья трудового народа, что тут возникнут сказочные дворцы - сараи, полные солнца, жизни и бодрости. Вот какие дела, дорогой судья, Каныш-батыр, – говорил Уахит каким-то малоприсущим для него негромким, проникновенно-душевным голосом, без привычных резких жестов.

Каныш посмотрел на своего спутника и удивился. Обгоревшее за лето от горного солнца, обветренное всеми баян-аульскими ветрами чугунное лицо его отдавало какой-то лучистой мягкостью, маленькие глаза были устремлены задумчиво вдаль. Каныш никак не.полагал, что в этом пружинистом комке энергии, который, казалось, состоял лишь из цели и дела, сидел мечтатель и поэт, умеющий предаваться очарованию красоты и грезить тем, что нескоро осуществимо. И потянуло его на разговор откровенный, чистый, честный, когда хочется вылить, вычерпать все, все что на душе. Такие разговоры не начинаются издалека, для таких разговоров всегда отталкиваешься от того, что волнует, занимает тебя сейчас, а там уже, как говорится, куда аллах поведет. И Каныш рассказал Уахиту об Анипе, со всеми подробностями и деталями, не тая и того, что теперь не хотелось бы видеться с ней.

Уахит слушал внимательно и заговорил не сразу. Молчал, раскачиваясь в такт ходкому шагу вороного. Молчал, так, что Каныш снова посмотрел на него, ибо такая пауза была малохарактерна для этого скорого на слова человека. Потом заговорил, четко и убежденно.

Created by free version of 2PDF

– Каныш, ты правильно поступил. Пусть эта Анипа едет учиться. Именно такие боевые женщины будут строить новую жизнь. Надо, чтобы у нас, наряду с образованными, умными, мужчинами учились и росли умные, образованные и красивые женщины. Иначе в мировой революции нам не преуспеть. Из века в век внушали нашей женщине, что она должна быть бессловесной и послушной, что у нее волос длинен, а ум короток. До сих пор у нас, в степях, главным достоинством невесты считается умение молчать. - «Режь ее - слова не скажет», - хвалят иную волоокую молчальницу. Она, наша женщина, и убедила себя, что такой и должна быть. Знаешь, что сказала твоя женгей, когда я ей стал говорить, что она должна учиться, чтобы догнать меня и быть равной со мной? Ты не смейся, она дословно сказала: «Отец моих детей, мне свыше суждено быть под тобой, не шути, не искушай меня греховными мыслями... «Вот что она сказала. Попробуй после этого поговори с ней. Никак не могу заставить себя по имени называть. Так и называет: отец моих детей.

И все же ее, нашу женщину, надо нам поднять до своего уровня. Она достойна этого. Прежде всего, не надо превращать ее в игрушку в наших руках. Вот хотя бы случай с Анипой, о котором ты мне рассказал. Я тебя очень понимаю. Ты молод, я тоже не стар. Мы состоим из мяса и костей, а еще у нас есть сердце. От красивого, привлекающего взор сердце начинает трепыхаться, а в мясе и костях начинается нытье и щекотание... Ничего не поделаешь- это природа. Но у нас есть еще голова. Так вот у меня в Омске учили, в особенности на это напирал ученый большевик Койбасов Балберген из Кокчетава, полуказах, полутатарин, полурусский (помесь козы с архаром и сайгаком - шутил он над собой), что голова дана для того, чтобы разумно взнуздывать предательские позывы, идущие не от ума. В этом смысле ты, Каныш, молодец, и впредь делай так. Джигиты у нас считали и до сих пор считают, мимолетную победу над несчастной, жаждущей любви и понимания женщиной чуть не высшим достижением для своей чести. В наших степных условиях, что для мужчины игра, для женщины - судьба. Этого наши невежественные двуногие в шапках не понимают. Задача таких, как мы с тобой, заставить их понять.

Теперь о другом. Подумать только, ведь все, что было до революции, было построено на обмане. Религия обманывала, царь обманывал, чиновники обманывали, баи обманывали... А все из-за чего? Из-за того, чтобы нахапать, прибрать, нажиться, разбогатеть. А много ли человеку для жизни нужно? Вот нам с тобой? Совсем немного! Стоит это по-

Created by free version of 2PDF

нять, как человек перестанет врать и обманывать. Но жизнь показала, пока силой не взнуздаешь привыкших хапать, пока их не подчинишь воле тех, кто ненавидит это хапание, а если не подчиняться, пока не уничтожишь, ничего хорошего нельзя ожидать. Это первыми поняли большевики. И они начали жестокую борьбу за право бедных быть честными, быть равными и быть достойными. Это называется классовой борьбой.

Когда мне в Омске Балберген стал разъяснять все это, я удивился почему сам, своим умом не мог дойти до этого... Я понял, что самое главное - честность, честность к самому себе, к друзьям, к людям. Честность и бескорыстие. И вот, когда ты, Каныш рассказываешь то, что у тебя на душе, мне это нравится. Мы должны быть честными и откровенными. Именно этому учит революция.

Из твоего рассказа я понял, что ты доволен тем, что освободил Анипу. Я тоже доволен. Но нужно ли было вести дело таким образом, чтобы как говорят русские, и волки были сыты, и овцы целы. Не лучше ли было решить враз, без этих приторных, слезливых, размягчающих душу разговоров? Про этого аксакала Борамбая слышал. Есть сведения, что с удовлетворением встретил Колчака, хотя старался хитрить, быть одновременно и нашим и ихним. Теперь у него нет другого выхода, как приветствовать и хвалить нашу власть. Ты же, получается, помог этому старому сластолюбцу выглядеть перед девочкой, которую он растлевал, чуть ли не благодетелем. Между тем, интересы бая и беднякa, в данном случае Борамбая и Анипы, непримиримы. Ты же своим деликатным решением как будто и примирил эти интересы. Большевики таких людей называют соглашателями и терпеть их не могут.

- Но, Уаха, ведь люди мстительны.. Я не хотел раздувать злобные инстинкты... хотел, чтобы меньше злились на Анипу, а то ведь могут убить, искалечить ... мало ли что...

- Ты полагаешь, что смягчил душу Борамбая? Плохо ты знаешь наших классовых врагов.

- Я уверен, что во всех людях сидит и хорошее, и плохое. Надо бороться за хорошее против плохого.

- Правильно, но это в том случае, когда речь идет о своих, о тех, кто тебе не враг. А Борамбай - явный враг, он отлынивает от продразверстки, прячет зерно, скот, он в сговоре с другими врагами. Пока мы это терпим, пока собираем улики, чтобы они, улики, были неопровержимы. Вскоре тебе же придется судить. Жалость к человеку, который тебя ненавидит, как представителя власти, на руку врагу и возможен

Created by free version of 2PDF

такой случай, когда трудно будет пожалеть и самого жалеющего. Честно говорю, пойми это Каныш!

– Уаха, не пойму... вы мне угрожаете, вы меня в чем-то подозреваете?.. – начал было краснеть Каныш, но Уахит резко прервал его:

– Нет, Каныш, не сердись. Говорю от сердца. Тебе тяжело. И мне не легче. Правда не достается даром. Вот ты отделил Анипу, так будь добр, выдели ей то, что положено.., а то воспользовался тем, что Анипа, эта, видать, чистейшая от природы девочка, в душе которой даже жизнь в байском доме не сумела заронить семена алчности, рада свободе и не просит своей доли, и все оставила Борамбаю... Смягчила тебе душу байбише Борамбая, ты и сына оставил на воспитание в логове волка, чтобы волчонком вырос. Ты на чьей стороне оказался?

– Уаха, не в этом дело. С ребенком Анипа не смогла бы учиться...

– Нет, смогла бы... Одиноким матерям, я знаю, сильно помогают, особенно, если мать учится. Теперь тянущийся к свету, к знаниям бедняк - пролетарий не допустит, чтобы товарищу было труднее, чем ему. В этом наша сила. Каныш, ты извини, меня, но ты этого не знаешь. Когда под Петропавловском сказали, что на нас наступает отряд белых офицеров с генералом во главе, наш командир сказал: «Не бойтесь». Мы не так обучены, мы не так обмундированы, как они, но у нас души чистые, мы держимся друг за друга и за мировую революцию бесхитростно, всем сердцем, а офицер есть офицер, он ненавидит нас, но он в то же время никого, кроме себя не любит. Такие даже с генералом во главе нас не победят». Это было правдой. Я потом не раз убеждался в этом. Люди, воспитанные на стремлении нажиться, на алчности и алчные в душе, не могут по-настоящему честно относиться друг и другу. Я, дорогой Каныш, всеми фибрами души ненавижу богатеев, не верю им, отношусь к ним с подозрением Это называют по-большевистски классовым чутьем. В тебе пока этого чутья нет. Его надо выработать. Ты одинаково боишься обидеть и тех и других. Но если бы тебя с самого раннего детства власть имущие обижали, как меня, ты бы этого не делал. Ты, Каныш, честный парень, но надо, чтобы честность эта была пролетарской. Ты ученей, начитанней меня, но я больше тебя пережил, больше видел. Слушал я тебя не раз, хорошо говоришь, все науки знаешь, умеешь рассказывать просто, убежденно. Это очень хорошо. Но члену ревкома надо быть бойцом и бойцом непримиримым. Надо сбросить интеллигентскую ученую мягкотелость, не надо искать

Created by free version of 2PDF

примирений, не надо гнойники прикрывать, а надо их срывать, срезать и выбрасывать. Мы должны нашу землю оставить потомкам, очищенной от грязных и алчных людей.

Уахит замолчал. Казалось, выговорился, высказал до дна все, что хотел сказать. Каныш тоже молчал. Слишком многое сказано было, чтобы отвечать сразу. Уже открылась накренившаяся в сторону Сабындыколь неровная, корявая серая гладь баян-аульских тесовых крыш. Прервал молчание Уахит.

– Каныш, знаешь что, ты у меня дома не бывал. Давай попьем чай у меня и на работу! Аллах свидетель, женгей твоя будет рада. Я же тебе сказал, что она у меня старорежимная - не могу уговорить, чтобы кимешек сняла, не могу заставить учиться. Слушать не хочет. Твердит одно - буду детей рожать и за тобой: ухаживать... Можешь и поехидничать: проповедует, мол, женскую свободу, а женгей нашу чуть не взаперти держит... Вообщем, поехали, тебя, несчастного холостяка при жизни келин, никто не ждет с самоваром.

– Уаха, с удовольствием бы, да вы же устали. Вам надо чуть отдохнуть. Разрешите побывать у вас в более удобное время, - говорил Каныш, благодарно улыбаясь.

Уахит не стал настаивать и они разъехались, так как жили на разных окраинах села. Не стал настаивать может быть, потому что его маленькие, проницательные глаза заметили, как неожиданное приглашение на чай прервало думы, в которые успел погрузиться молодой коллега, и как от этого улыбка у него получилась вымученной, а отговорка - не очень удачной. Уахит не обиделся. Он знал, что задел парня за живое. Полез бы иной в ссору, в драку, но не Каныш, он был умен и выдержан. Такого парня отвлекать от дум не следовало.

А думать Канышу было о чем. Слушал он Уахита и чувствовал, что тот говорит такие вещи, которые, казалось, легко опротестовать, опровергнуть и доказать, что это вовсе не так. Он несколько раз порывался это сделать, но каждый раз, вознамерившись, умолкал. И умолкал не потому, что он умел спорить, наоборот, Каныш был спорщиком остроумным, он легко находил нужные слова, обладал искусством оснащать свою речь яркими, броскими примерами, уместно пересыпать пословицами и поговорками, как это делал его отец, когда хотел подавить противника красноречием. Умолкал же он оттого, что нападала на него какая-то непонятная робость. Он помнил, как робел при обращении к гостям и друзьям отца - степным златоустам, наторевшим на бесконечных разбирательствах степных тяжб; став старше, он робел

Created by free version of 2PDF

при общении с людьми, об учености, уме и имени которых был наслышан. Но что казалось бы, робеть перед Уахитом? Перед человеком, который не относился ни к тем и ни к другим, перед человеком, который разве лишь издали мог видеть ту среду, где вырос Каныш и где ничто так не ценилось, как остроумие, как умение выдвигать неожиданные, эффективные, ошеломляющие противника доводы; перед человеком, который не прочитал и десятой доли того, что прочитал Каныш?

И Каныш вдруг понял, что он не столько робел, сколько был поражен тем, как честно и как просто говорил Уахит. Он понял, что эта простота и эта честность шли от непоколебимой убежденности, которой дышало каждое слово Уахита. И Каныш вынужден был признать, что он умолкал не от того, что не находил слов и аргументов, для ответа, а скорее оттого, что не был уверен в собственной убежденности, чтобы говорить с той же простотой и ясностью. От его слов было больно, но они, по-видимому, не звучали оскорбительно, ибо можно выдержать боль, но не оскорбления. И еще он чувствовал, что как было бы нечестно и низко возражать Уахиту, используя приемы степных острословов, для которых не столь важно было добиться истины, сколько сбить противника с логики его суждений и вызвать замешательство.

Да и приведешь ли такого, как Уахит к замешательству словесным ухищрениями? Ведь к нему эта убежденность пришла не через заповеди Корана, не через родительские наставления, не через книжную мудрость, а через самую жизнь, которая всей тяжестью, всеми невзгодами навалилась на него с самых пеленок и сказала: выживи, если сможешь! И Уахит выжил. И при этом не превратился в угрюмого человеконенавистника и бессердечного злодея, полного мести за без радостное детство и обездоленную юность, и не в приспособленца, готового продать энергию и сметку за мещанское благополучие, а стал, благодаря революции, сознательным борцом с четкой целью и, душой, устремленной к красоте и радостям бытия.

Вдумывался Каныш в судьбу коллеги и впервые в жизни почувствовал острую, щемящую зависть к этому суровому начальнику милиции, которого сама жизнь привела к пути, не имеющему зигзагов, не обремененному сомнениями и неуверенностью.

Ведь еще вчера, каких-то два-три года назад, Каныш не мог даже полагать, что наступит такое время, когда люди типа Уахита будут устойчиво играть ведущую роль в устроении жизни; Он много читал,

Created by free version of 2PDF

много думал, прислушивался к суждениям сведущих, на его взгляд, людей и пришел тогда к убеждению, что существующий порядок вещей нельзя считать справедливым, и что поэтому он был и будет постоянным источником гражданских столкновений и потрясений. И когда революция подняла тысячи и миллионы уахитов на ломку устоявшегося и неправедного он, Каныш, внутренне готовясь к романтическим неожиданностям, восклицал про себя: «Пусть сильнее грянет буря!» Он полагал, что разрушители никогда не смогут стать одновременно и устроителями того нового, во имя которого ведется разрушение.

Крепко, очень крепко сидела в нем наследственная вера в значение крови и породы, в извечную предначертанность того, что одни рождаются, чтобы править и повелевать, а другие – подчиняться и исполнять. Это внушал ему еще с детства отец, память которого хранила имена бессчетного количества предков и современников, генеалогические древа которых будто бы снабдили их способностью быть на виду своими деяниями. Это внушали ему в семинарии, где на уроках истории маленький человек, блестя пенсне, трясся остренькой бородкой и брызгая слюнями, бегал по классу и доказывал, вдохновенно сыпля историческими примерами, что так называемые революции есть ничто иное, как бунт черни, природную страсть которой к разрушению, может быть, не всегда стоит одерживать, ибо революции имеют очищающее значение, позволяя восстанавливать разрушенное и созидать новое на более прогрессивном уровне. «Но кто потом восстанавливает и созидает? - визгливо вопрошал он, останавливаясь и вонзая указательным пальцем потолок, - Да все те же, кому суждено это свыше - умственная, интеллектуальная элита народа!»

Вспомнил Каныш, как возликовал, он, когда полгода тому назад пригласил его в уездный ревком большевик Поздняк и сказал, что революции нужны грамотные, честные люди для установления порядка и законности и что он, Каныш Сатпаев, бывший семинарист, является подходящим гражданином для занятия должности судьи десятого участка в Баян-ауле. Возликовал он потому, что сбывалось предчувствие, с которым он ехал, думая о том, что вызвал его этот крупный большевик не случайно, что буря, по-видимому, идет на убыль, и что приходит пора, когда за дело должны приняться восстановители и созидатели. Ведь вот как начинали во времена всех революций и гражданских потрясений свой звездный путь маленькие, но образованные и умные провинциальные учителя, врачи и адвокаты. Не напрасно, с особым

Created by free version of 2PDF

усердием молился старый Имантай, снаряжая и в далекую дорогу до Кереку-Павлодара младшего сына, с которым он связывал (и Каныш знал об этом) большие родовые честолюбивые надежды, будучи внутренне недоволен тем, что такой способный и образованный юноша вынужден оставаться от нечего делать учителем в своей аульной школе, когда в прежние времена он мог бы претендовать на большие чины и влияние.

Тогда, сидя в прокуренном маленьком кабинете Поздняка, долго не мог сосредоточиться и вникнуть в суть речи хозяина и, как ни странно, не от растерянности, что впервые разговаривал с большевиком, причем с крупным, занимающим высокий пост в уезде, а более оттого, что силился скрыть от умных, проницательных серых глаз его радостное возбуждение, которое им, Канышем, владело. А этот большевик, между тем, неторопливо, четко и твердо выговаривая каждое слово, разъяснял Канышу, что царский режим имел громадный и путаный свод законов. Советская власть не может пользоваться этим сводом, потому что он был создан для защиты интересов богатых, да и сама путанность законов соответствовала их неправедному назначению. Советы будут иметь свои законы, справедливые, недвусмысленные, точные. Они будут защищать интересы бедных и способствовать тому, чтобы в будущем люди не делились на богатых и бедных. Пока же в решении судебных дел придется руководствоваться декретами советской власти и революционным правосознанием. Это будет нелегкое дело. К тому же, добавил Поздняк ревкому известно, что он, Сатпаев, сын довольно богатого и именитого в прошлом отца, однако это ничего не значит, если работать честно и добросовестно для революции, как это делают теперь многие выходцы из состоятельных семей. При царе образованный человек, как бы он ни старался, не мог работать на благо народу, на благо бедным, он так или иначе прислуживал богатым. Теперь только настала пора и создаются условия, когда честный человек может всецело служить народу. Дело ваше нелегкое, но благородное.

Каныш благодарил за доверие, а сам в душе был уверен, что с делом справится, да так справится, что он же, Поздняк, и все другие увидят, что это не предел для его возможностей. С такими мыслями включился Каныш тогда в работу.

Скоро, очень скоро Канышу пришлось убедиться, что бедняки, взявшие власть в свои руки, это вовсе не та чернь, о которой говорил учитель истории, что вообще черни, как таковой, может быть, не суще-

Created by free version of 2PDF

ствовало и не существует, а есть обычные люди, как ты, да я, как целый свет, но только многие из них были низведены условиями бытования до такого уровня, когда их легко было именовать чернью, чтобы этим оправдать безнравственное господство над ними. Он ясно видел, что теперь при советской власти эта «чернь» не собиралась отдавать в чьи-либо другие руки ни чести, ни дела восстановления и созидания.

Каныш работал старательно и самозабвенно, все более чувствуя, что действительно служит делу народа. Но где-то рядом летали пощипывая самолюбие, честолюбивые мечты и он, вглядываясь в работу ревкома, думал не только о деле, но и о своем месте в нем. И, вдумываясь, все более убеждался, что недоучки: с натруженными руками и обветренными лицами, пришедшие от табунов и отар, от плуга и сенокосилки, от станка и паровоза, чтобы непосредственно руководить делом революции в степях, недоучки, сумевшие прогнать вышколенные, по всем правилам военного искусства и до зубов вооруженные силы Колчака, знали, что делали, и их жизненный опыт, уверенная целеустремленность стоили того семинарского образования, которым кичился Каныш, ожидая часа, когда представится тот счастливый случай, который поможет показать, что он, Каныш, сможет стать лидером и хозяином положения. Случай не представлялся, остывала постепенно та глупая, самонадеянность, с которой он ехал в Баян-аул.

Теперь, после этого разговора с Уахитом, он думал о том, что такой случай и не должен представиться. Он вспомнил, как после февральской революции, когда Семипалатинская семинария имени его высочества царевича Алексея Николаевича стала называться просто Семипалатинской семинарией, а директор, который был его превосходительством и действительным статским советником, стал просто гражданином директором, а в остальном все шло по-прежнему, двоюродный брат Абикей, учитель семинарии, сообщил, как важную новость, что в Семипалатинск приехал сам Букейханов, великий человек, окончивший Петербургский университет, депутат Большой Думы, не раз бесстрашно выступавший против самого царя и чуть ли не участвовавший в его свержении. Брат находился в восторженном состоянии, бегал на какие-то встречи, выполняя какие-то поручения, говорил, что мы, казахи, наконец, обретаем достоинство. И все это он связывал с именем важного гостя. В один из таких дней Абикей объявил, что семипалатинский цвет казахов решил дать угощение по случаю приезда знаменитого ведущего и что Канышу надо пойти в дом Тыныбая, где это угощение состоится, для выполнения поручений организаторов.

Created by free version of 2PDF

Во дворе большого дома Тыныбая, известного скотопромышленника, стояла большая двенадцатистворчатая белая юрта и в этой юрте, растеленной разноцветными коврами, узорчатыми текеметами, были расставлены низенькие круглые столы, а вокруг столов раскиданы большие, туго набитые пуховые подушки. Мясо жеребенка и нескольких баранов варилось рядом. Шипели в казанах баурсаки. Привезли в больших саба кумыс, и много всяких степных яств, в количествах невиданных. Каныш вместе с несколькими знакомыми парнями бегал, как ошалелый, выполняя приказания распорядителей. Он был счастлив, что будет присутствовать при встрече со столь большим человеком.

Приглашенные собирались во дворе, в юрту не заходили, ожидая главного гостя. Это были люди, которых стоустная молва, разносившаяся по степям, говорила, как о тех, кто овладел русской грамотой не хуже самих русских и обладает секретами бумаг, которые пишутся на больших столах городских начальственных домов и имеют силу покрепче и поосновательней иных повелений ханов.

Пришел, переваливаясь, как гусь, Ержакип, учитель-математик по профессии и стихотворец по призванию, уже прославившийся звучными стихами, хотя по его валкой походке, широкой, воловьей фигуре, по мясистому, черному лицу, где глаза сверкали лишь белками, никто не смог бы подозревать в нем поэта. Насколько Ержакип был медлителен в движениях, настолько же был быстр, и сноровист на язык. Придя, он сходу забалагурил с младшей женой Тыныбая, татаркой, распоряжавшейся, по кухонной части, забалагурил, складно пересыпая казахские слова татарскими.

Пришел Еркебулан, высокий, красивый, с точенными линиями лица и большими карими глазами, холодный блеск которых был, как говорили, неотразим для балованных байских дочерей. Каныш слышал, что его сравнивали с русским поэтом Блоком. Поговаривали о соперничестве между гордым, непримиримым и талантливым Еркебуланом и хитрым, постоянно бывшим себе на уме Ержакипом.

Пришел адвокат Бекбаев Накип, сын чингистауского бая, окончивший юридический факультет Петербургского университета. Он был единственным на все степи Семипалатинской области, кто получил под боком у белого царя высшее образование после главного гостя. Поэтому Наким считал, что имеет право на оригинальность: он не хотел быть похожим на всех этих недоучек, выходцев из жалких медресе и семинарий, не прослушавших в своей жизни хотя бы одну лекцию нормаль-

Created by free version of 2PDF

ного столичного профессора. Весь вид его говорил о том, что он все перевидел, все перечитал и, наконец, понял, что истинный патриот степей - это тот, кто любит все степное, держится всего степного и, главное, одевается во все степное. Оттого он брил голову наголо, отпустил реденькую бородку, носил просторные шаровары и чапан, сапоги на высоких каблуках с серебряными нашивками, называемые шонкайма, окладистую беличью шапку - борик. Среди окружавших его «недоучек» в узких брюках, модных пиджаках, сорочках при галстуке с бабочкой, он один выглядел степным баем, который не хочет стеснять свое полнеющее тело в угоду русской моде. Между тем, было время, когда он, приезжая из Петербурга на каникул, любил щеголять во фраке с фалдами, в белоснежной сорочке, а выучившись русскому языку, пренебрегал своим родным настолько, что теперь не мог разговаривать без русских слов даже с теми, кто не знал ни слова по-русски. Это служило постоянным предметом насмешек со стороны - недоучек. Кто-то пустил даже злой стишок:

Хотел бы стать он русским -,
Да подводит лик.
Рядится в казаха -;
Выдает язык.
Свидетель сам Аллах,
Он - не русский, но и не казах!

Пришел Махмет Бектурганов, солидный, спокойный человек - средних лет. Мало кто знал, где он учился, что он кончил, но все признавали феноменальную ученость его. Считали, что он первым принялся за создание грамматики родного языка, а через газету «Сары-Арка», которая начала издаваться после свержения царя и редактором которой он являлся, проповедовал и разъяснял термины, вводимые им для научного осмысления строя родной речи. Поговаривали, что он уже подготовил учебник для издания. Среди собравшихся молодых людей, редко кому из которых было старше тридцати лет. Махмет выглядел аксакалом.

Пришел высокий, худой, юношески бледный Султанмахмут, отпрыск известного Канышу по рассказам отца айдабульского бия Шона. Он стеснительно держался в стороне, хотя, как поэт был известней и Ержакипа и Еркебулана.

Created by free version of 2PDF
Buketov University

Двор Тыныбая постепенно заполнялся сливками степей преобладали поэты, учителя, адвокаты. Были и лекари-фельдшера, был даже один техник-железнодорожник. Каждый пришедший сюда знал себе цену и полагал, что именно он имеет основание говорить, коли не от имени всего народа, то, по крайней мере, от имени своего жуза. Это были люди, острые на язык и наделенные чувством смешного настолько, что даже приветствие свое успевали оснащать какой-либо тонко подсунутой шпилькой. Во дворе стоял хохот и веселый гул. Каныш очень злился, что, бегая по двору не может хоть обрывками послушать собравшихся острословов.

...Он оказался самым обычным человеком небольшого роста, лет пятидесяти, может быть, с небольшим, с зачесанными назад густыми смолисто-черными, еще не тронутыми сединой волосами. На ничем непримечательном лице с невысоким лбом под широким степным носом топорщились, точно приклеенные усы и не было на этом пастушеском облике той вдохновенной озаренности, какую ожидал Каныш от человека, даже имя которого брат Абикей произносил с придыханием.

Когда главного гостя провели и усадили на самое почетнее место, когда все чинно расселись, пустив поудобней под расставленные впритык друг к другу столы, круг из которых почти замыкался у дверей юрты, а в середине, в самом центре, вокруг большого круглого стола расположились кумысочерпий и его помощники с целой горкой разноцветных пиялок, с кумысом в громадной степной деревянной чаше, когда заходили по кругу пиялы с кумысом, раздался раскатистый, чистый, располагающий баритон распорядителя. Это был томский студент Баубеков Амирхан, который, как рассказывали, прервал учебу по настоянию ведущего, ибо не находил среди тех, кого знал, более способного, более дельного и расторопного помощника. Рассказывали об удивительной начитанности и ораторских способностях Амирхана, о его уме и обаянии и никак не считали случайным, что выбор ведущего пал именно на него. Амирхан поднялся и на его молодом, пышущем здоровьем, уверенностью, жизнерадостно подвижном лице засверкали стекла очков с золотой оправой, отражая в такт его речи косые лучи солнца, падавшие с тундука. Все обратились к нему.

- Друзья! Сородичи! Последователи Пророка! Граждане Алаша! - сказал он, четко, проникновенно, с задушевной притягательностью произнося каждое слово. - Мы сюда, в эту просторную юрту, завещанную нам предками, собрались по исключительно знаменательному случаю, по случаю, который будет записан в истории нашего народа

Created by free version of 2PDF

золотыми буквами. Наши чувства, связанные с важностью этого события, наша сердечная преданность идеалам, сомкнувшим наши помыслы в едином порыве, не являются нашей прихотью. Это результат того трагического пути, который, по воле Аллаха, прошел наш многострадальный народ. - И Амирхан, вдохновенно, играя голосом, интонацией, ритмом слов и фраз, заговорил о подспудной, скрытой силе народа, который, будучи рассеян на громадном пространстве между Алтаем и Кавказом, между Ала-Тау и Уралом, сумел, не раз идя на риск за само существование свое сохранить за собой это пространство, эту нашу исконную, богатую и просторную степь; сохранил для того, чтобы мы, теперешние его потомки, подняв великое знамя Алаш, создали свою государственность и не только сохранили, но и развили ту исконно-тюркскую, мусульманскую самобытность, которая составляет нашу гордость и нашу суть.

- Но, друзья, сородичи, граждане Алаша, - сказал далее Амирхан, и голос его зазвенел, завибрировал, выражая крайнюю степень воодушевления, - наш народ в поворотные моменты своей истории шел за избранными, в руки которых, вручал он свою судьбу и свое будущее. И этих избранных возглавлял самый мудрый, самый ясновидящий, самый закаленный в борьбе за интересы братьев своих *сын народа. Сегодня* мы за этим дастарханом хотим выразить радость, переполняющую наши сердца, в связи с тем, что вся степь в лице ее лучших представителей признает таким ведущим нашего дорогого земляка, нашего уважаемого Алеке. В этом проявилась высшая мудрость избранных. Ибо кто сравнится с Алеке по знаниям? Он был добрым мусульманином, преуспевшим в познания заветов Пророка, когда поехал в Петербург, чтобы там, в столице, получить высшее образование, чтобы таким образом постичь непосильные для заурядных людей глубины мудрости. Такое постижение возможно лишь при особо гармоническом сочетании божественного с земным, возможно у редчайших, отмеченных всевышней печатью людей. Оттого наш Алеке знает лучше, чем кто-либо жизнь нашей степи, ее экономику и ее историю. Свидетельство тому книга «Киргизский край», где Алеке является ведущим автором. А кто сравнится с Алеке, как политический деятель? Будучи депутатом государственной Думы, активным членом кадетской партии он был в ряду тех, кто ныне управляет русским государством, он был в ряду активных противников царского режима и, по-существу, был среди тех, кто сверг царя. Ни один наш сородич не поднимался до такого уровня, чтобы быть на равных с первыми лицами России. Это удалось

Created by free version of 2PDF

только нашему Алеке. И вот теперь наш Алеке принимает на себя то, что предназначено ему свыше – он возглавил святое дело возрождения нашего народа под знаменем Алаш.

– Граждане, Алаш, мы все дети одного предка - снизил свой голос Амирхан и в богатом тембре его зазвучали нотки чуть ли не семейной доверительности, наши сердца сегодня переполнены радостью в связи с тем, что Алеке выкроил часть своего драгоценного времени, чтобы посидеть с нами за этим общим достарханом. Мы собрались сегодня, каждый из нас знает это, не для того, чтобы обсуждать великие деловые вопросы, которыми занят мощный ум нашего дорогого гостя и для решения которых использует этот ум силы и возможности каждого из сидящих здесь и многих других. Мы просто пришли, для того, чтобы по нашему старому святому обычаю, завещанному предками, от души, как говорится, из раскрытых ладоней попотчевать нашего дорогого Алеке всем тем, чем богата его родная и любимая степь. Мы исключили из нашего дастархана все не степное, все пришлое, нашей самобытности не присущее. Поэтому, я думаю, мы не станем утомлять нашего Алеке речами и будем делать все в пределах того, чтобы дорогому гостю было приятно и легко посидеть с нами. Перед вами, друзья, напиток, вобравший в себя все животворные соки, все пряности и весь аромат наших степей, напиток, который насыщает нас, когда мы голодны, утомляет жажду нашу, когда мы сыты, подкрепляет наши силы, когда нам нужно трудиться и бороться, напиток, который придает нам настроение, когда мы хотим беззаботного веселья. Он, этот напиток, насыщен не вызывает жажду, веселье, не дурманит. Редкие народы могут похвалиться напитком столь многократного достоинства. Поблагодарим наших предков и воздадим им хвалу за дарованный ими нам потомкам, божественный напиток и попросим самого достойного из этих потомков нашего дорогого Алеке поднять пиялу и мы все последуем за ним!

Все сидели, покачивая пиялами, как это принято при распитии кумыса, сначала покачивали в такт речи Амирхана, потом сами не заметили, как перестали покачивать, завороженные удивительным потоком слов, который лился, струясь и сверкая, из поистине волшебных уст его. Казалось, именно в этого выходца из рода Каракесек переселился аруах предка его лебяжье голосого Казбека. Когда Амирхан пригласил поднять пиялы, кумыс в них успел было застояться, но на это никто не обратил внимания, все последовали за Алеке, который с наслаждением опрокинул пиялу, видимо, довольный речью молодого

Created by free version of 2PDF

друга. Каныш видел, что многим хотелось выразить свой восторг привычными степными возгласами или хлопаньем в ладоши по-русски, но каждый глушил в себе подобные порывы, ибо хуже всего было бы выглядеть развязным, сидя за одним дастарханом с поистине недосягаемой личностью.

В это время подали в вырезанных из дуба, длинных астау - главное блюдо – жеребятину, части которой искусно перемешались с бараниной. Самое большое блюдо, где лежал висок жеребенка с нежной, рельефной горкой мозга, поставили перед Алеке. Остальные астау с лоснящимися бараньими головами расставили в соответствии с тем, где сидит главный представитель того или иного рода, претендующий на почет и уважение. Молодые люди с острыми ножами вклинивались в ряды сидящих и быстро измельчили куски мяса. Кумыс, по-видимому, сильно возбудил аппетит. Потомки неутомимых наездников, изнеженные в постижении книжной мудрости, набирали полные ладони и отправляли в рот груды мяса с неменьшей ловкостью, чем их предки на привале после тяжелого перехода. Насыщались с таким усердием, будто не было здесь знатного гостя, будто никто только что не был очарован речью Амирхана.

Насытившись, чуть отодвинулись от дастархана, вожделенно поглядывая на лежащие рядом тугие подушки. Было бы хорошо теперь лениво и сладко облокотиться на них, но приходилось мучительно выжидать, ибо главный гость сидел, как гвоздь, будто не чувствуя, как удобно после кумыса и мяса беседовать полулежа. Когда пиялы с кумысом снова пошли по кругу, Алеке сел еще прямее, вытянул шею, оглядывая сидящих, затем, чуть кашлянув и дрожа усами, заговорил, поразив Каныша обыденностью глуховатого голоса и произносимых слов.

– Спасибо, сородичи, сказал он просто, тихо, почти по-семейному, непринужденно.

– Спасибо, друзья, спасибо, братья. Здесь Амирхан уже сказал, что за этим сердечным дастарханом не будем говорить о делах, хотя величие этих дел и воодушевляет нас. Мы должны организовать сильное самобытное государство Алаш-Орда со своей крепкой правительственной системой, со своей армией. Вы знаете, что начало этому положено. Каждый из сидящих здесь будет играть в этом государстве выдающуюся роль. Но не будем нарушать порядок. Не будем говорить о деле. Я старше всех вас и, естественно, пережил и увидел больше вашего. И хотел бы рассказать о людях и событиях, о которых вы слы-

Created by free version of 2PDF

шали, читали, но этих людей вы не видели, в этих событиях вы не участвовали, мне же, по воле Аллаха, удалось и то, и другое. Долго жил я в Петербурге, земляки упрекали, что будто я обрусел. Но я жил в тоске по родным степям, и когда тоска становилась невыносимой, я бросал все дела, вырывался из теснящих душу каменных громад в наши широкие бескрайние просторы, где ничто не заслоняет солнце, где ничто не преграждает путь вольному ветру, где пряные, первозданные запахи трав не испорчены примесью гнилостных, дурных испарений. И все же, нехотя, возвращался в Петербург и оставался там, оставался потому, что это нужно было для нашего народа. Это было нужно для великого дела, которое мы теперь начали.

Алеке снова вытянул шею и оглядел всех, будто желая выразить удовлетворение тем, как все, затаив дыхание, уставились в его сторону, как бы боясь пропустить хотя бы слово. Затем, покачав пиялу и дав знак сидящим справа и слева последовать его примеру, отпил глоток. Все сделали тоже. Кашлянув в кулак стал рассказывать о царе, о его отречении, о Распутине, о Февральской революции, о Керенском, о Милюкове и многих других. Рассказывал об этих событиях и людях, не только не выпячивая, но даже редко упоминая себя, но с такими подробностями, что слушающий не мог чувствовать, что знание этих подробностей возможно лишь при активном участии рассказывающего в событиях, при его доверительных, близких отношениях с людьми, которые двигали эти события.

Говорил он с добродушным юмором, не избегая степных соленых слов. Казался грубоватым аульным аксакалом, лукаво прячущим за внешней простоватостью и разговорчивостью бездну мудрости, скаредно и скупо отделяя ею лишь избранных.

Когда на дастархане рассыпали баурсаки, иримшик, курт и другие вкусные домашние изделия, расставили тарелки с маслом, вареными сливками, вареньем из диких ягод, а в середине юрты на большом столе место чаши с кумысом, занял громадный благодушно гудящий желтый самовар и вместо пиял с кумысом заходили по кругу пиялы с чаем, гость продолжал говорить и, казалось, его спокойный, ровный голос приобрел еще большую задушевность и притягательность.

– Видел не раз Распутина, сообщил он, как бы между прочим, пряча в дрожащих усах легкую, озорную улыбку, кстати сказать, в этом русском мужике, в узковатых карих глазах его, во всем облике, выдававшем хитрость и ум, заложенные в крови, было много, очень много нашего, восточного, тюркского. Недаром перед ним слабели и

Created by free version of 2PDF

млели, теряя волю и становясь податливыми самые выдающиеся женщины Петербурга, и прежде всего, сама царица. Каждый раз, встречаясь с ним, я вспоминал нашего хана Аблая с его сорока женами и то как он, зайдя на ужин в первую юрту, пил утренний чай в десятой или одиннадцатой. С удивлением и прямо скажу, с гордостью узнавал, что в каждом из сильнейших личностей, имевших влияние на государственные, а то и мировые дела, с которыми мне приходилось видеться и разговаривать, носили прямую печать умыкания славянских красавиц нашими предками - степными наездниками. Посмотрите на портрет Керенского, этого несомненно великого человека, этого русского Наполеона, в нем вы найдете много родственных нам черт.

– Не случайно, – сказал он, чуть громче обычного, по-видимому, подчеркивая значимость излагаемой мысли, – великий немецкий философ Гегель говорил, что история повторяется дважды. Богатый Запад погряз в войне, в междуусобии, в межпартийных распрях, там гниют на корню от избытка земных благ. Этого не испытывают восточные народы. Они только что выходят из младенческого возраста, растут, набираются сил и ждут своего часа. Наступает пора исторического возвышения азиатского Запада во второй раз. Возвышения, может быть, более благородного, более устойчивого, более благодатного, чем когда-то. К этому мы должны готовиться, мы должны развивать свою автономию, как зародыш будущего величия. А для этого нам надо уметь вести народ за собой. Народ - дитя, с ним надо уметь обращаться и он пойдет за нами. Между прочим, впервые чуть насупив брови Алеке, – есть на западе люди с черной душой, находящие особое наслаждение в братоубийственной драке, в кровавых распрях между людьми одного рода, одной нации, они прикидываются друзьями бедных, чтобы натравить их на своих же единокровных родичей. Будет плохо, если в данный, решающий, исторический момент, когда мы, наконец-то, берем в руки решение народной судьбы, дадим в сердцах место пошлой алчности и будем делиться по тому, сколько у кого коней. Слава Аллаху, наш народ еще не заражен червями этой богопротивной зависти, а тот, у кого много коней - лучшая, как вы знаете, опора государству, и завтра тот же бедняк на том же байском коне поскачет под знаменем Алаш.

Каныш находился в упоительном восторге от того, что сам своими ушами слушал этого недосягаемого человека, от того, что поведал этот удивительный уроженец тех же степей, где родился и он. Каныш, поведал просто с доброй усмешкой, без тени назидания и поучения, без

Created by free version of 2PDF
Sukkur University

которых не может обойтись ни один аксакал. Все были слух и внимание, иные беспокойно переглядывались, по-видимому, желая о чем-то спросить и что-то сказать, но никто этого не делал, ибо не было таких пауз, которые бы позволили прервать без нарушения этикета непринужденное течение речи главного гостя.

Вечер завершил сам же гость, сказав:

– По-моему, мы засиделись. Завтра по горло работы.

Спасибо, братья, за внимание. Разрешите благословить вас по нашему старинному обычаю. Ауминь!

Он свел ладони на лице и поднялся.

...Восторги не прошли даром. Каныш в тот вечер сильно распарился, от возбуждения не обратил на это внимания, простудился и слег. Поднялась температура, сухой кашель разрывал горло, вместо мокроты шла кровь. Положили в больницу. В редкие промежутки, когда Каныш приходил в себя, чувствовал себя несчастным оттого, что заболел в такое время, когда он мог участвовать в доблестных и благородных делах обновления родных степей под руководством Алеке. Его мучили путаные и тревожные видения, где являлся Алеке и с неизменно доброй, отеческой улыбкой давал поручения, которые Каныш с восторгом и радостью бросался выполнять, но каждый раз возникали какие-то неожиданные препятствия, преодолеть их никак не хватало сил, и он в ужасе и сметении просыпался в холодном поту, чтобы через минуту вернуться в то же состояние.

Наконец, однажды он услышал:

– Киргизенок-то, смотри, выживает... А я думал капут ему, бедолаге...

Каныш лежал в большой комнате, в самом дальнем углу, рядом с десятком бородатых русских людей. Он понял, что попал, благодаря заботам брата Абикея в переселенческую больницу, где теперь лечили в основном солдат. Приходил брат, прибегали друзья Мухтар, Жунусбек и другие, торопясь, рассказывали о митингах, собраниях, заседаниях, о столице, в которую будто бы теперь превратился маленький, приземистый, невзрачный мусульманский пригород Семипалатинска - Жанасемей, претенциозно переименованный в город Алаш. Приносили с собой газеты. Изредка поглядывая на них - долго читать не мог. Каныш путался в земствах, комиссариатах, русских, татарах их, казахских комитетах, которые возникали, что-то, кого-то объединяли, проводили какую-то линию и непонятно было, кто из них главный. Единственно понятной казалась газета «Сары-Арка» то ли потому, что ду-

Created by free version of 2PDF

ховным отцом ее был Алеке, то ли потому, что она издавалась на родном, языке. Но и к ней он почему-то терял прежний интерес.

Он был слаб, не хотелось двигаться, его устраивала бы теперь тихая, задушевная беседа, когда можно было бы послушать и рассказать о чем-то затаенном, внутреннем, лежащем в глубине, что требует не только осмысления про себя, но и обсуждения с умным, сердечным собеседником. Партнера для такой беседы в палате не находил. Солдаты между болью, стонами и сном матерно ругали бывшего царя, затеявшего войну, Керенского, не перестающего воевать, с тоской говорили о женах, о стариках и детях, о пустующей без хозяина земле и, тут же ржали, рассказывая друг другу прихотливые и скабрезные анекдоты. И не один из них не походил на того русского патриота-воина, о котором читал Каныш в газетах и который, пылая ненавистью к немцам и ни о чем не думая, кроме мести, шел в смертельную атаку за отечество.

Ему стало легче, но болезнь, по-видимому, не собиралась окончательно покидать его. Однажды он вытянул было руку, чтобы стереть с окна мушиное пятно, и увидел, что перед ним маячит не прежнее мускулистое, верное орудие труда, которым он часто демонстрировал свою силу и ловкость, а тоненькая палочка - хворостинка, переломанная в середине и для целости обтянутая дрябло свисающей кожей, маячит чуть ли не комарья ножка в осеннюю стынь, и он стал думать о том, что напрасно он хорохорился и пыжился, полагая, что может иметь какое-то значение в жизни, что он - песчинка в кумах -месках, невидимая и неслышимая в общем потоке, образующем дюны и барханы, что он, как говорит Абай, есть тлен, теперь даже плохо наполняющий мешок для тлена из собственной кожи. Думал, выпятив глаза в потолок, и не заметил, как подсел к его кровати небольшого роста человек и как добрые глаза *его* стали оглядывать то, что осталось от высокого, жизнерадостного, улыбчивого юноши, каким был Каныш всего лишь три недели тому назад, оглядывали мягко, стараясь подавить на смуглом, выразительном лице подступавшую изнутри жалость. Он бы, пожалуй, продолжал сидеть, не кашлянув и не шелохнув, если бы больной не почувствовал его присутствие.

...А, Нургали-ага! Ассалаумагалайком! Заулыбался, зашевелился Каныш, собирая старческие морщины на щеках и под глазами, излучавшими радость.

– Уагалайкомассалям, Канышжан! Не надо, не поднимайся, тебе пока не положено двигаться, - отвечал спокойно и тихо Нургали-ага,

Created by free version of 2PDF

осторожно беря костлявые пальцы юноши в теплую горсть и видя, как приятно это больному. Нургали был от природы замкнутым и стеснительным человеком, он не был близок с семинаристом, о котором отзывались, как о сыне именитого человека. Он пришел потому, что настояла на этом его жена Назипа, которая считала этого парня очень талантливым юношей. Между тем, Каныш, может быть, сам не сознавал, что был рад не столько приходу Нургали, а сколько тому, что пришел муж Назипы-апай, отношение к которой ему трудно было бы определить одним словом. Он был уверен, что нет и не может быть на свете женщины смелей, красивей, чище и умней, чем Назипа-апай. Например, есть ли на свете женщина-казашка, которая так говорила бы по-русски, и проявила бы такую смелость, чтобы добиться личной аудиенции у самого губернатора, убедить его и получить разрешение на проведение платных литературно-музыкально-вокальных вечеров на родном языке, чтобы впервые, может быть, в истории казахские песни и стихи звучали не в степи, а с настоящей, городской сцены? Если ли такая женщина-казашка, которая придумала бы такой благородный способ добывания денег для такой благородной цели, как помощи нуждающимся учащимся? Есть ли такая женщина-казашка, которая была бы столь проста и естественна, как в русской, так и в казахской среде? Такую женщину не знал Каныш, и, наверное, не знал никто другой. Ему нравилось в ней все, и русское платье, которое так шло в ее высокогрудой, статной, среднего роста фигуре и ее мягкий, певучий голос, и то, как она негромко, но заразительно смеялась, обнажая крупные, влажные, чудного блеска зубы, и то, как ходила она с по-девичьи непокрытой головой, выпустив длинные косы.

Репетиции шли вначале у нее дома, где, как заметил Каныш, у бездетных супругов жило несколько парней, обучавшихся или готовившихся к обучению в разных школах города. Парни эти были ни родными, ни близкими и жили просто по той причине, что негде им было жить. Когда желающих участвовать в самодеятельности стало больше, перешли в здание клуба приказчиков, где затем проводились и вечера. Помнил Каныш, как она обратилась к нему:

– Каныш, чем ты свою апай порадуешь?

Каныш покраснел, застеснялся, ему уже казалось, что все играют на домбре и поют лучше, чем он.

– Немного играю на домбре, немного пою. Пробовал на скрипке.

– Ну что ж, давай и мы попробуем.

Created by free version of 2PDF

С тех пор Каныш не пропускал ни одного занятия кружка, досиживал репетиции до конца, даже если в том не было необходимости. Иной раз старался пройти мимо дома, где жила Назипа-апай, в надежде хоть мельком увидеть ее. Ему достаточно было уловить ее взгляд, чтобы долго ходить в радости.

Однажды Каныш был страшно удивлен, прочитав в газете, что в помещении местного отделения географического общества состоится заседание, где выступит с сообщением о киргизском поэте Абае Кульжанова Назипа Сагитбаевна, жена учителя семинарии и действительный член императорского географического общества. Больше всего поразило юношу последнее.

Каныш, придя заранее, забился в дальний угол, и, оказалось, сделал правильно, ибо небольшое помещение набилось битком. Она рассказывала об Абае такое, о чем не ведал Каныш. Знакомый Канышу Абай представлялся старым философом - назидателем, написавшим в стихах мудрые мысли, и этот аксакал, будучи очень умным, постоянно поучал и назидал и этим очень помогал старому Имантаю, часто повторявшему крылатые слова поэта, подкрепляя ими свои наставления. А у Назипы-апай он получался неповторимым певцом красоты, глубоких внутренних волнений и переживаний, певцом природы, певцом нежной любви, находящим особые слова и краски, чтобы трогать сердца людей. У русских таким был Пушкин и мудрым, и сердечным, объявшим жизнь во всех ее проявлениях. Обо всем этом красиво, приводя казахские тексты, сама же их доходчиво переводя, одновременно сокрушаясь, говорила Назипа-апай. Ее волшебные уста раскрывали Каныщу нового, ему неведомого Абая.

Доклад свой она завершила под гром аплодисментов. Какие-то бородатые русские люди вышли на сцену, дарили цветы, целовали ей руку. Каныш сидел в углу потрясенный, съедаемый ревностью к людям, которые могут вот так легко и просто подходить к ней и даже целовать руку. Бочком выбираясь из помещения, услышал:

– Павел Семенович, каково? Чем не Софья Ковалевская? Сколько талантов потеряно в степях, у юрт, среди лошадей?

Каныш заспешил было, чтобы увидеть ее при выходе, но пока он выбирался, она успела уехать.

...Было и так. Парень активно участвовавший в кружке, балагур и весельчак, к которому Каныш относился с почтением, как к старшему, и с удовольствием принимал, его солоноватые шутки и

Created by free version of 2PDF

острые слова, продолжая возникший фривольный разговор о женщинах, вдруг сказал:

– Эх, мне бы в объятия такую как Назипа!

– Что? Что ты сказал? -побледнел Каныш.

– А то, что слышал, озлобился тот, не заметив возмущение приятеля.

– Что ты сказал, подлец?

Друзья не успели опомниться, как Каныш оказался на парне и заработал кулаками, несмотря на то, что тот был старше, коренастей и крепче его. Еле растащили. Произошло это на перекрестке весенним вечером. Только начало темнеть и парни, шедшие с репетиции, собирались разойтись по домам. С тех пор парень этот для Каныша отсутствовал. При встречах делал вид, что не знал и не видел. Каныш, я не представлял, что ты такой бешенный, - говорил потом Жунусбек.

И вот теперь тихий и спокойный муж Назипы-апай сидел возле него. Он преподавал в семинарии казахский язык, преподавал ничем себя не выдавая, ни с кем особенно не сближаясь. В нем заметна та озабоченность семинарскими делами, каковой отличались другие учителя, и порою даже казалось, что преподавание для него не главное дело и что голова его занята чем-то другим, более важным, о чем семинаристам не следует ведать.

Канышу даже думалось, что аллах поступил не так уж справедливо, дав в мужья удивительной Назипе-апай такого человека, который наверное не в силах понять, оценить ее и своим молчанием, должно быть наскучил ей.

Сидит, вынимает что-то из портфеля, кладет на тумбочку и как будто по принуждению говорит:

– Каныш, это тебе твоя апай передала.

Каныш не знает, что отвечать, на глаза набегают слезы радости и благодарности и он, стесняясь, отворачивается. Ему теперь уже кажется, что было глупо и неумно думать о том, что он ничтожен и ничего не значит, когда сама Назипа-апай думает и заботится о нем, сама послала мужа .чтобы проведать. Если бы не заболел, он был бы рядом с Алеке, рядом с теми, кто окружает его, наподобие звездных личностей, некогда окружавших Чингисхана, Кромвеля, Наполеона. Тогда бы Назипа-апай не пеклась заочно о несчастном, лежащем на больничной койке, тогда бы бездонные глаза ее были восторженно обращены на юного сподвижника самого Алеке.

Created by free version of 2PDF

И все-таки надо этому Нуреке сказать что-то такое, чтобы она, Назипа-апай знала, хотя бы о том, как порывы его достойны ее внимания. Нуреке же сидит и молчит. Сколько будет молчать - неизвестно, хотя вести беседу положено было бы, как старшему, ему. А Каныпу хочется сказать, многое сказать, да сказать так, чтобы хотя бы часть его сокровенных мыслей дошла до Назипы-апай. И Каныш не выдерживает:

– Нуреке, заболел я после того вечера. Как мудро, убедительно говорил тогда Алеке! Вместо того, чтобы быть: там, около него, помогать всеми силами, я лежу здесь... За что меня аллах наказывает...

– Каныш выздоравливай, думай... может быть, поймешь, что аллах тебя спасает... говорит Нуреке, как будто между прочим, как будто даже не особенно осмысливая, что говорит.

– Нет он меня наказывает! – сколько мог горячо сказал Каныш, в такое время не быть у знамени Алаш - это же несчастье, Нурмукан-ага!...

– Под знамя Алаш... А я вот не знаю, что такое «Алаш»? Даже стыдно... Может быть, ты знаешь, Каныш? Каныпу показалось, что Нургали шутит, но, посмотрев, увидел, что тот сидел, как сидел - ни один мускул не дрогнул на лице.

– Нуреке, ну как же... такое родное слова... - Родное то родное, но оно должно иметь точное значение. – Этого Каныш не ожидал. Он опешил и стал думать. И вдруг обнаружил что он тоже не знает, что такое «Алаш». Но слово было для него таким близким, что никак не верилось, что оно ничего не означает.

– Как же, Нуреке, это же наш легендарный предок...

– Какой предок, чем он отличился, что завещал? Как же так, Нуреке, ведь этим словом живет теперь весь казахский народ... То есть как живет? Как можно жить словом, значение которого не знаешь? Ты семинарию кончаешь - не знаешь, я в университете учился, хоть и не кончил - не знаю... А откуда неграмотный степной житель знает? Ты Абая много читал, вот он должен был бы знать, но он ни слова...

– Но ведь Алеке и все другие... Партия Алаш... Государство, автономия Алаш... Ержакип, Акжан воспевают... Султан-Махмуд даже гимн сочинил...

– Правильно, Алеке начитанней всех, видел больше всех, но ведь нам, каждому из нас, тоже надо как-то своей головой думать...

– Но ведь не глупые все... Тогда человек сорок-пятьдесят было... Сливки степей собрались... Все восторженно слушали... Все были воодушевлены...

Created by free version of 2PDF

– Правильно,.. Но подумай сам, говорил человек, выступавший в думе, вращающийся среди выдающихся русских людей, автор книг, написанных по-русски, оратор, владеющий знаниями и словом, и мы... эти, как ты говоришь, сливки, хоть нас и пятьдесят... Из собравшихся «сливок» лишь один Накип окончил Петербургский университет, да с тех пор уверовал, что все знает и оттого остался более невежественным, чем иной неграмотный степной житель, да Амирхан, златоуст, бросивший институт, ради спасения народа, да я, неудавшийся студент Казанского университета, а остальные бывшие семинаристы, выпускники медресе и двухклассных училищ... Что они могут противопоставить кругозору Букейханова?.. Вот и молчали... Все были заворожены, зачарованы соловьиным красноречием Амирхана и раздумчивой, глубинной мудростью Алихана. Не приведи аллах что-то сказать не в тон, да и пожалуй, необходимости не было.

– И все же... как же... такой большой человек... Впервые задумано объединить весь наш народ в отдельное автономное государство... У кого сердце не задрожит... – Каныша был вид ребенка, у которого вырывают из рук любимую игрушку.

- Цель действительно великая... Какой казах останется безучастным... Но к великой цели пути и думы должны быть дельными, подлинными, а не иллюзорными, мифическими, основанными на сказках и притчах. Пока же получается, что неизвестно даже под чье знамя становимся или собираемся стать. Стоит подумать теперь, что означает свое отдельное государство, то, что алашцы пока скромно называют «автономия». Конечно же, народ желает быть достойным своей земли, своих предков, он хочет быть действительным хозяином земли, унаследованной от отцов. Но, подумай, Каныш, какими хозяевами мы собираемся стать? Ведь землю и ее богатства надо использовать на благо людей, использовать так, как это делают государства и народы, овладевшие наукой и техникой... А мы ведем себя так, как будто, если на земле пасется скот, то лучшего и желать не надо.. А между тем по железной дороге на поездах, по Иртышу на пароходах ездить нравится, хлеб, взращенный не нами, едим, а с людьми, которые это все делают знаться не хотим. Народ не любил царя, не любил и не любит его чиновников и всех тех, кто к нему относится свысока. Но в подавляющем большинстве русские такие же люди, как и мы... И большая часть их сохранила к нам дружбу и приязнь, несмотря на то, что их веками натравливали на нас. А лучшие русские люди, ты их произведения читаешь, Пушкин, Белинский, Толстой, Достоевский и др., ни один из них

Created by free version of 2PDF

не проповедовал гордиться унижением других народов, в частности, и нас, казахов. И вот теперь мы говорим только о своем, отчуждаясь от людей, с которыми рядом живем, от людей, с которыми взаимно приросли интересами... - Каныш смотрел на Нуреке и удивился, что этот человек говорит о таких серьезных, волнующих вещах так тихо и спокойно, как будто вспоминает что-то былое, что-то не очень нужное и рассказывает об этом только для того, чтобы не сидеть молча. – И при этом создать свое государство... государство ... государство людей, которое ничего не умеют делать, кроме, как пасти лошадей и овец, да и в этой профессии преуспели лишь немногие, ибо в наших степях принято считать, что пастухи - самые никчемные люди, несмотря на то, что все мы кормимся лишь их трудом... государство людей, которое не знают, что такое созидать, строить, возводить, дома, дворцы, долговечные машины и орудия... государство людей, богатство которых может исчезнуть в один джут...

– Подумай, Каныш, – сказал он, сделав небольшую паузу, но не меняя тона. – Мне стало известно, что нашего брата - казаха с высшим образованием ныне не более двух десятков, среди них всего один инженер, пять или шесть врачей, остальные юристы и учителя.

Ты читал назидания Абая? Так вот Абай приводит, что даже джунгарский правитель, который сам недалеко от нас ушел, поучал султана Аблая, будущего хана, что ему, Аблаю, трудно будет объединить своих сородичей, ибо сородичи эти питаются дарами скотоводства, а не земледелия. Правильно поучал. Земледелие требует плуга, бороны и других орудий, которые связаны с развитием науки и техники, земледелия невозможно без оседлой жизни, только при оседлой жизни мыслимы систематический труд и истинное созидание...

– Нуреке, скажите прямо, вы не сочувствуете... вы против дела, возглавляемого Алеке? - спросил вдруг Каныш, не находя аргументов для возражений и в то же время не понимая, к чему клонит Нуреке, так безжалостно разрушая все то, чем жил в последнем время юноша.

- Нет, Каныш, я не против, но и не за... Я старше тебя, я не могу принять слишком серьезные вещи на веру... Я обязан думать. Я знаю, что ты умный парень и решил рассказать тебе о своих думах. Суди сам. И уж разреши, договорю.

- Спасибо, Нуреке, говорите...

- Вот алашцы создают будто армию... Смешно говорить о своей армии, не имея даже мастерских, где можно было бы выковать, хотя бы мечи... не имея понятия о том, как делаются винтовки, пулеметы, пуш-

Created by free version of 2PDF

ки... Каныш, нам надо учиться выходить в люди. Но сможем ли мы учиться, если будем враждовать с теми, у которых должны учиться и уже давно учимся... Я имею в виду русских, ведь больше не у кого учиться... А мы же еще по-настоящему не научились даже учиться. Вот в чем наша беда. Каныш, не обижайся, но приведу для примера тебя, чтоб было понятней, только учти, что я сам такой же, как ты, нисколько не лучше, ведь ты очень способный парень, а вот учишься на трояк с небольшим, оставаясь в ряду русских ребят со слабыми способностями. А почему бы тебе не учиться на пять? Ведь ты это можешь! Жунусбек, не менее способный, чем ты, тоже еле вытягивает до трех с половиной. Вся беда в том, что у нас, у всех нет навыков к систематическому, методичному труду, а есть наследственная беззаботность, склонность все делать рывками, желание заниматься, работать поменьше. Вот, ты, например, приезжаешь, к себе в аул на каникулы, блаженствуешь, не имея абсолютно никаких обязанностей, болтаешься ночами, выслеживая девочек, спишь до обеда и тебе непременно - хочется растянуть эту животную жизнь и тогда идет тобою же сочиненное и написанное письмо от киргиза Аккелинской волости Имантая его высокородию директору семинарии с нижайшей просьбой разрешить воспитаннику Габдул, Гани Сатпаеву еще побездельничать дней сорок, потому, что, видите ли, болеет мать... Было это, Каныш?

- Было.., вздохнул Каныш.

- Ты дома ничем не занимаешься, поэтому не имеешь навыков к обычным видам домашнего труда, оттого и подвергаешься в семинарии почти всегда дополнительным испытаниям по ручному труду... Верно?

- Верно... вздохнул Каныш, удивляясь осведомленности Нуреке о его учебе...

- Русские писатели когда-то писали с завистью о немецкой аккуратности, дотошности. Это русские завидовали немцам. А что говорить о нас, бездельничающих целыми аулами, поручив косяки воле природы и аллаха... Когда обо всем этом подумаешь, то – кажется, что пышные, велеречивые и нескромные тирады о любви к исконности, об укреплении самобытности - это призыв к сохранению отсталости и дикости... Петр Первый насильно бороды боярам отстригал не потому, что борода мешала чему-то, а потому, что она была символом отсталости, косности. А алашцы хватаются за все отсталое, за все, о чем напоминала боярская борода. Ничего путного с этого не получится, кроме, может быть, временного удовлетворения честолюбия отдельных лиц. Когда

Created by free version of 2PDF

кто-то берется за большое дело и хочет свершить его, не считаясь с совершенно отсутствующими возможностями, надеясь на какое-то чудо, это по-русски называют авантюрой... Мы, Каныш, талантливый, способный народ, мы все можем делать, всем можем овладеть... Но надо искать верные, продуманные пути, чтобы этот талант, эти способности проявились на собственное благо и чтобы мы вышли из того уровня полудикости, в котором прозябаем. Пути эти должны быть конкретными, точными, основанными не на иллюзорных, а на осязаемых, видимых условиях и возможностях... Словом, как русские говорят, семь раз отмерь, один раз отрежь...

Нуреке посмотрел на Каныша, как будто даже чуть улыбнулся, что, по-видимому, означало, что он сказал все, что хотел сказать.

– Ну, Каныш, утомил я тебя. Высказал то, что думал. Высказал только для тебя, потому что ты - думающий парень. Я это сам знаю, об этом говорила и Назипа. На лице снова появилась полуулыбка.

– Смотрю на тебя - от черного хлеба, да капусты тебе быстро не поправиться. В аул, на кумыс, на жеребятину, на вольный воздух надо ехать. Врач твой мне сказал, что у тебя легкие ослаблены. Надо их излечить... а великие дела впереди...

Он выздоравливал медленно, но все же выздоравливал. Тревоги, казалось, миновали. Ранее всех почувствовал это Имантай-аксакал. В тот ненастный осенний день, когда, внесли в дом вместо долгожданного сына живые мощи с необычайно большими и пронизывающими острыми глазами, такими же глазами, какими когда-то лет пятнадцать назад смотрела, сверля и прожигая душу, его молодая, мучительно и долго прощавшаяся с жизнью мать, ему старому и грешному, пережившему на своем веку немало смертей, подумалось, что мальчик притащился в родное гнездо умирать и что аллах, видать, сподобил пережить и эту смерть. Но сын выздоравливал, чтобы еще раз внушить ему, суетному и ропщущему, как всемогущ создатель и как милостям его нет предела.

Каныш выходил во двор и медленно прохаживался, дуя во всю щеку в морозный воздух и по-мальчишески следя за тем, как перед самым носом образуется и тут же тает белое облачко. Одет он был в волчью шубу, туго подпоясанную толстым бязевым кушаком, в лисью шапку - тымак, обут в большие теплые сапоги - саптама, как будто собрался весь день сидеть на морозе. Приходилось подчиняться воле матери Нурым-аже, для которой Каныш оставался все тем же неразум-

Created by free version of 2PDF

ным дитя, могущим, если не проследить, выбежать во двор, не приведи аллах, полуголым.

Каныш ходил и радовался всему. Радовался косому солнцу, неистово лившему сплошные потоки холодных лучей, которые, хотя и плохо, грели, но зато ярко светили, веселя слепящими серебрянными блестками и звездным мерцанием однообразную снежную белизну степей. Радовался он двум борзым, крутившимся у ног, радовался старому волкодаву Алыпсоку, который достойно стоял поодаль, обратив в Каныша глаза, говорившие, что он не какой-нибудь дрянной борзой и не станет выражать свою преданность и любовь назойливым маханием хвостом и готовностью облизать и обслюнявить, но он всегда, в случае повеления, готов выполнить, несмотря на годы, все в лучшем виде. Радовался он коровам, вышедшим из коровника, чтобы насладиться дневной жвачкой на солнце, выездным коням, весело пофыркивавшим на привязи. Радовался синим дымкам, выбивавшимся из недр снежных холмиков, в которые превратились приземистые зимовки аула от снежных заносов. Особенно он радовался тому, что вот прибежал неизменный друг - ровесник Жумаш, проводивший с ним теперь все свое свободное время.

Вышел отец. Услышав смех сына, подтрунившего над добродушно осклабившимся Жумашем, потеплел в душе, поблагодарил аллаха за его благодеяния, и решил, что в сегодняшнюю пятницу Каныш мог бы пройти до кладбища предков, чтобы обратить молитву признательности аруахам - духам их за заступничество и неусыпную заботу.

С пригорка, с зимовки Имантая-аксакала, как на ладони, видны зимние жилища братьев его Жамина и Зеина и других родственников, расположенные на том, восточном, пологом и низком берегу реки Ащису, а рядом рукой подать до родового кладбища. Они неторопливо, молча, с хрустом стуча сапогами, спустились по натоптанной тропе к занесенному снегом руслу речки и вышли на тот берег прямо у кладбища.

Каныш продолжал радоваться. Он теперь радовался тому, что вот идет за большим, грузным, высоким, надежным отцом, которому его семьдесят с лишним лет прибавили лишь седины и медлительности, нисколько не убавив стати и твердости в походке, а небольшие карие глаза на усыпанном оспинками темном лице смотрели по-прежнему остро. Отец шагал нарочито медленно и Каныш, несмотря на плотную одежду, не вспотел и не почувствовал усталости. Когда аксакал присел у того места, где по его рассказам лежит дед Сатпай-хаджи, Каныш

Created by free version of 2PDF

плотно подвернул под себя подол волчьей шубы, так, чтобы было удобнее и теплее сидеть, ибо знал, что молитва будет длинной и долгой. Потом перешли к братьям отца, к матери Каныша Алиме, и дальше к другим родным людям, нашедшим здесь покой. Читали молитвы вперемешку, то отец, то он, Каныш, читали:выбирая большие суры Корана, внятно, четко в ритме произнося слова из книги пророка. Аксакал не допускал здесь перед аруахами недостойной, суетной торопливости.

Уже вечерело, когда они, то и дело останавливаясь, стали подниматься к дому. Отец молчал, поглядывая на сына, что было, как знал Каныш, признаком того, что аксакал хочет начать какое-то серьезный разговор и все подбирает момент. Уже были у входа во двор, когда отец остановился, снял с правой руки большую овчинную рукавицу, потеребил пальцами усы и реденькую, рассыпанную по всему лицу бороду, снимая сосульки и сказав:

– Уа, аллах, милостивый и всеблагой, ниспошли благодать рабам своим... - присел на толстое бревно, лежавшее у ворот. Присел и Каныш. Затем он посмотрел на сына и продолжал:

– Человек у аллаха выпрашивает детей. Для чего? Для того, чтобы продолжался его род, упоминалось его имя, чтобы потомки его, вот так, как мы с тобой сегодня, Габдул-Гани, читали молитвы за упокой его души. Аллах твоего отца, сын мой, не обидел: дети, есть внуки, есть кому вспомнить, есть кому прочитать молитву, если всевышний призовет раба своего в лоно свое. - Аксакал удовлетворенно вздохнул и умолк. Каныш знал, что старик умолк ненадолго, что сейчас скажет что-то чересчур важное, ибо только в таких случаях вот так, издалека, подходил он к главному, густо обставляя это главное умными словами. – Так вот. Канышжан, когда ты тяжело заболел, я, грешный человек, усомнился в милостях аллаха и внутренне содрогался при мысли, что ты, мой мальчик, уйдешь из жизни, не оставив живого следа, что имя твое для тех, кто не видел тебя, будет пустым звуком. Но нескончаема божья благодать, ты выздоравливаешь. Тебе уже восемнадцать. Одиночество лишь одного аллаха украшало. Тебе пора, Канышжан, жениться. Старик снова умолк. Каныш тоже молчал, ибо аксакал терпеть не мог быстрых ответов, когда речь шла о серьезном и важном.

– Присмотрел я здесь, недалеко, одну девочку, отца ее, покойного, знал, хорошо знаю ее мать. Тебе она подходит. Недаром предки говорили: по посуде наедайся, по матери выбирай невесту, снова сделал паузу и продолжал: Аллах свидетель, как я хотел, чтобы ты учился.

Created by free version of 2PDF

Учился неплохо. Коран знаешь. Павлодарскую русскую школу кончил. Семипалатинскую большую русскую школу почти что кончил. Среди каржасцев, после Абикея так долго никто не учился. Но вот говорят: дай, аллах, вместо горы помыслов, стремлений и труда хотя бы с мизинец везения. Если на роду написано везение, ты учился достаточно, постиг многого. Но ты слишком увлекся книгами и от этого тяжело заболел. Я теперь не хочу терять сына из-за книг. Габдул-Гани, тебе довольно учиться, оставайся здесь, в ауле.

Аксакал посмотрел на сына, но с места не поднимался. Это означало, что он намерен сказать что-то еще. И то, что он хочет сказать теперь, могло быть важнее высказанного до этого. Каныш волновался, но выдавать волнение, проявляя таким образом слабость, сыну Имантая никак не подобало. И он молчал, сделанным спокойствием выражая на лице слух и внимание.

– Тяжелые, непонятные времена пошли, сын мой, – аксакал говорил раздумчивый, чем прежде неторопливо, разборчиво подбирал слова, как будто доставал их по одному откуда-то изнутри, из глубины. - Царя свалили, пошли какие-то комитеты, комиссары, много властей, каждой подавай денег, лошадей .каждой изъявляй преданность, а война продолжается... Наши казахи затеяли свою власть, мы, мол, алашцы... Но на кого и на что опираются, с кем тягаться хотят... Посмотрели бы на себя... Правильно, очень правильно твой семинарский учитель говорил. Мы - темный, совсем темный народ. От этой темноты уставились мы в хвосты своих лошадей, кроме этих хвостов ничего не видим, и ворожим на этих хвостах... Такой мы несчастный народ... – Старик тяжело, очень тяжело вздохнул.

– Я не верю тому, что говорил и что делает человек, которого ты почтительно называешь Алеке. И это неверие идет не от меня. От наших предков идет. Твой Алеке – это внук или правнук последнего хана Средней Орды Букея. Правда, ханом-то он был не очень настоящим. По слухам, царь рассердился на законного хана Валия, сына Аблая, пребывавшего в этом сане уже сорок лет, вот и решил престарелого Букея объявить тоже ханом. Ведь царь издевался над ними, как хотел. Вскоре оба старца преставились почти одновременно, на том ханство их кончилось. И тогда же вообще власть ханов упразднили. Тому, должно быть, век уже миновал. Твой Алеке, видать, гордится, что его предок, хоть и не долго, хоть и не настоящим, но все таки числился ханом, от того и громко «Букейхановым» нарекся. Всех тех, кто претендует на наследственную власть в степях, не перечесть. Это – торе,

Created by free version of 2PDF

чингизиды, берущие начало от самого Чингиса. Их расплодилось множество, желание сохранить в чистоте белую кость привело их к кровосмешению, к вырождению, измельчению, к умственному и духовному падению. Но что их отличает - это чванство, спесь и гнилое честолюбие. Говорят, что Алихан умный и ученый, но боюсь, что он не на благое дело увлекает таких, как ты, пылких птенцов, выпущенных в город, чтобы поучились у русских. А таких, как вы у нас совсем немного, и их всех ждет бесславие или гибель. И я трижды благодарен теперь аллаху, ниспославшему на тебя болезнь, чтобы спасти от позора. Ни один чингизид, кроме разве редких из них, не был настолько умным, чтобы утолять свое честолюбие, одновременно думая о благо народа. Поэтому мудрые руководители айдабульцев и каржасцев Шон и Шорман все усилия употребляли, чтобы быть подальше от чингизидов, от их притязаний. И нам завещали. Шона ты знаешь, Султанмахмуд, которым ты не нахвалишься - внучатый племянник его, а Шорман, ты его тоже знаешь, дядя моего друга Садуакаса, родоначальник наших соседей Шормановых. Надо быть подальше от торе, в том числе и от того, которого ты называешь Алеке. Абикей наш – легковерный мальчик, по их газете вижу, мелькает его имя среди них и напрасно.

– Ата, Бокеша, что вы сидите, Каныш продрогнет, идите домой, кушать пора, – сказала Нурым-аже, показываясь из-за ворот.

– Сейчас придем, – ответил аксакал и продолжал. – Теперь вот и Керенского свалили, новая власть пришла. Говорят будто это власть бедных. Шорманские пастухи зашевелились, теперь мол сами будем править и иметь то, что имели баи. Боюсь, к концу света приближаемся. И не зря. Жалко только, что люди погибнут из-за алчности богатых. Ведь бедный, человек, что дитя, судьба которого поручена богатому. Обращайся с ним хорошо, одевай, корми, он на твое богатство зариться не станет, будет преданно и верно служить тебе в ответ на твою человечность. Нас к гибели ведет не богатство отдельных людей, а их алчность, такие обирают бедных и превращают их в нищих, еще и издеваются над ними, топчут честь. Не внемлют словам Пророка, завещавшего помогать ближним своим. Живем рядом с Шормановыми и вижу, как многочисленные отпрыски покойного бия настолько зазнались, что никого, кроме себя, не считают людьми. Не слушаются разумных наставлений мудрого Садуакаса, думают, что старик выживает из ума.

Он сделал паузу, и будто выдавливая из себя что-то затаенное и больное, обратился к аллаху:

Created by free version of 2PDF

– Уа, аллах, прости и облагодетельствуй... Наш Бокеш тоже предан суетности. Боюсь за него. В нем неистребим червь зависти к Шормановым. Спит и видит себя волостным... Снова сделав паузу, аксакал продолжал:

– Как-то к Садуакасу приезжал Султанмахмуд и рассказывал о каких-то будто бы очень умных людях, которые полагают, что к власти должны прийти когда-то бедные и они разделят и богатство и все блага всем поровну и что такая жизнь будет называться сотсиалом. Плохо верилось, мало ли чего может начитаться грамотный мальчик в русских книгах... Похоже, новая власть метит в этот самый сотсиал. А будет то, что аллаху угодно. В жизни же породистый жуйрик останется породистым и будет забирать все награды и почести, а беспородный жабы останется беспородным, но тоже нужным для дела. А перед аллахом все люди равны. Добро и зло он держит на весу. Когда люди, попирая добро, вложенное в сердце каждого создателем, – идут за сеятелем зла иблисом, аллах наказывает их самих избытком зла. И оттого получаются кутерьма, когда все, что в человеке от иблиса - шайтана распаляется, сдерживающие узды рвутся, и тогда правый и обиженный творит несправедливостей и жестокостей больше, чем неправый и обижавший. Сколько мне, как бию, пришлось разбирать на своем веку таких дел. Боюсь, что теперь чуть не весь мир идет к этому. Впору бы и остановить. Но это в воле лишь аллаха. Слава аллаху, иблис не овладел нашими помыслами и мы не подбрасывали от себя лучину в этот страшный огонь. Разумный человеку – не бабочка, лезть на огонь мало чести: если чудом не сгоришь, жди худшего – жить в мучениях от стыда и раскаяния. Большая часть – суметь переждать. Бог наградит раба своего за сдержанность. Аксакал поднялся. Ответа он не ждал. Он знал, что сын не так глуп, чтобы расстраивать отца легкостью суждений.

До чего бездумным и легкомысленным юношей стал тогда, после болезни Каныш. Он выслушал аксакала, проникаясь гордостью, что имеет такого мудрого и прозорливого отца. Ему, привыкшему с почтением слушать отца и, покорно внимать его наставлениям, показалось, что впервые по-настоящему осознает и дивится тому, как этот почти не учившийся человек умеет так глубоко и логично толковать о разных сторонах жизни и так точно, убедительно выражать свою мысль. Это и взволновало и обрадовало его – сказанное аксакалом, не только не сбивало от радужного настроения, которое овладело им в эти дни выздоровления, а, наоборот, утверждало в нем это настроение, подводя под ощущение сладости бытия с ее беззаботностью и бездумностью такое

Created by free version of 2PDF

простое и такое надежное оправдание. И, конечно, же, самое разумное, что он мог бы теперь делать - это, как и прежде, хорошо исполнять наставления родителя.

Учиться, например, теперь не обязательно, надо жениться. Потешались они с Жунусбеком, пробуя, как звучали бы фонвизинские диалоги на родном языке, и как выглядел бы Митрофан, не хотевший учиться, а захотевший жениться, в байской юрте, теперь этим, степным Митрофанушкой становился он, Каныш, сам. И почему-то он от этого не чувствовал в себе никакой неуютности, а наоборот, предвкушал даже счастье, желанное счастье. Он не хотел больше той мимолетной, случайной близости, в омут которой бросило его непосильно тревожное томление, неудержимо горячей лавиной накатившееся на него в прошлую весну и которая тогда, не оставив в душе ничего, кроме опустошения и досады, раздражения и беспокойства, лишь усилила состояние неравновесия и безотчетного брожения. И теперь, выздоравливая, чувствовал, что к нему возвращается это глупое состояние, боялся его, и полагал, что только женитьба может снять с души и тела груз постыдных волнений, заглушить которые никак не удавалось, и думалось ему при этом, что стеснительная, преданная его девочка-жена и будет тем берегом, где обитают безмятежное наслаждение и ни от кого не скрываемое счастье.

Created by free version of 2PDF

Suketov universit

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая
Повести

1. Шесть писем другу 7
2. В орбите кочевок..... 249

Created by free version of 2PDF

suketov universit

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 26,5 п.л.
Тираж 500. Заказ № 45
Отпечатано в типографии ТОО «Арко»,
г. Караганда, ул. Ленина, 2.

Created by free version of 2PDF

uketov universit